М. М. ПРИШВИН

Дневники

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1990

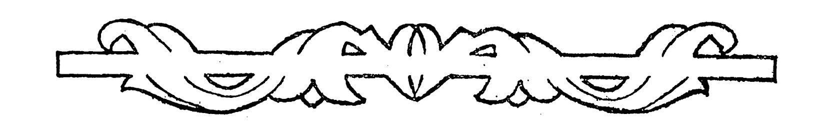
84 Р 7
П 75

Составление,
предисловие и комментарии
Ю. А. Козловского

П $\frac{4702010200-2152}{080(02)-90}$ 2152—90

ISBN 5—253—00121—2

Текст печатается по изданиям Пришвин М. М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1986; «Октябрь», 1989, № 7.

О МИХАИЛЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ПРИШВИНЕ И ЕГО ДНЕВНИКАХ

Человеческая жизнь тянется долго, а проходит быстро. Так же незаметно, наверное, промелькнули восемьдесят один год земного бытия Михаила Михайловича Пришвина. «Родился я в 1873 году в селе Хрущево, Соловьевской волости, Елецкого уезда, Орловской губернии, по старому стилю 23 января, когда прибавляется свет на земле и у разных пушных зверей начинаются свадьбы»[1],— говорит он на первых страницах своего автобиографического романа «Кащеева цепь». Эти места дали русской литературе много дорогих имен — Тургенева и Бунина, Никитина и Кольцова. Пришвину суждено было пройти долгий, насыщенный событиями путь, с необычайной полнотой отразившийся в его произведениях, особенно же в дневниках, которые писатель вел в течение всей своей творческой жизни и которые стали основой для лучших его произведений и имеют сами по себе большое художественное значение. 19 января 1952 года Пришвин записывает: «...Если очистить его <речь идет о дневнике.— *Ю. К.*> от неудач, и так бы сделать лет за десять, и очищенное собрать в один том, то и получится та книга, для которой родился Михаил Пришвин».

Раннее детство будущего писателя прошло в имении родителей, принадлежавших к купеческому званию; отец его рано умер, наполовину разорив это маленькое имение и оставив жене массу долгов, на погашение которых ей пришлось потратить много сил и лет. «Я был еще совсем маленьким, когда умер мой отец, и до того еще был неразумным, что событие смерти отца <...> не переживал глубоко. Если теперь говорю, что жалею отца, то не его именно жалею, а того отца, кто мог бы своим вниманием указать мне в жизни истинный путь. Всю жизнь я чувствовал недостаток такого отца, и, как кажется, в своих скитаниях и по земле, и по людям, и по книгам я искал себе такого отца-наставника»[2]. Конечно же, вся забота по воспитанию детей и ведению хозяйства легла на мать будущего писателя, которую в семье шутливо звали «маркизой».

Гимназические дела Миши Пришвина шли неважно, он оставался на второй год, ко времени его обучения в гимназии относится

---

[1] Пришвин М. М. Собр. соч. В 8 т., 1982—1986. М.: 1982. Т. 2. С. 12. Далее ссылки на произведения писателя даются по этому изданию.

[2] Пришвин М. М. Т. 2. С. 13.

побег с товарищами из дома в «Азию»; наконец, он был исключен за дерзость учителю из четвертого класса. Получилось так, что реальное училище будущий писатель оканчивает уже в Тюмени, где живет его дядя, крупный промышленник; затем он поступает в рижский политехникум, на химико-агрономическое отделение.

Купеческое происхождение и родственные связи с российским капиталистом не помешали молодому Пришвину принять активное участие в работе революционного марксистского кружка, за что в 1897 году он был арестован и некоторое время провел в одиночной камере митавской тюрьмы. Сам писатель позднее скептически оценивал свой конспиративный опыт: «Мое положение в подпольной работе было почти как положение слепого на военной стрельбе. Я был чрезвычайно доверчив, влюбчив в человека, не умел вовремя догадываться о нужном, когда все молчат, плохо выдерживал в себе мысль, болтал»[1]. Вообще же процесс созревания, окончательного формирования, «вочеловечивания» был у Пришвина долгим и завершился лишь в годы первой мировой войны. Это чувствуется и по стилю дневников — он становится более лаконичным, сдержанным, точным, не изобилует больше передачей смутных эмоций и отточиями. «Столько пришлось пережить, что как посмотришь на себя тех времен до войны, до революции,— не я, а бедное дитя блуждает там где-то в мареве» (дневниковая запись от 20 июля 1915 года).

Отбыв двухгодичную ссылку на родине, Пришвин едет за границу, в Германию, где оканчивает агрономическое отделение философского факультета университета в Лейпциге. К этому времени относится важнейшее событие в жизни будущего писателя — его встреча с русской студенткой, Варварой Петровной Измалковой, имя которой читатель так часто встретит на страницах дневника Пришвина и которая под именем Инны Ростовцевой выведена в романе «Кащеева цепь». Возможно, именно этой любви, верность которой Пришвин хранил почти сорок лет, мы обязаны рождению писателя: стремление утвердиться в жизни, стать достойным любви стали одним из важнейших стимулов, побудивших Пришвина взяться за перо. «Женщина протянула руку к арфе, тронула пальцем, и от прикосновения пальца ее к струне родился звук. Так было и со мной: она тронула и я запел»[2]. Однако на самом деле все было не так просто: ведь между разлукой с любимой и началом писательской деятельности Пришвина прошли три года, легло немало событий...

После окончания учебы в Германии будущий писатель возвращается в Россию, работает агрономом в Клинском уезде Московской губернии. «Я был совершенно один,— вспоминал Пришвин во все той же «Кащеевой цепи»,— я погас и заболел непонятной мне душевной болезнью. Корни этой болезни, несомненно, питались мучительной и неудавшейся любовью к исчезнувшей невесте»[3]. Появился страх перед одиночеством. Пришвин сходится с простой крестьянкой Ефросиньей Павловной Смогалевой, ставшей на десятилетия его спутницей жизни и верным другом (в дневниках писатель называет ее «Павловной»). Но любви не было, и вновь испытать ее Пришвину довелось уже на склоне дней, после встречи с Валерией Дмитриевной Лебедевой, впервые появившейся в его квартире в качестве помощницы-секретаря от Литературного музея. Забегая вперед, ска-

---

[1] Пришвин М. М. Т. 2. С. 462.
[2] Пришвин М. Сказка о правде. М., 1973. С. 67.
[3] Пришвин М. М. Т. 2. С. 465.

жем, что, будучи моложе писателя, она на много лет пережила его и стала неутомимым пропагандистом и исследователем творчества Пришвина, автором книг о нем [1].

Первый рассказ Пришвина «Сашок» был опубликован лишь в 1906 году. Вот как рассказывает о начале своего писательства он сам: однажды на глухом полустанке, терзаемый одиночеством и тоской, «...от скуки, только от скуки я выдумал себе немного пописать: взял лист бумаги, и стал писать какие-то воспоминания своего детства. И вдруг увлекся: радостное волнение впервые охватило меня, и я не заметил, как пробежали томительные часы ожидания. <...> Тут-то я опомнился, и радость моя стала еще больше: я понял, что совершилось величайшее открытие в моей жизни,— мне теперь нечего бояться себя и своего одиночества»; «Теперь я только и ждал, чтобы остаться наедине, затвориться в себе и, в самом себе разгораясь, выходить из своего одиночества в широкий мир» [2].

Когда было опубликовано первое произведение начинающего литератора, он был уже тридцатитрехлетним человеком, успевшим пройти определенную жизненную школу. Для такого резкого перелома во всей жизни нужна была известная смелость и решительность, и, хотя дарование писателя было признано сравнительно быстро, Пришвину пришлось пережить немало трудностей, прежде чем он занял прочное место в литературе.

Почти сразу его творчество оказалось связано с природой, любовь к которой провела писателя почти по всей нашей стране; и каждое путешествие, каждое яркое впечатление, будучи художественно преломлено в мировосприятии автора, нашло отражение в его дневниках и книгах. Так, о путешествии Пришвина на русский Север по сохранившемуся почти в первозданном виде Выговскому краю мы узнаем из его первой книги «В краю непуганых птиц» (1907), еще носившей подчеркнуто документальный характер этнографического свидетельства, но в которой уже ясно видно и незаурядное литературное дарование автора, особенности его индивидуального стиля — точность и яркость языка, живость и достоверность созданных образов. Окрыленный успехом своего первого крупного произведения, писатель предпринимает новую экспедицию — в Карелию и Норвегию,— в результате которой появляется книга «За волшебным колобком»; азиатским степям Пришвин посвящает свою повесть «Черный араб», Дальнему Востоку, на котором он побывал, будучи уже шестидесятилетним человеком,— повесть «Женьшень». Пришвин очень гордился высокой оценкой, данной Александром Блоком его первым произведениям: «Это, конечно, поэзия, но и еще что-то». По материалам дневников видно, что Пришвин выделял Блока из среды символистов, в круг которых он некоторое время входил, необычайно, по его мнению, далеких от народа. «Последние русские символисты, даже те, которые брали материалы из русской этнографии и археологии (Ремизов), лишились восприятия действительной жизни и очень мучились этим <...>. Непосредственное чувство жизни своего (страстно любимого) народа совершенно их покинуло. И всегда символисты меня этим раздражали, и был я с ними потому, что натуралисты-народники были мне еще дальше» (дневники, 27 июня 1921 года). И символистам Пришвин пришелся не ко двору.

---

[1] См., например, ее книги: «Пришвин в Дунине». М., 1978; «Круг жизни». М., 1980; «Путь к Слову». М., 1984.

[2] Пришвин М. М. Т. 2. С. 470—471.

В своей рецензии 1913 года видная представительница русского символизма Зинаида Гиппиус назвала писателя «легконогим и ясным странником, с глазами вместо сердца»[1]. И Пришвин помнил этот упрек и через двадцать лет, обосновывая право своего творческого метода на существование, писал (по понятным причинам не упоминая эмигрировавшую Гиппиус): «Свойство Пришвина исчезать в своем материале так, что сам материал, материя, земля, делается героем его повествования, было отмечено в самом начале одним удивленным критиком, назвавшим Пришвина *бесчеловечным* писателем. Этот, конечно, незаурядный критик, очевидно, имеющий в виду эллинский идеал искусства воссоздания человеческой личности, не мог себе представить равноценность воссоздания самой священной материи, в которой зарождается эта личность»[2]. А в дневниковой записи от 6 октября 1952 года Пришвин отмечает: «Думал о Гиппиус, в то время я тоже хотел писать изысканными фразами, готовить их, запоминать. И сам не знаю, как это Бог спас меня от такой беды!»

С первых же произведений обозначилось своеобразие дарования Пришвина — он не умел придумывать, сюжетное построение не давалось ему, и вместе с тем он умел опоэтизировать самую простую окружающую действительность. Чего стоит одно выражение его «серые слезы весны», проводимое им разделение весны на этапы — весна света, весна воды, весна первой зелени, весна человека. «Я пишу для тех, кто чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни и страдает оттого, что сам не в силах схватить их»,— отмечает писатель в дневнике, который и стал основой для многих его произведений. «Больше всего из написанного мною, как мне кажется, достигают единства со стороны литературной формы и моей жизни маленькие вещицы мои, попавшие и в детские хрестоматии. Из-за того я их и пишу, что они пишутся скоро, и, пока пишешь, не успеешь надумать от себя чего-нибудь лишнего и неверного. Они чисты, как дети, и их читают и дети, и взрослые, сохранившие в себе свое личное дитя»[3].

Пришвин был мужественным человеком. Об этом говорят его дневники, в частности дневники печально памятного 1930 года[4]. Хранить дома бумаги, в которых весьма критически оценивается деятельность Сталина и его клики,— на это решались единицы. 8 июля 1949 года Пришвин посещает опального П. Л. Капицу, крупнейшего советского физика, отстраненного от научной деятельности, смело говорившего и писавшего то, что считал правильным и ставшим личным врагом Лаврентия Берии[5]. И в тридцатые, сороковые, начале пятидесятых годов Пришвину удалось сохранить свой лирический стиль, свою «аполитичность», воспринимаемую как вызов. 15 октября 1936 года он записывает в своем дневнике: «То место, где я стою,— единственное, тут я все занимаю и другому стать невозможно. Я последнюю рубашку, последний кусок хлеба готов

---

[1] Крайний Антон. О «Я» и «Что-то».— «Новая жизнь», СПб., 1913. № 2. С. 168.

[2] Пришвин М. М. Т. 3. С. 7—8.

[3] Пришвин М. М. Т. 2. С. 450.

[4] См.: «Октябрь», 1989, № 7, с. 140—182, а также данное издание.

[5] Капица П. Л. Из воспоминаний. В сб.: Пришвин и современность. М., 1978.

отдать ближнему, но места своего уступить никому не могу, и если возьмут его силой, то на месте этом для себя ничего не найдут и не поймут, из-за чего я бился, за что стоял». Пришвин не принял формулы «социального заказа» в творчестве писателя, по духу своему он был гуманистом, «абстрактным гуманистом», что еще десятилетие назад считалось если не преступлением, то непростительным заблуждением.

Несколько слов непосредственно о дневниках писателя. 4 мая 1951 года Пришвин подвел итог своему творчеству; он записывает: «...Я главные силы свои писателя тратил на писание дневников». Что звучит в этих словах — простая констатация факта или же сожаление, что вместо писания художественных произведений творческие силы растрачивались на писание дневников? Можно смело сказать, что сожаления здесь нет, ибо дневники Пришвина — также результат художественного творчества, которое и сам писатель оценивал высоко. 10 июня 1940 года он отмечает: «Я долго учился записывать за собой прямо на ходу и потом записанное дома переносить в дневники. Все написанное можно потом складывать, но только в последние годы эти записи приобрели форму настолько отчетливую, что я рискую с ней выступить.

Я не первый, конечно, создатель этой формы, как не я создавал форму новеллы, романа или поэмы. Но я приспособил ее к своей личности, и форма маленьких записей в дневник стала больше моей формой, чем всякая другая».

В публикуемых дневниках Пришвина читателя может удивить почти полное отсутствие упоминания о его современниках, людях, встречавшихся на его жизненном пути. Это закономерно. Дневники — это неотъемлемая часть творчества писателя, главным героем которого была русская природа; но не следует думать, что природа интересовала писателя сама по себе, без связи с жизнью человека; тогда его произведения имели бы лишь познавательную ценность, ибо только наука изучает вещи и явления в их собственной сущности: природа в произведениях Пришвина взаимодействует с человеческой душой и обладает нравственной ценностью. «Почему я все пишу о животных, о цветах, о лесах, о природе? Многие говорят, что я ограничиваю свой талант, выключая свое внимание к самому человеку.

Я думаю на основании долгих наблюдений, что талант отчасти — это и есть способность себя ограничить и в бесконечном мире наблюдений и чувств выделить вниманием сродное тебе, его выразить самобытно и тем самым установить свою связь с людьми.

Итак, я нашел для себя любимое дело: искать и открывать в природе прекрасные стороны души человека. Так я и понимаю природу, как зеркало души человека: и зверю, и птице, и траве, и облаку только человек дает свой образ и смысл»[1]. Но у природы есть и другая сторона: это среда формирования человека. Полемизируя со словами Горького, содержащимися в предисловии к его собранию сочинений, Пришвин пишет: «Горький увлекается мыслью, что человек — хозяин земли. Это хорошо. Но дальше, что без человека нет и мира, что финских камней нет без карела, и пустыни нет без араба,— это уж лучше бы не говорить. Да, как будто, если думать логически,— нет, но тоже логические люди говорили, что

[1] Пришвин М. М. Собр. соч. В 6 т. М.: ГИХЛ, 1956—1957. Т. 3. С. 761.

финская угрюмая природа определила душу карела, и пустыня сделала араба, эта пустыня через араба сказала нам свое слово»[1].

А вот что писал Горький в письме Пришвину о его творчестве (неотъемлемой частью которого, напомним еще раз, являются дневники): «Ни у кого <...> не находил я такой всеохватывающей, пронзительной и ликующей любви к земле нашей, ко всему ее живому и — якобы — мертвому <...> И когда я читаю «фенологические» домыслы и рассуждения Ваши — улыбаюсь, смеюсь от радости,— до чего изумительно прелестно все у Вас! Не преувеличиваю, это мое истинное ощущение совершенно исключительной красоты, силою которой светлейшая душа Ваша освещает всю жизнь, придавая птицам, травам, зайцам <...> какую-то необыкновенную значительность и оправданность»[2].

Объем дневников Пришвина велик, и полностью они до сих пор не опубликованы. В них содержатся размышления писателя о мире, людях, природе, афоризмы — 12 июля 1943 года: «У человека на свете есть две радости: одна — в молодости выйти из дома, другая — в старости вернуться домой»; 19 декабря 1939 года: «Смерть — это налог на живого человека в пользу будущей жизни»; — поэтичнейшие фенологические заметки. Читателя ждет знакомство с историей становления писателя как личности и более глубокое постижение самой этой личности. Но на легкое чтение рассчитывать не следует: как предупреждала В. Д. Пришвина в предисловии к сборнику лирических дневниковых записей писателя «Незабудки» (М., 1969), «Дневник — это форма художественного творчества, чрезвычайно трудоемкая как для писателя, так и для читателя».

Ю. Козловский

---

[1] Пришвин М. Записи о творчестве. // В сб.: «Контекст 74». М.: 1975. С. 333.

[2] Горький М. Собр. соч. В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 476.

Дневники

1905

Что было бы, если бы я сошелся с той женщиной *. Непременное несчастье: разрыв, ряд глупостей. Но если бы (то было бы чудо) мы устроились... да нет, мы бы не устроились.

Я люблю тень той женщины и не знаю, мог бы узнать на улице или нет. Я по привычке всегда ищу ее глазами в петербургской толпе, но никогда не нахожу. В последнее время я раза два встречал на Невском женщину в черном, очень похожую на нее, необыкновенно похожую, но, кажется, чуть-чуть выше. Впрочем, я мог бы ее найти и очень просто. Но я этого не делаю. Для чего? Это значит не признавать настоящего, а мне подчас кажется, что я свой minimum спокойствия, похожего на частицу счастья, сковал с громадной энергией и мужеством; так я думаю иногда, но иногда считаю эти мысли самообманом, иллюзией без которой не могу жить.

Теперь мне 32 года, но я решительно ничего не имею. Время от времени меня влекут мечты, но они проходят, а пустое место заполняется снова. Но она мне сама говорила, что не стоит меня, она была искренна со мной так, как ни с кем. Я читал ее дневники, заветные, никому не открытые думы. Я ее знаю больше, чем они...

Через год после нашей встречи в Париже я сошелся с крестьянкой, она убежала от мужа с годовым ребенком Яшей. Мы сошлись сначала просто. Потом мне начала нравиться простота ее души, ее привязанность. Мне казалось, что ребенок облагораживал наш союз, что союз можно превратить в семью, и подчас пронизывало счастливое режущее чувство чего-то святого в личном

совершенствовании с такой женой. Я научил ее читать, немного писать, устроил в профессиональной школе, так как не ручался за себя. Она выучилась, но продолжала жить со мной, у нас был ребенок и умер. Теперь скоро будет другой. Яша вырос, стал хорошим мальчуганом, я его люблю. Я привык к этой женщине. Она стала моей женой. Но, кажется, я никогда не отделаюсь от двойственного чувства к ней: мне кажется, что все это не то, и одной частью своей души не признаю ее тем, что мне нужно, но другой стороной люблю.

Четыре года тому назад в начале апреля 1902 года в Париже меня познакомили с молодой девушкой В. П. И. Она очень ласково со мной заговорила о чем-то, но нас сейчас же позвали обедать вниз. Мы побежали быстро с ней по лестнице и веселые, смеясь, сели рядом. За столом было много пансионеров, и мы могли, не стесняясь, тихо болтать по-русски. Среди французов, сухих и, кажется, очень буржуазных, так было интимно приятно чувствовать себя русским. На столе, кажется, стояли какие-то красные цветы. Я потихоньку оторвал большой красный лепесток и положил ей его на колени. Ей, кажется, это понравилось, она мило улыбалась. Несколько дней спустя я был в театре с нею в одной ложе. В антракте мы с ней о чем-то говорили. Между прочим, она сказала, что не могла бы жить в России в деревне. Я удивился: а наша литература, а наши мужики, неужели это не может примирить с деревней. Кажется, я сказал тепло, хорошо, она ласково на меня посмотрела и молчанием сказала, что согласна. Я ее провожал на Rue d' Assise. Она меня просила показать ей Jardin des Plantes завтра. Мы условились встретиться в Люксембургском саду у статуи. В парке все зеленело, апрельское солнце грело, дама кормила птиц крошками хлеба. Я внимательно смотрел на даму и птиц. В. П. подошла ко мне розовая; с розовым бантом, маленькая. Мы пошли. В саду я философствовал, что-то говорил о Канте и объяснял естественноисторические коллекции. Было приятно вместе. Мы встречались еще несколько раз. Однажды, я помню, мы ехали в конке. Пришел громадный рабочий в синих широких штанах. Он был усталый, потный. Дамы вынули платки и, зажав носы, вышли на площадку. В. П. тоже вышла. Когда ушел рабочий, В. П. вернулась. Я сказал ей, что она поступила нехорошо, что я так не сделал бы, но я демократ

и не пример, но если бы я был аристократом, то еще более не смог бы себе позволить так оскорблять рабочего. Она на меня внимательно посмотрела. Потом сильно покраснела и, смущенная, удивленная, сказала: я не думала, что вы такой глубокий. В этот момент она мной увлеклась, а я ее безумно полюбил. Я ее так полюбил, навсегда, что потом, не видя ее, не имея писем о ней, четыре года болел ею и моментами был безумным совершенно, и удивляюсь, как не попал в сумасшедший дом. Я помню, что раз даже приходил к психиатру и говорил ему, что я за себя не ручаюсь.

Через несколько встреч после случая в конке у нас вышло какое-то недоразумение. Кажется, она нашла что-то обидное в моей записке к ней. В результате оказалось необходимым для нее и для меня объясниться. Мы встретились в день отъезда А. И. К <аль> в Лейпциг. Кто-то принес А. И. громадный букет роз на прощанье, и я увидел ее с этими розами с удивительно милым ласковым лицом. Мы молчали, дожидаясь отъезда А. И. Но без слов так много говорилось, ожидалось. Я чувствовал, что скажу все, что я должен сказать, что здесь в Париже на свободе и нужно быть свободным. И настоятельность и значение признания росли с каждой минутой. Поезд тронулся, мы остались одни. На площадке омнибуса мы молча стояли и не решались говорить. Между нами был большой букет роз, но они не пахли. «Не пахнут розы»... «Ну говорите же»,— сказала она... И я ей все сказал, бессвязный бред о любви, просил ее руки. Она была в нерешительности. Мы сошли с конки, был сильный дождь. Я все время без перерыву ей говорил, клялся, что люблю. Она молчала. Когда пришли к воротам, она меня расцеловала неожиданно, быстро. «До завтра,— сказала она.— У статуи. При всякой погоде».

Утром она пришла ко мне на квартиру и дала письмо; там было написано: я вас не люблю... Но ее лицо говорило другое, она чуть не плакала. Мы пошли в ботанический сад. Простились в Люксембургском саду, я плакал, она меня целовала. Я в тот же день уехал в Лейпциг и поселился на старой квартире. Через день А. И. приносит письмо из Парижа, которое оканчивалось: судите меня... Я с экспрессом в Париж. Мы снова у статуи, молчим или говорим пустяки, ходим в Люксембургском музее под руку в толпе, среди прекрасных

мраморных фигур. Пароход на Сене. Большой зеленый луг, парк, кажется, Булонский лес. Мы высаживаемся на луг, идем под руку, она говорит: и так вот будем всю жизнь идти вместе... Дальше пока еще тяжело писать. Я пропускаю... Мы расстались почему-то на кладбище: сидя в густой зелени, на могильной плите, мы без конца целовались. Я помню, нас немного смутили две старые набожные женщины в черном.

Мы писали, но потом перестали. Через три года я получил от нее письмо, она назначила мне свидание. Я по ошибке пришел на другой день после назначенного, опоздал, и она уехала в Париж. Мне сказали, что она была невестой берлинского профессора, любила его, но перед свадьбой отказала. Вот в это время я и получил от нее письмо.

*1907—1908—1909. Хрущево**

24—25 марта. Лебедянь. День размылся. Все плывет, расползается. Посты в Лебедяни: интеллигенция ест мясо, но пить бросает — из гигиенических целей. Звон. Раскачивают колокола. Мужик в тифу поехал из больницы, боясь разлива реки. Боязнь разлива. Значение разлива. Любовь русского человека смотреть на ледоход. Весна без исхода: так все расползается.

27 апреля. День свежий, но светлый и звонкий. Ветки берез не колышутся. Крапчатые зеленые бабочки сидят на тонких ветвях.

Огородники с бабами свеклу сажают. Мороз был. Большой мороз, сырая земля от мороза. Зарею был. Мороз теперь всегда по зорям бывает. На земле лежит, а наверх на ветки не смеет подняться. Потому: хорошо, если прикрыли розы. А почкам ничего. Так бывает мороз до Ивана Богослова. А впрочем, и в петровки случается, случается и огурцы побьет.

Я забыл помянуть: какая бывает весной ночь перед морозом. Вышел вчера на балкон, и вот звезды... Глянул и заблудился там, на небе... Холодно... А я не могу оторваться... Что-то они значат... Что-то такое в них есть... Это великая семья не просто так... И только тут, в деревне, бывают вечера, когда одни звезды хозяева... В городе каменные углы на домах... А тут это ночное поле одно... Все остальное чуть виднеется...

28 апреля. Вечер... Иду по валу к лесу... к тому месту... Становлюсь там... Солнце садится... Между холмами внизу тишина... Каждое дерево хранит тишину... березки растут группами... Всегда на закате тишина. Жнивье красное... Все ожидает: что это значит... Мир становится тайной... птицы молчат...

Если мир есть тайна... Если принять эту тайну, то нужно о ней молчать... Нужно решиться никому никогда не сказать о ней. Принять в себя и жить по ней, но молчать...

Солнце скрывается за холмом... Лес темнеет... Я поднимаюсь выше... Опять солнце садится... Я еще выше поднимаюсь, оно садится... все садится... Широкая тополевая аллея, она, пожалуй, по замыслу должна бы быть лучше нашей... Но нет... И весь Ростовцев сад нет... И совещались со святыми, и поливали водопроводом, и вырос сад, но все-таки жить в нем не хочется...

Я поднимаюсь все выше и выше и, наконец, вступаю в аллею... прохожу по террасе, оглядываюсь назад... Солнце село... Я пропускаю немного и возвращаюсь... И вот начинается таинственный вечер... Сеть черных стволов на красном. Соловьи запели. Решено: мир принят, как тайна... И я ступаю еле слышно... я боюсь нарушить тайну... И все сильнее и сильнее поют соловьи... Таинственный мир принят... Сажусь на лавочку, и такие мягкие волны идут от меня... Вечерняя птица Сарыч порхает от черного дерева к черному дереву... И припадает к земле... Опять вспорхнет... И пропадет на суку... И так долго, долго гаснет заря... И потом в комнате... видно, как все темнеет и темнеет сад снизу... Как снизу поднимаются тени... И еще долго горит огонь зари... и все у́же и у́же. И совсем темно...

30 апреля. Такой чудесный вечер... ходил и на конец аллеи, и на вал... Соловьи поют... На березах зеленые птички. Но тут такая глубокая тина... Хорошо только слушать треск лягушек. Вечером на балконе какие извечные трели все выше и выше... и на самой высоте... на секунду смолкает и снова: рю-рю-рю... Черный памятник где-то снизу в темной долине, и вечно горит негасимая лампада, и вечно: рю-рю-рю... Соловей сказал было... но на полуслове смолк. Вот эти повыше. А те пониже. Это в Ростовцевом... Нет, это только так кажется, они в нашем... Любители ценят трели лягушек выше

соловьиных... И тянет неудержимо слушать... И страшно отдаться: покой мировой...

Экзамен был вчера в школе... За столом Ив. Мих., о. Афанасий... Способный мальчик (эти не выдадут!)... будущий революционер... чем другим он может быть? Он загорается мозгом от вопросов, и бесконечна глубина и сила его ответов... он ввязывается, как на борьбе... любопытно глядит и загорается, любопытно-весело глядит и вспыхивает... И потом девочка, глаза черные... кто они будут здесь... революционер мужик и горничная-проститутка?.. Но есть их какие-то знаки на небе... И вспоминается звездная ночь... Этой ночью должны вспомниться эти загорающиеся глазки... Этой ночью можно поверить, что на земле живут небесные знаки...

Пустился по зеленым холмам. Жаркий день... Сколько фиалок! Все принялось зеленеть... Бежал и думал о том, что нужно ценить себя... нужно знать свою огромную ценность... этого они не знают. И еще думал о Гоголе, о его богоискательстве... о том: нельзя ли все, что я видел и пережил, унести дальше нашей родины... ведь где-то есть общая родина, и наша родина есть только часть той... И еще: нужно, быть может, действенно устремляться в другой плоскости, чем та, в которой лежит тайна.

Мужик теперь весь пропитан, азиатом глядит... Вот, вот лопнет все. Бог остарел, на печке лежит... Мужик теперь весь напитался.

Горлинка на ясени. Сходил по валу к лесу. Опять солнце садится... И чудится мне душа усложненная, далекая, которая живет на высоких ярусах и подходит сюда... И как тогда все это покажется?.. Земля обетованная... И вот этот мужик, который там пашет, и все это... В кустах: две горлинки гулькнули возле вишняка и вспорхнули... и такой нежностью благородной... сели на ясень... две... ближе подлетели... облако большое свободное, налитое белое подошло к ним... они стали под крыльями чесать... загнет голову под крыло и ущипнет... и еще... и так часами и все облако... и черемуха зеленая... и так они уснут на ясени...

Прогулка в лес: когда-то я написал в своей книжке от души «на границе природы и человека нужно искать

Бога». И вот теперь даже об этой, кажется, искренней фразе не могу сказать: подлинная ли она. Вообще, если говорить о самом Боге, то никогда нельзя знать, о нем ли говоришь... Чтобы сказать о Боге, нужно... очень многое... Бога нужно прятать как можно глубже...

Земная жизнь сама по себе есть любовь и убийство, а стремление человеческого сознания — устранить убийство и оставить одну любовь.

2 мая. Встал до восхода солнца... и встретил солнце вместе с птицами. Удод. Верхушки лип. Опять навязывается мне сравнение с обедней, с великим торжеством. В момент появления солнца вдруг стало холодно и, главное, трава влажная глянула по-своему...

3 мая. Утро 3 часа. Черный сад... Чуть светлеет, но еще кружатся над террасой летучие мыши, еще ухает сова... Соловьи запевают. Перепел кричит. Кукушка проснулась и смолкла. Горлинка проснулась и смолкла...

Я — частица мирового космоса... Я ее чувствую, я ее наблюдаю, как с метеорологической станции...

Эту частицу, которая сшита со всеми другими существами, я изучаю. Швы болят еще... Это еще мешает наблюдать... Но настанет время, когда все будет чистое сознание...

Не скоро это...

Какое широкое море! Что, если оно взволнуется или стихнет совсем. Что, если парус повиснет... Если взволнуется — жизнь моя три дня...

Весна — болезнь... Я чувствую только боль, я не чувствую ни малейшей радости...

Но меня охватывают радостные волны предтечи сознания. Предчувствие того дня, когда я наконец пойму то, что было, когда мое сознание сольется со всем миром...

Ведь майская заря для всех... Ведь эти соловьи звучат на весь мир. Недаром же этот хор в саду напоминает мне церковь.

8 утра. Сад черный, но кое-где уже сели на яблони зеленые птички, протянулись от липы к липе зеленые ожерелья, старый ильм одевается, под березами сень... На валу ивы цветут и пахнет теми дудочками, которые мы делали в детстве из коры ив. Всюду светлые изумруды...

В груди неопределенное сладко-больное волнение... Высочайшие надежды поминутно сменяются черными ожогами.

Правда, есть что-то похожее во мне с наблюдателем на метеорологической станции...

Кулачные бои... Существуют до сих пор в родных местах. Идут стена на стену, деревнями. Начинают маленькие мальчики... Бывает, мальчик крепкий, как каган,— целую стену переваляет. Под конец старики бьются... Задорно... Терпеть нельзя. Это не от злобы. Это спорт. Потом везут человек 15 в Красный Крест.

— Я думаю,— говорит мама,— это давно прошло, это в детстве было...

Ты думала, мир все к лучшему меняется, а он все такой же...

Прошу снисхождения у читателя за форму моего рассказа. В нем нет выдумки, нет умышленных положений и западней для того, чтобы поймать читателя. Я раскрываю душу поэта, как могу, как удалось мне самому проникнуть в нее. У меня нет вымысла, я изображаю подлинную жизнь, русскую повседневную... но я уношу ее в вечно далекие пространства.

2 мая. Несколько палаток из Ельца... В одной знакомые лица: Захар. Еще одно знакомое лицо... Мужики левшинские... Ясные сапоги... Пиджак... Зеленые платья и кофты. Две шляпки... Восковая красавица. Картузы пожилых, из-под них горбатый нос, насмешливо-угрюмые глаза с выражением: глянет — и борозда, глянет, будто пашет черное поле... глянет — и борозда.

Как все переменилось!

Как все переделались... Все на господ переделались. Приехал бы кто, так и не узнал бы: скажет, другой народ!

— Здравствуй, Стефан!

— Я не Стефан. Стефан помер, я молодой...

Приезжает зять Самойлин на четверке с серебряной сбруей... Мужик этот появляется раз в год, у него много лошадей (извоз), направо и налево кланяется... Появляется дедок в дипломате.

— Перепела кричат везде, и у нас за гумном есть хорошенькие... На хуторе две уточки живут...

Покупаю ему подсолнухов, пряников для детей, рассказываю про щенка, веду к щенку...

Подходит сын его Никишка — богомольный и хозяйственный. Евсей хромой — «на все ветры», маленький староста, маленький картуз с дырявым козырьком, глазки маленькие, караульщик хуторской и много других. Спорят, нужна ли земля помещичья... Парадокс Евтюхи: от господ ничего не достанется... если на всех разделить... Опровергают...

— Мало ли земли болтущей...

4 мая. День за днем проходят великолепные майские дни. И чем ближе к празднику, тем равнодушнее становишься. Нечем отметить день, хотя все в нем полно. Или это уже притупилась впечатлительность?.. Земля теперь мне рисуется в мареве... Все марево... все колеблется, все не доканчивается, все в намеках...

Как узнать истинные переживания от литературных, где настоящий Бог и литературный?..

Если все мои поэтические переживания происходят из двух родников: детства и любви, если это алтарь, то как быть: писать о самом алтаре или прислушиваться лишь издали к звукам, исходящим оттуда?..

Если ловить звуки, то кажется, говоришь о самом главном... и не знаешь... нужно ли о нем говорить... Если говорить о самой тайне, то, приглядываясь к тайне, можно ее осквернить.

Я сейчас иду целиной. Мне страшно то, что я пролезу через лес и там больше ничего не будет.

Я могу писать всю жизнь о других людях, скрывая себя. Могу написать одну только книгу о самом себе. Могу, наконец, создать вокруг своей тайны искусство... могу вечно петь в новых и новых песнях о тайне, не подступая к ней... Что избрать? Пусть время решит.

Какое оно страшное это марево, если подумать. Все колеблется, мерцает, двоится... Поднимаются на воздух деревья, люди, дома. Камни, дубы, даже самая земля, покрытая зеленью,— все превращается в прозрачный, как стекло, пар. И через минуту опять каменеет, и через другую опять летит.

И чувствуешь сам, что тут же под ногами от этой теплой земли поднимается невидимый тот же самый пар, что он проникает все существо, что если кто-нибудь теперь на меня посмотрит со стороны, то и я, может быть, сплющиваясь, как эти дубы, двоюсь, поднимаюсь на воздух, и опять иду на земле, и опять поднимаюсь...

Ни за себя, ни за что вокруг не ручаешься.

— Вы фантазер! — сказала она с таким выражением: можно ли на вас положиться... ведь это несерьезное, это ненастоящее.

Как это больно кольнуло меня... Но я сейчас же справился и говорю ей:

— Нет же, нет, я не фантазер, но пусть фантазер, но я знаю, что из моей фантазии рождается самая подлинная жизнь. Своей фантазией я переделаю, я сделаю новую жизнь...

Боже мой, как верил я в то, что говорил, как это ясно было для меня и как хотелось мне убедить ее... заставить и ее поверить. Фантазер потому, что нет союза, нет ответа у ней...

— Но что же мы будем с вами делать? — спросила она.

— Как что,— отвечаю я...— Мы уедем с вами в родные места, поселимся вместе и будем так жить прекрасно, что свет будет от нас исходить. Мы будем радоваться жизни, и все вокруг нас будут радоваться...

Она молчала, а я все говорил и говорил... Я боялся, что она что-нибудь скажет и перебьет меня...

Но она молчала, склонивши голову... Нет, я чувствовал, что она побеждена... Я говорил лишь потому, чтобы закрепить ее в этом ее состоянии. Я говорил из страха, что, если я кончу, она опять подумает и скажет: а все-таки вы фантазер... Я говорил ей до самой калитки. Она уже хотела было протянуть руку к звонку, но вдруг, откинув голову назад, поцеловала меня...

И исчезла...

Всю ночь сквозь сон я слышал звон колоколов. По всей земле звонили в колокола и какие-то тонкие золотые сплетения покрывали небо и землю. И я верил в себя как никогда, мир я открыл, я доказал какую-то великую истину. Но на другой день все опять заколебалось. Она мне сказала:

— Нет, я не могу решить окончательно, кажется, вы слишком большой фантазер, чтобы на вас положиться... Вы живете той повышенной жизнью, которой живут художники, артисты...

— Ну так что ж,— говорю я,— ведь это хорошо...

— Конечно,— сказала она,— но... как вам сказать... В сущности же, я вас вовсе не знаю...

— Да как же не знаете, я весь перед вами... Я вам могу все сказать о себе... вы должны видеть меня...

— Вы фантазер,— сказала она,— будемте пока только друзьями.

Она ушла и назначила мне свидание на завтра.

Я пошел от нее в парк, в поле, в лес, между прудами... Была весна.

Хорошо прислонить ухо к стволу липы и слушать, как пчелы гудут. Тут столько голосов... Но ведь это опять что-то значит, какое-то решение, какая-то тайна лежит в этих золотых голосах. И я ее знаю, отлично знаю, но мне не хватает чего-то такого тоненького, на волосок бы — и тайна открылась. И так все закрыто, и так больно отходить от ствола этой певучей липы. Ивовая аллея цветет и пахнет и уводит далеко, далеко. Хорошо я иду по ней, пусть мимо проходят эти зеленые кусты. Пусть мои ноги неслышно ступают по песчаной дорожке вперед и вперед... Быстрее и быстрее... Пусть эти птицы и зеленые ветви сливаются в зеленый звонкий хор, я буду идти все быстрее, быстрее и где-то найду, может быть в конце этой аллеи... И вот передо мной большой, большой пруд, как озеро. Фонтан бьет... Деревья склоняются над водой. Большие зеленые шапки склоненных ив я обнимаю. Я такой большой, что могу обнять каждое это доброе зеленое дерево.

Вода поднимается, горкой уходит к небу, а небо странное большое... и светлое. И где-то там, в самой, самой середине, растет желтый золотой цветок... Поток множества маленьких искорок-цветков везде, куда ни взглянешь. Эта золотистая пыль от того цветка рассеяна в небе...

Да, да, небо... Конечно, небо... Конечно, тут и лежит эта тайна... Она открыта. Вот она, бери смело, бери ее.

Да, конечно же, так это ясно: небо бесконечно большое, этот цветок посредине — красота. Значит, нужно начинать оттуда...

Красота управляет миром. Из нее рождается добро, и из добра счастье, сначала мое, а потом всеобщее...

Значит, если я буду любить этот золотой цветок, то, значит, это и есть мое дело, это и мы будем вместе с ней делать...

Ведь так? Так ясно... Конечно, так...

Потом вот еще что... Там, в центре всего неба, этот цветок неподвижен... Все остальное вертится и исчезает.

Все остальное вращается вокруг этого цветка... Значит, вот какое новое, вот какое огромное открытие: мир вовсе не движется вперед куда-то к какому-то добру и счастью, как думал... Мир вовсе не по <рельсам> идет, а вращается...

Все мельчайшие золотые пылинки совершают правильные круги... Каждая из них приходит неизменно на то же самое место, и все в связи с тем главным, в центре всего...

Значит, и я и она где-то вращаемся... И, значит, наше назначение не определять вперед от себя, а присмотреться ко всему и согласовать себя со всем. Нужно ничего не определять, а вот как эти мелкие искорки стать в ряды и вертеться со всем миром...

Значит, нужно совершенно спокойно ответить ей: мы не можем знать, что нам назначено делать. Мы будем так поступать, как для этого все назначено... Даже и вопроса никакого быть не может... Бог с вами...

И такая вдруг радость охватила меня: теперь так все ясно... Теперь я могу твердой поступью идти по той же аллее...

Вот опять я припадаю к тому же черному стволу старой липы. Золотой хор гудит. И ни малейшей тревоги. Я все понимаю...

Я покупаю одну открытку с видом Вандейской колонны и пишу на ней: решение найдено. Все обстоит благополучно. Приходите в Люксембургский дворец к статуям... Я вам все расскажу... Ничего неясного нет. Бог с вами.

Она пришла к решетке серьезная, с деловым видом...

Как все это пережилось! Еще прошлую весну я совершил последнюю глупость: написал последнее письмо, а теперь... нет...

Довольно пока!

5 мая. Ясный, но ветреный день. Сколько в лесу у прудов соловьев!

Вчера вечером бродил... Лес наш полураскрытый. Каждый кустик убирается. Постепенно все смыкается. На молодых березках листья уже большие и пахнут Троицей. Внизу иду между склонами. Солнце светит через деревья сверху. Тени ложатся... Первые тени от деревьев на лугу; как зеленая вуаль на красавице. Маленькие насекомые гудят в воздухе...

Как хорошо в этих зеленых склонах. Так хочется признать единое великое значение всего. Что бы там ни было, но ведь это все прекрасно. Все это вне человека. Непременно каждый год приближается земля к солнцу, и вот что от этого бывает.

Земля прекрасна! Я носил любовь к бытию с детства, но ни разу не сказал искренно от всего сердца, что это Бог так сотворил, что это он. Я готов бы теперь произнести это слово, но чувствую вперед фальшь. Земле, однако, просто земле, убранной и зеленеющей, я готов бы молиться. «Земля божья»,— говорят крестьяне. Откуда это у них? Из Библии? Бог сотворил землю...

Правда, мне хочется собрать все пережитое и лучшее из него отнести к земле, передать его ей и творить из этого что-то прекрасное о земле...

Гроза... Сижу на балконе и думаю: как, в самом деле, неловко сидеть тут на пьедестале и откровенно в виду пашущих мужиков, в виду вот этого Стефана, пробирающегося через двор в калошах на босу ногу, ничего не делать. Маркиза * — помню — тоже не любит этого и только в исключительных случаях, когда на террасе солнце — располагается пить чай там. Прежде для бар не было этого вопроса, потому что ограда каменная отделяла красный двор от конного.

Вода в пруду перед грозой как ртуть. Она здесь зеркало: все отражает — и дом и ивы...

Земля как развернутая зеленая книга. Земля — для меня это родина, это черноземная равнина. А потом и всякая земля. Но без родины — нет земли.

6 мая. Утро туманное, насыщенное парами. Думалось, туман только, а за ним оказались тучи, и скоро пошел теплый майский дождь, и шел-шумел в саду до обеда. Все время ласточки вились над прудом, все время пел соловей и куковала кукушка под аккомпанемент дождя...

Этот дождь был предсказан Стефаном по особым приметам: рождение месяца. У Кузьмы еще вчера табак отсырел, у Никифора ломило душевную кость, разбитую на кулачном бою.

Акулина спокойно идет под дождем. Этого дождя не боятся, не глиняные. То опогаживается, то опять дождь. Мама радуется: самая лучшая погода! Ах, как все развертывается. Завтра аллея вся зеленая будет.

К обеду опять прояснело. И удивительное явление: везде, где только видна черная земля, валит пар, как из печи дым, земля горит.

— Воспарение земли! Нагорела земля и испаряется. Золото, золото, а не дождь. Много миллионов стоит такой дождь. Майский дождь дорогой. Для всего хорошо. Хорошо пролил. Теперь дня три поливать не надо. Очень хорошо! Как капуста растет, так думаю, пройтить — ни у кого не найдешь. Для всего хорошо, хорошо вообще, преимущественно хорошо. И для огорода, и для яровых, и для садов. За этот дождь Бога благодарить нужно.

В лесу деревья все убираются и убираются... Последнюю фиалку сорвал на бугре. Первые бутоны ландышей на припаре... Даже осиновые листья хороши молодые, они как вырезанные... На елках кровавые шишечки. На липах розовые крылышки. Даже дуб хоть и нехотя, а развертывается. Ничего не сравнится с кленовыми листьями, будто это щеки слепых щенят...

Что еще хочется мне написать? А вот желание описать детство и любовь... Да вот, но будто жалко расстаться...

Какие чудеса там, в глубине природы, из которой я вышел. Никакая наука не может открыть той тайны, которая вскрывается от воспоминания детства и любви.

Нужно только испытать сильное горе, нужно почти умереть. И вот совершается рождение. Неведомые силы посылают утешение и великую радость.

Круг. Как вернуть свои переживания в природу? Как раскрыть их во всю стихийную ширь? Как сочетать то, что было, и то, что есть теперь, как одно претворить в другое, как слить это? В природе совершается великий круговорот. Это простой, но таинственный круг. Простой для всего мира, но таинственный для каждого в миру.

Кругом примеры... Но никто не знает про себя, не проследит: где он начался и где он кончится. Каждый вступает в таинственный круг и снова проходит то, что миллионы прошли...

Мои переживания, вероятно, обыкновенны... Но именно этой-то обыкновенностью я и дорожу. Я хочу выделить из себя то, что весь мир переживает. Я хочу сказать, что когда я любил, то одновременно со мной тыся-

чи таких же, как я, и людей, и растений, и животных совершали этот круг... Я хочу сказать, что все их дыхания, тревожные, как их мысли и чувства я сливал в себе... Я был велик, как мир. Это я хочу сказать...

И еще хочу сказать: как я мал был, когда оторвался от всего... Как я «маленький» цеплялся за росяной куст, за солнечный луч... Как я сходил с ума. И как из-под низу то, что плотное и прочное, исчезло и я остался на воздухе и стал учиться летать... Великий круг завершен.

14 мая. Скверный сон о будущем, о нужде... Выхожу на террасу... Сияет, звенит майское утро... И думаю: это же малодушие. Ничего нет страшного, но это в малодушии.. Нужно это победить... Но как? Так думая, иду по аллее... Такие зеленые дворцы вокруг строятся... везде зеленые гости. В дуплах звенят оркестры галчат... у галок рычащие предостерегающие голоса... у птиц деловитость... все будто возмужало, перешло в солидный возраст отцов и матерей. На березах, на липах листья блестят на солнце. Такая свежесть проникающая... Черемуха цветет вовсю, и маленькие вишни, как конфирмованные барышни, и груши в подвенечных нарядах.

Я не думал было идти и хотел сначала вернуться, чтобы подсчитать свои возможности на осуществление планов. Но вдруг этим утром мне мелькнуло: теперь именно по этой росе где-нибудь же да должен раскрыться первый ландыш. Пойду по валу за ним... И так дошел я до леса. На валу ландыши еще не цвели, я пошел за ними вниз по мокрой росе, не жалея новых башмаков... Заглядывал в кусты орешников, под полураскрытыми липами, под одевающимися дубками... Забрел в молодой осинник с листьями, будто вырезанными из бумаги русалочьими руками. Нигде не было раскрытого ландыша... Я весь промок и оставил свое намерение, но все-таки я твердо верю, что где-то в это утро непременно должен раскрыться ландыш... Для него это утро свежее...

Вот еще надо заметить что: есть слова, которые записываются... И есть слова, которые нехорошо записывать. Как узнать то, что нужно писать, и то, что не нужно. Может быть, слишком мало писал, а может, слишком много? Чувствую, что путешествие, которое я совершил по жизни, еще не описано. Но мне хотелось бы описать

его так, чтобы это было не воспоминание, а материал для будущей жизни.

Вечер из окна. Золотые горы налево от пруда. Голубые горы направо. В высоте затерялась птица... Пруд задумывается. Ласточка вьется над прудом низко-низко. Другая ласточка, ее отражение — мчится вместе с нею... И вдруг пропадает — кружок. Ласточка мчится за своим отражением, но как только коснется его — там кружок на воде..

18 мая. Как прошла Троица?

Прохладное ясное утро, мама дожидается обедни.

— Еще не благовестили?

— Должно быть, не благовестили. Глеб не слыхал.

— Акулина говорит, что не благовестили.

— Врет она.— Садится в кресло и читает газету.— Ничего не знает, никто не слыхал, нынче страшная обедня. Глеб! Да что это, звонят к обедне?

— К обедне.

— Не к достойной ли?

— Зачем... К обедне.

Садится и продолжает читать газету.

— Какой же это звон! К обедне... а там часы, обедня, молебен страшный, с коленопреклонением...

В саду рвут с груш цветы. Хотелось бы ей раскричаться, но крик будет слышен в церкви, поэтому она говорит «обыкновенным» голосом:

— Зачем вы рвете цветы?

Лежат три молодых парня на траве и два пожилых мужика. Она подходит — они не кланяются. Маркиза говорит «обыкновенным» голосом:

— Почему это вы забрались в чужой сад?

— У нас своего сада нет,— отвечают мужики и молча уходят. Парни продолжают лежать и болтать ногами.

Этот случай обсуждался потом. Нелепость положения этих парней, забравшихся в чужой сад хозяевами, откуда их могут выгнать самым оскорбительным образом, очевидна. Нелепость эта происходит из нелепости русской жизни. Если и допустить положение, что земля Божья, то из него никак не вытекает как следствие: забраться в чужой сад. Русская жизнь вообще такая: признание какого-либо теоретического положения ведет за собой немедленное практическое действие.

А разве мы, студенты, не так поступали? И разве мы тоже не чувствовали себя в высшей степени благородными людьми? Эти парни, болтающие ногами, чем отличаются от нас...

Вообще это чувство собственности гораздо тоньше, чем кажется. Сад с этой прямой липовой аллеей от террасы один из немногих памятников дворянской жизни — если бы его стали рубить мужики? Что я бы сказал?

Вечер тихий, ясный, но прохладный. Поют соловьи. Цветет все... Терновник залез чуть не на середину поля и, незаметный раньше, теперь цветет... Но цветы не пахнут... будто замерзшие. Это не зима. Кругом цветы, и не очень холодно, но цветы не живут... Даже белые куколки черемухи не пахнут, сидят на сучках, как недовольные невесты...

При выезде в Петербург. Не забыть последний день в Хрущеве: пришел в лес и вдруг заметил, что все цветы цветут. Запах ландыша... Не отгадать... Чуть-чуть и отгадаешь... Все цветы о чем-то... А вот розы...

[***Петербург.***]

Она мне сказала тогда: я люблю не ее. А между тем я не оставляю ее до сих пор. Не помню ее земного лица, но что-то люблю. Да кто же она?

Замечательно то, что все образованные развитые женщины мне почему-то неприятны... Чем выше духовный мир женщины, тем сильнее это отталкивание во мне. Лучше Фроси я никого не знаю.

Той, которую я когда-то любил, я предъявил какие-то требования, которых она не могла выполнить. Мне не хотелось, я не мог унизить ее животным чувством. Я хотел найти в ней то высшее, себя, в чем бы я мог возвратиться к себе первоначальному. В этом и было мое безумие. Ей хотелось обыкновенного мужа. Она мне представилась двойною. Она сама мне говорила об этом: поймите, что в действительности я одна, а та другая есть случайность. Это то лучшее, что останется с вами всегда, что вы от меня отняли.

И вот это лучшее действительно со мной. Это то, что помогает мне писать, что вдохновляет меня. Это — если

бы у меня оказался талант — было бы моей «музой». Но она и бич мой. Отдаваясь ему все более и более, я теряю вкус к тому, что казалось тайной во Фросе... Одно я питаю за счет другого... Вот так и произошло разделение. И чем это все кончится?

Как страшно то, что мир остается нераскрытой тайной. Что все кончится так, в каком-то тесном кругу...

Фрося говорит, что она всех понимает, но во мне не понимает что-то последнее... И я сам этого не понимаю... Это последнее похоже на северный полюс, куда нельзя добраться... Там, может быть, ничего нет, пустая точка... И мне хочется стать ногой на эту точку.

Дневник, который я вел в то время, сожжен.

В описании своей жизни, которую я изобразил в разных повестях и рассказах, я пропускал все, что было в дневнике, обегал этого... Теперь я хочу восстановить его... Но увы! Прошло время, когда я писал для одного себя... Для того только, чтобы хоть как-нибудь закрепить то, раздиравшее мою душу на части, как-нибудь справиться с собой... Теперь я пишу уже не так... Я лучше пишу и хуже...

Тогда я спрашивал себя: что же это будет? Я бросался из стороны в сторону, я был как зверь в одиночестве, спрашивал себя, как жить, когда не знаешь и не можешь ответить, что будет... Я унижался перед ничтожнейшими, но укрепленными людьми, допрашивая их: вы живете, вы прочны, но так скажите же мне, как быть?..

Теперь не то... Они все притворяются, что знают, они как плохие учителя учат, а сами не знают...

Я уехал от нее... Я уехал... Сердце мое было раскаленный, чугунный шар. Но на первых порах думал так просто: я займусь хозяйством, я люблю дело в деревне... Я думал, мое дело станет на место того, что сейчас сидит во мне. И когда это будет, то я совершу очень большое: мое личное перейдет в общее. А ведь в этом и смысл всякой жизни, чтобы личное перешло в общее...

Так я приехал в деревню... Люди все те же, все те же хижины, но как странно переменился весь свет... Я вижу теперь все, что есть в них внутри.. Мало того, я вижу даже вещи. Каждый камень говорил мне свою душу... Мне стоит только спросить себя о предмете, и он сейчас же отвечает...

7 октября. Вчера познакомился с Мережковским, Гиппиус и Философовым *... Как только я сказал, что на Светлом озере их помнят *, Мережковский вскочил:

— Подождите, я позову...— И привел Философова, высокого господина с аристократическим видом. Потом пришла Гиппиус... Я заметил ее пломбы, широкий рот, бледное с пятнами лицо... Я рассказывал...

— Так что же нам делать... практически...— торопился Мережковский,— пошлем им книги... или...

Перешли к религиозно-философским собраниям *... Мне рассказали о них... просто.

Гиппиус оживилась. Долго мне говорили о том, что нужно вместо иконы и Библии ставить что-то реальное... Общественность... Я сказал что-то о «рационалистическом мосте» от декадентства к соборности. Но его не оказалось... Соборность, общественность есть лишь результат более утонченной личности. Зинаида Николаевна оживилась, заискрилась, я заметил ее прекрасные золотистые волосы, глаза.

— От них к нам! — сказала она мне...

Я уже член совета р.-ф. общества... Мне открывается что-то новое... большое, я понимаю значительность этого знакомства. Но многое мне неясно... Оттого что я не чувствую одинаково...

Мне кажется, у них много надуманности.. Я не чувствую путей к этим идеям... Для того чтобы сказать так значительно: от них к нам,— нужно остро чувствовать: они и мы... А я этого не чувствую, и мне все кажется, я боюсь, не то донкихотство, не то просто комедия не из-за чего... Пойдем в следующий понедельник к Мережковским. Вот когда я поближе узнаю цикл идей.

21 октября. Кабинет Мережковского... Что-то серое под ногами, вроде театра Комиссаржевской *... Письменный стол, шкаф с книгами. В углу неизменная молчаливая аристократическая фигура Философова — скучающий человек... Скучал около Дягилева *, скучает и здесь, около них... Но скрывает это от себя. «Книжник», черный лохматый — хлыст *... Карташев *, еще два-три «своих»...

Свои... Секта?.. Собрание?.. Журфикс?..

— Мы все нездоровы, Зинаида Николаевна больна... Заседание неудачное...— говорит Мережковский.

Значит — заседание...

Проханов говорит, что хочет «логику» ввести сектантам.

— Почему же вы тогда христианство распространяете, а не философию?

Проханов опешил... Я объяснял, что такое «логика» Проханова — это систематизация сектантского хаоса...

— Но мы как раз и дорожим этим хаосом,— ответил Мережковский. Меня только сектанты и понимают, а здесь нет...

Мое сомнение, понимают ли?.. Не есть ли это то чувство, когда усталый человек уходит в деревню, и вот даже растения ему ближе, и в мужиках, этом первоначальном мире, он видит уже нечто неразложимое... Примитивный человек, размышляющий о Боге. Как это красиво! Ведь самый чистый, самый хороший Бог является у порога от природы к человеку... Но как его уловить? И вот приходит к ним иностранец, эстет... Какой путь от одного к другому?.. Где этот нерв?..

Д. С. Мережковский настоящий иностранец в России... Он не прислушивается, не озирается... от быта он не берет, а дает... Чувствуешь, его так легко провести... Он Дон Кихот, гуманист... Декадент, парит высоко, высоко... И вот он у костромских мужиков... обыкновенных русских мужиков, хитрых, прикованных к мещанскому факту бытия, всех этих «соломки», «дровец»... Что общего?.. Он является туда не в лаптях и рубашке, а барином и даже с урядником на козлах...

В результате: Мережковский говорит, что поняли его только мужики, а мужики говорят, они знают о каком-то совершенно чуждом им мире, что из этого мира оседают в их среду господа... Господа бывают разные... И вот не было еще ни одного такого человека, как Мережковский, Короленко с ними близко не сходился *... Он природу описывает, «Мережковский наш, он с нами притчами говорил...»

Есть путь к душе простого человека такой: соломка, по этой соломинке можно прямо добрести к земной душе человека...

«Как живете?..» — «Плохо... Правительство обижает...»

Правительство обижает и интеллигента — и вот союз... священный союз, против которого неприлично говорить порядочному человеку. Впрочем, этот союз может

украситься разными экономико-социальными теориями... Но этот союз непрочен... У меня есть один знакомый чиновник, человек либеральный, который всю жизнь мечтал съездить в Крым... Ему мешала семья, малый заработок. Когда же была брошена первая бомба... почувствовав дыхание свободы, он собрался и уехал... не в Москву, не на баррикады... а в Крым.

Я говорю о модернизме, о писательстве, об искусстве — это «Крым». Мережковский явился в костромские леса из сияющего юга... Но у него нет ни покаяния, ничего...— он декадент.

И вот устанавливается так... Мережковский говорит с мужиками про Апокалипсис *, об антихристе *. Мужики его понимают... Но тот ли это антихрист... Это тот же самый... Но как они с двух концов добрались к нему?..

В этой точке на Светлом озере сходятся великие крайности русского духа... В широких слоях общества думают, что мужицкий антихрист что-то вроде черта... Ничего подобного... Это настоящий христианский антихрист. Но понять трудно, не будучи всем этим вооруженным...

Когда я был там и напал на след Мережковского, то меня приняли за него. И говорили, как с ним: вот как есть такой же!..

Но скоро раскусили: «Нет, брат, далеко тебе до него. Не силен ты...»

Я стал «Завет» с ними читать *... И понимание мне открылось, что тут какая-то своя наука... Что этой наукой никому из нас в голову не приходило заниматься... За этими огромными книгами с медными застежками, за славянскими буквами скрывается особый недоступный мне трепет души... И в этих, апокалиптических словах скрывается что-то, соединяющее Мережковского и мужика... Но как они непохожи друг на друга!..

Вера мужика мне недоступна. Вера Мережковского тоже: ведь его плоть «Христова» требует или огромного гносеологического * аппарата... или же огромного утонченил души... особых дарований... По-мужицки верить нельзя... По Мережковскому тоже нельзя... По-своему?.. Но я не религиозный человек. Мне хочется самому жить, творить не Бога, а свою собственную нескладную жизнь... Это моя первая святая обязанность.

Когда собрались, перешли в столовую пить чай... Давила пустая комната... Картин я не заметил... Философов по-прежнему в углу курит... Все курят. З. Н. Гиппиус тоже с папиросой... Похожа на актрису. Мережковский принимает капли Боткина и говорит о вечности плоти... об искуплении... о воплощении... рассказывает о каком-то теологе, который признает две плоти во Христе, одну бросили в общую яму, другая воскресла...

Часты искристые шуточки... Я веселю их рассказами: хохочут... Что-то внутри поджигающее и веселье и религию... Шампанское не очень удивило бы меня. З. Н. очень умна... Как она резко поправила Мережковского... Движения у ней изящно-вульгарные... что-то парижское... Говорят, как джентльмены: всякое пустое детское замечание кого-нибудь подхватывается и серьезно разъясняется...

Мы вышли на улицу: воплощение, искупление, папироски, женщины, похожие на актрис, эти священные поцелуи в лоб... Секта... И как это далеко от народа.

Я помню 17 октября, когда уличная толпа с красными флагами, с пеньем «Марсельезы» привлекла меня к площади возле университета, то на Дворцовом мосту встретились мне мужики,— увидев всю эту толпу, они перекрестились... Быть может, они приняли тогда красные знамена за хоругви, а «Марсельезу» за «Боже, царя храни»... Не знаю. Но вот почему-то до сих пор я помню эти кресты, как самое важное на улице... И, кажется, я так понимал, что они хотели выразить радость революции... И меня-то именно и поразило: что мужики крестятся на красное знамя... Мне так хотелось... и я так понял...

И помню молчаливую толпу крестьян перед горящей усадьбой. Никто не двинулся для помощи,— а когда увидели в огне корову, то бросились заливать... потому что корова божья, безвинная...

Почему же люди, которые говорят о Боге, невнимательны к собеседникам, не видят их... У Мережковского будто и внимательны, но как-то джентльменски, с внешней стороны, а не с внутренней.

2 ноября. Отдал рассказ «У стен града невидимого» * З. Н. Гиппиус и сегодня ночью все представлял себе: как она мне ответит. И не мог представить, и решил про себя все замечать, когда пойду за ответом. Кроме меня,

там была г-жа Ветрова, и разговора о моем рассказе даже не было... Потом З. Н. начала цитировать из него места... Думал, хорошо. А потом нет. Много лирики, мало эпоса...

— У вас есть способности, вы будете хорошим писателем.

— Одним словом,— сказал Философов,— многоточие и восклицательные знаки вы должны заменить точками...

— Мы напечатаем,— сказал Мережковский,— сделаем сокращения...

— У вас много вкуса,— сказала З. Н.,— но много модности...

И еще по поводу рассказа З. Н. мне много указывала мест неудачных...

— Мыслей вам хватит на всю жизнь,— сказал Философов.

В общем, что же я заметил, понравился рассказ или нет?.. По-моему, они разочарованы немного моим модернизмом, им это кажется уже старо... хотелось бы больше содержания («эпоса»)...

— Как же надо учиться? — спросил я.

— Нужно писать,— ответила З. Н.,— и слушать, что говорят...

Умная женщина. Говорили много против хлыстов, против потому, что они обожествляют человека... значит, делают то же, что другие, обожествляя царя или папу.

Не представляю себе ясно — что же они хотят от интеллигенции... «уклонить ее на путь богоборчества или богоотступничества» — что это значит?..

Потом мы с З. Н. разбирали мою рукопись.

— Я не согласна... Вы признаете только Бога-Отца... но ведь Христос есть смысл. Вы смысла не признаете?..

Я говорил, что люблю жизнь, с женой скитался, как зверь, и любил ее как женщину.

— Вы любите жизнь...— сказала З. Н.,— но как же без смысла?

И тут вошел Дмитрий Сергеевич и сказал:

— Об этом можно без конца говорить... Дайте мне программу реферата.

...Гремели тарелки к обеду. И я удалился.

— Вкусная ваша вера,— сказал я, уходя.

И из всего этого вечера мне больше всего понравились слова: «Поймите красоту «Капитанской дочки», эллинской статуи и вы поймете, что Евангелие не брошюра... Вы оттого не принимаете Христа, что боитесь смысла».

На религиозно-философском собрании: Блок * и Рябов *, Философов и сектанты, Гиппиус и Рябов.

Подхожу сегодня к Блоку, спрашиваю его, и так он ответил мне проникновенно. Я его понял без слов. Хотел ему что-то сказать. Тут подошел М. Н., и все закрылось. Теперь я встречу его — кто знает — что-нибудь помешает — закрылась душа, и нет его.

Кто подходит — мешает все во мне.

1909

7 января. В религиозно-философском собрании собрался было говорить, но выступление не удалось: Струве * занял время своей реформацией.

Вошел Блок. Вот тоже полярная противоположность Ремизову *. Тоже Европа и Россия, тоже личность и быт, тоже открытое высказывание своих взглядов и присматривание к другим... и много всего.

Блок — юноша. Как охотно говорит он о своих переживаниях. Я попросил его прочесть мою книгу, обратить внимание на стиль и сказать мне о книге так, чтоб мне что-нибудь осталось для себя. И тут мы разговорились вообще о том, остается ли что-нибудь для себя от критики. У него, признался он, остается только несколько слов, остальное мимо. Но кто критикует? И так мы подошли опять к вопросу об интеллигенции и народе, о расколе интеллигенции, о том, куда легче предаться — Леониду Галичу * или мужику.

Он мне рассказал любопытное: есть в нем такое чувство к Венере Милосской, что хотелось бы разбить ее, чтобы остались только геометрические формы. То же чувствует и Бенуа *... Наш разговор остался неоконченным, но он и не может кончиться...

9 января. Были у меня опять хлысты. Подготовлял их к выступлению на р.-ф. собрании. Если бы пробить их схоластическую мудрость, то внутри оказалось бы поразительное явление: в XX веке — начало христианства, «начало века».

Как они хорошо угадали Мережковского... Вслед за ними и я думаю: он иностранец, ему не понять русского народа, он только словесник... нет... он словесник, который искренно хочет отказаться от словесности, то есть от самого себя...

Блок и Мейер *, по мнению хлыстов, обладают «пророческим» даром. Просто, по-моему, они искренние люди. Но ведь Мережковский тоже искренний, почему же он все же кажется неискренним...

Нет, это не религия... Но что же это такое?.. Если рассуждать, то это настоящая религия, если чувствовать — нет. Что это такое.

— Хорошо,— сказали хлысты,— отвергнете церковь, но что вы поставите на место ее?

— Что вы поставите? — спросил я.

— Жизнь,— ответил он просто.

Интересно это их перемещение Бога с неба на землю. Хорошо это когда-нибудь изобразить на фоне петербургской жизни.

И говорят, что христианство умерло... Или это его смерть...

Иногда я вспоминаю Руссо и его ипохондрические жалобы, а между тем для меня понятно, как такая прекрасная натура могла свихнуться. Если бы я не чувствовал такого участия к предметам природы, если бы я не видел, что в кажущемся беспорядке сотни наблюдений согласуются и складываются в определенный порядок, подобно тому как землемер одною протянутой линией отмеряет много отдельных измерений, то я часто сам считал бы себя за сумасшедшего. Когда-нибудь я сделаю работу о пантеистическом начале творчества...

18 января. Каждый день, переживаемый теперь мной, год в моем развитии...

Лекция Мережковского о Лермонтове: он истекает словами, как кровью...

23 января. День моего рождения: 36 лет. Планы... Написать книгу бытия. Май, июнь, быть может, июль проведу на Кавказе. Первая половина Кавказа: в степи, изучение хлыстов (христианство на земле). Вторая: изучение осетин у ледников (язычники). Чтение теперь: Реклю «Земля» в связи с библейским бытием *. Прочесть Гете всего; Гомера...

2 февраля.

— У вас,— сказал Мережковский,— биографически: вы не проходили декадентства.

— А что это значит?

— Я — бог. Нужно пережить безумие. А вы здоровый...

Если так, то и хорошо...

Есть такая черта... Приговор: я ее не переступил, но как ее переступить, когда я знаю, то, чего я хочу, невысказанное, неиспытанное, дано мне тоже Богом и противоречит другому Богу... Любовь? Она не далась мне... ушла... Я не захватил ее. Призвание... Я не использовал его... Я страдаю до безумия, но и в самые тяжелые минуты, когда мозг затиснут в кулак... я знаю, боль пройдет, будет на том же самом месте радость. А они уже этого не испытывают. Какое право я имею быть пессимистом, когда жизнь не удалась мне...

3 февраля. Есть в жизни какая-то кроткая логика, вечная прекрасная форма — надо научиться выделять ее из природы.

7 февраля. Решил написать «Ивана Дурака». Я это, вероятно, сделаю, потому что мысль моя так захвачена, что весь мир я страстно полюбил, мне захотелось сказать Зинаиде Николаевне, какие у нее прекрасные волосы, и какой она благородный человек, и как она красива. И Дмитрию Сергеевичу: какой он рыцарь...

Родившая меня глубина природы, что-то страшно чистое...

8 февраля. Был в Салоне. Долго смотрел на картину Сомова * «Осмеянный поцелуй»... радуга... сияющая природа... и все, все насмешка над природой и людьми, и просто страшно за страну обетованную... и стыдно за дикий лес... и кажешься провинциалом...

20 февраля. Близится к марту. Голубые вечера. Небо приподнимается, темное небо уходит, и забывают на Невском погасить электрические фонари, искорки...

День был теплый. Солнце хотя и у горизонта, но играет. Светились окна, обращенные к солнцу. Светились люди, углы домов... Все светится... У конки много народу, люди ленивые... Дамы все с птицами на шляпках.

1 марта. Первая и самая большая роскошь, которую я себе дозволяю, это доверие к людям. Быть как все. Страдать оттого, что я не как все. Иван Дурак постоянно проваливается, а когда как все — счастье...

3 марта. Если у писателя есть свое оригинальное содержание, то он никогда не будет неоригинальным по форме. Бояться подражаний не нужно, если помнить, что единственный путь — это от содержания к форме.

Хрущево

23 марта. От Петербурга до Хрущева. 19 марта вхожу в спальное купе третьего класса. Инженер маленький с красным носом мучается около огромного тюка...

Входит плотный господин с широким лицом, с прекрасными русыми волосами, в кожаных перчатках... Что в нем неприятное?.. Не слишком ли крупные черты лица? Или, быть может, мужественные черты лица при мягких глазах... Веселость какая-то... Но сразу виден художник... Где-то я его встречал.

Заводим речь с поэтом о Петербурге. Он бранит религиозно-философские собрания и Мережковского... Как все бранят. Говорит: Бог должен являться в молчании и т. д.

Пейзаж в окне: черные косяки леса у снега, ручьи и канавы, логи. Какая-то широкая черная полоска с синей полосой на горизонте. Петербургское болото? Много куч навоза. Мелкие деревья. Черные домики. Березки так и летят. Сколько ни бродил на севере *, а все-таки он так и остается для меня холодной чужой стороной.

Вечереет... Появляются солидные рощицы. На полустанке старик зажигает лампу и освещает ей клюквенный квас. Какой-то старик подходит, пьет кружку кваса и уходит куда-то по грязной дороге... Еще тут начальник в красной фуражке и два оборвыша у забора...

Мы разговариваем с поэтом.

— Почему нам не назвать свои фамилии,— говорит он.— Я Волошин *.

— Я Пришвин,— говорю я.

— Я о вас, наверно, слышал,— говорит он,— наверно, слышал.

Из любезности?.. Я называю свои рассказы.

— Да, да, да,— говорит он,— я их видел в «Русской мысли» и у Венгеровой.

Говорим о хлыстах. Инженер ввязывается. Не помню как, я перевожу разговор с религии на землю. Инженер начинает ругать революцию: стало хуже, ничего не сделали и т. д.

— А закон 9-го ноября,— говорю я.

— Закон прекрасный,— отвечает он, и принимается мне рассказывать, как необходима частная собственность, сколько зла сделала община: овраги, чересполосица и проч. От его слов получается впечатление, будто русского человека необходимо посадить в какие-то тиски маленького клочка земли, выучить и вышколить на нем... Что-то безнадежно тусклое и страшное в этом насильном закрепощении человека, в этой школе...

Выхожу из купе. Волошин просит меня на площадку поговорить.

— Какой,— начинает он,— это был у вас чуждый меня разговор о земле. Я так отстал от русской жизни... Я десять лет жил в Париже. Я хотел бы только вам сказать о воде... Какой типичный пример. Славяне не умеют пользоваться водой, ценить ее... Это молодая земля... Тут не умеют ценить... Только вот весной еще и знаешь шум воды...

Мы глядим в окно. Какая ночь! Луна... Темные леса на буграх, в белом черное... И чувствуешь, как тает ночью снег...

— А как там умеют ценить воду, на старой земле... Я бродил в Средней Азии с караванами в пустыне. Там маленький фонтан, из него бьет тоненькая струйка воды, но сколько любви тут около фонтана... Каждая капля звучит особенно...

— А вот,— рассказываю я,— на севере, там, где я бродил, столько водопадов, рек.— Я рассказываю о полуночном солнце... о таинствах северной пустыни...

— Есть две пустыни,— говорит он...— Та пустыня ждет слова, молодая пустыня... А другая... на ней уже все изжито... людей нет... вся она, эта земля, каждая частица пропитана человеком... а звезды там близкие... пустыня как на ладони поднимает... тут я первый раз понял, что есть нечто большее Европы...

В этом лунном пейзаже было что-то таинственное, что-то отвечающее нашему разговору.

— Вот,— говорю я,— где-то Бальмонт * говорит о этом пейзаже русском.

Он сейчас же прочитал стихотворение...

Россия... Ей нужно... просветление... аполлоническое просветление. Недаром же над гробницею Диониса сто-

ит Аполлон *... Счастье должно быть дано человеку, он должен все делать с ощущением счастья...

Мы что-то еще долго говорили о таком. Я больше слушал. Не то зависть, не то горечь поднималась у меня со дна души... Та земля... изжитая... культурная... будь то Эллада или пустыня, дразнили меня своей вечной законностью... и эта моя пустыня, другая пустыня, простой случайностью... мимолетностью... то, чего этот поэт коснется, может быть, лишь случайным стихом... у него в руках вечная игрушка, о которой я мечтал с детства, у меня игрушка, которая вот-вот сломается... И так завидно, что он имеет, что он ею играет... И в то же время как-то смешно: наша земля с землеустройством, с мужиками и это аполлоническое просветление...

И шоколад, и аполлоническое просветление, и сам он какой-то солидный, полный, с широким лицом, с бородой, похожий на помещика и с речами ребенка или женщины... сам он несет какое-то удивительное противоречие двух пустынь...

Утром мы пили вместе кофе. Он прочел мне три своих стихотворения о пустыне (культурной), о звездах, о распятом...

Хорошо... Но я далек... Я так и говорю: я далек... это хорошо, но я далек...

— Прочтите что-нибудь свое,— просит он.

Я... вот дикость! — прочел ему о том, как перешептывается северная ночь с южной... Конечно, он похвалил!

— Я,— говорит,— читал Короленко. Как далеко теперь ушли...

Так прошел день 1-й путешествия к земле и начался второй день.

21 марта. Родные поля... Вглядываюсь в пейзаж... Изучаю... Хочу смотреть на все это, как свалившийся с неба, sub specie aeternitatis...[1]

Не будь мужика в России, да еще купца, да захолустного попа, да этих огромных просторов полей, степей, лесов — то какой бы интерес был жить в России?

Березовая рощица... Спрятанная жизнь в ней...

В общем, картина: сбоку степь без жителей... Сверху логи, и в них прячется в серых мелких березках... как между холстами белыми... лог... ручей... ветлы... пей-

---

[1] С точки зрения вечности *(лат.)*.

заж — это миг в подробностях... в разглядывании... скромно выглядывает из березовой рощицы церковь... Синеют проталины вдали... Усадьба, обсаженная ветлами. Они как неизменные кроткие сторожа. Вспоминается усадьба покинутая, окна забиты, перед заросшей бурьяном клумбой сидит заяц...

Зловещий маленький ручеек на дне оврага... Края черные... разольется... затопит... дубняк на склонах...

Земля! Живут на ней... Изжили ее?.. Нет... Чувствуется, что нет... а смотреть, будто изжили. Опять вспоминается «аполлоническое просветление» и петербургские собрания. Смерть! Было последнее слово, которое я слышал. Смерть! На разные лады повторяли все...

А мне это так не... мое... никто не станет называть смерть раньше времени... И сколько тут головного... целая теория смерти.

Весна родится в марте, как ребенок с чистыми глазами, целует, не думая, нечаянно.

Я шел по рубежу и все проваливался. Некогда было глядеть на небо. Разогрелся...

Перелез через опушку на южный склон. Тут между кустами орешника мне попалась первая проталина теплая... Я остановился: и вот пахнуло на меня от земли знакомым теплым запахом, как может пахнуть только родная земля.

Это начало весны... Я это почувствовал. Посмотрел вперед, а там еще проталинка, и еще, и еще. Весь южный склон леса в таких темных душистых проталинах. А снег белый, белый... Тут я глянул на небо... А там! Облака много нежнее этого белого снега... на синем небе были такие легкие, прозрачные... И вдруг я понял, откуда они. Откуда они... из леса... из снега... улетели на небо, а тут остались темные пахучие проталины. Сколько проталин — столько облаков.

16 апреля. Солнце садится. Ивы стали золотыми. Бабы в золотых оторочках. Петровская роща стыдливо зарумянилась... и все поле до горизонта кровавое.

Идем домой. Работники собрались у сарая. В саду закат румяный, сад черный, птиц еще нет, еще сторожевые галки... Месяц и звезды, как и прежде...

Откуда это недоверие... Кажется, я уже больше не встречу человека, которому бы поверил совсем. Все какие-то ненастоящие...

И страшно это утихание, и радостно. Прошлый год я еще безумствовал... Теперь уже нет... Теперь я все созерцаю. Работаю беспрерывно... Совсем другая весна...

Сколько отмерено человеку в ширину — столько и счастья, сколько в глубину — столько несчастья. Итак, счастье или несчастье — это зависть наша одного человека перед другим. А так нет ничего: счастье и несчастье — это только две меры судьбы: счастье — в ширину, несчастье — в глубину.

Пишется легко и свободно то, что пережил. Значит, нужно писать как можно точнее и меньше сочинять. Но если так, то как возвыситься от формы дневника и записок до художественной формы.

Отдать себя жизни, пусть ранит она сердце, чем больше ран, тем глубже свет. И каждый человек будет открытая книга, и по одному звуку голоса другого человека будешь сразу узнавать, кто он такой, что с ним было, чем он мучится, как он ранен... А то можно забить себе в голову гвоздь и так с гвоздем всю жизнь прожить и ничего не узнать...

Вся беда в России, говорил мне высокий чиновник, что нет средних людей. Средний человек — это существо, прежде всего удовлетворенное всей жизнью, и там, где концы ее с концами не сходятся вообще и для всех, готовое подчиниться Богу, начальству или закону. Но представьте себе страну, где каждый постиг, как мировую тайну, принцип всеобщего беззакония личного и в то же время высшее право личности, где каждый имеет психологию гения без гениального творчества, где и действительный гений не может быть законодателем, потому что тайну-то гения (личное беззаконие) все подглядели, тайна (личное беззаконие) стала всеобщим состоянием и всякого законодателя винят в двойной бухгалтерии.

От трехдневного пребывания в Ельце остался такой осадок... смысл, идея изгнаны из русской жизни.

24 апреля. Ночью я проснулся от раскатов грома... Открыл глаза. Огненная птица влетела в мою темную комнату. Опрокинулась вниз золотистою длинною шеей и исчезла... Я понял: гроза. В полусне взглянул в окно.

Там в бледном свете сияла ограда, и пруд, и ветлы... Я уснул как мертвый, говорят, была страшная гроза.

После грозы утром хмурое холодное утро +1,5°. Около 12-ти повалил снег громадными хлопьями в кулак... Казалось, будто с крыши гигантского дома дворники счищали снег... И он падал большими шмотками...

Снег и голод выбили грача из гнезда. Встрепанный, он уселся сначала на верху липы, на голом суку, ничего не понимая. Снег бил его сильнее и сильнее. От холода и ужаса он закричал.

Огород побелел. Липы поседели. Изумрудное ложе под ними поблекло. Между зелеными рожками сирени везде улеглись холодные кристаллы снега...

...Все белело и белело... Не осталось признаков весны.

— Вот и весна! — вздохнула Дуничка *.

— Это бог знает что такое! — подхватила маркиза.

— Как же теперь цветы...— рассеянно сказал я,— померзнут?

— Какие глупости! — ответила маркиза.— Полевые цветы померзнут! С отроду того не бывало. Померзнут. Что ты болтаешь...

— Но все-таки головки поникнут,— сказала Дуничка...

И так все стало в саду седым и белым. Еще раз отчаянно крикнул грач и спустился ниже в густые сучья, съежился и замер.

Конечно, весна победит... Все это будет цвести. Но какая могучая сила в этом холодном объятии. Я люблю эту угрозу зимы... Не знаю почему, люблю. Силюсь объяснить себе это, вглядываюсь долго-долго в падающие хлопья, в белые лавочки... И не могу объяснить себе...

Проходят эти люди родные и бесконечно чуждые. Внешние факты говорят о них... Факты навязываются, образуется цепь... И так висит эта цепь чужих, бесконечно чужих людей и родных. И если кто-нибудь умрет из них, то цепь сомкнется...

[***Петербург.***]

15 июня. Гулял с Александром Михайловичем * в Павловском парке... Он говорил мне: я своими писаниями искажаю природу. Настоящая природа страшна.

Он даже помыслить не может, как страшна она... Мы так далеко ушли от нее, что и не можем представить себе, какая она настоящая...

— Природа,— говорил я,— не есть что-либо вне меня лежащее, я изменяюсь, изменяется и природа, всякая вещь, которая откликается на мой дух, есть природа...

— Да,— говорил он,— но вы же хотите быть пантеистом, быть как природа. Это невозможно. Вы городской человек со всеми тонкостями городской культуры. Вот эта тропинка культурная, она вьется по пятам за нами, и нет возможности отделаться от нее...

Я один. Я слышу, как бьется мой пульс. Я вижу, как я тихо качаюсь от его ударов. Я слышу дыхание лилового колокольчика. Я его люблю. Он связан со скалой. И через любовь мою к цветку я связан со всем великим миром.

Звезды зажглись... Тайна легла над землею. Господи! Оставь так. Оставь меня таким, как я есть, как я сейчас. Господи! Дай мне сил не оторваться и встретить вместе со всеми Солнце...

8 июля. Говорили о быте. Я сказал: в России быт только у диких птиц: неизменно летят весной гуси, неизменно и радостно встречают их мужики. Это быт, остальное этнография... и надо спешить, а то ничего не останется... Россия разломится... Скреп нет...

Так легко вращается прекрасный зеленый мир, а я не верчусь вместе с ним, я иду трудной тяжелой дорогой... прямой, прямой...

И тупо глядит на меня этот путь. И все чужое вокруг... Я подхожу к ним и спрашиваю то свое... Никто не знает моего... Я должен его скрывать.

Путешествие из Павлодара в Каркаралинск

13 августа. Переправа через Иртыш. Пароход остановил паром... На другой стороне степь: юрты, похожие на керосиновые цистерны, дым, скот... С той стороны едут киргизы... Какая она, степь? Мы около степи... Вся степь... Степь — лицо.

Верст на десять луг... мелкий кустарник, высокие травы, копны, виднеются зимовки, могилы...

После луга другой пейзаж: голая степь, желтая, солончаковая... Соленое озеро возле второго пикета Джа-

мантуз... Заря малиновая... Озеро блестит светлой полосой...

Мы располагаемся на ночевку...

Вчера вечером к нам подъехал из степи всадник, спросил... Про что он спросил? Верблюд пропал... Сегодня опять два всадника. Про что они спрашивают? А про того же верблюда. По всей степи идет вопрос про верблюда. Кошемная почта. Линия горизонта волнуется, приближается, постепенно переходит даль в горы...

Белое в степи... Что это? Голова верблюда... Есть целые скелеты... Кости... Соль выступает на дорогу. Как снег. Я пробую землю... соленая... Солнце между горами и нами, потому горы синие...

Что это на желтом? Как лось... два рога... Верховой?.. Нет, это верблюд шагает, и сзади него арба... Юрты будто белые кули... Вот такая же жизнь на луне... Везде мираж и марево, там и тут обманчивые соленые озера... Как в географическом атласе.

Я прошу киргиза петь... Он поет одно и то же... хорошо... что-то испанское слышится в мотивах аккомпанемента инструмента... Лунная ночь... юрты, как цистерны... Чья-то степь... Кто-то пользуется ей... Поют... Горы выше и выше... Ручеек между холмами... и радостная встреча с деревьями. Только один ручеек, и уже все оживает.

Что я думаю? О каком-то чудесном озере... И так хорошо: проснешься завтра, и откроются эти темные горы и какое-то озеро... И я буду здесь жить и войду внутрь этой пастушеской жизни, где люди даже хлеб не едят...

Как жутко... Эта степь страшная, и эти люди все практичные, и я один так зря, безумие это путешествие, у меня никакого дела... все спрашивают зачем, я сам не знаю зачем... Все эти переживания с обыкновенной стороны — чепуха, глупость, безумие...

Каркаралинский уезд самый лучший для скотоводства, называется «арка», что значит хребет земли — пуп земли. И дал же Бог!

По виду и не узнаешь царя степей: ходит старичок в длинном халате, приглядывается и пощупывает баранов, а у самого табун двенадцать тысяч голов.

Для них я что-то особенное, киргиз не подаст вида, что заметил, но через десять даже лет скажет, вот там-то встретил, в такой-то одежде, особенно, если на лошади, то какая лошадь и проч...

Гостеприимство: ведь степь такая... прямо удивительно: сел на лошадь, взял с собой только плетку и ничего больше и пропал хоть на месяц, на два...

— Хоть на год...

— И буду сыт и все...

Самое лучшее время — вечер, стада стекаются... Ребятишки грязные сбежались, все смотрят на собак... Ягнят привязывают к петлям на длинной веревке голова к голове... за овцами коровы... женщины доят... Сопки... Долина между холмами...

Не хочу оторваться... степь живая... только теперь понимаю ее жизнь, раньше — пустыня.

Начинается мирная беседа. Старик спрашивает: знаю ли я законы... Киргизов обижают... Как подать царю жалобу? Или в сенат? Я объясняю Думу. В Думе мало киргизов.

...Есть ли в Петербурге бараны, какие? Я говорю, сухие, потому что ягнятся два раза в лето, и без курдюков и с козлиными хвостиками. Весь аул хохочет...

— А сколько в Петербурге домов? А сколько людей...

Приносят кумыс и особенно торжественно: каково мое состояние?

Вполне сближаемся...

В юрте много отверстий: как звезды... Вся юрта похожа на воздушный шар. Закрыли вверху: мы летим где-то по небу...

Опять просыпаюсь — мы на земле, открыта дверь юрты, лунный свет, стада... старика нет... Старик бродит между стадами, дальше и дальше...

Звезды при лунном свете особенно зеленые, и какие-то зеленые волны и впадины, и звезды во впадине...

Старик вернулся и запел песню... хорошо... как-то особенно... Откуда песня... Что она значит, в ней и аккомпанемент и все... просвет от старика куда-то, он ухватил часть степной, истинной жизни и вот, когда все спят, поет...

Родится ребенок: для крепости поливают соленой водой, смазывают маслами, прогревают на огне и завертывают в баранью шерсть...

Киргизы в поле останавливаются и вместо воды отирают ноги землей.

Думал о юморе киргиз... Как близко это русским... Сколько в нас татарского...

Кто видел звезды из аула, того они будут всегда сопровождать. Когда-нибудь и по Невскому проспекту я увижу те же звезды и скажу: «Вот Семь Воров, вот Гибель Ослов, Чолпан...»

Я путешествую, изучаю, записываю, но как жалки эти собранные факты в сравнении с теми случайными впечатлениями...

Я собираюсь куда-то идти, случайно бросил взгляд в окно: какая-то полуразрушенная избушка, и спокойный поворот головы верблюда, и желтая сопка позади его... Гонят стадо баранов, один киргиз на лошади, другой на верблюде, третий на быке...

На корточках сидят возле баранов киргизы и щупают баранов... Широкая и спокойная фигура в белом, такие длинные рукава, так просторно висит одежда... встречается, спрашивает: «Откуда ты?»

А эти врезанные в небо черные утесы и желтые тлеющие березы в угрюмой синеве сосен в ясный день!

И тоска по родным полям и саду... Ничего нет лучше и глубже весны в родном краю...

Знаю, что над всем этим висят такие большие звезды...

Иногда страшно подумать в пути: за это время, быть может, умерла мать, дети... Ведь так оторваться, как я, значит уметь разорвать со всеми, значит объявить весь мир без родственников, значит, с другой стороны, в каждом встречном человеке видеть частицу мира, опираться на нее, делать постоянные открытия...

Я совсем один, и я со всеми... Путешествие — это особый пост «ураза» на все привычное... Нужно, чтобы каждый так постился... Нужно сделать, чтобы путешествие было без определенного дела и без каких-нибудь грубых непосредственных потребностей... Оборвал привычки, знакомства, привычную природу... Лопнул канат... И вот все живое в себе ищет восстановить это нарушенное равновесие, хватается за людей, всяких, за новые деревья, камни... пройдет время и... связи восстановлены, привычки найдены... верблюд не останавливает внимания... горы, лес... все обыкновенно... Но смысл пережитого остался... остался какой-то налет, колорит жизни, и вот, право, не знаю, что это значит: какое имеет значение — география или роман...

Какая скука выдумывать повести в кабинете, когда стоит только предпринять пост на родственников и привычки и каждый человек рассказывает повесть, каждый лист и камень... И как они все хватаются, тянутся ко мне, Боже мой, ищут меня...

Снилась мне А. Х. * Нужно было сделать усилие, без этого усилия нет смысла, нет женщины... И В. П. *... там даже было все... стоило сделать шаг, и моя навек, но нет... Не было сил?.. Не было желания... я хотел другого...

И так мне теперь все это ясно кажется, как просто счастье, как легко это сделать, но нет... Любить звезду, потому что она далеко... Любить и искать то, чего вовсе нет, оно здесь, оно самое возле, и любить не это, а отражение его на небе... Это бессмыслица полная, это безумие... И такая тоска за свою такую нелепицу... Чего-то ищу, ищу еще мгновение, другое, и вот что-то хорошее. Я уже думаю о своем путешествии, комбинирую и нахожу что-то фактическое, ощутимое, но это пришло из того...

Вчера на ночь говорили пословицы:

— Когда есть у тебя конь иноходец, езди, узнавай страны, земли, когда есть чем угостить, угощай народ.

— Кто много ездил, тот знает, что далеко и близко, кто много пережил, тот знает, что сладко и что горько.

. . . .

— Горы и камни портит ветер, племя Адама портят слова (плохие).

. . . .

— Если товарищ твой кривой, то старайся поджимать глаз, чтобы быть с ним под пару.

В этих диких скалах так хочется остаться одному, но если придешь один, то пустыня задавит дух. И только так кажется, что один что-то важное сделаешь: все дробит на мелкие части.

Опять я вспоминаю: для охотника нет погоды... есть природа, тоже и для путешественника...

Мы едем по следам на песку... Сколько следов!

...По долине идут архары, много... идут спокойные в горы спать... Какая чистота... Как не хочется стрелять...

Живут эти звери такой чистою жизнью, никому не обязаны...

Какое двойственное отношение: невероятно жалко, и стреляю...

Какой теплый вечер после такого дня охоты... Ночь окружает юрту... Черная рама гор со всех сторон... На черной горе показалась звезда и другая, луна... впадины гор блестят... топор заблестел и оглобли, в темноте лошадь оседланная...

...Красные степные лица, красные кровяные тела архаров... кровь и огонь... и ребра юрты, и звезды вверху...

Как хорош огонь!

Съедание архара руками... Вычищение костей ножом... Едят, фыркают... Кусочки лука... Соленый бульон... Дорвались до мяса...

Первобытная жизнь.

Да, наш аул соединен не родственным, а охотничьим чувством, настоящая семья...

Утро: белая снежная степь, белые горы... В дверях лежит голова верблюда на земле, горб в снегу... И думает думу... отдельную... такую далекую от всего этого аула...

...Какие грациозные головы... Какая чистая долина и такие чудесные глаза... И хочется мне сказать: ничего, я вдуну бессмертную душу... Я чувствую, что я что-то создам из всего этого... Это жертва для моей работы... И сомнение: что ценнее — жизнь этих прекрасных животных или мое описание... Пусть и оно будет прекрасное, но разве смоет оно кровь в долине Бий-джан?

Когда ночью при луне ехал и думал: неужели это все только декорация? Неужели не связана жизнь этих звезд с жизнью этих людей как-нибудь так, что значение их не потухает...

Какие громадные желтые звезды догоняли луну, распахнулись в золотой одежде низко-пренизко, и если бы мальчик ловил звезды сачком, как бабочек, то непременно бы поймал эту распахнувшуюся звезду.

Любовь к природе, как и родине человека, везде одинакова: и в голодную степь будет тянуть, если в ней родиться... А другая любовь, но другие основания: любовь проходящих мимолетных людей... Две любви.

Не забыть: вкус баранины в степи, вместе с нею глотаешь и воздух свежий, как в море.

Я думал о том небе, которому поклоняются, и пустыне со звездами, где нет людей и только дикие кони перебегают по оазисам.

И вдруг я понимаю все... То знакомое и близкое я теперь понимаю... Не школьные знания о том, что когда-то кочевники окружили славян, что Русь была под игом монголов четыреста лет, что все эти слова заимствованы от них... Нет... Все эти сведения я теряю в пути. Я смотрю на все вновь. Не то... А так я понимаю... Я узнаю знакомые черты своих товарищей в тех лицах... Я узнаю всю ту загадочную половину русской души, которая не подвластна нашему анализу...

Да, и тут моя родина... Боже мой, как необъятно все ее пространство... Есть ли в этом пространстве одна душа...

Сколько препятствий на пути к звездам...

Что же такое это стремление к природе?

Вот пройдет несколько недель, и воспоминания, как птицы, крыльями зашумят вокруг меня... Эти будничные разъединения... переживания земли, каждое из них будет тянуться к смыслу, искать своего места в целом...

Было когда-то время, о котором мы теперь с такою болью вспоминаем и называем его золотым веком... Люди жили в раю... Но ведь это никогда не было... Это только воспоминания.

Когда-то в этой пустыне была такая кипучая жизнь... Потом все умерло... И один свидетель этой жизни остался и разбросал по небу эти свои воспоминания...

И все народы, все люди думают, что такое звезды. Все хотят приблизиться к ним, понять их... Но это не-

возможно... И безумно... Будем лишь обращаться за советом к этим покойникам...

К звездам, к звездам поднимается эта старая земля... А может быть, звезды спускаются к ней... Это здесь уже... а там дальше, в совсем голодной пустыне... Там, где только дикие кони спешат перебежать от оазиса к оазису... Туда поднимается земля... Туда опускается небо... И, может быть, где-нибудь в самой дали, где и коней нету и только песок желтый-желтый, и воздух чистый-чистый и тишина... И там в особые минуты, в полночь звезды спускаются к самой земле... И там, может быть, совсем маленькие чистые дети бегают с сачком в руках и ловят эти звезды и опять пускают... Ловят и пускают... И так до утра...

Мне временами было так ясно, все понятно, эти пути... Нужно как-то страшно сжаться, вот как эта окаменевшая лисица в ожидании беркута, и будет страшная боль... Тогда нужно еще сильнее стеснить себя, и вот уже боли не будет и откроется прямой путь к звездам. Нужно умереть от себя...

Да, я чувствую, как над этим рядом моих бесцельных переживаний, воспоминаний строится каким-то млечным шатром, купол воздвигается... И вот она построена, моя собственная юрта... И большие старые звезды глядят на меня в отверстие вверху...

Свое собственное небо... Но звезды в нем мелкие... Я оставляю, иду под настоящее небо большое-большое...

Маленькая темная юрта под звездами... Нужно запомнить это местечко... Сказать кому... Эта юрта в долине Бий-джана, возле кустарника, у ручья.

И еще вот что: от земли к звездам хорошо, но от звезды к земле — нет путей. И потому самые большие и низкие звезды живут по пустыням...

И потому нужно дорожить жизнью: звезда придет.

Россия! Родина, дорогая, дорогая моя. Тут только, на фиолетовых берегах соленого озера, понял я, что люблю тебя, что ты прекрасна...

Я люблю, когда после грозы в майский день капли, капая с листьев, собираются в большие и снова падают до тех пор, пока самые-самые большие задумчиво не повиснут на ветках на целый день... Тогда конец грозе... И большие спокойные капли вспоминают на ветках, как

непонятно сдвигались тучи на небе, и огонь, и вода, и земля непонятно и грозно объяснялись...

О чем? Что они хотели сказать? — спрашивают спокойные задумчивые капли после грозы.

И еще светлее и глубже, чем капли на ветках,— звезды на небе в пустыне.

Глаза верблюда... Как уродлив, как нелеп его вид, похожий на птицу... Но почему-то, встречаясь с верблюдом в пустыне, долго не можешь оторвать от него глаз... В этих отрешенных от жизни глазах чудится какой-то сознательно и, главное, давно-давно взятый крест на себя... Что-то бесконечно более глубокое и сильное, но дикое. Нелепость природы и глубочайшее сознание этой нелепости... И вечный укор красивому и упрек...

Основное зло нашей жизни состоит в том, что мы стали невнимательны к каждому отдельному человеку.

Ученые больше других страдают этим грехом.

[*Петербург.*]

28 ноября. Новая страничка моего журнала жизни. Поэты, декаденты, хлысты, философ-талмудист, святодуховец, и еще, и еще... человек 15—20.

Ремизов представил меня Вячеславу Иванову *, и первые слова того были: «Какая у вас платформа — христианская или языческая?»

На последнем рел.-фил. собрании Розанов * по поводу моей книги * высказал убеждение в существовании такой страны. Это был замечательный разговор уже потому, что я торжествовал над ним свою победу. И разве это не победа? Мальчик, выгнанный из гимназии, носивший всю жизнь по этому случаю уязвленное самолюбие, находит своего врага в религиозно-философском собрании, вручает ему свою книгу с ядовитейшей надписью: «Незабываемому учителю и почитаемому писателю» — и выслушивает от него комплимент. Вот победа! А он-то и не подозревал, с кем имеет дело.

Страна обетованная, которая есть тоска моей души, и спасающая и уничтожающая меня,— я чувствую, живет целиком в Розанове, и другого более близкого мне человека в этом чувстве я не знал. Недаром он похвалил меня еще в гимназии, когда я удрал в «Америку».

— Как я завидую вам,— говорил он мне.

Особенно интересна Гиппиус: она представляется холодной снежной Дамой: смерть от весеннего луча — вот все ее страхи. Надо запомнить, она мне сказала последний раз:

— Вам 16 лет, вы наивный человек.

2 декабря. Прихожу на Херсонскую к Бонч-Бруевичу *. Там Легкобытов *. Опять религиозные разговоры.

На улице: я спрашиваю Легкобытова: кто Мережковский?

— Он... я чувствую в нем дух, равный себе, его лицо, его поведение, но он шалун. Фантазия... И гордость... Нужно умалиться до нас... Нужна простота и искренность... А он шалун... И потом отсутствие сознания, что мы будем судимы, то есть ведут себя, как боги,— они боги. Между тем, если бы они бросились в народ, то поняли бы, что тут в нем все: и археология, и история, все, что от зачатия века было, есть в народе.

— Что же такое народ? Есть ли, из-за чего туда бросаться?

— Народ — это земля... Зачем Мережковский на церковь? — пусть они отходят со славой...

Все, чем мы живем: сказочки и проч. искусство — все сказочки, пустяки, мы — шалуны. Особенно мне чуден кажется Ремизов, отвергающий народ и потихоньку роющийся у Даля в погоне за народными словами...

3 декабря. Есть секта служителей красоты в Петербурге: декаденты. Изучить их историю.

6 декабря. С большими людьми лучше не сходиться лично, потому что их идеи часто есть последнее, что они могут дать, больше ничего у них нет.

19 декабря. Природа некрасива. От человека узнали, что она красива... У меня есть наблюдение: две любви природы: 1) как любят родину (природа-родина) и 2) как предмет искусства. Киргизская степь — родина. Швейцария — картина.

Красота рождается из страдания. Она есть просветление страдающего (гордого?) человека.

20 декабря. У Мережковского. Был Блок. Блок сказал, что Мережковский как крестоносец застрял в Риме.

— Мы не донесем,— сказал Мережковский,— я знаю, мы не донесем, но другие понесут. Наш трагизм вот в чем: это не мы, но мы должны говорить — это мы.

Однажды в кругу нашей духовной аристократии, слушая споры в области чистой теории (Гиппиус как из пушки стреляла: «Прагматизм! идеализм! реализм!»), дошла очередь до меня, Гиппиус спросила:

— Что же вы молчите?

Я спросил их: видели ли они тот свет и пламень, который мы видели, когда в юности крестились у Бебеля? * Стали обсуждать, оказалось, что видели все по-своему, но мне как-то не верилось, все как-то выходило книжно, я прямо сказал, что это не то.

— Боже мой,— сказал кто-то,— да ведь вы были рядовым марксистом! Вы об этом говорите.

Все этому засмеялись. По-моему, это был настоящий смех книжников и фарисеев *, вообще филистеров, людей, никогда не бывших «рядовыми» и, значит, некрещеных. Потому что в тот самый момент, когда человек принимает крещение, он непременно становится в ряды.

Мы принимали крещение от Августа Бебеля за благоговейным чтением его книги «Frau und Sozialismus». Перед наступлением момента света мной овладели две идеи этой книги, первая, что близко время мировой катастрофы, и вторая, что женщина после этого, «женщина будущего» явится такой, как я желал в сокровенной глубине детства своего.

В самый же момент крещения самое счастливое, самое высокое было, что я стал со своими друзьями одно существо, идти в тюрьму, на какую угодно пытку и жертву стало вдруг нестрашно, потому что было это уже не я, а мы, друзья мои близкие и от них как лучи «пролетарии всех стран».

И мы пошли за мир и женщину будущего в тюрьму. Допросы, жандармы, окно с решеткой, и свет в нем... Женщина будущего, кто она, мать, сестра, невеста, в сердце рядового, в его смятенной, смущенной душе рождается образ Прекрасной Дамы,— нужно быть рядовым!

26 декабря. Неожиданные приступы боли... Отчаяние... Тоска... И радость и мечта о будущем...

То же было и тогда, еще за границей до той страшной схватки.

Не перед новой ли схваткой это? Схваткой за смысл жизни, за ясность сознания. А то как-то обидно: будто песчинка на волнах...

Можно делать всякие опыты, но нужно оставаться свободным... Я хочу писать о жизни... Хочу писать о вечных законах жизни. Хочу изобразить жизнь в ее тайнах.

Природа! В ее вечных кругах...

Я никогда не могу описать свой роман, самую его суть... Я не могу взять море, но я могу подобрать самоцветный камушек и берегу его. Я не могу погрузиться в бездну вулкана. Но я могу собирать пемзу и остывшую лаву.

Люди настоящие, смиренные не знают света, исходящего от них. Вообще лучшее человеческое дается даром (поэтому простым народом не ценится красота) — это такой же дар, как свет, вода. Добро, красота есть дар природы. Этой естественной силой завладевают пророки и поэты, но если они оторваны жизнью от почвы, то неизбежно теряются в личном, становятся в лучшем случае колдунами, их слово висит в воздухе, возникает культ слова и за этим словом разломанная душа (декаденты).

1911 — ?

Ночью я думал о этапах с почти десятилетним промежутком: уверование в Маркса, уверование в женщину и спасение ею, приобщение к жизни. Было ли хоть раз тут «второе рождение»? Так я и не решил ничего. Но все-таки остановился на следующем: в моем опыте бездна материала для мысли. Если я когда-нибудь задамся вопросом, что все это значит, то глубокая откроется тайна. Но мне хочется нового опыта, жить дальше. Я был рожден для жизни (после того) и с тех пор медленно, но живу...

Пересматривая материалы 3-го тома, пришел к заключению, что все мои лучшие писания основаны на описании своих непосредственных впечатлений. Из замыслов ничего не выходит. Из воспоминаний тоже.

Вот что говорят о моем писательстве: человека нет *.

Не человек, а бунтующий атом человечества, и не человечества, а священной протоплазмы его и всего мира

восстал, и с ним поднимается тьма и пламень мира. И тут бывает рождение злобы во имя чувства попранной правды, рычащей злобы, звериной и страшной.

Есть он, этот атом, в революционерах в серединной их чистой, искренней части.

Меньше всего видят, как это ни странно, оккультисты, теософы и тому подобные: у них стена между ними и жизнью, и люди совершенно и навсегда зашиты схемами. Это, кажется, у них называется «ментальным планом».

Особенно это заметно по детям: когда вдруг почувствуешь какую-то стену между собой и детьми.

Истинного человека я представляю себе насквозь видящим и понимающим приходящее мгновение мира сего. Тем нам и дороги мужики, старцы, купцы и дети, что они все видят мгновение насквозь. Обыкновенно они с этим мгновением и сами пропадают, это их ежедневная трагедия, то есть не их, а вообще трагедия будней, но в этой же будничной трагедии рождается существо неумирающее, понимающее, ценящее мгновение.

Этим я объясняю себе и законность моей литературы «безликой», нужно смириться до животного, чтобы поймать мгновение жизни — изобразить — это уже дело кабинетное. Тайна в том, чтобы поймать.

Путь мой правильный, но беда моя в чем-то другом: нужно узнать, отчего я с таким трудом достигаю так мало, что вижу в достигнутом только ничтожную часть себя.

1912

Я узнал его по английской марке и такое испытывал волнение, что долго не мог распечатать и носил в боковом кармане. Целых десять лет прошло с тех пор, как я получил от нее такое же письмо, а волнение по-прежнему было сильное. Наконец я распечатал письмо и решился на чтение, как решаются в жаркий день сразу броситься в холодную воду.

«Я получила Ваше письмо и книги, но не ответила Вам сразу, потому что надпись на одной из книг возмутила меня. По какому праву берете Вы на себя монополию на то, что есть во мне «лучшего»? Поверьте, Михаил Михайлович, мое «лучшее» осталось при мне и бы-

ло, и будет со мною всю жизнь, потому что не может один человек отнять у другого то неотделимое и невесомое, которое называется «лучшим». И разве может женщина с седеющими волосами быть ответственной за слова и поступки 20-летней полудевочки? Годы, пропасть, Мих<аил> Мих<айлович>, и если бы мы с Вами встретились теперь, то мы друг друга не узнали бы. Но не для того, чтобы сказать Вам это, пишу сегодня, а для того, чтобы рассеять смешное недоразумение. Хоть Ваш знакомый и служит в банке, но, по-видимому, сведения были получены из недостоверного источника, потому что я вовсе не «директор» банка, а весьма скромная рядовая работница. Видите ли, я имела несчастье родиться женщиной и потому навеки осуждена на ничтожество и работу под начальством людей, которые не стоят моего мизинца. Напрасно Вы думаете, что быть директором трудно — я, наверно, была бы им, будь я мужчиною.

Про Вашу книгу ничего сказать не могу. Мы с Вами говорим разными языками, и мне при моей крайней утилитарности жизни трудно даже настроить свою душу так, чтобы читать с пониманием о психологии людей, столь далеких от меня во всех отношениях. Я ничего, кроме английских газет и книг, теперь не читаю.

Почему Вы не пишете о чем-нибудь более ежедневном и близком».

После нескольких неудачных попыток написать что-нибудь в ответ на это письмо я все-таки состряпал и отправил послание:

«Ваше письмо получил. Оно было для меня страшное. Вы спрашиваете, отчего я не пишу о чем-нибудь ежедневном и близком. Как художник, я должен сливать это ежедневно близкое с далеким близким. А мое близкое так далеко, что для воплощения его я должен искать людей и природу необычную. Меня смешит иногда, когда я читаю статьи моих противников, спорящих о моей «позиции». Вы были всегда моей единственной «позицией». А вы далеко, вот почему я не пишу о том, чего Вы хотите.

Мне было очень больно, В<арвара> П<етровна>, что Вы не поняли мою надпись на книге. Я думал о том «лучшем», детском, которое весь мир бросает как ненужное нам, мечтателям, поэтам и художникам, и мы возвращаем его миру обратно. Я же у Вас ничего не

отнимал, а просто подобрал ненужное Вам, что Вы и теперь не цените, и назвал его своим и Вашим «лучшим». По-моему, лучшее и не во мне, и не в Вас, а в Боге. И это лучшее по существу своему должно быть отдано, как Вы давали мне розы, а я отдаю их миру. А Вы пишете, что лучшее всегда с Вами одной и никому Вы его не отдадите и будете вечной копилкой. Значит, это не то лучшее, о котором я говорю. Не Вы одна, но и все мы, сами не зная того, отдавали свое лучшее, и другие творили из него свою веру. Мы где-то основными концами все в пучок связаны, а другие концы так болтаются. В этом наше небесное благословение и земное проклятие.. Я потому называю страшным Ваше письмо, что оно пустое, голое, как скелет, и в то же время искреннее (скелеты — самые искренние).

Теперь Вы, надеюсь, поняли смысл «возмутительной» надписи. Но я признаю, что мысль моя выражена в надписи неясно и как-то задорно очень, и потому, прошу Вас, вырезать эту страницу. Скелетных писем мне больше не нужно от Вас. Но я напишу Вам теперь еще лет через десять и пришлю Вам новую книгу, эта книга будет о Вас самой, и Вы тогда совершенно седая, как императрица Мария Федоровна, поймете наконец, что значит: «привет от Вашего лучшего». Рыцарь Максим.

P. S. Эту книгу напишет «Рыцарь Максим», и книга эта будет знаменитой. Это совершенно серьезно (потому что в ней же все мое счастье и горе будет)».

Когда я увижу ее — будет победа моей мечты, меня! Для победы теперь уже не нужно, чтобы она была женой моей, а тогда это было необходимо, и вот, вероятно, оттого и победа, что теперь что-то чувственное отмерло... Значит, чем меньше чувственности, тем ближе цель, и смерть, может быть, настоящая победа? Но почему же мир так становится близок и понятен от любви к мечте? Задержанное неосуществленное объятие раздвигает мир.. на пути к любви мира смирение: рушится «я — маленькое» и переделывается в «я — большое», стихийное; отсюда и страстная любовь к земле, к цветам.

И вот когда все гибнет, в последнем отчаянии хватаешься за обломок и плывешь по океану... нет берегов, нет земли, всюду подвижные волны... и тут конец: смирение до конца: не я правлю, а кто-то правит мною,

и я отдаюсь, предаюсь Ему. И новый мир складывается в этом опасном путешествии, и новый берег, украшенный никогда не виданными раньше цветами, и опять она, то свидание. Вот почему встреча с ней так дорога мне: тогда оправдается жизнь и будет понятно, для чего и что это было. Тогда, быть может, я отчетливо увижу закон в своей иначе бессмысленной жизни (завет: любить искусство, как ее).

Что меня спасает от смерти? Чем оправдываю я явление и значение этого образа? Тем, что в этот период бессознательно подготовляется другой, который начинается взрывом теплой любви к природе, детям, жене, к исканию красок для нового творчества, я уезжаю в глушь к семье, получаю оттуда силы, создаю что-нибудь для того, чтобы это жизненное повернуть и разбить в прах перед каменной статуей.

Значит, никакой победы, новый круг!

1913

Только по всему опыту (11 лет!) вижу, что она неистребима, на место ее ничего не становится, все остальное только навык, привычка, жизнь обыкновенная. А оно произошло из уединения и отчаяния весной, когда вокруг было так много искусства, природы, людей. Костер вспыхнул большим пламенем, дождь пошел. Не сразу большой костер заливает, и зола надолго остается горячая, так вот и теперь зола горячая... Как забыть мне пламя, создавшее меня?

Я ездил по океану, по лесам, по степям Средней Азии, притворяясь, будто я этнограф — изучаю жизнь полудиких людей. Обман удавался: меня стали читать, воображая, будто в самом деле где-то в необъятной нашей родине есть страна непуганых птиц. Я становился все смелей и смелей, хитрости мои стали все утонченнее. И вот наступило время, когда, мне кажется, я уже не хитрю: я победил, не в них правда, а во мне и моей Версальской Деве. И, быть может, наступит час, когда я прямо скажу без всякой посредствующей цепи технического литературного приема — вот где правда: я и Она!

Раз в своей жизни видел я Бога. Это было, когда мы встретились весной. Сколько было света! Какая чистая,

тихая вода была в озерах. Какие волшебные зеленые светящиеся деревья были вокруг озер! Мне казалось, что оскорбил Вас предложением быть моей женой... Что все неясное от этого. Тогда я ушел за город в ясный солнечный день. Кажется, это было в Версале. Там было это волшебное озеро, и купол небесный был над ним такой большой, большой. И тут, идя по берегу озера, я вдруг понял, до того ясно понял всю, всю правду. Хотелось сказать Вам сейчас же. И вот я подхожу к киоску, покупаю лист бумаги и карандашом пишу Вам: что понял все, что нам увидеться нужно немедленно. Одно то тяготило меня в эту минуту, что не могу я тут же сказать Вам все, что Вы, не зная этого света, промучитесь еще во тьме.

Далекий друг мой! Судьба разлучила нас в лучшие годы, время изменило наши черты, мы не узнаем друг друга, если встретимся на улице... Больше, услышав голос, я, может быть, не узнаю, что он Ваш, и Вы, что мой. Что же может нас соединить? Между тем я могу Вам писать, я постигаю Ваш духовный облик, я верю, что Вы существуете. Вы и моя совесть, и правда, истина и красота... И как я могу не верить в Вас, если все лучшее от Вас?

Аскетизм как цель есть величайшая нелепость. Он есть покров ханжи и лицемерия. Настоящий аскетизм является сам собой, как морщины на лбу, как следствие глубочайших переживаний.

1914?

Вот прошла большая полоса моей жизни, двенадцать лет под гипнозом. Так петух, когда проведут от его клюва по полу мелом черту, неподвижный остается и смотрит на нее, смешной со стороны и такой страшно значительный изнутри: еще бы, целый мир в этой белой черте для него! А стерли черту, и нет ничего, и петух зашевелился и стал просто петух.

Конечно, победила она и тем именно, что я перестал верить в нее, потому что теперь я уже знаю наверно, что это я творил ее.

Та фантастическая женщина, которой посвящены мной эти двенадцать лет, похожа на страшное зеркало,

в котором самый хороший человек все равно будет с кривой рожей. Есть такая особенная точка в сердце, возле которой все нажитое изо дня в день с великим трудом меркнет и всякая жертва не принимается и отвергается. Но ведь может быть все-таки зеркало это не криво?

Спасение в унижении, смирении и страдании: счастье в несчастье, высший трепет и боль, веришь, не веришь, нет минуты спокойствия, обжиги случайных радостей: роса на елке, цветы, много цветов, добрые животные, а люди все чудаки — отверженцы, страх перед людьми «порядочными», «умными».

И вообще моя натура, как я постиг это: не отрицать, а утверждать: чтобы утверждать без отрицания, нужно удалиться от людей установившихся, жизнь которых есть постоянное и отрицание и утверждение: вот почему я с природой и с первобытными людьми.

1914 [*д. Песочки под Новгородом.*]

1 января. Вчера был наш русский Новый год, он старыми снами для меня начался: я видел во сне судьбу свою, Вас, лицо постаревшее Ваше — не Ваше, но сила прежняя. Но как ни больно мне было, как ни горько видеть таким лицо моей возлюбленной, все равно я руку свою отдал Вам и сказал: хорошо! Едем вместе. Пробудившись в Новый год, я сильно страдал весь день, неизбывная грызла тоска, и только на другой день я понял значение сна и тоски новогодней. Прошлый год я <написал против>. Нельзя против судьбы...

Близко-близко я подступал к счастью, и вот, кажется, только бы рукой взять его, да тут-то как раз вместо счастья — нож в то самое место, где счастье живет. Прошло сколько-то времени, и привык я к этому своему больному месту: не то чтоб помирился, а так иначе стал все понимать на свете: не в ширину, как раньше, а в глубину, и весь свет для меня переменился, и люди стали приступать ко мне совсем другие.

Общинный дух русского крестьянского люда, столь милый сердцу старого нашего интеллигента, происходит от креста, соединявшего некогда крепостных рабов. Крест является человеку в неволе как свет и высший

дар свободы. Этот свет излучал некогда лик русского крестьянина, и этим светом жило прежнее народолюбие, и он сохранился в прошлом нашей истории.

6 января. Зимний рассвет: строгий, красный начался и не кончился: солнце выбивалось, выбивалось, да так и не взошло, какая-то мгла затянула все.

Снег в эту зиму необыкновенный, выходу нет, неуберимая сила, давно того не было, бывали снега, слов нет, бывали, да не такие.

Нет ничего более жалкого, расслабленного, бессильного, как русский крестьянин зимой в сильные морозы. Русская печь, такая огромная — самая слабая печь для защиты от мороза и самая угарная: как мороз, так уж непременно все в доме угорают. Я думаю, это оттого, что в мороз тепло из печи сильнее устремляется в холодную избу и угарные газы проникают через кирпичную кладку. Раньше угары были сильнее, бывало, как закроют печь в мороз, так в гости к соседу, если у того труба еще не закрыта. А если все-таки угорят, то самое лучшее средство выйти на улицу и считать звезды, часа два считать, полнеба пересчитать, и все пройдет. И вот все тогда молятся, все охают, бледные, как смерть, от угара, молятся, чтобы прошел мороз.

Теперь в нашем краю совершилась неизвестная миру техническая революция: завели чугунки, и угар прекратился. И такая вера поселилась в эту чугунку: затопишь чугунку, и нет угара. Я думаю, это оттого, что угар уходит в трубу чугунки, а отчасти и потому, что в нагретую чугункой избу не так устремляются вредные газы из печи, как в холодную.

Снятую мной избушку каждый день топили, но когда я приехал, все стали говорить о чугунке: необходима чугунка, а то угоришь. Не мог я нигде достать чугунки и, делать нечего, решил жить так. Истопила печь Авдотья, прислала дочку свою Лизу, девочку лет двенадцати, закрыть трубу. Посмотрели мы с Лизой, нет синих огоньков, и закрыли трубу. Прибежала сама Авдотья, посмотрела:

— Ничего, ничего,— говорит,— только вот, Лиза, поставь горшки в печь, а то дух в избе скоромный, а как съедобным запахнет, так лучше.— И ушла.

Я пошел и стал раскладывать свои вещи и немного спустя странно как-то себя начинаю чувствовать, как будто, кажется мне, возле каждой вещи свой особенный

заколдованный духовный невидимый венчик, хочешь взять вещь, а руки проходят через вещный венчик и не сразу попадаешь на вещь. А Лиза что-то уж очень долго копается с горшками. Оглянулся я туда: Лиза не стоит, а сидит на полу.

— Ты что, Лиза?

Она поднимается, ничего не говорит и так странно смотрит на меня и вдруг так с открытыми глазами какими-то не протестующими, валится. И вокруг нее, больше, чем везде, почему-то, кажется мне, этот особенный заколдованный духовный круг. Я иду к ней, но меня качает в сторону, и я все-таки иду, но никак не могу отчего-то приблизиться к девочке. Но дверь такая широкая, бегу к двери, отворяется, Лиза у меня на руках, болтается голова, ноги висят, не Лиза, а мешок с чем-то, я несу, весь мир обведен заколдованным кругом, спотыкаюсь и куда-то лечу: куда-то в хорошее.

Обвязанный мокрым полотенцем, поднимаю голову и говорю старику:

— Ну, вот, дед, побывал я на том свете, ничего...

В избе смеются: собралось много народу смотреть на меня.

— Что вы смеетесь,— говорю я,— правду говорю: умирать вовсе не страшно.

— Не страшно, не страшно! — подхватили сочувственно все.— От угара смерть самая легкая!

— Смерть,— говорит старый Крюков,— всякая смерть легкая. Жить трудно, а умирать легко: умер, стало быть, отмучился.

Крюков такой человек, что как завидит только образованного человека, так и сам начинает рассуждать и философствовать и все по-своему, а цель — найти общую точку.

— Смерть легка, а отчего же страх?

— Страх от людей. В горячке, в беспамятстве бормочет человек, а ближним представляется страх. Это хорошо: страх ведет к смирению. Человек смиряется и на другого смотрит: как другой живет.

Опять подложили дровец в чугунку, запахло чугуном, и все спуталось с воем метели. Но бьется такая радость, что я в семье своей. Под лесною елью с огромными снежными лапами, где-то в избах под сугробами нахожу я себя, и так радостно быть тут и мечтать,

и так верить, что все где-то возле самой точки все мы собрались такие далекие и такие близкие.

Много раз топили чугунку, и опять изба остывала — то жар, то холод, ничего среднего, ровного — вся наша Россия снежная.

12 января. Метод писания, выработанный мной, можно выразить так: я ищу в жизни видимой отражения или соответствия непонятной и невыразимой жизни моей собственной души. Встречаясь с достойным писания сюжетом, вдруг получаешь как бы веру и, не находя, страдаешь неверием.

Поэтому я не могу ничего написать из прошлого о себе самом: прошлое мое есть то, что перешло в невыразимое, то есть уже сама душа без материала для выражения, там все стало «я», то есть хаос бесчисленных материально умерших существ или даже, может быть, не рождавшихся. Нужно жить, переживать что-нибудь, и они оживают, и я пишу об этих новорожденных.

В своем прошлом я «засмыслился» и потому не могу о нем писать, нет концов клубка. Нужно верить в настоящее, знать, кто я, чтобы писать о прошлом.

13 января. Наблюдения в Песочках. Почтальон Николай был пастухом, а теперь почтальон — целая карьера. Пастух в деревне — дурачок. Кто же возьмется быть почтальоном? Конечно, только дурачок. Теперь эта должность перешла к Николаю, и тут в этом дурачке оказалось шестое чувство (шестое чувство — интеллигентность, это есть особое состояние души, первичное состояние, которое потом эксплуатируется в высших слоях настоящими «интеллигентами» или «аристократами», и так создается внешняя защита этого состояния души).

Чистая красота (бесполая, как Венера Милосская) достигается художником.

Весь женский вопрос уже давно изображен великими художниками. Создавая образ Венеры Милосской, мастер перепробовал все дозы мужского и женского, пока не удалось найти ему чудное гармоническое сочетание: женщина вся осталась, но она действует, а не только отдается. Просветляет, а не затемняет дневное сознание.

1 апреля. В сущности говоря, женский вопрос — это мужской вопрос, это вопрос нашего мужского сознания, потому что для великого множества людей сознание пробуждается в момент необходимого требования «жизни», то есть женщины, и тут для одних «счастливых» открывается путь сознания жизни в ширину, а для несчастных в глубину: счастье и несчастье — это только два различных измерения жизни. Я был несчастлив «глубоко», и я жил в себя, а не в ширину, в себя жил с первого проблеска сознания, и со мною жила голубая невеста, которой никогда не суждено было воплотиться. Я только испытывал предчувствие счастья широкого и был однажды на рубеже двух дорог, двух миров...

А то мне иногда представляется, будто где-то висит громадное зеркало, похожее на спокойное озеро с прозрачной водой, и в этом зеркале-озере все видно, и там все настоящее и прекрасное, а когда очень плохо, и мелко, и непонятно здесь, то стоит мне только заглянуть в то озеро-зеркало и все понимается. Так вот я оттуда, из этого озера, а не из Хрущева с глинистым прудом, где плавают головастики.

И лучше всего был у нас сад. Я часто видел в сновидениях его; по склону горы как-то иду я, деревья не частые, но каждое дерево издали светится, и птицы, все как в раю, в Месопотамии где-то. Если так и до сих пор снится, то как же любил я в детстве эти обыкновенные яблоневые деревья сада.

Я и мать свою помню, как Богородицу, вся была в черном, подошла к моей кроватке и рассказала, что в эту ночь светлый мальчик родится и звон по небу пойдет. А была она, мать моя, в жизни просто купеческая дочь...

Но зачем все о себе и себе. Неопытному человеку может показаться, будто я действительно о себе это пишу,— о себе, как есть — нет! нет! это «я» мое — часть великого мирового Я, оно может свободно превратиться в того или другого человека, облекаться тою или иною плотью.

Это Я — вершинная линия, проведенная над бесчисленными «я» всяких ямок, долин, горушек, пригорков. Это Я уже было, когда я маленький родился в помещичьем деревенском доме черноземной полосы.

Только величайшее уединение дает соприкосновение со звездами, когда где-нибудь в лесной пустыне идешь пропащий, так и думаешь про себя, что пропащий человек, никогда уж больше не воскреснуть и ничего не было в прошлом, кроме фиглярства, и вот оглянулся, нечаянно увидел за елью над холодной строгой зарей большая звезда сверкает...

2 июня. Неудачник — вовсе не от неудач: удачливый, счастливый человек может быть тоже неудачник (Иов) *, а неудачник — это особая мера, философия, тип мироощущение; моя неудача — это не есть неудача, потому что я ощущаю большое, к которому должен пробиться в опыте долгой жизни. Это мое испытание.

10 июня. У человека, почти у каждого, есть своя сказка, и нужно не дела разбирать, а постигнуть эту самую сказку.

14 июля. В июле бывает такой задумчивый денек прозрачный с холодком. Над рекой: в полях полусжатых, вчера могучих, стоял какой-то вопрос.

[*Петербург.*]

[*Август.*] Россия вздулась пузырем — вообще стала в войну как пузырь, надувается и вот-вот лопнет.

Должно родиться что-то новое: последняя война.

Вот уже неделю в Петербурге и начинаю привыкать: город — военный лагерь, живется при военном положении много свободней, куда-то исчезли хулиганы, нищие, исчезло разнообразие, цветы жизни, все неожиданности, у всех одно лицо, все стали друг на друга похожи, и Петербург — прямая улица, как большая дорога проезжая на войну.

В пустой квартире через форточку чудится где-то сражение, мы ничего не знаем о нем, на бабьем положении живем и все читаем, все стали идейные.

Пишу, а в окно одновременно врываются звуки граммофона, плач женщин и отдаленное солдатское пенье.

Так вот, почему же никто из социалистов не поднял голос против войны и пошел под расстрел?

[*Галиция.*]

25 сентября. Исчезновение мечтательного чувства к природе, расспрашивать, как представляется на войне природа: лес во время бомбардировки.

Волочиск — наша пограничная станция с Австрией, здесь мы добивались пропуска, и я начинаю с Волочиска описание своего необыкновенного путешествия по завоеванной стране. Местечко обыкновенное, грязное местечко юго-запада, где ютится всякая еврейская беднота. Тут был маленький бой, и за лесом в болоте есть первый крестик братской могилы. Таможня, водокачка и несколько других казенных зданий взорваны нами при первом известии о наступлении австрийцев, от взрыва погибло много сельскохозяйственных орудий. Среди этого хаоса нужно было устраиваться и притом принимать громадное и все возрастающее число первых раненых. Вначале эти раненые <поступали> сюда прямо после битвы. Волочиский питательный и перевязочный пункт был первым этапом на русской земле.

— Не нужно перевязывать, подождите,— говорили раненые,— дайте чайку.

И тут быстро, буквально из ничего возник исторический питательно-перевязочный пункт. Явились на помощь и бескорыстные бесплатные помощники — девушки из местного населения, кто-то из помещиков прислал два больших самовара, кто-то изобрел термостат, сохраняющий теплую воду в течение восьми часов, кто-то собирал деньги, словом, все быстро наладилось. У нас все нравственные силы, все запасы неиспользованных общественных чувств устремлены на помощь страдающим.

6 октября. Много я слышал с самого начала войны о зверствах, но, признаюсь теперь, я мало чувствовал: до меня долетали какие-то чужие чувства, и, самое большое, я только принимал это к сведению. Теперь, когда я попал в Галицию, совсем другое, я почувствовал и увидел в пластических образах времена инквизиции. Это не корреспонденции, это не рассказы людей, потерпевших от германского плена, это люди, потерявшие все... из-за чего?

В Галиции есть мечта о великой чистой прекрасной России.

Гимназист, семнадцатилетний мальчик, гулял со мной по Львову и разговаривал на чистом русском языке. Он мне рассказывал о преследовании русского языка, не позволяли даже иметь карту России, перед войной он принужден был сжечь Пушкина, Лермонтова, Толстого и Достоевского.

— Как же вы научились русскому языку?

— Меня потихоньку учил дедушка — дедушку взяли в плен. А я учил других, и так пошло. Мы действовали, как революционеры, мы были всегда революционерами.

18 октября. На войне у меня чувство такое же, как в сибирской тайге: оно меня давит, я беспомощен. Но в тайге я нахожу какого-то постоянного жителя, здесь нет обитателей, здесь все подавлены так же, как я.

[***Петербург.***]

3 ноября. В восьмом часу вечера получена телеграмма, что мама скончалась 1-го ноября — 4-го похороны. Я не успею.

Сегодня она последнюю ночь в хрущевском своем доме. Последний раз я видел ее в августе. Яблоки... Сад осыпался... Оскал... Худая...

[***Хрущево.***]

9 ноября. Поминки недаром выдумали, на девятый день опомнишься и начинает сниться.

15 декабря. Светлое утро. Большая звезда. Огни в печах. Когда побелели дымы. В это первое утро, первое чувство мира за время войны. А в газетах вчера было, что наши захватили множество немецких повозок с рождественскими подарками. Во сне я подходил к смертельно раненным и потом лег на спину и захотел кричать что-то на весь мир, но язык, как у парализованного, не повиновался, и только по-театральному выговаривал начало мирового вопля: «Милосердный Боже!» — и обрывался.

23—24 декабря. Отрезаны нити общения с миром в деревне зимой, метель воет, все мутно, и вот мало-помалу начинаешь понимать мать, как она сидит в деревне и следит за нашей судьбой.

Мало-помалу интерес перемещается на других, и вот это весь хрущевский быт...

Мать говорила:

— Как хорошо теперь в это время иметь кусочек земли.

Я удивился:

— Как, теперь, когда идет мировая война, думать о кусочке земли!

А мать спокойно ответила:

— Так война-то идет из-за земли же.

Потом она умерла, осталась от нее земля, кусочек земли прекрасный с парком и лесом, и часто я во время событий возвращался к чувству какой-то радости и мира — у меня есть кусочек земли; делили имение во время войны.

1915

[д. Песочки.]

1 января. На второй день Нового года брали ратников, стон, рев, вой были на улице, женщины качались и падали в снег, пьяные от слез. И вот, как он отстранил их и сел в сани, в этом движении и сказался будущий воин: отстранился и стал тем особенным существом, в какое превращается мужик на позициях.

Как я любил эту печку в избе напротив нас, бывало, утром рано, часов в пять, проснешься, часы стоят, и не решаешься, стучать ли в стену, самовар чтобы поставили, или рано и еще спят хозяева; вот тут и посмотришь в окно, пылает печка напротив, смело стучи. А вот уже дня три с тех пор, как взяли ратников, печка не горит, а только чуть светит лампада.

5 января. Не знаю, как для всего света, много ли даст существенного война, только для России она положит грань совсем новой жизни.

[Петроград.]

12 января. Молоденькая парочка идет: казалось, что это давно-давно прошло, а вот она идет, и до того ясно, что это вечное: вечная безумная попытка своим личным счастьем осчастливить весь мир.

От 12 по 31 января был в Петербурге — определялся на войну.

Салон Сологуба *: само-говорящая, резонирующая, всегда логичная мертвая маска... поиски популярности... Блок всегда благороден.

Поездка в Карпаты от «Русских ведомостей» корреспондентом.

Эта поездка будет отличаться от всех моих прежних поездок тем, что писать я буду на месте для газеты, а не беречь материалы для последующей литературной обработки.

Вообще я отныне расстаюсь с путешествием как литературной формой.

9 февраля. Проходил обоз, бывало, идут молодец к молодцу, а теперь больше бабы, да старики, да какой-нибудь бракованный.

Старик просит узнать, почему же они все на месте топчутся и когда будет конец — вот самое главное. Другой пришел узнать: честно ли ведется война?

Все эти разговоры убеждают меня до очевидности, что задача наша поддержать неизбежно утомляющийся тяжелым настоящим и неизвестным будущим народный дух.

16 (?) февраля. Гродно. Весь город как-то задавлен войной, вы берете извозчика в гостиницу и не верите, что он доберется. По одной стороне улицы остановился обоз с сеном, по другой стороне повозки беженцев со всякой рухлядью, те стоят, и эти стоят, и некуда разъехаться. Лошади беженцев воруют обозное сено, одни только среди криков, ругани стоят довольные. Вокруг везде серые фигуры военных, все эти дни бывших в жарком сражении, с виду они, кто не знает, суровые и недоступные, но стоит вот подойти к любому из них и спросить о решительном моменте встречи его с неприятелем, как на лице его появляется какая-то детская улыбка и начинается рассказ, и вы чувствуете, будто и вас призывают, вас спрашивают ответа в этом, что это значит.

23 февраля. Сегодня, 23 февраля, было совсем весеннее солнце над Гродно.

Я очень чувствителен к этому февральскому свету, еще младенческому, первый год в жизни своей я равнодушен к нему, теперь мне все равно, все это задавлено войной, и еще я знаю, как будет весной... страшно поду-

мать об этом отравленном трупами запахе, какая героическая борьба предстоит общая со всеми эпидемиями... какая тут весна, какое тут солнце может обрадовать.

28 февраля. Нашему отряду удалось из-под огня спасти около четырехсот людей, обреченных на смерть*. Три дня я видел, как врачи без сил и пищи перевязывали раненых, изумлялся, откуда взялись у них такие силы. Потом Августовскими лесами мы спасались от неприятеля под страхом попасться в плен или вовсе погибнуть от разъезда врага, шли при страшном морозе и, когда прибывали в безопасные места, опять принимались за работу — откуда, я спрашивал себя, бралась такая сила? Это была мука, но этой мукой искупались муки других. С каждым часом работы, мне казалось, люди взбирались все выше и выше на неприступную гору: муки давали силу; му́ку брали му́кой.

Пройдут столетия — какая легенда будет у людей о этой борьбе народов в Августовских лесах, эти огромные стволы деревьев, окропленных кровью человека, умрут, вырастут другие деревья, неужели новые стволы будут по-старому шуметь о старом человеке? Нет!

Один мой знакомый сравнил войну с ро́дами: так же совестно быть на войне человеку постороннему, не имеющему в пребывании там необходимости. По-моему, это прекрасное сравнение, я уже видел войну, я именно такое и получил там представление, как о деле жизни и смерти, поглощающем целиком человека. (Потом, вернувшись в тыл, я долго не мог помириться с настроением тыловых людей, в большинстве случаев рассуждающих о какой-нибудь частности. Перед ними была завеса, а я заглянул туда.)

7 марта. Стараюсь, как после обыкновенного путешествия, припомнить все мелочи, в то же время преодолеть все их, как препятствия, и представить всю картину пережитого, но сил не хватает: это необыкновенное путешествие. Самое странное, что все случилось в три дня, а кажется, прошли целые года опыта. Так ясно, что жизнь постигается в очень короткое время и даже в момент, а все остальное долгое напрасное карабканье вверх.

Так ясно и почему мы так мучимся над разрешением мировой загадки и не можем ее разрешить: просто мы

не живем полною жизнью, не причащаемся к ее постижению собственным подвигом.

И, конечно, война — постижение, но не отдельным человеком, а всеми.

[*д. Песочки.*]

25 марта. Прилет грачей. К вечеру — что сделал день! — до проруби уже дойти трудно — по всей реке намойная вода, все бледно-зеленовато на реке, бор стал тушеваться от выступающих берез. Миром веет воздух, не тем человеческим, а предчувствием вечного мира. Голосят мальчики за рекой. За баркой прячутся девочки: в прятки играют. Первая проталина еще мерзлой земли. И вдоль берега низко летят первые грачи и спускаются к реке попить воду.

Движение и открытия, движение и радость. Никогда не установишь, когда как начинается весна.

Первая весна — первое прикосновение, всегда первое в жизни. Любить можно только в первом и единственном прикосновении, нельзя любить два раза одно и то же, можно к тому же испытывать новое прикосновение и новую любовь. Весна — это вечно новое прикосновение к новому миру, нашему миру.

Любить, значит, в то же время и единственная способность узнавать мир, любить, значит, начинать узнавать, а потом приходит <2 нрзб.> и тем и страдать. Но в конечном страдании есть опять новое начало первого узнавания, первой любви, и так вечно сменяется старое знание и страдание новым узнаванием, новой любовью — зима сменяется весной.

31 марта. Где-то затор, лед сгрудился, вода залила все луга и подступила к самому кряжу на нашей стороне и к самым избам на той. Целыми плёсами лед ложился на луга, вода заливала, по ней плыли новые льдины, напирали, и вода из-под них в рыболовные зимние дырки била фонтанами.

Установился весенний поединок зимы и солнца: при ясном небе одинаково днем и ночью, при равных условиях ночью все скует мороз — царство зимы: звезды,— утром встает солнце горячее и часов до двух разрушает все, что сковано за ночь.

Сколько солнца! в хлеве корове есть принесли, и она замычала музыкально, и все были в солнечных поло-

сках, я очень удивился, что и у коров бывают музыкальные нотки.

Окно горячее, жужжание на горячем стекле первой проснувшейся мухи... Пар земной курится на проталинках и кряжу.

На солнцепеке на проталине курится пар земной, и ангелы с крыльями голубыми все вместе сошлись у входа в рай. Белое поле льда верхних рек все в движении по голубому простору разлива. Торжественным амфитеатром, замыкая горизонт полей, сошлись леса и празднуют. Человечек черный стоит у кряжа, наметкой рыбу ловит. Другой поймал тяжелое бревно, несет и рад ему, еще поймает не одно до вечера, уморится, но будет рад. Из рыхлого снега я выбился, нога моя коснулась земли, уже согретой лучами солнца: первое свидание и радость чистая неназываемая, как запах первых полевых цветов. Я чувствую, что я живу, как я и как никто теперь, и никто не может меня уничтожить, и, верю я, мое единственное неведомое богатство будет некогда радостью всех.

2 апреля. Так ясно, что надо делать для понимания мира: нужно отказаться от себя (эгоизма), и тогда душа будет светиться (поэзия и есть свет души).

Космос устроен человеком же («природа») — почему же на войне исчезает природа? потому что это новое человеческое дело — человек еще не успел подыскать символ в хаосе, но он и это подыщет.

8 апреля. Первый Апрельский весенний день, общее (внутреннее — не от разогрева) тепло. Земляника, придавленная снегом, расправляет листья, растет крапива, дерутся петухи, показались босые девочки. Рыжебородый мужик проехал (сам Апрель — не забыть рыжего!).

28 апреля. Всегда представлялось, будто я — несовершенное и обделенное существо, я не смею сказать свое, потому что где мне... я представлял себе, что это существо тут, между нами: Гете, Шекспир, Толстой? даже не эти, а просто люди старшие, учителя, устроенные семейные деловые люди, люди труда и проч. А потом, когда живешь и к этим людям вплотную подходишь — они исчезают, и так ясно, что то существо, совершенное и высшее, перед которым боишься, стыдишься, стесняешься, не в людях, а лишь почивает на людях.

Верю, что существует мир, созданный Богом, и человек его душа.

2 мая. Неудачей, мукой, трудом начинается в природе человек, и только если всю муку грядущую принять на себя вперед, можно говорить о прекрасном мире: дойти до того, чтобы не бояться и быть готовым даже на смерть, через смерть видеть мир сотворенным.

13 июня. Рожь цветет, травы цветут, время васильков. В лесу мужики делят свои покосы, мечут жребий. По утрам чисто, росисто и зарно (зарное утро — ни одного облачка; осенью бывают зарные дни). Вечера светлые без конца. В десятом часу в сосновом бору на закате горят стволы, и кажется, там служат вечерню. Скроется солнце, потухнет в бору, но светло, ровно светло, и так на всю ночь. Звезд не видно. Месяц встает и не светит. Кричит всю ночь коростель на мокром лугу.

Всему этому я всю жизнь свою поклонялся, любил это все, а теперь только изредка оглянешься вокруг себя на Божий мир. У меня такое чувство, будто множество близких людей у меня умерло, я притупился считать эти могилы, и кажется, вот настанет время — и я останусь один на земле.

Вчера узнали, что Львов отдан немцам.

26 июня. Кто родился с жаждой свободы, тому не миновать рано или поздно, как необыкновенной бабочке, попасть на иглу. Рано или поздно проколет сердце игла, и уже не возвратиться назад, как ни бейся, к прежней глупой, но драгоценной свободе. Пронзила игла, и трепещи крылышками, пока не умрешь. Трепет крылышек у пронзенного сердца — вот источник всех наших песней и мыслей о свободе. Но какие же это были песни на всей людской плесени, покрывающей землю!

28 июня. Вспомнились все эти полузамерзшие врачи и сестры: как они все спокойно шли под пулями, сопровождая транспорт раненых. И так ясно показалось, что добро чрезвычайно просто и делать его можно, как всякое простое немудреное дело, главное, что это дело.

18 июля. Во всей силе показывается немецкий механизм и беспомощная русская первобытная удаль. Чтобы разбить их, нужно в корне измениться, во всяком случае, нельзя же с голой дубиной идти. Поменьше теплоты бы да побольше рассудка.

20 июля. Столько пришлось пережить, что как посмотришь на себя тех времен до войны, до революции — не я, а бедное дитя блуждает там где-то в мареве.

3 сентября. Осеннее небо, усеянное звездами, такой вечный покой, и особенно здесь, в деревне, где каждый день раньше и раньше засыпает деревня.

Поля пустеют, и по мере этого короче дни и раньше спать ложатся в деревне, зато ярче звезды на небе. Выйдешь на крылечко — такой покой! и вдруг падучая звезда, обрезано все небо на два полунеба — метеор, мчащийся во вселенной, коснулся нашей атмосферы и открыл нам, каким сумасшедшим движением дается этот деревенский покой.

Моя старинная мечта заняться как-то особенно, по-своему, географией, вообще природоведением, одухотворить эти науки, насильно втиснутые в законы одной причинности.

[***Петроград.***]

6 сентября. И корреспонденции писать некуда, разве только в старый Петербург из Петрограда, покойникам, что за это короткое время осыпались, как желтая листва после осеннего мороза: милые покойники, мы, поколение, следующее за вами, в глубине души вашим покоем живем, наши надежды на мир, на победу, на хорошее правительство — надежды людей, мечтающих о покое. А не нужно этого, пусть уж больше и больше все разрушается до последнего часа, когда молодежь будет строить новый град...

[***Хрущево.***]

25 сентября. Все недаром!

Какая масса людей проходит даром, как тени, и кажется, все это ненастоящие, неинтересные люди, между тем в действительности все они настоящие, все интересные, стоит только попасть с любым из них на одну тропинку, как откроется неизбежно их природа в ужасающей силе, и тогда понимаешь действительность, все равно как, глядя на мелькнувшую падучую звезду, догадываешься о действительной, движущейся мчащейся природе неба, а не спокойной, как кажется.

9 октября. Понимающих литературу так же мало, как понимающих музыку, но предметом литературы ча-

сто бывает жизнь, которой все интересуются, и потому читают и судят жизнь, воображая, что они судят литературу.

18 октября. И что бы враги ни говорили о религиозно-философских собраниях, а историк отметит это искание Бога перед мировой катастрофой, как все равно простонародный летописец не упустит сказать о горевших лесах в июле 14-го года и о померкнувшем от дыма солнце.

26 октября. Дело человека высказать то, что молчаливо переживается миром. От этого высказывания, впрочем, изменяется и самый мир.

1 ноября. Когда-то в начале войны казалось мне, что победа наша над врагом будет в то же время победой над самим собой, что мы организуемся. А вот уже прошло 15 месяцев войны и Россия вся такая же: мечтает и утопает в грязи.

8 декабря. Не понимаю, какая это может быть новая счастливая жизнь после войны, если после нее освободится на волю такое огромное количество зла. Зло — это рассыпанные звенья оборванной цепи творчества. А сколько во время войны рассыпалось творческих жизней!

10 декабря. Родина. Что скажет о ней дитя ее, что откроет — не откроет чужой, прохожий человек. И то, что увидит чужой, не знает рожденный на ней.

1916

2 марта. Пройди по Руси, и русский народ ответит тебе душой, но пройди с душой страдающей только — и тогда ответит он на все сокровенные вопросы, о которых только думало человечество с начала сознания. Но если пойдешь за ответом по делу земному — великая откроется картина зла, царящего на Руси...

5 марта. Я не знаю ни одного общего числа, которое оказало бы мне пользу для исследования, наблюдения Вот, например, усиленное развитие промышленности, бывшее до войны, оно ничем не сказалось на людях того района, в котором я живу. Точно так же нынешнее развитие кооперативов — наша потребительская лавка едва влачит существование. Стремление к просвещению — наша деревня не выписывает ни одной газеты.

Между тем как большое развитие промышленности — факт, как и нынешнее развитие кооперативов и стремление к просвещению. Мы, конечно, в центральном районе не исключение, Россия так громадна, что общее число у истоков своих теряет всякое значение, общее число живет одной жизнью, а, скажем, личное число — живет другой... Точно так же от непосредственного наблюдения к общему числу можно подойти, только подгоняя одно к другому, как делает большинство наших обозревателей. Непосредственное наблюдение не приводит к общему...

Когда человек идет прямым путем, для него и креста нет. Но когда отступает от него и начинает бросаться из стороны в сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его на прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест (Амвросий) *.

Креста для человека Бог не творит. И как ни тяжел бывает у иного человека крест, который несет он в жизни, а все же дерево, из которого он сделан, вырастает на почве его сердца.

17 сентября. За окнами, укрытыми ставнями, словно что-то огромное кипит в черном котле: буря, дождь, холод и тьма крутят, студят, треплют наш осенний сад.

Неправда, но это больше правды, это ощущение писателя, что в такую минуту, не всякую, а вот такую-то мир весь точкой креста своего сошелся в его сердце и он чувствует все по правде: и бурю в саду, и войну, и спящего ребенка, и все, куда ни обратилась мысль, и настоящее, и прошлое, и будущее, такая минута веры: спросите — и на все будет ответ.

22 сентября. На постоялом дворе: географическая карта и говорят о войне. Старик подходит:

— Покажите-ка мне Россию! — Показывают. Крестится: — Слава Богу, Россию увидел!

А хозяин:

— Давно бы вам надо Россию показать.

2 октября. Луна где-то за домом, и кажется ночь, но звезда утренняя перед окном моим горит полно в рождении утра.

Так неоткрытым, неузнанным остается для меня лицо моей родины. Несчастной любовью люблю я свою родину и ни да, ни нет я от нее всю жизнь не слышу,

имся всю жизнь перед глазами какое-то чудище, разделяющее меня с родиной.

Чудище, пожирающее нас, живет где-то близко от нас, и я видел вчера в день призыва, как ворчливая негодующая толпа оборвышей поглощалась им и они, как завороженные змеем, все шли, шли, валили, исчезая в воротах заплеванного зассанного здания...

А может быть, это весна? самая первая весна, и грязь эта и оплеванная родина, все это как навоз и грязь ранней весной, выступающая всем напоказ.

1917 [*Петроград.*]

24 февраля. Вчера забастовка рабочих.

На Невском, как и в 905 году. Трамваи остановились, где-то в районе Ямской улицы все еще ходит конка, старая, темная, настоящая прежняя конка. Никто ее раньше при трамваях не видел, а теперь с удивлением смотрят: конка ходит!

26 февраля. Сегодня 26-го все газеты не вышли. Весь город наполнен войсками. «И кого ты тут караулишь!» — говорит женщина своему солдату. И так видно, что он не знает, кого он караулит: враг свой.

Фабриканты говорят, что забастовка не экономическая, а политическая. А рабочие требуют только хлеб. Фабриканты правы. Вся политика и государственность теперь выражаются одним словом «хлеб». Как вначале вся жизнь государства была в слове «война!», так теперь в слове «хлеб!». Так что историк первую часть эпохи назовет Война и вторую Хлеб.

Есть такое общее ощущение, что эта забастовка с лозунгом «Хлеб» прорвала фронт мировой войны. То была война, а то хлеб, то армия, а то «хлебармия».

Общее мнение теперь, что хлеб есть, и градоначальник вывесил объявление, что хлеб в Петрограде есть. И так вообще по Руси: «хлеб есть», но хлеба не дают.

Знакомые барышни стоят в очереди за хлебом — вы как сюда попали? «Мы шли на выставку Союза художников, смотрим — очередь коротенькая, и стали. Мы всегда, как увидим коротенькую очередь, за чем бы ни шли — остановимся». Как птички... Приходим на выставку с кусочками черного хлеба — хлеб этот для до-

ма, для семьи, а вот картины для себя: то хлеб, а то совсем другое, и та барышня милая, что стала в очередь из-за хлеба для семьи, мила.

27 февраля. Сегодня утро сияющее и морозное и теплое на солнце — весна начинается, сколько свету! На улице объявление командующего войсками о том, что кто из рабочих не станет завтра на работу, призывается в действующую армию. Мелькает мысль, что, может быть, и так пройдет: вчера постреляли, сегодня попугают этим и завтра опять Русь начнет тянуть свою лямку...

Прихожу к начальнику с докладом, а он говорит: теперь все равно: Артиллерийское управление захвачено бунтующими войсками. Предварилка открыта — политические выпущены и проч.

Но бумаги мы продолжаем писать в министерство земледелия о том, что вследствие недостатка муки и рыбы каменноугольные копи Донецкого бассейна должны прекратить работу, что Невьянские заводы должны прекратить перевозку дров по недостатку овса.

Позвонился к Петрову-Водкину *: ничего не знает, рисует акварельные красоты, очень удивился. Попробовал пойти к Ремизову, дошел до 8-й линии, как ахнет пулемет и потом из орудий там и тут, выстрелы раздаются, отдаются, кто бежит, кто смеется, совершенно как на войне вблизи фронта, только тут в городе ночью куда страшнее...

А телефон все работает, позвонил к Ремизову, что дойти до него не мог.

И так кажется, что бы ни было, но все это к лучшему.

«Какой-то старичок на Лиговке,— рассказывает швейцариха,— хлеб получил в очереди два фунта, так, бедный, и лежит с хлебом в руках».

Наступили великие и страшные дни.

28 февраля. Кончается длинный, длинный день, чуть долетают в квартиру с улицы выстрелы пулеметов. К Ремизову добраться не решаюсь: в разных домах засели полицейские, стреляют, а по ним стреляют повстанцы...

На углу Тучкова и 1-й линии кучка любопытных, мчится автомобиль с красным флагом с солдатами, пулеметом, и барышня там зачем-то сидит, и косичка у нее маленькая, маленькая рыженькая. «Ура!» — кричит, а из автомобиля стреляют: салют. Кто кричит «ура!»,

а кто удирает во все ноги. В университете организуются санитарные отряды и питательные пункты, тут все новости: что распущены Дума и Совет, что телеграмму царю послали.

Вечером возле нашего дома стрельба: где-то тут укрывается пристав.

1 марта. Из любопытства прохожу по зданию министерства: все пусто, нет ни души. Зато в университете, как в 1905 году.

Обстрел Зимнего дворца, раздача оружия малолетним. Вопрос — где царь. Легенда слабая: «царь сдался». Обстрел Зимнего дворца. А Протопопов * будто бы скрылся в Зимнем дворце, но ему предложили сдаться, потому что из-за него разобьют дворец, и он сдался и впал в обморок, и его на носилках унесли в Думу.

Жуткий вопрос, что делается в остальной России — никто этого не знает... Кто-то говорит: радость какая, будто Пасха.

2 марта. Утренний пеший поход в Государственную Думу. Полная тишина: ни одного выстрела.

В Думе: у жерла вулкана. Котел с пищей под кафедрой — солдаты едят. Екатерин. зал: солдатский митинг.

3 марта. Время. Редко может кто сказать о событиях с точным определением времени, так много всего пробегает в обыкновенный его час. День чудесный — солнечно-морозный Март. И возрастающая радость народа. На Невском огромное движение, снимаются иллюминационные императорские гербы, складывают в кучи, зажигают, а в витринах показывается объявление об отречении царя. Процессии рабочих-солдат с: «социалистическая республика» — «вставай, подымайся» («Боже, царя» не существует).

5 марта. В ожидании первых газет длинная очередь. И когда они вышли, то все с разных сторон города весь день, возвращаясь домой, пуками, как носят вербу, цветы, несли газеты, кто какие добыл.

Прорвалось — нарыв... самые употребительные слова. Может быть, там, на фронте (в Госуд. Думе), все еще боятся краха, но здесь, в тылу, совершается празднество настоящей великой победы.

— Товарищи! — говорит извозчик,— посторонитесь.

— Товарищ! — говорит офицер извозчику,— довези до Литейного.

Появились в ходу огромные бумажные цветы, и солдаты их лепят и на грудь и на живот.

6—7 марта. После дней революции я еще не напечатал ни одного своего слова, и мне радостно, что я еще ничего не сказал: как будто передо мною лежит огромное невспаханное поле девственной земли, и я, как многие пахари, теперь в Марте, осматриваю перед началом работ свою соху и потом выхожу на пригорок осмотреть поля.

Прошлое, как большая низина болотная, и я в муках ищу высокое место, откуда можно бы оглянуться на себя и на все.

23 марта. Когда начала смолкать стрельба на улицах и люди стали выходить из домов массами на Невский, в это время газетного голода вынес некий торговец множество книг в зеленой обложке, мгновенно его окружила огромная толпа, и когда я добился очереди, то ни одной книги для меня не нашлось: все было раскуплено. Книга эта была «История французской революции». Кто только не прочел ее за эти дни! Прочитав, некоторые приступили читать историю Смутного времени, которая читалась с таким же захватывающим интересом, как история французской революции. Так само собой, имея под собой почву революции, возникло, пробудилось великое стремление знать свою родину, и через несколько лет каждый будет знать историю, потому что это стало совершенно необходимо, потому что образование стало таким же нужным для творчества жизни, как пахарю плуг.

30 марта. Приближенные царские давно уже, как карамельку, иссосали царя и оставили народу только бумажку. Но все государство шло так, будто царь где-то есть. Та часть народа, которая призывала к верности царю, сама ни во что не верила. Не было времени, и можно было узнать его скорость лишь в быстрой смене министров и росте цен. В тишине безвременья каждый давно уже стал отворачиваться от забот государственных и жил интересом личным: все грабили. Это привело к недостатку продуктов в городах и армии. Недостаток хлеба вызвал бунт солдат и рабочих.

31 марта. Таинственная страна была Россия с народом сфинксом. Теперь неизвестная земля показалась: «Земля, земля!» И корабль наш причаливает.

А о том, как теперь в глубине России люди живут, все еще ничего не известно.

Когда тревога, похожая на состояние души во время кораблекрушения, миновала и мы увидели, что жить еще можно, и оглянулись вокруг себя, то услышали, что все вокруг заботятся о хлебе насущном, становятся в бесконечные очереди перед хлебными лавочками, пробуют раздобыть сахару, масла, мяса. Было похоже на кораблекрушение, после которого мы попали на землю необитаемую и стали придумывать средства жизни на этой новой земле.

Раньше мы жили в стране неподвижной.

21 мая. Министры говорят речи, обращаясь к столичным советам, съездам, к советам съездов, к губернским комитетам, уездным, волостным и сельским. А во всех этих съездах, советах и комитетах разные самозваные министры тоже говорят речи, и так вся Россия говорит речи, и никто ничего не делает, и вся Россия сплошной митинг людей.

23 мая. Нытиков теперь нет, много испуганных, но нытиков нет, жизнь интересная.

18 июня. Хрущево. Время такое головокружительно быстрое, кажется, все куда-то летит, но вот попадается на глаза теленок, жует он по-прежнему медленно, ровно, попади он как-нибудь в связь со временем, зацепись как-нибудь хвостиком за человеческое быстрое время — и в какой-нибудь час стал бы огромным быком.

Но это чудо не совершается, и природа творит свое дело, не подчиняясь желанию человека. Так что с природой считаться нужно.

11 июля. Неведомо от чего — от блеснувшего на солнце накатанного кусочка тележной колеи, или от писка птички, пролетевшей над полями, или от облака, закрывшего солнце, вдруг повеяло осенью, не той, которая придет к нам с новой нуждой и заботами, а всей осенью моей родины, с родными, и Пушкиным, и Некрасовым, с тетками, с бабами, с мужиками нашими, с дегтем, телегами, зайцами, и ярмаркой, и яблонями в саду нашем, и потом и с весной, и зимой, и летом, и со всеми надеждами и мечтами нераскрытого, полного любовью сердца. А потом вдруг: что это все погибает. Новое страдание, новый крест для народа русского я смутно чувствовал еще раньше, неминуемо должен прийти, чтобы искупить — что искупить?

Так развязываются все узлы жизни. Вот развязалось в хозяйстве: сено сопрело, вышло из круга и теперь стало понятно, как мы уберемся. Так же и в этом узле всей России и всей мировой войны: Россия выходит из круга.

16 июля. Керенский и Чернов становятся палачами*. И делают они совершенно то же, что и буржуазия, заменяя название целей — «незыблемая основа трона», «священная прерогатива монарха» и проч., своими названиями: «завоевания революции, основы демократии» и проч. Изменяются слова и формы, сущность остается совершенно одинаковой.

22 июля. Терраска у меня крытая, с перилами и столбиками, будто рубка на пароходе. Вечером, бывает, когда спать лягут все и тихо сядешь и оглянешься возле себя — вот деревья распускаются, другой раз сядешь и смотришь — деревья цветут, а то вот уже и пожелтели и листья на террасе лежат, и кажется, будто плывешь куда-то — куда? Прошлый год проплывал тоже этим краем и здесь же раздумывал, чем кончится это путешествие, удивлялся, никак не догадался, что кончится разгромом монархии. А теперь? неужели кончится созданием монархии?

В комитеты мы не верим. И даже в Учредительное собрание не верим. Чтобы это вышло, должно совершиться нечто, не хватает какого-то звена.

31 июля. Не работа страшна человеку, а забота. Заела забота, и не знаешь, что к чему выведет. Одни говорят, что хлеб все равно отберут, хлеб не свой, а государственный. Другие говорят, что хлеб не дадим, пусть сначала устроят дешевые сапоги, штаны, тогда и хлеб отдадут.

1 августа. Государство есть организация силы. Сила осуществляется властью. Извне эта власть обращена на защиту границ государства. Изнутри на индивидуума, который силою подчиняется целому. В монархическом государстве подданные не свободны. В республике свободны, потому что индивидуум сознает необходимость подчиняться и подчиняется добровольно. Путь освобождения от государственного насилия есть путь сознания личностью необходимости жертвы общему делу.

4 августа. Мать преображалась, когда выезжала из своего гнезда в Задонск или в Оптину пустынь*, и так весь народ наш преображается, когда странствует. И вот мы, интеллигенты, эту часть души народа наследуем

и поражаем иностранцев широтой и великодушием. Из области литературы, искусства и подпольной политики мы теперь странниками вступили в мир сплетения корысти народов и здесь проповедуем мир всего мира.

7 августа. Мы чего-то ждем, какого-то решения или события.

8 августа. Сухо, сухо. Гудит молотьба на деревне. А сеять мы перестали: очень сухо. Как отсеюсь, так и нырну в Питер. Окунусь и установлю, что дальше: жить со своими темами или принять участие прямое в жизни сей?

10 августа. Может быть, Россия движется к гибели и явно нелепы все эти новые учреждения, земельные комитеты, продовольственная управа и всякие другие деревенские комитеты, но что за это время человек стал совершенно другой — это несомненно, нелепо он поступает, нелогично, но психологически он был гражданином. Стукнулись лбами, но поняли.

Три дня не был в поле и вышел и увидал свое дело, я работал простуженный, ходил с пудовым лукошком семян на шее, швырял семена, а в саду моем грабили сливы, ломали сучья, я уходил в сад разгонять воров, возвращаясь в поле, заставал в просе телят, на клевере лошадей; тогда я не думал, хорошо ли, плохо ли мое дело, лишь бы покончить; а вот теперь,— о, какая радость! — я глянул на поле после дождя по солнышку: рожь уже вышла из краски, внизу была розовая, вверху зеленая и на каждом зеленом листике висела капля сияющая, как алмаз. Я все поле исходил, шаг за шагом много раз, и тут было много мест, связанных с болью души, вот здесь я... (все мои горести) теперь на всех моих больных местах было такое согласное, и я всему этому дал жизнь. Вот обсев — черная земля. Я возвращаюсь домой, беру лукошко с семенами и подсеваю, подправляю.

20 августа. Хозяйство — борьба с природой, с хищниками, нелепым человеком, с его скотом. И сразу тут ничего не сделаешь: дерево мира вырастает в борьбе, и обыкновенно не тот садится отдыхать под ним, кто растил его, сядет кто-то другой. В борьбе и муках вырастает дерево мира. Так разные народы растят свое дерево мира, и оно служит для всякого миром, но растят его они в борьбе.

Вижу я поле, осеннее крестьянское, без конца в длину и ширину, поле, соединенное из мелких душевых полосок, поле с потускневшим жнивьем убранной озими, поле печальное, грачи табунятся, и скот бродит в большом числе, и одна копешка, неубранная и несворованная, и одна полоска, худо сжатая и растрепанная. И будто бы тучи на небе ходят, то закроют солнце и брызнет дождик, то чуть поясиеет, словно тяжко больной лежит и то одумается, то опять все замутится, задернется. Ветер проносится по полю быстро, как Время революции, и так это странно смотреть на черного бычка: вот мчится куда-то ужасное Время, а он, черный бычок, стоит и жует и не смотрит и не хочет смотреть на Время, стоит и жует непрерывно, и с ним вместе все стадо жует непрерывно, и земля эта иссера-желтая лежит вечно, и недвижимо, и равнодушно.

[***Петроград.***]

1-го сентября в ночь на 2-е. Мы теперь дальше и дальше убегаем от нашей России для того, чтобы рано или поздно оглянуться и увидеть ее. Она слишком близка нам была, и мы о ней гадали, но не видели; теперь, когда убежим, то вернемся к ней с небывалой любовью.

8 сентября. Брошена земля, хозяйство, промышленность, семья, все опустело, все расщепилось, в десятый раз умерли всякие покойники: Тургенев, Толстой, закрыты университеты, еле-еле живут люди в городах, получая $^1/_2$ ф. хлеба в день.

14 сентября. Для будущего драматурга будет очень легко изобразить небольшой эпизод мировой войны, который представляет собой демократическое совещание: потому легко, что оно даже и совершается в здании Драматического театра.

В оркестре, как бы из подполья, сто человек хроникеров, стенографистов, журналистов с точностью записывают происходящую драму.

На меня, приехавшего из провинции, сильнейшее впечатление производит выступление Керенского. Я делюсь своими впечатлениями с журналистами, и они, конечно, смотрят на меня как на провинциала: они сотни раз слышали Керенского, и на них его слова не действуют. Мало-помалу и мной овладевает то же странное

состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые останутся словами театра.

Конечно, многие из присутствующих, говорящих об обороне страны, готовые пойти на фронт и положить свою жизнь за родину: но что из этого? Нужно не «я готов умереть», а «мы готовы»...

— Все ли тут согласны? — спрашивает Керенский.— Я не могу здесь говорить, если не уверен, что тут присутствуют люди, которые готовы назвать мои слова ложью!

— Есть такие! — хором отвечают большевики.

Керенский борется с большевиками, происходит драматическая сцена. Публика, кажется, готова разорвать большевика, кричит, где он, ищут.

И вот один поднимается и вызывающе смотрит. Потом шум стихает. Большевик садится. А Керенский продолжает говорить о защите родины.

Керенский большой человек, он кажется головой выше всех, но только если забываешь и думаешь, что сидишь в театре.

В действительной жизни власть не такая, она страшная. Эта же власть кроткая, как природа, приспособленная художником для театра.

Так создается это чрезвычайно странное состояние, как в театре: каждый из неподвижно сидящих зрителей, каждый в отдельности готов идти за своим Верховным главнокомандующим, но никто не пойдет, когда представление кончится, и все пойдут по домам.

10 октября. Простая женщина подошла в трамвае к важной барыне и потрогала ее вуальку на ощупь.

— Вот как они понимают свободу!— сказала барыня.

14 октября. Раз я провел вечер в ресторане в обществе Горького и Шаляпина. Я первый раз тогда видел Шаляпина не в театре. Он был в этот раз нравственно подавлен одной неприятной историей и сидел без всяких украшений, даже без воротничка, белой глыбой над стаканом вина. Кроме Горького и Шаляпина, тут, в кабинете, было человек десять каких-то мне незнакомых, и дамы. Разговор был ничтожный. Вдруг Шаляпин, словно во сне, сказал:

— Не будь этого актерства, жил бы я в Казани, гонял бы голубей.

И пошел, и пошел о голубях, а Горький ему подсказывает, напоминает. И так часа два было о голубях в ресторане, потом у Шаляпина в доме чуть не до рассвета все о Казани, о попах, о купцах, о Боге без всяких общих выводов, зато с такой любовью, веселостью.

Так у меня сложилось в этот вечер, что Шаляпин для Горького не то чтобы великий народный артист, надежда и утешение, а сама родина, тело ее, бог телесный, видимый. Народник какой-нибудь принимает родину от мужика, славянофил от церкви, Мережковский от Пушкина, а Горький от Шаляпина, не того знаменитого певца, а от человека-бога Шаляпина, этой белой глыбы без всяких выводов, бездумной огромной глыбы, бесконечного подземного пласта драгоценной залежи в степях Скифии.

Из деревни, приехав в город, два месяца ходил я по собраниям, в общественные говорильни, слушал внимательно, что говорят, читал записанное в газетах, накопил гору сказанных и написанных слов, и дух мой, спасаясь от гибели, забился в смертельной тоске. Нет, не теми словами говорим мы и пишем, друзья, товарищи и господа мира сего. Наши слова мертвые камни и песок, поднятые вихрем враждебных, столкнувшихся сил.

Собираю, пишу картину художественную, нижу слово за словом, привычно подбирая их одно к одному, но вот входит хозяин из очереди и говорит мне, рассказывает ужасное. Я бросил художество и хочу писать для газеты, но слова мои будто мертвые камни. И то не нужно, и это не нужно, что же делать?

7 ноября. Движение началось уже с первых дней революции, и победа большевиков была уже тогда предопределена.

11 ноября. Большевизм есть общее дитя и народа, и революционной интеллигенции.

12 ноября. Родина стала насквозь духовной, мы знаем, что это никто не может отнять у нас и разделить, но не ведаем, как воплотится вновь этот дух.

30 декабря. Когда стучусь к Ремизову и прислуга спрашивает,— кто там? — я отвечаю, как условились с Ремизовым, по-киргизски.

— Хабар бар?

Значит, есть новости?

Девушка мне отвечает со смехом:

— Бар!

И я слышу через дверь, как она говорит Ремизову:

— Грач пришел!

Киргизские мои слова почему-то вызывают в ней образ грача и всегда неизменно. Сама же Настя белая, в белом платочке, и притом белоруска. Кто-то сказал ей, что Россия погибает. Сегодня она и передает нам эту новость: Россия погибает. И на вопрос мой киргизский: «Хабар бар?»

— Есть,— отвечает,— Россия погибает.

— Неправда,— говорим мы ей,— пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет.

— Как,— спрашивает,—Леу?

— Толс-той.

— Леу Толс-той.

Пушкина тоже заучила с трудом, а Достоевский легко дался: Пушкин, Лев Толстой и Достоевский стали для Насти какой-то мистической троицей.

— Значит, они нами правят?

— Ах, Настя, вот в этом-то и дело, что им не дают власть, вся беда, что не они. Только все-таки они с нами.

Как-то пришел к нам поэт Кузмин *, читал стихи. Настя подслушивала, потом спрашивает:

— Это Леу Толстой?

Потом пришел Сологуб, она опять:

— Это Леу Толстой?

Ей очень нравятся стихи, очень!

Как-то на улице против нашего дома собрался народ и оратор говорил народу, что Россия погибнет и будет скоро германской колонией. Тогда Настя в своем белом платочке пробилась через толпу к оратору и остановила его, говоря толпе:

— Не верьте ему, товарищи, пока с нами Леу Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет.

31 декабря. Есть люди, которые живут на ходу — остановился и стал бессмысленным. И есть читатели, которые массу читают, но после прочтения ничего не помнят. Так теперь похоже и мы все в государстве Российском в заключение Нового года: испытав такую жизнь, никто не знает, что будет дальше и что нужно делать.

Я вам скажу, что нужно делать: нужно учиться, граждане Российской республики, учиться нужно, как маленькие дети. Учиться!

1918

[Петроград.]

1 января. Встретили Новый год с Ремизовыми: их двое и я, больше никого. На дворе стужа ужасная.

Мне понравилось, как вчера, в трамвае одна молодая дама, увидав объявление о бал-маскараде, гневно сказала:

— В такое время негодяи о каких-то балах думают, нашли время!

С Новым годом поздравляемся... и не знаем, что пожелать, говорим:

— С Новым счастьем!

19 февраля. На Невском в трамвае, как бывает — сидят люди молча, хмуро, стоят в тесноте, поглядывают, как бы сесть. И вдруг языки развязываются, все вступают в спор, и видишь в окошко, что на улице тоже везде кучками о чем-то говорят. Это значит, что день поворотный, исторический. Никаких газет не надо в эти дни, нужно только прислушиваться, о чем говорят.

21 февраля. Так все напряженно, и уже никаких митингов на улице нет и длинных разговоров... В печати появилось новое выражение: гибель социалистического отечества.

27 февраля. В трамваях заметно стало просторней: солдаты разбежались, рабочие ушли «на позиции». Говорят, будто Бонч-Бруевич кому-то сказал: мы заключили мир в Берлине.

2 марта. К вечеру узнаю, что мир подписан *.

4 марта. Вечером, вероятно, от голода внезапно заболела голова, едва отлежался — голод настоящий. Кто-то просит рассказ написать в сборник, совещаемся о сибирских детских журналах.

5 марта. Утро — иду, весна! Только калоши худые. Светится небо, все ликует, а голубей на улицах ни одного: выловили, или сами подохли.

Продукты все как-то сразу исчезли с рынка.

6 марта. Наконец-то решилась хозяйка моя купить конину, опустила ее в святую воду и подготовила вообще к вкушению котлет такую обстановку, будто мы грех какой-то совершаем, не то человека, что ли, зажарили. И стоит она у печки старая, голодная, страшная.

Собака голодная, облезлая шла, качаясь, по Большому проспекту, на углу 8-й она было упала, но справилась, шатаясь, пошла по 8-й, навстречу ей шел трамвай, она остановилась, посмотрела, как будто серьезно подумала: «Стоит ли свертывать?» — и, решив, что не стоит, легла под трамвай. Кондуктор не успел остановить вагон, и мученья голодной собаки окончились.

15 марта. Пламя пожара России так велико, что свет его, как солнца свет утреннюю луну закрывает, так невидим становится свет всякого нашего личного творчества, и напиши теперь автор подлинно гениальную картину, она будет как бледная утренняя луна, бессильная, лишняя.

22 марта. Прислонившись спиною к решетке Аничкова моста, девушка, очень миловидная собой, в очках, стоит с протянутой рукой и в руке коробочка с двумя кусочками мыла. На нее никто не обращает никакого внимания, потому что она очень нерешительно предлагает мыло, и вся как-то ни к чему здесь, и совестится, и еле-еле шевелит губами, предлагая мыло. Я нарочно раза три прошел мимо нее, чтобы разобрать ее слова, и наконец услыхал:

— Метаморфоза.

Вероятно, это было название мыла.

26 марта. Скрою же грусть свою и тайну свою отдам небесной лазури.

Отдам же грусть свою небесам —пусть они дадут за нее радость вам, и тайна моя, растворенная в золотых лучах солнца, незаметным нечаянным и радостным чудом украсит для детей луга цветами, поля хлебами, моря просторами и воздух прозрачностью.

3 апреля. Моей любовью стал медвежий угол России, моей неприязнью — мещанский уклад Европы.

В природе русской мне больше всего дороги разливы рек — в народе русском его подъемы к общему делу — и как бывало на покосах, и в первое время войны, и в первые дни революции.

Крестьян замучила чересполосица, интеллигенцию — платформы и позиции.

10 апреля. Я с малолетства знаю всех мужиков и баб в нашей деревне, они мне кажутся людьми совершенно такими же, как все люди русского государства: дурные,

хорошие, лентяи, бездарные и очень интеллигентные. Никогда я себя не отделял от них, никогда не выделял мужиков от других сословий, только они ближе других были ко мне, и потому я говорю о них.

14 апреля. Нынче я приезжал в наш город и еще не видел своего хутора, захожу в одну лавку и там встречаю седую, старую Любовь Александровну. Не поздоровавшись даже со мной, спросила:

— Видели, полюбовались?

Я слышал, что мужики разгромили ее имение.

— Нет,— ответил я,— не видел и не любовался.

— Очень жаль: плоды ваших рук.

— Как моих?

— Ваших, ваших! — крикнула она.— У всех помещиков дома разграблены и снесены, а ваш дом стоит.

Я сведений о своем доме еще не имел.

Я никогда не считал наш народ земледельческим, это один из великих предрассудков славянофилов, хорошо известный нашей технике агрономии: нет в мире народа менее земледельческого, чем народ русский, нет в мире более варварского обращения с животными, с орудиями, с землей, чем у нас. Да им и некогда и негде было научиться земледелию на своих клочках.

Видел ли кто-нибудь картину весеннюю во время движения соков срубленных молодых березовых рощ? Сок ведрами льется из срезанного ствола, заливает землю вокруг, как снегом, так блестит на солнце нестерпимым блеском, потом начинает краснеть, краснеть, и вот все становится ярко-красным.

Издали слышатся удары топора, я иду посмотреть на человека, который так издевается над природой. Вот он сидит на огромном в три обхвата парковом дереве и, очищая сучья топором, распиливает труп. Мне больно за что: я знаю, не больше как через год мысли этого человека переменятся, и он будет сажать деревья. Его мысль очень короткая, но дереву такому надо расти больше ста лет, как может он приближаться со своей короткой мыслью к этому чудесному дереву.

2 мая. Принципы творчества будущего: ветер, буря, революция. Личность находит себя в настоящем, в любви к текущему: мир свет, любовь.

Из слободы движется стадо коровье и разбредается по разным улицам: коровы сами идут в свои дома. Только новых коров провожают хозяева, иногда женщины, иногда мальчики или девочки. Мы смотрим в окно и на коров и вдруг все воскликнули:

— Капитолина Ивановна!

Самая богатая наша барыня Ельца, Капитолина Ивановна, в шляпе, хорошем пальто и с веточкой в руке шла за коровой.

— Вот до чего дожили.

Завтра погибнет мой сад под ударами мужицких топоров, но сегодня он прекрасен, и я люблю его, и он мой.

Прощаюсь с садом и ухожу; я найду где-нибудь сад еще более прекрасный: мой сад не умрет.

3 мая. Однажды поздно ночью этой зимой шел я по улице пустынной, где грабили и раздевали постоянно. Иду я, думаю: «Проскочу или не проскочу?» — совершенно один иду, и вот показывается далеко другой человек. Оружия нет со мной, а кулак на случай готовлю и держу его так в кармане, будто вот-вот выхвачу револьвер. Тот, другой, приближается, всматриваюсь: книжка в руке, слава тебе господи! с книжкой человек не опасен, он друг мой.

Неведомый друг мой с книжкой в руке, вам пишу это письмо из недр простого русского народа.

3 июня. Многие в провинции спрашивали меня, видел ли я когда-нибудь Ленина и потом — какой он из себя и что он за человек. Пусть Ленин все равно какой, мне нужен в Ленине человек убежденный, честный, сильный.

[***Москва.***]

8 июля. Знакомый журналист приходит и объявляет нам: Мирбах убит *.

Странные часы мы провели в это воскресенье: мне казалось, в этой пустоте весь рост жизни остановился, цветы не цвели, трава не росла, всеобщая была пустота и в пустоте... Мирбах.

10 июля. Может ли из страдания человека одинокого выйти счастье, радость — спасение всего человечества? Или его радость — награда сама собой, а их счастье

само собой, только потом, чтобы все на свете примирить и сладить, устанавливают, что страдание одинокого человека мир спасло.

29 июля. Что бы там ни говорили в газетах о гражданской войне и все новых и новых фронтах, в душе русского человека сейчас совершается творчество мира, и всюду, где собирается теперь кучка людей и затевается общий разговор, показывается человек, который называет другого не официальным словом товарищ, а брат.

[*Хрущево.*]

6 августа. Политика стала личным делом такой же ценности и необходимости, как обеспечение своей семьи мукой, чаем и всякой всячиной, необходимой для ежедневного проживания.

11 августа. Горький затевает какое-то массовое издательство иностранных писателей *.

31 августа. Помню, Петров-Водкин писал яблоко во время революции и потом говорил мне, что такое яблоко он мог написать только во время революции.

8 сентября. А счастье свое, настоящее, вечное счастье я понимаю в тихом подвиге, тайном деле с отказом от пользования благами — это моя тайная сущность, приступить к выполнению которой мешает мне не то обида, не то гордость, не то неизведанность того, что все изведали, что-то весьма маленькое, что в то же время заслоняет большое: неустройство в моем доме мешает войти в великий дом всего мира.

Что редко встречается теперь в нашем возрасте — это способность до конца друг другу доверяться, шагнуть как-то через все невозможные перегородки и в конце концов радостно встретиться.

11 сентября. Роковой седой волос выбивается на свободу и будто шепчет: «Спеши!»

Однажды Ремизов сказал:

— Вот бы настоящим критикам разобрать интересный вопрос, почему Пришвин не хочет описывать людей, а все коров, собак и всякую такую всячину.

Это вот почему: потому что сердечной жизни человека (себя) я не понимаю и боюсь трогать этой догадкой,

спугивать, непережитое отдать бумаге, расстаться с будущим. Тут дело мудрое.

21 сентября. Пошлостью называется состояние, когда идеальное наивно заменяется неизбежно житейским, цинизмом.

22 сентября. Какая тишина в золотых лесах! Далеко где-то молотилка, будто пчела жужжит, а войдешь в лес, то пчела, будто молотилка,— так тихо!

Тихо, тихо: земля под ногою, как пустая, бунчит.

Светлый прудик тихий, обрамленный осенним цветом деревьев, как затерянное начало радостного источника встретился мне на пути. Тут с разноцветных деревьев: кленов, ясеней, дубов, осин — я выбираю самые красивые, будто готовлю из них кому-то цвет совершенной красоты.

Источник радости и света встретился мне на пути, и все ясно мне в эту минуту, как жить мне дальше, чтобы всегда быть в свете и радости.

Есть личные тайны, которые не только нельзя рассказать другому, но и себе не признаешься в них: их можно рассказывать другому лицу только поступками, а словами сказать — убивать их.

24 сентября. Сколько забот теперь, чтобы просто прожить. Керосину нет, сапоги развалились, где достать к зиме валенки, чем лошадь прокормить — конца нет заботам!

Мы входим внутрь природы, делаемся составными частями ее механизма, лишенные сознания значения своего участия и удивления.

Ночью на страшной высоте где-то под самыми звездами, чуть слышные, летели дикие гуси,— на мгновенье колыхнулось прежнее чувство красоты и великого смысла их перелета, а потом исчезло, как излишняя роскошь.

[*Елец.*]

29 октября. Прошло всего 18 дней с того дня, когда я с узелком в руке оставил Хрущево, а кажется, год прошел.

5 ноября. Старый нотариус Шубин в своем саду по ночам спиливает сучья деревьев для отопления, он же клеит конверты, вяжет чулки и делает гильзы для папирос.

10 ноября. В любви можно доходить до всего, все простится, только не привычка...

Два дня хлопочу о разрешении выехать в Москву. Чем меньше хлеба, тем больше бумаг, а бумажное производство растет по неделям, как цены.

[*Москва.*]

22 ноября. За полтора месяца не написал ни одной строчки первый раз в литературной своей жизни. Не прочел ни одной книги.

24 ноября. Опустошение жизни за два месяца моего отсутствия в Москве ужасающее: Москва теперь совершенно умерший город.

[*Елец.*]

22 декабря. Метель такая, что едва не погибли по дороге в баню... В городе помыться нельзя: бани по недостатку дров закрылись, в домах холод, как в окопах, развелась на людях тельная вошь. В деревню приехали помыться! Борьба со вшами и тут же забота о театре для народа.

25 декабря. Я всегда чувствовал безнадежную серость русской жизни. Пусть все гибнет, что подлежит гибели и что хочет гибнуть, это гибнет частное, я отделяюсь от него и прославляю жизнь. Я не нуждаюсь в богатстве, славе, власти, я готов принять крайнюю форму нищенства, лишь бы остаться свободным, а свободу я понимаю как возможность быть в себе...

1919

[*Елец.*]

3 января. Брат мой лежит, умирает *, а я здоров и готов любоваться каждой росинкой. И то правда— чувство страданья, которое испытывает брат мой, и это чувство радости жизни— правда: так живет природа. А человек начинается там, где радостный вокруг себя он

внутри принимает от брата страданье (сострадание) — му́ку за му́ку берет в свою душу.

6 января. Как ни худеют, ни стареют женщины, но все-таки они заметны, их видишь всюду действующим лицом в жестокой борьбе, а мужчина куда-то вовсе исчез, бродит тенью, вертится на какой-нибудь ужасно беспокойной должности, как бумажный акробатик.

7 января. Нет, свобода это еще не любовь. Свобода — это путь любви или: свобода — это свет любви на кремнистом пути жизни.

8 января. Тихий утренний час. Не вижу, но чувствую над снегами звезду утреннюю. Мое призвание вбирать в себя, как губка, жизнь момента времени и места и сказочно или притчами воспроизводить, я цвет времени и места, раскрывающий лепестки свои невременные и непространственные.

Под землею лежит желтая, пробитая морозом озимь, и снег над желтыми стеблями, ветер поднимает метель, играет снегом, заносит снежной пылью дороги, деревни, вагоны...

18 января. Разве у счастья руки не длиннее, чем у горя, и разве оно не ближе достигает души человеческой?

Идеал — движение: горе и счастье одинаково могут открыть и закрыть путь.

Несчастье всего нашего существования в том, что мы живем в стороне от нашей души и что мы боимся малейших ее движений.

Нужно, чтобы каждый человек нашел для себя лично возможность жить жизнью высшей среди скромной и неизбежной действительности каждого дня.

Для того чтобы душа наша стала мудрой и глубокой не достаточно мельком взглянуть на вселенную в тени смерти или вечности, в свете радости или в пламени красоты и любви. Такие минуты бывают в жизни каждого человека и оставляют его с пригоршней бесполезного пепла. Недостаточно случая — необходима привычка.

Гораздо важнее *увидеть* жизнь, чем *изменить* ее, потому что она сама изменяется с того мгновенья, как мы ее увидали.

20 января. Доклад о войне и смысл доклада: союзники могут двинуть на нас войной только летом, а до тех пор нужно овладеть Доном, Украйной, Сибирью и добыть хлеб. Решительные дни.

21 января. Откуда мне это? Мать ли, не отдавшая отцу моему свое девичье лучшее, не ведавшая сама того, неизведанное и сохраненное богатство свое нетленно передала мне, сам ли я, не молясь, намолил себе у неведомого бога эту тихую минуту утреннюю, когда еще не сошла с неба звезда и птицы спят на деревьях и люди в своих лачугах,— в эту минуту, похожую на утреннюю звезду, я испытываю радость необъяснимую.

Тогда мне кажется, я в каком-то явном союзе и со звездой, и с этим бледнеющим месяцем, и со спящими на деревьях птицами. Все тогда радует меня: скрипение полоза саней, и внезапный лай проснувшейся собаки, и кот на крыше, и свет голубой на снегу — все, я со всеми, со всей землей, со всем миром, со всей вселенной радуюсь.

Может быть, это солнце восходит, и погребенный под снегом, сохраняемый матерью-землей корень и в корне будущий цветок предчувствует свое весеннее воскресение и передает мне радость свою?

В эту минуту, когда кажется мне — я один, как первый признак восходящего солнца существую, ничто человеческое не может погасить мою радость.

21 февраля. Мне снилось, будто душа моя сложилась чашей— мирская чаша...

2 марта. Как счастлив был тот телеграфист, который, стоя по колено в воде утопающего корабля, до последней минуты, пока вода не добралась до его рта, по беспроволочному телеграфу давал знать о гибели, призывая на помощь. У меня нет телеграфа! я пишу в свой дневник, но завтра я погибну от эпидемии тифа,— никто не поймет моих записей, не разберется в них. Я не знаю даже, сохранят эти записи от гибели, почти неизбежной; разве я не видел тысячи тетрадей, написанных кем-то и теперь брошенных в печь, в погреба, наполненные водой, на дороге: письмами моей матери оклеены стены какой-то избушки...

Тропа моя обрывается, я поминутно оглядываюсь, стараясь связать конец ее с подобным началом тропы впереди, вот совсем ее нет, и на снегу виден единственный след мой, и поземок на глазах заметает и мой единственный след.

Друг мой! существуешь ли ты где-нибудь, ожидаешь ли, что я приду к тебе?

Я не жду твоей помощи, нет! Я сам приду к тебе, только жди-жди меня!

Только бы знать, что ты ждешь меня!

4 марта. Эпидемия тифа: перестали бояться. Пришел мальчишка, весь в волдырях. Доктор говорит — умрет, а они все выживают, и какие люди-то хорошие!

Так мало-помалу и думать забыли, что есть эпидемия и что она страшна: кому суждено умереть—умрет, а я, может быть, и выживу.

5 марта. Предвесенний свет открывает голубые царства в славе и блеске, все крепнет и крепнет мороз по утрам, но по вечерам и утрам по дорогам остаются неисчезающие следы полдневного угрева. С каждым днем полдень все сильней и сильней разгорается.

9 марта. Говорят, что четверть населения Ельца спит на соломе, в валенках, в помещениях, более месяца не отапливаемых — источник эпидемии тифа.

10 марта. Третий день дождь, оттепель. Это еще не весна. Где моя былая охотничья радость! Никуда не уехать — тюрьма. Кто ездит — привозит тиф. В какой дом ни пойдешь — везде тиф. Мы перестаем вовсе бояться заразы, относимся к этому, как простой народ.

9 апреля. Цель моих статей — указать такой путь, чтобы каждый, прочитав и обдумав написанное мной, мог бы немедленно приступить к делу изучения своего края. В основу своего дела я положил чувство прекрасного, потому что красота есть пища души.

Изучение есть дело любви. Мы все любим свой край, но не знаем — что, не можем разобраться, различить с высоты.

Герой моей повести — народ, описание масс. Мы все будем творить одну повесть — о народе.

27 сентября. В осеннем прозрачном воздухе сверкнули белые крылья голубей —как хорошо! Есть, есть радость жизни, независимая от страдания, в этом и есть весь секрет: привыкнуть к страданию и разделить то и другое.

13 октября. Сегодня я назначен учителем географии в ту самую гимназию, из которой бежал я мальчиком в Америку и потом был исключен учителем географии (ныне покойным) В. В. Розановым.

16 октября. Завтра иду в гимназию, давать урок по географии; программа 1-й лекции.

До XVII в. боролись между собой два представления о земле: что она есть блин и что шар; 1-е мнение было основано, в общем, на чувстве, второе — на знании (на разуме). Коперник в XVII в. окончательно доказал, что земля есть шар с двойным вращением, и с этого времени география в полном смысле слова стала *наукой*.

Наша Россия, как родина наша, очень маленькая, такая, какой мы видим ее с нашей родной колокольни, чувство родины дает нам представление, подобное тому чувству, которое в древности создало образ плоской земли. Когда к чувству присоединилось знание — земля стала шаром. Так наша родина Россия, если мы узнаем ее географию, станет для нас *отечеством:* без знания своей родины она никогда не может быть для нас отечеством.

Вопрос: что обозначает слово родина и слово отечество,— какая между ними разница? Ответ: родина — место, где мы родились, отечество — родина, мною сознанная.

Путешествие как средство узнать свою родину и создать себе отечество.

21 октября. Звезды всю ночь были яркие и виден был Млечный Путь — мороз! Утренняя звезда сошлась близко с рожком месяца — мороз, зима скоро, наши учителя усердно готовятся к урокам, отводят себе душу, хотя знают отлично, что через две-три недели мороз остановит занятия.

22 октября. Есть слух, что красными Орел был взят на два часа, и в эти часы уже действовал Ревком.

Все власти уехали, пусто; казаки в Пушкарях; коммунисты (100 человек) и матросы пошли за Сосну в наступление; на Сенной батареи под прикрытием города; ожидается бой с разрушением зданий, с пожарами.

Пушки на Сенной.

— И так может быть, что казаков немного, отступят, а наши обрадуются —и сейчас же Ревком.—И очень просто!

24 октября. Узнал, что ночью была атака красных на вокзал.

25 октября. Теперь существует всего две партии: наша Городская (красная) и Засосненская (белая).

Сейчас, когда пишу, просвистел над крышей моего дома снаряд, и так отчетливо, а откуда он послан был — неизвестно, не слышно, может быть, верст за десять.

26 октября. Не сразу удалось нам установить, что казаки покинули нас или их прогнали (как говорят, за 25 верст). В 12 дня это уже было видно по внешнему городу, принявшему обычный красный вид: везде ходят военные и много жителей, добывающих себе крохи питания и топлива.

29 октября. Теперь жизнь настоящая воплощается в жажде хлеба насущного.

30 октября. Приехал Калинин, председатель ЦИКа, говорят, он рабочий, честный, хороший человек. Был митинг, и некоторые наши рабочие прониклись мыслью, что нельзя быть посередине.

31 октября. В полушубке и валенках иду в гимназию, учить ребят географии нашего отечества.

8 ноября. Хотел бросать свои уроки географии, услыхал, что ученики от них в восторге, и сам я теперь в восторге...

Вчера печник Александр Поликарпыч ухитрился поставить мне чугунку так, что от нее и лежанка нагревается, я вдруг избавился от холода и радость чувствую такую, что даже ночью нет-нет да и погляжу на чугунку с любовью.

13 ноября. С тех пор как почту эвакуировали, время заблудилось, верных часов нет, негде проверить, во всех учреждениях разное время.

18 ноября. Время от времени я прерываю свой урок географии и говорю ученикам: «Деритесь!» — и все начинают возиться, греться. Через несколько минут я кричу: «Конец, начинаю!» — и опять все слушают. Помещение при 15° Р совершенно не топится.

19 ноября. У Лидии тиф 9-й день, температура упала до 38 — угрожающий признак, организм отказывается бороться. Может умереть. Мы с ней ссорились очень, теперь не из-за чего, и все больше и больше охватывает чувство родового одиночества...

20 ноября. Говорят, что красные взяли Курск, и еще у них какая-то большая победа, и что будто бы Деникин отступает до Кубани.

5 декабря. Эта любовь — мгновенная вспышка, и на всю жизнь от нее сны, как лучи: верно, это было тогда

во мне самое главное. Да ведь и писание мое и странствие того же происхождения, все это сны-лучи. Тут где-то зерно моей трагедии (похоже на «Идиота», и называли меня тогда некоторые князь Мышкин).

7 декабря. Все белое впереди, позади, по сторонам все белое, только дорога подопрела, стала рыжая. В тумане этой сиротской зимы нет черты между землею и небом — небо тоже белое, и рыжая навозная дорога поднимается туда и на небо. Еду по навозной дороге на небо, и кажется мне, лошади назад везут, странно так! знаю, что туда еду, вон куда поднимается рыжая дорога, а чувствую, что назад, назад...

8 декабря. Пошли все сны: видел поломанную липовую аллею в Хрущеве и умирающего брата Сашу — в точности, и я выл...

9 декабря. Так вот почему я выл, как пес, укусив свой хвост, и весь день — понедельник после сна ходил в глубокой тоске, пьяный тоскою — в эту ночь умирала сестра Лидия и в 6 ч. в понедельник 7 декабря умерла в Красном Кресте, умученная холодом и голодом.

Жив ли еще Сергей * , а то все мои вымерли.

11 декабря. Похоронил Лидю.

Учиться и подготовляться... нет! это не ученье, я никого учить не хочу, я поведаю вам свою боль и радость, а вы делайте с ними что хотите, я не учитель, а только деятель общения и связи...

26 декабря. По дорогам, занесенным метелью, не пройти человеку, я иду по верхам, где ветер сдувает снега, где покров ледяной в разукрашенных метелицей белых цветах, и чувство жизни среди этой братской могилы природы, как радость, охватывает меня. Я думаю: вы воскреснете все, когда явится весна, звери, птицы, люди-человеки! заклинаю вас, когда встанете, отвечайте мне, я ставлю *вопрос* свой.

Чувство радости жизни охватило меня, и так мне представилось, будто вот все кругом растаяло, на лугах трава и цветы, деревья оделись, птицы поют, голубое небо и зеленая земля обнялись на горизонте. И ответ мне был дан: радость жизни в разнообразии, и птица пищит, и зверь рычит, все во всем, в каждом звуке весь ответ на вопрос.

Я спрашиваю и *соединяю* все во всем, мой вопрос — ваше соединение, я вас всех связываю и спрашиваю — для чего вы живете, и вы все вместе отвечаете мне.

3 января. Не то что пищи, а именно жиров не хватает; я достиг такого состояния, что все мое существо телесное и духовное зависит теперь от жира: съем масла или молока — и работаю, нет — брожу, качаюсь, как былина на ветре.

5 января. Ночь была светлая от невидимой луны. Я стоял на дворе нашего старого дома против двух каменных столбов — остатков ворот, на столбах густыми клочьями торчала прошлогодняя рыжая трава. И свет на снегах от невидимого светила был так силен, что я различил ресницы на лице девушки, проходившей мимо ворот по дороге. Везде кругом лежали на бесконечность поля снега.

Мое сердце и радуется, и стонет, срываясь внезапно с большой радости на большую тоску, а пустыня белая неподвижно лежит в ярком свете, и звенят колокольчики могильной тишины белой Скифии.

6 января. Душа моя завешена кругом, а жизнь идет сама по себе, и часто я с удивлением спрашиваю себя, как это так может быть, чтобы жизнь шла без души, иногда стучусь — нет! все запечатано, закутано.

13 января. Службой библиотекаря в деревне Рябинки начинается мой год.

25 января. Надо пересмотреть все мною написанное, выбрать приемлемое, а дальше держаться этого, хотя вперед можно сказать, что «Черный Араб» — лучше всего, и вообще все хорошо, что написано под непосредственным воздействием жизни.

27 января. Завернули морозы до 18° Р с ветрами. Мы с Левой * живем в берлоге: в маленьком флигеле, засыпанном снегом, все у нас — окна, двери завешены одеялами, колем, пилим, варим, жарим, и помогает нам только мышка одна.

1 февраля. Морозы лютые с ветром стали вплотную и держат, месяц светит волчий.

Берложная жизнь обняла, и утром душа моя, как холодная печь: час целый сидишь возле печи, пока не нагреешь ее, и потом час целый сидишь, собираешься, пока, наконец, появится ощущение себя самого.

19 февраля. Милый свет утренний, когда люди все спят, это весеннее, это весеннее: тут свет один с тобой,

он твой близкий, единственный друг, начинает с тобой новое дело.

Зима прощается яркими звездами, весна подходит сухими тропинками.

14 марта. В блеске, в славе встало солнце, и засияло морозно-весеннее лучезарное утро... итак, братья, любовь сказывается только в деле: дело — это слово любви. Любовь молчалива и разговаривает только делом.

8 апреля. Вчера лед расколол, разбросал по двору, а ночью дождик теплый пошел и дворик мой весь омыл, теперь следа не осталось от снега и льда... И улицы в городе омытые подсохли и лежат теперь, как холсты. Просветленный город просиял. Вокруг него земля теперь дышит.

Теперь только бы не трогали нас белые и чтобы исчез повод к гражданской войне, трудовая армия быстро вычистит все негодное.

22 апреля. Внезапное решение: продать все, купить лошадь с телегой и ехать в Дорогобуж.

20 мая. Мой процесс творчества — когда я пишу рассказ, то очерчиваю по впечатлениям огромный круг и все свожу к одной точке в центре, где пульс, где все дрожит и тянет к себе (напряженность), после можно изучить мое произведение как сложение предложений (так и делают).

26 мая. А нам, писателям, нужно опять к народу, надо опять подслушивать его стоны, собирать кровь и слезы и новые думы, взращенные страданием, нужно понять все прошлое в новом свете...

27 мая. Толчок к творчеству: кто-то близкий отметит вашу мысль, любовно разовьет ее и вообще поддержит, душа окрыляется, внимание сосредоточивается на одном, и начинается работа. А когда давно написанное выходит из круга внимания, не интересует вовсе, то иногда приходит друг и хвалит, тогда хочется перечитать свою книгу, пережить ее еще раз. Так что в основе творчества лежат как бы две силы: Я и Ты.

Я ленюсь, тоскую, ничего не делаю, потому что нет Тебя: «Я это Ты в моем сердце единственный».

Мое Ты:

Ты прилетаешь ко мне, как лебедь, чтобы вместе лететь в общем нашем воздухе, или плыть по нашей воде, или отдыхать в наших зарослях, в нашей траве, возле наших цветов.

Я жду тебя и очень тоскую, когда ты долго не приходишь, но счастью моему нет предела, когда ты являешься, тогда вселенная во мне и два воробушка, которые попадаются мне на глаза, кажутся разными. Если ты не хочешь, я никак не могу вызвать тебя, ты сам приходишь, и приход твой всегда мне бывает нечаянной радостью.

Я не могу вызывать тебя, а только верю, что ты придешь когда-нибудь, но бывает, я теряю эту веру и тогда мучусь и мучаю всех вокруг меня.

Ты страшно боишься насилия, и при всякой попытке моей удержать тебя силой ты исчезаешь и долго не являешься.

Я ищу тебя в лесу, тихо переступая от дерева к дереву, прислоняюсь к стволу и ожидаю, неслышно перехожу к другому и ожидаю, и когда птицы и звери, считая меня за свое, перестают бояться меня и разбегаться, ты, бывает, приходишь ко мне.

Я ищу тебя в лесу, мне кажется, что дом твой там в зелени, но я встречал тебя в солнечных зыбульках воды, и в облаках неба, и на камнях своего дворика. Кажется мне, что весенний первый свет, когда первые капли падают с ледяных сосулек — больше всего возвещают о твоем приходе, что это главные твои вестники, но часто бывает, я обрадуюсь твоим вестникам, а ты не являешься. И когда бывает все разрушено в саду бурей осени и на серых ветвях остается лишь несколько красных листиков, ты ко мне являешься...

Что же, или мне вовсе не нужно искать тебя, ведь ты не бываешь там, где я ищу тебя? Но если я не буду искать тебя, ты не придешь никогда.

Я ищу, я действую, я живу, а ты приходишь как бы на зов мой, но совсем с другой стороны и не в то время, когда я зову тебя.

Нет, никогда мне не узнать, откуда ты приходишь и когда, разве попробовать путь другой, когда ты придешь ко мне, то идти за тобой, все оставить и за тобой идти?

Точит червяк, гложет неустанно.

Мелкий осенний дождь падает на поля, и тысячелетия падает, и камни рассекаются — тысячелетия пролежат они, пока не распылятся. Так и тоска гложет серд-

це мое помаленьку, помаленьку, пока оно не устанет биться и не успокоится.

31 мая. Я встал на рассвете, мелочи бросились на меня и стали грызть, но, посмотрев на последние звезды, я овладел собою и унес в комнату свет звезд, вот это действие звезд, что от них почти всегда что-то уносишь с собой. Я овладел собою, и мне ясно представилось, что я в жизни был счастлив и мне надо за нее благодарить. Так, при всяком приступе отчаяния нужно вспомнить, что был счастлив и стоило помучиться из-за этого, а если чувства не хватит для этого, то поможет рассудок: состояние отчаяния, значит, или конец,— но конец неизбежен,— или же оно временное и за ним последует радость...

22 июня. Приехали в Москву

28 июня. Дворец искусств: Луначарский читает, все слушатели с просьбами: Пастернак, Чулков, Городецкий, и проч *. На другой день те же в приемной. Вечер Бетховена в Доме печати.

Диспут Луначарского и В. Иванова.

3 июля. Лирический поэт: между музыкой и драмой (Вяч. Иванов по поводу поэта-актера).

15 июля. На Мясницкой утром: много людей, как, бывало, на Невском, и все идут на службу, трамваи, грузовики, шум, грохот.

[*Следово.*]

4 августа. Поход в Алексино: учитель Пришвин с семейством определяется на место. Босиком по лесам, полям и холмам. Программа календаря для детей Алексиной колонии *.

Занятие словесным художеством, бывает, обрывается, и тогда все сделанное становится похожим на записанные сны, никому не нужные.

22 августа. Алексино — громадная усадьба, из конца в конец, от школы до больницы идешь почти час, и все почти берегом искусственного озера, окруженного сплошной кущей вековых деревьев. Барский особняк выходит одной стороной на озеро, другой в парк — большое трехэтажное здание с колоннами. Парк просторный, в нем свободно разбросаны группами и в одиночку веко-

вые деревья. Теперь в парке пасут коров, и мальчики жгут костры. Озеро начинает вытекать понемногу: видно, спуск испортился, и некому починить. В особняке живет детская колония и устраивается школа 2-й ступени.

24 августа. Сначала встречаются, а любят *потом,* когда частица жизни (борьбы) отмерла, в этом отмирании настоящего мостом к прошлому служит незримый свет любви, как бы что-то горит и светится любовью. Так вот надо загореться, чтобы любить...

3 сентября. Я — заведующий Алексинским усадебным музеем.

4 сентября. Настоящий Великий пост: утром черный хлеб с горячей водой, подкрашенной жженой рожью, в обед бураки * с картошкой, вечером при лучине повторение бураков.

8 сентября. Слушаю одну музыку — ветра в лесу. Да вот еще рано утром до света слушаю, как моя кровь по телу бежит, и если дождь на дворе, слушаю, как вода по земле поплескивает. И думаю: кровь по телу, а вода по земле, кровь и вода, тело и земля...

21 сентября. Рылся в письмах Барышниковых полдня...

8 октября. Из раненой души вытекает любовь.

Любовь — это кровь души.

Родных своих можно любить только после смерти их, потому что в одном чувстве к родному человеку всегда вперемешку действуют и любовь и неприязнь.

Как во всяком живом человеческом теле протекает красная и голубая кровь, так у родных перемежаются любовь и неприязнь.

22 октября. Ночи стали такие длинные, не успеть никому, даже дети тревожатся, а керосину совсем нет, высечь кремнем в темноте не умею, и так нельзя всю ночь на часы посмотреть.

Кто отымет у меня эти часы? какая власть, какой труд, какие заботы, голод — нет ничего на свете такого, чтобы лишить меня этой единственной радости.

Если звездно, я вижу, не вставая с постели, как перемещается на небе и странствует вокруг моего дома большое семизвездие; тогда я знаю свой любимый час раннеутренний в звездное утро, когда семизвездие раскинется над озером, а на востоке светит Венера.

25 октября. Легкая пороша выпала ночью, и утром шел снег. Вчера встретил в незамерзшем ручье стаю крякв. Гоняли зайцев. Приезжали мещане от искусства. Буду читать детям «Одиссею» (против мещанства).

26 октября. «Белые пришли!» — крикнул мальчик. Василий Иванович вздрогнул: он ждал каждый день, что вот крикнет так кто-нибудь: «белые!» — и все кончится и начнется Страшный суд.

— Что ты брешешь! — сказал он мальчику.

— С обновкой, с обновкой,— сказала жена.

Белое, все белое было в окнах, и Василий Иваныч успокоился: снег выпал, а не белые пришли.

29 октября. Стоят морозы в 4—5° с ветром и легкой порошкой. Волки все наглеют. При помощи маленького огонька на блюдечке боремся с тьмою, а ведь до солнцеворота еще прибавится тьма на $2^1/_2$ часа.

1 ноября. Какого-нибудь иностранного критика интересует в моем произведении только стиль мой, но меня делает автором не стиль мой, а уверенность, что изображенное мною существует в жизни, и в этом открытии жизненного я нахожу и ценность, и гордость свою, как автора нового произведения.

Ремизов страдал всегда недостатком материалов, ему Россия казалась заповедной страной, в которую ему нет входа, и так он пользовался архивами — почему это так?

7 ноября. След души моей в заутренний час: тогда все вопросы ума находят в сердце ясный ответ, что бы ни спросилось, на все верно отвечается, будто это не сам с собой, а звезда с звездою говорит, прошлое и будущее сходятся на одном следу и разрешается сказать: да будет воля *моя!* (а после день и мутная ночь, в которой затоптаны все следы души моей).

О, если бы успеть в этот час все спросить — нет! Не долго так бывает: если очень рано, все расплывается в сне, если рассвет начинается, то радость света одолевает все, пережитое кажется не стоящим внимания, и говоришь: да будет воля *твоя.*

На водах тихих, на ручьях звонких, на лугах росистых, на снегах пушистых и на лучах светлых солнца дневного и звезд ночных везде тогда я нахожу след души моей.

11 ноября. Вчера подул теплый ветер и растаяла зима. Черная оттепель. Темно, и белая муть над бездною.

Ужасный месяц: в такое время умер Толстой, мать умерла...

С вечера, как затихло, мерно забила одна капля, падающая с крыши тяжело вниз, и на всю ночь, уснул под звук ее и проснулся. Потом к этому смертному звуку присоединился стук полена, веселый, радостный: это друг мой сторож готовит дрова. Рассветает мутно над черною бездною.

13 ноября. Культура — это мировая кладовая прошлого всех народов, и того именно прошлого, которое входит в будущее и не забывается... так что культура — это дело связи народов и каждого народа в отдельности с самим собою.

17 ноября. Я не знаю, существует ли истина на самом деле, но я знаю, что есть человек другого роду-племени, говорит на другом языке и живет на другой стороне земного шара и думает о некоторых вещах со мной одинаково: в этом я уверен, и эти вещи для меня существуют и дают мне существовать даже совсем одному.

20 ноября. Сегодня на уроке краеведения я рассказывал детям о почитании славянами Перуна и других языческих богов. После урока один мальчик подошел ко мне и спрашивает:

— А ти есть Бог, Михаил Михайлович?

— Спроси,— говорю,— своих родителей.

— А я спрашивал.

— Ну?

— Матка говорит, есть, а батька — нетути. Как вы скажете?

— Скажу,— отвечаю,— тебе «есть Бог!», ты мне не поверишь, скажу «нет!» — будет неправда. Учись и узнаешь сам.

1 декабря. Часто лежу ночью и не чувствую своего тела, как будто оно одеревенело и стало душе нечувствительным, а самая душа собралась в рюмочку около сердца, и только по легкой боли там чувствуешь, что она живет и движется: болью узнается движение души. Подземно-затаенная жизнь, как у деревьев, занесенных снегом, и кажется, что вот настанет весна, и если я оживу, как все растения, стану где-нибудь у опушки и присоединюсь к лесу просто как дерево.

3 декабря. На собрании учителей говорили о ликвидации безграмотности, вместо букварей предлагали делать из бересты раздвижную азбуку, писать углем на

струганых дощечках, уголь изготовлять, обжигая лучину с солью и т. д., вопрос только был, где найти для этого время.

17 декабря. В 9 утра солнце встает в хмари морозной, как луна бледная, и совершает по небу свою коротенькую дугу. В полдень все разверзается, крайние березы на опушке к солнцу покрываются инеем, на них слетаются из замерзших болотных зарослей тетерева. Все сверкает. Волчьи, лисьи, заячьи следы веревочками рассекают поля. А в 5 вечера на небе уже показался тоненький месяц.

28 декабря. Приспособляясь, люди хотят сохранить себя и в то же время теряют себя *.

1921

15 января. Ночью пороша вершка на три. Солнце греет щеку. На снегу голубые тени. Свету много. Сосны и ели, занесенные снегом, как будто узнают себя и спрашивают: «Что с нами было, какой темный сон!»

16 января. Искусство есть способность человека изображать предмет своей веры и любви. Вера без дел мертва, а вера без любви — зла и есть, кажется (надо подумать), основа величайших злодейств.

27 января. Душа песню поет о пятилинейной керосиновой лампочке — какое счастье! Достал 3 ф. керосину и зажег пятилинейную лампу, хватит на месяц (начал жечь — среда — раз, четверг — два, пятница (утро) — три), до февраля начала, а солнце помогает, тогда день против тьмы на 3 часа.

5 февраля. Мое рождение: 48 лет.

Хорошо, что вспомнилось в этот день, вернее, не вспомнилось, а *встало,* потому что вспоминается это всегда и всегда будет, но вставать нет, придет час, а не встанет... Я читал сегодня Карамзина о Париже, и вот воробей в Люксембургском саду встал передо мной в ярком первовесеннем свете, какая-то дама бросала ему крошки хлеба, я загляделся — и вдруг *она,* в розовом вся, смеющаяся, пришла.

— Вы запоздали,— сказал я.

— Так нужно,— ответила она,— нельзя же мне первой...

Правда: первой на первое свидание, как это можно! Ну, вот мы пошли, и сколько было светящейся зелени

и мрамора! Я не помню ни одной фигуры в Люксембургском музее скульптуры, но мрамор, какой-то бело-ярый мрамор, чувствую и посейчас...

6 февраля. Время голубых теней. Вечером видел 1-й раз, как горела заря на деревьях рощи, и хотелось мне опять, как бывало, оставить, забыть человека и быть со всем миром и в мире.

27 февраля. Крестьянская душа — это детская душа, им нужно хлеба и забавы, причем они все это — и хлеб и забаву сами производят. Это детское у них я всегда любил и теперь люблю.

15 марта. Как может возникнуть идея бессмертия, если все люди смертны? Бессмертие не идея, а самочувствие жизни — это есть чувство жизни. В «Психологии» должна быть глава «Чувство жизни или бессмертие».

Идея бессмертия — это личное сознание мировой борьбы за существование, это сознание личности.

16 марта. Опять легкий заморозок и полный солнечный праздник. Так чудесно уступами проходит зима, и будто уступами по мрамору сходишь изо дня в день к югу. Я узнал сегодня этот мартовский свет, отчего он так мил мне: все тот же единственный свет, голубая весна на всю жизнь, но какою ценою!

3 апреля. Когда-то я принадлежал к той интеллигенции, которая летает под звездами с завязанными глазами, и я летал вместе со всеми, пользуясь чужими теориями, как крыльями. Однажды повязка спала с моих глаз, и я очутился на земле. Увидав цветы вокруг себя, пахучую землю, людей здравого смысла и самые недоступные мне звезды, я очень обрадовался. Мне стало ясно, что интеллигенция ничего не видит оттого, что много думает чужими мыслями, она, как вековуха, засмыслилась и не может решиться выйти замуж.

Объявив войну чужой мысли в себе, я попробовал писать повести, но они мне не дались все по той же причине: мешали рассуждения. Тогда я попробовал умалить себя до писания детских рассказов, после многих опытов один мне удался, но случайно, неудачи были все по тем же причинам: я вкладывал в рассказ много «смысла». Пропутешествовать куда-нибудь и просто описать *виденное* — вот как я решил эту задачу — отделаться от «мысли».

Поездка (всего на 1 месяц!) в Олонецкую губернию блестящим образом разрешила мою задачу: я написал простое виденное, и вышла книга «В краю непуганых птиц», за которую меня настоящие ученые произвели в этнографы, не представляя даже себе всю глубину моего невежества в этой науке. Только один этнограф Олонецкого края Воронов, когда я читал свою книгу в Географическом обществе, сказал мне:

— Я вам завидую, я всю жизнь изучал родной мне Олонецкий край и не мог этого написать и не могу.

— Почему? — спросил я.

Он сказал:

— Вы сердцем постигаете и пишете, а я не могу.

15 апреля. «Обломов». В этом романе внутренно прославляется русская лень и внешне она же порицается изображением мертводеятельных людей (Ольга и Штольц). Никакая «положительная» деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя. Это своего рода толстовское «неделание». Иначе и быть не может в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, и только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других, может быть противопоставлено обломовскому покою. В романе есть только чисто внешнее касание огромного русского факта, и потому только роман стал знаменит.

Антипод Обломова не Штольц, а максималист, с которым Обломов действительно мог бы дружить, спорить по существу и как бы сливаться временами, как слито это в Илье Муромце: сидел, сидел и вдруг пошел, да как пошел! Вне обломовщины и максимализма не было морального существования в России, разве только приблизительное.

19 апреля. Никогда не был так близок к природе, а почему? потому что никогда не было так тесно среди людей. Будет ли день, когда возьму свою котомку и пойду от природы к людям, к их руководящему жизнью сознанию, к их высшим добродетелям?

27 мая. Разрушение пространств. Разделение на здешний мир (земной) и «тот свет» (идеальный мир) явилось от несчастья, страдания, греха, а грех— «такое действие», от которого наше умственное существо и чув-

ствующее распадаются и существуют в нашей душе как два отдельные мира. От этого наша жизнь часто представляется каким-то тяжким путем на далекое расстояние. Но бывают страсти — психические взрывы, которыми разрушается расстояние, пространство, предмет становится лицом к лицу, и мир обыкновенный — желанно прекрасным. Так бывает у влюбленных, поэтов, охотников, страстно-добрых, религиозно-любящих, удачливых игроков и дураков. (Достоевский на этом пути создал своего кн. Мышкина.)

27 июня. Последние русские символисты, даже те, которые брали материалы из русской этнографии и археологии (Ремизов), лишились восприятия действительной жизни и страшно мучились этим (Вяч. Иванов, Ремизов). Непосредственное чувство жизни своего (страстно любимого) народа совершенно их покинуло. И всегда символисты меня этим раздражали, и был я с ними, потому что натуралисты-народники были мне еще дальше. Мне всегда казалось, что для художественного творчества нужно, во-первых, заблудиться в себе до того, чтобы вдруг, нечаянно выглянув из себя, увидеть нечто вне себя и, временно поверив этому внешнему миру, отдаться ему, а потом, во-вторых, путем художественной работы передать другим, рассказать, как сон.

Влетел в открытое окно шершень, гудел, жундел, бился, бился о потолок, пока не спустился побитый пониже и вылетел в окно. Так, может быть, и с философией нашей есть выход где-то пониже, в простом деле: простое дело есть окошко нашей философской тюрьмы.

3 июля. У писателя символ должен быть в сердце и чувствоваться как «самое главное», о чем нужно писать; если это самое главное сознается головой и потом к нему подгоняются материалы, то получается «символизм» — литературная школа или теория писательства, которой не воспользуется ни один настоящий писатель. Символ живет у писателя в сердце, а у читателя в голове, этот читатель рассуждает и создает школу.

12 августа. Радость, бодрость и все свои силы я получаю от моментов сосредоточенности в себе в тишине, когда рождается какая-нибудь мысль, которую можно записать.

21 августа. Не забыть, как меня выручил «Картофель» на Опытной станции *: лучшая книга! Если бы они

знали, в каком безумном состоянии и как писалась эта книга, жизнь моя цеплялась за нее, как теперь за кружку молока.

27 августа. Дорога поднимается в гору пыльная, на ней следы прошедших людей и домашних животных.

Где они, прошедшие, теперь? Лист обрывается неслышно и желтый слетает к моим ногам. Лист окончился в своей жизни, поспел. Но ведь люди, которых я знал, многие из них оборвались на половине затеянного, кто с протянутой для дружбы рукой, кто с оружием, кто с идеей, кто с желанием; их идеи, желания — я понимаю, между нами, мы их наследники, но...

Да! Я живой наследник их, они все во мне, и я за них отвечаю!

17 сентября. Умер Блок *. Ремизов опасно болен.

19 сентября. Вот адский вопрос литературы: что же, художественное слово есть только последнее, самое вкусное блюдо обеденного стола мирной жизни, или оно и в голодное время может быть так же убедительно, как пуды черного хлеба? Вот сильное слово, как хлеб: «Женщина, тебе говорю, встань!»* — и мертвая встает; тут слово и дело сливаются.

Если мне не удастся написать продолжение «Чертовой ступы», то придется написать книгу в форме дневника, где <в> различные художественные произведения мои будут вкраплены страницы моей жизни.

1922

10 февраля. После многих дней метелей сегодня глянуло солнце, и в час-два все деревья покрылись густым инеем. Был сверкающий полдень, и тепло от солнца было очень приметно, мы долго грелись на солнце. Отгоняю мысль о необходимости ехать — очень опасно ехать, свирепствует тиф, ну, как тут ехать!

12 февраля. Газеты выписаны, но не получаются, потому что говорят, что по дороге выкуриваются. Ничего не знаем.

18 февраля. Как подумаешь иногда, усталый, каких маленьких людей собираюсь я описывать,— оторопь берет: зачем, кому это нужно, и бросишь. А потом соберешься с духом и опять за свое: большие люди, думаешь, сами расписываются на страницах истории, и у них

имеется множество слуг, которые не дадут им исчезнуть. Но тихий скромный человек так-таки сходит на нет, такой хороший, милый мне человек,— и вот нет его, нет никому до него дела. Досада вызывает новые силы, и думаешь: «А вот нет же, не дам я тебе от нас исчезнуть, живи, любимый человек, живи!»

17 марта. Приехавшие из Москвы рассказывали, что Ленин болен.

20 апреля. Первое слово, прочитанное мною после перерыва литературы в России, было слово Андрея Белого *: само-сознание. И первое, что я написал из деревенского быта, о самости. Так опять, как в 1905 году, мое деревенское пустынное жительство приводит к тем же словам, которые говорятся в столице, и не мудрено: деревенская и городская курица несет одинаковые яйца

27 апреля. Из Москвы я привез настроение бодрое и странно встретился этим с провинциальной интеллигенцией: откуда им-то взять бодрости среди всеобщей разрухи. Я им говорю, что разруха пройдет, нельзя связывать свою судьбу с преходящим, а верьте, будут отыскивать следы возрождения, которое несомненно же есть в народе. Это умственно верное заключение они обходят молчанием, упираясь в стену мрачной действительности...

2 июня. Я обыватель: о-быватель! я бытую и понимаю свое бытие как улучшение личных отношений к людям и вещам, я понимаю быт как постоянное улучшение личных отношений, культуру их. Быт — культура личных отношений своих к людям и вещам. Непременно к вещам, потому что человек, считающий грехом сорить на полу и топтать ногами частицы солнечной энергии, заключенной в крошках хлеба, несомненно, и к людям относится лучше, чем сорящий на пол, небрежный...

9 августа. Ведь мы же в России живем и по необходимости должны мерить жизнь свою русскою моралью, пусть где-то на свете есть машинно-легкий пуд хлеба, в России он добывается при условии существования человека в аду: условия деревенской работы — адские, живет человек без грамоты, без всяких радостей, в муках, вшах и болезнях, и тут рождается пуд муки.

У кого есть совесть, кто это знает, чувствует — какой мед своей хитрости (таланта, удачи, творчества, изобретательности) может дать сознание своей правоты, до-

вольства без вкуса полыни во рту: в России всякий мед пахнет полынью и горчит.

Какой удельный вес, например слова, должен быть, чтобы оно дало удовлетворение творцу его, это слово должно быть пророческим и никак не служить только забавой и развлечением — таких слов мы ждем от искусства.

А дело — оно, кажется, должно быть таким всеобщим, что свое в нем бы исчезало: о себе думать — маленькое. Но мы непременно должны быть большими, — мы — большевики.

Блок, прочитав «Колобок», сказал:

— Это не поэзия, то есть не одна только поэзия, тут есть еще что-то.

— Что?

— Я не знаю.

— В дальнейшем нужно освободиться от поэзии или от этого чего-то.

— Ни от того, ни от другого не нужно освобождаться.

Другие по своему воспитанию и образованию входят в литературную среду естественно, и им это, как дар свыше или как наследство, для меня же переход от политической невежественной интеллигенции в среду людей культурных сопровождался как бы крещением и таким чувством свободы, что я до сих пор считаю свое дело святым делом, не имеющим ничего общего со всеми другими делами.

[***Москва.***]

24 августа. Я предлагаю им <писателям> для будущей огромной синтетической работы художественного сознания воспользоваться и моим «этнографическим» методом художественного изображения действительности. Сущность его состоит в той вере, заложенной в меня, что вещь существует и оправдана в своем существовании, а если выходит так, что вещь становится моим «представлением», то это мой грех и она в этом не виновата. Поэтому вещь нужно описать точно (этнографически) и тут же описать себя в момент интимнейшего соприкосновения с вещью (свое представление). Попробуйте это сделать, и у вас непременно получится не без-

вкусное произведение для читателей и чрезвычайно не удовлетворяющее себя самого, а это-то и нужно, чтобы открылся путь. Он мне открывается в работе искания момента слияния себя самого с вещью, когда видимый мир оказывается моим собственным миром. Так смотрят на мир наши неграмотные крестьяне, и так все мы, образованные и деятельные люди, пожалуй, будем смотреть, когда освободимся от философской заумности. Нужно нам учиться у мужика глазу его, как он смотрит на мир. Вот почему я и толкусь всю жизнь среди наших крестьян.

Гению, конечно, не стоит считаться ни с каким этнографическим методом и просто написать то, что увидит, но ведь это мы своей сложной работой подготовляем путь к его простоте.

8 сентября. Чувство природы, которым обладают в большей или меньшей степени почти все художники слова, легко может развиться в чувство народа (и не надо это даже объяснять, почему), а чувство народа, если хорошенько поработать над собой, можно не «милостью божьей», а вполне сознательно использовать для изображения масс.

А как это нам теперь нужно!

Выдвинулась на сцену истории огромная масса, и вчера мы были свидетелями этого события воочию, так что можно было вложить персты в язвы *, и все-таки «Лагерь Валленштейна» и «Ткачи», пришедшие из чужеземной литературы, почти единственная (и, надо сказать, малоудачная) попытка изображения масс *.

Вот почему неудачны все попытки изобразить массу: художник чувствует индивидуум (тип), потом складывает это с чувством другого типа, третьего, и тип у него получается только соединенный арифметическими плюсами.

А нужно чувствовать вперед не отдельные существа масс, а всю ее как лицо, и это лицо чтобы стало героем, и из этого лица после выделились сами собой отдельные лица...

Недаром сказка начинается смещением времен и пространств: в некотором царстве, при царе Горохе, она выводит нас из категории времени и пространства для того, чтобы представить нам вещь, как она существует без этого, или, как говорят философы, в себе.

[*Москва.*]

9 декабря. Вчера Мандельштам * сказал, что всего лучше, когда молодой поэт, прочитав стихи, просит сейчас же ответа, сказать: «Это для вас характерно». Тут я вспомнил Блока — вот кто единственный отвечал всем без лукавства и по правде, вот был истинный рыцарь.

***1923** [Талдом.]*

21 марта. Вчера в тени было среди дня +6°Р. Железная крыша открылась, деревянная еще белая. Ночью звезды показались, и к утру схватил мороз. Сегодня утром —1°, ветрено, ясно, кое-где бродят по небу, как вата, белые мягкие облака. Весна перестоялась, больше света, чем тепла, возможно, что сразу переменится и вода хлынет, а снега много!

Я помню весеннее утро, когда любовь, заключенная в сосуде, пролилась на землю, и засияло все от нее на опушке леса; изумленный нахлынувшим чувством благодарности неведомому существу, я обращал глаза свои— и все вокруг меня вспыхивало светом и открывалось мне в тайном своем существе: дятел, бегущий быстро по стволу дерева, мне представился лесным графом в маленькой шапочке и горностаевой мантии, сережки на снегу уже цветущего ореха — весенним золотым фондом всего леса, молодая осиновая роща с позеленевшей корой — пучками зеленых свечей...

Бывает, слышишь издали, чья-то жизнь в одном ужасном крике выходит, подходишь — лежит убитое в сердце животное, возле него разложили люди костер и палят тушу, это называется, свинью зарезать — самое простое, обыкновенное крестьянское дело. Кому придет в душу сострадать крику свиньи? А вот есть это, и зато, как отдельно, как пусто и как страшно. Как иногда, засыпая, остатками своего сознания узнаешь свой собственный крик, так и тут остатками своего разума видишь встречу своего безумия с безумием природы.

22 марта. Ночь ясная, молодой месяц глядел с дополнительным кругом. Мороз на дыбы поднялся до самых звезд: 20°!

Поучение молодым писателям: писать нужно так, чтобы забывался весь труд мастерства, чем больше за-

будешься, тем выйдет очаровательней (то есть и читатель забудется), а самое уже лучшее пишется так, чтобы и сама красота мира забылась; тайно присутствуя и всему душа — красота бы исчезла из сознания, как и мастерство, и все произведение писалось бы только из побуждения любви к людям и миру.

[*Москва.*]

25 марта. Все еще крепкие утренники, и заливает светом солнце. На днях прилетели грачи. Примета: если прилетели на гнезда — весна дружная, если так куда-нибудь (сейчас ходят по дорогам, клюют навоз, проталин еще нет) — весна затяжная. Теперь прилетели на дороги.

В пятницу приехал в Москву. Союз устроил показательный вечер художественной прозы.

Думаю про эту ужасную теорию, разделяющую людей на господ и рабов. Нет! поэты не рабы и не властелины и не вольноотпущенные, это люди, которые утеряли грамоту своего благородства и сами взялись ее себе написать. В этом страстном искании и творчестве Adelsbrief[1] проходит вся их жизнь среди господ и рабов.

Есть другие, которые присвоили себе чужие Adelsbrief и господствуют над рабами — самозванцы! Они в конце концов боятся только этих людей, творящих свое Adelsbrief (совесть нечиста), и вот почему делают им уступки, вот почему все-таки, вопреки всему, существует поэзия — как посев семян, исшедших от неизвестного существа в забытой стране.

26 марта. Несмотря на ночные морозы, снега выгорают днем, и в Москве начинается вода. Весна! а хорошего за весь день вспоминаю только ангорского кота на трубе.

[*Талдом.*]

13 апреля. Живем, пока жив человечек в глазу. Редко бывает глаз такой тусклый, что в нем человечка не видно, и бывает все-таки, и хмуро смотрит один зверь.

23 мая. Разве не похожа душа наша на засеянную ниву; иное семя, имея влагу, рано взошло и дало плод

[1] Дворянская грамота *(нем.)*.

в самой жизни: круг завершился, и об этом писать нам нечего. Но есть семя, жаждущее влаги и ожидающее своего расцвета: вот из этого непророщенного семени и цветов нерасцветших в своей собственной душе я создам своего героя, и пишу историю его, как автобиографию, она выходит и подлинно, до ниточки верно, и неверно, как говорят, «фактически».

[***Москва.***]

15 октября. Искусство, как сила восстановления утраченного родства. Родства между чужими людьми.

В наше время упрямые попытки превратить искусство в публикацию («художественная публицистика») исходят из той же потребности создать родство между широкими массами. Сестры: Публикация, Информация, Агитация, Пропаганда.

1924

6 февраля. В этот год весна света, самая первая весна, мне началась в городе. По телефону мне сказали:

— До чего хорошо!

И скоро явилась барышня с рукописью, и опять:

— До чего хорошо!

А писал я про весну света, голубую, про хороших людей и все назвал «Голубые бобры». Усадил я молодую девушку, а снять пальто и шляпу попросить не решился, очень уж в моей берлоге неуютно, коряво.

Вижу, полюбила моих «Голубых бобров», и так мне это радостно, будто это сама мечта моя, Марья Моревна, живая пришла.

— Как вы,— говорю,— такая молоденькая и все это близко вам, и все вы понимаете?

— Так...— говорит,— я уже много пережила, душа моя старая, как Турция.

Надо бы сказать «как Индия», но я рад, что не Индия, то было бы, как у всех, пусть Турция... Хорошо! Мне все от нее хорошо, она мой настоящий читатель, был я один, писатель, и вот теперь: «мы» — зеленый союз.

И до чего тревожно и сладко весной света видеть глазами, как смерть и любовь сходятся, сошлись — мелькнула искорка. На земле, и на небе, и на солнце — везде вспыхивают искорки. До чего хорошо! «Нет,— думаю,— и смерть придет, ничего, за смертью опять любовь, и между ними есть где-то Зеленая дверь, жить можно, не страшны и годы, только надо в уме держать Зеленую дверь».

11 марта. Раньше у меня в жизни все плохо было, потому что я думал о посетившем меня видении, что оно неповторимо, и я отдавался ему до самозабвения. Теперь я знаю, что не оскорбленное мною видение возвращается, я встречаю его без сумасшедшей тревоги и провожаю без отчаяния: оно, как весна, уходит и, пока я жив, непременно возвращается. Раньше я был ребенком, ныне я отец и добрый хозяин всех своих видений.

18 марта. Ездил в Марьину рощу смотреть волчков-кустарей: это ремесленная интеллигенция; и тоже остается без преемников (учеников): «мы вымрем, кто будет шить башмаки?» Ответ: «механическая обувь». Надо узнать, что высшая механическая обувь в Европе обязана средневековым «волчкам».

21 марта. Весь день провел на фабрике «Парижская коммуна».

Как чудесно, по одному слову я понимаю простого человека, рабочего, и как трудно мне даются машины!

26 марта. Весна задержалась, далеко перешло время, сохраненные в девственной мощи снега вот-вот разольются. Всех волнует загадка этой весны: как выйдет переход от весны света к весне воды.

Мы живем накануне решительного момента, которым определится весь год. Каждый это чувствует, каждый волнуется.

[*Талдом.*]

29 марта. Цифрой жизнь ни за что не ухватишь, и мне это очень нравится: пусть сами столпы экономисты сдвинутся и поищут каких-нибудь новых путей восприятия жизни. Все это дает мне смелость основать свои исследования на простом глазе и на простом здравом смысле: стоит дерево, так оно и есть дерево, а не дере-

во само по себе и мое представление о дереве. Точно так же стало ясно и отношение субъекта к объекту вообще, например, интеллигенция и народ, какая ерунда: я и сам народ, я и мужики, да ведь мужики все для меня разные, как для жены моей куры...

Россия и раньше была вся не исследована, а после величайшей революции и говорить об этом нечего, писать дневники, и все будет ценно.

30 марта. Тему исследования я себе выбрал очень интересную, мне нужно изучить производственный быт разного рода кустарей.

В Ленинско-Кимрском районе есть до семнадцати видов разных кустарей, самый некультурный кустарь, работающий просто руками,— валяло, самый интеллектуальный, работающий тончайшим инструментом — иглой,— скорняк, средний между ними — башмачник. В конце концов моя работа есть расширение идеи Бюхера, выраженной в его книге «Работа и ритм» *. Быть может, мне удастся в конце концов проследить, как при механизации ремесла на фабрике исчезает производственная песня (поют машины) и песенная душа мастерового перестраивается в сторону интеллекта и воли.

19 апреля. Не сладкая ты, жизнь, была в юности, вся сладость собирается к старости.

22 апреля. Библиотекарь Павлов в пасхальную ночь забрался в чайную в Квашенках, где перед обедней собираются мужики, и вдруг начал читать лекцию о происхождении человека от обезьяны. Эффект, говорят, был необыкновенный, будто бы старики даже увлеклись и опоздали к обедне. Между прочим, один, выслушав лекцию, прислал записку с вопросом: «Если человек происходит от обезьяны, то почему же в настоящее время от обезьяны рождаются только обезьяны, а не люди, почему теперь это прекратилось».

1 мая. Я люблю в природе самое первое начало перемены, особенно ранней весной,— в первом свете над голубыми снегами зарождение неудовлетворимых желаний, это мое время года, не очень короткое, прямо после Нового года и до теплых ночей, когда по еще низенькой, но уже плотно позеленевшей траве начинают гоняться друг за другом ежи, пастух выгоняет коров, словом, до Егорья *. С этого времени я становлюсь удовлетворенным, сытым, и я смолкаю, как смолкают, начиная линять, все птицы первой весны.

16 мая. Красит человека только любовь, начиная от первой любви к женщине, кончая любовью к миру и человеку,— все остальное уродует человека, приводит его к гибели, то есть к власти над другим человеком, понимаемой как насилие.

23 мая. С годами очень устаешь от веры в человеческие достижения, и так мало-помалу все мы делаемся до известной степени пессимистами, но это разочарование нисколько не мешает жить, любить именованных людей и делать умное, доброе, красивое и полезное дело, напротив, я думаю, вот тут только и начинает человек мало-мальски походить на человека, когда он разочаруется в человечестве.

27 мая. Быт, затертое понятие, надо освежить, на время раскрыв его содержание, как *культуру личных отношений.*

[**Москва.**]

17 августа. Восточные люди крах личного усилия объясняют судьбой: судьба! у социалистов судьба — экономическая необходимость, у моралистов — долг, у художников — скука.

Больше всех личное начало развито у художников, и потому у них отчетливее отделилась эта надличная сила под именем скуки. И в конце концов художник берет скуку обыденности личной волей — в этом и есть чудо искусства и подвиг художника. Художник своей творческой властью преображает жизнь так, что в ней как будто нет ни судьбы, ни экономической необходимости, ни долга, ни скуки. Каждый под влиянием искусства поднимает голову повыше, разделяя с автором чувство победителя скуки: в этом и состоит мораль искусства и его полезность. И оно единственно в этом.

Но вот кино, которое без всякого личного героизма, чисто машинным путем вынимает из жизни ноющий нерв времени, заставляет фотографии жизни чередоваться быстрей, чем в действительности, и слушателю передается чувство победы над скукой.

Мы знаем, например, в творчестве природы чудесные дни, но их мало: серых дней больше. И знаменитая весна в действительности проходит больше в томительном ожидании. А кино выкинет серые дни, и весна станет

прекрасной. Хорош золотой дождь семян при посеве ржи, хороши всходы, хороша земля, и цветение, и наливание, и созревание, и жатва, но все это только моментами, а захотите посмотреть в действительности: две недели колосится, две недели цветет, две наливается, две созревает — какая скука! А там вся туга выбрасывается, и рожь в кино одну секунду колосится, другую наливается и на четвертой секунде готова. Да ведь только смотреть в жизни, как мерно жует бычок свою жвачку день и ночь — вык, вык! и так 365 дней — вык, вык! и потом еще столько же, и тогда он делается бык, а хозяин за это время и сам вык-вык,— при-вык, из этого вык сделался век, и так стал сам чело-век, то есть голова, созданная терпеть всю скуку бычьего века. На борьбу с веком выступает художник, и так создается трагическая личность. Кино посмеялось над художником и моралистом, и художество заменилось международной обывательской болтовней.

[*Талдом.*]

27 сентября. Мой посев приносит плоды: всюду зовут писать. Между тем я ничего не уступил из себя: жизнь изменяется.

5 ноября. Все хорошее русского человека сберегается в глухих местах, в стороне от цивилизации, но это при малейшем соприкосновении с цивилизацией прокисает.

Притом это страшно талантливый народ, если судить по тому, чего он достигает в своем гении.

9 ноября. Читатель, как и писатель, рождаются, а масса занимается чтением, если есть досуг.

20 декабря. Как пишут романы? Если писать, то как быть, если придет в голову главное после, а если не писать и дожидаться, пока сложится, то или это будет механическое писательство, или все расплывется в неопределенность. Правила быть не может никакого, кроме правила в самом опыте следить за собой, узнавая по разным признакам тот момент, когда должен молот ударить по железу (вдохновение).

21 декабря. После узнаешь, что так бывает у всех, кому дано выступить в жизни со своим лицом,— непременно у каждого такого человека найдется в прошлом

точка безумия. Но в то время, когда это *переживается,* то сам кажешься себе каким-то проклятым существом, выходящим из всякого необходимого для жизни счета и меры. Тогда больше всего хочется кому-нибудь раскрыться до конца, но это невозможно: для этого нет слов у себя и у ближнего, нет такого внимания, чтобы понять человека без слов. Начинается длинный путь борьбы за то, чтобы какими-то иными словами, иными делами раскрыть людям нормальным свою тайну. Часто в то время, виноватый перед всеми, думаешь, что они все умны, а сам сходишь с ума, и долго спустя, если удастся победить и сделать предназначаемое своей же природой дело, то представится уже наоборот: не было в них никакого особенного ума, стояли они на месте, а сам натыкался на них в своем темном беге, как на деревья в лесу.

Но тайна, что же сталось в конце концов с тайной? Дорогой друг мой, это не тайна, это просто я сам в той своей части, которая не совпадает ни с кем из других. Вот почему никогда не будет конца рассказам о разных историях любви; как ни одна весна в днях своих не совпадает с прошлогодней весной, так никогда не будет исчерпан любовный запас.

1925

1 января. В романе нужно прежде всего единство лица, то есть чтобы все действующие лица незаметно для читателя были составными элементами одного сложного существа.

В жизни мы разделены друг от друга и от природы местом и временем, но сказитель, преодолев время и место (в некотором царстве, в некотором государстве, при царе Горохе), сближает все части жизни одна с другой, так что показывается в общем как бы одно лицо и одно дело творчества, преображения материи. При таком понимании сказка может быть реальнее самой жизни (Дон Кихот и Санчо — самый яркий пример такого сближения).

Это один процесс творчества, который приводит к ясности, а другой процесс строительства самой жизни, когда нужно в добытую сказку вдвинуть время и место. Есть ли это дело художника? Нет, это дело человека,

но труд художника, поскольку он тоже человеческий труд, дает прекрасный пример воплощения, потому что, делая свое любимое дело, он посредством этой любви преодолевает скуку труда и в то же время трудится, как и все.

Спасителем человечества (от Кащеевой цепи) будет тот, кто приобщит каждого работника видеть в своем труде творчество жизни *; значит, чтобы часть узнала себя частью целого (коллектив).

10 января. Так оно так, конечно, и лучше бы как-нибудь работать гражданином мира, но как перешагнуть через родину, через самого себя? Ведь только я сам, действительно близкий к грубой материи своей родины, могу преобразить ее, поминутно спрашивая: «Тут не больно?», и если слышу «больно», ощупываю в другом месте свой путь. Другой-то разве станет так церемониться, разве он «за естественным богатством» железа, нефти и угля захочет чувствовать человека?

Вот верно как-то через уважение к родным, некоторым друзьям и, главное, через страстную любовь к природе, увенчанной своим родным словом, я неотделим от России...

11 февраля. Несмотря на все, мир прекрасный существует тут, на земле: движение мысли, совести, чувство красоты (творчество).

[***Москва.***]

18 февраля. Вернулся из Переславля. Переславль-Залесский был оставлен железной дорогой на двадцать верст в стороне и оттого мало-помалу совершенно заглох. Многочисленные прекрасные памятники старины, благодаря отживанию современности, выступили на фоне низменных мещанских строений необычайно ярко. Древние зодчие вообще работали так, что окошки справа и слева, двери, крупные украшения не приходились одно к одному, не складывались, а даже не было ни одного кирпича в орнаменте, чтобы сложился с другим кусок в кусок. Они работали, как природа, обличая (индивидуализируя) каждую мелочь. Время продолжало дело художников, работая желто-зелеными мхами на кирпичах, муравой на стенах и разным быльем. И так мало-помалу дело человеческих рук пришло в полное согла-

сие с делом природы, так что строения на горах и прекрасное Плещеево озеро внизу сошлись к одному, как будто их создали друг для друга,— сказочный городок.

21 февраля. Мне нужно, чтобы все приходило вовремя. После морозов сретенских и ужасных февральских метелей пришла бы Мартовская Авдотья — «обсери проруби» *, становилось бы вовремя жарко, налетало оводье и комарье около «Акулины задери хвосты» *, и так начался бы великий коровий зик, в июне непременно бы тоже был конский зик, давал бы исходную точку опоры моему воображению.

Как художник я страшный разрушитель последних основ быта (это мой секрет, впрочем), я разрушаю пространство и говорю: «в некотором царстве», я разрушаю время и говорю: «при царе Горохе». Совершив такую ужасную операцию, я начинаю работать, как обыкновенный крестьянин-середняк, и учитывать хозяйственные ценности, как красный купец. Этим обыкновенным своим поведением я обманываю людей и увожу простаков в мир без климатов, без отечества, без времени и пространства.

[***Талдом?***]

22 февраля. И в моей жизни, человека, добывающего средства существования придумкой, есть своя рабочая теория, без которой я бы не мог заниматься своей профессией: в своем деле я использую рабочую ценность мечты о личной свободе. И, само собой, это не умственно выходит, а из натуры и вопреки всей окружающей меня деревенской действительности.

Когда я на рассвете выхожу на крыльцо посмотреть, в каком виде является новый день,— это очень важное дело в конечном факте моей работы, и я стою на крыльце важно. В это же самое время выходит на свое крыльцо одна беднейшая в деревне женщина Наташа и начинает молиться очень усердно, кланяясь на все четыре стороны: у Наташи это своя какая-то необходимая ей и едва улавливаемая моим чувством рабочая теория. Помолившись Богу очень усердно, она идет к колодцу и очень часто упускает ведро. Тогда слышно частое повторение слов «черт», и это уж на весь день: больше этой замученной женщины в деревне никто не ругается,

черт преследует ее весь день и до глубокой ночи. В одну хорошую минуту она мне прямо сказала:

— Если бы не это слово, я по своей работе давно бы в святые попала.

• •

[***Москва.***]

13 марта. Двинуть вперед роман *.

Изучать Переславль и налаживать биостанцию *.

14 марта. Посетили биостанцию. Организовано 10 000 юных натуралистов. Массовое исследование всех птиц сразу. 2000 окольцованных птиц.

20 марта. Хоть бы минутку побыть с самим собой и собраться с силами — вот это нужно человеку, иначе он вывертывается весь наружу и в своих делах не узнает себя самого.

[***Переславль-Залесский.***]

7 апреля. Я перешел вчера на Ботик * (Павловна переехала третьеводни) и стал жить в дворце в роскошном уединении.

9 апреля. Дворец существует с 1853 года — в нем почти не жили, он совсем новенький. Между тем деревья, птицы, звери к нему за 70 лет очень привыкли. Перелесок возле самого дворца на холме совсем дикий, и одно дерево даже рычит (трется о другое), как бывает в самых глухих лесных оврагах. Этот звук чаще или реже, смотря по ветру, слышится всегда в дворце при закрытых дверях и окнах, и в общем какой-то очень приятный мне звук.

Заседание музейной комиссии. Я, рассказывая о Сокольнической биостанции, обратил внимание членов комиссии, что самое трудное там считается ввести детей в природу, заинтересовать явлениями ее, а когда заинтересуются, то сравнительно легко уже приохотить их к очень кропотливой исследовательской работе. Условия подмосковной природы, указал я, такие, что встреча с природой должна подготовляться педагогами: там нужно в малом увидеть большое, и так на станции все микро: микроклимат, микро-заповедник, микро-организмы, комары и птицы даже все больше маленькие. В на-

шем же краю, напротив, все макро: макроводоемы — озера, громадные леса, болота, у нас встреча легче, и наш метод должен быть основан не на микро, а на макро: путешествие у нас, а не экскурсия, и уклон нашей биостанции должен быть географический.

24 апреля. Не нужно быть очень жадным к материалам и всюду совать свой нос, как чайка в воду, большей частью напрасно. Нужно добиваться, чтобы все нужное само приходило, являлось непременно, как ежедневно является свет.

И я не с какой-нибудь целью встаю и выхожу до солнца; между тем не могу оторваться от солнца и озера.

4 мая. Определился роскошный день сверкающих клейких листиков, насыщенный влагой, с тучными теплыми облаками.

По теплым синим и золотым облакам пролетели и те не известные совершенно никаким ученым птицы с самыми острыми крыльями и с самым тонким клювом, сверкнули в золотом луче и влетели в зеленый дом.

И я за ней иду в зеленую дверь.

В полдень Павловна крикнула:

— Посмотри, какое озеро!

И все мы подошли к берегу. Мы его не видали еще таким и <не> думали, что может быть такая красота: весь небесный свод со всеми своими градами, и весями, и лугами, и пропилеями, и простыми белыми барашками почивал там, гостил у нас, у людей *, и так близко: совершенно Китеж, невидимый град.

Мы долго молчали, но один наш гость, подшибленный горем и ослабевший духом, не осилил молчания и сказал:

— Видите, вон там утки черные.

10 мая. То ли что плохи были учителя и велика жажда к ученью и оттого казалось, что не у нас здесь, а где-то есть великие учителя, истинно Старшие; то ли что хорошие люди вокруг меня веровали в науку, а может быть, и потому, что после в жизни пришлось встречать замечательных ученых и художников, или это оттого, что больше самоучкой до всего доходил,— но почтение к Старшим и готовность сделаться во всякую минуту учеником у меня до сих пор сохраняется и все больше и больше распространяется.

Прочитав прекрасную книгу, я думаю: «Вот я ее в день прочитал, а ведь чтобы написать ее, он истратил всю жизнь!» Выслушав весной первый зеленый шум у березы, я говорю: «Чтобы так прошуметь, ведь она полвека росла!»

Ватага чаек летит плотно друг к другу над озером, первая упала на рыбу и промахнулась, вторая за ней упала, третья, четвертая, десятая схватила уклейку, и потом они все на ветер поставили крылья и плавают часами, не шевеля крылом,— есть чему поучиться у чаек!

Я — ученик.

Моим учителям не нужно гонорара, они все учат бесплатно, и, даже напротив, они же благодарят меня за внимание. Иногда мне кажется, что они заряжены, как электрическая туча, и мятежно носятся, чтобы куда бы только ни избыть свою силу, разрядиться во что бы то ни стало куда-нибудь, хоть в печку! И вот тут я: ученик, внимательный, усердный, жаждущий, и все мне как роса на траву...

14 мая. В 7 утра выезжаем на лодке в Усолье.

В Усолье приплываешь, как будто не в село, а в какое-то жительство лесных существ, не нарушающих общий пейзаж: так все вокруг лесисто, болотно, так много природы.

26 мая. Художественное изучение края с целью воспроизведения края потом, не расчленяя описание по частям: население, воды, промышленность, а соединяя все и представляя край живым, как личность.

15 сентября. Думаю продолжать роман.

19 сентября. Я читал у Кардовских * начало своего нового романа и окончательно утвердился в нем: работаю зиму.

23 сентября. Пишу роман в голове.

25 сентября. Понимаю ошибку Руссо, Толстого и всех, кто зовет людей к «простоте»: они думают, что жизнь проще, значит, и легче, между тем как проще жить гораздо труднее. И самое трудное, что стремление к простоте жизни является у сложнейших душ, а все простое стремится к сложности.

1 октября. Был ли сегодня хороший день или худой — не знаю. У меня в душе, как в природе поздней осенью, крутит и мутит тоска. Сегодня я заметил толь-

ко, что на фоне серого ствола большого дерева трепетал один-единственный золотой листик.

Золотая осень прошла незаметно, то были холодные дожди и как-то тут между днями незаметно ударили два мороза, подсекли листву, потом начались сильные ветры с дождями, и так незаметно мы остались с голыми деревьями.

6 октября. Сегодня вечером были слышны крики пролетающих гусей, мелькнула стайка чирков и каких-то больших уток. Каждый раз явление птиц волновало меня, и я для них бросил свою мысль. А мысль эта была о жизни и смерти, что как это отлично придумано устроить нам жизнь конечную сроком, за которую ни одному, даже самому гениальному, мудрому и долговечному, невозможно исчерпать разнообразие мира, отчего каждая коротенькая жизнь может быть бесконечна в своем разнообразии.

7 октября. Я живу один во дворце, устроенном когда-то для приема царей. Весной, в марте, когда я тут поселился, из подвала вылетел в окошко русак. В большом зале подвесились летучие мыши. В ста шагах токовал тетерев, и куропаток всяких множество. Налево за можжевельником лисьи норы, на склоне оврага Гремячей горы, на которой стоит дом — норы барсучьи. С крыльца вид на все озеро, окруженное с левой стороны дремучими неисходимыми болотами и боровыми лесами. Гуси, лебеди летят через усадьбу. Скажите, охотники, кто из вас не позавидует мне и кто не поймет, из-за чего я довольствуюсь скромными своими доходами.

15 октября. Книга «Башмаки» *, к удивлению моему, вышла прекрасная книга, единственный в своем роде опыт художественного писания, сознательно выдвигаемого автором как исследование. Такое же исследование мной было сделано секретное в книге «У стен града», но я не мог в ней показать, что это — исследование. А в «Башмаках» метод выпирает наружу. Вероятно, я наделал много ошибок в рассуждениях, но факт остается фактом: на трех листах изображен целый край.

7 ноября. Как хорошо в предрассветный час полуодетому прямо с постели открыть дверь, выйти в тьму, захватить пригоршню пушистого, только что слетевшего с облаков снега, потереть им лицо, шею и вернуться

в теплый дом: какой у снега в этот заутренний час бывает аромат! Да, если дома тепло и можно быть сытым и есть хорошая лампа, то зима куда интереснее лета.

1926

19 марта. Читал записки прошлой весны. Просто удивительно: вся жизнь целиком ушла в книгу «Родники Берендея» *.

30 марта. Я смотрел на месяц в эту ночь, думал о движении земли, стараясь расстаться с нажитыми неверными представлениями, и, когда на момент достиг,— каким пугающим бездушием повеяло на меня от этих летящих, вертящихся миров: казалось, будто в момент моего восхищения лицом прекрасной женщины ей вспороли живот и показали кишки, такие же, как у всех, а когда я вернулся к себе на землю, к своим обычным представлениям, то захотелось с ними и жить, и умереть и верным, действительным и нужным мне стало то, что кажется, а не что есть. Да, неважно, может быть, что солнце такое огромное и земля такая маленькая, а что вот явились в мире существа, которые, взяв землю за огромное основание, сумели полюбить эти огромные пустые звездные миры, как маленькие ангельские душки,— вот что важно!

1 апреля. Если человек и достигнет управления вселенной, то сам он станет таким же рабочим механизмом, как все эти пустые миры.

Читал «Живой Пушкин» Ашукина *. Вспомнился разговор с Блоком...

— Но вот убили же Пушкина,— сказал я.

— Он сам в то время уже был кончен, это его собственный конец был,— сказал Блок,— жить ему было уже нечем, его и убили.

12 апреля. Когда плод созрел, то, краснея, сам просится в рот, и если не возьмешь, то даже упадет к ногам: «Пожалуйте! — говорит,— я довольно пожил, теперь вы мной поживите, кушайте, кушайте!» Так у больших ученых созревшая мысль в конце концов укладывается в немногие слова, и тогда мы получаем так называемую популярную книгу. Я много пересмотрел таких книжек по естествознанию и сразу по языку

узнаю недозрелые плоды, их очень много, в них всегда встречается страшно избитая фраза: «И вот весна вступает в свои права».

Я хочу высказать свои читательские мысли об одной новой книжечке, с виду очень скромной, но упавшей мне воистину, как зрелый плод: какое наслаждение поговорить о хорошем! Называется книжка «Предсказание погоды по небу» проф. Брауна. Я прочел эту книжку в какой-нибудь час, проверил рисунки облаков по сложившимся у меня представлениям, хорошо запомнил и пошел наблюдать.

16 апреля. Мое настоящее искусство живопись, но я не могу рисовать, и то, что должно бы быть изображено линиями и красками, я стараюсь делать словами, подбирая из слов цветистые, из фраз то прямые, как стены ранних христианских храмов, то гибкие, как завитки рококо. Что же делать-то! При усердии и так хорошо.

А может быть, так и все художники работают мастерством одного чужого искусства, пользуясь силой родного? Может быть, и само искусство начинается в замену утраченной как-то любви... молчаливого потока родства, продолжающего мир и изменяющего его.

20 апреля. Пролетайте же, гуси и дорогие журавли, вы меня не тревожите, как в прежние годы, недостижимым посулом: мои журавли со мною живут. Пойте, веселые черные чудаки-скворцы, разными голосами над шумящим потоком: я сам скворец и тоже пою. Маленькие скворцы, обыкновенное солнце величиной в тарелку, и луна, и звездочки, я вас люблю не такими, какими узнал я о вас из книг,— это любить невозможно! — а как сотворились вы вместе с моей младенческой душой, как обрадовались, так и остались, и я с вами остаюсь таким же. Так это есть и будет присоединенным к великому свитку тысячелетий бытия человека на его остывающей планете.

Мы ложимся спать, откладывая на завтра увлекательное чтение книги Весны, правда!

27 апреля. Луна всегда одинаковая, но вспомните, как встречали мы ее восход в детстве, в юности и после, да зачем в детстве и юности! Вчера, глядя на месяц, я был один, сегодня вижу и думаю о совершенно другом. Не «луна плывет по небесам и смотрит с высоты», а это мы проходим, вечно мерцая.

Отношения людей в будущем сделаются вполне деловыми, то есть люди общаться будут между собою не иначе как оси, подшипники и ремни в машинах, и это будут вполне корректные и порядочные отношения.

29 апреля. Редко бывает такое сильно-страстное певчее утро в лесу, и очень мало людей его знают, кроме нас, охотников, в большинстве случаев не умеющих выразить великую силу дарованного им счастья иначе, как только выстрелом в дичь, а если нет дичи, в ворону-сороку, если нет вороны-сороки, просто в дерево или в свою собственную шапку. Они правы, как выразить это, если те, кому надо рассказывать, не имеют даже отдаленного представления о болотистых и совершенно недоступных лесах ранней весной: нет языка для них, нет человека, что же делать? и палец спускает курок.

Но я не молод, и моя натура уже не может выносить бездушных убийств и бессмысленного грохота. Я и так оглушен этим звуком, ослеплен светом, переполнен счастьем, переходящим в тоску и потом в совершенное изнеможение без дум, без чувств.

К счастью, в пении маленьких певчих дроздов, отлично перенимающих в неволе человеческую речь, я разобрал у одного в последнем колене провозглашенные на весь лес отчетливые человеческие членораздельные звуки, слово это было настолько наше слово, что скоро перестали мои все сомнения: эта маленькая птичка была, наверно, в неволе, выучилась у людей выговаривать и потом перенесла это в лес. Но мало того, другие певчие дрозды научились выговаривать это слово, оно им, видно, очень понравилось, и, может быть, оно уже очень давно выводилось здесь, поучая весь лес. Так я попал в лес, где птицы пели: люби, люби! Я не могу передать здесь это слово во всем его значении в лесу без музыки, надо себе представить всю музыку леса, все аккомпанементы очень капризной мелодии дрозда и под конец сильный удар на «и»: люби-и-и! люби-и!

Однако я должен сказать, что явление самого нежного человеческого слова меня скорее удивило, чем обрадовало, и я ответил дрозду раздумьем: «Любить, но кого же?»

3 мая. Я вернулся домой не с убитыми птицами, а с букетом из анемон, волчьего лыка, тончайших веточек с золотыми сережками. Петя *, увидев, покачал головой:

— Плохо дело с охотой, если ты стал цветы собирать.

6 мая. Общаясь с декадентами, я всегда испытывал к ним в глубине души враждебное отталкивание, доходившее до отвращения, хотя сам себя считал за это каким-то несовершенным человеком, низшего круга. Но Ремизов понимал меня лучше, чем я сам себя, и, кажется, очень любил. Розанов, по-моему, не был тем хитрецом, о котором пишет Горький, он был «простой» русский человек, всегда искренний и потому всегда разный.

12 мая. Природа любит пахаря, певца и охотника.

14 мая. Бессильный человек ничего не может сказать о правде и чувствует ее где-то очень далеко от себя: «А ведь есть же где-то правда на свете!» Правда приближается к человеку в чувстве силы и является в момент решения бороться: бороться за правду, стоять за правду. Не всякая сила стоит за правду, но всегда правда о себе докладывает силой.

23 мая. Вчера я вернулся из Москвы. Видел лавину людей и ничего не замечал в природе, только знаю, что всю неделю было очень жарко. А какая богатая неделя прошла в природе с кипучими ночами.

24 мая. Мне говорили, что без меня был один тихий вечер, но шумело в деревьях, как от ветра: так много было майских жуков.

Мне было во сне, будто я разлучаюсь с кем-то близким таким, что вместе с душой близкого отдирается от меня шматами моя собственная кожа и мясо. Просыпаясь, я догадался, что это близкое мне было наше озеро.

Человек и поэт несоединимы, но человек непременно должен предшествовать поэту...

2 июня. Читал «Кащееву цепь»: понравилось все, кроме 3-го звена.

3 июня. Исправил «Кащееву цепь».

[***Сергиев Посад.***]

10 июня. Завтра совершится акт покупки дома, у меня к этому почти такое же отношение, как у Подколесина: не удрать ли... Я передаю лишнего не меньше

500 рублей, но считаю невозможным выжидать, потому что растрачу деньги, второе основание для покупки, что квартиры, где можно бы держать собак, найти невозможно, в-третьих, рассрочка на два года!

Источник моей иронии: раньше я думал, что есть Старшие, люди умнее меня и лучше, я был еще мал, и это была правда, но за время революции я дорос до конца, стукнулся макушкой о верх, и Старших не стало. Но я еще не понимал, что стал сам Старшим и что это у каждого ставшего есть, что стало со мной, мне казалось, что я, не видя людей выше себя, утратил веру, разочаровался, опустел, одеревенел. Так, однако, бывает со всеми, у кого прекращается органический рост и кто через это становится самым высоким и Старшим.

[***Переславль-Залесский.***]

15 июня. Встреча с озером была счастьем, через это я вернулся к себе и понял, что озеро мне было как икона молящемуся.

17 июня. Весь день дождь. Пишу о торфе *.

Сам изумляюсь своей способности вбирать в себя материалы, такую массу в такое короткое время: в три дня вся разработка торфа у меня готова.

19 июня. Установилось так, что к вечеру озеро стихает совершенно, так стихает, что следы плывущих гагар остаются на целую версту, как от моторной лодки. Заря медленно погасает в тихой голубой воде озера, и так до поздней ночи озеро все меняется, и когда, наконец, заря потухает совсем, исчезают лесные берега в голубом и голубое озеро и небо голубое сливаются, и кажется, наше озеро взяли на небо.

24 июня. Однажды зимой мужичок подвез меня до дому из города. Он был издалека, деревня его Голоперово была в глухом болотном лесу, верст за двадцать от нас. На вопрос его, кто я такой, чем занимаюсь, я ответил по правде, что я сочинитель, книжки пишу. Прошло много времени. Летней порой приходит ко мне этот мужик. Я успел забыть его, но он напомнил, что подвозил меня зимой. Я вспомнил и спросил его, как пришел он ко мне, повидаться просто или по делу.

— По делу,— сказал он,— я давно собирался, да все не смел, по делу пришел.

Мы вошли в дом мой, и я спросил:

— По какому же делу?

— Вы книжки сочиняете,— сказал он,— сочините мне книжку, я у вас посижу немного, а вы сочините.

— Ну, это не так просто,— ответил я,— скоро нельзя, а все-таки попытаюсь, тебе, наверное, хочется, чтобы я твою жизнь описал.

— Нет,— сказал мужичок,— жизнь моя обыкновенная мужицкая, известная жизнь. Я хочу попросить вас сочинить мне книжку хорошего обращения.

И вот как удивил меня этот серый, самого серого вида и едва ли даже грамотный мужичок, я стал его расспрашивать, зачем нужна ему книга хорошего обращения.

— В деревне-то ничего, туда-сюда, все сходит,— объяснил мне мужичок,— а вот как в город поедешь, все будто на другом языке говорят, и хорошо глядеть на людей, совсем люди другие, мне бы вот научиться, а потом бы я в деревне свое завел, так бы и пошло у нас в деревнях, как в городах.

30 июня. Вчера вечером смотрел на озеро после грозы и думал о ничтожности человеческого дела перед лицом стихии, того дела, которое громко называется могуществом человека: этой иллюзией лабораторий и кабинетов.

27 июля. Вот мне, семейному, значит, более натуральному, хочется просто иметь дом, собственный, точку опоры. А холостяк более утончен — дом его заключается в точном распределении дня, в удовлетворении своих привычек, обеспечивающих ему душевное равновесие.

Я, однако, только допускаю себе дом, а в душе в затаенности как бы выжидаю момент, чтобы взорвать эти наседающие на меня привычки, «образ быта», и вдруг, обманув кого-то, вырваться на свободу в бездомье общего всем дома природы. С точки зрения «господарства» я ненадежный человек, и эта какая-то коренная неоформленность, способность перемещения из формы в форму, как во сне, есть главное мое свойство и вместе с тем свойство вообще русского «коренного» человека.

12 августа. Как охотник я, конечно, чувствую больше жалости к убиваемым животным, чем люди, живущие далеко от природы: им очень легко и просто жалеть,

потому что очень много рук пройдет мясо животного, убитого мясником, пока оно попадет жалостливому человеку на стол в виде котлет. Я чувствую жалость к самкам больше, чем к самцам, к четвероногим больше, чем к птицам, и к крупным птицам больше, чем к мелким. Словом, чем ближе животное к человеку, тем больше его и жалеешь, от представления своих мучений жалеешь животное, а так просто без сострадания к человеку, наверно, не может быть сострадания и к животным, и для возбуждения жалости непременно должно быть в животном какое-нибудь подобие человеку. Я могу пожалеть и бабочку, и мельчайшего жучка, но при условии видимости, а знание не дает никакой жалости: я безжалостно одним глотком или движением пальца уничтожаю миллиарды микроорганизмов. Жалость наживается с годами, потому что с годами наживается и опыт страдания...

[***Сергиев Посад.***]

7 сентября. Сегодня в сергиевском литературном кружке буду читать «Охоту за счастьем».

12 сентября. Есть впечатления в иных натурах такой необычайной силы, что вся остальная жизнь является переживанием, культивированием их, или служением. Я знаю, например, происхождение моей страстной любви к деревьям, делающей мне близко понятным обожание их народами Востока. Это первое решающее впечатление было, когда я, просидев очень долго в одиночной камере *, в сияющий день вышел за ограду тюрьмы и увидел одно дерево, на котором листья вдруг мне представились живыми прекрасными жителями какого-то государства. Все слова бессильны передать это впечатление, и только постепенно, с годами, узнавая его каждой весной, я постепенно как бы наживаю силу частичного выражения в словах.

17 сентября. Начать собирать библиотеку, наметить отделы: 1) о царизме, потому что он будет объяснять современность через недавнее прошлое, 2) охотничий, 3) «Вечные спутники» *.

Устройство дома.

21 сентября. Вчера слушал по радио вечер Блока и очень волновался...

Есть люди, от которых является подозрение в своей ли неправоте, или даже в ничтожестве своем, и начинается борьба за восстановление себя самого, за выправление своей жизненной линии. Такой для меня Блок.

Стихов Блока и вообще этой высшей стихотворной поэзии я не понимаю: эти снежные кружева слишком кружева для меня. Эта поэзия, как стиль аристократических гостиных,— признаю, что прекрасно, и рад бы сам быть в них своим человеком, но ничего не поделаешь, не приучен, ходить не умею.

Блок для меня — это человек, живущий «в духе», редчайшее явление. Мне так же неловко с ним, как с людьми из народа: сектантами, высшими натурами. Это и плюс аристократизм стиха, в общем какая-то мучительная снежная высота, на которой я не бывал, не могу быть, виновачусь в этом себе и утешаюсь своим долинным бытием без противопоставления.

Но мы встретились с Блоком в отношении к Октябрю. Горным своим глазом он разобрал в нем Интернационал, а я своим долинным путем понимал, что чем меньше жертв, тем лучше. Словом, я не чувствовал «музыки» революции, хотя верил и знал, что она была у немногих, знакомая мне музыка по моей юности.

9 октября. Письмо Горького о «гео-оптимизме» подчеркивает одно из моих самых больших волнений в жизни Это мне дает радость, уверенность и охоту написать «Любовь» *. Этот роман будет моей «Песнью песней» *, после которой все написанное мною оказывается нащупыванием материалов.

14 октября. Да, вот вспомнилось из ночи об идеях, начиная с идеи Прекрасной Дамы. Идеи, мне кажется, как ложное солнце, немного сдвинуты в сторону от светящегося живого тела, и если метиться в тело, ставя прицел на идею, то снаряд пролетит мимо.

Так создался Дон Кихот. Светило Прекрасной Дамы уже погасло, и Дон Кихот следовал только принципу Дамы, призрачному и несуществующему, как ложное солнце, как долетающая до нас форма давно погасшего тела.

Вот теперь я начинаю понимать, что так разделяло меня с романтиками, почему Блок, Пяст *, Гиппиус, Карташов и другие казались мне людьми какой-то высшей природы, высшего постижения, высшей учености,

чем я, и в то же самое время одной половинкой мне стыдно было за себя и другой половинкой за них: я и уважал их, и тяготился ими, и даже потихоньку смеялся над теми, кто из них был выше других.

Так воспитал я в себе крайнюю осторожность в форме смирения с подозрением, что Идея эта пуста и значит не больше, чем свет на земле угасшего небесного тела.

6 ноября. Почему я до сих пор не собрался описать речку Вексу? Мне кажется, потому, что она меня так обрадовала, что это было больше желания писать, я долго не мог просто догадаться, что об этом можно писать. Да, слава Богу, есть еще на свете для меня некоторые такие прекрасные вещи, о которых мне и в голову не приходит, что их можно описывать.

5 декабря. Рассказ «Охота за счастьем», несомненно, имеет глубокий успех в обществе, вероятно, тема о «счастье» — теперь общественная тема.

21 декабря. Прочел Бунина «Митина любовь». До неприятности все близкое (елецкое) и так хорошо написано, будто не читаешь, а ликер пьешь. Заключительный выстрел напоминает чеховский рассказ «Володя» и тысячи романов, в которых мерзость сытая противопоставляется чистой любви.

31 декабря. Выпущены в свет «Родники Берендея».

Написано звено «Кащеевой цепи», «Юность Алпатова» и «Весна света».

Рассказом «Любовь Ярика» завершена работа над созданием охотничьего рассказа.

Явление литературных друзей: статьи Смирнова, Замошкина, Дынник, М. Горького *.

Покупка дома.

Это был год исключительно счастливый, проведенный у родников Берендеева царства.

Пожелания на 1927 год.

Желаю, чтобы год обошелся без войны, чтобы заплакать от радости при чтении какой-нибудь новой прекрасной книги.

Специальное пожелание к повести о любви:

1) После написания желаю, чтобы совершилось наконец мое освобождение от «греха», то есть на коромысле с двумя чашами «жизни» и «легенды» чаша легенды уравновесилась с жизнью, и за то я был бы «прощен». Только возможно ли это? А если это невоз-

можно (как свидание с мертвецами), то пусть же весной этого года, закончив труд, в пении птиц на Дубне (а может быть, на Уссури) я услышу несомненный голос любви и скажу себе: «И я что-то пропел и могу: голос мой не хрипит».

2) А если в этом году будет война, или я смертельно заболею, или какая-нибудь случится страшная беда, то не унизиться бы и перемогнуть.

1927

16 января. Не верьте писателю, если он пишет историческую повесть, что он в прошлом: он описывает его настоящую жизнь в образах прошлого.

20 января. Как странно сошлось, что ночью видел волшебное путешествие, а утром получил письмо из Питера с предложением приехать и заключить договор на Собрание сочинений. Трудно охватить всю радость, принесенную мне этим письмом. Вчера из-за денег, необходимых для существования, я должен был расставаться со сказкой, которую исказив, я, может быть, опустошил бы всю свою душу, сегодня я свободен. Я могу три года жить и писать свободно, и даже я могу совсем не писать! А поездка в Питер, на свою духовную родину, где я не был почти десять лет, и в самое лучшее для Питера время: весной света — это совсем похоже на волшебное путешествие во сне.

24 января. Питер. Грандиозность Невы и кучка рабочих: Ленинград. Лавочки даже все на прежних местах.

26 января. Подписал договор на Собрание сочинений.

30 января. Почти десять лет я оставил Петербург и вернулся в Ленинград: да, действительно Ленинград, потому что Петербург умер — это другой город. Но Петербург был моей писательской родиной, и как только вышел я на Неву, мертвецы окружили меня и подавили все восприятие современности. Тут я познакомился с Блоком и многими другими поэтами и писателями. Блок, красивый, блестящий поэт, окруженный барышнями, поразил меня с первого знакомства серьезностью своего духовного внимания. Он говорил «по духу» и там, где все обыкновенные люди говорили шутя.

[*Сергиев Посад.*]

8 февраля. Поэтическое чувство — это излучение чувства жизни в пространство. Поэтическое творение будет здоровым, сильным, прекрасным, если оно является завершением трагедии жизни. И оно будет упадочным и убийственно вредным, если для осуществления его поэт отстраняет от себя простую, общую всем трагедию жизни.

3 апреля. Да, это очень верно, что я держусь верой в людей и что в Бога начинают, должно быть, по-настоящему верить, когда теряют последнее зерно веры в человека...

Неверие в людей. Меня всегда пугала эта бездна, когда я подходил к ее краю, и тут я все брал на себя: не люди плохи, а я! И когда я уходил в себя, страдая о себе, что я не такой, как все, что у меня нет чего-то, что все имеют, вдруг при каком-нибудь нечаянном взгляде на мир, какая-нибудь березка, птица, река являлись в необыкновенной красоте, и тогда я, как бы прощенный красотою, я с любовью обращался к людям, я верил им, и они мне помогали.

Я хотел сказать, что с какой-то высокой точки зрения писатель, как человек, имеющий доверие к безликому обществу настолько, что позволяет себе перед ним раскрываться и — мало того! — получать за это деньги — смешон, потому что наивен, и если не имеет наивности, потому что подл. Возможны два отношения к читателю: или читатель друг и роман будет письмом к другу (наплевать на всех), или читатель дурак, которому отвести надо глаза героем.

5 апреля. Сегодня, друг мой, в Москве на Тверской я видел, как два пожилых гражданина встретились и вдруг узнали друг друга, наверное, не встречаясь полвека, один вскрикнул «Сережа!», другой «Миша!» и обнялись.

Я завидовал им: «Вот наговорятся-то!»

Вот и я так думаю иногда о себе: и вдруг мне когда-нибудь встретится друг, и я выскажусь до конца... Такой я не один, и, значит, лирика моя в романе имеет значение жажды затерянного человека найти родную душу для встречи.

29 апреля. Весна идет! нет сил городить спокойно кропотливым трудом эпические фразы, когда разгорается торжественное утро.

3 мая. Теперь, когда просыпаюсь, спешу скорей открыть занавеску и поскорей узнать, что там делается, открываю занавеску на окне, все равно как перевертываю страницу неожиданной новой захватывающей книги.

4 мая.

— Откуда в России люди такие нашлись, ты вот что скажи?

— Во-на, откуда... в русском народе есть все!

7 мая. «Человек» в литературе — это чувство трагического.

15 мая. Весна бывает всегда разная, но одна весна не бывает на другую похожа, и любовь, как весна, у одного человека бывает одна, проходит и такой не повторяется: это жизнь человека. Но из этого не получается так, что нет никому интереса до другого, напротив, потому наш роман бесконечный, что все мы по-разному со всех бесчисленных сторон переживаем одну и ту же любовь. Так одно и то же солнце светит нам при Рамзесе и Ленине, и все-таки каждая весна рождает у человека хоть одно стихотворение о солнце, небывалое в прошлых веках.

Вот отчего и является смелость писать о любви... кажется, если я докопаюсь до своего, совсем до своего, как было только со мной, то это непременно будет по-новому.

1 июня. Есть ли на свете другой народ, кроме нас, русских, кто так удивляется, радуется и просто любит,— да, и любит! — жизнь другого, чужого ему народа и при этом совершенно молчит о своем или даже бранит. Я, друг мой, теперь только вполне понимаю, отчего это так: русский, восхищаясь другой страной, так выражает смертельную любовь к своей родине. Он восхищается устройством другой страны, представляя себе возможность безграничную для культуры своей натуральной родины, а то почему же, если придется ему от первых восторгов чужим перейти к жизни и задержаться на чужбине, он изнывает в одиночестве, не имея ни вещей, ни слов, чтобы иностранцу выразить неопределенную любовь к своей родине: он с внешней стороны делается иностранцем, а внутри сгорает тоской о родине.

24 июня. Творчество — это страсть, умирающая в форме.

3 июля. Часто говорят: «она просто одевается, он просто пишет» и т. д. В искусстве и в быту «простое» означает самое трудное, самое редкое и, чтобы отделить это понятие в этом смысле, первоначальное понятие «простого» называют «примитивным». «Простое» в искусстве означает обыкновенно новое достижение художника в совершенствовании той формы, над которой работали до него другие художники, которая стала привычной и теперь возрождается в новых условиях. Потому эта форма и называется «простой», что знакома всем, и потому она так особенно трудна, что требует нового совершенствования того, что, казалось, великими мастерами совершенно закончено.

Усложнение формы в искусстве бывает от внедрения в творчество личности художника, претерпевающей катастрофу. Бывает, что личное отвечает душевному состоянию многих людей в обществе, и тогда эта усложненная форма является желанной и господствующей, конечно, до тех пор, пока, влекомая дальше потоком творчества, не разобьется на простейшие первоначальные формы, заключенные в сложном, как разные горные породы в конгломерате.

Мы все так часто оглядываемся на творчество природы, как на пример для своего, потому что там личная судьба человека является не больше как «трагедией частного».

Этот выход из трагедии частного освобождает такое же огромное чувство жизнерадости, как таяние льда скрытой теплоты весенней порой. Раз испытавшему это чувство хватит на всю жизнь... оптимизм становится возможным при условии личной трагедии.

Вот источник моего оптимизма, и очень возможно, это «простейшее» (как я называю) было в основе «естественных» законов Руссо и потом Льва Толстого.

29 сентября. Разбирал дневники: много толстых тетрадей. Наряду с глупостями и невозможной откровенностью иногда есть ценные записи, а кроме того, по ним возможно восстановить фактическую жизнь лет за 17. Если я погибну от несчастного случая, то дневники должны быть уничтожены и вместе с тем погибнет ценное. Вот почему при первой возможности надо выписать все ценное из них. Вот, например, что:

— Значит, есть в пустоте воздух, в тоске радость, в мечте воля к преображению жизни!

16 октября. Весь секрет в обеспечении себе такой простоты: такой нивы, которую сладко пахать и другой этому не завидует: у него под ногой тоже нива, в руке такая же соха, такие же веревочки к лошади, все то же, да вот я иду бороздой и песню пою, а он идет и ругается.

21 октября. Только в утрате показывается любовь, как все равно жизнь, самая простая жизнь становится невыразимо прекрасной мечтой, если человека лишат свободы; да какая там жизнь: совершенно умирающему от голода в кусочке черного хлеба постигается счастье.

Так, мой друг, смешно говорить нам с вами о счастье и любви после стольких невзгод и унижений. Оставим юности писать на своих векселях недостижимые идеалы, нам векселя не нужны: мы с вами отчетливо знаем, что жизнь дорога, надо просто жить, а когда проживем, то скажем: я жил, значит, любил.

24—25 октября. Мысль изреченная только тогда не ложь, если она изрекается в лично сотворенной форме.

Претензия на учительство — это склероз всякого искусства. Учительство является как нечто внешнее, сравнительно с искусством, и в этом его соблазн, влекущий падение художника.

Вот что я думаю об этом: торопливость, стремление высказать всего себя за свою жизнь является от неверия в свою будущую жизнь, то есть что другой непременно придет, и если ты не докончил свою мысль, то он докончит и твоя же жизнь будет в другом, и все тебе дорогое объявится и через тебя же самого в другом. Этого чувства обыкновенно не хватает людям, и, держась за свою индивидуальность, как за свой дом, который непременно будет разрушен, они выходят из себя, из своей меры: вот источник претензии на учительство у художников.

Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойственно всем русским большим писателям. Это происходит оттого, что посредством художества нельзя сказать «всего». Вот в этом и есть ошибка, потому что «всего» сказать невозможно никакими средствами, и если бы кто-нибудь сумел сказать «все», то жизнь человека на земле бы окончилась.

Поэтому пределом моего дарования я считаю свой художественный кругозор, то есть способность заклю-

чать жизнь в свойственные моему дарованию формы. Я могу создать *вечную* форму своего личного бытия в том смысле, что эта форма будет необходимым звеном той цепи, которая соединяет всякое настоящее прошлого со всяким настоящим будущего и называется культурой. Никакой другой вечности творческого создания быть не может, и последнего слова сказать никому не дано. Стремление сказать последнее слово вне своего дарования (Гоголь, Толстой и другие) есть результат распада творческой личности.

16 ноября. Тихо падающие белые снежинки, это бесшумное движение белых мыслей вдоль неподвижного — какое собранное сюда блаженство! Я думаю о жизни, затраченной на борьбу с наследием своей природы, и так приходит в голову: что же, если затрата труда как раз и будет только покрывать силу греха, что же остается человеку — грех и труд? стоит ли жить? Но нет, так устроена природа человека, как у охотника: проходят дни в подстерегании, а приходит минута и отвечает за все. Дело в том, что жизнь не конторская книга и построена не на расчете, а на милости.

7 декабря. Я отдал свою молодость смутным скитаниям по человеческим поручениям и только в тридцатилетнем возрасте стал писать и тем устраивать свой внутренний дом. Я не был никогда тем маленьким эстетом, которые посвящают себя взамен жизни культу художественных идолов. Случилось по целому ряду причин в моей личной жизни, что я вынужден был заняться писательством взамен гражданской деятельности, и сложилось решение не выходить из своего дома. Мне всегда представлялось, что если там, в Прометеевой борьбе, все идет правильно, то в своем доме, в своем деле рано или поздно совершу Прометеево дело. Я не был декадентом-эстетом, но презирал народническую беллетристику, в которой искусство и гражданственность смешивались механически. И потому я искал сближения с теми, кого вначале называли декадентами, потом модернистами и, наконец, символистами. Можно разными глазами смотреть на эту чрезвычайно цветистую эпоху нашего литературного искусства, но никто не будет спорить со мной, что эта эпоха была школой литературы, и требования к нашему ремеслу чрезвычайно повысились в это время. Но не так просто, как многие думают, совершилось это культурное завоевание

отделения литературы от гражданства. Мне кажется, более всех других, тоже очень чутких к жизни поэтов, отразил и в своем творчестве и в своей личности трагическую эпоху русского искусства Александр Блок.

Взять даже внешнюю жизнь поэта — рабочий, крестьянин, земский интеллигент — все бывали у Блока, и кто бывал, будет до гроба хранить очарование равенства всех в общении с этим прекрасным душой и телом человеком. И не один Блок, а все писали и озарялись в сторону революции.

Я познакомился с Горьким в Финляндии, куда он приехал со своего Итальянского острова. Мы с ним уже переписывались в то время по поводу издания моих сочинений в «Знании» *. Он очарованный и восторженный, такой восторженный, что я еще таких и не видал. Я заметил во время беседы с Горьким, что занятия литературой были для него выходом, он крепко за это держался, как голодающий за хлеб. Да, вот во время голода все узнали, что значит хлеб в действительности. Так и Горькому его дело было, как голодному хлеб. Во время нашей прогулки на дорожке лежала хвоя, покрытая изморозью. Он подымал эту хвою и говорил: «Чудесные!» Я тоже обладаю этим плотоядным чувством земли и после стеклянного неба, языческих, христианских и штейнеровских * кружков Петербурга, где ничего, ничего этого не понимали! мне было очень хорошо от Горького... как-то чисто, будто с помором или с охотником был. Вот это вольное, родное и... не буду греха таить, русское держит нас с Горьким до сих пор довольно близко друг к другу. Из его писаний мне больше всего нравится его «Детство», «Отшельник», а в «Университетах» гениально изображенный философский сумбур в голове, который и я в свое время почти так переносил.

31 декабря. Я пишу о том, что было со мной самим в действительном мире, и только иногда прибавляю, но все-таки, чтобы оно не выходило за пределы возможного. Так у меня получаются тоже поэтические произведения, словом, я верю, что поэт рождается в действительной жизни, и если он вправду поэт, то все родственное ему в этом мире должно расположиться поэтически.

На этом простом пути есть только одна опасность, это претензия сделать больше себя самого при помощи интеллекта. Моя работа главным образом и была в борьбе с претензией. К сожалению, я-то не прост, и бороться мне приходилось очень много, а потому многого сделать я не мог, так, кое-что выходило.

Горький с необычайной радостью встречал все мои сочинения и писал мне о них восторженные письма. Мне говорят, что Горький иногда пишет восторженные письма и совершенно бездарным писателям. Но думаю, что это не совсем правда, совершенно бездарных писателей немного, в каждом есть жемчужное зерно, зарытое в куче навоза Во всяком случае, десятки писем на протяжении двух десятков лет таких восторженных, что я не имею возможности их опубликовать, свидетельствуют, несомненно, о наличии в моей навозной куче какого-то зерна, родственного Горькому. Спрашиваю себя, какое же это зерно? Истоки нашего человеческого родства, как я понимаю, теряются где-то далеко в нашей природе как жизнеощущение, которому я в своих произведениях подчиняю человека: то большое, а человек маленький и делается большим только в свете великого, стоящего под ним всеобщего родства.

Сейчас я говорю сам себе: «Никогда не гордись тем, что ты не искал славы, выкинь это из головы, изживи это, потому что это обычное явление у неудачников — губительная холодная гордость своей чистотой. За славой гоняется только маленький человек, к крупному слава сама приходит мимо его воли, и слава — это не радость, а особая форма креста, бывает четырехконечный, бывает восьмиконечный, а слава это крест бесконечный».

Встреча Нового года.

За год мною написано:

1) Звенья: Весна света, Зеленая дверь, Юный Фауст *.

2) Несколько детских рассказов, из которых нравится мне «Луговка».

3) Охотничьи рассказы, из них лучший «Нерль».

4) Собраны большие материалы по большой охоте и начата их обработка.

1928

16 января. Считаю смешным сочинять, то есть описывать воображаемую жизнь, если иметь у себя материалы жизни действительной.

20 февраля. Достоевский и Гоголь — писатели с воображением; Пушкин, Толстой, Тургенев исходили от натуры. Я пишу исключительно о своем опыте, у меня нет никакого воображения.

22 февраля. Вчера прочел «Современники» Форш с большой радостью, казалось, будто продолжаю беседу в Питере с этой веселой в печали женщиной *. Интересная книга. Да, я считаю, книга должна быть непременно интересной, это главное качество книги — быть интересной в том смысле, чтобы автор сдерживал печаль про себя (подвиг) и, обращенный к читателю, увлекал (жил). Один из основных признаков жизненности книги, если после чтения читателю кажется, что это про него писано.

Да, как ни вертись, а искусство, должно быть, всегда паразитирует на развалинах личной жизни. Но в этом и есть особенность подвига художника, что он побеждает личное несчастье. Весь «мираж» искусства, может быть, и состоит именно в этой славе победителя личного горя. Однако эта «слава» имеет такой же органический рост, как и жизнь, и непременно подводит художника к новому горю, которое для победы себя требует подвига иного качества. «Новое горе» состоит, по-моему, в том, что художник, мастерством своим постепенно уплотняя жизнь своего духа до физического его ощущения, начинает забывать только лично-духовное (ограниченное) происхождение своего подвига, начинает забывать свой срам в первоначальном жизненном пути, свой грех считает слишком рано искупленным и объявляет свое право святого вступления в органическую жизнь уже мимо своего художества (Гоголь, Толстой — типично, а частью — все).

20 марта. Вчера окончил «Кащееву цепь» и сегодня увидел грачей — какое удивительное совпадение.

Ездил в Москву сдавать «Цепь». С половины 10-го до 1 ч. дня вел разговор с Замошкиным.

23 марта. Закончена в отделку «Кащеева цепь». Роман был начат в 1922 году, значит, писался 6 лет. В основу второй части, где изображается любовь, поло-

жено личное переживание в 1902 году. Единственное сохранившееся письмо моей невесты с отказом мне во все время писания лежало под руками и давало мне силу писать. По возвращении из Питера, когда откроется земля, я похороню его в землю, и это место будет могилой моей любви. Я твердо верил, что этот роман будет жить взамен нашего ребенка.

26 марта. Кончилась алмазная весна света, плачет серыми слезами весна. Сухие глаза у меня, слезы мои выливаются внутрь, и никто их не может увидеть.

[*Ленинград.*]

28 марта. Мое утро — только до восхода солнца, как только солнце взошло — это день.

И моя весна только до первых цветов, как только цветы показались — наступило летнее время. Но и осень моя от первых желтых листьев на березе и до первого снега — длинная осень. Зима моя короче — от первого снега и до первой капели.

3 апреля. Я хотел бы так полюбить, что<бы> не мнóю любовь владела, эта слепая сила, а я сам бы стал ее хозяином: этого мне очень хочется, я даже не могу представить себе жизнь без надежды на такую любовь.

В такой слепой любви одни, отдаваясь, теряются в мутном потоке, другие в испуге бегут от «грешной» женщины к идеалу святой Мадонны. Мне бы хотелось иметь такую любовь, в которой идеальная была святая брачная ночь, восторг участия в творчестве жизни...

Знаю, что осуществление такого идеала может быть не к лицу мне и даже недостижимо. Но что из этого? Я говорю только о свете моих отношений к женщине. Мне понятней, правдивей, честней и даже святей моя дружба с женщиной, если я не скрываю от себя, что она держится силой моего идеала брачной ночи с ней...

16 апреля. Слова в любви бывают самые простые и о простых вещах... Но если начинаются слова изнутри, огненные, страстные, то это идет за счет любви, и получается та самая песнь песней, которую мы слышим с незапамятных времен. Смысл этой песни песней — призыв к священной брачной ночи жизни...

[*Сергиев Посад.*]

17 июля. Толстовское творчество так близко к органическому целостному процессу творчества жизни, что его произведения кажутся нам почти как сама жизнь. В наше время господствует литература тенденциозная, только по теме близкая к жизни трудящегося человека, рабочего и крестьянина. Я бы желал, чтобы современная литература заимствовала у Толстого его близость к самой жизни и через это обрела бы естественную правдивость, подвижность, свободу.

28 июля. В наших русских условиях, где литературный обман не нашел еще вполне крупных фабрикантов и прочного сбыта, не является в голом виде, а по-детски наивно тащит за собой из недр земли-жизни корневище правды, истины, справедливости, красоты. Крупные русские писатели не пером пишут, а плугом пашут по бумаге, пробивая ее, вывертывая на белое черную землю. Вот почему легкое писание, беллетристика русскому кажется пошлостью, и русский писатель кончает свой путь непременно той или другой формой учительства и объявляет дело всей своей прошлой жизни «художественной болтовней».

16 августа. Закончил чтение книги Авдотьи Панаевой, на редкость замечательная книга *. Мне захотелось написать свою книгу, в которой тоже пройдет целая литературная эпоха, но чтобы это было не воспоминание, а роман (3-я книга «Кащеевой цепи»).

Моя книга возьмет эпоху богоискательства и будет иметь содержанием психологию творческого процесса.

25 августа. Творчество — это, во-первых, личный процесс, чисто «духовный», это процесс материализации духа-личности.

Я увлекаюсь теперь синтезом искусства и науки в деле познания жизни: наука строит берега для искусства... но... я иногда думаю, что это является во мне за счет наивных остатков религии (детства), которые охраняю я с необычайной последовательностью и жестокостью к другим сторонам жизни (да есть ли они?). Правда, все говорят и вздыхают о своем детстве, и никто не хочет истратить силы своего характера на достижение этого лучшего. Сильные люди, вздохнув, отбрасывают свое детство и со злобой обращаются к «делу»,

исполнив которое, истратив себя на него, они думают в будущем открыть людям ворота к счастью. Люди слабые, хорошие, сами «впадают в детство».

Нам нужно овладеть творчеством науки и искусства для творчества жизни.

2 сентября. Такое было прохладно-росистое настоящее крепкое охотничье утро, но я вышел, безрадостно походил возле деревни и пасмурный вернулся назад. Так иногда бывает с охотничьей собакой, даешь самую любимую пищу, и не ест...

Верней всего после вчерашней ужасно утомительной охоты я переутомился писанием на ночь, нет ничего хуже, когда на мускульное утомление ляжет умственное.

Только к самому вечеру жизнь стала мало-помалу возвращаться ко мне, я обратил внимание на большую вечернюю зарю, и очень мне захотелось подобрать какую-нибудь мелодию на своем рожке. Он сделан из волчьего дерева, тростника и коровьего рога, простейший инструмент. На волчьей палочке просверлено пять дырочек без всякой мысли о гамме. Но, конечно, дырочки расположены не зря, верней всего, они сделаны так, чтобы удобней было играть коровам мелодии. Люблю я эти мелодии больше всякой музыки. Многое множество людей надо перебрать, чтобы найти такого, кто променял бы концерты Бетховена на мелодию пастушьего рожка в лесу на утренней росе. Но я готов отвечать чем угодно, что сегодняшнего пастуха до солнышка пришел бы послушать сам Бетховен, он сказал бы:

— Это лучше, это больше меня!

Я сегодня на вечерней заре взял рожок, и вдруг тайная прелесть этой музыки для меня открылась, простейшая грустная мелодия с последующей вариацией, изображающей веселье и радость коровьего шага — вот и все искусство. Тут все в простоте, чтобы деревня была, коровы, лес, солнце и звук выходил из коровьего рога, волчьего дерева и тростника. У открытого моего окна собрались ребята, женщины, я спросил одну:

— Милая, как будто у меня выходит не хуже, чем у пастуха?

Она мне серьезно и убежденно ответила:

— Лучше!

Я осмелел и, когда погорела заря, вышел на крыльцо и стал играть. Показался на дороге целый воз чужих мужиков, ехали свесив ноги, покуривая. Я был

уверен, что они сейчас будут хохотать надо мной, издеваться. Но, к моему удивлению, они остановили лошадь и слушали серьезно меня, лысого, с седеющей бородой, играющего на свирели из волчьего дерева и коровьего рога. Я удивился, потому что забыл, что за два месяца лесной жизни вид мой приходился уже к рожку...

Окончив мелодию, я быстро повернул и вошел в дом. Окно оставалось открытым. Я слышал, чужие мужики говорили между собой, один спросил:

— Чей это дом?

Другой ответил:

— Софронова Николая Василича.

— Николая Василича!—подивился первый мужик.— Так оно и есть. Николаю Василичу есть чем пастуха угостить: каши наелся и заиграл.

Первый мужик на это заметил:

— А хоть бы и не у Николая Василича, последний мужик по череду пастуха накормит, сам не поест, а пастуху все отдаст. Вот он и свистит, нет, брат, на пустое брюхо не заиграешь.

Из этого разговора я понял, что жизнь пастуха не плохая, и в крайнем случае можно поступить в пастухи.

6 сентября. Давайте, друг мой, думать о пережитом, чтобы оставить потомству картину жизни наших современников.

7 сентября. Бывают дни, когда солнце светит трагически: кажется, вот, вот что-то случится, и лучше не надо ходить далеко.

Все было в этот день: ясно и хмарь, гроза, буря, дождь.

Творчество — это реализация запросов бытия и сознания.

8 сентября. Пропотеешь на охоте и высохнешь, дождик пойдет, вымоет, опять пропотеешь, и так густо, что вот, кажется, через рубашку трава проросла, и на траве своей паутина легла, и в строгое холодное утро паутина покрылась мельчайшими каплями росы и засверкала. Тогда все книжное, начитанное, надуманное исчезает, и если приходит в голову мысль — верь ей! это своя мысль, проросшая из своей головы, как мох из пенька...

21 сентября. Друг мой, верьте мне, что не из тщеславия и не от избытка сознания стал я летописцем. Именно потому я и стал летописцем, а не погиб в твор-

ческом действии, что не было у меня в то время ясного сознания для действия. Мне нужно было пережить, продолжиться, подрасти, как дерево, чтобы в новых условиях начать понемногу догадываться о значении минувшего, скажу яснее: в настоящем из прошлого догадываться о будущем.

26 сентября. Творчество — это воля к ритмическому преображению Хаоса.

Есть люди такие хорошие, что все вопросы любви и брака, отношений индивидуальности к обществу лично их совершенно минуют, исчезая в их умном и добром управлении самими собой. Они проходят в жизни мало заметно, как не слышно нам тиканье маятника и бой часов: надо нарочно прислушиваться. Есть, несомненно, значительное число таких достойных ритмических жизней, влияние которых в многомиллионных массах простого безымянного народа столь же велико, как собрание культурных ценностей, сотворенных человеческими личностями в высшем так называемом интеллигентном обществе. Если бы не было такого ритма в безымянной жизни, соответствующего ритму, заключенному в культурных ценностях, то каким бы образом иногда люди высокой культуры и простейшие, даже неграмотные труженики понимали и уважали друг друга?

28 сентября. Звездная ночь была ни теплая, ни холодная, но мы вперед знали, что при восходе солнца будет сильный мороз.

Мы вышли ровно в 3 часа утра в Серково выслушать осенний ток глухарей.

4 октября. В тот момент, когда на фоне давно знакомого мне волнения вырисовывается какая-то форма, которую могу я записать, и я беру бумагу,— это «я», от которого я обыкновенно пишу, по правде говоря, уже «я» сотворенное, это — «мы». Мне не совестно этого «я»: его пороки не лично мои, а всех нас, его добродетели возможны для всех... Теперь я очень хорошо понимаю, что это превращение «я» в «мы» выражает собой сущность всего творческого процесса, и, с одной стороны, бесконечно просто, с другой — бесконечно сложно. Раньше, когда я писал, не углубляясь в себя, мне казалось дело писания таким простым, я был так наивен, что думал, это возможно для всех и каждого можно этому научить. После многих глупейших моих опытов

учить, оказалось, что чувствовать себя, как «мы», во время писания очень трудно и дано немногим. Но хорошо, не всем же писать. Всякий, создающий вещь какую бы то ни было, новую, лучшую вещь, превращает свое маленькое «я» в «мы». Есть несколько детских и охотничьих, написанных мной маленьких рассказов, которые, по моему сознанию и множества понимающих искусство людей, совершенны. Вот и довольно: я — творец, как все равно и один мой приятель — башмачник, создавший небывалой красоты башмаки. Есть ли какой-нибудь «смысл» жизни другой, кроме творчества, значит, этого превращения «я» в «мы»?

Из всего этого моего разбора теперь получается, что если я сумею описать все эти превращения «я» в «мы», то опишу весь процесс творчества. Могу ли я это сделать? Могу, потому что я создал в детской литературе рассказ «Еж» и в охотничьей «Смертный пробег».

Арсеньев, между прочим, рассказал мне, как он написал свою книгу. Она вышла из дневников, которые вел он в экспедициях *.

Эта книга, можно сказать, первобытного литератора, своего рода тоже реликт. Ее движение есть движение самой природы, и она снова наводит меня на мысль, что поэзия рождается в ритмическом движении природы, вращения солнц и земель и является на свет тем же самым чутьем, которым животные и люди в тайге определяют без компаса, в какой стороне находится дом.

9 октября. На искусство в своем происхождении — поэзию, а также на чистую науку я смотрю так, что «вдохновение» при творчестве их происходит от облегченного в человеческих условиях ритма, которым сопровождается работа в природе. Там этот ритм — условие вращения тяжких миров. У нас — ритмический ход образов и мыслей.

Если делать ежедневные записи движения жизни в природе, то можно добиться слышания этого природного ритма. По-моему, гений человека не огонь похитил с неба, а музыку и направил ее вначале к облегчению труда, а потом и самый труд, на который распространяется ритм, сделал через это наслаждением...

26 октября. Творчество я представляю себе как жизнь, пробивающую себе путь к вечности. Она очень похожа на поток, размывающий себе путь к океану.

Смотрю на каплю дождя, пребывающую на внешней стороне моего окна, и думаю: «Эта капля получила свое назначение в мировом творчестве жизни попасть в луч моего сознания, эта капля среди других гениальна, потому что является точкой соприкосновения и согласования творчества природы и человека». Я слежу за жизнью этой гениальной капли дождя, как за своей. Вот другая повисла над ней и набежала, обе капли слились, скользнули по стеклу на подоконник, упали на землю, просочились к потоку. Я понимаю этот поток как сообщество агентов жизни, размывающих себе путь к вечности. Знаю, что и океан имеет границы, но я говорю относительно: безграничная даль океана. Так называю скопление вещей, согласованного человеческого творческого труда, нашу культуру — вечной; она так же безгранична в отношении меня, творческого ее агента, как океан сравнительно с каплей дождевой воды.

Некоторые, сидя на береговых скалах, склонны думать, что они определяют направление потока. Это неверно; если скала мешает жизни потока, через миллионы лет она будет размыта: берега рек меняются.

Так, в потоке творческого сознания людей, несомненно, есть берега, властно стоящие на пути; они созданы нами, они те же мы в конечном счете, но временно они получают назначение высоко стоять над потоком и давать ему направление.

Если мы, наблюдатели русские, возьмем японцев для сравнения с нами, то нам покажется, что оттенков в их облике гораздо меньше, чем у своих земляков. Это потому, что японцы нам мало знакомы и мы не привыкли еще их раз-личать. А если взять даже близкую нам родную природу, то способность видеть лица у диких животных и растений оказывается очень слабой, присущей только очень немногим. И если вернуться к способности понимать лицо людей даже в своем народе, то эта способность окажется чрезвычайно ограниченной, свойственной немногим художникам. Таким образом, под-солнечный мир представляет нам сам по себе неограниченный материал для различия, требующий к себе для этого тесного приближения с родственным вниманием. Вот эта способность раз-личать в под-солнечном мире и есть главная основа «искусства видеть мир».

Каждому человеку в большей или меньшей степени дана способность видеть мир, и каждый человек с дет-

ства спешит воспользоваться этой способностью и мало-помалу пополнить себя тем запасом образов знакомых и родственных лиц, с которым он начнет свою жизнь.

Пределы этому родственному вниманию бесконечно расширяются посредством искусства — этой способности особо одаренных людей, художников, видеть мир с лица.

Творческий акт человека, согласный с творчеством всей жизни на земле, заключается в способности его останавливать пролетающие мгновения жизненного потока.

Спасать мир надо не гордостью человека своим сознанием перед миром низших существ, а согласованием творчества своего сознания с творчеством бытия в единый мировой творческий акт.

13 ноября. Ровно четыре утра, сию минуту погаснет электричество, и я останусь с рыженьким светом керосиновой лампы. Вчера весь день сидел дома, ничего не писал, читал стихи и согревал флюс. Дожди угробили.

26—27—28 ноября — 29 — дожди. Работа над книгой «Журавлиная родина».

30 ноября. «Журавлиная родина» сильно движется.

1 декабря. Послал Чуковскому свои «Рассказы егеря» и получил от него чрезвычайно лестный отзыв, он, как и Горький, рассказы мои называет «гравюрами на меди» и т. п.

Если вволю хлеба наесться, то хоть завали хлебом, никакого удовольствия, так есть и предел вкушения славы. Под конец захочется чего-нибудь более вкусного, чем слава художника, захочется быть пророком и дальше, кончая Богом...

2 декабря. Я лично любил в молодости неизвестные страны, с простейшими, верными себе людьми и животными. По своей наивности я вначале ходил за ними далеко и после узнал, что это совсем недалеко, совсем возле себя. Теперь мое занятие — открывать неизвестные страны возле себя. Но должен сказать, что еще робею совсем вплотную подойти к себе. Я, как охотник, подкрадываюсь к себе, как к зверю, тренируясь, упражняясь где-нибудь от себя по соседству. Неизвестное в себе, к чему я теперь не осмеливаюсь подкрадываться,

я ищу в ближайшей от меня природе, людях, и очень много дают мне мои охотничьи животные.

И оттого, что я стремлюсь к неизвестному в себе через создание вещей, куда только ни брошу свой взгляд, все это для людей оказывается до сих пор неизвестным, вернее, забытым, или умершим, но воскресшим. Я в этом совершенно уверился по отзывам моих новых друзей. Не скрою, что это общество новых друзей, которое появляется постепенно по мере создания скромных моих вещей, меня очень радует.

1929

2 января. Каждый день летят пороши, леса, наверно, уже очень засыпаны.

10 января. Простейшие рассказы, к которым влечет меня,— это я понимаю как стремление к делу не для денег или «напоказ», для славы, и еще в этом есть тоже, и, вероятно, самое главное, желание сберечь себя от иллюзорности литературного дела. У наших романистов, начиная с Пушкина, это было в традиции, сочиняя роман, посмеяться вообще над романом, как иллюзией, вероятно, в тайной надежде, что вот мой-то роман, мое слово будет значить, как действительная жизнь. По всей вероятности, так и раскрывается понятие «простота», о которой у нас все сверху и донизу всегда говорят как о чем-то самом хорошем. Однако у некоторых наших величайших писателей это стремление в искусстве к «простоте» кончалось разрывом с искусством и побегом в религию, искусство они объявляли «художественной болтовней» или искушением черта. Я привык объяснять себе (может быть, ошибаюсь), что такой побег объясняется не действительной немочью искусства, а крушением личности художника.

Я привык думать,— может быть, я ошибаюсь,— что в русской литературе наметились две линии: пушкинская, в которой поэт, творец формы остается верным до конца своему служению, и другая, в которой он не удовлетворяется служением и выходит из сферы искусства, балансируя между смешным и великим. Кажется, «эстетизм». служение искусству для искусства, конечно, из второй «нескромной» линии.

Для меня лично дело как-то не дошло до такой заостренности и такого большого размаха.

С первых дней занятие литературой сделалось моим ремеслом, и если что и получилось сверх съеденного мной за труд хлеба, то вышло нечаянно, по усердию и ревности. А стремление к простоте детского рассказа явилось из моего убеждения, что писать нужно хорошо не потому, <что> на свете все не важно, был бы мастер слова, а как раз наоборот: писать надо о всем, потому что на свете все важно.

15 февраля. Спит разум, но сердце работает днем и ночью без отдыха; ни воля, ни разум, одно только сердце создает сновидения, бессмысленны все «толкователи» снов. В этих извилистых тропинках своего сердца только я один сам для себя что-то понимаю и могу разбираться и никого не могу взять с собой на прогулку и, наконец, не могу об этом сказать, потому что спит разум, нет слов.

Но сердце продолжает ночную работу и днем, когда разум встает, умывается. В эти минуты готовности разума снисходительно думать о том, что делало бессмысленное сердце во сне, в этот предрассветный час я берусь за перо и стараюсь записать эти редкие моменты дружбы разума, воли и сердца. Влияние ли такой согласной работы в предрассветное время или, может быть, такой порядок существует и вне меня, но весь заутренний час и восход солнца являются мне как подтверждение моей работы и великое распространение меня во всем и всего мира во мне.

20 февраля. Вчера просверкал золотой день весны света, морозило на солнце — борьба, и в полдень капель. Ночью луна яркая, и сегодня рассветает уже в шестом часу.

Если все благополучно сложится, завтра выезжаю в Вологду на медведя.

2 марта. Чем счастлив бывает иногда человек. Гоголя не читал и вдруг сделал открытие: Гоголь великий писатель! А я в своей специальности — охоте ни разу в жизни не стоял у берлоги, и вот теперь, пожилой человек, испытав эту охоту, могу рассказывать о ней с таким же пылом, как некто, открывший Гоголя.

9 марта. Закончены «Медведи».

29 марта. Ночью в доме было, как осенью в ноябре: ревела буря и стегал дождь по крыше. Утром на рассвете открылось, что так ринулась весна воды.

31 марта. Нашел книжку на поддержку себе: Лосев «Диалектика античного космоса и современная наука»*. Это поход против формальной логики и натурализма. Многое мне станет понятным в себе самом, если я сумею представить себе античный космос и сопоставить его с современным научным. Имея то и другое в виду, интересно явиться к «запечатленному лику» своего родного народа. Хорошо при этом взять для разработки простейшую тему, чтобы из этого получился «Робинзон». Полагаю, что ребенок в лесу — достаточный сюжет.

Итак, план такой. Достать для направления художественной мысли те две-три книжки. Окончить «Журавлиную родину», уехать в Белозерский край и пересмотреть лес глазами ребенка.

2 апреля. Самоутверждение себя имеет значение только к обществу, где судят по «больше и меньше».

В себе самом о себе совершается тоже какой-то суд по возможностям. Так, если бы мне пришло в голову спросить себя: «А что, если я докачусь до того, что буду значить, как Лев Толстой?» — на это был бы ответ равнодушный: «У меня есть детские и охотничьи рассказы не хуже даже толстовских, есть свое «детство и отрочество», чем черт не шутит, не махнуть ли эпопею гибели купеческого города Ельца в 19-м году?» Очень возможно, что стоит мне взять в руки книгу Толстого и все это самомнение окажется глупостью, я только потому говорю это, что, возможно, мелькает в голове.

Но если спросят меня: «А можешь ли ты, как Гоголь?» — и тут нет меня, от всего меня как писателя ничего не остается, я только читатель с почтительным трепетом, с готовностью не только стать в последнюю категорию, но и как-нибудь потихоньку переслать ему свой паек. Из всего этого выходит вовсе не то, что Гоголь выше Толстого, но что Толстой ближе мне. Не то, что я в самом деле себя равняю с Толстым, а что я сосед его, привык и как себя самого сужу по соседям, по-родственному. Напротив, Гоголь постигает мир поиному, мне его постижение недоступно, я смертный, он — бог. В этом нет раболепства, а очень хорошее и нужное всем удивление.

19 апреля. Как писатель я отличаюсь от многих писателей теперь тем, что завоевал себе свободу в отношении к материалам: мне совсем не нужно ни книг, ни

быта, все это приходит само собой в помощь к чему-то главному. Быт и книги в моем понимании — это ответы, а ценное — это рождающиеся в себе вопросы, большие, с которыми постоянно живешь, и бесчисленные малые. Вот это сознание, что никакая книга, никакой мудрец, никакая среда не прибавят тебе ничего, если внутри тебя не поставлен вопрос, и если есть вопрос — убеждение, что на всяком месте можешь ты найти ответ. Так мало-помалу я стал вместо библиотеки посещать поле и лес, и оказалось — там читать можно так же, как и в библиотеке.

Одну книжку, однако, я с собой всегда беру, но отношусь к ней особенно: я читаю ее все лето. В нынешнем году такая книга у меня «Биосфера» Вернадского *. В ней говорится такое, о чем все мы, обладающие чувством природы и поэзии, знаем и до нас знали египтяне, и до них тоже, наверно, это знание сопровождало всех и всегда. Это знание до того много раз повторялось, долбилось в стихах бесчисленных поэтов, в учебниках, хрестоматиях, что перестало нас дивить, мы встречаем его, как азбучную истину, и сами не думаем.

Это знание состоит в том, что мы — дети солнца. Вернадский в своей книге <нрзб.> это, как он говорит, путем эмпирических обобщений, и благодаря этому непривычному подходу избитое в поэзии место становится новым: чувство новым бурным потоком мчится в берегах, созданных знанием.

29 апреля. С пользой для себя читаю только те научные книги, в которых нахожу подтверждение, а чаще расширенное, более умное понимание и раскрытие моих собственных догадок.

Как много я думал о ритме моего труда, отвечающего ритму смены времен года.

Много раз я даже пробовал создать свой календарь, начиная с «весны света». Но в конце концов я все это бросил, понимая в природе только два времени года, отвечающих ритму моего собственного дыхания: планета, весь мир дышат совершенно так же, как я, вдыхание — одно время года нашей планеты, весеннее, выдыхание — другое, осеннее. Все дело во времени: планета раз дохнет и выдохнет — это год; быть может, существуют мельчайшие организмы, так зависимые от моей

собственной жизни, что один мой вздох для них все равно, что для меня годовой вздох планеты.

Я всегда чувствовал смутно вне себя эту ритмику мирового дыхания, и потому научная книга Вернадского «Биосфера», где моя догадка передается как «эмпирическое обобщение», читалась мной теперь, как в детстве авантюрный роман. И мне теперь стало гораздо смелее догадываться о творчестве так, что, может быть, эта необходимая для творчества «вечность» и есть чувство не своего человеческого, а иного, планетного времени, что, может быть, эту способность посредством внутренней ритмики соприкасаться с иными временами, с иными сроками и следует назвать собственно творчеством?

В прежней русской интеллигенции было особенное, тоже сверх-временное чувство цельности человеческой жизни, это чувство увлекало к действию и создавало для всякого такого человека необходимость Голгофы * в тюрьме и Сибири. Было ли на этом пути заключено все творчество народа? Едва ли: планета дышала, не считаясь с устремлениями русской интеллигенции, и люди разными путями подходили к постижению иного времени. Все революционеры, начиная от декабристов, смотрели сквозь пальцы на художников: поэты и художники, начиная с Пушкина, были вольноотпущенниками революции.

14 мая. В природе блаженные дни.

Остается переписать работу и написать заключительную главу. К половине июня все сдать. Том «Журавлиная родина».

19 мая. Поэзия жизни еще много чувствительней, чем жизнь...

Горе от ума невозможно в деревне, потому что не перед кем выставить свой ум: от образованного человека, напротив, в деревне требуется именно нечто большее, чем просто ум.

5 июня. Сдал «Журавлиную родину», и схватила тоска: очень уж трудно работать без отклика, а об откликах умных и думать нечего, лишь бы только хулы не нажить.

20 июня. Вы спрашиваете, почему я так много пишу о животных и так мало о человеке, я вам открою причину: сердца не хватает на человека... Я описал хорошо смерть собаки в рассказе «Анчар», но как умирал близ-

кий мне человек, я не могу описать, хотя он даже не умер и живет теперь хорошо: мне было так тяжело, что описать это я не в состоянии. Пишу я о животных не потому, что их больше люблю, а что тут легче с собой справиться, выбиться из-под тяжелого факта на волю, снова захотеть играть и рассказывать сказки.

10 июля. Дорожу своими воспоминаниями вовсе не из-за их сладости, дело не в этом, а в совершенно необходимом материале детства для художественного понимания текущей минуты жизни, потому что художник совершенно как мать рождает свое дитя, точнее сказать, он возрождает в своем творчестве себя, как ребенка, некогда физически рожденного живой матерью.

Вчера вечером я думал об этом упорно, потому что услышал какой-то звук из раннего своего детства. Ночью я разгадал эти звуки: это мальчишки свистели в стручках акации, это значит, что стручки эти поспели.

26 июля. На восходе солнца дрожит, играет, как живая, капля росы и переливается всеми цветами. Я знаю, она в такое утро не может дрожать, это сердце мое дрожит и толкает меня, это я, живой, узнаю себя самого в дрожащей росе и через это весь мир утренний.

20 октября. О человеке, предчувствуя с тревогой и любовью его трагедию, никогда нельзя сказать, что не ошибешься, что не кончится все при помощи его хитрости комедией; в природе этого «от великого до смешного один шаг» совсем нет.

1930

[*Загорск.*]*

5 января. Сколько тысячелетий в тех же самых берегах бежала вода, привыкала к горушкам и низинам их, уносила с собой воспоминание в море, там испарялась, поднималась наверх, облаками парила, вновь падала и узнавала те же самые берега. Наша революция там, в этом мире воды и суши, называется землетрясением: потряслась суша, исчезли косные берега, вода разлилась, бросилась в иное русло. Все, что у нас называется искусством, у них — отражение неба в воде — это все их искусство исчезло, потому что смущенная вода стала мутной. И так долго воде привыкать к но-

вым берегам, размывать их, обтачивать камни, пока не станет это дело своим, привычным, и берега, обточенные, устроенные, поросшие деревьями, будут *своими* берегами. Тогда осядут мутные частицы на дно и начнется в воде игра света с небом в отражениях.

В нашей человеческой жизни этот свободный бег умной воды с игрой света называется искусством. Я так понимаю... А сейчас у нас теперь половодье с переменой русла. Так мне представляется. Широко, но мелко, а зайцу довольно глубоко, утонуть ему непременно, если только не встретится... факт... Так я понимаю жажду факта в наше время и сам оставляю привычную мне игру света в спокойной воде, беру фотографический аппарат и снимаю. Искусство это? Не знаю, мне бы лишь было похоже на факт, чтобы читатель прочел с живым интересом и сказал: «Да, это факт!»

6 января. Сочельник. Со вчерашнего дня оттепель после метели. Верующим к Рождеству вышел сюрприз. Созвали их. Набралось множество мальчишек. Вышел дефективный человек и сказал речь против Христа. Уличные мальчишки радовались, смеялись, верующие молчали: им было страшно сказать за Христа, потому что вся жизнь их зависит от кооперативов, перестанут хлеб выдавать — и крышка! После речи своей дефективное лицо предложило закрыть церковь. Верующие и коекакие старинные: Тарасиха и другие,— молчали. И так вышло, что верующие люди оставили себя сами без Рождества и церковь закрыли. Сердца больные, животы голодные и постоянная мысль в голове: рано или поздно погонят в коллектив.

8 января. Оттепель продолжается. Вчера сброшены языки с Годунова и Карнаухого. Карнаухий на домкратах. В пятницу он будет брошен на Царя с целью разбить его.

16 января. Сколько лучших сил было истрачено за 12 лет борьбы по охране исторических памятников, и вдруг одолел враг, и все полетело: по всей стране идет теперь уничтожение культурных ценностей, памятников и живых организованных личностей.

25 января. Явились в Сергиев цыгане с медведями, я позвал их к себе и завтра буду фотографировать в лесу.

27 января. Когда бьют без разбора правых и виноватых, и вообще всякие меры и даже закон, совершенно

пренебрегающий человеческой личностью, носят характер погрома. Ужас погрома — это гибель «ни за что ни про что» (за грехи предков). «Грабь награбленное» — это погром. И так, наверное, всегда погром является непременным слугой революции, и возможно представить себе, что погром иногда становится на место революции.

Удались снимки медведя. Идея моя ввести в действительный зимний лес игрушку оказалась блестящей. Если не попаду в погромную полосу и не пропаду, оставлю после себя замечательную детскую книжку, мое слово любви, может быть, в оправдание всей жизни...

28 января. Сначала одна старуха поднялась к моему окну. Напрасно говорил я ей, что опасно, что старому человеку незачем и смотреть на это. Она осталась, потому что такая бессмысленная старуха должна быть при всякой смерти, человека, все равно как колокола... К ней присоединились еще какие-то женщины, сам сторож, дети прямо с салазками, и началось у них то знакомое всем нам обрядовое ожидание, как на Пасхе ночью первого удара колокола, приезда архиерея или...

О Царе старуха сказала:

— Большой-то как легко шел!

— Легко, а земля все-таки дрогнула.

— Ну, не без того, ведь четыре тысячи пудов. Штукатурка посыпалась, как упал, а пошел, как лёгко, как хорошо!

Совершенно так же говорила старуха о большом колоколе, как о покойнике каком-нибудь:

— Иван-то Митрофаныч, как хорошо лежит.

Потом о Карнаухом:

— Вот вижу: идет, идет, идет, идет — бах! и нет его, совсем ничего нет, и только бегут по белому снегу черные осколки его, как мыши.

Рабочие спустились с колокольни к лебедкам. У дверей расставились кое-что понимающие сотрудники музея. Когда лебедки загремели, кто-то из них сказал:

— Гремит, и, видно, не поддается...

— Еще бы,— ответил другой,— ведь это шестнадцатый век тащат.

— Долго что-то,— вздохнула старуха,— вот тоже Карнаухого часа два дожидались. Хорошо, легко Большой шел: не успели стать, глядим, идет, как паровоз.

Показался рабочий и стал смазывать жиром рельсы.

— Бараньим салом подмазывают!
— В каждом деле так, не подмажешь, не пойдет.
— Да, Большой-то летел, и как здорово!
— Будут ли опять делать?
— Колокол?
— Нет, какие колокола, что уж! Я про ступеньки на колокольне говорю разбитые, будут ли их делать.
— Ступеньки... на что их!
— Ах, как легко шел Большой. Жалко мне. Работали, старались.
С насмешкой кто-то ответил:
— И тут стараются, и тут работают. После нас опять перерабатывать будут, а после них опять, так жизнь идет.
— Жизнь, конечно, идет, только дедушки и бабушки внучкам рассказывают, и вот и мы им расскажем, какие мы колокола видели.
Лебедки загремели, тросы натянулись и вдруг упали вниз: это значило, колокол стронулся и пошел сам.
— Сейчас покажется,— сказали сзади меня.
— Ах!
Показался. И так тихо, так неохотно шел, как-то подозрительно. За ним, сгорая, дымилась на рельсах подмазка. Щелкнув затвором в момент, когда он, потеряв под собой рельсы, стал наклоняться, я предохранил себя от осколков, откинулся за косяк окна. Гул был могучий и продолжительный. После того картина внизу явилась, как и раньше: по-прежнему лежал подбитый Царь, и только по огромному куску, пудов в триста, шагах в 15-ти от Царя, можно было догадаться, что это от Годунова, который разбился в куски.
Большой дал новую трещину. Пытались разломать его блоками, но ничего не вышло...
Так окончил жизнь свою в 330 лет печальный колокол, звуки которого в посаде привыкли соединять с несчастием, смертью и т. п. Это сложилось из того, что служились панихиды по Годуновым и, конечно, звонили в этот колокол.
Друг мой, какие это пустяки, не в том дело, что его при Годунове отливали, многие из нас самих начало своей духовной организации получили при Годунове,— каком Годунове! через творения эллинов от Эллады, и от Египта, и кровь наша, обрываясь в осколках, непрерывной рекой бежит от первобытного человека.

29 января. Нужно воспитание, чтобы молодежь уважала и любила священников, в естественном состоянии она не любит ни Бога, ни попов. Отсюда успех антирелигиозной пропаганды.

Тимофей рассказывал, как у них в Бабашине приезжали уговорщики, 6 человек. «Добровольно?» — спрашивали их. «Мы,— говорят,— никого не насилуем». А когда за коллектив поднялось только 5 рук, сказали:

«Ну, мы еще приедем и посильнее нажмем. У вас и «постричь» надо».

«Постричь» — значит, разорить более состоятельных, признав их за кулаков.

2 февраля. Коровы очень дешевы, от 150 р.— 350 р., потому что двух держать боятся и продают обыкновенно совхозам, колониям, которым резать коров можно. Вообще это мясо, которое теперь едят,— это мясо, так сказать, деградационное, это поедание основного капитала страны.

6 февраля. Я, когда думаю теперь о кулаках, о титанической силе их жизненного гения, то большевик представляется мне не больше, чем мой «Мишка» с пружинкой сознания в голове.

Долго не понимал значения ожесточенной травли «кулаков» и ненависти к ним в то время, когда государственная власть, можно сказать, испепелила все их достояние. Теперь только ясно понял причину злости: все они даровитые люди и единственные организаторы прежнего производства, которыми до сих пор, через 12 лет, мы живем в значительной степени. Все эти люди, достигая своего, не знали счета рабочим часам своего дня. И так работают все организаторы производства в стране. Ныне работают все по часам, а без часов, не помня живота своего, не за страх, а за совесть, только очень немногие.

22 февраля. Классовый подход к умирающим (в больнице выбрасывают трех больных, разъясненных лишенцами).

Каждый день нарастает народный стон.

24 февраля. Заключил договор с Федерацией о книге рассказов.

На Неглинном у черного входа в Мосторг всегда стоят ломовики: одни привозят, другие увозят товары.

В одной фуре малый, чем-то расстроенный, взлезал по каким-то невидимым мне товарам, вероятно, очень неустойчивым: то взлезет, то провалится, грозится кому-то кулаком и ругается матерным словом. Я заглянул в сучок боковой доски огромной фуры, чтобы увидеть, какие же это были неустойчивые товары, и увидел множество бронзовых голов Ленина, по которым рабочий взбирался наверх и проваливался. Это были те самые головы, которые стоят в каждом волисполкоме, их отливают в Москве и тысячами рассылают по стране.

Выйдя на Кузнецкий, сжатый плотно толпой, я думал про себя: «В каком отношении живая голова Ленина находится к этим медно-болванным, что бы он подумал, если бы при жизни его пророческим видением предстала подвода с сотней медно-болванных его голов, по которым ходит рабочий и ругается на кого-то матерным словом?»

5 марта. В деревне сталинская статья «Головокружение», как бомба разорвалась. Оказалось, что принуждения нет — вот что! Дом, корова, птица, огород не подлежат коллективизации! Гнули в три дуги. Председатель Кузнецов прямо говорил: «Вас надо стричь» (в Соловки высылать). Грозили прямо: «Не пойдете в коллектив, заморим: корки не дадим!» И вдруг нате: «У нас не полагается принуждения, изба, корова, огород не подлежат...»

12 марта. После манифеста мало-помалу определяется положение: сразу вскочили цены на деревенские продукты, это значит, мужик стал продавать в пользу себе, а не распродавать ввиду коллективизации. И заметно многие перестали думать о войне, что, по всей вероятности, и более верно: не будет войны. Сколько же порезано скота, во что обошелся стране этот неверный шаг правительства, опыт срочной принудительной коллективизации. Говорят, в два года не восстановить. А в области культуры разрушение всей 12-летней работы интеллигенции по сохранению памятников искусства?

19 марта. Он постиг (Павел Флоренский) * самую высшую математику, и ему было все одинаково: скажет кто, что земля ходит вокруг солнца или солнце вокруг земли. Если человек едет в вагоне и ему представляется, будто он на месте сидит, а бежит лес, то это так и есть, с точки зрения теории относительности все равно. Или вот идет человек в лесу, задел шапкой за сук

и она свалилась, то это будет опять все равно, с точки зрения математической, сказать, как было, то есть что человек шел и задел шапкой и т. д. или же, напротив, человек стоял, а дерево шло и задело.

Из этого, на мой разум, выходит не «подарок средним векам» (Флоренский о системе Птолемея), а только что математика говорит об отношениях вещей, но не о самих вещах, искомое значение которых человек устанавливает только относительно себя самого.

27 марта. В Бабашине Еремин-бедняк держал всю деревню в страхе. Первое, конечно, что бедняк и у него особенные права. В последние дни («до газеты») страх в народе дошел до невозможного. Довольно было, чтобы на улице показался какой-нибудь неизвестный человек с папкой в руке, чтобы бабы бросались прятать добро, а если нечего прятать, то с болезненным чувством ожидать какой-нибудь кары. Тимофеева Мария рассказывала, что бабы по вечерам бегали друг к дружке, сговаривались в случае беды мужиков услать куда-нибудь в лес, а на сходку выходить одним бабам, потому что мужиков со сходки берут, а баб оставляют с детьми, а если бабу взять, то и детей надо. И обещались бабы стоять до последнего и в коллектив нипочем не соглашаться. Так и ожидали этой сходки, как смерти: помрем вместе с ребятишками, подохнем с голоду, а в коллектив не пойдем.

1 апреля. Вполне зима, все белое, на окнах мороз. Вьюга. Точно так прошлый год обманула весна, значит, вот почему так неохотно прилетали грачи, как будто каждый, прилетев, думал: «По правде говоря, весна уже кончилась в Советской России, и летать бы вовсе не следовало, но все как-то неловко потерять связь с предками».

Из очень верного источника слышал, что в Рязанской губернии во время мужицкого бунта бабы с детьми стали впереди мужиков, и солдатики не стали стрелять. В царское время ничего такого быть не могло: солдаты бы, конечно, стрельнули, но не вышли бы бабы, потому что только коллективы могли довести бабью душу до героизма. И этот мотив, отмеченный, мне уже рассказала Марья — ого-го! — характеризует, наверное, всю страну в эпоху «левого загиба».

2 апреля. Статья «Головокружение» в деревне теперь как эра, так и говорят всюду, начиная рассказ: «Было это, друг мой, до газеты»... Или скажут: «Было это после газеты».

4 апреля. Когда говорят о детях, как о цветах, то, значит, в глубине себя исходят от *своих* детей, от собственного своего чувства жизни.

Само собой, поводом могут быть и чужие дети, в которых и выражается свое чувство жизни.

Но бывает взгляд на детей как бы со стороны и как на чужих, тогда через лицо ребенка просвечивают бесчисленные пороки его предков. Эти дети очень страшны. Вообще, это прозрение очень страшно. У меня это было лишь раз (мистически), а так для всех это понятно, если смотреть на детей беспризорных. Гоголь такими глазами смотрел на русских.

10 апреля. Никогда весной не был я таким гражданином, как теперь: мысль о родине, постоянная тоска не забывается ни при каких восторгах, напротив, все эти ручейки из-под снега, песенки жаворонка или зяблика, молодая звезда на заре — все это каким-то образом непременно возвращает к росстани...

12 апреля. После этой светлой недели (или больше) впервые утро показалось с огромными дождевыми облаками...

Пусть люди добыли хлеб и молятся усердно Богу, словом, все у них будет, и в полном порядке. И все-таки если нет у них игрушки, нет досуга играть и забываться в игре иногда совершенно, то вся эта деловая и умная жизнь ни к чему, и в этом уме не будет смысла. Значит, мы, артисты, призваны дать людям радость игры против необходимости умереть. Верность мысли моей свидетельствую памятниками искусства всех народов...

Много раз мне приходила в голову эта мысль, и недаром я хожу теперь по лесам и по ручьям...

23 апреля. Fodis*. Этот инструмент для измерения расстояния от предмета, не сходя с места и без метра, устроен так, что смотришь в щелку на предмет и видишь два изображения его, повертываешь кольцо таким образом, чтобы эти два изображения слились в одно, и когда они сливаются — кончено! — смотришь на деление и черточка на движущемся круге указывает число метров от себя до предмета.

Я работаю в литературе совершенно так же, как Fodis: у меня два круга, один видимый и другой в себе самом, но, видя все вокруг себя, я ничего не нахожу ценного для изображения словом, и точно так же, бродя постоянно где-то в себе, я тоже ничего не могу извлечь оттуда и сказать с уверенностью, что раньше меня никто не говорил об этом, притом еще и много значительней. Но случается, когда я брожу где-то в себе, происходит встреча этого моего личного круга или пятна с видимым кругом, часто совершенно ничтожным предметом. И вот когда эти два круга сходятся в один, то видимый предмет как бы вспыхивает внутри «души» и волшебно просвечивает. Весь этот сложный процесс можно выразить простыми словами: я обратил на предмет жизни родственное внимание.

29 апреля. В Ченцах взялся меня везти Данило, седеющий кудрявый бездетный Авраам *. Мы поглядели с ним друг на друга и, как это бывает, без слов уговорились дорогой молчать и не мешать друг другу думать. Моя дума была невеселая: о том, что я пережил всех своих родных, притом еще вышло так, что не видел смерти ни матери, ни сестры, ни трех своих братьев. «И за то вот,— думал я,— что был избавлен от зрелища смерти родных, теперь вот живу и смотрю на смерть всего, что называл своей родиной».

Данило, вероятно, тоже думал о чем-то невеселом, я заметил это в нем, когда мы переезжали ручей: куличок-песочник с писком взлетел и пересел от нас подальше; так вот Данило, думая, посмотрел на него, повел головой в сторону его полета и, когда он сел и закачался, а лошадь двигалась, то Данило повертывал глаза в сторону кулика по мере того, как лошадь двигалась: так цепляются равнодушным глазом за что-нибудь маломальски живое среди огромного мертвого, когда одолевает однообразие неразрешимой думы. В тот момент, когда кулик стал невидим, я спросил:

— Скажи, Данило, о чем ты сейчас думаешь?

— О мальчишках,— ответил он,— что вот я остарел на своем хозяйстве и землю постиг, а теперь приходит чужой мальчишка, лошадь не умеет запрячь, а учит тебя... Хуже этого ничего нет. Я об этом думаю: для чего такая напасть?

3 мая. Читаю К. Леонтьева *. Самое худшее его предчувствие сбылось, и мрачные пророчества осущест-

вились. Настоящая действительность: «Не хотели чтить царя, чтите... Сталина. Сброшена царская мантия, и трон и сам царь расстреляны, но необходимость царя осталась: в дыру кляп забили, и корабль хотя и плохо идет, но все-таки на воде держится».

Знакомство с Влад. Андр. Фаворским *.

6 мая. Не согласен, что современная жизнь есть прекрасное, потому что «прекрасной» жизнью понимаю момент творческого воссоздания настоящего из прошлого и будущего. Мы же теперь не творим, а бунтуем еще, потому что мы не спокойны в отношении прошлого, мы его отрицаем еще только, поэтому у нас только будущее без прошлого и настоящего; жить будущим, не имея ничего в настоящем, чрезвычайно мучительно, это очень односторонняя и вовсе уже не прекрасная жизнь.

15 мая. Дождливый день и прошел бестолково, если не считать разговор с N, в некотором отношении интересным. Первое: выяснилось что от рабочих масс к правительству исходит некая сила, все обезличивающая на своем пути, вплоть до главы правительства, который всегда может быть заменен другим, совершенно равным ему.

Второе: существуют лица у нас везде и всюду, столь убежденные, что никакая сила не может остановить их. Мой собеседник, думая о них, сказал: «А социализм у нас растет». После он оговорился: «Я не знаю, впрочем, социализм ли из этого выйдет». «Может быть, фашизм?» — спросил я. «Может быть».

29 мая. Непротивление злу. Надо разобраться, какое зло. Тот, кто требует непротивления злу, конечно же потому прибегает к этому, что непротивление злу представляется единственным средством борьбы. Но если бы хоть какая-нибудь возможность была уничтожить зло прямой борьбой, то, конечно, никто бы не стал говорить о непротивлении. И такого рода зло живет среди нас постоянно: в сущности, это бессильное нетворческое, мелкое повседневное зло.

Наш социализм питается разложением государства и является продолжением великой войны: верней всего, это мост между одной и другой будущей войной. Сила его состоит в определенном отношении к факту войны.

11 июня. Занимаюсь фотографической работой.

16 июня. Вчера днем я снимал одуванчики, их было целое поле, один к одному. Мне очень они нравились, и казалось их коротенькое бытие так значительно для характеристики начала типичного лета.

И тем одуванчики были милы, что свою человеческую жизнь узнавал я в них... Как же хорошо, что снял их с запасом, а то при неудаче пришлось бы ждать их целый год, и кто знает? уцелел бы в эти дни года я-то сам.

К вечеру поднялась буря, и утром не было ни одного одуванчика.

18 июня. О беспредметном искусстве.

Всякий предмет с нашей человеческой точки зрения есть воплощение добра или зла, предмет — образ бытия какого-нибудь духа. Беспредметник хочет писать о самом духе... Это возможно путем святости («жить иначе»).

Быт умирал, и с ним отмирали художники-бытовики, новые художники остались без быта, «без предмета».

20 июня. Мы живем на острие всех возможностей и предвидеть ничего не можем, потому что «мы», живущие в данном отрезке времени, слишком неустойчивые величины, и оттого кажется и это практически верно, что все зависит не от нас, а от случая.

[*Переславль-Залесский.*]

27 июня. В Берендееве. Конечно, все постарело, и как раз настолько, поскольку я сам постарел. Эта встреча не как первая трепещущая, а тут больше воспоминаний и размышлений над прошлым. Хорошие люди непременно возвращаются к прошлому и так следят за жизнью людей.

29 июня. Моя аудитория. Пять лет тому назад я в тоске думал, что — как невозможно соединить людей для общего восторга здесь, на озере (как созвать их в тот день, когда бывает хорошо, как устроить, чтобы все благоговели). И вот прошло пять лет, тысячи людей прочли мои «Родники», и читают, и будут читать. Я соединил их. Я вполне могу представить теперь себе, что тысячи их стоят на берегу и внимают с благоговением тому самому, от чего я начался...

3 июля. Условием истинного творчества должна быть его органичность, то есть сознание творцом цельности, единства в происхождении мира, связи себя самого со всеми живыми и мертвыми. Это условие присутствия чувства общей жизни или мира, всего мира, необходимо для творчества, как рычаг, если даже творец хочет, как Гоголь, изобразить нам зло или пролетарский писатель победу своего пролетарского класса.

[***Загорск.***]

8 июля. До сих пор я относился к непризнанию себя так, что «наплевать», но это наплевать, оказывается, было при наличии фактического признания: печатают, заказывают и проч. Открывается перспектива очутиться за бортом и, таким образом, утратить всякую связь с действительностью, быть действительно непризнанным...

10 июля. Совершенно ничего не делаю. Становится явным невозможность дальше писать о своем: только производственный очерк, только наблюдение, а мне все это надоело... И еще не хватает сил, чтобы перестроиться на писание не печатаемого в настоящем.

19 июля. Художник света. (Охота с камерой.)

28 июля. Главное: мы как писатели, поэты и художники не являемся, как раньше думали, «избранниками», что будто бы мы живем, а внизу где-то прозябают (обыватели). Нет! мы ничем не отличаемся от других, если их дело является творчеством жизни... Так мы говорили, а между тем нового в этом для меня нет ничего: я так и писал...

Хитрость есть низшее свойство ума и высшее свойство глупости.

Назовите хотя бы один роман нашего времени, начиная читать который не приходилось бы преодолевать некоторой неловкости, а часто и стыда за автора: «Зачем он заводит,— думаешь,— свою игрушку в то время, когда нам всем не до игры и вообще не дети мы, чтобы обманывать нас какой-то «фабулой» или попросту сказкой».

Романов таких, если только в них с самого начала не вплетено что-нибудь философское, вроде как у Бело-

го, такого, для чего, собственно, движется, скрипит и визжит избитая телега,— нет таких романов. Расчитаешься — ничего. И есть читатели, и долго, долго они будут рождаться и жить такие невзыскательные и наивные; они берут в руки роман не для того, чтобы творить возможные пути жизни или образцы вслед за автором, а только чтобы отдохнуть, забыться и потом бросить «книжонку». Читателю просто, но как писателю делать роман, если необходимая наивность для этого дела кончилась.

Возьмешь Мериме, Бальзака, Диккенса, Толстого, Достоевского — и читаешь без неловкости, но берешь современного романиста, который строит роман во всех отношениях лучше классиков, и как-то с трудом и неохотой расчитываешься. Это не в дудку тем старикам-читателям, которые могут признавать только памятники своей эпохи. Нет, я больше думаю о самом писании, чем чтении, читать-то можно, а вот как писать роман, если форма его для нас теперь как гнездо, из которого птицы улетели и не вернулись.

1 августа. Дождь. Приехали на Журавлиную родину*. Везде бедно. Надо выбирать ту деревню, где могут давать молоко. Остановились в Переславище.

6 августа. Прошла моя жестокая молодость, теперь я ружье беру, только чтобы добыть себе пищу. Вот убил вчера двух глухарей, теперь хватит нам дня на три, и я иду без ружья за грибами старичком, будто иду в свой настоящий дом, где такой мир, такая радость, такая слава жизни в росе. Грибы такие глазастые смотрят на меня со всех сторон. Кто не обрадуется этому всему?

7 августа. Воробьиная ночь: сверкало на горизонте, а в избе духота. За час до рассвета пролил сильный дождь. Народ повалил за грибами на восходе. Часа через два обдует, и снова примутся жать. Туча тяжелая, синяя пошла от нас куда-то дальше. На десять минут я вошел в дом, и, когда вышел, все изменилось: откуда-то нашли серые тучи, которые все закрыли. Но через некоторое время снова появились просветы, явилась надежда на солнце. Я взял аппарат и стал снимать жизнь неба. Много сделал интересных снимков неба, а когда солнце окончательно определилось, занялся землей, снимал водоросли в пруду, цветы, мох, детей, труд крестьян...

9 августа. Вчера и сегодня ветер, ясно, прохладно. «В полном разгаре страда деревенская» (половина ржи сжата). Гриб лезет и лезет.

Деревня повторяет точно годы военного коммунизма: деньги не берут, подавай сахар. Из Москвы едут за маслом с конфетами. Солью, керосином запаслись надолго. Кооператив занимается променом махорки на яйцо. Все уверены, что должна быть перемена.

11 августа. В обед прошел в сторону Заболотья древний старец, в поповском котелке, синей рубахе без пояса и в парусиновом балахоне. Хозяева нам объяснили, что это священник из Селкова идет в Заболотье: зимой его раскулачили, а теперь вот вышло, что неправильно раскулачили и ему возвращают коз, он идет за козами. Матушка же его — говорили — еще утром прошла, такая маленькая, старенькая...

Мы с Ефросиньей Павловной, раздумывая о старости этого древнего попа, оставшегося с тремя возвращенными ему козами, сделали заключение: если о современной жизни раздумывать, принимая все к сердцу, то жить нельзя, позорно жить...

16 августа. Вечером ходил на глухарей. Нерль измучилась. Ведь третий уже год не могу сознаться, что собака плохая: так загипнотизировал я себя своим рассказом «Нерль».

24 августа. Сегодня солнце взошло несвободно через сплошную пелену облаков и роса явилась поздно, когда солнце оказалось значительно высоко. Но зато тем ярче сверкала роса на траве и необыкновенно четко раскинулись на кустах орошенные тенета пауков. Нерль причуяла тетеревиный выводок и повела. Продвигаясь вперед медленно за собакой, я вдруг увидел на поляне с редкими кустами множество больших паучьих сетей, до того разукрашенных росой, что я, такой страстный охотник, остановил собаку, уложил ее и принялся фотографировать. Из мелькающих мыслей между прочим была одна: «Вероятно, моя страсть к наслаждению красотой сильней, чем охотой».

26 августа. Сегодня весь день идет дождь. Я ходил все-таки в Серково до обеда, насквозь промок, но все-таки принес петуха и подарил его хозяйке для заболевшей девочки.

Овес почти уже сжали. Молотьба вовсю.

О книге Арсеньева я думал, что это, конечно не случайно вышел у него Дерсу с его анимизмом: он, конечно, не выдуман и, возможно, в книге выведен точно таким, каким был в действительности. Но Арсеньев обратил на него внимание, сделал героем своей книги и всю свою работу расположил вокруг этого лица.

2 сентября. До того я увлекся охотой с камерой, что сплю и все жду, поскорее бы опять светозарное утро.

Я сделал несколько снимков паутины без солнца и потом, после дождя, росы на сосне.

Сегодня перед грозой не было душно, а чрезвычайно тихо и раздумчиво. Среди чрезвычайно нежных огромных облаков и лазурных просветов и туч очень синих на горизонте, издали посылающих молнии, и внезапных явлений солнца — нельзя было не раздаваться самому изнутри туда, вширь и не радоваться обилию жизни. Был сильнейший дождь и гроза, а я сидел под елкой сухой и вспоминал свою юность и молодость, но не жалел ее и не хотел возвращения, потому что моя старость гораздо лучше, чем моя молодость. Могу смело о матери своей сказать, что только под старость она развернулась и жила сама собой...

5 сентября. Хлебнул чувство своей ненужности и в «Новом мире», и вообще в мире современной литературы: видимо, все идет против меня и моего «биологизма». Надо временно отступить в детскую, вообще в спец. литературу, потому что оно и правда...

8 сентября. Красота далеких стран непрочная, потому что всякая далекая страна рано или поздно должна выдержать испытание на близость. Потому истинную прочную красоту художник должен открывать в близком и повседневном.

Нынешние литературные критики вышли из ораторов (Полонский и проч.) * и пишут ораторским словом, которое никогда не может быть литературным.

И такое множество, и все больше и больше их становится не только в литературе, <а> а и во всей жизни: они отталкиваются от старого, не переживая его; им нечего принимать, кроме нового. Часто какой-нибудь случайный пиджак определяет сознание деревенского парня: «В императорское время разве я мог иметь такой пиджак!» (Сережа.)

11 сентября. Ночь прошла под большой чистой луной, и к утру лег первый мороз, все стало седое, но лужи не замерзали.

Когда явилось солнце и разогрело, то деревья и трава обдались такою росой, такими светящими узорами глянули из темного леса ветви елей, брусника сияла не тусклым металлом, а тоже огнями горела внизу вся, и особенно хороша была вся в диадемах маленькая молодая королева-сосна.

Радость, когда выходишь на охоту и видишь, как собака сдерживается моей рукой, вся кипит и дрожит: мое сердце дрожит и кровь вся кипит, совершенно как у собаки. Горюны всего мира, не упрекайте меня: ведь почти все вы еще спите, и когда вы проснетесь, обсохнет роса, кончится моя собачья радость и я тоже пойду горевать обо всем вместе с вами.

15 сентября. Чрезвычайно сложное по существу иногда чудесным образом является нам в простейшей форме, и если это искусство, в особенности если женщина, то мы о ней в восторге говорим: какая *простая!* В прежнее время мы так иногда говорили, теперь это забыто; в настоящее время, наоборот, простейшее стремится к явлению в наисложнейшей форме, теперь о женщине сказать «простая!» это значит совсем оскорбить ее. Искусство тоже без параду теперь не узнали бы...

16 сентября. По-моему, научный интерес к явлению (почему это?) должен прийти после того, как явление это чем-нибудь остановило на себе внимание. И, вероятно, в том, что действует на силу нашего избрания именно данного явления, заключается нечто не менее значительное, чем ответ на «почему». Между тем школьникам постоянно навязывают научное понимание действительности, минуя совсем их удивление или пользуясь этим удивлением, чтобы дать нечто научное. А надо идти навстречу самому удивлению.

22 сентября. Как это объяснить, что я, когда пишу рассказ или делаю снимок, то знаю, что я не повторяю другой чей-нибудь рассказ и не делаю такой же снимок, как все, что я создаю нечто совершенно новое, показываю такое, чего никто еще не видал. Мое знание неповторяемости создаваемой мной вещи находится в знании себя внутреннего: там, внутри меня, есть такой глаз личности, которого нет у другого; я им увижу, назову это словом, и люди будут его понимать, потому что я уви-

дел и назвал такое, чем они живут повседневно, а не видят.

26 сентября. Конечно, настоящий фотограф снял бы все лучше меня, но настоящему специалисту в голову никогда не придет смотреть на то, что я снимаю: он это никогда не увидит.

[*Загорск.*]

18 октября. Вчера в «Новом мире» был объявлен рекламный список напечатанных в прошлом году авторов, и вот что меня забыли упомянуть или нарочно пропустили — этот величайший пустяк! — меня расстроило. На ночь я прочитал потрясающий, ужасный рассказ Новикова-Прибоя «Цусима» *, и всю ночь в кошмарном сне преследовал меня убийца...

У меня доходит до того, что боюсь развертывать новый журнал, все кажется, что меня чем-то заденут и расстроят.

Спасение, конечно, одно, надо решительно отдаться работе, для чего надо создать хорошие условия. Сегодня еду в Москву, а завтра вернусь к этой теме.

1 ноября. «Вы все с мелкотой возитесь?» — спросил меня N из Госторга.

Жаль, не умел я тогда ему ответить, что положение художника обязывает меня к собиранию мелочей, внимательно-родственному отношению к ним и бережному хранению; что только в переменах света и тьмы на мелких предметах могу знать я <о> восходе и закате солнца; что я ничего не вижу, если прямо стою против солнца, лишаюсь способности быть художником и потому методически повертываюсь к солнцу задом; что я, имея дело постоянно только с мелочами, привык ценить только то универсальное, что явилось мне самому в мелочах; что всех, кто имеет дело непосредственно с универсальным и презирает мелкоту, я подозреваю в трех грехах нашей современности, это три греха, или вернее, три кита: утопизм, авантюризм и халтура.

2 ноября. В газетах о съезде пролетарских писателей. Нет, кажется, ничего мне горше, как групповое вовлечение писателей в политику. Собственно говоря, «писателем» тут и не пахнет, но у нас это задевает писате-

ля... Представляю себе возможный ответ, если бы приступили с ножом к горлу, вот он:

— Если будет война, я, как гражданин, готов защищать СССР и, если придется, умру с чистою совестью; мое слово верное, как сказал, так и будет. Но если меня обяжут написать поэму о войне или даже просто о наших достижениях, то я этого сделать не властен. Напротив, чем больше будут понуждать меня, тем на дольше будет отодвигаться срок создания этой чрезвычайно желанной поэмы.

12 ноября. В последнее время, как сообщают мне друзья мои, в разных журналах («Кр. новь») появились враждебные мне статьи, в которых мне инкриминируется моя принадлежность к литературной организации «Перевал» *. В то же самое время я получил несколько писем из провинции от учеников средней школы, в которых излагались гонения, испытанные ими от современных Передоновых * за излишнюю приверженность к сочинениям «перевальца» Пришвина.

Конечно, я столько поработал в литературе, что както обидно встречать актуальность моих сочинений за счет «Перевала», и это вынуждает меня наконец, как выражаются теперь, разъяснить себя как перевальца.

Не помню в каком году приехали ко мне прекраснейшие юноши и предложили мне искать вместе с ними Галатею *. Я, будучи в положении почетной реликвии, подписал анкету и через это получил положение генерала на свадьбе, хотя ни разу на свадьбе не бывал. В самом деле, я ни разу ни на одном заседании «Перевала» не был, мне романтизм перевальца столь же близок и столь же далек, как схоластика.

Каждый понимает, что такая актуальность именно идет на пользу писателю начинающему, но мне эта известность за счет «Перевала» обидна. Я спешу отстранить от себя эти дары и объясняю всем пишущим, что в «Перевал» я записался по просьбе каких-то отличных юношей вроде романтиков, но после этой записи не получил ни разу ни одного приглашения на ту свадьбу, где я должен бы быть генералом. Один-единственный раз я видел переваловцев у напостовцев *, где т. Горбов отстаивал реальность Галатеи, а напостовцы их отвергали, ссылаясь на Плеханова и даже на Чернышевского. Это был для меня вечер самых дорогих мне воспоминаний юности моей, и я ничего не говорил, потому

что и Галатея, и Чернышевский, и Плеханов одинаково перенесли меня в последние десятилетия прошлого столетия... Хотя неполучение ни одной повестки за несколько лет на собрания достаточный повод, чтоб выйти из «Перевала», но как-то неловко сделать это теперь: подумают, что я испугался травли за «Перевал». Лучше уговоримся с критиками так: пусть они разбирают мои сочинения без отношения к «Перевалу», а я, когда будет прилично, выйду из него.

17 ноября. Я выхожу из «Перевала», потому что все оппозиционные литературные организации считают в настоящее время нецелесообразными.

Перевальские слова о свободе, гуманности, творчестве и т. п. должны теперь смолкнуть, а писатель иметь мужество оставить литературу и побыть с глазу на глаз в недрах просто, как живой человек, «как все».

25 ноября. «Я бы постоянно странствовал. В дороге как-то чувствуешь, что ты в руках Божьих, а не в руках человеческих» (Ап. Григорьев) *.

26 ноября. Читал роман Ап. Григорьева с «устюжской барышней». Сделать ее матерью, может быть, он сам не захотел, а сделаться ей его матерью, нянькой, секретарем и почитательницей она не могла и не хотела.

Прав Ап. Григорьев: странствие тем именно и хорошо, что чувствуешь себя в руках Божьих, а не человеческих. Но можно того же достигнуть, сидя на месте и вникая в перемену погоды и дожидаясь, когда случится вот как сегодня: занесло везде, затрусило, забило снегом все следы человеческие. А весной тоже, когда все смоет вода и встает зеленая жизнь. Вот как обрадуешься, что часто человек становится хорош. И вот в этом весь секрет художника: найти какой-то способ самоочистки и такой гигиены духа, чтобы обрадованному подходить к человеку и видеть его не изуродованным, каким он есть, а в тех возможностях, которые он несет в себе.

16 декабря. Печатают наши мысли машинами, и никто теперь не жалуется, что наши мысли, и образы, и понятия чем-нибудь пострадали при переходе от списывания к печатанию. Значит, если теперь всюду в мире чувствуется засилие машины, то дело не в машинах, а в нас самих: мы страшно низко пали.

1 января. Лева съездил утром в Москву и наконец привез желанную «Лейку» с тремя объективами.

2 января. Учился снимать «теле» *. Сразу же вышло хорошо.

8 января. Вчера было тепло, но весь день мело: ни зги. Сегодня в предрассветный час южный ветерок, легкий как дыхание, баловался с дымом соседа. Вероятно, опять понесет.

А тоска грызет неустанно, просто замираю в тоске.

13 января. Начались письма, восхваляющие мою статью «Нижнее чутье». Да, по-видимому, вся сила моего творчества этого литературного сезона нужна была для того, чтобы дать эту статью. В будущем для понимания этой статьи нужны будут большие комментарии. Теперь она является в очень понятном окружении.

16 января. Итак, я тоже «ударник», тоже закрепился... поставлять свое производство в количестве (столько-то печатных листов). О качестве не может быть у нас и разговора, потому что качество вещей связано с личностью.

17 января. Иду вечером, слышу, какая-то старушка стонет. Кому нужна она? Ведь в ее-то положении возможна только от родных помощь. Если не социализм, то «родство» это должно распространяться на всех (и так у наших дореволюционных социалистов и было: разрывалось кровное родство и на место его вступало человечество). Теперь «человечество» и «родство» взяты в принцип, и раз так, то, конечно же, моей старушке надо идти не к родственникам, а к «начальству».

А впрочем, разве можно что-нибудь понять в этом стремительном падении «жизни» и материализации «принципа».

19 января. В революции лад, как «естественное состояние» выдвигается на первый план и во имя этого лада отбрасываются все легенды.

Но лад — это счастье, а счастье случайно. Между тем на одного счастливого (даровитого, нравственного и т. п.) приходится 99 бездарных, которые устраиваются, собственно, не по ладу, а по примеру счастливых ладных. Этот пример среди бездарных начинает мало-помалу быть как правило, и так устанавливается быт, в котором уж не видно лица, подавшего пример, и са-

мый пример стал легендой. До поры до времени быт держится, начинаются «устои», а потом все летит, потому что легенды сильно расходятся с «жизнью».

Итак, революция есть действие жизни, и первое строительство после революции происходит на основе естественного лада, который мало-помалу превращается в быт.

Этот «лад» распространяется не только на семейные отношения, но и на групповые...

21 января. Продолжается теплая погода. День почти солнечный, все завалено свежим снегом. Вот бы снимать! Но некогда, собираемся выехать 23-го в Сибирь, билеты взяты.

«Крестьянский писатель» Каманин * рассказывал о тех чудовищных антихудожественных требованиях, которые применяются к крестьянским писателям,— что, например, «аксаковщина» (вероятно, понимаемая, как созерцание природы) является преступлением.

23 января выехали в Свердловск и вернулись 23 февраля. Целую неделю по возвращении хворал и отпечатал всю фотоработу.

1 марта. Строительство на Урале для меня привлекательно тем, что это не «дело» в том смысле, как сложилось во мне понимание дела под влиянием жизни родного мне, самого купеческого города Ельца («в Елец, к образованным купцам!» — Чехов). Поистине дела в Ельце относились прежде всего к личному поведению «делового» человека, например, что копейка рубль бережет, что по одежке протягивать ножки и т. п. Благодаря такому нравстзенному кодексу создавались такие огромные, миллионные дела, как, например, махорочная фабрика Романова, подразумевавшая всем нам известного Николая Ивановича, который в слободской трущобе, в «каменьях» начал свое дело, кажется, с починки гармоний.

Биография таких замечательных людей была для нас как бы житиями святых, направленными в сторону земного стяжания. И вот отсюда вытекало понятие «дела» как мрачного подвига. Мы, развитая молодежь, были революционерами и очень издевались над всей этой нравственностью купеческого Ельца. Но, отрицая, мы ведь необходимо имели перед собой предмет отрицания: купеческий быт с его «делом». Такое деятельное отрицание есть длительный процесс, в котором, конечно, бы-

вали минуты сомнения. Да и как не сомневаться, если их «дело» как-никак, а дает реально всем необходимые материальные ценности, а материальное развитие нашего дела теряется в тумане будущего. И вот, когда теряешься, бывало, в сомнениях, то встают, бывало, из недр родового прошлого, как необходимость, как неминучесть, и смерть, и проклятие, и вечность, и роковой голос слышится: «Надо делом заниматься, а не утопией».

В катастрофический момент борьбы с «делом» занятие литературой было для меня истинным спасением: ведь это не было «дело», скорее наоборот, а между тем посредством этого «недела» можно было жить. Я уверен, например, что мое стремление к реализму, и даже больше — к физическому уплотнению слова происходит субъективно от борьбы с елецким «делом»: посредством физики сло́ва добиться тех же результатов, каких добивались купцы, производя реальные ценности.

Только на Урале я понял посредством глубокого чувства, что новое строительство значительно именно тем, что это строительство не «дело» в том смысле, как далось мне это понятие, что истинно-железные люди, которые стали во главе этого строительства, только потому и стоят, что совершенно отрицают старое «дело».

Ближе всего это «недело» к войне, потому что, во-первых, как на войне, тут действуют массы. Вагоны переполнены, вокзалы набиты людьми из разных, часто отдаленных краев и все эти, прямо сказать, народы находят себе место, мало того: их не хватит.

Это стремление вперед так огромно, что будущее становится реальней настоящего. Ведь это верно, что инженер еще прошлый год здесь заблудился в лесу. Теперь тут город, а лес стоит вдали. Но какой это лес, ведь он обречен, его завтра не будет, этот лес почти нереальность. Зато вот механический цех, которого еще нет — он реальность.

[*Загорск.*]

11 марта. Я так оглушен жизнью Свердловска, что потерял способность отдавать себе в виденном отчет, правда, ведь и не с чем сравнить, чтобы сознавать виденное. Только вот теперь, когда увидел в лесу, как рас-

тут на елках сосульки, вернулось ко мне понимание возможности обыкновенных и всем доступных радостей жизни и вместе с тем открылась перспектива на Урал

12 марта. Я ли не знаю Мережковского, но я сейчас не знаю, в очках он или без очков, бреется ли, а может быть, есть усы и что-то вроде бороды. Как странно, что ясно вижу его, а ничего внешнего назвать не могу. В этом есть моя особенность, я вижу внутреннее, а что извне, то мне нужно усилие. Вот почему я исследователь в литературе. Я исхожу от какого-то внутреннего неопределенного веления и нахожу иногда с трудом во внешнем мире, в вещах и чертах как бы совпадение... Этот момент находки и является у меня зародышем творчества. Мне кажется, я все могу описать или подыскать во внешнем мире материальном внутреннее. Меня же понимают некоторые, будто я учу, что, не имея мир в себе, можно найти его вне себя.

24 марта. Всякий художник, по существу, непременно девственник, влюбляется, но никогда не отдается жизни и если бы отдался, то перестал бы быть художником.

28 марта. Ритм жизни (радость зачатия будущего и др.) сохранился теперь только в природе: ведь грач чувствует же себя, как грач, и корова знает, что она корова, а человек нет, он расчленен и человек-кулак или человек-пролетарий, разные существа.

31 марта. Со мной что-то нехорошее делается. Если я встречаюсь с предметом, напоминающим мне всякое мое прошлое, от отдаленного времени до прошлого года, непременно он вызывает во мне что-то вроде психической тошноты, которую на слова перевести, будет приблизительно так: «Все это напрасно ты делал».

Написанное мной я не только не перечитываю, но стараюсь вовсе не думать о нем и действительно не думаю. Я читал недавно детям с таким большим успехом, но внутри даже от этого радости не было... Что это такое?

5 апреля. Наконец-то мне удалось побывать на большом уральском строительстве, и эта поездка разбила в пух и прах то мое представление, которое сложилось из материалов повседневных моих наблюдений строительства возле себя и чтения газет.

Точно так же, как, помню, после поездки на фронт во время войны с Германией, я почувствовал очень ост-

ро несоответствие маленькой текущей литературы с адским величием картины мирового зла, так и теперь, вижу, пресса не стоит на уровне дела. Не бойтесь, однако, товарищи литераторы, мой камень в ваш огород если и полетит, то не с той стороны. Как могу я бросить камень, если сам плохо могу писать о деле, которого на свете не было.

17 апреля. Ночью был мороз, и солнце было взошло, было совсем чисто, но вскоре небо посерело, пошел дождь, и так началась весна воды.

Вечером у нас были Фаворские.

2 мая. Сколько творческого времени нужно потратить, чтобы оборониться от теорий творчества, создаваемых ежедневно людьми, никогда ничего не создавшими и претендующими на руководящую роль литературой.

6 мая. Мания или реальность Кащеевой силы? Ну, как же не реальность. Что значит «разъяснить» писателя? Значит, это прекратить его деятельность. Вроде как бы подкоп ведется под тебя,— разве это не страшно? Пора покончить с этой зависимостью от литературного заработка. Буду переключаться на фотоработу и пенсию.

9 мая. На этом сходимся мы все — что европейско-американская культура количества (числа) и вместе с тем падение качества вещей, исчезновение надежды на глубокое счастье в творчестве — что все это нам не мило. Но вот мы, желая преодолеть то, догоняем материально Европу, чтобы этим материальным оружием уничтожить фетишизм производства и денег. Но, догоняя, мы заражаемся этим фетишизмом и отравляемся военщиной, стандартом, теряем из виду исходные пункты революции.

И когда я говорю, что коллектив должен так же любовно относиться к машине, как ремесленник к своему инструменту, то на меня набрасываются за то, что я посмел взять сравнение из ремесленного мира. Или когда я говорю против капитализма Америки, начинают прославлять небоскребы и проч.

Во всех этих глупых возражениях, выходках таится забвение революции и простое стремление к скорейшему мещанскому счастью.

16 мая. Дорога к власти — это именно и есть тот самый путь в ад, устланный благими намерениями. Надо

понимать еще так это, что благие намерения лежат лишь в начале пути, а дальше никакие приманки не нужны: дальше движет взвинченное достоинство и постоянно возбуждаемое самолюбие; до того доходит, что самолюбие носителя власти материализуется и, например, офицер старой императорской армии чувствовал себя смертельно оскорбленным, если кто-либо касался его эполет. Почему так и противно, что это самовластолюбие есть движущая пружина, и весьма откровенная, тогда как сам истратил жизнь на то, чтобы спрятать самолюбие и дать сверх него...

Во власти человек прячется от самого себя, во власти он живет как бы вне себя, власть дает возможность быть вне себя, посредством власти можно убежать от себя самого («погубить свою душу»). И есть момент в жизни, когда следует погубить свою душу («за други») * — в этом и есть вся правда революции.

18 мая. Творчество — это единственная сила против обиды, и вся энергия должна быть направлена на сохранение того творческого светильника, с которым поэт выходит в то время, когда кончается действие разрушительных сил и жизнь вступает в пору созидания.

19 мая. Очень возможно, что творческая предустановка, которую изображаю я в «Родниках Берендея» или в последней главе «Кащеевой цепи», принимается публикой за то мещанское спокойствие, иллюзорную идиллию, которую вообще соединяют со словом «природа». С другой стороны, в это напряженно-индустриальное время мысль невольно остерегается притягательной силы Земли, как предустановки индустрии: с этой землей связаны имена Руссо, Толстого и особенно народников. Никому не приходит в голову читать мои вещи не символически, то есть за простотой моего языка видеть и простую, хотя и поэтическую жизнь. Пиши я о заводах, конечно, я и там бы нашел Землю и говорил бы то же самое, но тогда у меня не было бы в обращении таких сбивчивых понятий, как природа и т. п., и я скорее мог бы выбиться к широкому пониманию меня обществом. Но ведь целая жизнь истрачена в скитаниях по лесам, и переключаться на индустрию очень трудно, особенно в спехе, при посредстве командировок от журналов с их условностью.

24 июня. Вчера подписал договор с «Известиями» о поездке на Дальний Восток.

1 июля. Сборы в полном ходу.

2 июля. Поэзия для меня есть дело самой жизни, только являемое в ритмическом соотношении слов.

4 июля. Искусство — это врученный художнику момент всеобщего творчества жизни, момент мироздания в ритмической согласованности сущего.

14 июля. Этой ночью мы проехали невидимый Байкал. Тут есть горячие ключи и в — 50 градусов зеленеет зимой трава и на теплом месте шаман сидит...

На лобазе у тунгусов висит пушнина и запас мяса. Если хозяин увидит след под деревом, означающий, что был человек, и если при этом окажется пушнина и мясо нетронутыми, он скажет: «Был нехороший человек». Если же пушнина цела, а мясо тронуто, обрадуется и скажет: «Был хороший человек».

16 июля. К вечеру мы пересекли огромную реку Зею.

18 июля. Сегодня мы едем где-то в краю Амура. Множество малых речек переезжаем и проезжаем.

Самый счастливый человек в нашем вагонном обществе бельгийский геолог, старик 80-ти лет, открывший нам золотоносный Алдан. Он счастлив, потому что в свои 80 лет он ясными глазами может смотреть часами в окно и с большим интересом читать историю земли.

Приехали во Владивосток. Дождь, пахнет рыбой.

Остров Фуругельм. Ехать пароходом до бухты Посьет и там просить Дальневосточный трест представить на остров.

19 июля. Начинаю понимать в желтых лицах китайцев индивидуальности. Уважение к китайцам растет: истинно трудовые люди и живучие. Буду собирать у китайцев материал о пантах и через это войду в понимание.

20 июля. Увидел первое солнце во Владивостоке. Вчера в китайском театре изображалась жизнь за 500 лет от нашего времени и приемы игры были древние.

Солнце порадовало и скрылось в тумане. И весь день, как обыкновенно, было сыро, шел дождь и парило. Мало-помалу надо понять здешнюю природу. Пока мне кажется, будто здесь только два времени года.

Осматривал пантовую базу.

Бывает, изюбр скусит верхушку жень-шеня и тогда корень не растет семь лет: спит. Жень-шень: головка,

на ней ценятся морщины, шейка, верхние отростки — их надо как можно меньше, тело с ногами.

21 июля. Солнечный день. Снимал жень-шень (человек-корень). Если говорят просто «жень», значит, корень представляет фигуру человека наиболее отчетливо.

24 июля. К полудню разгорелся солнечный день. Так пока с утра очень тяжело все выходит из тумана. А растения развиваются роскошно. Странно, что и трава и огороды поспевают в один срок с нашими.

В Семеновской гавани фотографировал. Женщины сидели на корточках у самого моря, китаянки с ребятами, привязанными назади, все ждали судов с иваснми.

Есть сказание, что будто бы Бог при посеве своем забыл про Дальний Восток и, увидев его пустым, посеял остатки всевозможных семян.

Если бы жень-шень не обладал целебными свойствами и действовал лишь по вере людей, то все равно почитание этой травки единодушно многомиллионным народом в течение тысяч лет и в то же время способность этой травки жить в течение многих столетий... То же самое и панты, взятые с головы красивейшего зверя «Олень-цветок».

27 июля. Выехали в 9 утра в Посьет.

30 июля. Вечером ездили на подкормку песцов.

Молодой баклан из гнезда на неприступной скале должен броситься вниз и, не учась, полететь.

4 августа. Вчера на дню сто перемен, когда солнце выйдет — станет очень жарко.

Когда живой самец и худые оленухи — родятся самцы, и наоборот.

5 августа. Видели оленуху с олененком, которые в трехстах шагах от нас паслись, зная о нас и не убегая.

Олень на задних ногах достает лист дуба.

Борьба двух оленух с орлом за олененка: тоже на задних ногах.

Пил воду из трех ручьев. Синий дрозд, отдаленно напоминающий дрозда. Голубая сорока, пестрая чайка, черная ворона.

6 августа. Вечером ходили к острову «Томящееся сердце» (назван так бывшим владельцем, потому что во время прилива шевелился камень на острове). Олени начали выходить на открытые места, были и пантачи и сайки.

14 августа. Мы ездили в Песчаное смотреть спилку пантов. Смотрели изюбрей. У них скоро (в сентябре) будет рев (у оленей на месяц позднее). Изюбр, как северный зверь, груб, олень — субтропическое животное, гораздо нежнее.

26 августа. Как трудно здесь быть сельским хозяином! Там, в недрах страны, почти всегда мы можем накануне сказать, какая завтра будет погода. И пусть даже неверно предсказывают, все-таки хоть попытку делают разобраться и понять фенологический ритм природы. Здесь на дне семь пятниц, приезжий человек после нескольких усилий понять что-нибудь опускает руки и обращается за советом к китайцу.

27 августа. Будто бы оленьи пятна — это его защитные пятна под блики солнца и что будто бы все звери родятся с признаками пятен.

Чем успокаивает шум моря, когда сидишь на берегу? Тем, думается, что мерный звук прибоя говорит о больших сроках земли, прибои — это как будто часы самой планеты, и вот эти большие сроки встречаются со сроком твоей маленькой жизни, и начинается раздумье, и маленькая скорбь исчезает.

2 сентября. Лучшее в моем путешествии были эти встречи с морем в одиночестве среди пустынных гор и дико распавшихся скал. И тут у края земли, возле белого кружева соленой воды, среди ракушек, морских звезд и ежей и сюрпризов моря человеческого (сколько бочонков!), на твердой земле тут лучше всего: тут вся трагедия мира, тут все, и в этом огромном я тоже живу.

5 сентября. Вчера с катером «Островитянин» приехал из Сидеми во Владивосток.

8 сентября. На одной стороне Союза, на западе, стоит страшный враг — это разумное мещанство немцев, на другой — восточной стороне — иррациональное мещанство китайцев. Трудно сказать, которое сильнее и опаснее для большевика: мещанство немецкое соблазняет разумным устройством повседневной личной жизни, согласованной, впрочем, и с жизнью общественной; китайское мещанство, презирающее материальное расширение благ, в своем пассивном сопротивлении насилию соблазняет той личной свободой, которая остается и у раба в его ночных сновидениях, и у смертельно больного, когда сама боль как бы устает и на короткое

мгновение уходит. Этим формам немецкого стационарного мещанства только по внешности противоположно американское динамическое мещанство, где в абсолют взят не покой, а вечное движение. Но это, конечно, тоже одна из форм мещанства, характерного вообще разобщенностью между собой личностей, составляющих то или другое общество и государство.

Мы хотим всем этим формам мещанства западного, восточного и американского противопоставить коллектив, в котором внешние перегородки между личностями будут расплавлены: тысячи глаз в таком коллективе беспрепятственно глядят на негодного члена и тысячи рук выбрасывают его вон, тысячи людей восхищаются хорошим, примерным человеком, воспитываются и так мало-помалу преодолевают в себе тот грех, который отцы называли «первородным».

19 сентября. Материал, добытый на Путятине, куда отправился в пятницу 11-го и вернулся ночью 17-го.

Мало хорошего видел я на острове, но, уезжая на пароходе, разговорился в кают-компании с одной дамой, жившей одновременно со мной на Путятине.

— А лотос видели? — спросила она меня.

И тут оказалось, что это я ее видел, как она шла по болоту, я же, спасаясь от грязи, поднимался все выше и выше.

Она мне рассказала, что занималась ботаникой, что долго колебалась и мучилась, вынужденная из-за детей бросить науку, что случай такой вышел: муж ехал в командировку на Дальний Восток на несколько дней, и она поехала за ним, чтобы только взглянуть на лотос, живущий на Гусином острове.

— Неужели вы так и не видели? — спросила меня восторженная женщина.

20 сентября. Влюбляться и проходить — вот счастье путешественника, влюбляться, но не любить: чуть ведь полюбил, надо беречь, чтобы другой это не украл, беречь, ревновать, защищать и в конце концов служить и в служении забывать тот самый лотос, из-за которого когда-то влюбился и потом полюбил.

Нет, я с этим не согласен, можно влюбляться, можно и любить и можно служить, не забывая о лотосе. Можно!

21 сентября. Звери в беде перестают друг за другом охотиться (вот лев и ягненок — вот когда лягут — в беде).

Если китаец находит Жень и делает заметку, то эта заметка значит и для другого, кто найдет: «замечено, не трогай». И не трогают, потому что иначе — смерть.

Китайцы не пьют коровье молоко, потому что тогда надо корову мамой считать.

9 октября. Вчера достал «Корень жизни» и читал о том, как ищут его, как страдают. Вспоминал при этом свое хождение в град Китеж, страдания паломников и тоже «чистое сердце».

[*Без даты.*] Гон пятнистых оленей. Старый опытный боец сильно упирается лбом в лоб противника и вдруг подается назад, неопытный падает на колени и тут его бьет в бок насмерть. Не в рогах дело. Вот знаменитому бойцу срезали рога, но по-прежнему вид его подавлял других, и когда пришлось драться, он костяными шишками проломил ребра противнику и тот погиб.

Был случай, когда побежденный олень, обезумев, бросился в море и вылез на другом конце бухты.

Бывает, бьются до того, что не могут стоять, лежа бьются, и оба погибают.

8 ноября. Вчера около полуночи приехал в Москву.

[*Загорск.*]

16 ноября. Природу я понимал раньше как условие рождения на земле человека и в этом смысле смотрел на охрану природы. Теперь охрану природы хотят свести просто к охране советского хозяйства.

23 ноября. Привычка. Читал «Старосветские помещики» и вот теперь только на старости лет понял, из-за чего написана эта вещь: сила привычки религиозно противопоставлена рациональным начинаниям. Это восточная вещь.

1 декабря. Все возвращаюсь к «Старосветским помещикам» — вот удивительный, почти какой-то научный химический эксперимент: писатель устранил все факторы быта, оставил одну привычку и показал нам, что истинная, прочная, настоящая любовь держится привычкой.

4 декабря. Мне через год 60 лет, и все-таки невесту свою я снова видел во сне. Она мне написала письмо, удивленная и пораженная тем, что узнала, будто я все еще ее не разлюбил. Явилась ко мне самая серая ба-

рышня, но я без тоски и разочарования всматривался в ее лицо, удовлетворяясь и тем, что кое-как по отдельным черточкам мог представить себе лицо моей Вари. И вот после того говорите, что поэты не родятся, а ими делаются. А еще сколько на свете существует таких тайных поэтов.

Раньше я писал, понимая читателя как друга, может быть, в далеком будущем и дивился, когда находил современников, до которых доходило мое писание. Теперь современники представляют собой властную организацию цензоров, не пропускающих мое писание к будущему другу.

Литература, вероятно, начнется опять, когда заниматься ею будет совершенно невыгодно...

Первая треть декабря. Вчера переломилась погода и полетела пороша, стало сильно теплеть <...> ставлю самовар. Лучинки вспыхивают по краям, где обломлено, и тухнут, остается едва живой огонек, и я загадываю, спасая его, повертывая вниз,— выживет огонек — и я выживу еще как писатель, еще попишу.

И огонек выжил...

РАПП, или воинствующие пролетарские писатели *. У попутчиков * есть вера в культуру в том смысле, что литература создавалась народами всего мира и с самых давних времен, что за эти времена человечество нащупало законы литературного творчества, которые каждому писателю необходимо понять, изучить, и что без этого прошлого не войдешь в литературу современную.

У воинствующих вера такая, что настоящее вовсе не вытекает из прошлого, а есть факт небывалый, и чтобы войти в него, скорей надо забыть прошлое, чем из него исходить. В этом и состоит спор пролетарских писателей с попутчиками.

10 декабря. Если в математике для исчислений допускаются, например, бесконечно малые величины и посредством этого допущения достигается в конце концов сооружение мостов и других плотных для всех «реальных» предметов, то почему вы не можете себе представить, что художник в искусстве при создании реальных вещей не может руководствоваться тоже каким-нибудь допущением невидимого, например, свободы, как условия для творчества. И пусть эта свобода сама по себе не существует и недопустима в обществе, но...

Очень возможно, что за то и тянутся все к поэзии, что в ней допущена свобода личности и что только эта свобода отделяет «поэзию» от «жизни».

Я защищаю не иллюзорность искусства, а реализм, я только хочу сказать, что чувство свободы художника, точно такое, как мысль о бесконечно малых в математике, есть необходимое условие для творчества и что именно это допущение качественной величины самочувствия «свободы» и делает искусство искусством, а не государственным строительством.

Вот, положим, я дикий писатель (попутчиком никогда не был) и кое-что пишу полезное, но допустим, что я принят в РАПП. Вначале я ничего не буду писать, я буду привыкать, и когда освоюсь с предметами в «перестройке», то буду летать по-прежнему и между этими предметами, не задевая их. Но горе в том, что РАПП именно и создан для того, чтобы быть умнее писателя и направлять его полет в желательную им сторону.

19 декабря. Меня расстроило, что отказались печатать «Кащееву цепь». Началась тоска самая острая со сладостной мыслью о смерти. Я теперь живо представляю себе состояние духа Л. Толстого, когда он желал, чтобы его тоже вместе с другими мучениками отправили в тюрьму и на каторгу. Я накануне решения бежать из литературы в какой-нибудь картофельный трест.

22 декабря. Какой я вам попутчик, я вам отец. Но если я взял на себя обязательства к вам и работал для вас четверть века, то я требую теперь, чтобы и вы взяли на себя обязательно в отношении меня, как отца.

Открыли, что Ап. Григорьев был идеологом торговой буржуазии. Для нас это «открытие» ничего не открывает, можно быть идеологом буржуазии и дать миру много ценного, и это ценное и надо бы раскрыть критику.

Вот сколько я наблюдаю природу, а каждый год все идет по-новому, и я привык, как художник, жить этим разнообразием и считать за открытие и счастье, когда является такое новое, о чем хочется всем рассказать; теперь за открытие считается явление единообразия, стандарта. Художник должен не ждать от жизни подарков ее разнообразия и неожиданностей, нечаянных радостей, а обыграть ее и подвести под стандарт.

30 декабря. Всмотреться в формы отдельного дерева в лесу, это будет картина самого невозможного приспособления в поисках света: какие чудовищные искривления в борьбе за жизнь; и вот теперь надо себе представить, что человек тоже в борьбе за жизнь весь распластался по такому дереву и до того слился с ним, что стал незаметен...

31 декабря. При пересмотре фотографий: как-то ничего не остается связанным с недавним прошлым, как будто время так, само себе проходит и к нему жизнь не пристает; что же это, жизнь моя холоднеет и не вяжется со временем, или нет, я такой же, и время стало холодным?

1932

1 января. Вчера мы с Павловной вечером засиделись (я приводил в порядок альбомы) далеко за полночь и, ложась спать, забыли поздравить друг друга с Новым годом.

Разобрав, устроив свои фото, я сказал Павловне:

— Если уцелеют мои снимки до тех пор, когда у людей начнется жизнь «для себя», то мои фото издадут и все будут удивляться, сколько у этого художника в душе было радости и любви к жизни. Да, вот если бы все люди стали заниматься тем, что каждый из них любит, для чего каждый рожден,— что бы это было!

7 января. Символизм — встреча текущего мгновения с вечностью, а место встречи — личность. Все равно, пока личность настоящая, но как только явился «изм» и творчество символов стало методом («творческое бюро») и личности стали всякие, то символизм стал ерундой...

8 января. Дыхание жизни и смерти. Темно и ужасно все нависло, капель. Есть глубже тоски слой души, царство безнадежности. Вести оттуда тем ужасны, что не оставляют от прошлого ничего: как будто жизни во времени вовсе не было, и все прошлое такое же тусклое пятно, как это серое небо.

По-иному сказать: вот ты жил и копил всю жизнь, а когда пришел черный день, то из копилки нечего взять. Это именно и есть то, что ускользает от обыкно-

венного сознания, когда думаешь о жизни подвижников: борьба с чертями — это совершенные пустяки в сравнении с этим смертным дыханием: я вижу три возможности выхода.

Один «пессимистический», но верный: это вперед признать «ничто» и затем жить без очарований. Другой выход (мой выход): это когда видишь не темное небо, а чистое, звездное,— спешить копить в себе радость и успевать, пока не прошло, давать жизнь другим и так закрепляться вовне с радостью (сила родственного внимания, творчество). В эти радостные моменты представляется, что смерти нет, что этой силой творчества она будет побеждена. Но когда приходит час, то все равно все творчество жизни сметается. Раз пройдет, и звезды вернутся, два, три, и так живешь, терпишь, зная, что это пройдет, как раньше проходило.

Третий путь — это путь не свой. Это даже не путь, а постороннее разрешение вопроса заглушения личной тревоги, когда некогда чувствовать звездное небо, и тусклые сумерки, и ночь, когда некогда думать, размышлять о конце и кресте.

9 января. Та творческая радость, какою жил я так долго, не допускает насилия над собой.

10 января. Все эти зимы у соседки рано в темноте разгоралась русская печь, и мне было видно, как старая колдунья действовала там, беспрерывно меняя кочергу на ухваты и рогачи с большими горшками. Нынче там напротив темно, а старуха жива: дров нет, старуха перешла на буржуйку и невидимо в другой комнате коптит свои стены. Кончилась сказка.

Смотрю рано в темное окно и думаю так о старухе: нет у нее дров, печь не топит, сказки нет у меня под пером.

18 января. Художником в «образованном» обществе называют мастера, который умеет так сделать, что публика, почуяв, например, приближение весны, скажет: «Весна, как у Левитана», или, приехав издали к морю, узнает его и скажет: «Прекрасно, совсем как у Айвазовского». Мне же хочется в художнике видеть убедителя, заставляющего и на море и на луну смотреть собственным «личным» глазом, отчего каждый, будучи личностью неповторимой, являясь в мире единственный раз, привносил бы в мировое хранилище человеческого сознания, в культуру что-нибудь от себя самого...

20 января. Сиротская зима продолжается. Время как бы остановилось. В предрассветный час жутко... оттепельное небо, и слышу я: проснись, писатель, друг мой, и больше не жди к себе нечаянной радости, подарка и желанного гостя, закрой калитку и ложись спать прямо в заплатанных штанах и дырявых валенках.

Вся ли наука такая — не берусь судить, та наука, которая исследует причины явлений, делает открытия и устанавливает законы, имеет свойство скрывать личности своих творцов, и человек науки часто даже имя свое переплавляет в сделанное им изобретение: так вот физик Реомюр до того скрылся в ртутный термометр *, что редкий при слове Реомюр подумает о человеке.

В искусстве нет никаких законов, и форм, и тем, укрывающих личность. Ни за какой темой, самой великой, даже за Богом, не скроется художник.

Всякий истинный художник непременно по своему личному вкусу смещает качество и потому является революционером.

7 февраля. Если бы я, например, пришел в РАПП, повинился и сказал, что все свое пересмотрел, раскаялся и готов работать только на РАПП, то меня бы в клочки разорвали (так было, например, с Полонским и со многими другими). Причина этому та, что весь РАПП держится войной и существует врагом (разоблачает и тем самоутверждается); *свое ничто, если оно кого-нибудь уничтожает, превращается в нѐчто.* И вот, конечно, это должно возбудить гнев, если нѐкто из вражеского стана сдается и сам себя без боя превращает в ничто (прямой убыток).

8 февраля. Сел за «Даурию» и перестал заниматься фотографией. Мне дана одна струна, или, сказать вернее, лирическая нотка, одна для всего, так что если я чем-нибудь занимаюсь, то одним только, например, музыкой, или фотографией, или рассказом, или стихами; но чем бы ни занимался, по всем видно, что это я, только я так могу; есть люди, которым дана не одна нотка, а сто, но моей одной довольно, чтобы знать о себе, о своей личности, как неповторимой: раз был, заявил о себе и больше никогда не повторись.

Культура — это связь людей в пространстве и времени.

9 февраля. Вчера Фаворский сказал, что фотография передает случай, а живопись событие... и что на этом пути фотография, конечно, может считаться самостоятельным искусством.

Жизнь есть единство, и не только событие, но каждый случай в ней есть явление целого. Но, конечно, надо вперед понимать целое, чтобы узнавать его появление в частном (впрочем, если не понимать, то хотя бы допускать). Если взять в пример фотографию, то целое, как невидимое изображение, а проявление, как явление целого в частном.

10 февраля. Прежде чем полюбить врага, нужно так сделать, чтобы его забыть и потом, достигнув блаженства (как солнце), встретить прежнего врага само собою с любовью, потому что солнце Господнее льет с одинаковой любовью свет свой на праведных и неправедных.

Но как же забыть-то врага? Взяться за такое большое дело, которое он по малости своей не мог бы даже и видеть, а не то что мешать. Это великое чувство жизни, та самая «предустановка» целого, благодаря чему каждое частное явление, каждый частный случай был как проявление целого.

12 февраля. Дорогой, не углубляйтесь в чтение таких умных книг. Вам кажется, что этим самоуглублением вы достигаете высшей степени относительно окружающего вас общества, на самом же деле вы через умные книги становитесь просто умнее себя самого, и это воображаемое более умное существо в вас презирает, в сущности, не окружающую среду, а вас самого настоящего, без книг, просто сказать: чужими мыслями вы убиваете в себе собственное творчество — всегда гениальное дитя.

27 февраля. Писателя и вообще художника я понимаю так, что в его произведении лично он, как человек, совершенно не виден, но если кто хотел бы допытываться о личности этого художника, желая понять его произведение и с этой стороны, то чтобы для тайновидца открывались бы все сокровеннейшие, все самые затаенные человеческие уголки души художника без всяких комментариев.

Да, если по-настоящему напишешь, то в конце концов разберут тебя всего.

23 марта. Вчера 100 лет со дня смерти Гете.

29 марта. День прошел, как самый большой праздник, чего стоит жизнь одного только моего окна: какими чудесными узорами разукрасил его мороз поутру, как от солнца протаяла солнечная середка, потом исчезло все и на краях, а вечером опять заузорилось, так и весь день, как окно: в середине пламенеет воздух, плавится снег и выступает вода на дороге, а утром и вечером все обрамляется легко-морозными зорями: день, как в раме, день, как окно в грядущее.

Будьте как дети! * Дети никогда не смешны, начинается смешное, когда человек сложился. Какая-нибудь черточка окостенела особенно и осталась в общем облике неподвижной.

3 апреля. Романтизм и скепсис — разные дети одного упущенного мгновенья жизни, родные дети истока «духовной жизни»

Романтизм — это не взять мгновенье и пытаться возместить, скептицизм — взять и увидеть «не то». Ангел упущенного мгновенья жизни.

6 апреля. Хочу продумать свое отвращение к учительству. (Хочу не учить, а душевно беседовать, размышлять сообща и догадываться.)

11 апреля. Когда во время писания я затрудняюсь в словах и не могу отвыкнуть от трафаретных фраз, то шепчу это устно какому-нибудь близкому человеку и через это получаю дар писать дальше.

20 апреля. Сквозь облака солнце. Ни тепло, ни холодно. Вода медленно стекает. В лесу большом снег хотя и рыхло-зернистый, но глубокий, ходить нельзя. На полях пестрота, на опушках проталины и угревы. В городе чисто, высушено. И все-таки откуда-то издалека проехал мужик на санях. До чего это удивительно ладно апрельский солнечный луч сочетался с песней жаворонка. Кто сочетал? Поэт? Если поэт, то какой-то поэт без слов, как почти всякий человек. Если поэт, то поэтическое это началось, может быть, далеко до человека: бабочки остыли и остались в полусне зимовать на подоконнике, а когда пришла весна света и уже проникла в окошко, бабочки полетели к свету и стали трепетать на стенке. Дальше — больше, и так прилетел жаворонок на свет и запел, и поэт и художник света явились в каждом земледельце.

Лучший вид свободы изображен в «Троице» Рублева: умная беседа о жертве с последующим согласным решением. Лично я ненавижу резкие споры с умственной истерией и насилием темпераментов: это война. А свобода людей в совете: не хочешь, не можешь сказать — слушай и дожидайся, когда найдет и на тебя желание сказать, посоветовать со своей стороны.

23 апреля. Итак, товарищи, я пересмотрел новую литературу, и вот что скажу: большинство писателей берут перо ради правды, но у них сил нет. Правда писателя должна явиться в образе поэзии,— у большинства писателей не складывается поэзия; другая, меньшая часть ищет поэзии и пользуется правдой жизни, как материалом. Где писатели, под пером которых правда является в образе поэзии и мы видим, что за словами стоит человек, как это было у Пушкина, Гоголя, Достоевского.

3 мая. Брюсова называли «преодоленной бездарностью»; на самом деле у него большой талант и еще больший исследовательский ум. Он, по-видимому, относился к таланту своему, как ученый к подопытному животному: все узнал, и от кролика, живого существа, осталась одна шкурка. Как он сам говорит: «Могу двигаться вперед, лишь нарушая», а надо: «Не нарушить пришел, а *исполнить*» *. Вот, вот, вот! Я почти невежда в сравнении с Брюсовым, поэтическое насекомое перед микроскопом, а в то же время имею в себе недостижимое для Брюсова, потому что он пришел нарушать, испытать, а я, ничего не нарушая, исполнить.

22 мая. Был вечером у Реформатских * (Надежда Васильевна и Александр Александрович). Читал начало «Даурии».

31 мая. В «Новом мире» помещен рассказ Сергеева-Ценского и статья к 30-летию литературной деятельности. Статья эта шельмующая *.

12 июня. Какое прекрасное утро! Чувствую, будто голубь жизни радостно трепещет в груди, и оттого очень хочется собрать к большому столу много приятных людей, рассказывать им, слушать, и особенно вместе запеть. Но нет этого, невозможно собрать, и вот вместо всего хора я сочиняю один у себя за столом и, конечно, тружусь, из-за желания быть вместе с людьми.

[*Загорск.*]

3 августа. Теперь принято к языку подходить извне, минуя мать и бабушку.

Это почтенное дело дает нам пока только литераторов. Возможно ли выучиться «на писателя» по Шкловскому? * — это для меня вопрос. Вероятно, в отдельных случаях и это «чудо» возможно, только зачем тратиться на «чудо», если родные матери в колхозах и няни в яслях даром учат прекрасно устной словесности.

Что мне рассказываь вам о технологии, как я читал классиков и вел дневники своих упражнений? — все это совершенные пустяки. Для меня как писателя весь труд состоял в преодолении своего провинциального и выходе моего родного, личного, мохового, елецкого слова в мир общего понимания. Вот это да, об этом и следует говорить.

Я вам скажу кратко: путь провинциального слова к универсальному проходит по следу нарастающей индивидуальности, и когда данный индивидуум становится *личностью,* в этом самом процессе и слово родное делается словом универсальным.

Заря искусства остается обыкновенно в художнике при себе. Даже если и удалось создать что-нибудь, то все, что предшествовало созданию, остается невысказанным, об этом смешно и стыдно сказать. Но если не удалось ничего и солнце не взошло, то заря внутри себя остается единственным светом... Долго бывает больно возвращаться к этой заре неудачнику, но потом, когда все переменится, свет остается светом, в воспоминании эта заря является радостью, и говоришь себе: «Свети, дорогая, свети всем, мне лично больше ничего не нужно!»

И вот удивительно! Вот истинное чудо! Вслед за этим словом солнце всходит и начинается совсем неожиданно новая большая прекрасная личная жизнь.

Так бывало не раз со мной, и вот отчего, когда приходишь в тупик, я не отчаиваюсь, а замираю на темное зимнее время и жду со всей страдающей тварью весны — воскресения.

Светопись, или, как принято называть, фотография, тем отличается от больших искусств, что постоянно обрывает желанное, как невозможное, и оставляет скромный намек на сложный, оставшийся в душе художника

план, и еще, самое главное, некоторую надежду на то, что когда-нибудь сама жизнь в своих изначальных истоках прекрасного будет «сфотографирована» и достанется всем.

Но в огромном большинстве случаев и этой надежды нет, а остается документ жизни и про себя пережитый никому не известный восторг.

10 августа. Может ли быть красота в правде? Едва ли, но если правда найдет себе жизнь в красоте, то от этого является в мир великое искусство: таким великим искусством была русская литература.

20 августа. Земледельческий труд и теперь самый тяжелый, как был он и в доисторические времена. Но в прежние времена там, где была тяжесть, там был и весь смысл жизни и тягость эта понималась универсально, как «власть земли». Теперь тягость жизни больше у какого-нибудь литейщика на заводе или обитателя сырого подвала, но все-таки от земледельческого труда если уходят, то к нему не возвращаются: он не труднее, но ритм жизни и смысл ее перешли в город: там живут, здесь прозябают и всегда отстают в смысле: свинец и сталь нужнее, чем стрелы и веревки, а свинец и сталь на заводе. Пусть свинцом, железом и сталью будут люди добывать новую свободу, но победу будут трубить журавли, и сейчас мы охотимся там, где раньше боролись, а в будущем мы добьемся общей радости в природе.

23 августа. У Ценского, как и у Андреева, нет юмора, и у Ценского, кажется, еще недостаток в преднамеренности: Толстой и Достоевский не смеются тоже, а Гоголь смеется, Лесков шутит, Пушкин... есть юмор у Пушкина? Должен быть: у Пушкина есть все.

Есть большие писатели без смеха, и есть маленькие тоже не смеются, и есть маленькие — чудесно смеются. Только очень большие могут не смеяться, талант же средних, не умеющих смеяться,— подозрителен; маленький, если умеет смеяться, какой бы он ни был маленький,— есть талант. Итак, правило: если ты сомневаешься в своем таланте, попробуй писать юмористику...

12 сентября. Вчера приезжала некая Афанасьева, делегатка от комсомола, просить меня принять участие в чествовании Горького (40 лет деятельности). Она говорила, что в детской литературе снова линию повели на фантастику и сказку.

15 сентября. Государство нуждается не только в полезных писателях, а в совести и правде литературы. Мы, старые писатели, не можем сразу справиться с этой огромной задачей: приспособиться и остаться самими собой. Во всяком случае, дело не в «успехе», а в чем-то бесконечно большем.

5 октября. Дождь и хлопья мокрого снега, растворились все хляби небесные. Седой старик в лаптях, в юбке из грязных мешков, с корзиной в руке, стучит под окнами и собирает ради Христа. И как подумаешь только, что «я» у этого нищего такой же единственный и исключительный орган восприятия мира, то есть я хочу сказать, что с его фактической и невольной «точки зрения» его бытие важнее всего в мире, а я, например, я — М. Пришвин, со своими рассказами, просто даже неведомое существо, какой там я! — даже сам Пушкин. Ему просто и некогда о нас знать. Итак, этот Он идет и месит грязь. Вот я об этом хочу сказать, что Он, по всей вероятности, не только не мечтает, как я, о всяких волшебных возможностях, а даже ему жизнь есть тяжкое бремя, и он, если бы не веровал в Бога, с наслаждением лег бы под забором в грязь и к завтраму умер. И тем не менее на одной точке земли Он исключает меня, и на каких-то весах мы совершенно равны, его «я» и мое. Да, вот Он и заворачивает ко мне, Он просится в мой дом...

8 октября. У охотничьих писателей вся затея выходит от самой охоты: затейник-писатель в охоте рождается, а вне охоты он просто тужится, надумывает. Я хотя и не утонул в охотничьих материалах, но тоже испытываю в сильной степени их давление.

10 октября. Старое совершенно прошло, а новая песня не складывается. В то же время я чувствую, что становая жила моя, как любил говорить А. М. Ремизов, цела. И вот получается, как с озимью под снегом: живешь, а не растешь...

13 октября. Бабье лето, все более и более короткое, в эту осень повторялось множество раз, и наконец пришел такой день последний перед зимой — теплый-теплый, серый, но довольно прозрачный и такой тихий, что казалось, будто кто-то по мокрой душистой листве идет и шепчет: «Тише, тише, не разбудите, зайцы спят». И вот до чего хорошо в такой день на рассвете

с громким порсканьем пустить гончую и затрубить с отзвуком в лесистых холмах: «Вставайте, зайцы, вставайте!»

1 декабря. Если художник слова обладает талантом, то он не в состоянии переписать страницу своего сочинения без изменения. И точно так же в процессе творческой своей жизни он неизбежно вследствие скуки повторения должен переменять и совершенствовать форму. Отсюда вывод: художник должен искать встречи личности своей с материалом, вследствие чего форма родится как бы сама собой. Можно облегчить чрезвычайно эти роды изучением формальной стороны творчества, но это изучение не может стать на место «жизни», то есть зачатия формы от встречи живой личности художника с материалом.

Вопрос о «быть понятым» решается в процессе сотворения личности.

Аксиома творческого труда: что добро перемогает зло, значит, из совокупности жизненного творчества получается некий плюс. И надо быть *личностью,* чтобы понимать этот плюс. Вот в этом знании общего дела есть сущность личности, потому что просто *индивидуум* знает только себя. Итак, мы будем называть личностью общественно-сознательного индивидуума.

Цивилизация и культура — взятые внутрь творческой личности, означают следующее: культура — это связь между людьми в их творчестве, цивилизация — это сила вещей.

28 декабря. Продолжается гнилая погода.

Сегодня закончил вчерне «Корень жизни» (Секрет молодости и красоты). Если только не окажется перегрузки в сторону оленеводства и описание этого будет читаться легко, то вещь будет очень хороша именно тем, что, несмотря на ее глубокое содержание, она будет читаться всеми.

1933

7 января. Стоит без движения ровная на точке замерзания погода чуть ли не месяц (в жизни своей не помню). Под Рождество на палец пороша. И порхает-

летит весь день легкая-легкая-легкая: дунь ветер — все снесет.

11 января. Остается набело проработать четыре главы повести «Корень жизни», дня на четыре и конец. Ух!

9 февраля. Юбилей... вдруг позвонился с поздравлением Семашко *.

11 февраля. Поехал в Москву. Вечер Белого. Аудитория, как лик автора.

12 февраля. Весна света в Москве: бульвары и дети.

15 февраля. Пьеса Мейерхольда «Вступление» * — это политический очерк, в исполнении которого театр драматический пользуется средствами кино. И вообще сам Мейерхольд, кажется, и состоит именно в передаче движения, подобно как передает это кино. Через это и получается так, что второй раз на ту же пьесу Мейерхольда идти не хочется. Фосфорически курящийся след проходящей жизни.

17 февраля. Приступить к чтению дневника систематическому, с разглавлением, тематизацией и проч.

[*Загорск.*]

26 февраля. Вчера приходил студент, какой-то Чемоданов, и так сошлось, что с 11-го завода рабочий Боков собрался и с ним Костя *. Читал Чемоданов рассказ о классовом враге, представленном им в образе поджигателя. И предоставил критиковать самих же ребят, и они славно разделали Чемоданова за банальность. Договорились до того, что «враг» для писателя неинтересен даже такой, как на него обратили внимание газеты: «действует в колхозах такой-сякой» и проч. Враг — это кто мешает нам творить жизнь и радоваться творчеству.

Мы не хотим счастья, пусть оно достанется другим: будущим поколениям и даже будущим народам; но мы должны радоваться творчеству жизни...

Я рекомендовал им для изображения врага пользоваться Гоголем: он же именно этим и занимался...

9 марта. В ГИХЛе * видел корректуру «Скорая любовь». В «Красной нови» набирают «Корень жизни». Дело идет!

10 марта. Великие дни весны света: разгар полдней, утренний аромат снега, мороза и света. Вечером, даже

не во сне, а перед сном, был в Люксембургском саду и видел там все до мельчайших подробностей. В этот раз... храм любви, посвященный идее единства: любовь одна. В этом смысл брака: кто мог, кто умел, кому удалось — живет по линии счастья, которая во всякий момент может оборваться, кому не пришлось — живет с женой по линии долга и «в поте лица», но с надеждой на возможное счастье. Во всяком случае, смысл Люксембургского сада именно в единстве. И еще: мне теперь не так уже больно, как радостно, как будто мне остается собрать самые вкусные плоды этого сада.

22 марта. Разыгралась эпидемия сыпняка во всей силе, как в 19-м году. Другой раз подумаешь в отчаянии, что не стоит и жить. Но вот написалась же в этих условиях эта вещь «Олень-цветок», такая милая вещь в такое-то время! и она останется, и ради того, чтобы оставалось после себя, и следует жить, и в этом одном опора и начало спокойствия даже и во время эпидемии и войны.

16 июля. Сбор в поездку на Онего-Беломорский канал и Соловки.

25 июля. Петрозаводск и Онега. Надвоицы. В бинокль: вспомнил Надвоицы, внизу узнавал долго и вдруг увидел: черные неподвижные камни, как беззубая почерневшая челюсть... а тогда было, как белые зубы. И так за 30 лет народ русский: то русло почернело... а вода бежит по иному пути.

25 августа. По-своему изменить географию края непуганых птиц есть дело, требующее объяснения, а не просто тем самым изменение географии уже великое дело. Я даже нахожу, что мало практической целеустремленности, например, в том, что по каналу будут лес перевозить и апатиты. Я ценю это дело перемены географии тем, что многие бездомные люди, отчаянные, потерявшие всякую радость бытия в процессе творчества новой географии, возродились и, пересоздав географию края, нашли себе в нем новую родину.

1 сентября. Я не протестую против «завоевания» сил природы, но я хочу, чтобы в завоеванной силе каждый мог бы найти то же самое, что в природе находит человек личный и называет это своей родиной... Родина — это участок моего личного труда в общем деле...

[*Загорск.*]

6 сентября. Весь день работал в фотолаборатории.

7 сентября. Прочитал Пушкина «История Пугачевского бунта» и «Капитанскую дочку». Наконец-то дожил до понимания «Капитанской дочки» и тоже себя: откуда я пришел в литературу. Утверждение мира в гармонической простоте («мечты и существенное» — сходятся). Пушкин отсылает своего Онегина и вообще «героя нашего времени» к Пугачеву (Швабрин) и оставляет себе то простое, что есть в «Капитанской дочке». И теперь читаешь и как будто у себя на родине... именно это родина; моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить, то и другое для меня теперь археология; моя родина, непревзойденная в простой красоте, и что всего удивительней, органически сочетавшейся с ней доброте и мудрости человеческой,— эта моя родина есть повесть Пушкина «Капитанская дочка».

Плотина — водопад, большое инженерное сооружение, создавшее в краю новую географию. И новое русло реки, и все это новое возникло по тем же самым законам природы, как и старое русло и водопады Выга: не мог инженер делать иначе; все, чем отличается новое человеческое творчество от старого, это сроки: те сроки больше человеческой жизни и оттого представляются как бы предвечными, новые сроки меньше срока человеческой жизни. Старые надвоицкие водопады рождались в сроках тысяч, десятков тысяч лет, новое огромное сооружение, изменившее всю географию Выговского края, создалось всего в один год с небольшим!

И оттого, когда смотришь на старый водопад, думаешь о вечности и ее творце, а водопады из-под человеческой руки прямо подводят мысль к творческой родине самого человека.

Странствуя по северному строительству, я прибыл под самый конец в описанный мной почти 30 лет тому назад Край непуганых птиц, где прошел теперь Беломорский канал. С волнением думал я, дадут ли мне хорошо посмотреть на избранный мной в начале литературной деятельности для описания край, возможно ли будет сделать снимки с тех камней, по которым бежал когда-то сфотографированный и помещенный в книге

моей водопад. Все зависело, конечно, от начальника. Секретарь доложил обо мне:

— Писатель Пришвин.

— Пришвин!— воскликнул начальник.— Пришвину надо показать «все на свете и топор». Так говорят...

13 сентября. Фаворский кончил «Жень-шень» *.

20 сентября. Ночью вылился дождь весь, пред рассветом звезды явились, и с ними коснулся души человека ритм времен сотворения мира. И тут же где-то по крыше, не мешая тому большому ритму, мерно падали капли...

9 ноября. Тема для разработки: всякая нравственность, истекающая как догма, коренится в каком-то органическом недостатке преподающего ее человека. Рассмотреть под этим углом зрения мораль Толстого, Гоголя, Достоевского («Дневник писателя»).

1 декабря. Мне удалось в этом году написать вещь, «Корень жизни», которая сама по себе лучше других моих вещей. Вы теперь в современной литературе назовете очень немного имен писателей, кто был до революции небезызвестным и сейчас, не отставая, идет в уровень со временем. Невольно является вопрос, и это самый лучший вопрос, который вы можете мне сейчас задать: «Каким образом вы уцелели, Михаил Михайлович, и как это вы сохранились?» И я вам отвечу очень искренно и верно, применяя слова Гете на себя: я писатель, который в смутном своем стремлении всегда чувствует свой верный путь. Что такое «смутное стремление»? Я не могу разобрать в целом, и не хочу, но в отношении, например, языка все мне очень ясно. В смутном стремлении своем к самовыражению я всегда не умом, а сердцем своим знал, что устная народная словесность у нас не в пример значительнее, чем словесность письменная, литература. И я шел путем всех наших крупнейших писателей, шел странником в русском народе, прислушиваясь к его говору.

1934

1 января. Перевалит в начале февраля на 7-й десяток. «Творческий вечер» 2-го янв.

5 января. Стучат в калитку. Я из форточки:

— Кто там?

Тонкий женский или детский голосок:
— Здесь живет литер...атор?
Я переспросил:
— Писатель Пришвин?
Ответ:
— Сейчас посмотрю.
И, видимо, читает вслух по записке:
— Комсомольская, 85, дом Пришвина, Литер Атор.
Спускаюсь вниз, открываю калитку. Входит во двор здоровенная девица.
— Вы Литер Атор? — спросила она.
— Я сам.
И она пригласила меня читать на вечере Куркрола при МТП.
— Не знаю,— сказал я,— не понимаю даже, что значит Куркрол.
— Товарищ Атор,— изумилась она,— как же так вы не знаете: Куркрол — это курсы кролиководства.
Такие вот бывают недоразумения с этими сокращениями постоянно.

[*Москва.*]

10 января. Похороны Андрея Белого.
Он смотрел на все через себя, как на материал свой: во все входил и выходил из всего, оставляя книгу, как след своего переживания.

И его желание, скользнув по цветам на земле, по воде на реках и морях, по небу, звездам, луне и солнцу, не раскрылось в любовь.

Зажимаю в пресс книгу и, чувствуя нечто человеческое в этом,— как будто над человеком недавно что-то подобное проделывали, вдруг вспоминаю похороны Андрея Белого.

Заведующий крематорием: «Речь скажет от Оргкомитета т. Киршон» *.

Заведующий: «Прощайтесь! прощайтесь!»
Киршон: «Анализируем его творчество...»
Люди, обслуживающие крематорий, являются примером для людей государственных.
15 января. Белый сгорел, как бумага. Он все из себя выписал, и остаток сгорел, как черновик.

23 января. Как сделать, чтобы, не уступив ничего из себя, завоевать широкого читателя?

Это было всегда моим сокровенным желанием, прикрытым с поверхности формулой Мережковского: «что пòшло, то пошлó» — и убеждением Иванова-Разумника *, что оценка писателя настоящая возможна только в будущем («на том свете»). Охотничьи и детские рассказы мои были в опровержение этого демонизма и в особенности «Корень жизни».

Вычитал у Гоголя в «Портрете», что законы естественной истории являются средством Божиим, ограждающим нас всех от проникновения в жизнь нашу чудес антихриста. Значит, хотя и нет на свете «чудес», но самые законы природы, не допускающие этих «чудес», сами по себе являются чудом Божественного происхождения. Не то ли же самое пытаюсь я найти в преодолении человеком машины? Посредством законов природы силы ада и неба вступили между собою в борьбу. Законы даны против дьявола магии, но дьявол их обратил на соблазн человеку: машина стала повелевать...

[Загорск.]

1 февраля. Читая Белого о людях, с которыми я тоже имел дело, начиная свою литературу, наконец-то я понял, почему всегда чувствовал разделяющую меня с ними бездну, это потому, что лучшие из них искали выхода из литературы в жизнь, а я искал выхода из жизни в литературу. Бессознательно подчиняясь их заказу, я старался подать литературу свою, как жизнь, то есть шел тем самым путем, каким шли наши классики. А они все, будучи индивидуалистами, вопили истерически о преодолении индивидуализма до тех пор, пока революция не дала им по шее.

Что же такое «жизнь» в этом понимании? Это прежде всего значит быть вместе с другими (как в революции, их манила этим революция).

3 февраля. Выход книги «Жень-шень». Перечитываю и удивляюсь,— откуда взялось!

В художественном творчестве с самого первого момента, начала подъема, бывает соблазн прекратить подъем и отдаться изображению испытанного. И если

художник поддается искушению и начнет досрочно писать картину, он будет во власти демонов искусств, его создание будет изложением жизни, скрежетом зубовным, самообнажением и отрицанием уважения к другому человеку. Для того чтобы дать картину в гармоническом сочетании личных планов, нужно выждать соответствующий момент в подъеме, когда перевалил через себя к другому. Этот перевал очень труден для всякого, потому что бывает в нем один такой момент, когда приходится выпустить вожжи из рук, или все равно как броситься с высоты, доверяясь парашюту и в то же время зная, что: «а может быть, он и не раскроется».

Риск при творчестве состоит в том, что ты утратишь в себе художника и останешься обыкновенным человеком, каким-нибудь бухгалтером, и должен вперед помириться и принять свое бытие в жизни. Ты бросаешься в бездну с последними словами: «Ладно, если нет — буду жить просто бухгалтером». Вот когда согласишься на это, жить на земле бухгалтером, то демоны оставляют тебя и ты, как творец, являешься хозяином дела и создаешь прекрасное.

Белый не дошел до этого перевала и, далеко не достигнув «жизни», остался во власти своих демонов. Блок — более счастливый в таланте — по существу тоже не дошел до перевала. А Ремизов? Они все, большие писатели и поэты того времени, искали томительно выхода из литературы в жизнь и не могли найти, потому что не дошли до той высоты, когда литературное творчество становится таким же самым жизнетворчеством, как дело понимающего и уважающего себя бухгалтера. Литературно-демоническое самомнение закрывало им двери в жизнь.

20 февраля. Два последних лета я не жил на Журавлиной родине из-за трудности переезда от меня из Загорска туда, хотя весь переезд сорок верст! С вещами на паре рублей за двести, пожалуй бы, и отвезли, да ведь и назад двести, да раза два-три надо за лето все-таки съездить и за провизией, и для связи в делах. Очень дорого выходит, да так вот и остался дома сидеть, и прошло два года, я стал тосковать по болотам, как будто действительно, как журавль, заблудился и потерял свою родину. Однажды ночью и даже прямо во сне, мне пришла в голову мысль о том, что выходом в моем положении будет машина: сорок верст

для машины какой-нибудь час,— один час — и я на Журавлиной родине. Эта мысль, как бывает во сне у охотников, растворилась в особенно остро-радостном чувстве природы, где уже не журавли летали и не обыкновенные синицы, а какие-то прелестные птиницы. Утром, сохранив в себе одно лишь чувство приятности сна, я мало-помалу от птиницы до птиницы, как по лестнице, добрался до мысли о машине, и мне показалось, что ведь это возможно: теперь их делают у нас и, если я теперь заявлю, меня запишут в очередь и рано или поздно дадут.

Уже через три дня пришла бумага от Совнаркома с распоряжением дать мне машину; я через несколько дней, обегав издательства, наскреб необходимую сумму для выкупа автомобиля. Одновременно с получением письма от Совнаркома я, вообще по природе своей бесконечно далекий от машин, стал понимать себя в положении земледельца, или кустаря, которому достался по билету лотереи автодора автомобиль: это может быть отличным сюжетом рассказа, в котором можно будет изобразить психологию земледельца и нового для нашей страны человека, водителя машины. Много раз я к этой теме старался подойти и с этой целью осматривал большие заводы. И нет! я не мог найти случая, чтобы не одной головой, а всей личностью, цельно соприкоснуться с машиной. Теперь же так выходило, что машина, как волшебная сила, могущая в любой момент переносить меня к птиницам на Журавлиную родину, входила в состав моей творческой личности.

22 февраля. В третьем часу дня за мной прислали машину из Москвы, чтобы поймать автора и заказать ему фильм для кино.

27 февраля. Фильм посвящен природе и охоте. Исходным материалом для сценария берутся сочинения автора «Новая Даурия» и «Корень жизни» *. Режиссер Литвинов.

3 марта. Вчера был Литвинов с помощником. Мой метод работы: сценарий должен быть произведением словесного искусства, но не шпаргалкой для режиссера. Я работаю с режиссером и труппой, начиная от этого заседания, кончая постановкой.

10 марта. Если я для своей книги беру материалы из природы, то критику моя книга должна быть, как сама природа, и чтобы о ней верно сказать, он должен

стать к ней в такое же отношение, как я был к природе.

17 марта. Наклюнулся месяц, тихонечко где-то, очень несмело для самого близкого друга журчала вода, а какое нежное небо и звезды... Все старое лучшее, оказалось, живет со мной, и я думаю: именно вот в этом и есть смысл жизни, чтобы летающий 300 км в час человек сохранил в себе весь опыт пешехода...

О конструктивизме. Мы все понимаем и чувствуем это на каждом шагу, что всякая форма *рождается* и даже непременно рождается она в труде, в туге и прямо в мучениях. Мы тоже знаем, что форму можно заимствовать и облекать в нее любое содержание. Мы еще знаем, что подобный «формализм» или конструктивизм является вреднейшим суррогатом творчества, известным под названием «халтура», что халтурщики это не только воры, а еще и воры с претензией на творцов. И все-таки, зная это, мы стремимся все больше и больше «открывать» методы творчества и давать их в руки ворам.

23 марта. Сценарий как будто очень хороший, но в нем один лишь недостаток: фильм получится ниже книги: это не творчество, а приспособление к кино. Возможно ли кинотворчество, то есть начало дела и конец его исключительно средствами кино и для кино.

25 марта. Продолжаю думать о вреде «открытий» методов творчества для всех: открывается путь жуликам, между тем как подлинный творец идет по неоткрытым путям. «Открытие» тем хорошо, что не только творческие натуры побуждает искать новых путей.

31 марта. Видел «Петербургскую ночь» Рошаля *: этот психологизм мне напоминает фотографию, залезающую в живопись: портрет под Рембрандта, пейзаж под Левитана,— так только жалко кино озвученное, залезающее в психологию Достоевского. Все и так и не так: что-<то> вроде иллюстраций, существующих лишь потому, что существует основная вещь. Даже придумка такая удивительная, как связь через песню музыканта-творца с каторжанами: все это дается, воспринимается, как напоминание о народном, но не народное...

Надо в кино, как и в фотографии, пользоваться их собственными средствами... И если там, в этих ресур-

сах нет идей, то пусть лучше будет кино без идей, как американские фильмы, чем идеи эти будут доставаться из литературы.

Исходить кино должно от документа...

3 апреля. Я думаю, что основной признак пьесы для кино должен быть тот, что эта пьеса может быть исполнена только средствами кинематографии. С этой стороны ни «Гроза» *, ни «Петербургская ночь» не выдерживают критики («Гроза» просто опера даже).

8 апреля. Читаю Гоголя и думаю о смехе, что вот Гоголь смеется, а все ученики его уже смеяться не могут: А. Белый, Ремизов, Мейерхольд и все, и это их всех ставит под вопрос. Мне кажется, новейшая литература тоже характерна отсутствием смеха. Вещь может быть, конечно, талантливой и без юмора, но юмор есть признак таланта, и почти безошибочно можно сказать, что автор вещи смешной талантливый человек.

9 апреля. Ненависть родственников, сына к отцу и всей среде, как у Островского в «Грозе», или в той же пьесе ненависть постороннего человека, так сказать, условия универсальные, боюсь сказать пристрастно, ненависть вообще распространена режиссером, между прочим, и на ту среду, которой писатель Островский касался диалектически: любя, ненавидел. Островский хотел бы исправить эту среду, режиссер уже после гибели ее вбивает в могилу осиновый кол. От этого совсем не получается той драмы, которая нас волнует в «Грозе». Получается картина мучений немножечко тронутой женщины с безвыходностью морального чувства в ее потоплении. Публика уходит, не размышляя, как в драме. Из этого рождается вопрос: имеет ли право «гениальный режиссер» в творчестве зрелища, до полного забвения мотивов, которым руководствовался писатель, создавая свою пьесу?

9 мая. Опять непомраченное утро во всем великолепии. Лес оделся, и как будто зеленые горы стали перед нами. Все поет. Но я, как всегда, в это время лишаюсь способности, как все говорят, творить, и как я понимаю, дополнять от себя, чего не хватает в мире: теперь нечего дополнять, все полно, и не мне, а кому-то другому прийти и взять это счастье.

Начинаю думать за рулем.

15 июля. Рожь налила, желтеет, колосья гнут соломины. Синеют васильки.

Есть чувства, возбужденные так давно, что источники их в сознании утеряны: толчок дан на всю жизнь, и действуешь, а начала нет. Так было у меня с Достоевским: несомненно, питался всю жизнь этой благодатью жалости и давным-давно, пережив ее в себе, претворил в чувство природы. И вот теперь кажется, вновь возвращаешься к своей юности и вопрос Ивана Карамазова является вновь во всей своей мучительной силе.

Сколько, например, истрачено сил на борьбу за личность, единожды являемую в свет: и действуешь просто верой, просто внутренним чувством правды, а между тем вышло это, конечно, от Достоевского, а через Достоевского из христианства, через христианство из культуры всего человечества с древнейших времен

31 июля — 3 августа. Воруланинов Егор Евдокимович, тишайший бунтарь и глубочайший личник, характеризует (из плена) национальности.

Вот было раз у нас в лагере, слышу, унтер бьет нашего и тот стонет на дворе. Я был переводчиком и спешу: часто, бывало, немец бьет, а тот не понимает, за что бьет. Ну, я, как переводчик, вступаюсь. Прихожу на двор и говорю унтеру: «Даст ист нихт гут». Он отвечает: «Нихт арбейт». Я Ивана спрашиваю, почему ты не хочешь работать. «А у меня,— говорит,— голова болит, я не могу, все ходуном ходит: у меня же всегда если болит голова, я работать не могу, а он не понимает и бьет».— «У него,— говорю унтеру,— голова болит, Копфшмерден».— «Так почему же он не скажет, так бы и сказал, а я ведь думал, он не хочет». И тут же освободил от работы.

Нет, у них совесть есть, только не живая, а их совесть в закон перешла. Они ведь как живут: вон стоит дом, живет, и знают все, что живет, а как живет — нет никому дела. У нас же все разберут до мелочей, потому что у нас совесть живая и товарищество.

Русский человек, ну, что такое: бедность какая, смотреть не на что, а совесть живая и без товарища не может и не понимает, как и зачем жить без товарища: кусочек достанет чего-нибудь и поделится с другом

и благодарности не примет, а только скажет: ну, ладно, когда-нибудь сочтемся, мне будет плохо — к тебе приду. Есть, есть и у немцев тоже, но только это в закон у них перешло, и к человеку там надо подойти через закон.

14 <августа>. Выехали в Москву утром, и я определялся в делегатских делах *.

7 сентября. Хорошо политику действовать, разбивая людей на классы и внутри классов, ставя расчет свой на среднего человека. Хорошо математику строить, пользуясь даже бесконечностью, как знаком. Но я, художник, не только бесконечность, а даже таракана в своем изображении не могу обойти и в тараканьем существе должен открыть тараканью личность.

Прочитал повести Гете, от бунта («Вертер») до порядка («Избирательное сродство») и понимаю это не как произведение искусства: эти повести распались на кусочки; все равно ведь и «Фауст» Гете распался: золотой памятник распался, но все равно это золото. И так все распадается, будучи усвоено. Вопрос, кто дольше... Почему Шекспир и сейчас читается, как современная вещь? Есть ритм жизни, и кто в нем — тот долговечен, а то от себя, и это на срок («Фауст» от себя).

27 сентября. Историю великорусского племени я содержу лично в себе, как типичный и кровный его представитель, и самую главную особенность его чувствую в своей собственной жизни, на своем пути, как и на пути всего народа,— это сжиматься до крайности в узких местах и валить валом по широкой дороге.

Старая дорога народов нашей страны то сужается до тропинки, то расширяется до горизонта, и человек тоже,— это очень верно сказано еще у Ключевского,— то сходит почти что на нет в узких местах, то валом валит с гиком и гомоном по широкой дороге. И я, ненавидя все это, как интеллигент, в сокровенной глубине своей, тоже такой точно, сокращаюсь с ругательством и, как получшеет, расширяюсь с песней и не помню зла. Задумываюсь, иногда в беде даже ставлю точку на память, чтобы потом, как все порядочные люди, не забыть и не простить врагам обиды, но зарубки эти ничего не помогают, время придет, получшеет и переменится все,

все точки и зарубки пропали, точь-в-точь как весной при разливе вода все старое уносит в неизвестность морей.

2 октября. Мои вечные спутники — поэты: Лермонтов, Блок, Есенин; Пушкин тоже бы, но тут начинается вопрос, который, усиливаясь, делает мне совсем недоступным: Брюсова, Маяковского и других подобных больших, в том числе и Гете. Этот вопрос о рукотворности вещи, мне поэзия должна быть как молитва. Из прозаиков у меня живут: Шекспир, Толстой, Достоевский, Гамсун *.

7 октября. Сколько всего прошло, а моя фирма Михаил Пришвин продолжает неизменно с 1905 года оставаться на своем пути и выпускать теперь книги даже и того далекого времени. Скрытый враг постоянно отстраняет меня от успеха и признания в данном отрезке времени, но когда этот отрезок проходит и наступает другой, то мне начинает казаться, что тот скрытый враг на самом деле был мудрым другом моим и охранял меня от успеха в том отрезке времени. Так вот один поэт напечатал в «Известиях» поэму «Мой путь в РАПП», а на другой день эти же «Известия» напечатали распоряжение правительства о роспуске РАППа.

Кто этот сокровенный друг? Я не думаю, что это вообще кто-нибудь лично. Скорей всего это сила, исходящая из совокупного действия живых и мертвых, поддерживающая своих любимцев, и это уже мы, ее любимцы, невольно по своей привычке представляем ее в форме лица.

10 октября. Иного человека коренная *обида* заставляет взяться за перо, другого за браунинг, и это люди совершенно разной природы. Чтобы взяться за перо, надо пережить стыд про себя, от чего-то отказаться, смириться, что-то необходимейшее для всех обойти и, затаив горе, оттуда начать свой путь, как будто ничего и не было себе самому.

22 октября. Как будто с боку на бок переворачиваясь, где-то в тьме пыхнул: «пых-пых!» — на всю округу паровоз и свистнул. Вслед за тем петух прокричал, и я, понимающий себя в этот заутренний час, как ребенка... Да, я это не легко, не для красного слова говорю, а с усилием и с твердостью, что встаю до света, чтобы застать в себе еще сохраненного ребенка, исчезающего

на восходе, когда я принимаюсь за дело, как взрослый человек. Вот петух прокричал, и мой ребенок стал спрашивать и думать.

4 декабря. Одно время, когда я был на просеке, явилось солнце, и в оснеженном еловом лесу на просеке было до того прекрасно... Вот бывает красиво так, что хочется из этого что-нибудь делать и тут же записывать в книжечку, но бывает до того красиво, что и в голову не приходит записывать, а только жить хочется, и вот это именно и есть настоящее счастье!

Писателям дали самую широкую возможность путешествовать, и многие до того доездились, до того привыкли питаться чужим, что вовсе потеряли себя и сделались «очеркистами». Между тем настоящий писатель эту возможность ездить по свету понял, как скупой рыцарь свой подвал с золотом: и, дорожа своим подвалом возможностей, писатель сел на место и стал, сидя на месте, весь мир облетать... Есть ли такой писатель? Есть, но еще в утробе матери-жизни. Ему скоро надо будет пуповину отрезать, и он полетит, и его писания будут для всего света, это будет универсальная литература...

1935

2 января. Читал в 3-й школе свои рассказы детям.

4 января. У Замошкина был Парфенов (писатель?) * рассказывал про Бетала Калмыкова *. Сочувствие моей поездке в Кабарду (все говорят,— «писать не роман, а Кабарду, роман написать еще успеете»).

8 января. Вспоминаю из беседы с библиотекарями, что кто-то благодарил меня за «мужество оставаться самим собой», и другие это горячо поддерживали.

24 января. Оглянешься на прошлое — что пережито! — и страшно подумать о себе теперь: как я могу после всего жить так обыкновенно и как будто без отношения к страшному опыту...

Когда интеллигенция от меня отошла, я припал к народу и пил из него слово, как ребенок пьет молоко у кормилицы, и это дало мне жизнь какую-то... живую, хотя иной раз и страшно думать, что после всего я живу...

7 февраля. Характер поэзии Л. Толстого — мужество, правдивость и чистота...

10 февраля. Читаю «Бесы». Способность Достоевского схватывать читателя. У Толстого, наоборот, не он, искусник, схватывает, а то, что он показывает: читатель, любуясь богатством показанного, переходит от странички к страничке. У Достоевского, ужасаясь, охая... Достоевский намеками... загадками... Толстой силой вещей самих по себе...

14 февраля. Выступление на заводе «Серп и молот».

4 мая. Петя приехал из Москвы, решено: едем в Вологду, а потом на Пинегу. Сейчас Пинега еще не трогалась. Там люди только лесом живут.

Теплый вечер, в большой тишине четко высвистывали певчие дрозды, и их короткие песни значили, как слова управления событиями в этом ходе зари. Кое-где еще белели остатки майского снега, и в то же время сегодня начала кукушка: значит, кукушка прилетела на неодетый лес — не к добру! Такая тишина, что рост этих березок, наполненных соком, был понятен и близок нам, людям. Вот эта сосновая роща... ели начали разбивать порядок посаженных сосен, березы прибавились... подошли ели к ручью, и в нем дикий лес... Никогда эти деревья не бывают так расположены к человеку, как в такой вечер, почти человеческие слова высвистывают певчие дрозды — нет у них своего сознания, но они рады и отвечают сознанию, если появляется со стороны.

6 мая. Петя 8-го достает палатку, все закупает и вечером к нам, а 9-го вечером в Вологду и 10-го в полдень там.

10 мая. Светлое утро. Проснулся я возле Данилова в поезде, окруженном бревнами.

В 12 дня. Вологда. Вечером гуляли по берегу Вологды: молевой сплав *, отражение церквей, зорька... Архиерейский парк, погибающий со всеми своими монплезирами. Холодно.

12 мая. Раннее утро, светлое, потом дождь, крупа, холод. Ходили в музей.

15 мая. Ехать, ехать скорее, чтобы войти непосредственно в лесную среду! но с пароходом, кажется, плохо: кажется, сегодня не пойдет.

18 мая. Незадолго перед Устюгом высокие живописные берега Сухоны перешли в знаменитые опоки. В Ус-

тюге Сухона слилась с Югом, и началась широкая «малая» Двина. Месяц красный огромный над водами. И капитан почувствовал и сказал: «Вот бы снять!»

19 мая. В 6.35 вечера мы сели на пароход «Иван Каляев» и поехали по тихой великой Двине, в которой теперь прибавилась Вычегда.

С берега до берега так далеко, что светлою ночью невозможно разобрать, что там на другой стороне.

20 мая. Мы приехали в 5 утра. Совершенно тепло. Вчерашний день надо считать переломом. Снег, медленно таявший до сих пор в лесах, дал воду. Внезапно сплав, проходивший до сих пор на низких горизонтах, пошел на высокой воде, и затрещали запони, выдерживая давления своих нагроможденных «пыжей» *.

Почтарь согласился увезти наши вещи на высокий берег Двины, вслед за подводой вскарабкались мы и попали в Верхнюю Тойму — районный центр, ныне проглотивший совершенно когда-то небольшую деревеньку.

Мы вышли за околицу к ручью в овраге, возле которого лежал еще снег, и стали записывать. К нам подошел мужчина с лопатой в руке и сказал нам, что в лесу, в ельнике, везде еще снегу очень много (что делают леса!) и что он сейчас не видит особенного запаздывания весны: здесь случается, что и на Николу 9/22 мая везде санный путь. Сам он, охотник из Выи (на Пинеге).

И человек этот, и рассказ его о зверях и птицах, и эти хлопоты и неурядицы в пути при скитаниях,— все это до точности сложилось с тем, что я испытывал 30 лет тому назад в поисках на севере страны непуганых птиц. И так теперь понятны мечты о такой стране, возникающие в ряде трудностей самого путешествия: удирая от клопов и прочих удовольствий на одном месте, надеешься на другом месте найти себе место получше и, не находя, движешься все дальше и дальше, незаметно скопляя у себя в уме и сердце запасы для создания страны непуганых птиц. И в самом деле, как только увидишь птиц — так и обрадуешься и хорошему человеку. И сейчас у меня сохраняется полная уверенность, что страна эта существует, и только мы не умеем, не хотим даже сделать личное усилие для ее достижения (нужно по крайней мере ноги отрезать человеку,

чтобы он начал чувствовать бесконечную цельность жизни).

22 мая. Перевозчик старик переправил нас на ту сторону бурной лесной Тоймы. Там в Сухом Носу нас ждали «ледяночки», лучшие лошади обоза, работающего на ледяной дороге. Снимал старика на Тойме.

23 мая. Суровая погода, вот-вот снег или дождь. Вся красота, вся прелесть севера в этих нечаянных улыбках природы, когда вдруг с тебя как бы сваливается все бремя, и ты все прощаешь... Так вот тут в этом бору бессмысленный пожар погубил лес: на десятки верст он лежит обгорелый, черный. Но теперь после дождя в сверкающих каплях, везде почти закрывая черные стволы умершего леса, поднимался молодой сосняк.

26 мая. Одни местные люди говорят, что весна эта небывало холодная и задержалась недели на две, другие понимают, что и все так на севере: в мае всегда холодно, и только в конце июня да в июле тепло, а в августе опять начинает свежеть.

Надо и хочется пробиться в Чащи посмотреть лес, не видавший топора, и боязно. Верно, придется здесь посидеть и подождать более теплой погоды.

27 мая. Ночью, верно, был мороз, с утра при солнечном свете холодней, резкий ветер, спина моя больше и больше болит: хоть реви, а ехать надо в Чащи, иначе выйдет, что весь север объехал, а леса не видал.

Пришел охотник Осип Александрович Романов (51 г., из дер. Волыново), который будет нашим проводником в Чащи. Это следопыт совсем как Дерсу. Как и у многих здешних людей, у него тоже есть особенная интеллигентность, свидетельство внутреннего благородства, в речи его почти всегда есть скрытое значение, как у героев Ибсена *.

30 мая. Не доезжая двух километров до Коды-Россоха, мы вышли на берег и поднялись на крутую и высокую слуду *. Все распускалось вокруг нас на берегу: березка маленькая, куст смородины, для всех взрослых пахнущий золотой порой детства — было оно или не было, и лиственница. Впервые в тепле после дождя я почуял, наконец-то, и тут общий аромат земли и весенней жизни.

Сколько раз я обманывался на севере, принимая улыбку природы за переворот и начало нового этапа весны. А на севере весна идет не этапами, а улыбками: обрадует тепло и опять холода, и в холоде все движется вперед холодно и деловито: зеленеют наволоки, раскрываются почки смородины и лиственница, на вид засохшее хвойное дерево, начинает зеленеть.

1 июня. След оленя к воде и на той стороне: переплыл.

Губин продолжает говорить стихами: «Придет человек неведомый. Приедет на белом коне. И будет списывать. Кто за новую веру подпишется — тому конец».

Мы вышли на слуду и пошли короткой тропой. Пришли на малую речку Кодава, тут много избушек охотников. Дальше пошли, впервые увидели белый мох, обрадовались, снимали. Но скоро попали на осеку *: всюду на белом лежали верхушки, лежали закрещенные комли *. Безобразие нарастало и на рассошине Кода-Мелетина (тоже сплавная, в том и дело, что весной каждый ручей в северном лесу превращается в сплавную реку) наросло до полного безобразия: пузырились обнаженные реки, текущие среди брошенных грудами и крестами деревьев. Я сидел под уцелевшей лиственницей, разминал пальцами зеленые почки листика смородины и смутно думал о том: почему переход культуры от маленького окошка к более светлому непременно сопровождается таким злом, что у некоторых возникает вопрос: да стоило ли из-за более светлого окошка столько губить.

2 июня. Часть вещей и продовольствия оставляем в клети при маленьком замочке (для виду). Все кругом с гордостью говорят, что у нас никто ничего не возьмет.

Отдыхали в избушке Осипа на Коде. Заперли в клеть продукты и налегке отправились в Чащу.

В огромном порогистом, но девственном лесу одна кукушка неустанно звала людей к дружному севу, и мы шли уже давно, давно ночью, а верхушки гигантов сияли в солнечных лучах.

3 июня. Лес в своем понятии содержит столько поэзии, что только самый простой человек может восхищаться, подсчитывая кубометры: этот лесок все оправдает.

Не только лес рубить надо, если он поспел и если правильно рубить, а если время пришло, оправдалась жизнь, то и самому умереть ничего...

Перешли через р. Кислую и вошли в бор, похожий на Сокольники или на Лосиноостровскую *. После всех трудностей нам, конечно, такой чудесный бор был как рай, но в то же время мы были и смущены: зачем было так далеко ходить, если почти такой же рай есть под Москвой. Так вот мы живем и не знаем и не хотим понять, что живем в раю...

Тут вся тема: нет на свете более мрачной силы, чем та, от которой люди страшно угнетены и несчастны,— это сила привычки. Привычка лишает выбора.

Привычка — это паутина: ее выпускаем мы из себя, ею опутываемся и ничего не видим, даже рядом с собой из своего кокона.

8 июня. Выехали на карбасе вниз по Пинеге, нас сверху провожали.

12 июня. Мы решаем двигаться дальше. Через некоторое время беру управление, Петя ложится спать. Какое это счастье совсем одному в такой невероятной глуши.

Вот на короткое время даже кукушка смолкает, и красная вечерняя заря из-за леса ложится впереди меня в воду. Это малиновое пятно в воде между лесными берегами так и остается, и пока оно побыло немного — это и была ночь, а потом вокруг, не светлея — куда же больше светлеть! — стало белеть, здороветь, я сам в себе почувствовал бодрое радостное утро, и со всей силой во всех сторонах забили кукушки. Восторг, безмерная радость...

13 июня. В 11 утра деревня Пагонец по речке того же имени. Мы подъехали к пристани; там же на берегу возле пристани на примусе варили кулеш...

Сменяясь, едем вечер и ночь.

18 июня. В 4 дня приехали в Пинегу, которую нечего было смотреть: один из самых захолустных городков старой Руси остался в своем виде, хотя сломали собор (наполовину) и устроили кино.

19 июня. Архангельск, как и прежде, не содержит в себе ничего терпко-провинциального (как Вологда и особенно Пинега), особенно неприятного теперь своей

как бы двойной смертью: и прежней и нынешней... Архангельск, как Петербург,— окно в Европу.

20 июня. Архангельск. Чем-то похоже немного и на Владивосток: каким-то образом море дает знать о себе: что-то большое живет здесь близко, огромное... С морем еще нельзя так распорядиться, как с лесом, и на море человека нельзя так унизить, как в лесу и на пашне.

Земля на севере — что ни выдумывай, как ни бейся, плохая земля: мало родит, и жить на ней неуютно и неутешно. Эта земля как будто подсказывает человеку, что надо садиться на корабль и начинать иную жизнь и сделаться на воде другим человеком, независимым от болот и зябели, зеленых годов скудной северной земли.

26 июня. В три ночи сошли в Александрове (наш поезд в Загорске не останавливается) и ждали местного поезда.

В Архангельске зацветает черемуха, у нас под Москвой доцветает сирень и начинается сенокос.

По всему видно, по широким листьям, по густоте и силе зелени, по высоте цветущих трав, что жили они тут без нас очень хорошо.

30 июня. Ничего не могу сказать вам о том, как мне после севера показалось в нашем березовом лесу с высокой цветущей травой: это счастье пришло. А когда счастье приходит — уходят слова.

10 июля. Любовь к врагу и вообще к ближнему, и не только любовь, а просто внимание к ежедневному достигается только удалением от него и последующим возвращением. Путешествие ценно не так тем, что оно обогащает человека новым знанием, как тем, что открывает глаза на близкое. И есть путешествие в такую отдаленную страну, возвращаясь откуда, люди могут понимать любовь к ближнему и даже к врагу,— только надо очень далеко уехать: я там не бывал.

22 июля. Соблазняет решиться устроить окончательно свою старость на Журавлиной родине, чтобы там жить до конца (редко появляться в Москве).

Самая опасная охота на диких зверей является лишь забавой детей старого возраста. Единственно опасным для всех зверем, на которого нет охоты и выходят на которого лишь поневоле,— это зверь, обитающий в человеке. Множество людей, сами того не зная, живут

только страхом этого зверя, ненависти к нему, презрения, но еще большее множество при каждом удобном случае сами обращаются в такого же зверя. Конечно, есть и настоящие люди, охотники на этого зверя: ими жизнь продолжается. Но нерадостная эта охота... (Гоголь) что-то вроде охоты на смерть.

3 августа. Результат моей статьи «Переславские кручи»: бор от озера до Усолья объявлен запретной зоной.

6 августа. Но время подошло к практике и действию. Мы ждали пророков, а пришли экономисты.

Теперь, конечно, и слепому видно, что люди на земном шаре живут весьма непрочно и мы здесь, люди, стерегущие время, конечно, счастливей обеспеченных людей на Западе.

28 августа. Снилось мне, что я будто бы и с Ефросиньей Павловной и Петей сняли комнату внутри квартиры, где живет и она *. И мне очень хорошо, потому что я не такой, как был тогда, беспомощный, а сильный, известный всем, славный... Она живет как бы невидимо, и мне предстоит встреча, только встреча и больше ничего, потому что вся жизнь отдана этой встрече.

Давно я не видал таких снов — откликов моей личности на встречу с ней почти 40 лет тому назад: ведь сорок лет из года в год непременно снилось. После этого разве я не поэт? А фацелия с пчелами и рыдающий агроном Зубрилин! (Слова его: «И ведь больше никогда, никогда не придет!») * Неведомый друг! Как глубоко он скрывается, как невозможно трудна наша встреча! Писать именно и надо об этом...

3 сентября. Прочитал 1-ю книгу «Кащеевой цепи»: очень упрямая книга, строго личная и в то же время эпическая: какой-то лирический эпос и попытка отстоять романтизм в марксизме. Местами несколько перегружена излишней отделкой деталей: читатель должен от этого уставать, а рядовой читатель бросить книгу. Но это ничего: книга эта, как хорошо засоленное мясо, изготовленное впрок, не сразу, взрывом захватит всеобщее внимание, но постепенно годами от лучшего читателя к лучшему и соберет в длинном времени лучших не меньше числом.

Надеюсь, во 2-й книге найти большую стройность композиции и потому более легкую чтимость. А «Журавлиная родина» — философским венцом этой вещи, и можно надеяться, что в этом венце «Кащеева цепь»

наконец-то откроет свой смысл, о котором еще никто ничего не сказал. И если «Колобок» только за 30 лет утвердился, то «Кащеева цепь», наверно, сократит этот путь, хотя бы лет на 10 (десять уже прошло).

5 сентября. Прочитал вторую книгу «Кащеевой цепи». Из 256 стр. ее 115 написаны в полном единстве действия ничем не хуже «Жень-шеня», но дальше картины сшиты, хотя и гораздо искуснее, чем в первой части. Новостью для меня было увидеть, что весь «Жень-шень» содержится в этой книге. Моя личная жизнь в своей сокровенной сущности представлена здесь до того обнаженно, что обычно присущая мне ясность зрения на вещь со стороны утрачивается. Мне кажется, что со стороны могут пожалеть Инну Ростовцеву, обыкновенную девушку, возведенную женихом в недоступную Прекрасную Даму. И в этом, и в некоторых поступках Алпатова не хватает той законченности анализа, после которого наступает ясное понимание у читателя неизбежности случившегося и необходимости его изображения. Мелькнет иногда, не в том ли дело, не в том ли смысл вещи и цель автора, чтобы представить нам в жизни две правды, большую и коротенькую; причем в Германии между правдами существует некоторая гармония: благодаря этому малая правда роскошно и прочно устраивает повседневную жизнь людей; а в Петербурге обе правды враждебно распадаются, и человек становится двойным: на службе один, дома другой. Инна является как бы душой этого смертельного для всякого цельного действия раздвоения. Алпатов, предназначенный автором к цельному героическому действию (разбить Кащееву цепь), при встрече с Инной как бы распадается и готов уже окончательно исчезнуть под поездом, но уцелевшие в нем капли здоровой крови матери спасают его. Покончив с Инной навсегда, он тем самым кончает с тем раздвоением, которое было во всей стране: Петербург и народ. Алпатов уходит в ту первично творческую среду, которая называется природой, и от одного только прикосновения с ней возрождается.

7 сентября. Когда у меня довольно собрано материалов, чтобы написать что-нибудь, я не пишу, а дожидаюсь чего-то. И действительно, по мере того как материал отдаляется, вокруг него образуется как бы своя волшебная атмосфера и все лучше, и лучше. А писать все

не хочется. Начинается тревога,— как бы материал в этой приятной дымке совсем не ушел. И мало-помалу он, правда, уходит, пока, наконец, является вопрос: да и было ли что-нибудь? Вот тогда, пересмотрев записанное, открываешь в нем горючее и сам загораешься. Это значит, овладеть своим материалом.

9 сентября. Начал «Войну и мир». Как неестественны вначале Андр. Болконский и Пьер, и как скоро привыкаешь, вовлекаешься, и кажется, так это и надо. В рассказе главное — это особый, свойственный только художникам, порядок раскрытия мысли. И главный признак бездарности и непонимания — это логический порядок. Именно вот и трудно это, и надо, и редко выходит, чтобы мысль раскрывалась не логически, а как бы волшебно: так бывает, заблудишься в лесу, и те же самые знакомые полянки, перелески, деревья представляются невиданными. Сила толстовского рассказа и заключается в необычайном порядке раскрытия мысли.

16 сентября. Читаю «Войну и мир». И, к счастью, нахожу, что Толстой жив и близок и что некоторые слова его еще в юности запали в меня и дали возможность самоопределяться. В особенности близко мне: «Пьер был один из тех людей, которые чувствуют себя сильными только, если они чисты». А у меня так даже малейшее сомнение в себе в отношении жены или сына делает невозможным писание...

Сила Толстого в способности приблизить.

27 сентября. Вышел 1-й том моего Собрания «Север»*. Второй том «Кащеева цепь» сдан в работу. Третий том «планирую».

2 октября. Маленькие рассказы у писателя — это знаки его личной живости и непосредственного участия в жизни. В кабинете, как роман, их нельзя написать; если так их будешь писать, выдумывая,— они будут вялыми, как вялы все решительно бесчисленные подражания итальянским новеллам. Хороши эти рассказики, когда, кажется, сама искрящаяся жизнь их дает и автор на ходу схватывает эти искорки (разумеется, потом тоже в кабинете превращая их в рассказ).

6 октября. В замысле каждой моей книги было сделать ее для детей, но потом оказывалось, что «детскость» эта относилась не к читателю, а к форме, или к манере: чтобы брать в книгу те вещи, на которые удалось бы просто, по-детски и как бы впервые взглянуть.

Упражняясь в этом, я достиг того, что некоторые мои маленькие вещи удались и как детские, и для всех. Вот теперь и при создании «Леса», надо сделать не «Женьшень», не «Соки земли» *, а «Колобок» в простоте, доведенной до «Гаечек».

10 октября. Стволы гигантских лозинок с облетевшими листьями, черные, резные, выразительные, распространяли свои ветви над домиками, сливших в лунном свете свой милый ярко-зеленый мох с тенями. В одной только избе нет окон, и оттуда какие-то доски торчат. Кончилась жизнь человеческая, отслужила изба. Но деревья... как высоко они поднимаются! Я не знал этих людей. Мне кажется, жили эти деревья, а люди были и прошли возле них. Деревья добились своего, им ведь надо было стать выше, как только можно стать ближе к солнцу и раскинуться во все стороны как можно шире. Они в этом сделали все, что только могли, раскрыли все возможности, заложенные в их семени, и оттого при лунном свете они так выразительно определяются в своем достоинстве. А кто эти люди?

Кончились люди. Луна, звезды, огромные деревья и я, томящийся по другу, которому надо о всем этом сказать.

14 октября. У писателя в его книгах должно быть, как у самого хорошего хозяина: все вещи собрал любимые, знакомые и нужные.

Жизнь писателя тем страшна, что те два-три часа и то не каждый день — ведь только каких-нибудь два часа творчества! Остальные часы, 22 часа в сутки, пустые часы эти существуют лишь для подготовки тех двух настоящих часов жизни; у людей нормальных жизнь должна оставаться цельною во все 24 часа.

17 октября. Книга «Зверь Бурундук» сдана в печать.

24 октября. Ночью... ведь все продолжает сниться (33 года!). Я прихожу в какой-то дом и знаю, что в комнате рядом, и знаю, что сейчас нет дома, ожидаю. Слышу, приходит, в темноте фигура. И начинаем ходить по комнате взад и вперед... И почти все. Но какое счастье! Боже мой! как же это люди не видят, что вся поэзия из этого выходит, что все поэты (даже Пушкин) врут о своих «шалостях» и совсем это у них пустяки... все рыцари бедные, и Блок... («одно виденье непостижное уму») *.

4 ноября. Мы ведь все в любви своей от невесты в приданое получаем звезды и месяц, и песенки, но куда-то они деваются после брака. Наверно, мы тратим их, а надо это сохранить, все это большое небесное и земное хозяйство, получаемое нами в браке от женщины.

6 ноября. Окончил «Лес Берендея». Праздновал.

7 ноября. А. М. Коноплянцев * посоветовал мне «Лес Берендея» переназвать «Берендеева чаща».

12 ноября. За поэзию нельзя давать ордена и чины. Разрешение быть самим собой — вот все, что может поэт искать у граждан для себя, и на всяком месте оставаться поэтом — вот его долг и его гражданственность.

14 ноября. Первая любовь для мужчины только в редчайших случаях делается любовью брачной. И вот была одна первая любовь, только одна на всю жизнь (поэтическая аскеза)... И там ничего, и все зря: разряд в пустоту, а песня остается, радостная тень любви: так создался «Жень-шень».

1936

[*Загорск.*]

1 января. Народ валил весь день из леса с елками (после 18 лет запрещения можно и порубить). Чувствовался глубокий перелом жизни и пока в хорошую сторону.

26 января. Создавая детский рассказ, писатель должен не склоняться к маленьким детям, а их поднимать, узнавая их потребности через своего личного ребенка, в существе которого, собственно говоря, и заключается то, что называют талантом. Мне иногда представляется, такого рода «талант» заключается почти в каждом человеке, но что люди именно это самое нужное для создания нового человека, нового общества знать не хотят.

1 февраля. Бросился в Москву от страшной и беспричинной тоски. Все размотал в разговорах.

10 февраля. Свидание с Калмыковым. Бетал: «Я читал «Жень-шень» — вы хорошо знаете зверей — у нас много зверей, только не Лувен, а Бюль-Люль».

13 февраля. Отъезд 1-го марта.

15 февраля. Мелькает возможность путь «Жень-шеня» развить на материалах Кабарды: строительство осветить изнутри светом интимной жизни личности.

22 февраля. Леонардо считал живопись величайшим искусством, литературу, как искусство от слуха, а не глаза, считал ниже ее, и даже часто о литераторах говорил заодно с математиками. Вот отчего и я сопротивляюсь Белому: я, исходящий в литературе исключительно от глаза, вижу в Белом «математика», это действительно математик от литературы.

24 февраля. Заболела Павловна. Вчера мне она рассказывала, как она песням научилась. Бывало, ни одной работы без песен не проходило: зимними вечерами спать хочется, песня не дает спать. А на поле! Как ведь устанешь, и не больно-то сытно, другие сало едят, у нас кой-что, и заморошные, и голодные, а как хватят после работы песню, вся затрясешься и даже плясать. Как научилась! Да тогда без песни и жить нельзя было. А теперь Паня, девочка той же деревни, списывает! Тогда песни сами рождались, теперь их списывают и учат. И опять будут петь, но не как народ поет, а как интеллигенция.

6 марта. Собираемся в Кабарду.

10 марта. Выедем 14-го. Поезд уходит в 11 вечера, значит, утром я буду на родной широте возле Ельца, а вечером где-то за Харьковом, значит, с утра до вечера исчезнет весь великий снег этой зимы, мы увидим в тот же день всю весну воды, встретим грачей, жаворонков.

11 марта. В Москве на ходу перечитал «Гамлета» с упоением. От Гамлета, вероятно, и начинаются все Фаусты и демоны индивидуализма, мировая скорбь и все такое... В муках творчества, в столкновении добра и зла, поэзия в безумном лепете Офелии: поет и утопая. Читал эту библию искусства — Шекспира, считал себя счастливым обладателем такого сокровища. Но главное мое счастье, конечно, в том, что и без книги сам могу читать жизнь, как книгу...

Шекспир — вот родина индивидуальности.

15 марта. На рассвете, открывая вентилятор вверху купе, Петя нечто услыхал и, подумав немного, с величайшим волнением воскликнул: «Кажется, это грачи кричат». Мы открыли шторку и на деревьях какой-то маленькой станции увидели грачей. Между тем отъеха-

ли мы от Москвы всего только 280 верст. Поля же тут были закрыты всем тяжелым слоем зимнего снега, обледенелого сверху при последней большой оттепели и утренниках. К Орлу появились проталинки и грачей было все больше и больше. За Орлом было грачей великое множество, и стало понятным, что те, слышанные нами утром через вентилятор грачи были только передовые разведчики.

Что же это такое? Ведь дома мы целый месяц ждем весны воды, радуемся при хорошем солнечном таянии, горюем при возвратных морозах, нежданных весенних метелях. Мало-помалу в горе и радости мы так сживаемся с природой, что весна становится как бы плодом наших собственных усилий. Тут же мы заплатили за купе по 140 р. от Москвы до Нальчика и сидим, как в кино: весна делается быстро — в один день вся весна! — и без малейших наших усилий.

17 марта. На станции Прохладной нерусский старик схватил чемоданы и бросился бежать, едва поспевали за ним в кутерьме восточных людей.

Нас ожидала машина от Бетала, высланная за нами из Кабарды. Ехали в темноте. По дороге стало рассветать, но в Нальчике был туман.

Приехали в гостиницу, очень чистую. Окна нашего номера против огромного молодого парка, переходящего в дачный поселок. Дальше полукругом (Нальчик, значит подковка) должны бы стоять северные склоны большого Кавказского хребта, но теперь был туман и ничего не было видно.

18 марта. Сегодня горы открылись, вся заключающая Нальчик подкова, хотя и не сразу вся, но в разное время была видна. Так играли с нами горы, то открываясь, то закрываясь до обеда, и после до вечера вовсе закрылись.

20 марта. Горы! горы! Два месяца я буду смотреть на вас с этого места, и каждый день по-разному вы будете играть мною, часто определяя на весь день мое настроение. Да, так и у гор, как у людей, очень часто небольшие закрывают собой высочайшие и надо сделать лично большое усилие, лично совершить трудный путь, чтобы увидеть вершины во всей их свободной и ничем не заслоненной красоте.

Фольклор у кабардинцев — эпос, у балкар — лирика.

22 марта. Мы прожили уже пять дней против гор, и нам разве только чуть-чуть они стали намеком понятны.

23 марта. Сегодня было тихое морозное утро. Я любовался горами впервые от первого легкого разлива света до тех пор, пока не стал свет белый, и день белый и горы встали белые в славе.

Горы видят.

Отъехав десяток километров от города, увидели всю цепь главного хребта от Эльбруса до Казбека. Это весеннее самое лучшее время, чтобы смотреть на горы. Три рода гор, первые — лесистые, вторые — голые камни, третьи — снежные; летом бывают покрыты снегом только отдельные вершины из третьего ряда.

Видели настоящую саклю старинную, каменные вечные изгороди, снимал мосты через Баксан. Слушали знаменитых певцов и музыкантов: что-то кавказское, но кабардинского не понял...

Люди, дети были иногда очень красивые. Возвращаясь, видел ту же цепь, но не ярко, сильно отраженную, Эльбрус скоро остался назади за горой, а вершина двуглавая Казбека исчезла только у переезда в Нальчике через полотно железной дороги.

26 марта. Утро вечера мудренее: туман с утра. В 10 утра пришел Романов... Ввиду тумана решено выехать на машине в 4 вечера: успеем! Выедем с прямой целью убить кабана.

Вблизи высокого кургана начались «дубы», и тут была Нижняя будка. Не доезжая до места, в каком-то логу мне нужно было испробовать винчестер. На двадцать шагов пуля попала в точку, шофер-кабардинец сказал:

— Охотник хороший — погода плохая.

— В туманный, серый день охота лучше выходит,— ответил я и очень удивил шофера. А оно так вышло в этот день. Мы вышли из сторожки и сели в шалаш 20 минут шестого. И сразу же решили, что из засидки ничего не выйдет: действительно, на черной, растоптанной кабанами площадке была рассыпана свежая кукуруза и виднелись свежие следы машины, значит, сегодня же рассыпали, шумели, портили землю и воздух резиной и бензином. На свежую приманку слетелись во

множестве черные дрозды, сойки, мелкие птички, пришел фазан.

Вот мы видим его только второй раз и уже не разглядываем страстно в бинокль и не волнуемся: фазан и фазан. Вот она великая сила первого взгляда на вещь... Раздумывая о фазане этом, я понимаю себя инженером, овладевающим этой силой, применяющим ее для творчества счастья. И тут же в связи с этим вспоминается, что гора Эльбрус с кабардинского значит счастливая гора. «Не сделать ли мне Эльбрус фокусом «исследования» моей Кабарды?» — подумал я, и в этот самый момент Петя прошептал: «Кабан!» Тогда с фазана мгновенно я перевел глаз — и черное, страшное, необычайной формы чудовище стояло в десяти шагах от меня. Вот в этом первом взгляде на кабана и мысли, что он вовсе не похож на свинью, что это самостоятельное не виданное мной чудовище, и было самое главное. Первое, не по-свиному было уже то, что кабан не пришел, как свинья, а явился с необычайной легкостью. Отчего-то он вздрогнул и замер. Не услыхал ли, не заметил ли нас? Вспоминаю и понимаю теперь рассказ Калмыкова о том, что он не может стрелять зверей на засидках; до того необычайно интересно глядеть на повадки зверя. Мне хотелось бесконечно сильно побыть наедине со зверем и в то же время, как тяжкий долг, как злая необходимость давила на меня: надо стрелять, а то ведь, если зверь почует и убежит — ввек себе не простишь.

29 марта. Под вечер вышел пройтись и столкнулся с Беталом, который, наверно, шел проведать меня. Он говорил мне много о пошлости того, что пишут о Кавказе: «бурный Терек», «Эльбрус — высочайшая вершина», и что если я опишу животных и природу просто по своим впечатлениям и в подробностях, то это будет великое дело для Кавказа.

30 марта. В 12 дня поехали на машине на Верхнюю будку. Шофер оказался смоленским парнем. Мне интересно было узнать у него, как ему показалась эта богатейшая страна после смоленских болот, песков и морозов.

— Тяжкий климат,— сказал он,— и очень опасный, даже летом бывает днем жара, а вечером пальто надевай.

— А люди? — спросил я.— Люди тут какие, взять, например, Люля.

— Люль,— ответил шофер,— человек талантливый, но только мало таких, у нас же все, как Люль.

— Ну ладно,— сказал я,— климат, люди, а какая у них земля.

— Земля! — воскликнул он.— Земля у них прямо без навоза, прямо хлеб по хлебу родит, да! если бы такую землю да не им, лентяям, а нам, смолякам, так мы много людей кормили такой землей.

1 апреля. Желтая круча возле Верхней будки кабардино-балкарского охотничьего хозяйства является центром охоты на кабанов. Приближаясь к Желтой круче с лучшим охотником Кабардино-Балкарии Люлем, я рассматривал по дороге кабаньи, волчьи и козьи следы.

Описание Люля, например, его выносливость: что с благодарностью вспоминаешь Толстого, умевшего тогда, во время войны, возбудить дружбу к горцам, поющим в кустах предсмертную песню. Люль из этаких: и он бы резал, как Хаджи-Мурат... и вот он же и мирно сидит и дружит.

4 апреля. Маленький ручей распилил скалу сверху донизу. И гора с той и другой стороны обрушилась на ручей и засыпала, но задавить не могла. Ручей выбился, а на отлогих берегах рассыпанной скалы поселились разные травы, а потом люди пришли и начали землю пахать.

Ночью мне приснился мотив моей повести «Женьшень»: «охотник, охотник, отчего ты не схватил ее за копытце» — в его автобиографическом происхождении, и это во сне понималось как родник поэзии, который не задавит никакая скала.

6 апреля. Когда я поднялся наверх, то вдруг увидел все горы, от Черного моря до Казбека и дальше в туманной дали Осетии к Дагестану в бесконечность... Первый раз за все пребывание свое на Кавказе я, выходя из дома, забыл взглянуть на горы, и они сейчас как будто упрекали меня в этом моем первом грехе.

Давно ли я давал себе обет не отдавать себя привычке и каждое утро отмечать перемену в горах и так понять их жизнь. И вот я забыл о горах впервые, хотя они сияли сегодня, быть может, даже лучше, чем в прежние разы.

Лес великий, наши сосны перед чинарами, как спички, но какой это лес, если можно забраться повыше и просмотреть его сверху насквозь. У нас на севере это и есть самое главное в лесе, что он выше нас...

15 мая. Все едут в Пенхонсу на праздник к 12-ти дня. Узнав это, мы почли необходимым отложить нашу поездку в горы и тоже ехать на праздник.

Приехали к самому началу. Бетал с трибуны говорил по-кабардински народу речь. Все происходило на площадке огромной террасы реки Черека.

После речи народ распределился полукругом, уселись на зеленом лугу, налево вдали длинным строем стояли повозки приехавших на праздник из других колхозов района, вправо автомобили гостей из Нальчика. Внутри полукруга начались выступления сначала физкультурников, потом разных колхозов с пением и пляской. В каждой группе при этом каждый колхоз хотел как будто перещеголять в танцах широтой возрастного состава; в одном случае были 6-летняя девочка и старец за сто лет. И таких древних людей около этого возраста было много, один, стройный и гибкий, танцевал превосходно, другой, бодрый, красивый, совсем удивил (103 года!) и, как старейший, занял почетное место на трибуне.

После еды смотрели джигитовку: стрельба из кремневых винтовок на всем скаку в яйцо, рубка лозы и др.

29 мая. Из Орджоникидзе получена телеграмма на юбилейные дни поэта Коста *. Решил вдруг, что пора уезжать, и пошел прощаться с Беталом.

31 мая. Поездка в Орджоникидзе.

2 июня. В 4 утра до восхода солнца смотрели с Терека на Казбек и Становую гору. День обошелся без дождя.

...Музей, как иллюстрация личности Коста Хетагурова. От Петра I до смерти Коста. Творимая народом легенда о Коста. Коста где-то сказал: «Охотник ходит у пропастей: он живет близко к мертвым, но, умирая, редко попадает на кладбище». Музей посмотреть отдельно. Встреча с писателями.

8 июня. Утром взяты билеты в Тифлис на завтра.

9 июня. Дождь. Мы выехали в Тифлис в $9^1/_2$ и могли добраться лишь в 7 вечера, от дождей везде размыты мосты. На перевале лежал снег, как у нас зимой,

и хорошо еще, что солнце было закрыто, а то бы очень трудно было глазам. Спуск в Грузию, в глубину возделанных клочками гор.

10 июня. Тифлис. Солнце и ветер. Сухо, но не жарко, как бы следовало. И тут тоже все были дожди.

Разочарование в ботаническом саду. Красивые женщины. Упитанные дети. Породистые лица, грузинские носы. И никаких не может быть разговоров о национальности: ею весь воздух наполнен.

11 июня. Петя пошел билеты покупать в Батум. Очень мне хочется повидать место самой моей радостной встречи с Черным морем через 40 лет!

12 июня. В час ночи выехали в Батум.

Спали в хорошем номере, но душном, потому что из-за малярии боялись открывать на ночь окно. Просыпался. Видел, как зелено-голубое море стало молочно-белым и зеленое оставалось только возле судов.

15 июня. Ночью в 12 мы отчаливаем на «Аджаристане», нагруженном цибиками чая и кишмишем.

Так заканчивается прекрасное путешествие, в котором не прошло ни одного дня, не встретилось и не осталось без внимания ни одного значительного человека. Начинает показываться ярче и ярче образ Бетала и его творчество.

Купил в Сухуме сборники произведений местных писателей.

Читая у абхазского писателя о радости, с которой встречают старики невесту, радости, то есть будущей жизнью своего рода, я вдруг понял, что большие строители, вроде Бетала, в глубине себя именно и живут этим самым чувством хозяев рода («государственный человек» и есть трансформированный родовой человек: «хозяин»).

17 июня. Беспокоимся о здоровье Горького.

20 июня. В 2 часа дня выезжаем в Москву. У самой Москвы узнали о смерти Горького... сегодня кремация, завтра похороны.

[*Загорск.*]

Смерть Толстого вышла тоже на людях, как и у Горького, но Толстой от известности хотел убежать

в какую-то неведомую избушку, в неизвестность. Это было здоровое чувство: зверь, умирая, удаляется с глаз зверей... И непременно каждое существо умирает, значит, удаляется. Кто знает, что думал, удаляясь, Горький...

Просят от «Крестьянской газеты» моего отклика на новую конституцию.

22 июня. «И я думал также, что здесь, в Советском Союзе, есть нечто новое и неожиданное: до сих пор во всех странах света крупный писатель почти всегда был в той или иной степени мятежником и бунтарем. Сейчас в Советском Союзе вопрос впервые стоит иначе: будучи революционером, писатель не является больше оппозиционером». Это из речи Андре Жида * на похоронах Горького.

В этих словах меня что-то затронуло очень больно, и я стал рыться в себе, в своем внутреннем, вечно бродящем и вечно мятежном своем существе, и понял: нет, я сейчас не могу жить и писать безмятежно, напротив, если вынуть мятежность из моей груди, я превращусь в живой труп.

И тогда, в царское время, и теперь, в советское, в существе своем, как писатель, я мятежное существо. Мое прошлое в царское время безупречно в смысле близости моей к народу и неприязни моей к его правительству. Мои современные писания доказывают, что я по-прежнему близок к родному русскому народу, но почему же, несмотря на это, я остаюсь мятежником и обращусь в живой труп, если этот мятеж каким-нибудь способом будет изъят из моей груди. Спрашиваю себя: «Кто же этот мой враг, лишающий меня возможности быть хоть на короткое время совсем безмятежным?» И я отвечаю себе: мой враг — бюрократия, и в новой конституции я почерпну себе здоровье, силу, отвагу вместе с народом выйти на борьбу с этим самым страшным врагом всякого творчества. Мой враг в творчестве — это прежде всего мое собственное желание повторять себя самого без всяких новых усилий.

27 июня. Читаю свои записки, расплавляю места и сроки, соединяю людей.

29 июня. В одной древней книге * неплохо сказано, что творчество мира, начиная с хаоса, создавая постепенно звезды, луну, солнце, рыб, птиц, зверей, в конце

концов приходит к человеку. Можно, пожалуй, даже сказать, что всякое творчество есть замаскированная встреча одного человека с другим (как сигнал одного тура в горах вызывает другого). И вот что еще: есть на свете сила падающих рек, посредством которой теперь освещают, как солнцем, большие города. И есть сила первого взгляда на вещь,— человек взглянул, и ему неудержимо хочется полученную силу сообщить другому. Это очень большая сила, ею начинается, может быть, просвещение всех народов. От силы падающих рек происходит освещение, от удивления, вызванного силой первого взгляда человека на вещь и последующего страстного желания поделиться с другим человеком,— просвещение.

Да, пожалуй, так можно сказать, что всякое настоящее творчество есть замаскированная встреча одного любящего человека с другим, и часто на таких больших отрезках времени, что без книги, картины, звука эти люди в пределах земли никак не могли бы встретиться.

Через тоску, через муку, через смерть свою, через все препятствия силой творчества переходит человек навстречу другому, и это «культурная» связь людей начинается, как я думаю, силой первого взгляда на вещь.

1 июля. Думаю, что не надо спешить переезжать с Павловной в Москву. Лучше перевести на ее имя дом в Загорске. Можно сделать так, что в эту зиму оставить все, как было, только мне почаще ездить и устраивать квартиру, а дальше будет видно.

9 июля. Великое счастье: «Жень-шень» пробил себе дорогу в свет, книга получена в роскошном издании с предисловием Гексли *. После того великое горе: умерла Дуничка *.

10 июля. Хоронили Дуничку, слушали речи вроде того, что человек хороший, но средний и недостаточной революционной активности. Сам не мог говорить перед чужими, боялся разреветься. И не надо было говорить. Вечером хватил бутылку вина и так в одиночестве помянул Дуничку.

20 июля. Из похорон Дунички. Хотел не идти в крематорий, не видеть мертвого лица, а остаться с тем, которое видел за несколько дней до смерти. Колебался до последнего момента, и когда само решилось: и удачно узнал о пути, и трамвай подошел, и успел захватить, и я попал в круг расстроенных и плачущих людей, и сам за-

плакал, то тут и оказалось явно, что быть я должен был на похоронах, и не приди — было бы нехорошо. (Личный, дикий, неоправдываемый разрыв с людьми хорошими.) И после того вывожу по себе: что архивом своим заняться надо, потому что это именно долг мой, живущего человека, в отношении себя, как покойника.

25 июля. Ни герой, ни изобретатель самолета еще не личности, потому что герой, достигнувший такого положения тем, что «покрыл» 9 тысяч км., предполагает следующего героя, который покроет его рекорд. Наоборот, личность не может перекрыть другую личность, потому что личность неповторима (индивидуальности могут повторяться).

Можно ли обладать политическим общественным сознанием и в то же время не быть личностью? Так, мы думаем, живут пчелы и муравьи (по заведенному). Личность характеризуется тем, что является непременно обогатителем сознания: живет по-своему. Чудаком называется человек до тех пор, пока он во внешней своей жизни живет не как все, но как только заметят, что тот особенный образ жизни порождает нечто для сознания людей, чудак становится личностью. Личность во мне, когда я задал вопрос: что есть в существе перемен? Личное сознание есть агент перемен в сознании общественном, личность всегда борется с косностью. В обществе личность создает качественную оценку вещей. Искусство не может быть безлично: его создает только личность.

27 августа. Есть власть, оправданная своим происхождением: власть, исходящая от личности. И есть власть, которую захватывают, как восточную рабыню. Можно стать на место внутри себя, то есть найти самого себя, и тем самым ты сделаешься властным. И можно занять место в бюрократическом аппарате и тоже сделаться властным.

1 сентября. Молча движется история...

Молча движется страна в ту сторону, куда надо, и никакие слова об этом не выходят.

2 сентября. Заосеняло. Мухи стучат в потолок... Воробьи табунятся. Грачи на убранных полях — черным-черно. Сороки семьями штук по пять, по семь пасутся по дорогам. Роски холодные, серые. Иная росинка в пазухе листа весь день просверкает.

5 сентября. Прошло тяжелое жаркое лето. Углубляясь в себя, и в этом мне хорошо, и кажется, что вот не надо бы и сходить с этих рельс.

Среди пряных запахов в осеннем лесу есть такой аромат, что, схватив его на ходу, начинаешь непременно искать повторения. Бывает, нападешь, и опять обдаст тебя всего ароматом, но сейчас же опять потеряешь, и так источника этого очарования и не найдешь, как будто кто-то надел шапку-невидимку и с тобой играет...

Однажды пошел я на охоту за грибами и рябчиками, но, увидев на земле разноцветные осиновые листья в росе, стал собирать их и так набил полный рюкзак опавшими листьями. Так и вся моя охота, о которой я столько написал охотничьих рассказов, по существу своему есть охота за своими опавшими листьями.

16 сентября. Вернулась в 31-м году начатая работа о том, как мальчик затерялся в лесу. Теперь захотелось ту же историю перенести в северный лес и таким образом описать лес по-настоящему, включив в материал «Берендееву чащу».

26 сентября. Художник в борьбе за свою личность отвернулся от обстающей его человечины и, разглядывая деревья, стал среди них находить живые существа и через них понимать весь лес, как живой мир. А когда под конец он создал дерево и оно стало такое живое, что зритель видел, как движутся на нем листики, вдруг художник в том дереве узнал самого себя и понял, что это не дерево он писал, а себя самого в борьбе с человечиной.

Основная же ошибка «рационалистов» в том, что они искусственно проводят черту между инстинктом, навыком и разумом и потом рассуждают, исходя из этой ограды, вовсе не существующей в природе вещей.

Вопрос вот в чем. Если в разуме один человек нашел средство овладения своим инстинктом для каких-нибудь высших целей своего существования, то другой человек, получив средство в руки, может употребить его для целей «низших», например, просто для истребления своего врага. Так, передавая секрет, открытый без контроля трудности подлинного творчества: создавая «облегченный путь»,— мы создаем «цивилизацию», не имеющую никакого отношения к связи людей между собой в прошлом, и настоящем, и будущем.

Итак, если писать что-либо, то современность надо содержать в себе всю целиком, то есть сейчас, например, что на глазах наших исчезла Абиссиния потому, что была мала и стояла на пути Италии. Мы видим, как исчезает Испания, и, вероятно, увидим исчезновение демократической Франции. (Фашисты должны уничтожить демократию, и знаем, непременно подерутся между собой.)

15 октября. То место, где я стою,— единственное, тут я все занимаю и другому стать невозможно. Я последнюю рубашку, последний кусок хлеба готов отдать ближнему, но места своего уступить никому не могу, и если возьмут его силой, то на месте этом для себя ничего не найдут и не поймут, из-за чего я на нем бился, за что стоял.

20 октября. В сотый раз исправив, отправил в «Известия» парадный очерк «Счастливая гора» (празднование 15-летия Кабарды).

1 ноября. Наступило время перечитать кавказские записки и поступить с ними, как поступил один хозяин с фруктовыми лесами: он вырубил все лишнее, оставил фруктовые деревья и некоторые декоративные, ко всему интересному подвел дорожку, возле всего замечательного поставил лавочку. Так точно и я все лишнее в своих записках вычеркну, ко всему интересному и замечательному подведу дорожку сюжета и вместо лавочек всюду расставлю главы и части.

2 ноября. Вся наша трагедия на земле с темным рождением и беспричинным концом состоит в том, что подобно тому, как животное, участвуя в маленьком деле, не вполне ясно понимает, для чего оно делается, так и мы тоже не видим конца нашего дела, лица существа, для которого работаем. В темных догадках или в претензиях на ясность дела проходит наше земное существование. Все состоит в том, проникаем ли мы постепенно в понимание нашего дела или просто усиление, усложнение нашей работы сопровождается иллюзией нашего могущества и понимания цели.

5 ноября. Расписываю дневник по карточкам и надеюсь, что когда все выпишу, в голове повесть окончательно оформится, и тогда я напишу ее всю в один месяц. Из дома не выходил.

13 ноября. Творчество — это прежде всего борьба со смертью, с забвением. Вглядитесь в себя — и ничего не умерло, все живет в тебе.

Ценность жизни. Ноябрь, забойные дожди. Серые лачуги. Нищий старик в тряпье стучится палкой в окошко. Наверно, у него еще и множество болезней, ревматизмы летучие и суставные. Но он не хочет сесть у забора, протерпеть одну холодную ночь и тем кончить жизнь. Может быть, он в Бога сильно верит, и тем объясняется его упорство в добывании себе средств жизни — не все ли равно? Пусть за Бога держится, но все равно он тем самым живет и хочет жить. Мало того! Ведь сколько бы ни говорили о богатых душах, великих умах и сердцах людей разных разностей — о накоплении народом сокровищ,— все это старик не чувствует, и весь мир для старика расположен, как немая мертвая пустыня: только я — только Бог и пустыня. Такая, кажется, незначительная величина этого стариковского «я», и между тем в этот ноябрьский день под дождем весь мир где-то на той стороне показывается в чувстве этого старика. А может быть, там и не бывает осеней и дождей: там перемена, движение, время видят прямо в душах.

18 ноября. Нельзя целью поставить себе счастье: невозможно на земле личное счастье как цель. Счастье дается совсем даром тому, кто ставит какую-нибудь цель и достигает ее после большого труда. Верное счастье обретает тот, кто целью своей ставит счастье своего ближнего.

1 декабря. Мнится моя работа в лесу, как современное отшельничество, спасение своей личности (об этом надо много подумать).

4 декабря. Толстого упрекали много за то, что он живет в барских условиях, и рекомендовали уйти. Молодежь всегда хватается за это «уйти», потому что это самый легкий способ решать трудный моральный вопрос. Вообще «уйти» — это «не способ».

Я сам всегда берег для себя это «уйти». И не уходил никуда не потому, что это трудно, а подчиняясь воле неведомого спящего во мне человека с гораздо большим моральным кругозором, чем мой действующий, рассуждающий, сознательный человек.

Перечитав главу «Живая ночь» из «Кащеевой цепи», вдруг понял, почему Белый и антропософы * не поняли

«Кащееву цепь». Живая ночь, например, так близка к природе, что кажется фантастикой автора. Между тем сама близость именно и является мотивом поэзии. И вся «Кащеева цепь» построена именно на этой близости поэта и человека. Неужели этого никто не поймет и не скажет? Едва ли...

5 декабря. Читаю дневник Толстого за 1910 год и считаю эту книгу одним из величайших документов человеческой жизни мирового значения.

7 декабря. Задумал приспособить машину для пустынной жизни. Для этого надо свою машину променять на «пикап», кузов превратить в фургон с отоплением от мотора, спальней и проч.

10 декабря. «Берег Маклая» читают дети и долго будут читать. Точно то же было с Арсеньевым и его Дерсу. Итак, надо жить и записывать за собой даже совсем просто, и получатся замечательные книги. Можно сложно записывать, наделяя свои переживания воображаемыми лицами. И, наконец, можно воображать по возможностям жизни, сидя за столом. В основе хотя и возможная ложь, но все-таки жизнь. Значит, если явится у писателя сомнение в своем даровании, то можно проверить, записывая за собой жизнь (очерк).

Усердно изучаю жизнь Толстого 1910 года, чтобы эту борьбу смертную двух любящих друг друга людей — мужчины и женщины, изобразить на фоне всего, что люди называют «счастьем».

Ночью читаю Толстовскую библию — 1910 год — постоянно встречаются знакомые лица, эпоха проходит перед моими глазами. Начинаю понимать, что все те возражения, которые складываются относительно его поведения, Толстой знал. Надо написать такую повесть, чтобы мой воображаемый Толстой в своем положении нашел бы себе достойный выход, и такой, чтобы покойник Лев Толстой мог бы с ним согласиться.

11—12 декабря. «Уход» Толстого из дома надо понимать как уход из жизни. Начал уходить он, когда еще... когда началось? А бунт его против жизни выходит из какого-то общего его бунта. Посредник смерти его есть слава.

13 декабря. Дело писателя, как и всякого другого художника, если только посмотреть на него с точки зре-

ния всех других выгодных профессий,— нестоящее дело. Но ведь точно так же и детей рождать, если все взвесить, нестоящее дело. Жизнетворчество во всем одинаково. Однако рождают же... Есть искупающие все муки моменты счастья, из-за них вся игра, хотя бы счастье первой встречи матери со своим ребенком. А у нас, писателей, я считаю чем-то вроде этого встречу с читателем: есть такие читатели, вроде А. М. Горького, встреча с которыми является большим счастьем.

18 декабря. В Толстом заключается вся наша революция в зародыше. Толстовство — это начало революции, замаскированной в религиозно-этическую реформацию. Читая Толстого (дневники 1910-го), надо думать о современности.

23 декабря. Продолжаю разбирать драму Толстого по дневникам 1910 года. Очень тяжело, но, читая, сам становишься на высоту и видишь свои поступки в прошлом смешными: заключить бы и на сегодня — но нет: сегодня кажешься себе мудрецом.

К старости вокруг себя, в непосредственной близости надо устроить мир (тишину). Это основное условие жизни, и в этом Толстому было отказано.

26 декабря. Два миропонимания: 1) Восточное: человек считает себя частью огромного целого, «мира», поэтому он себя благоговейно подчиняет этому целому, или Богу. 2) Европейское (Западное): человек считает себя господином мира и создает систему господства, называемую им *цивилизацией.* Внутренней силой цивилизации является стремление к счастью, внешней — наука. Вот почему Толстой презирал науку, а Горький ее обожествлял.

Книг много, но идей, в которых движется современное человечество, немного, их конспект надо всегда держать в ясном сознании для того, чтобы поток родственного внимания и реализации своей личности в нем (творчество) проходил бы, как река, систематически размывающая свои берега.

31 декабря. Встреча Нового года удалась благодаря радиоприемнику: почти незнакомые мне люди просидели весь вечер и слова не сказали, потому что говорил и пел приемник. И было хорошо сидеть и быть и не быть с людьми. Радио — это великий разлучник. И великий обманщик: человек не поет, не беседует с другим человеком, поет и беседует радио за всю страну.

7 января. Ночью, часто просыпаясь, читал Серую Сову в немецком издании*. И действительно, это мой молодой брат, жизнь совсем складывается, даже иногда охватывает настороженность, когда читаешь рассказ своего ученика: явится ли он сам или будет подражателем, что неприятно.

10 января. Мороз — 4. Ездил в Терибрево, вернулся в восемь. Ни одного впечатления, ни одной мысли: весь день в переживании мускулов. Но нечего горевать: мысли радостной вереницей придут в то время, когда тело начнет отдыхать...

12 января. Мороз хватил в 20°. Наконец-то! Кончаю замечательную книгу индейца Серая Сова и так считаю, что я больше его много как писатель, но он больше меня как человек.

Мефистофеля надо понимать как чародея-техника и цивилизатора, почему христианка Маргарита (культура) не пойдет с Фаустом и остается в тюрьме. Но Мефистофель является злой силой при наличии доктора Фауста. Если же на черта садится кузнец Вакула, простак, действующий силой креста, то при помощи черта он достает своей Маргарите царские башмаки и как ни в чем не бывало женится на ней по всем правилам православия.

13 января. Встал в 6 утра и почувствовал в глубине себя тоску, которая не дает работать. Стал ходить на морозе под звездами по двору из конца в конец. Дымок поднимается из трубы у Дуни. Барашек кричит у нее на дворе. Пыхтит паровоз. Мерный шаг, мерные повороты, дыханье на чистом воздухе, и вдруг как бы что-то спадает. И после того радость, какая-то легкость жизни и родственного внимания к этому дымку живому из трубы. Вроде сбрасывания шкуры старой: спало и хорошо. Так, может быть, и жизнь в свое время отпадет и под самый конец станет вдруг хорошо, не потому ли покойники становятся опять «хорошими».

20 января. Вымирает поющий русский народ, воскресает певец народный и музыкант как личность (Римский-Корсаков). Народную песню создавали тоже личности, но они терялись в народе. Теперь явилось имя автора. Стало цениться само творчество.

Хочется жить, как все, иметь то, что у всех, а надо свое дать, надо прибавить к потоку нечто свое и через это — страдание (не могу, как все, и не знаю даже, что я «лебедь»). Живешь гадким утенком, а про лебедя узнаешь нескоро, когда это разутешить не может.

Книга, как орудие моей души.

6 февраля (23 января) день моего рождения, мне будет — страшно сказать! — 64 года. Уймись же, Михаил, пора собираться.

28 января. Достоевский продолжает оставаться единственным, описавшим бесов...*

29 января. Жить бы на земле, где старые деревья маленькими видели моих дедов и прадедов.

30 января. Все свелось к техническому приему. Столько сил истрачено в напрасной борьбе, и, когда стало казаться невозможным дальше бороться, пришло в голову нечто весьма простое, почти не требующее усилий ума и воли, чисто технический прием, который можно рекомендовать и другим. Кажется, все в этом приеме, которым каждый может пользоваться, не тратя себя, даже вовсе не думая. Так в глубине всякой техники заключается живой человек, отдавший жизнь свою за это. И вот некоторые (и их множество) в пользовании этими даровыми полезными приемами видят все счастье человека: какое счастье, если все дается даром! Пользоваться техникой имеет право лишь тот, кто, в свою очередь, тратит жизнь в достижении чего-то и достигает, в свою очередь, обращает это в прием.

Проследить градации перехода личного на пользу государственного: всякого рода творчество начинается лично, то есть духом, а переходит в полезность.

Но почему тянет меня к простому, интуиции, инстинкту, народу, природе, земле, красоте, искусству, а не сложности декадентов, аристократизму, космополитизму, науке, рационализму и мистицизму, к отвлеченному.

Интеллигент и простак: простак живой, он берет все из первых рук природы и человека, интеллигент — из книг. Тому труднее выбраться из-под чужого; смотреть на все своим первым глазом.

31 января. Они «плановики», люди, посвятившие себя плану, чистому плану и в этом плане живущие: каждый из них по-своему честен, но жизни они не знают... Это «завелось» и движется, но внутренней самостоятель-

ной жизни в этой исторической заведенности нет ни малейшей.

2 февраля. Всем научились пользоваться люди, только не научились пользоваться свободой, если она просто придет. Может быть, бороться с нуждой и крайней необходимостью легче гораздо, чем со свободой. В нужде люди закаляются и живут мечтой о свободе — и на этом пути являются праздники: чуть-чуть полегче и праздник. От праздника к празднику с мечтой о свободе и до смерти. Но вот приходит свобода, и люди не знают, что с ней делать, люди дуреют, имеют возможность летать, а сами мечтают о натуральном хозяйстве.

Пользоваться научились всем на свете, силами природы, умеют всякого зверя поймать и вынуть из воды всякую рыбку умеют... только не научились пользоваться своей свободой, и все силы и добытые знания обратить на путь человеческого счастья.

4 февраля. Пушкиным я никогда не занимался, потому что всегда казалось, что Пушкин — это именно то, что «само собой разумеется».

Одна из самых выразительных особенностей восприятия природы, которую все замечали у меня,— это природа в движении, «фенологическая», конечно, происходит от Пушкина, который очень любил сезоны. Вспоминаю, что именно «Евгений Онегин», роман, написанный так, что автор дал мне мысль написать «Кащееву цепь» в двух планах: герой действует, а переживания самого в себе этого героя автор судит. В особенности же в Пушкине близка мне простота, которая ему как будто врожденна, а нам приходится ее достигать. Об этой простоте все знают, и в то же время очень трудно сказать, в чем именно она состоит. Что она значит? Народная простота. В декадентском кружке это называлось кляризмом (ясностью), у Достоевского, для которого пушкинская простота была недостижимой звездой, называлась целокупностью.

Я не говорю, что литератор должен быть прост: Гоголь, Достоевский не простые писатели, а гениальные. Но и Гоголь и Достоевский с наслаждением забросили бы всю свою гениальность, если бы могли. «Я» Пушкина — это «мы», и не хочется говорить от своего имени без стыда, надо учиться у Пушкина простоте.

6 февраля. К пониманию простейших вещей философ доходит сложным путем, и потому его положение среди

простого народа всегда опасно, еще бы: человек мучительно думает и доказывает то, что все знают.

8 февраля. При обеспеченной изоляции мысли, как в большом городе, обеспечивается всякая отвлеченная мысль, как полезная обществу, так и преступная. В большом городе невозможно, как Сократу, выйти на площадь с учением добра в познании самого себя и невозможно, как герою Раскольникову, опуститься на колени и поклониться народу, покаяться.

17 февраля. Сегодня Мар. Влад. очень удивилась моей общественной тревоге: «Вы же пишете о животных, что вам?» И как я ей ни объяснял, так и не могла она понять, как это можно писать о животных и до смертушки волноваться судьбой своей родной страны.

Человек иногда из своей лично-мучительной жизни, как в окошко, выглянет в жизнь вокруг себя с травой-муравой, с букашками и таракашками, ребятами и девчатами на качелях, на салазках, увидит в тихом радостном свете под золотыми лучами! Это значит, что дух освобожденный увидел действительность, как она есть и должна быть для человека. Даже это просто и после болезни бывает, но как надо, чтобы без мук и болезней?

22—23 февраля. Возвращение к своей описанной в «Кащеевой цепи» гимназии: священный бунт Курымушки * теперь представляется не священным, и кажется, что учителя были гораздо лучше, чем описано.

Необходимость дисциплины, осознание этого приходит у Курымушки на 65-м году жизни!

3 марта. Решил достать Гете и почитать его по-немецки. Никогда с такой радостью и без всякой тревоги не ждал весны. Когда вспомнишь о сближении своем с природой, то вспоминаешь, сколько этому счастью помогла моя бедность: нищенское существование до революции обрекало на деревенскую жизнь, после революции долго не давали комнату и стали вообще опускаться руки на перемену. Между тем при других обстоятельствах я мог бы так же, как природу, полюбить в городе искусство и книги. Когда будет квартира: я непременно сделаю опыт в этом отношении: попробую пожить в городе «эстетически», то есть свободно, как в лесу.

6 марта. Приходил «читатель» за таким словом, которое могло бы вернуть ему желание и силу жизни. Очень плакал. Сам в валенках, а в сумке кожаные сапоги на случай оттепели. За это цепляется и говорит: «Вероятно,

я уцелею, видите, какая предусмотрительность!» Первое: пишите слова ежедневно для всех вдаль, и приходит человек и говорит: «Нет ли у вас слова для меня лично, спасите меня». Денег не берет, в Бога не верит, докторов не хочет: слово ему нужно. Вот жуткое положение! Второе: это ведь современное явление, это раненый: смертельно ли? Сейчас ведь война, и это надо помнить, надо не забываться, что война вокруг самая жестокая. Болезнь его в том, что он не может жить без чтения (не было раз чтения, он драл обои, под ними читал газетную заклейку). Потерял себя, не может найти своего ритма.

7 марта. Возвращаюсь к читателю: писатель и читатель. Читатель просит такого слова, чтобы ему им можно было жить. Нет, настоящий читатель не станет нищенствовать: тот не просит, а получив, сам творит и помогает автору. Это был запоздавший интеллигент: о, как давно это пережито!

8 марта. Писать в «Юный натуралист». Осуществлять мечту: создать сказку жизни, чтобы читали мой детский рассказ, как сказку, все возрасты. Это единственно возможная теперь литература. В такой форме единственно художник может служить будущему. И пусть все, кто хочет жить, смирится, и все будут, как дети.

14 марта. Одно время поэты, очевидно, из чувства самосохранения старались доказать, что поэзия тоже *делается* (Маяковский), как всегда и во всем, что исходит из чувства и еще чувства самоохраны, палку перегнули; стали думать, что раз поэзия делается, как вещи на фабрике, то и рабочий может делать поэзию, стали зазывать в литературу рабочих с заводов и фабрик. Когда же рабочие пришли, то оказалось, что труд в поэзии — это малая сторона, а что главное для поэзии — это что надо талант, что надо родиться поэтом и что испокон веков поэты трудились и только виду не показывали.

Окаянство жизни не в том одном, что есть люди, творящие зло, а и в том, что напуганные ими люди приготовились к злу, стали очень подозрительные и уже не в состоянии встретить человека незнакомого с доверием.

14—15 марта. Бьюшка умирает. Когда умирает любимое животное, ни в чем не повинное, то человеку всегда это бывает упреком: так невинно животное, и все-таки должно страдать и умирать, а ты виновен во мно-

гом и все-таки не допускаешь мысли о необходимости страданий и смерти.

17 марта. Ясно видел происхождение своей литературы от писем к В. П., похожих на те излияния, которые пишут мне литераторы, начиная с похвал мне и кончая просьбой устроить творения. Вот этот провинциализм именно и был в основе страдания: Мадонна, подбитая совершенной глупостью пола. Страдание и утрата всякой возможности сближения дали мне силу выхода из «провинции» индивидуального к личному творчеству: таким образом, творчество есть разрешение, есть выход из борьбы индивидуального и общего... В процессе борьбы свое унижение было смертельно, и действительно нечто и умерло, а осталось это сверх своего, нечто неунижаемое, и это «сверх» себя непременно должно в конце концов найти место в общем достоянии, в культуре.

В этом отношении, конечно, я не поэт, и это возвышает меня, когда я отношу свою поэзию к жизни, и унижает, когда я жизнь свою сравниваю с жизнью «настоящих» поэтов: до чего моя жизнь и моя поэзия бедны! Я не свободен в своей поэзии — меня держит жизнь, я не свободен в жизни — меня держит поэзия. И так я живу «особенной» (за это упрекали Пастернака) уединенной <жизнью>. Из всего этого возникает вопрос: обязательно ли для жизни и творчества страдание личное, трагедия, или же эту трагедию, признавая как чисто личный путь, необязательный для других, надо таить в себе, как некоторые певцы и танцоры веселят людей, скрывая смертельную болезнь?

19 марта. Если взять словесное искусство, то Пушкин — Толстой характерны радостью жизни, которой закрыта личная трагедия: мы видим готовую вещь, совершенством которой закрылась личная трагедия мастера. Напротив, у Гоголя, Достоевского природа, счастье и вся жизнь планеты и вселенной существует как среда и условие страдающей личности.

Вот весна света сейчас переходит в весну воды, и от этого почему-то душа в смуту острой, быстро мелькающей боли, радости, неожиданных мыслей, голова то горит, то вдруг вся сила куда-то проваливается, слабеешь в поту. Нет времени года, когда человек со своей человеческой душой до такой степени бы зависел от природы

в ее стихиях тепла, света, воды. И вот я вижу снегурочку, сидящую на ветке дерева, засыпанного снегом. Я беру эту видную снегурочку из внешнего мира, она тает в моем горячем чувстве, но форма остается, и так я, личной своей трагедией растопив куколку, создаю форму, точно такую, как она была на дереве, но уже не подверженную влиянию обыкновенной температуры. Так я создал снегурочку, вдохнув в форму природы свою человеческую душу. В этом и виден именно смысл и свой подвиг, чтобы в чарующей форме погасить свою личную трагедию и этим привлечь к ней людей, как к своему счастью, и тем убедить их в необходимости личного подвига по их собственной линии жизни. Сколько раз я клялся себе, что никогда-никогда не буду учить их, «как надо жить», а буду лишь это показывать.

На этом пути и произошел мой очерк, между тем бездушные ребята, разобрав механику моего очерка, стали ездить по стране и описывать этим «способом» «наши достижения».

Мое искусство, как личный подвиг, как счастливую службу, никто не понял, и до сих пор не нашлось у меня ни одного ученика.

Я буду жить и писать вам, друзья мои, как будто эта весна моя последняя и у меня уже больше нет времени рассказывать о печальном прошлом моей личной жизни. Я буду рассказывать о великом богатстве жизни на каждом месте, о счастье непомерном, которое каждый может достичь себе и создать из ничего. Всякий родился и некоторое время живет радостной жизнью, но не всякий, страдая, достигает радостной старости.

20 марта. Мы все умираем, оставляя следы после себя, все, что есть хорошее или дурное,— все это наследство предшествовавших нам миллиардов индивидуальностей. Я хочу оставить след любви своей к прекрасному, заинтересованный в длительном его существовании, но не в личном своем писательстве. Конечно, всякий, оставивший след на земле человек непременно забывался, непременно выходил из себя, но ведь это не легко, и никто из великих людей не оставил нам секрета к такому совершенно бескорыстному творчеству, и большинство из них сами об этом не знали. Но мне кажется, отчасти можно достигнуть этого сознательно, если только представить себе, что наступила своя последняя весна и надо со всем любимым проститься...

3 апреля. Лесков со своим кудрявым языком, пожалуй, больше всех наших писателей художник слова (Ремизов это понял и довел языковое художество Лескова до того, что можно назвать виршеплетством, то же, что и у Белого).

15 апреля. Мучусь своей отрешенностью от литературного общества, злюсь, обижаюсь своей оставленностью, но в конце концов хочу оставаться, каков есть и как оно есть.

1 мая. Самая злая неправда о природе бывает от самомнения плохо образованного человека; он ставит себя слишком высоко для того, чтобы считаться с какими-то зверушками, и оттого спешит объяснить их жизнь по себе — человеку.

И вдруг я понял свое дело как науку связи между всем существующим.

7 мая. На Кубре вчера вечером был холод, но цвела черемуха — и соловей пел: соловью только бы цвела она...

Каждую весну и каждую осень человек поэтически переживает и свое собственное рождение и умирание.

Перед чем это было в лесу такое глубокое молчание? Мне почудилось, будто мне кто-то сзади шепнул что-то на ухо. И до того явственно было, что я оглянулся. Вокруг везде и на высоких деревьях не шевелился ни один лист, а здесь внизу возле моего уха одна ветка сильно качалась. Значит, я не ошибся, услыхав шепот, кто-то сзади пролетал: мне показалось, шепнул...

13 мая. Черемуха все еще только зацветает.

Вот эта же самая, точно такая, с тем же видом и запахом цвела черемуха, когда любовь я мог понимать только по роману Ивана-царевича с Марьей Моревной. И теперь, когда у меня уже внуки, раз в год, когда зацветает черемуха, понюхав ее, на одно мгновенье я вдыхаю в себя ту любовь.

И так не одна черемуха, а всякий запах является как бы термосом нашей души и до старости дает возможность помнить свое детство не головой, а всем существом.

16 мая. Вот эта удивительно живучая наивность, как опора всей литературной деятельности: что если тебе в таланте везет, то от этого и всем хорошо, что в таланте своем ты живешь для других.

21 мая. Спасение сказки. Удивление покидает мир. Даже воздухоплавание, даже радио и телевидение больше не удивительны. И можно вперед сказать, что перелет на другие планеты не даст того счастья, той радости, о которой сейчас грезится. Удивление связано с детством человека. Современный взрослый человек рано расстается со своим ребенком: он с 20 лет взрослый и больше ничему не удивляется. Сказка питается детством и детство здоровьем, и здоровье дается землею и солнцем.

Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление и с удивлением вернется и сказка. Невозможно? Нет ничего невозможного. Во всяком случае, возникает вопрос: почему современный человек не отказывается от возможности перелететь на другую планету и поднимают даже вопрос о физическом бессмертии в будущем, но почему же тогда невозможно вернуть человечеству удивление и сказку.

23 мая. Не понимаю, как можно любить Андрея Белого и Щедрина!

Писатель тот, кто умеет следить за собственной личной своей жизнью — это первое, этого довольно, чтобы сделаться писателем; но чтобы сделаться писателем-художником, нужно еще это свое увидеть отраженным в мире природы и человечества.

4 июня. Сильнейшее впечатление от «Опавших листьев» Розанова, переживание.

Разбираясь в природе с жизнью, диву дивишься, до чего мало изучено: столько лет прошло биологии, а ведь почти ничего. А люди? Если заглянуть в души,— то же самое, так мало! Но почему же так тысячи лет «сознательно» живут и друг возле друга и так мало знают? Ответ на этот вопрос: людям некогда друг в друга глядеть, они для этого слишком заняты.

5 июня. Разговоры везде стали светскими, то есть люди говорят между собою, избирая темы, о том, что ни мое, ни твое, а чье-то третье. Ни мое, ни твое, ни наше, ни ваше, а что-нибудь всем постороннее, о чем говорить можно, не оглядываясь по сторонам. И вот теперь оказывается, почему существуют салонные разговоры...

6 июня. Конечно, и во мне всякий есть человек, но я выбираю из всего себя лучшее, делаю из него человека возможного и называю это — реализм, а не то реализм,

как некоторые думают, чтобы вывертывать из себя без разбору и находить в окружающем мире людей ему подтверждение.

8 июня. Бывает, в редчайших случаях описание предмета является усилением любви к нему. Так вот мне очень удались рассказы о двух собаках, о Нерли и Ладе, и в состав моей особенной любви к этим собакам входило в большой степени и радование о рассказах. Вот если бы и вся литература стала не обиранием жизни — «собираю материалы» — а любовным усилением ее...

11 июня. Розановские «Опавшие листья» интересны лишь потому, что свой интимнейший мир, семья, дети и проч. в свете великих проблем.

14 июня. Говорят, что в «Правде» меня опять назвали столпом «Перевала». Так это надоело, что лень уже и отвечать.

15 июня. Свобода творится всем обществом, но ее нельзя просить у хозяина государства. Просить свободы — все равно, что просить у хозяина снять замок с его кладовой, дверьми обращенной на улицу. Вам свобода книжку писать, а другой полезет в кладовую...

16 июня. Нет, никогда в лесу не бывает пусто, и если кажется пусто — это ты сам виноват.

Поэзия — это чем люди живут и чего они хотят, но не знают, не ведают и что надо им показать, как слепым.

Разве я не понимаю незабудку: ведь я и весь мир чувствую иногда при встрече с Незабудкой, а скажи — сколько в ней лепестков, не скажу. Неужели же вы меня пошлете «изучать» незабудку.

21 июня. Хорошее в русском народе — это что если ты встретил неизвестного человека и через минуту ты с ним говоришь, будто всю жизнь знал его. Хорошее чувство: «вместе несем». Русский человек хорош для незнакомого, готов открыть все и служить...

В мире нет ничего чужого, мы так устроены, что видим только свое, только одно свое раскрытое «я».

Читал «Каиново болото» Уэллса и почувствовал, что они находятся еще накануне того, что мы пережили...

Я почувствовал еще, что делаю самое удивительное и нужное дело... Миф.

23 июня. Простота жизни и мыслящее затишье с готовностью внимания ко всякому проходящему,— вот

я бы чего хотел сейчас для себя. И мне думается, к этому вскоре побегут многие.

24 июня. Наступает самое напряженное время перед возможностью войны, и вот именно и передается, через кутерьму, какое-то «каиново» чувство.

И такая усиливающаяся заостренность подвижничества в чистом воздухе и собравшаяся у самых ног вся пыль человечества! Трудно продвигаться, но надо.

Гибнет Испания, но испанский футбол процветает; недавно бригада испанских футболистов была в Москве торжественно встречена. Это ли не кутерьма!

28 июня. Чтобы описать дерево, реку, мотылька на цветах или в корнях дерева землеройку, нужна жизнь человека: нужно до того дожить, чтобы все это до крайности далекое стало близким и возможным для человеческого понимания.

6 июля. Мар. Дм. Менделеева прислала философское письмо, в котором называет меня очень добрым человеком, пытающимся все примирить. Интересно мне, что ее упрек в «доброте» исходит из того же источника, что и у тех, кто упрекает меня в без-человечности *. Я пишу о зверях, деревьях, птицах, вообще о природе от лица такого человека, который в жизни своей ни вовсе бы не был оскорблен или преодолел бы свое оскорбление, непременно тем самым вызывающее злобу.

Я не беру такого человека из головы, не выдумываю, это я сам лично, поместивший занятие свое искусством слова в ту часть своего существа, которая осталась неоскорбленной. Впрочем, я тогда не думал о себе, мне думалось, что вся поэзия вытекает из неоскорбляемой части человеческого существа, и я взялся за нее, как за якорь личного спасения от оскорбления и злобы. Вот отчего в своих книгах я оптимист и совсем неисправимый, потому что всего себя отдал служению неоскорбленного существа человека.

8 июля. Думаю о «по ту сторону добра и зла» — там, где человек не оскорблен, не обижен. Там находятся родники поэзии. Проходя оттуда к нам через почву добра и зла, поэзия часто принимает вкус добра, и потому поэта часто считают добрым человеком. Поэзия начинается не от добра.

По ту сторону добра и зла хранятся запасы мировой красоты, лучи которой проходят через облака добра и зла...

11 июля. Обиды разного рода — это раны души, одни тоже, как раны, заживают скоро, другие очень долго, третьи с детства и на всю жизнь. Страх, я думаю, собирается вокруг больного места, он предупреждает об опасности: где-то болит, и вот страшно, что этим больным местом зацепишься.

Писать по художеству, как все равно и любить что-нибудь, возможно, лишь забывая личные обиды. Я пишу, конечно, в обход всяких обид из целины души и, вспоминая все пережитое, не знаю, как объяснить сохранность в себе неуязвленных мест. Мне кажется, что в самой природе таланта заключается какое-то легкомыслие, вроде сорочки счастливого: родился в сорочке, и все как с гуся вода.

Замечаю себе, что надо стараться записи делать как можно лучше, имея целью научиться сразу писать: посмотрел и написал.

12 июля. Начал работу над книгой «Канал» * и должен выжать из нее все соки, какие в ней есть.

Канал мой. Конец: «Где же люди? Не ищите их далеко, они здесь: они отдали свое лучшее, и их так много, что имен не упомнишь. Имена здесь сливаются в народ, как сливаются капли в падун».

18 июля. Вспоминали с Павловной мою сдавленную жизнь и сохраненную мной радость творчества («геооптимизм»). Этой силой жизни творили и на канале некоторые инженеры.

Было древнее равновесие края, которое поддерживали скалы, лес, вода. Человек расстроил это равновесие и тягостный труд соблюдать равновесие взял на себя.

20 июля. Начало записок о создании канала.

21 июля. Итак, вот мое достижение в эту поездку: я представил себе, что я сам на канал попал, хотя бы по культурно-просветительной части работал. И, конечно, я бы работал: «Канал должен быть сделан». Я бы работал, как и вообще работают в советское время «неоскорбленной душой», и в этом деле моя свобода, мое счастье, моя правда (канал должен быть сделан).

Никогда этого не было раньше: скучно одному.

23 июля. В одном опыт не дает ничего, и даже наоборот: чем больше опыта, тем более неведомой остается область любви, и все кончается тем, что герой попа-

дает в обыкновенные лапы. Напротив, неопытный делается господином и строителем семьи.

Так что есть область жизни, которая не открывается в опыте.

24 июля. Дневник, как он будет собран вокруг Аврала, будет иметь особенную ценность при анализе «я» — враждебного миру, разрушительно-мефистофельского и «я» — творческого, неоскорбленного.

6 августа. Вот наконец желанная квартира, а жить не с кем *...

Получается пересмотр самый подробный всего содержания жизни и соединения под высоким давлением всего народа для боя со всем миром за коммунизм. Это явление стало огромно, война предстоит такая большая, что требования к личности, могущей стать выше времени и судить независимо, возросли чрезвычайно.

9 августа. Иногда, когда музыку слушаешь, свое «я» застаешь за какой-то совсем ничтожной посторонней музыке мысленкой. А музыка сама собой. Это показывает, что «я» — моя душа не хочет подчиниться и отдаться и лучше готова заниматься маленьким делом, но своим собственным. И сколько вот таких не занятых музыкой «я» треплется в мире со своим маленьким ничтожным делом. Как часто, глядя на них, кажется до крайности непонятным и страшным ввиду краткости нашей личной жизни их поведение: заниматься такими пустяками, когда жизнь наша так коротка.

Анализировать: «канал должен быть построен». В огромной стране все были против государственной власти и разбили ее; но без власти люди жить не могли. Жить не могли без власти, но, презирая власть, брать ее не хотели. Всякий порядочный человек обязан был выказывать свое презрение к власти и даже называть себя анархистом. Но пришел единственный человек и убежденно сказал: «Надо брать власть». Его послушались, потому что в воле единственного человека сошлась воля миллионного народа: невидимая воля миллионов стала видимой через одного человека — Ленина. Так на развалинах империи возник грозный Союз ССР.

19 августа. В Москве опыт: ходил по музеям и сравнивал, что дает лес, что красота, не то ли это самое?

Материалы собраны для канала, остается найти тон.

20 августа. Решение Ленина — взять власть, то есть

то, что всякому интеллигенту было ненавистно, есть решение гения. Он шел против всех и в этом был прост, как ребенок.

23 августа. Нужно собрать внутри себя тишину, чтобы не зависеть от внешних событий без побега во внешнюю пустыню.

26 августа. Американизм характерен исчезновением культурной линии, исходящей от личности, как в Западной Европе. Это дает возможность индивидуальности как грубо-животной силе не стесняться...

28 августа. Раскладывая тетрадки, выдумал создать из них том: «Записи». Начинать их делать без системы, а прямо выбирать из тетрадок отдельные, поддающиеся оформлению места, после чего можно будет их приписывать одну к другой для характеристики того и другого места, эпохи.

3 сентября. Проверял себя по календарю и по записи расходов: не могу и никогда не удастся мне приучить себя ежедневно на ночь отрывать страничку календаря, не могу записать все расходы. Но я могу, например, ежедневно писать в эту книжечку, могу, потому что это идет изнутри моей личности совершенно свободно. А принудить себя надолго к чему-нибудь я не могу, для этого мне нужен принудитель. И мы все такие, русские.

7 сентября. Рабство не в том, что один человек другого заставляет работать и даже посылает на смерть. Если мысль соединяет людей и один ей предан более другого, то почему же одному более сильному своему единомышленнику не послать другого, если так надо? Рабство тогда, если один бессмысленно подчиняется воле другого...

11 сентября. Тишина осенняя, слышно, как лист отрывается.

Листья падают. Сколько ни гляди на дерево, не угадаешь, какому листику лететь вслед за упавшими.

15 сентября. «Канал» закупорил всю мою работу... Не взяться ли за Кабарду, не отложить ли канал?

16 сентября. То, что я задумал — сделать вещь для всех возрастов, по-видимому, сделал Вал. Катаев в новой книге, имеющей большой успех «Белеет парус одинокий». Но кажется по первым страницам, что он слишком верно придерживается стиля повестей Пушкина.

18 сентября. Эпиграф к моей работе и одна из тем ее это: «Да примирится же с тобой и покоренная стихия» *.

Это мне пришло при раздумье о столкновении раскольников с государством Петра...

Бабье лето неописуемой красоты. Что делали пауки: пока ночь жерлицы * стояли, все они были опутаны жемчужными нитями. Туман насел так, что капли, собравшись, падали слышно и сшибали лист. Такая тишина! Между желтыми листочками, точно блюдечки, купав в речке за ночь утка проложила ходы, и теперь можно видеть, где она плавала.

21 сентября. Конец бабьего лета. Ну и лето! Впервые понял, какая прелесть это бабье лето.

1 октября. Повесть моя должна быть исторической не в обычном смысле «истории», как прошлого, а история, как она действительно совершается в настоящем: переходом жизни прошлого в будущее, как переходит через падун вода озера в море.

5 октября. На охоте волнение бывает такое, что «сердце оторвется» — и если после того удалось, если счастье, то на всю жизнь остается в глазах, какие были тут осинки, трава, облака; если же, напротив, сделал ошибку, промахнулся по зверю или птице, то все вокруг тоже остается с тобой, но в другом свете. Так и не только в охоте, но и во всем, весь наш человеческий мир окрашен нашим счастьем и нашим горем.

Шепчут, падая,— «расставаться!». Но их расставанье короткое: зиму перележат и старые листья, прея, как удобрение, воскресают молодые.

Расставаться! Не раз уже было мне в жизни, что вот, кажется, конец. Но проходишь перевал, и там опять открывается дорога. Это дает какую-то надежду.

12 октября. «Талант неизъясним», но все-таки первое условие, подпочва поэзии — это особое чувство, похожее на пересыщенный раствор, в котором кристаллизуется и осаждается мысль.

14 октября. «Так надо» должно быть одной из главных тем работы: в этом свете показать русский народ на канале.

19 октября. У Пушкина говорится о двух единственных ценностях: воля и покой *.

21 октября. Старость — это, конечно же, заключение, но не безвыходное. Вот смерть — это серьезное заключение, такое серьезное... И то бывает... Да, смерть, только смерть решает окончательно вопрос о тюрьме и свободе.

А может быть, чтобы жизнь вышла именно «как надо» — следует жить «как хочется»? Все в силе, если «до смерти» захотеть, то такая смерть и выйдет «как надо».

3 ноября. Смерти, конечно, все живое боится и бежит от нее. Но когда надо постоять за такое, что больше себя,— есть это! — человек, охваченный смертью, говорит: помирать собираешься — рожь сей! И сеет ее для тех, кто будет после него, и так подает руку другим, и по мостику своего жизнетворчества, как по кладочке, над смертью потом переходит в жизнь будущего.

7 ноября. Ночью читал Некрасова «Рыцарь на час» и восхищался. Мне вспоминается такой человек, о котором я думаю в последние дни: человек в несчастиях радостно крепнущий духом, независимый от внешнего мира. Вот настоящие большие поэты наши и были именно такими людьми. Пусть формально будет такой человек даже и пессимист, вот именно такой пессимизм у него будет лишь формой, внутри же себя в истоке своего творчества, тем самым существованием в себе истока,— он оптимист.

11 ноября. Время подходит к тому, чтобы людям забыть свои лица, народам — забыть свою народность и броситься в Чан истории...

У фашистов стоит вопрос о своем народе, у нас же поставлен вопрос не о себе, а о человеке.

15 ноября. Смерть, как перерыв. Как разрыв между людьми. Похоже на разрыв первичного тока с появлением искры: эта искра — жизнь человека...

И так искра за искрой и эти все люди, один за другим. Искра сопутствует переходу первичного тока в ток высокого напряжения.

Часто мелькающие искры дают непрерывно свечение. И это жизнь.

А мы эти искры, и какой бы ни был малый промежуток от искры к искре — все равно искра — «я» исчезает, и перерыв тока есть наша смерть.

20 ноября. Мы с чрезвычайной скоростью куда-то мчимся, я это замечаю по вехам прошлого, возьмешь что-нибудь, например, Толстого, и ужасаешься, как далеко эта веха от нас...

25 ноября. Как судить небывалое? нет ни аршина, ни метра у людей для меры небывалого. Тогда все это событие персонифицируется и является единственный, бого-

подобный герой-победитель, и о нем говорят, что победителей не судят. И только уже когда все кончится, и все прошлое встанет как одно лицо и не из чего будет возникать небывалому, тогда настанет тот Страшный суд, на котором будут судить всех победителей.

Победители создают небывалое?

Или время переходит в небывалое и с ним появляются люди-победители?

29 ноября. В лесу очень тихо и так, что только не тает. Деревья окружены снегом, ели повесили громадные снежные лапы, березы склонились и некоторые вовсе наклонились к земле арками. В этой тишине снежные фигуры стали выразительны, что странно становится,— отчего же это они ничего не могут друг другу сказать. И когда снег стал лететь, то было так тихо, что казалось, будто слышишь шепот снежинок, как разговор между странными фигурами.

Культура — это есть та атмосфера, в которой живут, которая связывает высокоразвитых людей...

Культура — это есть творческая связь между людьми... и если автомобиль и самолет служат для такой связи, то они являются агентами культуры.

30 ноября. Самим невозможно судить властителя, если он даже тиран, можно только кряхтеть, и ворчать, и сулить: «Ужо тебе!» *, и невозможно судить, потому что невозможно учесть, какими жертвами сохранено будет отечество. Если же война, то все само собой скажется, и если война проиграна, то жертвы тирана встают как мстители.

1 декабря. Читал Шекспира. Вечером приводил в порядок дневники. Посредством этих дневников, написанных бросками, как материал для рассказов, я могу вызвать все прошлое за четверть века.

4 декабря. Легенда, как связь распавшихся времен,— все, что есть реальность и самое нужное.

5 декабря. Где-то Гамлет говорит о том, что самое удивительное у людей, что все они знают неизбежный свой конец и все-таки живут, как будто они никогда не умрут.

Проверить, так ли у Шекспира, не я ли это сам: эта мысль, к которой я постоянно возвращаюсь и от которой прихожу теперь к заключению о реальности легенды, то есть что сказка, соединяющая распад времен, и есть именно то, «чем люди живы».

8 декабря. Раньше мне казалось, что все написанное написано о пройденном и раз уже оно написано, то больше к нему люди не вернуться, и книга написанная, как надпись на могильной плите. И вот теперь смотрю на жизнь и читаю книгу, и все перевертывается: в книге — пройдено, в жизни все тысячу раз пройденное опять начинается.

23 декабря. Над чем я сейчас работаю в детской литературе? Я всегда работаю над одной темой, в которой и детская и общая литература сливаются в единое целое. Если же у меня выходят книги одни для детей, другие для взрослых и на разные темы, то это действительно они *выходят,* а не делаются, как я того хочу.

Та единая тема, над которой я работаю, это дитя, которое я сохраняю в себе, мальчик.

30 декабря. Перечитал по-новому речь Тургенева при открытии памятника Пушкину. Как хорошо! И куда все девалось! И еще что «простой народ» ни в какой стране не читает своих гениев. Теперь в этом вся закавыка. Мы не знаем, кому мы книгу даем и что из этого выйдет. Не в писателе дело теперь,— довольно написано! — а в читателе.

1938

2 января. После обеда выехал в Москву. Попал в поезд, в курящее, смрад! Но тут же в этом смраде где-то чудесный хор поет старинную русскую песню. И многих простых людей песня схватила за сердце, кто подтягивал тихонько, кто молчал, кто храпел, и так про себя, так потихоньку, что не только не мешал, а усиливал силу песни: выходило, что народ пел. Во время перерыва песни, перед загадом новой, один человек, чуть-чуть навеселе, сказал:

— Хорошо поете, только старое все: кто старое помянет, тому глаз вон.

Из хора ему ответили:

— А кто старое забудет — тому два глаза вон.

— Нехорошо говорите,— сказал человечек,— нужно бодрость вносить в новую жизнь, а вы вон что: старое воскрешаете, старое надо вон.

— А Пушкин? — раздался неведомый голос.

Сторонник нового на мгновение смутился, но скоро оправился:

— Пушкин — единичное явление. Пушкин мог тогда предвидеть наше время и тогда стоял за него. Он единственный.

— А Ломоносов?

— Тоже единственный.

— Нет, уже два, а вот Петра Первого тоже нельзя забыть — три.

И пошел и пошел считать, чистая логика! В вагоне стало неловко: всем было ясно, что и Пушкин не один, и народную песню нельзя забывать. Но один человек поднял вопрос: и раз уж он поднял, то надо как-нибудь выходить из положения: не в логике же дело. Тогда хор запел: «Страна моя родная». И все охотно стали подтягивать, песня всем была знакома.

5 января. Я думаю исключительно о свойстве самого таланта: вот у Тургенева более свободный талант, чем у Достоевского, но удельный вес письма Достоевского больше тургеневского.

Хожу кругом около своей «Были» * и чувствую, что могу загореться и написать вещь одним духом, но не решаюсь как-то взяться.

Перед тем как хорошо написать, рушатся леса трудных придумок, и открывается совершенно простой путь, и все дается на этом пути так легко, что кажется, будто вовсе напрасно перед этим трудился.

Так и сейчас вот мне хочется писать без всяких дальнейших раздумий о строительстве канала прямо о мальчике...

6 января. Вся вера в «прогресс» основана, конечно, на том, что когда человек находится в недоумении и пусть лично, то ему надо бывает схватиться за что-то вне себя: и вот эта иллюзия о мире внеличном, движущемся к лучшему, и есть «прогресс». На самом деле, мир всегда одинаков, и стоит, отвернувшись от нас. Есть, однако, у человека возможность иногда заглянуть миру в лицо: и вот это и есть все наше счастье, заглянуть миру в лицо.

Купил словарь Брокгауза 86 томов.

Так вот и началась моя охота за живыми созданиями, которых не надо кормить, поить, водить на прогулки, чистить их место. Кто-то когда-то много мучился, их создавая: он, конечно, перенес все, что переносит человек, ухаживая за живыми созданиями, и еще больше! он перенес смерть любимого существа и в конце концов, как

бы прощенный, совершенно свободным движением создал живое существо, за которым человеку не нужно ухаживать; напротив, чудесное произведение искусства само следит и ухаживает за чистотой души человека.

Вот я так и начинаю свою охоту в Москве — так вот и начинаю.

11 января. С утра выехал в Загорск. По пути понял, почему когда выходишь из музея скульптуры, то вглядываешься в каждую отдельную голову человеческую с интересом и понимаешь, как некую значительность, и думаешь, выходя: как интересен, как значителен человек на земле, и чувствуешь охоту к родственному вниманию. Наоборот, когда идешь на улицу «по делам», то видишь какую-то серую жадную массу, жестокую, ужасную, и думаешь о будущих гибельных последствиях размножения и т. п. Все это вот почему. В музее скульптуры показан человек как личность, тут художник проникает внутрь человека, и открывает смысл его, и заражает другого смотреть тем же глазом родственного внимания на другого человека. Напротив, на улице без этого мы видим человека без души, участвуем в его жадности, мы видим человека извне и чувствуем, до чего же он плохо и даже прямо ужасно живет. Мы видим там, выйдя из музея, как мог бы жить человек, а без этого видим, как он живет...

12 января. Написал рассказ для маленьких детей «Утенок-стахановец». Необычайная трудность этих рассказов состоит в том, чтобы добиться той глупинки или наивности среды, единственно в которой только и может плавать шлак мысли. Трудность рассказа состоит в непременном усложнении его, когда вынашиваешь. И вдруг все выношенное, мыслимое расплывается и с таким трудом придуманное снова распадается на куски, и один маленький кусочек его тела и делается нужным.

17 января. Живу возле Третьяковки, и мне это приятно, хотя туда не хожу и ничем не пользуюсь: просто живу возле — и то хорошо.

22 января. Начал «Серую Сову» *.

27 января. Врабатываюсь в немецкий текст «Серой Совы».

10 февраля. Собирал сборник для юношества из своих старых рассказов, сборник в ответ на запрос о советском романтизме. Я хотел весь сборник назвать по рассказу «Марья Моревна». После стал думать, не лучше

ли назвать по рассказу «Черный Араб». Углубился в размышление: чего больше не хватает нашему романтизму: Прекрасной Дамы или же рыцаря? И нет, пришлось отказаться от Марьи Моревны: женщин хороших у нас еще довольно, а рыцарей очень уже мало. Нет! Пусть сборник, посвященный рыцарю, и называется мужским именем, «Черный Араб».

18 февраля. Был Дмитрий Иванович Свешников. Говорили, конечно, и о войне, не исключая возможности провала фашистов: и что правды, идеи какой-нибудь универсальной у них нет. И что цивилизация со своими газами и машинами, быть может, спасует перед силой сопротивления примитивного человека (немцы — мы).

27 февраля. Утром уехал в Загорск и считаю, что с Москвой кончаю: все устроено и можно жить самому.

Слышал от женщин, бывших на моем юбилее, что от моих слов у них на время создавалась уверенность, что люди в чем-то имеют родство, что на время моей речи было такое чувство, будто все тут в родстве. И то же самое получается и от чтения моих книг, и, значит, в этой силе родственного внимания и заключается моя сила.

Есть множество сил, еще не открытых, но которыми мы бессознательно пользуемся. Так вот есть сила излучения добра, когда самому хорошо, когда сам человек счастлив.

1 марта. Вечером приехал в Москву.

3 марта. На дрейфующей льдине всякая запись значительна: встал рано, вышел, трещина в том же положении и т. п. Я раз вообразил себя летящим пассажиром на земном шаре и стал отмечать ежедневные перемены в природе: так получились «Родники Берендея».

6 марта. Надо на дрейфующей льдине писать о жизни, о подлинной жизни заключенных на ней людей, постоянно имея в виду возможность спасения. А подлинная жизнь, это жизнь каждого человека в связи с его близкими: в одиночку человек — это преступник, или в сторону интеллекта, или же в сторону бестиального инстинкта. Мой человек — это самое то, что наша интеллигенция называла презрительно «обывателем». На деле же это именно «сам-человек».

11 марта. Да не будет у меня места моего ни в городе, ни в деревне, а место мое будет там, где я создаю свою сказку.

24 марта. 26-го вечером поездка в Кострому.

В природе душа раскрыта: это ветер, свет и вода — вот и все! У человека душу не видно, всякая бывает у человека душа, но каждый зовет ее одним именем: «я».

26 марта. Неважно прошло у меня и детство, и отрочество, и юность, и вся молодость — все суета. Но старости начало (65 лет) меня радует — первое: спешить стало некуда, второе — на всяком месте приблизительно одинаково, в том смысле, что не место человека красит, а человек место.

В Москве день горел. Без калош. В костромском поезде сказали: в Калинине ледоход. Ниже Самары ледоход. В Костроме должен быть снег и Волга пойдет не скоро. В лесах почти нет снега.

31 марта. Рабом называется тот, кто, не любя своего дела, работает только ради средств существования. Свободным — кто действует за свой страх и совесть.

2 апреля. Я, конечно, в конце концов верю в себя, который не унизится и выйдет невредимым из всякого унижения. В конце концов, да! Но я страх имею постоянный перед унижением, и это ослабляет мою силу и подавляет возможности: мне всегда кажется, что сделанное мною ничтожно и при счастливых условиях я бы мог сделать в тысячу раз больше.

8 апреля. Медный Всадник — «он», государство, Евгений — «я», душа, мы, и, конечно, в перспективе будущего «ужо!», Евгений прав: он *пророк;* так что «Всадник» — это настоящее, это необходимость, власть, «он», «они» — это берега, а Евгений — вода текущая...

13 апреля. В полдень оказалось, что северный ветер потихоньку помогает Морозу, дует очень тихо, но холод от него страшный, такой, что солнце до полудня не могло справиться даже с оледенением полоя *.

После обеда к вечеру слабый северный ветер постепенно стал стихать и закат был, как стеклянный. Как играли цвета на заре!

16 апреля. Ныне праздное одиночество позорно, но есть одиночество трудящихся людей и, вернее, даже труд одиночества, борьбы за свою личность в интересах самого же коллектива.

2 мая. В состав моей свободы входит способность служить: я служу своей свободе, а не потребляю ее,

и моя служба есть накопление моей свободы. И так точно жил скупой рыцарь, только у него золото, а у меня слова.

Мораль читать доставляет удовольствие очень большое, потому что, вычитывая, человек, в сущности, говорит о себе, и это очень приятно, и это есть своего рода творчество с обратным действием, то есть не освобождающим, а угнетающим: мораль есть творчество бездарных людей.

11 мая. Тем самым, что я существую в родной стране как художник-писатель, признаваемый за талант и врагами, я защищаю страну в тысячу раз больше, если бы стал плохо писать прямо об обороне страны.

Будем ли мы жить, если нас займут немцы, ни один политик сейчас не может сказать, решение скрывается в вере, и если я пишу и у меня есть читатели, то, значит, я еще верую, что наша страна будет свободной. И потому не надо раздумывать много, а побольше и получше писать.

12 мая. Кармен и любовь, а в природе вода, как такая любовь: вся видимость души, и нет ее. И так в любви все светит, и весь мир прелестью становится и все хорошо, но пройдет — и нет ничего, будто сошел паводок. В человеческом же чувстве любви есть настоящая вечность и долг.

1 июня. Между личностью и обществом есть люфт, когда и личность может наделать беду обществу, и общество может погубить личность: и тут вся игра, стоящая целой жизни.

8 июня. Смотришь на цветущий луг,— это одно, и смотришь дома на единственный цветочек, взятый с того же луга,— это совсем другое.

И так на лугу, как у людей, жизнь всего луга движется по какой-то большой правде, и жизнь цветка отдельного по своей маленькой. Личные счеты тоже и у них там на лугу в огромной силе, и, может быть, победа отдельных цветов является согласная своей маленькой правде отдельного цветка с жизнью всего великого луга, и там у них тоже заморыши оттого и хиреют, что способны думать лишь о себе.

10 июня. Луг мы видим — это общество цветов, но человеческое общество видеть нельзя: нет такой высоты,

на которую бы можно подняться и видеть, то есть уйти от себя как человека.

16 июня. Прочитал Розанова «Уединенное».

Полное одиночество и женщина, единственный «друг» — это мне близко с Розановым.

Друг мой неведомый, но близкий, я знаю, что ты существуешь и ждешь такого события, чтобы все твое пережитое в пучок собрать к единству и тебе бы стало легко на душе и прояснился путь впереди. Я тебе это пишу, чтобы мой большой опыт помог тебе во всем своем разобраться. И тот другой, кто выше меня стоит и о многом таком догадался, к чему я еще не дошел: ты, мой старый друг, оценишь это, что я по-своему шел, и тебе очень радостно будет о моих догадках, подтверждающих верность избранного тобою пути.

29 июня. Смотрел на цветы у соседей через щелку забора, и от них в душе моей начинается музыка, я весь наполнен ею, и далекие где-то звуки моторов, на фабрике, на шоссе, в воздухе и звуки радио (учат гимнастике), и переклички паровозов, и много чего-то всего такого мне сливается в один образ Медного Всадника, что это он там где-то скачет. А «я» — это душа всего, это Евгений, который пережил свой страх и свой гнев на Медного Всадника, и ему довольно смотреть на цветок через щелку забора, чтобы участвовать в том великом существенном, перед чем Медный Всадник кажется чем-то вовсе даже и не мешающим: медь и медь — там у него, а тут у нас душа. Несколько смешна только с душевной точки зрения фигурная чопорность Медного Всадника: сущности нет, одна форма, а между тем сколько гонора вздыбилось!

Медного Всадника и Евгения можно понимать, как спор между горделивой формой и смиренной материей, за счет которой эта форма создается.

14 июля. И когда я понял себя, что я могу быть сам с собой, тогда тоже все вокруг меня стало как целое и без науки. Раньше при науке было мне, что все в отдельности и бесконечном пути и оттого утомительно, потому что вперед знаешь, что до конца никогда никто не дойдет. Теперь каждое явление, будь то появление воробья или блеск росы на траве... или... все это были черты целого, и во всякой черте оно было видно все, и было оно кругло и понятно, а не лестницей.

Разве я против знания? — нет! Я только говорю, что каждому надо иметь срок возраста жизни и права на знание.

Конечно, люди, только люди одни виноваты в безобразии мира. Иначе откуда же чудесные мгновения постижения прекрасного и откуда такая цепкость людей: одна мерзость и все-таки цепляются.

18 июля. Мои выводы — образы, и самый большой вывод, самый большой образ — это мир, как целое и смысл всех вещей в отношении к этому целому.

28 июля. Обдумываю о «господстве», как об основном зле современного человечества: «господство» над людьми доходит до человека, господина всего живущего: человек — господин вселенной. В то же время сам он постепенно делается рабом им же сотворенных вещей, и они вовлекают господина Вселенной в мясорубку современной войны.

30 июля. Закончил вчерне «Серую Сову» и доволен работой. Остается выправить и переписать.

31 июля. Жара продолжается.

Дивился липе, ее морщинистой коре и что она молча, без всякого ухода за собой проводила старого хозяина дома столяра Тарасова и так же молча начала служить другому. Скорей же всего она ни малейшим образом не думала о службе людям, потому что правдой своего молчания, своего послушания заслужила право быть совершенно самой по себе.

И еще я думал, что их согласованности с целым в человеке отвечает только религия, что и весь смысл возникновения Бога у человека и религии состоит в необходимости согласия с миром, которым обладает непосредственно каждая тварь.

Вот к этому бы и жизнь свою привести и, оставив это (жизнь) за собой, перейти к единству. И если умереть с сознанием единства, преодолевающего жизнь, то это и будет достижением бессмертия. Вот бы начать этот опыт, надо еще в силах собраться, вот бы успеть заправить себя. (Так? А между тем опыты эти уже сделаны, и на таких мощах была построена система спасения мира.)

Так вот где корни моей «экологии»!

29 сентября. Вклинился вопрос, как заноза в тело, ничего другого не впускает в душу: быть войне из-за

Чехии, или помирятся все, чехи с утратой, демократы с Гитлером *.

Тот не страшен, кто живет своими чувствами и согласным с ними умом: это и есть человек, каким все мы должны быть. А страшен, кто обошел свои природные страсти холодным умом и огонь души своей запер в стены рассудка.

6 октября. Люди умирают не от старости, а от спелости.

10 октября. Напишу и хорошо, а когда придут и скажут: «Напишите!» — что-то полоснет по душе, и рад бы уважить, а не могу.

— Постараюсь,— отвечаю смущенно,— напишу.

И он рад и, прощаясь, говорит:

— Так я передам, вы обещали, мы ждем, непременно же напишите.

И опять я не могу. Во всякой механизации есть повелительно-принудительный момент, и он-то является губителем кустарного искусства (так и гибнет «малое» дело при наступлении «большого»).

Большие дела становятся маленькими, и малые прорастают в большие.

13 октября. Все народы всего мира органически не хотят войны и боятся ее ужасно (помнят 1914 год). Люди готовы отдавать последний кусок на вооружение, чтобы охранить себя от войны. И там, где правительства ослабляются демократическими принципами — там летят и принципы эти как пережиток. Так что все народы, все правительства боятся войны, и этим страхом пользуется Гитлер, чтобы держать все правительства в своих руках, побеждать и забирать без пролития крови целые государства.

27 октября. Есть прекрасные деревья, которые до самых морозов сохраняют листву и после мороза до снежных метелей стоят зеленые. Они чудесны. Так и люди есть, перенесли все на свете, а сами становятся до самой смерти все лучше. Есть такие люди, но только мало.

6 ноября. Жизнь желанная — это игра, все, кто может, играет, а кто не может, трудится в надежде когда-нибудь поиграть. Иные, даже вовсе потеряв надежду когда-нибудь поиграть, переносят мечту свою в будущее на «после нас», или даже совсем далеко, на тот свет.

Красота на добро и не смотрит, но люди от нее становятся добрее.

13 ноября. Нужны ценности положительные, чувства небывалые, мысли, подчиненные великому целому,— вот что должен теперь давать писатель.

24 ноября. Завести тетрадь «Тургенев».

Многие, с кем я говорил о Тургеневе, при общей несомненной симпатии, обязательной для культурного человека, держат про себя секретное чувство, как к писателю более легкому, чем Гоголь, Толстой, Достоевский, Лесков. И я сам часто замечал за собой, что Тургенева как-то легко забываю, тогда как Гоголя, Толстого, Достоевского все, что раз прочитал, не забыл, и когда вновь читал, то все прежнее помнил и прибавлял новое. Вследствие этого я тоже про себя относился к Тургеневу так себе, в глубине души считая его легким писателем. Мне и в голову тогда не приходило, что, может быть, не он, Тургенев, легкий, а я, как читатель, отравленный этическими сгустками нашей русской литературы, почти что религии, и я — читатель тугой и не воспринимаю красоту.

12 декабря. Писательство есть самоуничтожение в том смысле, что как лишний человек у Тургенева: уничтожаясь, перестает быть лишним.

«Лишний человек» по существу своему и должен быть конденсатором жизни, так как сам ею не пользовался, а только желал.

Мне же удалось оправдать лишнего человека своей биографией: это я нашел себе такой выход сам и сам его описал. Мое писательство и есть выход и оправдание лишнего человека, то есть превращение лишнего в личность.

Каждый человек должен в той или другой степени в жизни почувствовать себя лишним, и каждый этого лишнего должен в себе уничтожить и, уничтожая лишнего, сделаться личностью.

28 декабря. История вражды Тургенева и Достоевского философски — это от смешения понятий: Тургенев под цивилизацией разумел «культуру» и «Европу» (немцы) — это у него значило — культура, и в России ненавистно ему было то, что против культуры. А Достоевский ненавидел «цивилизацию» и противопоставлял ей русскую совесть народа подобно как Серая Сова отстаивает от цивилизации индейцев.

Эти мгновенья гармонии, когда является ко всему вокруг чувство родственного внимания,— сколько раз я пытался найти секрет (или метод) к постоянству этого чувства: чтобы когда захотелось — так чтобы и показывалось все в этой перспективе родственного внимания. И вот оказывается теперь, что эти моменты гармонии есть вершины длительных процессов борьбы, происходящих в душе моей...

Рядом с этим «открытием» является мысль о чудовищной медленности во мне процесса самосознания: решение поставленных вопросов у меня, бывает, растягивается лет на 30!

31 декабря. Иной человек длительностью жизни своей разрешает какую-нибудь коренную мысль, иному (например, Лермонтову) дано выпить всю сладость сознания в короткие дни. Я беру долготой своих дней.

Желание, загаданное мною, было одно: дожить до Нового года и всем опять встретиться. При сложившихся внешних и внутренних обстоятельствах это простое желание — пережить год — значит очень много!

5 февраля мне будет 66 лет. Вот получается теперь так, что грусти о коротком остатке жизни не может быть: год один и то кажется так долго!

В старости жизнь упрощается до формулы: «Хоть денек, да мой!»

1939

1 января. Вчера потеплело и полетела пороша. Новый год вышел с обновкой. В душе праздник от вчерашнего письма. Никогда ещё от читателей я ничего такого не получал: не даром, кажется, старый год прошел — получено это письмо; не даром писал почти 40 лет — кое-что сделал.

14 января. Вот счастье бывает какое — дожить до преклонного возраста и не склоняться, даже когда согнется спина, ни перед кем, ни перед чем, не отклоняться и стремиться вверх, наращивая годовые круги в своей древесине.

16 января. Пожилому человеку во многом свободней жить и писать, чем молодому: мне, например, о возлюбленной моей теперь можно до последней ниточки говорить искренно и вслух, а когда-то себе самому правду

шепнуть о ней я не мог. Встреча наша была давным-давно, и мы разошлись навсегда. Но, как великие однолюбцы, я все-таки про себя ее ждал, и она постоянно ко мне приходила во сне. Очень долго спустя, когда я уверился, что хотя писатель я очень медленный и неуспешный, но настоящий, и поэтическое свойство определилось как природная моя способность, как талант, я понял, что моя «Она» у настоящих поэтов называется Музой и что эта Муза, не существующая в действительности конкретной, существует и необходима в поэзии почти так же, как в математике бесконечность.

29 января. Показывал Ксюше* процесс проявления, и она видела и повторяла: «Это чудо!» И правда, это было действительно чудо, закрытое для большинства людей вредным *объяснением* действия света на бромистое серебро. Конечно, полезно и хорошо всем бы знать действие света, но вредно было и прямо убийственно для жизни, что при объяснении бессознательно, по какой-то нигилистической традиции тенденциозно внушалось: раз оно так просто *объясняется,* то нет никакого чуда и вообще нет ничего тут удивительного.

Через это объяснение человек лишался удивления, как будто все чудесное достижение человеческого разума было именно в том, что внутри всего чудесного нет ничего, и смысл всего только в том, что все эти новые открытия — дай сюда, все это — человеку на пользу. Я вступаю в борьбу с таким объяснением и вместо этого, чтобы вернуть удивление людям, даю свою сказку.

Удивление лежит в природе человека, и оно соединяет природу человека и природу мира в единство: там в мире что-то происходит, а человек удивляется, думает и создает свое.

30 января. Потихоньку про себя я уже который год разрабатываю одну и ту же тему «Медного Всадника»: «дело из разума» — есть Медный Всадник; дело из сердца «личность» есть Евгений.

9 февраля. Огромное большинство ошибочных суждений о писателях (педагоги больше всех ошибаются) зависит оттого, что о поэзии судят с точки зрения ее потребителя, а не созидателя.

Двигаться за недоступным — вот сущность поэта, напротив, потребитель поэзии никуда не движется и берет готовое, читает, учит и потребляет, как хлеб, разбирая, как он выпечен, достаточно ли посолен и т. п.

В орловской природе, в самом ландшафте орловском есть отрицание всего тургеневского (и в человеке орловском, в деревне).

10 марта. Внутренняя поэзия и формальная. А получается: душевная поэзия и «деланая». Проза честнее поэзии, в прозе невозможно поэтический ритм подчинить метрическим. А в общем я писал, как чувствовал, как жил. Я исходил от русской речи устной, и этого оказалось совершенно достаточным.

19 марта. Кончил «Всадник без головы» *. Такая динамика в романе, что умный пожилой человек с величайшим волнением следит за судьбой дураков. И таким механизмом романа не пользуются!

22 марта. Бывает, в обход создания образа берет соблазн решить это просто умозаключением,— вот этот соблазн надо отбросить.

18 апреля. Для художника Страшный суд есть правда.

23 апреля. Знаю, что все звезды со временем будут открыты, приблизятся к нам и станут не только сказками, но верю, что никогда не откроется для всех ночной час человека спящего...

29 апреля. Солнце полное. Тихо. Пока люди спят, с деревьев слетают грачи и важно разгуливают по улицам города. В этом и есть счастье мое, чувствовать себя, как грач, знать время, когда можно быть самому собой.

1 мая. Если ты собрался весь в ожидании друга, то больше не страшно врага: это все мелочь.

19 мая. Шел старик по улице с большим тяжелым мешком за спиной. Он изредка лишь вскидывал на прохожих глаза, и видно было, что в глазах этих живет ум, только не сейчас: сейчас весь ум этого человека был в мешке.

Горе наше, что люди цветут не как деревья каждый год, а только раз в жизни и все в разное время и у каждого человека своя весна. Вот почему, когда вся природа в мае цветет, на человека грустно смотреть — так он сер кажется в это время.

31 мая. Наконец-то понял я все, что делаю: я раскрываю душу своей матери, в этом и есть моя сила и мое счастье.

3 июня. Много людей прошло — умерло много родных, знакомых, а я все жив и стою на своем месте: мне

кажется, не люди, а водопад. Весь человек переливается во всем своем разнообразии.

6 июня. Годы мои проходят, но я не беднею от этого.

Мне хотелось бы, чтобы так было бы и до конца: все мои годы пройдут, а мне станет лучше, чем было.

И смерть моя стала бы новым моим рождением.

7 июня. Последняя иллюзия собственности это моя жизнь: наконец-то я почувствовал, что моя жизнь не есть моя собственность.

9 июня. Художество — это понятный разговор о непонятных вещах.

16 июня. Гармония — это когда что-нибудь в природе вызывает ответ в человеке.

5 июля. Когда долго живешь с человеком, приживаешься к нему, то тебе становится удобно здесь и, напротив, страшно где-то *там,* не у себя, на стороне. Это чисто эгоистическое чувство привязанности часто принимают за любовь. Вот и надо от этого освободиться.

Итак, с завтрашнего дня я начинаю это одиночество, которое будет вступлением к будущему одинокому житью в деревне.

9 июля. Схватила меня сегодня тоска о том, что дырка у меня в душе, треснуло что-то в ней и туда, в щель, потекло мое время. Пробую за то схватиться, за другое, ни в чем работа не клеится, и ничто не может заклеить мою щель. И так это мне больно, что жизнь проходит невидимо, и я не знаю, куда протянуть мне руку, чтобы к чему-нибудь привеситься, к подножке, к буферу или к багажнику.

12 июля. Вот опять это коренное чувство русского варвара, вроде Льва Толстого, что стоит только задуматься хорошенько, найти в себе *нечто,* потом решиться и тогда силой можно будет переменить свою жизнь и направить ее к желанной цели.

20 июля. Каждый мастерит свою жизнь, и отчасти не прямо, как надо для себя, а и чтобы кто-то поглядел, похвалил или позавидовал. Но приходит этому срок, и все мастерство жизни для других, для показу отпадает, свидетелей вообще никаких не остается: перед лицом Смерти ты разглядываешь сам себя во всех подробностях, каков ты сам есть, а не каким мастерил себя для других.

Прежде меня охватывало желание при работе поскорее сделать, поскорее выбросить из себя, и казалось,

промедлю, умру от чего-нибудь, и тогда все пропадет, и оттого надо спешить. Теперь я не очень тороплюсь и работу иногда откладываю с тем чувством, что если я и помру, это мое дело не пропадет: кто-то другой, по-другому, но сделает мое незаконченное, может быть, много лучше, скорей и сильней. И мало того, что он укажет, он прямо и поведет за собой.

30 июля. Есть в душе чувство собственности, заполняющее весь мир: все мое и я во всем. Можно жить этим чувством с полной уверенностью, что если кто-либо восстанет против такого Меня, он восстанет против правды, справедливости и законов всего мира. В таком внутреннем убеждении человек встает за правду, вовсе не считаясь с выводами дневного сознания.

4 августа. Думаешь, это растет в тебе идея, убеждение в чем-то, быть может, обязательном для всех. А потом, когда напишешь вещь, оказывается, что это не убеждение было, а леса для постройки романа. Написал роман, и все убеждения исчезли, как мираж.

С некоторого времени я понял это и один свой самый главный роман задержал в себе на год, потом на два, на три, больше. Чувствую теперь, что стоит мне засесть на месяц, два, три, и напишу. Но мне страшно остаться пустым, и я пишу что угодно, очерки, маленькие рассказы — чего, чего только не пишу, но только не тот свой роман.

6—8 августа. Вечером, когда внизу темным неопределенным пятном скрывался лес в туманах, я вспомнил, как то же самое видел тому назад лет тридцать и что тогда я в том почувствовал душу всего человека: это было мне тогда не лес и туман, а весь человек и его душа.

16 августа. Много у меня получается писем от молодых охотников, в которых они начинают восхищением от меня, а кончают вопросом: «Научите меня тоже так устроиться, чтобы тоже, как вы, ездить, охотиться, писать и чтобы такое свободное житье тоже признавалось за дело».

Ответ мой очень простой, всегда одинаковый: «Есть такой час в жизни каждого человека, когда можно самому себе по своей шее выбрать хомут необходимости. Надо уметь воспользоваться человеку самому надеть этот хомут, наденет — будет свободен, пропустит — на вас его наденут. Свобода — это если хомут по шее, а не-

обходимость, когда он шею натирает. Так что, молодой человек, будьте начеку: успейте выбрать по шее хомут и будете так же свободны, как я, и можете заниматься всем, чем захотите».

23 августа. Десятки лет я это чувствую и не могу выразить чувство. Бывает, в лесу коснется меня что-нибудь, и я обращу на это внимание, пожалуй, удивлюсь и обрадуюсь, и тогда мне хочется это лесное событие связать с жизнью всего леса, а может быть, и всего мира, всего Целого. Я делаю усилие, но не могу связать, и мне кажется, что не хватает у меня для этого знаний. Я заводил знакомства с профессорами, спрашивал их в лесу:

— Неужели вы можете в любой час в лесу вспомнить всех своих млекопитающих, сказать, где они в данный момент, чем заняты.

— А какое, например, млекопитающее? — спрашивал профессор.

— Какое только в голову придет, вот, например, что делает сейчас землеройка, можно ли об этом рассказать?

— Есть разные землеройки,— отвечал профессор,— если вы думаете о нашей обыкновенной sorex araneus, то она, в основном, ведет ночной образ жизни, и, следовательно, надо полагать, что сейчас она находится в состоянии покоя.

— А где?

— Ее обычное место пребывания...

Не то, не то! Не в землеройке дело, а в связи ее с Целым, не как она узнана как отдельность, а как она показывается сама и в тот самый момент показывает *собой* весь мир в своем образе.

24 августа. Если я чувствую согласие своего духа с народом, то я, конечно, только радуюсь и не завидую гению. Как дитя своего народа, я знаю: в народном организме в момент великого напряжения всегда находится щелка, через которую радужным пузырем выдувается гений.

25 августа. Сквозь невесту видеть жену: это и значит любить брачно.

Так я никогда не любил женщину.

Но есть и другая любовь,— это любовь первого глаза, где женщина только невеста, и вот это мое.

2 сентября. Когда ехал в метро, на руках у пассажиров была уже газета сегодняшняя, от 2 сентября. И тоже, видно было, какое-то совершилось большое событие.

Мне сунули газету, я прочитал, что вчера, 2 сентября * в 5.45 утра Гитлер повел германские войска на Польшу, что Англия и Франция объявили всеобщую мобилизацию. И когда, потрясенный, пораженный, поднял голову, меня встретили горящие глаза, понимающие мое душевное состояние.

3 сентября. Так вот через 25 лет (мне тогда было 41 год) все переменилось в нашей стране, но я узнаю в себе возвращение того же самого чувства, того же волнения перед войной, как и тогда, в 1914 году. И тогда было сухо и стрекотали кузнечики, и теперь тоже курятся леса и стрекочут во множестве кузнечики.

6 сентября. Сколько раз мне мелькало, как счастье, взять на себя подвиг телеграфиста, утонувшего на «Лузитании» *: он, погибая, до последнего вздоха подавал сигналы о спасении гибнущих людей. И мне казалось, что в писаниях своих я займу когда-нибудь положение этого телеграфиста. Но где они те люди, которых я стал бы вызывать на помощь: тех, кого я знал, все сошли, и чем они жили, больше не имеет смысла, те же, кто будет впереди...

8 сентября. Лучшее в русской традиции,— скромность при тайном сознании силы, вроде того, что еду-еду не свищу, а наеду не спущу.

25 сентября. К сказкам, поэзии все относятся, как к чему-то несущественному, обслуживающему отдых человека. Но почему же в конце-то концов от всей жизни остаются одни только сказки, включая в это так называемую историю.

28 сентября. Хорошо писал «Этажи леса» *. Вечером поехали в Москву. По пути женщина-скульптор и разговор в пятнадцать минут от Пушкино до Тарасовки на тему — что с внешней стороны на всем свете война, человек бьет человека, а внутри небывалая жажда любви.

5 октября. Жизнь всех людей переменилась, потому что каждый теперь про себя передумывает свое понимание жизни.

Открывается политика, похожая на борьбу двух зверей. Коварство необычайное, но дипломатические, военные и охотничьи хитрости — явление обычное между

зверьми. Вот чего и боится наш русский человек, когда слышит о «дружбе» с фашистами *.

6 октября. Еще не верится, но мелькает надежда, что дождусь времени, когда люди станут на свои места и каждый будет уверен в завтрашнем дне.

18 октября. Отдыхал, пытался писать и вечером поехал в Москву. По дороге любовался людьми русскими и думал, что такое множество умных людей рано или поздно все переварит и выпрямит всякую кривизну, в этом нет никакого сомнения: все будет как *надо.*

11 ноября. Спасаюсь работой.

13 ноября. Барометр опять падает, и опять болит спина. И до того, кажется, будто и в душе есть тоже спина и там тоже болит...

Потребность писать есть потребность уйти от своего одиночества, разделить с людьми свое горе и радость. Было время, когда я в одиночестве своем дошел до того, что стало невыносимо и страшно оставаться с самим собой. И когда я в таком состоянии вздумал писать, оставаться с самим собой мне стало не страшно. Я тогда же понял, что занятие искусством слова исходит из потребности поделиться с кем-нибудь своим душевным миром.

Но я видел, с какими чувствами люди идут на похороны и с какими на свадьбу. Вот почему с первых же строк своих горе свое стал я оставлять при себе и делиться с читателем только своей радостью. И так поиски материалов для писания обратились в моей практике в поиски такой радости жизни, которая бы, как именины или свадьба, созывала ко мне хороших друзей. Не так-то легко это вечно справлять весну и свадьбу, месяцами, десятками лет я учился переносить личное горе и делиться радостью жизни с другими.

Вы видите, беда, личная трагедия привела меня к такому неестественному для живого существа занятию, как отсиживанию в одиночестве многосуточных часов за столом. И вот теперь мне предлагают научить этому молодежь.

14 ноября. Заключаю, пересмотрев прошлое, что неизменным у меня остается лишь смутное, невыразимое словами чувство родины.

15 ноября. По-прежнему у нас не говорят люди между собой о политике, но она так велика, что вошла

внутрь каждого, и каждый про себя является политиком, живет внутри великих событий.

Теперь становится ясным, какую опасную игру затеял Гитлер...

16 декабря. Какой-нибудь месяц пройдет, оглянешься на себя и подумаешь, каким же месяц тому назад я был дураком. Вот как теперь быстро жизнь идет и как быстро люди умнеют.

Если война затянется, то она сделается всем нам, как война за будущее, которое мы уже не увидим.

19 декабря. В жизни бремя свое не минуешь, но одно бремя — это живешь хорошо и вдруг ни за что, ни про что попал в капкан, и считай, что вся жизнь была бессмыслицей.

Другое бремя — это когда вперед человек о нем знал и ждал его как неминучее, как естественный налог на живого человека в пользу будущего Всечеловека.

Вот это в моем сознании всегда было, я всегда говорил себе как бы, что «принимаю, но все-таки жить хорошо».

Смерть — это налог на живого человека в пользу будущей жизни.

28 декабря. Пишу «Неодетую весну».

31 декабря. Все мое писательство в совокупности есть любовная песнь с единым смыслом всей поющей весенней природы: «Приди!»

В этом неумирающая сила поэзии всей и моей поэзии, как яркий пример Всего.

Эту песнь, этот смысл и надо выразить в «Неодетой весне».

О, как же опошлено это французское: «Ищите женщину!» А между тем этим сказано, что в глубине всего искусства только женщина, и если нет ее, то нет и самого искусства, нет поэзии и только «проза».

Женщина — это очаг искусства, и чем дальше отходит артист от очага, тем прозаичней он.

1940

1 января. Жгли в кумирне арчу и загадывали... И мгновенно, как на охоте стрельба по взлетающей птице, я сказал: «Приди!» *

2 января. Установилась зима. Работа над «Неодетой весной» вошла в берега, и теперь уже наверно знаешь, что выйдет, и уже ясно видишь конец: живая ночь: «Приди!» — выражающая песню всей моей жизни.

Аксюша ходила с Боем на улицу, видела там много детей, играющих в войну, и сказала:

— Будет война!

И так объяснила мне. В прежнее время, бывало, старики заговорят о войне, и детям до того становится страшно, что долго не могут уснуть. Тогда старики начинают детей успокаивать: война пойдет, но к нам не придет, нас война побоится. Мало-мальски успокоят, и уснут дети, и все-таки страшно и не хочется войны.

— А теперь,— сказала Аксюша,— дети играют в войну, и так охотно, стреляют чем-то друг в друга, падают, будто раненные, их поднимают, уносят. И все в охотку. И если детям не страшна война, то, значит, будет война.

14 января. Мне захотелось работать немедленно и быстро над своими дневниками, чтобы месяца через три все закончить и сдать в Музей *. Нужен человек, могущий работать у меня часов 8 в день.

16 января. —43° с ветром. Устроил «смотрины» (ее зовут Валерия Дмитриевна) *. Посмотрели на лицо — посмотрим на работу.

18 января. Голодный повар,— как это может быть? А вот бывает же: поэт похож на голодного повара, он, создающий из жизни обед для других, сам остается голодным.

19 января. Самое близкое мне повествование Мамина * — это «Черты из жизни Пепко», где описывается «дурь» юности, и как она проходит, и как показывается дно жизни, похоже на мелкую городскую речку с ее разбитым чайником, дырявыми кастрюлями и всякой дрянью. И когда показывается дно, является оторопь от жизни, хочется вернуть себе «дурь». Делаются серьезные усилия, и дурь становится действующей силой, поэзией писательства.

В «Пепко» вскрывается внутренняя двигательная сила всего написанного Маминым; «Пепко» есть свидетельство, что Мамин настоящий поэт, независимый от внешних условий.

20 января. Говорят, что Мамин — это русский Золя. Он так и назван по шкале Золя: натуралист. Натурализм: это берется золото — лирическое волнение, к не-

му прибавляют механически лигатуру. А у Мамина: блудный сын из богемы, больной, измученный, возвращается к отцу на родину и восстанавливает родственную связь со своим краем.

Почему же у нас Мамина не узнали в лицо? Я отвечу: потому не узнали, что смотрели все в сторону разрушения, а не утверждения родины.

Заключение: исследование от настоящего, потому что в настоящем содержится все прошлое. Если писатель жив и движется, надо брать его последнее лучшее и освещать им прошлое. Если он умер, но живет в своих произведениях, то в настоящем надо искать их смысл. Вот если бы было так, то Мамин бы стал теперь самым современным писателем, потому что современность требует открытого признания любви к родине.

22 января. Вчера была вторая встреча с новой сотрудницей.

24 января. Есть писатели, у которых чувство семьи и дома совершенно бесспорно (Аксаков, Мамин), другие, как Л. Н. Толстой, испытав строительство семьи, ставят в этой области человеку вопрос; третьи, как Розанов, чувство семьи трансформируют в чувство поэзии; четвертые, как Лермонтов, Гоголь, являются демонами ее, разрушителями, наконец (я о себе самом думаю), остаются в поисках Марьи Моревны, всегда недоступной Невесты.

25 января. В. Д. Лебедева. Я ей признался в чувстве своем, которого страшусь, прямо спросил:

— А если влюблюсь?

И она мне спокойно ответила:

— Все зависит от формы выражения и от того человека, к кому это чувство направлено,— человек должен быть умный.

Ответ замечательно точный и ясный, я очень обрадовался.

Мы с ней пробеседовали без умолку с 4 часов до 11 вечера.

27 января. 40-й год начался у меня стремительным пересмотром жизни, что даже и страшно: не перед концом ли?

28 января. Ко мне подходит то, что есть у всех и считается у всех за обыкновенное, и потому они этого не замечают. А мне это приходит как счастье.

31 января. С разных сторон слышу, что «Кащеева цепь» плохо читается и мало-помалу отходит в историю. Для новых людей в ней описано то, что стало теперь за спиной и так близко еще, что и не видно.

9 февраля. Не знаю, любит ли она, как мне хочется, и я люблю ли ее, как надо, но внимание наше друг к другу чрезвычайное, и жизнь духовная продвигается вперед не на зубчик, не на два, а сразу одним поворотом рычага на всю зубчатку.

Близкое, в чем сходимся,— это разбивать условные формы и находить настоящее, неизменное, вечное. Только на этом пути и создается новая радостная вера в настоящую жизнь, а не только в будущую, не только в прошлое. Словом, больше и больше о здравии, чем за упокой, довольно отдали прошлого, довольно страдали за будущее, будем брать настоящую жизнь и строить Дом Жизни.

11 февраля. Сегодня еду в Загорск и пробуду там всю шестидневку (19-го вернусь).

Какое же это счастье быть избранным: ведь много-много разных людей проходило, и напрашивалось, и, узнав свое «нет», уходило в Лету. Но я пришел, и мне ответилось «да», и среди множества званых я один стал избранным *. А сколько тоже и их проходило и прошло, и только единственная получила мое «да» и стала избранной, и мы оба избранные без вина напиваемся и блаженствуем в задушевных беседах.

Я будто живую воду достаю из глубокого колодца ее духа, и от этого в лице я нахожу, открываю какое-то соответствие этой глубине, и лицо для меня становится прекрасным. От этого тоже лицо ее в моих глазах вечно меняется, вечно волнуется, как звезда.

Так вот, и в душе моей тоже какая-то неровность, и благодаря ей нарастает и разрастается всезаполняющая форма.

Я помню в далекие времена, когда расстался с «Инной», собранная в одну точку мысль долбила мою душу, как дятел дерево, но мало-помалу в пустоту стала собираться пустыня с деревьями, цветами, полями, лесами, морями. И я привык этим жить.

Так точно и сейчас вошло в мою душу нечто новое, и я старого не вижу, а к новому не привык.

13 февраля. И в лесу не с лесом, и ночью не со своей «Песнью песней»! Только уж когда сяду за стол

и беру перо в руку, начинаю писать и как будто пишу лучше и голова крепче держится. Главная же перемена, это на сердце: там теперь как будто мастер пришел, все смазал, все подвинтил, вычистил бензином, спиртом, там теперь ничего не стучит, не хлябает.

14 февраля. Мне кажется, я почти в том уверен, что в скором времени она меня будет любить так же сильно, как и я ее: натура такая же поэтическая и в том же нуждается.

20 февраля. Если думать о ней, глядя ей прямо в лицо, а не как-нибудь со стороны, или «по поводу», то все, что думаешь, является мыслью непременно поэтической, и тогда даже видишь самое чувство с двух сторон: с одной — это любовь, с другой — поэзия.

И хотя, конечно, нельзя поэзией заменить всю любовь, но без поэзии любви не бывает, и, значит, это любовь порождает поэзию.

21 февраля. В. открыла в дневниках нового Пришвина. Это произошло так неожиданно. Она остановила трещотку машинки и вдруг сказала:

— А вы, оказывается, вовсе не такой глупый, как я думала.

И принялась читать, и я дивился, узнавая в ее словах нового писателя. Как же это странно, что я, не зная ее, а только обращаясь к неведомому другу, писал ее мыслями, ее словами, ее чувствами. Как будто есть мир, в котором люди живут общей мыслью.

22 февраля. Разве это не дело: складывать две жизни в одну?

То, во что мы верим в детстве и ранней юности, в какое-то *настоящее,* в глубине нашей души навсегда остается, только мы, взрослые, серьезно не верим, что это настоящее возможно здесь, на земле. Так я ждал свою настоящую невесту и постепенно терял надежду в том, что Настоящая может встретиться в жизни, а не существует только в поэзии, как Прекрасная Дама. Я еще никак не могу окончательно увериться в том, что это пришла Настоящая.

Она готова любить меня, но ждет в себе решительного слова: не все еще установлено, не все проверила, и не всему поверила, что ей пришло от меня. Намекнула мне, что ее смущают мои возможности: то есть мое положение, имя, даже и обстановка, то есть моя квартира

и особенно люстра: эта прекрасная люстра вообще у нас стала символом соблазняющего благополучия.

Вчера взял тетрадь дневника с отметками В. цветным карандашом. Мне казалось это чтение таким интересным, что и на всю ночь хватило бы у меня бодрости читать. Но вышло так, что когда отметинки кончились и не осталось никакой надежды увидеть на своих страницах руку моего друга, вдруг такая скука меня охватила, что я лег в кровать и в 9 ч. заснул, и так основательно, что проснулся лишь утром в 5.

24 февраля. Моя любовь к ней есть во мне такое «лучшее», какое в себе я и не подозревал никогда. Я даже в романах о такой любви не читал, о существовании такой женщины только подозревал.

Песня всей моей жизни, такая долгая, такая настойчивая и упрямая, привлекла ко мне не славу: она вызвала ко мне из хаоса любовь человека.

27 февраля. Она вспомнила, что все главное у нас вышло от дневников: в них она нашла настоящее, собственно свое, выраженное моими словами. И вот отчего не отдам никогда я эти тетрадки в музей: это не мои тетрадки, а наши.

И так все пошло переделываться в «наше».

Весь смысл внутренний наших бесед, догадок в том, что *жизнь есть роман.* И это говорят люди, в совокупности имеющие более 100 лет! И говорят в то время, когда вокруг везде кипит война и только урывками можно бывает достать себе кое-какое случайное пропитание. Никогда не была так ясна самая сущность жизни, как борьба с Кащеем. Никогда в жизни моей не было такой яркой схватки с Кащеем за «роман». В этом романе схватка за жизнь, и она все это знает и очень готова, да только все еще не совсем уверена во мне, все спрашивает, допытывается, правда ли я ее полюбил не на жизнь, а на смерть...

5 марта. Встаю радостный, каким бывал только мальчиком. И как будто ищу глазами подарки. Спрашиваю себя: «Отчего таким прекрасным мне кажется сегодняшний день?» И, обежав, ощупав свою радость со всех сторон, ответил себе: «Это все только оттого, что завтра я увижу ее».

6 марта. Пошел в лес. В полной силе весна света, и голубеют на белом снегу следы зверьков, и спускаются легкие пушинки между зелеными стволами, и уже не

«пинь-пинь», а брачным голосом везде распевают синицы, и овсянки тоже запели.

Лучше ничего в мире природы для меня не было, и я так любил это время, что создал свой образ, и теперь все кругом называют это моими словами: весна света. Но теперь больше не завлекает меня неведомая сила идти вперед по голубым следам. У меня теперь есть такое большое, в чем весна света сияет, как малая подробность. И все боги мои, которые весенней порой прилетают с южных морей: голубые, синие, зеленые — все эти боги в ней. И если бы я был там, откуда исходит мой свет, и строгий голос какого-то сурового и самого великого бога велел бы мне отойти, я бы не послушался и ответил: «Отойди от меня, сатана, настоящий, единственный бог живет в сердце моей возлюбленной».

20 марта. Кто может отнять у людей свет зарайских стран? Так и любовь мою никто не может истребить, потому что любовь моя — свет. О, как я люблю, какой это свет!

Перебрав все мое внутреннее содержание, я его вдруг увидел все как бы просиявшим в направлении от этого света и понял, что я — это, как сапожник, хороший человек, приютивший Ангела *, и этот свет мне за то, что я тоже хороший человек и тоже приютил у себя ангела и помог ему, когда он страдал от воплощения в человеческий образ, как он ужасно страдал. И я пожалел его и приютил, и за это дана мне эта любовь, этот свет. Кто может отнять от меня этот божественный свет?

22 марта. Был на вечерней прогулке, и такая меня тоска охватила, и впервые так был безучастен в природе: на закате месяц всходил бледный, большой и словно отворачивался, и так все-все — облака, снег, следы зверей даже чем-то противны: столько лет занимался такой глупостью! А дома патроны, ружья,— нужно же было на детскую шалость тратить столько времени. И так все от меня отвертывается, или я сам отвертываюсь...

Вся жизнь собралась в одной-единственной точке, и раз я от нее оторвался, то вокруг нет ничего, и я сам, будто сосланный.

А поди я с Лялей *, как бы он запрыгал, заиграл, бессовестный месяц!

24 марта. И еще один морозно-солнечный день. Хотя внутри все повертывается по-разному, но средняя линия — это полная уверенность в своей правоте и совершенное спокойствие: без этой встречи моя жизнь была бы непонятной. Теперь в моей жизни было две звезды — звезда утренняя (29 лет) и звезда вечерняя (67 лет) и между ними 36 лет ожидания. 40-й год загад: крест или «приди!», и она пришла, и жизнь моя стала прозрачной и ясной. «Жень-шень» — это о звезде утренней, теперь должно возникнуть нечто о звезде вечерней. «Звезда вечерняя моя».

10 июня. Я долго учился записывать за собой прямо на ходу и потом записанное дома переносить в дневники. Все написанное можно потом складывать, но только в последние годы эти записи приобрели форму настолько отчетливую, что я рискую с ней выступить.

Я не первый, конечно, создатель этой формы, как не я создавал форму новеллы, романа или поэмы. Но я приспособил ее к своей личности, и форма маленьких записей в дневник стала больше моей формой, чем всякая другая.

Я пишу для тех, кто чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни и страдает оттого, что сам не в силах схватить их.

23 июня. В основе любви есть неоскорбляемое место полной уверенности и бесстрашия. Если случится в этом с моей стороны посягательство, то у меня есть средство борьбы против себя: я отдаю всего себя в полное распоряжение друга и через это узнаю, в чем я прав, в чем виноват. Если же я увижу, что друг мой посягнул на святыню мою, я проверяю его, как себя. И если случится самое страшное и последнее: друг мой станет равнодушен к тому, чем я горю, то я возьму палку свою дорожную, и выйду из дома, и святыня моя останется все равно нетронутой.

10 августа. В лесу собирали грибы. Застала гроза. Теплый дождь.

Мы с Л. теперь достигли такой степени сближения, когда «удивление» (от первого глаза) больше уже не открывает друг в друге нового, но зато и нет больше тревоги, что из-за чего-нибудь весь союз разлетится и все сближение окажется ошибкой. Мы вступили в тот фазис, когда найденное в друге каждому становится необходимостью для существования, входит в привычку,

в повседневную потребность. Ничто во внешней форме каждого, красивое или некрасивое, больше не влияет на отношения.

12 августа. Л. напомнила мне о послушании, порождаемом любовью. В этом естественном послушании я теперь и нахожусь. Через эту мысль о естественном послушании, естественной любви и природе понял происхождение у Руссо и Толстого их мыслей о природе, как существе всего человека: все есть в природе и нет только сознания, и что сознанием своим человеку не очень-то надо гордиться и им отделяться от природы... Так «природа» стала убежищем свободно верующих, но биологизм пробрался сюда и подточил.

16 августа. «Фацелия» стала поэмой. Весь день работали.

17 августа. «Фацелию» направили в «Новый мир». Работаю над «Лесной капелью». Л. со мной работает, и наша дружба растет, и любовь наша святая, чистая, растет, и создается новое детство и настоящий «Дом». Даже поэзия стала на второй план.

19 августа. Вся моя поэзия вытекала из утраты, но теперь, когда «Инна» эта нашлась, из каких же родников будет являться поэзия? Я думаю, из благодарности, из жажды славить жизнь и ее возможности. Это будет песнь песней, песней всех бывших на земле до сих пор.

24 августа. Выправлял «Лесную капель», вздумал перечеркнуть один кусочек двумя чертами накрест и двумя параллельными. При этом вдруг мне пахнуло чем-то знакомым и бесконечно милым. Так часто бывает, но догадаться, чем пахнуло, обыкновенно не успеешь: пахнет чем-то милым из детства и тут же забудется. Но в этот раз из черточек накрест и двух параллельных сложился мне змей, как я клеил его, бывало, сам из деревянных планочек и листа белой бумаги. Так вот милый запах сейчас — это был мне запах клейстера из пшеничной муки, каким я обыкновенно тогда змея клеил. И было это тому назад больше полстолетия. Вот как помнится, вот как влияет на жизнь нашу то, что с нами в детстве бывает. И сама-то вот эта «Лесная капель», разве не есть это все пережитое мною в детстве...

Ляля переносит поправки, и с «Лесной капелью» будет покончено. Приступаю к «Падуну» *.

25 августа. Думали вместе, да, мы теперь много думаем вместе.

Мы думали вместе о том пути вдохновения, по которому проходили порознь. Теперь эти пути пересеклись, и мы вместе пошли. Но этот путь вместе не похож на тот путь вдохновения, это путь труда человеческого, это путь, на котором ты вечно думаешь о другом, а не только о себе самом...

29 августа. Опять «мысль из окошка» по пути из Москвы в Тяжино: эта мысль была в процессе создания «единственной». Так вот, Ляля мне представляется единственной, что на свете другой подобной быть не может. Но сегодня на почте я видел одну барышню с глазами, похожими на Лялины, и мне подумалось: «А может быть, это я создаю Лялю, как единственную в мире женщину, на самом же деле такие «ляли» встречаются? Может быть, и все так, кто любит, порождают из себя те прелести, которые я приписываю одной Ляле? Может быть, эта ее любовь кажется такой исключительной только потому, что я *никакой* любви не испытывал и мне «все благо»?» Принимаю, что так, но вместе с тем и утверждаю, что на земле у людей существует великая любовь, единая и беспредельная. И в этом мире любви, предназначенной человеку для питания души в той же мере, как воздух для крови, я нахожу единственную, которая соответствует моему собственному единству, и только через это соответствие единства с той и другой стороны вхожу я в море всеобщей любви человеческой.

Вот почему даже самые примитивные люди, начиная свою короткую любовь, непременно чувствуют, что не им одним, а *всем* хорошо на земле жить, и если даже очевидно, что хорошая жизнь не выходит, то все-таки возможно человеку и до́лжно быть счастливым. Итак, только через любовь можно найти себя самого как личность, и только личностью можно войти в мир любви человеческой.

7 сентября. Ходил утром на болото,— нет еще дупелей. Но главное,— нет прежнего охотничьего трепета. Напротив, когда с Л. пошел вечером за грибами, то было, как на охоте. Так все и продолжается во мне, будто Л. *послана* мне, до того она необыкновенна.

9 сентября. В «Новом мире»: слухи об успехе «Фацелии».

19 сентября. Начали писать общий дневник.

26 сентября. Лучше всего мне пишется на том месте, где мой чай. За чаем я никогда не сочиняю, а пишу дневник в полном равенстве себя самого с тем, что записываю: пишу прямо вслед за собой.

30 сентября. Поэзия как и любовь — это явления таланта, а талант от Бога. Вот почему ни поэзию, ни любовь нельзя делать собственностью. Непременно у человека, создавшего себе в поэзии или в любви фетиш, является драма, которая была в любви у Хозе (Кармен), в поэзии Блока. Словом, талант — это путь, но не сущность. И если сущность есть Бог, то подмена ее фетишем порождает собственность, а собственность всегда разрешается драмой.

4 октября. Мир в огне и неслыханном горе. Глядя со стороны на жизнь, теперь всякий просто глазами видит ее бессмысленность. А изнутри каждый для себя на что-то надеется...

Так показывается извне бессмысленно-вековечное родовое движение человека, полная тьма. И только, если глядеть с закрытыми глазами внутрь тьмы, показывается непрерывная цепь полных смысла жизненных вспышек: это мы, люди, как личности вспыхиваем, друг другу передавая свет жизни.

13 октября. Мой «Аврал» * надо представить как нечеловеческий синтез раздробленного человека, в котором каждая отдельность прозревает свое Целое. Три человека — Пахан и Дехтерев и Мария Мироновна — должны, участвуя в создании Целого, отстоять свою личность, они участвуют в создании Целого, как личности, тогда как другие только выявляют, только оживляются в осуществлении заложенного в них чувства Целого.

«Аврал» у меня будет как высшая ступень творчества жизни, как Страшный суд, на котором сгорает вся иллюзорность и ограниченность индивидуальности и остается последняя реальность Сущего.

7 ноября. В полдень вышли все мы и с собаками на улицу, поглядели на землю: пушки везут, и сколько! поглядели на небо — все небо закрыли серебряные птицы. Не до красоты нам теперь, но все-таки утешение какое-то в том, что хоть знаешь, на что уходит наша трудная жизнь.

29 ноября. Выступал по радио со своими новыми рассказами «Мои тетрадки», «Лада» и «Гость».

5 декабря. Закончил «Дедушкин валенок».

9 декабря. Любовь похожа на море, сверкающее цветами небесными. Счастлив, кто приходит на берег и, очарованный, согласует душу свою с величием всего мира. Тогда границы души бедного человека расширяются до бесконечности, и бедный человек понимает тогда, что и смерти нет и нет того, что называется у бедных людей «сегодня» и «завтра». Исчезает тогда эта черта, разделяющая всю жизнь на «тут» и «там». Не видно «того» берега в море, и вовсе нет берегов у любви.

Но другой приходит к морю не с душой, а с кувшином и, зачерпнув, приносит из всего моря только кувшин, и вода в кувшине бывает соленая и негодная. «Любовь — это обман юности»,— говорит такой человек и больше не возвращается к морю.

17 декабря. Мы просто счастливы. И это чудо! Как можно быть счастливым, в то время, как... Невозможно, и вот вышло чудо, и мы счастливы. Значит, это возможно при всяких условиях.

20 декабря. Итак, всякая любовь есть связь, но не всякая связь есть любовь, а истинная любовь есть нравственное творчество. Так что можно заключить, что любовь есть одна, как нравственное творчество, а любовь как только связь не надо называть любовью, а просто связь.

Вот почему и вошло в нас это о любви, что она *проходит:* потому что любовь как творчество подменялась постепенно любовью-связью, точно так же, как культура вытеснялась цивилизацией.

23 декабря. Литература, искусство — это выражение лица народа, и понятно, что страдания выражаются тем, что бледнеет лицо. Глубокие страдания переживает весь мир, *у всех народов бледнеет лицо...*

Остается только ниточка связи — это я со своей верой, со своим независимым чувством гармонии, где-то в таинственной глубине своей, я люблю тебя, русский народ, я люблю — значит, ты существуешь...

27 декабря. Впервые начинаю приходить сам с собой в равновесие, впервые вижу возможность создать обстановку, в которой не буду бояться себя.

1941

1 января. Слепое страдание может быть прямо и пороком, и дело не в самом страдании, а в том смысле духовном, через который переходят от страдания к ра-

дости. Точно так же и слепое утверждение в радости так же разрушительно для истинной жизни, как слепое страдание. Радость творческая, конечно, покупается ценою творческого страдания, но не обязательно для явления радости самому лично страдать. Возможно и так, что кто-то раньше до тебя выстрадал эту радость и ты получаешь ее как наследство. Итак, причащаясь к страданию, то есть всем существом своим готовясь к возможности страдания, я могу без всякого фактического личного страдания войти в радостный мир творчества. Так что истинной радостью может располагать только тот, кто насыщен готовностью и умереть во всякое время.

Итак, слепое страдание, равно как и не оправдываемое смыслом довольство, следует считать злом и с ним бороться.

2 января. Для прочного брака необходимо вечное продвижение любящих в мир, где оба еще не бывали и отчего они сами открываются друг другу новыми сторонами.

5 января. Искусство создано, чтобы заполнить пустоту между жизнью и смертью.

7 января. Теперь моя радость, мое счастье держится лишь каким-то днем, даже часом, там, за этим часом-днем, стоит и прямо виднеется враг — это моя смерть, враг, которого я должен сразить, и моя победа мне достанется лишь ценою гибели всех сладких иллюзий, которыми держится «жизнь» так называемая.

14 января. Продвижение книги: «Искусство как поведение» *.

16 января. С большим успехом читал по радио «О чем шепчутся раки». Удивляюсь, как это писатели, принимая меня за эстета по «Фацелии», не хотят замечать «раков», не хотят <видеть>, что язык мой — народной язык, и я могу сказать народное свое слово для «всех», что я могу писать и для самого умного читателя, а если надо будет для всех — то напишу и не снижусь.

23 января. Человек неудачей своей заострен как иголочка и мстит за себя всем и всех, кого только можно уколоть,— колет, таких больше всех.

Другой человек при крайней заостренности своей личности не лишен дара воображения и находит себе удовлетворение в творчестве. По этому пути идут всякого рода мистики, теософы, поэты-индивидуалисты

и всякого рода сверхчеловеки, преодолевающие препятствия внешней среды.

И, наконец, есть еще люди, которые винят только себя за свою неудачу, и так, признав себя лично ответственными за свою беду, пытаются сбросить с себя все лишнее и в окончательном своем ядрышке найти единство с лучшими существами из окружающей их среды, с целью преображения самой среды.

Моим идеалам соответствовал такой упрощающий себя изнутри человек, может быть, немного и с лукавой затеей в борьбе: вы, сверхчеловеки, много обещаете и с вас много спрашивается, а что взять с нас, простецов.

И может случиться, что у многодумных только пустые слова, а у простеца одно словечко, да туго-натуго налитое собственной кровью, и этим словечком решается все дело борьбы.

24 января. Какая же должна быть гигиена любви, охрана ее от заражения собственническим инстинктом? Средство это: думать больше о других, чем о себе, но... Вот тут-то и бывает подмена: любимый друг обрастает собственностью, из-за которой не видно самого человека. Значит, любя своего ребеночка, надо не ограничиваться только заботой о его существовании, надо ребенка любить в его безграничном развитии.

25 января. Надо очень остерегаться слова «любовь», которое и раньше звучало многосмысленно, а теперь смысл и совсем потерялся.

26 января. Мой друг детства Николай Александрович Семашко, окончив елецкую гимназию, поступил на медицинский факультет и сделался врачом. Профессия врача потом определила в значительной мере и его поведение: как врач он сделал много добра и, соединив с этой профессией революционную деятельность, сделался потом комиссаром и еще больше добра сделал как народный комиссар по здравоохранению. Я же после всяких колебаний выбрал себе литературу, и профессия писателя определила в значительной степени и мое поведение. Самое главное в этой моей профессии было, что она требовала всего человека, и совмещать занятия искусством слова с чем-нибудь еще для меня было невозможно.

И вот в 1906 году, когда вышла в превосходном издании моя первая книга «В краю непуганых птиц», мне под величайшим секретом сказали, что из эмиграции

тайно приехал Н. А. Семашко и приглашает меня на свидание. Мне было тяжело идти к деловому человеку революции, потому что и в своем-то новом деле я еще не был тверд и ничем не мог доказать право свое на вольноотпущенника революции. Все шло хорошо, пока мы были на людях, но когда наша хозяйка оставила обоих ею любимых друзей ночевать в одной комнате, обоим стало неловко. Перед сном у нас был такой разговор:

— Ты что же теперь делаешь?

— Пишу.

— И это все?

— Все, конечно, агрономию бросил: не могу совместить.

— И удовлетворяет?

— Да, я хочу писать о том, что я люблю, моя первая книга посвящена родине.

— Нам не любить теперь надо родину, а ненавидеть.

— Нашу Елецкую родину и я не люблю.

— Ты всегда имел наклонность мыслить по-обывательски, разве я о Ельце говорю?

— Нет, я не обыватель, а только склонен мыслить образами: моя родина не в Ельце, а в краю непуганых птиц. Я верю, что такая моя родина существует, и я люблю ее беззаветно. А революция? Революция не любовь, а дело; моя любовь включает и революцию, поскольку она есть движение духа. Если бы мне можно было участвовать в революции, как Рудин, я бы не отказался от такого мгновения и, может быть, давно погиб бы на Красной Пресне. Но делать это медленно, организовывать, выжидать, копить в себе силу ненависти, молить неведомого бога о мщении, я этого не могу, не способен.

— К чему же ты способен?

— К такому же медленному накоплению любви в слове. Это тоже нелегко, еще, может быть, и труднее, но я к этому более способен. Я это могу...

3 февраля. Нет, я не на корабле плыву в океан. Там на кораблях есть и компас и руль, и на всяком месте определяются с помощью звезд. Здесь же на моем пути только тропа, по которой шли люди один за другим. Не в океан я плыву, а лесною тропою иду в свое отечество, в строгом согласии с теми, кто выбил своими босыми ногами эту извилистую тропинку. За то я так

и люблю эти лесные тропы, что они отвечают внутреннему и непостижимому для полного сознания согласию с какими-то настоящими, определяющими движение людьми. Это чувство было у меня с колыбели, и мой бунт и мои открытия имели значение не больше тех исканий, на которые обречен путник, потерявший тропу.

19 февраля. Юмор — это орудие в борьбе с пошлостью. Вот почему в мещанском обществе смеяться нельзя.

20 февраля. Бывает любовь от щедрости, много дано и через край переливается. А то любовь бывает и от скупости: живет человек очень скупо, будто сундук у него есть особый, и он туда все складывает, а сам не ест. Но приходит час, и сундук открывается: душа, ешь, пей и веселись! — и это тоже любовь. А то бывает, для себя от жизни остается только боль и эта боль собирается, собирается и вдруг сразу вся переходит в страх за жизнь другого, а себе стало хорошо, и вот это хорошее есть тоже любовь.

Эта женщина ходила всегда наполненная желанием любви и ждала только случая, и когда случай пришел, все удивлялись: такая женщина и пошла за такого мизгиря * во всех отношениях. А между тем так всегда, потому что любовь в душе, как в груди молоко: напирает, напирает —только подставь губы и пей.

22 февраля. Я живу достоверностью сердца, где таится самая сущность всего преходящего в бессловесном сознании. Искусство мое состоит из чередования удачных и неудачных попыток заключить эту достоверность сердца в слова разума.

24 февраля. Если взрослый человек бывает похож на ребенка, то это во всем человеке самое лучшее. И когда говорят: «будьте как дети», то этим не хотят сказать, что дети сами по себе хороши. Нет, это относится только к людям взрослым, чтобы они, оставаясь как взрослые люди умными и добрыми, в то же время были и просты, как звереныши.

(Написано при воспоминании виденного в Загорске: очень древний священник с большой седой бородой, сгорбившись, шел по улице, вокруг него бесилась куча мальчишек, прыгали, бросали в старика грязью и все кричали на него: «Поп, поп, поп!» Он шел молча, сгорбившись, и только уж когда грязь попадала ему в лицо,

крестился, поднимал голову и повторял вовсе незлобиво: «Ах, деточки, деточки!»)

15 марта. Полная весна света, но только света. И когда утром 20 градусов, то не боишься больше мороза: в полдень падет до нуля. Каждый день валит снег. Сорока скучает возле пустого скворечника. В лесу сосны голые, длинные, тихонько бесшумно покачиваются. Среди них есть две сросшиеся — сто лет вместе росли и теперь вместе покачиваются. И вот где-то скрипнуло, еще и еще, и так жалостно, за сердце хватает. Это те две сосны, покачиваясь, стонут, как люди, бывает, живут вместе и стонут.

21—22 марта. Когда друг приезжает ко мне, я бываю счастлив, но пишу хуже. А когда он уезжает, я тоскую, но пишу лучше. Неужели родник творчества вытекает из личной утраты?

30 марта. Весна перестоялась, всюду в лесах нетронутые глубокие снега, и только где-то кто-то видел на каком-то дереве грачей. Зато в Москве, в этом радостном свете и дома и люди преображаются. На Моховой когда-то ночью человек перелез через решетку в Александровский сад и оставил на снегу глубокие следы. Во время оттепели в эти следы, может быть, примыло какие-нибудь семечки, упавшие на снег с деревьев, а может быть, сам человек, тяжестью своего сапога сдавливая снег, соединял между собою семечки, лежащие в разных слоях снега, и превращал свой собственный след в кладовую драгоценностей для птичек? Воробьи битком набились в этот след человека, купались, брызгались синими, красными и радужными каплями, доставали себе что-то, выпрыгивали. Другие вслед за ними спускались в подвал, дрались, смеялись, чирикали, хохлились, ходили по снегу задиристо петушками. На мгновение даже радуга вспыхивала в брызгах.

Так один только след человека сделался кладовой сокровищ для птиц. А сколько следов оставил я, десятки лет ожидая прилета своей желанной птицы! Только теперь мне стало понятным, почему весну света я избрал, сделал для себя лучшим временем года и десятки лет упорно выходил из дому навстречу прилетающим птицам. Я потому избрал себе весну света, что такою весной все в будущем: потому что я ждал. Теперь моя птица прилетела и свила гнездо в моей душе. Я счастлив — я больше не жду своей птицы, и мне довольно этих воро-

бушков: будто это детки наши играют в следу человеческом. Так теперь и вся новая жизнь моя складывается, будто вокруг нас это все дети наши хорошие, или плохие, или ничего себе, но только дети — все дети, играющие в следах человеческих.

31 марта. Ночью все думал о «бабушке» и родине-матери. Разбирал, почему это — когда хотят человеку о чем-то самом хорошем сказать, говорят: мать, или родная земля, или даже соединяют вместе и говорят: мать-земля. Мы до того к этому привыкли, что вовсе и не думая говорим это.

И надо было, чтобы Вы (Алексей Максимович) много раз в своих письмах называли меня «сын любимейший своей матери-земли», чтобы я почувствовал необходимость раскрыть в себе значение этих повторяемых и стираемых слов. Вспоминаю для этого мать свою, как она умирала, и как я тоже расставался с той землей, где она меня родила и сад насадила своими руками. В сущности, как все переберешь в себе, «земли»-то и нет никакой, это не земля сама, а любовь к человеку, как бы приподнимающая на воздух все эти родные елки, березки, овражки и яблонки.

1 апреля Как раз вышло, что первого апреля началась весна воды. Серый день, на полградуса выше нуля. В лесу запахло березовой и осиновой корой.

3 апреля. Опять подморозило, и так весь день прошел (кроме полдня) подпертый морозцем.

5 апреля. Мне думается, уходить от плотского мира, ненавидя его, и отряхать прах с ног, это не вершина аскетизма, можно не уходить, а *отходить,* любя и преображая природу. Может быть, аскетизм самоотвержения при неудаче своего выполнения и является источником самомнительного и резкого разделения материи и духа, мира будущего и здешнего. Напротив, аскетизм моего понимания — это есть то состояние, когда говорят: «Человек отходит». Можно ребенком открыть глаза и начать отходить от мира, оставляя за собой след преображающей деятельности: это, наверно, и называется путем святости, ведущим к свету из тьмы, к радости.

14 апреля. Бывают люди, с колыбели почти струится из них поток любви и не разливается, а упирается во что-то, и эта помеха становится плотиной, и река любви превращается в стоячую воду, украшенную чистей-

шими белыми лилиями. И бывает у таких людей, вдруг время ли придет или жданно-желанный, и вдруг плотина рушится, и вся вода сразу бежит. На меня это очень похоже, да, я такой, и знаю, у русских этого много, много...

15 апреля. С вечера моросило, и наступило серое весеннее утро. Пришла наконец желанная неделя весны воды, токует тетерев...

17 апреля. Я создаю поэзию природы не такую, как понимали ее эстетические поэты XVIII века, а новую, всем доступную, постепенно приближаясь к образцам народного творчества... Я сам глубоко убежден в том, что моя *природа* есть и школа жизни, и праздник, необходимый для рабочего, чтобы строить, для воина, чтобы бороться. В мои годы исчезает всякая охота к славе, к самообману, стяжанию, я чувствую *современность* не как заданную тему, а как свою родину в себе самом совершенно так же, как чувствую тело свое и кровь.

26 апреля. Снег валит и валит. Коты дерутся на крышах, оставляя глубокие следы. Но снег сейчас же вновь закрывает их...

Надо бы ехать на охоту в Малеевку, но снег, и не хочется. А бывало, раньше я обращал ли внимание на снег?

Люди не любят объяснять события общественной жизни глубокими причинами, но глубокие причины действуют, и вот отчего все выходит как-то не совсем по-нашему.

28 апреля. Я опоздал к воде, все лесные ручьи сбежали в реку, и по реке вода ушла в далекое море. Теперь река спокойно и величаво идет в своих берегах.

Я к весне опоздал и чувствую, что все богатство, какое рождалось во мне когда-то весной, сбежало ручьями в одно сердце, широкое, как море, и все, что рождается во мне,— все сбегает рекой в это море-сердце. Ничего со мной необычайного не случилось: моя река вошла в свои берега.

29 апреля. Великодушное отношение к прошлому, с отбором лучшего и благодарностью, с забвением дурного — вот залог движения вперед. Во мне есть особенно сильное чувство благодарности к месту, где я жил, прямо к самому месту, к оврагу, к дорожке, к дереву, стерегущему на поле вход в лес, к запаху коры, прелой листвы. Вспоминая это, я забываю неприятное.

Еще не приподнялись зеленые лепесточки у зимующих трав, приплюснутые толщиной снега тройные листики земляники лежали, не смея подняться, когда и снег сошел. Только на высокой кочке, на ее макушке, где горячие лучи солнца хорошо пригревали и ветерок сдувал влажные пары, одна земляничка стала подниматься на длинной своей ножке.

Возле дороги среди зеленеющей озими виднелись в маленьком овражке остатки снега, зеленеющие ряды озими были все кривые, еще не закрылись огрехи человека и лошади, и как будто все поле расписывалось неуверенной рукою ребенка.

Всюду обсохли следы вчерашнего дождя, только блестела каплями одна немолодая березка при дороге. Это проезжий сломил с нее прутик, чтобы подстегнуть свою лошадь усталую на грязной дороге. Теперь из поломанных веток капал березовый сок, разбегался по сучкам, останавливался каплями на конечных острых зеленеющих почках. Живительный сок, нагнетаемый корнями, вытекая из ран, разукрасил все деревцо бриллиантами, и оно далеко сверкало среди волнистых зеленеющих полей.

Слава Богу, мне в церковь не нужно ходить: все лучшее, что люди в церкви находят, дано в нерукотворной природе. И когда мне надо молиться, я замираю в лесу, так затихаю, так притаиваюсь, что вижу, как поднимаются прижатые зимой травы, слышу, как трескается почка и как, прыгая, шлепается первая проснувшаяся лягушка. Я все это собираю и приношу на жертвенник мой, где я сам расту, сам живу, сам, как травы, поднимаю слои слежавшихся надо мной прелых листиков. Сегодня я молюсь и прошу, чтобы мне было легче подниматься и расти, легче было в тех усилиях, которыми приходится поднимать на себе тяжкое прошлое. Я не потому прошу легкого вместо тяжкого, чтобы скорее выпрыгнуть, раньше всех показаться на свет, а только для того, что, истратив много труда, начинаешь переоценивать свое значение, гордиться перед нижестоящими, и питать зло к вышестоящим и легко вырастающим. Я прошу:

— Улыбнись мне и сдунь с меня, желтенького, старые тяжелые листики... Вспомни, сколько раз соблазня-

лось сердце мое и сколько раз оно не пошло на соблазн.

6 мая. Весенний довольно теплый день: можно надеяться, что наконец-то распустятся деревья. Появление героев: детский зеленый шум.

12 мая. Радость и жизнерадостность — две разные вещи.

Шаг не слышен, сердце не стучит, глаз утешен голубым сиянием неба сквозь стволы неодетых деревьев, благодарное сердце узнало возлюбленную в первой лимоннице-бабочке, в первом желтолучистом цветке, в переплеске ручья и золотой сережке ольхи и в раскидистой песенке зяблика на вербе.

Я слышу шепот возлюбленной, нежное прикосновение и такую уверенность в правде этого моего бытия, что если бы сейчас приблизилась смерть, я бы, мне кажется, нашел в себе силу приблизить возлюбленную и, обнимая ее, безболезненно сбросить ненужное мне больше тело.

Вот оно как будто и случилось, и во мне, в моей безмерной радости полного обладания нашлось даже место для маленькой грусти о вечном обмане, в котором находится смерть: ей хочется добыть себе прекрасную человеческую душу, а вместо этого, как злую насмешку, она получает безобразно измененные, достойные только червей останки того, чем был на земле человек.

16 мая. Все весенние цветочки и каждый зеленый смолистый лист просят нас об одном — о защите. И если мы хотим наслаждаться счастьем весны, которое они все приносят с собой, мы должны идти на войну за свое любимое и быть готовым, любя, умереть. Все эти цветочки новой весны тем и прекрасны, что пробуждают в нас лучшие силы в борьбе за любимое.

18 мая. Придет время, когда кровью будут писать, а не чернилами.

19 мая. Можно в горе от-ходить, спасая только себя, но можно в горе у-ходить, унося с собой все ценное, спасая его не для себя, а для всех.

27 мая. «Естественная» любовь родителей к детям, эгоистическая эта любовь неминуемо должна вернуться от детей к родителям как горе, если только в любви к детям не содержится высокого руководящего идеала.

Пришло время, когда прямо на глазах без всякого промежутка ночной темноты утренняя заря хоронит вечернюю...

Вот почти июнь, а деревья, как в конце апреля, только-только распускаются.

13 июня. Пусть в литературе и слыву я за мудреца,— там это возможно: ведь и вся литература «слывет». Но как человек я еще на полдороге, какой я еще человек, если терпеть не могу больных, и не страдал за болезнь любимого человека, и не видал в лицо его смерть. И даже только думая об этом, содрогаюсь от страха, и жизнь *после того* мне кажется истощенной и ненужной.

15 июня. Едем в штаб управления пионерскими экспедициями. Скажу им, что завидую им, потому что наше детство проходило печально. Скажу, как мне самому без всякой помощи пришлось прокладывать путь в природу. Как я убежал в Азию. Теперь я убедился, что моя природа мало имеет общего с той природой, которая находится в руках биологов. Они учат, что если вы узнали воробья, то и всех воробьев. А я, что все воробьи разные, и каждый из вас может открыть своего воробья. Моя наука есть наука родственного внимания: своеобразие каждого существа. Эта наука привела меня к искусству слова, а искусство слова — к родине. И я понял, что природа есть родина. Я завидую вам: я должен был сам это открыть, а вам показывают и дают. Но зато много дано вам, много и спросится *, так и знайте.

18 июня. Так вот прошло почти 40 лет литературной деятельности, а я в глубине себя все еще сомневаюсь, оплатил ли я свой аванс, и без этого чувства неуверенности в праве на существование, как-то и не могу жить. И теперь, как 40 лет назад, каждый рассказ свой отправляя в редакцию, в глубине себя одеваюсь в рубашку сомнения. Но она прекрасна, эта рубашка, она соткана из крови и нервов настоящего артиста...

И когда я нахожу в себе это сомнение — я артист.

21 июня. Вчера по приезде, в лесу, с какой радостью встретили меня друзья мои, и особенно свечки на соснах, как будто прямо шептали, узнавая и спрашивая: друг мой, где же ты пропадал?

А цветы! Все цветы от жарких дней встали, как мертвые воскресли: фиалки — первые цветы и бутоны ландышей сошлись с мячиками одуванчиков, ранние весенние

цветы сошлись с летними: черемуха — начало весны — сошлась с концом ее — цвела сирень.

Война (4 утра 22 июня). Ефимов, механик, сын хозяйки нашей в Глухове, сегодня около двух дня вылез из клети и сказал: «Знаете или не знаете?» И, увидев, что не знаю: «Сегодня в 4 утра фашистская Германия» и проч. И все полетело...

23 июня. В Малеевке ждут с волнением вестей по радио. Включают поверку времени, и часы в ожидании кажутся, будто это время шагает. Но мало было вестей, почти ничего.

25 июня. По радио передавали глухо о больших сражениях.

Из Москвы вести: река женских слез. И скоро с фронта, река мужской крови. Расставаясь, плачут даже и молодые парни этими женскими слезами: прошибает мужа и на время он становится женщиной, и в этот момент будущее геройское дело кажется маленьким.

Уложил две перемены, нож, вилку, ложку, еще кое-что, простился, глянул в последний раз на дымок, на две березки, и эти березки пошли с ним и остались в сердце до смерти: в последний миг расставания с жизнью в несказанной красоте и доброте станут перед ним эти березки.

26 июня. Весть о войне всех ударила в лоб и всех оглушила, и вот пятые сутки уже мы хотим прийти в себя и не можем. Смутные дни. Но сегодня, на пятые сутки, кто-то сказал: «А если немцы вот уже пятые сутки не могут продвинуться, то, значит, трудно». И вроде как бы зашевелилась надежда на спасение. Слова о доблестной Красной Армии получили живой смысл.

30 июня. Мы должны победить...

Всех ободряет, что началась вторая неделя войны, а немцы не движутся лавиной, как думали. Является надежда.

1 июля. Терпеливо, честно ориентируюсь на нашу победу, доверяя жажде жить нашего народа.

3 июля. С некоторым трудом под вой женщин, провожающих военные эшелоны на каждой станции, добрались до Москвы. Единственный признак событий в Москве — это люди с противогазными сумками. Пожалуй, еще сокращенное автомобильное движение. Сговаривался с Емельяновым об оборонном сценарии.

Ночь душная. Москва без огней с высоты моего этажа, как темная курящаяся гора пережигаемого угля (угольница). Только наверху сияет пролысинка со звездами, все остальное небо в хмаре и сквозь хмару сияние мутное бесформенного месяца. Ляля, увидев такое небо, сказала: «Сегодня ночью будет тревога». И не могла уснуть долго, а когда забылась, то вдруг пробудилась и сказала: «Тревога!» Вслед за этим завыла сирена, и в радио голос сказал: «Тревога!» И в дверь ударили кулаком: «Вставайте, тревога!»

Мы не спеша вошли в подвал и сидели в нем 1 час, с 2-х до 3-х, сонные, без всякой тревоги.

4 июля. В три утра вышли из бомбоубежища, было уже светло. Приходил N и говорил мне, что люди у нас заметно изменились к лучшему: всех объединил страх за родину.

Сегодня о Минске ничего не сказали, но было о Березине, что немцы форсируют реку, значит, это было ударом.

5 июля. Отправил в «Правду» «Моему другу на фронт».

Встреча с Рыбниковым *. Рыбникову дорога Третьяковка, и, укладывая картины с другими художниками, он нажил себе уверенность и решимость не давать сокровищ русской культуры немцам.

Весь народ поднялся.

Плачьте, женщины! Лейте слезы, как можете: ни одна слеза ваша не пропадет даром. Я знаю по себе самому: именно эти слезы рождали во мне мужество. И как? А как дождь, этот небесный плач, поднимает силу земли, так в человеческой душе женские слезы...

<*6 июля.*> 14-й день войны. По замыслу Гитлера в 14-й день должно было им взять Москву, а бои на Березине за 700—800 верст от Москвы... Москва, как и Ленинград, потихоньку эвакуируется, и уверенно никто не скажет, что Москва не будет взята немцами. Но всякий знает, что Россия останется неразбитой страной и без Москвы, а немцы придут в Москву в существе своем разбитыми. Они и теперь разбиты, потому что их расчет был на ненависти к большевикам. В этом они просчитались...

7 июля (15-й день войны). После грозы и ливня вечернего из тумана развертывается славный летний день.

Еще кукует в лесу кукушка. Каждый день, прибавляясь к пройденным от 22-го, ложится в копилку русской победы, всякое замедление для немца смерти подобно.

11 июля (19-й день). Мудрость жизни состоит в том, чтобы, сохранив во всей силе свое детское «жить хочется», приучить себя к мысли о необходимости расставания со всем, чем обладаешь, и даже с собственной жизнью. Все, чего страстно хочется,— то вечно, а все, что *собственное,* то смертно.

Очерк в районную газету. Небывалое случилось на памяти нас, отцов наших, дедов и, может быть, даже и прадедов. Я слышал, будто бы в метеорологических записях за 250 лет тому назад не было случая, чтобы в июле месяце под Москвой цвели ландыши! И случись такое за несколько веков до нашего времени, сколько бы суеверий возникло вокруг этого удивительного совпадения редкой катастрофы в мире природы и величайшей войны человечества (двух столь близких народов, немцев и русских, разделенных фактически фашистской теорией).

И вдруг после таких страшных холодов, вдруг жара и такой рост трав, что цвет ландышей сошелся по времени с цветом шиповника... Сила жизни с такой силой вытягивала цветы из земли по направлению к солнцу, что, покосив в роскошном обществе часа два-три, я с удивлением и восхищением отметил возде и во всем перемены и думал о нашем русском народе, сколько вынес он в своей истории холодов, сколько перетерпел и как ему теперь хочется жить. Есть ли еще в Европе другой такой народ, кому так хочется жить? И если такой народ вооружен современным страшным оружием и пуще оружия — организацией, небывалой в истории, то какая же сила может ему сопротивляться? Мы должны победить, и мне кажется, мы уже победили: лучшие дивизии немцев разбиты.

Сколько серых слез неодетой весны скопилось по сучкам, по веточкам и почкам и упало на землю, столько теперь на тех же ветках и сучках шумит зеленых листиков и столько цветов на земле под березой...

Я вспомнил юношу на платформе с зенитным орудием. Стон и вой и вопль был в воздухе от деревенских женщин, провожающих эшелон на войну. Слезы рекой

лились о всех и о том юноше, который сидел и улыбался возле зенитного орудия.

— Он улыбается! — сказал кто-то возле меня.

И кто-то ответил:

— А ты вглядись и пойми, чего эта улыбка стоит ему!

И вот теперь я смотрю на море радостных цветов под березой, на всю эту улыбку земли и сквозь свои собственные слезы вижу победителя — юношу с цветами в руках.

15 июля (23 дня войны). Жаркие безоблачные дни. Скорая уборка сена. Кукушку больше не слышно. Недавно она прокуковала мне жизни 91 год. А мне бы только свет увидеть после войны.

Сводки очень скупые. По всему фронту ожесточенные бои. Мы ждем нашего наступления, между тем как на линии Днепра как будто все замерло.

Вот это самое «сейчас» (то есть «довлеет дневи злоба его») требует от моей совести писателя сейчас, во время такой войны, полной связи своего духа с такой «злобой» в том смысле, что я, как писатель, то есть свидетель нашего «сейчас», давал бы об этом «сейчас» информацию в вечность. Это значит, я должен напрячь все свои силы, чтобы стать на уровне времени.

22 июля (месяц войны). В 10 вечера, когда еще было светло, прилетели самолеты врага и сыпали на Москву до 4-х утра зажигательные бомбы. Вышли из подвала около четырех, кругом везде были пожары большие и маленькие.

В 6 ч. был у Фадеева. Он предлагает выступить на немецком языке по радио; сказал, что пожилых заслуженных людей, вроде Нестерова, Москвина, Качалова и др., хотят эвакуировать особым порядком и что я тоже могу с ними...

В метро после Фадеева (7 ч. 30 м.) объявили тревогу, и я провел час (до отбоя в $8^1/_2$ ч.) в поисках места на рельсе, прошел под землей от ст. Дзержинская до Кировской. Духота, масса людей в подземелье... чужих людей с общей участью. Пришел домой. Загудели сирены, и мы очутились в кочегарке, потому что убежище было переполнено. Началось светопреставление, перед которым вчерашнее было игрушкой.

23 июля. 31-й день войны. В $^1/_2$ 4-го вышли из кочегарки, вокруг Москвы кольцом горели пригороды, медленно опускались аэростаты воздушного заграждения.

24 июля (32-й день). Установлено ехать в Заозерье (Переславль), за 160 км. Решено 25-го собраться и 26-го утром выехать.

25 июля. 4-й день раскапывают и не могут раскопать похороненных в бомбоубежище людей.

Проехал красный семафор, и милиционер меня не остановил: смотрел на небо.

26 июля (34 д. в.). Начали собираться в 5 утра, в 7 утра выехали через Сокольники, налили машину в колонке возле Виндавского * вокзала и поехали в направлении Загорска.

За отдыхом после Загорска: как много цветов, и вот странно: много бабочек. А почему это странно? И особенно непонятно, почему мы, спасенные, чувствуем какую-то неловкость? Дело в том, что, хлебнув до конца горького вина самой настоящей жизни, самого страдания человеческого и вернувшись на остров спасенья, начинаешь понимать, что война, как теперь, не случайность, война только открыла глаза, что сущность — страдание, это всегда и в благополучии, мы лишь закрываем глаза.

3 августа (день 43-й). Не жалко мне было бросить свой домик в Старой Рузе и свою прекрасную квартиру в Лаврушинском. Стал сегодня бриться и увидел впервые, что кожа на моей шее за эти дни начала морщиться, как у стариков. С некоторым страхом я этого ожидал раньше, но теперь мне было не жалко: пусть дом, квартира, пусть шея, пусть все тело, пусть самая жизнь,— не жалко и этого!

Когда нива поспела и колосья согнулись от тяжести зерен,— не верьте колосу, что высоко над нивой стоит: этот колос пустой.

Характерная черта русского народа: очень быстрое, легкомысленнейшее самоуспокоение. Вот уже теперь все бабы на базаре говорят, что в Москве стало легче, что вообще война скоро кончится.

5 августа (44 дня). С утра бродил в лесу и думал: «А кто ты такой, человек, имеющий право во время войны бродить без троп в лесу, присаживаясь на пни, и задумываться?»

12 августа. В 8 утра выехали из Заозерья в Москву через Переславль, имея в виду найти возле Переславля

место, более связанное с Москвой. Решено переехать в Усолье.

13 августа. Вечером выехали в Переславль с тем, чтобы ночевать на Кубре, а утром выехать чуть свет и приехать в Москву в 8 утра. Так и сделали. На Кубре ночевали у стога сена с погонщиками эвакуированных из Белоруссии стад. Узнали, что взят Смоленск. Погонщики наняты на 10 дней, но гонят уже 28, босые, измученные люди. Их семьи остались за эти дни по ту сторону фронта.

— Родина, а где родина?

— Так, милый, нельзя думать,— сказал я,— что если моя деревня взята, значит, взята и родина.

20 августа. Заозерье. Складываемся, чтобы завтра (21-го) уехать в Усолье. Пошел к повару за веревкой, спрашиваю:

— Правда, что Смоленск взят обратно?

А он:

— Не верьте, М. М., Вязьма взята.

Из московских впечатлений самое главное, что известие о падении Смоленска всех придавило, все об этом думают, и дума из человека незнакомого высвечивает как бы нимбом. Сытых и самодовольных вовсе не видно, и заметно очень, что средний человек стал лучше.

23 августа. Прошло два месяца войны. Враг на пороге у всех жизненных центров страны. Простые люди ждут переворота («Минина и Пожарского»).

Утешение наше бор, в котором сосны как встретили однажды восход солнца, так и остались такими навсегда горящими свечами.

29 августа. Людей хороших гораздо больше, чем нам об этом говорят и чем мы сами об этом думаем тайно: мы боимся это сказать себе вслух, как боимся оставлять неприкрытым для общего глаза свое тело. Когда я начинал писать «Кащееву цепь», эта мысль была у меня руководящей, как протест пропаганде вражды. Это был очень острый момент борьбы, и вот теперь я возвращаюсь к тому же: значит, наступает очень острый момент в жизни страны.

5 сентября. Наша индивидуальная смерть чрезвычайно редко совпадает с концом дела всей нашей личности или торжеством нашего бессмертного начала.

Нет, я не могу предвидеть ясно настоящего морального конца в этой борьбе народов и свое трепетное ожидание большого Конца, как большого и последнего Суда, передаю, мой друг, тебе, если ты останешься жить после меня.

Мне теперь кажется, будто мы с тобой по океану на двух льдинках плывем, моя поменьше, твоя побольше, моя раньше разобьется, и я должен тебе поручить себя после моего неизбежного физического конца, а ты, когда сама разобьешься со своей льдиной, попытайся нас поручить следующему носителю, как один поток, сливаясь, поручает другому свою воду нести в океан...

Меня мучит, друг мой, что я уйду из жизни, не сказав какого-то необходимого слова. Нет, я, конечно, не знаю того большого человеческого Слова, которое как поперечная линия пересекает линию природы.

10 сентября. Жизнь повернулась к нам такой своей стороной, когда поэзия Пушкина, Тургенева и даже Льва Толстого почему-то неприятны, и хочется читать Гоголя, Лермонтова и Достоевского. Почему это?

14 сентября. Вот если теперь явится то настоящее Слово, выстраданное и заслуженное, тогда в нем самом будет достаточно силы, чтобы постоять за себя.

Как писатель я теперь должен быть во всей собранности внимания к жизни людей, ходящих в ожидании Слова. Наступает величайший момент жизни народов, когда именно и совершаются чудеса.

15 сентября. С трудом улавливаю отзвуки смысла всего существующего где-то в недосягаемой глубине души.

Ошибки сверхчеловека: жалость сама по себе недостаточна для дела любви, и культивировать ее, как таковую, вредно, но жалость есть составная часть любви, и без жалости (скрытой) любовь невозможна. При слабости любви обнаруживается жалость,— бессильная любовь. Точно так же и сила, скрытая в любви, когда любовь оставляет человека, превращается в насилие. Так что и жалость и насилие — одинаково могут быть продуктами распада любви.

17 сентября. Вчера видел на дворе грузовик с отъезжающими на фронт. Их поездка на фронт была мне завидна. У них варилось какое-то общее дело, они были

вместе. Что бы там ни говорили, но фронт счастливее нынешнего тыла, озабоченного, полуголодного, осыпанного бомбами и в ожидании эпидемических болезней.

19 сентября. Иногда, очнувшись в лесу от своих мыслей, я как бы выгляну из себя и вдруг увижу вокруг деревья, цветы, травы, птиц, муравьев, как существ живых, самостоятельных. В особенности молодые сосны или березы, расставленные где-нибудь на лесной поляне,— глянешь на них из себя и вдруг увидишь в каждом свою судьбу, свою борьбу. Тогда открывается в душе родник радости жизни, чистой, святой и страстное желание прийти к людям, не понимающим этого, и открыть им непостижимые сокровища жизни, скрытые от них суетой, пустяками.

Всю жизнь как писатель я только и делал это, что пытался своим искусством открыть этот мир сокровищ для людей. Возможно, что каждый художник делает то, чего я хочу, но мне кажется, что художник на то и художник, чтобы делать и не знать, что он делает. Я же, возможно, как художник очень ограничен, но зато я знаю, что я делаю, и это мое знание делает мое искусство драгоценным, и вот почему люди, привыкшие ценить в искусстве лишь красивость, а не знание и волю, не скоро меня поймут. Это видно по книге «Женьшень», с каким священным восторгом ее читают немногие и как равнодушны к ней массы читательские. Видно и по тому, как встретили мою «Фацелию»; я хотел открыть мир, за который надо вести священную войну, а они испугались, что открываемый ею мир красоты в природе помешает обыкновенной войне.

20 сентября. С ½ 12-го до ½ 2-го ночью была стрельба и тревога, но я пролежал в кровати,— это первый раз за все время. Начинаем привыкать.

27 сентября. В Переславль я приехал в 7-м часу, а по пути в Усолье в темноте мы застряли в грязи у дровяного склада.

Часа три провели в грязи и приехали к 10-ти вечера. Нас встретило тепло и деревья, и впервые мне так ясно было, что души у деревьев горячие. Я даже подумал, что, может быть, эти несчастные люди, изгнанные из городов, прикоснувшись к земле, почувствовали дыхание жизни другой.

28 сентября. Есть что-то убедительное в этих словах, когда кто-нибудь говорит: «Никуда я не уеду, а буду ос-

таваться там, где жил». Убедительность получается от продолжения этих слов в каждой душе в смысле: «Надо быть ближе к себе самому и не искать спасения извне».

1 октября. Стесненный и даже почти что задушенный, вышел я в бор, там в холодном свете золотистой зари сосны горели. И мне стало жутко стыдно за себя, за свое существование, и ненавистны мне были написанные мои бумаги и этот ежедневный труд, в котором я похож был на червяка, ползущего с целью оползти неизвестно зачем земной шар. Страстно захотелось уничтожения себя как писателя и начала жизни совершенно простой, как у всех. Мне захотелось потихоньку от Ляли перетаскать сюда, в лес, дневники свои и спалить все, и не писать ничего нового до тех пор, пока с потребностью писать станет невозможно бороться. От этой мысли освобождения себя самого из плена писательства мне стало делаться лучше и лучше, пока, наконец, не кончилось все простой мыслью: «При чем тут дневники, если, может быть, и сам-то скоро умрешь: ты здоровей этой мыслью, что и так само собой, без шутовства всесожжения кончишься и не будешь чувствовать себя червяком, оползающим землю. Стань в этом свете неминуемого костра своего, как стоят эти сосны в свете золотистой зари, и подумай про себя, совсем про себя на корне своем в неподвижности полной: «Разве что-нибудь значит для тебя такого этот ничтожный червячок, этот ты, кого-то из себя представляющий».

Так я прислонился к дереву, слился с ним и мало-помалу стал совершенно спокоен. Мне даже пришла в голову отличная мысль о том, что вот этот выворотень можно подрыть и опрокинуть в то положение, в каком росло дерево. Если же перед тем, как опрокидывать, вырыть яму, обложить кирпичом, процементировать, то можно отлично спрятать тут вещи свои и дневники.

3 октября. Неведомым морозиком обожгло листики черники и голубики, они покраснели, а лиловый вереск побелел.

С утра до ночи движутся мимо наших окон эшелоны эвакуируемых из Калининской области колхозных стад.

7 октября. Наступает страшное время, надо собираться на борьбу самую грубую за жизнь и самую тонкую — за смысл ее.

11 октября. Говорят, что немцы под Можайском.

14 октября. Заря желтая холодная, не покрытая снегом земля зябнет, и даже любимые зубчики леса, расположенные пилкой на фоне зари, не говорят ничего моему сердцу.

Объявлено: Вязьма взята. А говорят, что взята она в среду, и немец теперь под Можайском, а то и ближе еще...

16 октября. Собрались к 10-ти утра и выехали в Москву... это путешествие в Москву теперь представляется мне, будто я выхватил из мировой жизни какой-то полный день...

Автомобиль при потере на горе руля падает в канаву, как подстреленный самолет. Наша машина сорвалась и стала в канаве за телеграфным столбом... огромное двойное колесо, я прыгнул и соскользнулся, колесо надо мной, голова как арбуз. И вслед за тем удар одной машины о другую...

Все живы...

[***Переславль.***]

19 октября. События: заняли Дмитров, Клин.

20 октября. А Н-ч. отказался ехать и остается, и весь медицинский состав Москвы отказался эвакуироваться: это единственный честный, здоровый и целесообразный поступок: помощь нужна и в осажденной Москве. Это вышло докторам из самой сущности их честного дела.

Архивы: у нас в доме не было топлива, а теперь оказалось, все радиаторы горячие и в ванне горячая вода. Топливо явилось от архивов, дворники на тележках везут домовые книги, смеются: единственно ценный продукт жизни «слово» уничтожается, а я, личность, с величайшим риском для жизни, выхватываю свое «слово», а я берегу, пусть не Слово, пусть словечко, а все-таки я берегу.

Обратная поездка на этом чувстве и основана, удастся спасти архивы, и риск жизнью будет оправдан, нет — мы сделали ошибку.

21 октября. Открыл занавеску, загасил лампу. В бору еще остался, как весной, пятнами снег и основания деревьев окутаны белеющим паром. Невозможно бы

узнать, весна это или осень, если бы не память и особое чувство осенней принижающей безнадежности вместо весенней подымающей бодрости.

Мы теряемся, как стволы деревьев в тумане, перед грядущим, возможно, ужасным и унизительным. Особенно всем жутко вспомнить, что в программе фашистов будто бы есть цель уничтожения славян...

22 октября. Земля открылась, и опять все пахнет лесом, сосны, брусника, палый березовый лист. Все события человеческого мира затихли в пространстве. Полная тишина, и вот в этой тишине ворона, приняв таянье зазимка за весну, выразительно по-весеннему крикнула. Для человеческого смысла это не был звук надежды, но вспомнилось далекое прошлое, когда при этом крике вороны ранней весной являлась зеленая надежда на жизнь в каком-то светлом зеленом царстве.

Вот и хочется, чтобы не в землю, а людям пошла моя жизнь. Но какая может быть надежда на то, что проповедь любви найдет себе место во время войны?

23 октября. Вчера целый день повторялась пушечная стрельба в направлении Калязина, но точно сказать, где теперь немцы, никто не может: газет нет, радио какое-то случайное, слухи строятся и по немецкому и по русскому радио, всяк сочиняет, как может.

В Москве объявлено осадное положение чуть ли <не> на другой или на третий день после нашего отъезда. Въезд и выезд запрещены.

Взят Таганрог. Мы надеемся, что через нас фронт не пойдет, и мы <не> окажемся внутри кольца.

Знаменитые свои тетрадки, спасенные из пожара в Брыни, решившие судьбу мою во время Мамонтова в Ельце, теперь я заклеил в резиновые мешки. Мы весь день сегодня заклеивали в мешки и забивали в ящики свои вещи.

24 октября. Сегодня с утра летит снег и тает. Ходил осматривать лес, где бы можно было устроить вещи. Слышалась отдаленная артиллерийская стрельба. Германские листовки предлагают живущим на шоссе дней на 5 оставить жилища и перебыть в соседних деревнях.

26 октября. Пробовал Гоголя почитать, поэта самого глубокого, и даже в его глубине теперь не мог найти поэзии, возмещающей жизнь, и все казалось при чтении,

что нет и не может быть такого возмещения, и если будешь стремиться писать по-серьезному, то всегда с поэзией будешь сбоку припеку. Так что для поэзии есть показание времени, и вот чем объясняется, что даже Ляля, принявшая на себя теперь долг ухода за матерью и за мной, зло передергивается, когда я иногда пожелаю сказать что-нибудь на литературную тему.

28 октября. Скорее, скорее проходите, пролетайте, исчезайте, эти дни ужаса в пустоте!

29 октября. Хозяин наш 44-х лет получил повестку идти на фронт, и все вообще мужское население выбирается: сегодня для всех женщин наших тяжелый день.

31 октября. Только теперь, когда сам я превратился в букашку, я понял, почему я с таким родственным вниманием всегда разглядывал маленькие живые существа в природе: я им сочувствовал, предугадывая возможность и неизбежную необходимость моего собственного перевоплощения в такую мировую подробность.

Сегодня открылось Тульское направление и верные слухи пришли из Москвы, что немцы сыплют бомбы, а мы строим баррикады и копаем на площадях рвы.

1 ноября. В «Фацелии» намечена, но не раскрыта тема первенства жизни перед искусством, то есть такого высокого состояния духа, в котором искусство является средством, пройденным путем (как ожидание друга и самый друг).

2 ноября. Утром в полумраке я увидел на столе в порядке уложенные любимые книги, и стало мне хорошо на душе. Я подумал: сколько чугуна пошло на Днепрострой, на Донбасс,— и все взорвано, страна пуста, как во время татар или в «Слове о полку Игореве». Но вот оно «Слово» лежит, и я знаю, по Слову этому все встанет, заживет. Я так давно занят был словом и так недавно понял это вполне ясно: не чугуном, а Словом все делается.

6 ноября. Мы ездили в Переславль. В Госбанке пытался наладить получение денег и пенсии. Бухгалтер М. С. Троицкий рассказал, как он жил эти дни в Москве: «3 часа живешь, а 3 часа сидишь в убежище». Есть нечего — только по карточкам. Много разрушенных домов, много убитых.

7 ноября. В «Известиях» напечатали о решительном бое.

Народ ждет решительных действий именно к празднику (сегодня). В связи с этим, с угрозами зимы (сильный мороз на сухой земле), с бомбежкой повседневной, напряжение чувств достигло величайшей степени.

Никто не скажет теперь наверно, перейдет ли он живым через Порог, и в этом особенность нашей жизни.

История мировая как анатомический срез текущего мгновения всей жизни. В этом разрезе окажется налицо и Египет, и Ветхий завет, и все, что мы знаем о прошлом. Это история мира налицо, потому-то, кто хочет, может найти и Авраама, как личность: и до сих пор, сколько хотите! И можете найти тоже и рыцаря, и инквизитора.

9 ноября. Вечером вчера приехал Нода, передал нам речь Сталина о том, что «победа за нами».

10 ноября. Речь Сталина произвела огромное впечатление и создала на Болоте внешний переворот, например, Павел * стал утверждать, что Москву немцам взять невозможно, что сопротивление немцам будет продолжаться до нашей победы, что вообще «победа будет за нами».

Каждый из них судит мировые события по совести и правде, веруя в то, что совесть и правда для всего мира едины и неопровержимы.

15 ноября. Зимою ведь только хрупкое стекло держит в доме тепло, и при центральном отоплении дом без стекол есть могила. Стекла вылетают от далеко разорвавшейся бомбы, и человек выброшен на улицу. Величайшее злодейство! Но и то величайшее злодейство, что не принимаются меры достаточные против злодейства, и тот злодей, кто знал об этом, молчал и берег свою жизнь, и, может быть, больше всех злодей — это ты сам, не отдавший жизнь свою за необходимое огненное слово.

18 ноября. Говорят, люди в Москве теперь полусумасшедшие. И не мудрено: такой казни массовой, посредством метанья бомб в дома больших городов, еще не было.

Кто первый придумал это и назвал именем *тотальной* войны?

Все еще мерещится какой-то благополучный выход, все думаешь: «Мы вернемся к той жизни, когда издава-

ли книги, читали в обществе повести, путешествовали и могли принимать к сердцу дела иных униженных и оскорбленных. Но ближе и ближе подступает к нам та настоящая тотальная война, в которой встанут на борьбу священную действительно *все,* как живые, так и мертвые. Ну-ка, ну-ка, вставай, Лев Николаевич (Толстой), много ты нам всего наговорил».

Сегодня иней, снег только-только не тает, так тепло для зимы, и такая тишина! Но в тишине беспрерывно орудийная стрельба по сектору Загорск — Талдом — Калязин.

19 ноября. Теперь даже один наступающий день нужно считать как *все* время. Никто и никак теперь не может сказать, будет ли за этой жизнью в Усолье какая-нибудь другая благополучная. Да если бы оно и пришло то благополучие, то все равно эти дни Суда всего нашего народа, всей нашей культуры, нашего Пушкина, нашего Достоевского, Толстого, Гоголя, Петра Первого и всех нас будут значительней тех будущих дней...

21 ноября. И Слово потеряло силу, и отошло куда-то в молчание. И человек, приставленный к машине, потерял волю и смысл. Так что Слово отвечает не из пулемета: оно поражает своим молчанием. Да и правда, каждый из нас не тем подавлен, что среди белого дня самолет, управляемый мальчиком, снижается, и приняв школу за Исполнительный комитет, из пулемета в окна расстреливает школьников. Или что в центр многолюдного города падает тонна динамита и летят в разные стороны головы, руки, ноги женщин, стариков и детей. Даже и к этому люди привыкают, спасаясь тем, что кого убило, тот не чувствует, а кто остался, тот радуется, что сам уцелел. Не это страшно, а вот страшно всем, что это *можно,* и против никто ничего не может сказать.

23 ноября. Ни газет, ни радио, и не хочется спрашивать у тех, кто слышал по радио или читал газеты: все одна и та же песня о том, что на всех фронтах бои. Изредка бухают бомбы в стороне Талдома, Загорска, Калинина — и все! Мы предполагаем, что немцы устраиваются на занятых местах, закрепляются.

26 ноября. До того хочется мира, что когда утром выйдешь из дома и не слышишь буханья орудий и бомб, думаешь: уж не мир ли пришел?

27 ноября. Стал зарисовывать в лесу и удивлялся себе, зачем я столько лет таскал за собой фотоаппарат. Но, подумав о слове своем, понял, что, может быть, и слово мое тоже переходное искусство и как-то можно гораздо легче и лучше выразить то, что я хочу выразить своим тяжелым искусством. И, может быть, всякое искусство является только ступенькой по лестнице... за верхней ступенькой искусство вовсе не нужно.

29 ноября. Пока не кончится война, как ни бейся, все равно ничего не поймешь. И ничего не поймешь, пока делается, и только уж когда кончится. Так вот и наша личная жизнь: рост сознания нашего связан со смертью. И когда умрет человек, то все бывает понятно.

3 декабря. Ночью со 2-го внезапная перемена погоды: мягко и снег идет. Где-то будто бы происходит «решительный бой», а здесь наступила полная тишина и неведение.

4 декабря. Сегодня после однодневной оттепели хватил опять мороз. В Усолье прибыло много военных автомобилей и красноармейцев расселяют.

6 декабря. Мороз — 30°. Частая стрельба в стороне Дмитрова — Талдома...

8 декабря. Япония объявила войну Англии и Америке. Значит, теперь все человечество, весь земной шар находится в состоянии войны. Вот теперь настало время прекратить ленивую мечту о скором конце войны и возвращении к привычной жизни. По всей вероятности, нам не перейти эту пустыню, разделяющую нас со страной, кипящей млеком и медом. Но мы будем идти в том направлении, мы должны идти.

10 декабря. С выступлением Японии стало ясно, что война эта не может кончиться случайным сговором на коротенький мир. Война эта может быть очень длительной.

Лес завален снегом, совсем глухой, и все-таки никогда не бухали так сильно, как теперь. Полагаем, что звуки долетают из Дмитрова. Радио скребет и хрипит так, что хоть и не слушай. Газеты местные хоть в руки не бери. От всей мировой войны к нам долетают через глухой лес только выстрелы.

11 декабря. Всегда влюбленному кажется, что такая любовь, как моя, совершается на земле в первый раз. И это и есть сущность жизни (космическое беззаконное

состояние творчества). Первая любовь — это когда все люди добрые и все на свете прекрасно. В этом беззаконие, потому что безгрешное состояние, а где нет греха — нет и закона. Это мы, люди, придумали свои законы движения солнца, на самом деле оно беззаконно. И вообще законы всякого рода свидетельствуют: законы нашего общежития — о нашем несовершенстве, а законы природы — о несовершенстве нашего понимания.

12 декабря. Сейчас идет война всего земного шара, потому что в беде, постигнувшей нас, весь мир виноват. В этом и есть историческая задача большевиков — вскрыть язвы всего мира и нужду в спасении сделать всеобщей.

14 декабря. Слухи с фронта благоприятные по радио, и кто-то с фронта по секрету шепнул на ухо, что 20-го начнется наше общее наступление.

17 декабря. Взяли назад Калинин, Елец, Ливны.

Лесник сказал:

— Отступать, так отступать, гнать, так гнать!

23 декабря. Получили свежие газеты, из которых видно, что немцев под Москвой мы с помощью мороза действительно поколотили.

25 декабря. Болит и болит спина, нельзя дров напилить, придется смириться до требования числа лет моего возраста и поручить дрова колоть мальчику. Но слово мое, я это чувствую, зависит от числа, разве только в другую сторону: слово мое становится все крепче в этой борьбе за жизнь всего человека.

1942

1 января. Солнечно, морозный день, градусов больше — 30. Вечерняя в розовой дымке гаснущая заря. Полнолуние и какая-то планета, похоже на Юпитер, большая звезда с лучами крестом и в нимбе.

Не захотелось дожидаться полночи и «праздновать», в печали и раздумье легли в 10 вечера.

3 января. Ночи проходят лунные в тишине при страшных морозах в засыпанном снегом лесу. И одним, кто вплотную должен бороться с морозом за жизнь, этот страшный лес при луне представляется, может быть, неисчислимыми войсками врага, беспрерывно пускающего свои пронзающие кожу стрелы. Другое дело, когда

счастливым победителем выходишь в лунную ночь из своей теплой комнаты и когда я из тепла и в теплой одежде ночью выхожу в засыпанный снегом лес, слышу, как даже деревья громко трескаются от мороза, как на тропу мою со скрипом от тяжести опускает перегруженную ветвь свою любимая моя сосна, я, так мало сумевший дать людям, как поэт, из своего внутреннего богатства, теперь смотрю на все это богатство неподвижных при луне белых фигур и понимаю их всех как мои же мечты за всю жизнь бесчисленные, те, которые я не сумел довести до людей...

6 января. Бор шумел, и я думал, вспоминая день охоты, от которого родился «Смертный пробег»: я тогда близко чувствовал ледяное дыханье смертоносного начала, но у меня на этом все и оканчивалось, из последних сил, когда уже больше ничего не остается для жизни духа, я бился за огонь: руки мои были деревянные, пальцы чугунные, спичку ими нельзя было держать, и все-таки я бился, бился, и все мое, вся моя личность ушла на борьбу за огонь, и я победил, и когда победил, то у меня явилось прежнее добродушное отношение к морозу, благодаря чему я в эту же ночь дома, выпивая горячий крепкий чай, написал свой «Смертный пробег».

7 января. Небольшой мороз с легким ветром. Тропу, пробитую мною, наполовину занесло. Не страшно то, что падает сверху: какой-нибудь вершок-два не мешает. Но страшна поземица, которая мало-помалу ссыпает мельчайший, сыпучий снег с краю на тропу, так что самые края, самая стенка тропяного углубления перемещается к другому краю до тех пор, пока от всей глубоко продавленной ногами и лыжами тропы ничего не остается. Я вновь приминал снег молодой на тропе и долго шел зимняком по Блудову болоту.

10 января. Сколько зла, сколько злобы в зиме, столь красивой для того, кто живет в тепле, и столь ужасной для застигнутого врасплох в поле путника! Ведь нет теперь в такую метель никаких путей, и твой собственный след тут же за тобой заметает. Сколько замерзнет в одну только такую метель живых существ, сколько наломает ветвей, изуродует деревьев. Но придет время, и каждая прекрасная и злая шестигранная звездочка зла превратится в круглую каплю доброты, включающей в себя и красоту: сверху добро, внутри красота, какая сила, а зимой наружу красота, а внутри зло.

11 января. И опять летел весь день снег, но без сильного ветра. Я продолжаю думать об этом чудовищном скоплении снежного зла, от которого родится богатейшая весна. Перебрасывался от этого в человеческий мир, и вся война представилась мне, как болезнь, охватившая все человечество. И пусть вырастут на крови цветы,— не утешительно! Пусть и тут каждый кристаллик зла превратится в каплю добра — не утешительно.

21 января. Если бы только мог современный человек подойти к текущей воде с тем священным трепетом, с каким далекие от нас люди пустынь подходили в палящий знойный день к оазису и припадали страстными губами своими к холодной воде. Сколько наслаждения! Сколько благодарности! Сколько раздумья и поэзии!

А теперь, не пустыню ли мы переходим, не изныл ли наш дух в тоске по живой воде?

Я жду со всей страстью этого чуда, когда каждая шестигранная снежинка всего огромного скопленного зимою зла превратится в радужную круглую каплю воды и чувствовать, как в душу сходит благодать древнего крещения водою и Духом.

24 января. —41° с ветром. Ходил на почту и узнал, что у нас большая победа: мы, промахнув 120 км, очутились на Западной Двине, перерезаны Великие Луки, взяли Холм...

30 января. Снежинки (шестигранные звездочки), падающие с неба, в совокупности своей Mater'ия; падая на сучки, на ветви деревьев, обнимая каждый изгиб, засыпая каждую ямку, трудятся, чтобы все округлить, все похоронить и над каждым покойником насыпать круглый холмик — могилу. Над этими бесчисленными могилами высится могила могил: небесный свод и в нем с прямыми лучами солнце, отец жизни. Всякое существо живое на земле стремится навстречу солнцу, и так создается рост жизни по прямой: каждая веточка стремится прыгнуть из своей могилки и воспрянуть в движении к солнцу, и вся жизнь в совокупности стремится выбраться к солнцу из-под своей могилы могил — небесного свода.

Снежная материя *хоронит* живые существа с целью их сохранения: под снегом они не вымерзают. И та святая женская материя, о которой я говорил, есть добрая мать.

Хоронят нас все женщины, но одни хоронят, как мертвых, другие, чтобы сохранить.

15 февраля. Целую неделю была метель, а к верхним веткам сосен и елок не только ничего не пристало, но, напротив, от ветра слетело все зимнее богатство, и те мутовки, у которых под тяжестью снега веточки сложились крестом, теперь эти веточки, похожие на пригвожденные руки, поднялись вверх, как будто деревце просит пощады. Комья снега, намерзшие зимой, теперь остались только на более низких ветвях, и тут на них падающий снег нарастает, и обыкновенно ветер, обвевая ствол, образует круглую мисочку. Может быть, скоро от солнечных лучей потекут в эту мисочку капли живой воды. Я тогда не забуду напиться этой воды с верой, что буду участником в создании радости людям, так измученным борьбой.

Свет весной действует так, будто ты выходишь из себя и вне себя уже утверждаешься в той бесспорной радости, которую у тебя никогда не отнимет никто.

27 февраля. Пришел лесничий и доложил, что под Старой Руссой наши добивают 16-ю нем. армию, что положение гер. армий под Москвой безнадежно, отрезано в Дорогобуже отступление и постепенно окружаются, на юге обходят Харьков.

Ужас войны не в этой физической смерти, иногда даже героической и радостной, а в том, как страдают в тылу те, кто их любит, и особенно страшно то нравственное уродство тех, кто затевает войну, руководит и пользуется.

1 марта. Писать только, что должно остаться для других, если же писать, как я теперь, то это «для других» будет очень трудно разыскивать. Принимаю это во внимание в широком смысле, то есть что необходимо осудить вообще мои провалы в свою биографию фактическую, не преодолеваемую творчеством. Это большой вопрос, а пока нужно в записях биографических быть фактичнее, в записях художественных — смелее.

Проверить, действительно ли мои провалы в писании происходят от нескромного самообнажения, выражения словом того, что происходит и должно происходить непременно в молчании. И нет! Понимаю так, что в поэзии все возможно и нет дурных материалов. Провал происходит <от> подмены поэзии, именно подмены и больше ни от чего.

6 марта. Иду за молоком. На всю деревню голосит бабушка Аграфена: — Ой, жизнь моя Ванюшка! Ванюшку убили. Ой, жизнь моя, Николаюшка! Николаюшку чахоточного сегодня угнали. Ой, катися слеза по лицу моему! — Слушаю я этот вопль, и даже меня в мои годы подмывает злоба на немца, и тянет она включиться в массу, идущую на врага...

7 марта. Жил со вчерашнего утра целые сутки под влиянием плача бабушки Аграфены и до того довел себя в нарастающем стыде своем за бездействие и благополучие свое, что хоть собирайся и на войну. Но сегодня я опомнился от стыда, ведь мне же 70-й год. И самое происхождение этого чувства стыда неглубокое: этого оттого, что и сама гордость хочет взять на себя больше, чем может.

8 марта. Выслушали женщину из Ленинграда, башмачную закройщицу. Почерневший от голода мальчишка вырвал кусок хлеба у женщины, которая веревкой подпоясала каракулевую шубу — так похудела! И ноги, отекшие от голода, обмотанные, похожи были на два бочонка. Как убирают покойников. Как немцев отгоняют (18 тыс. в один раз положили).

Удивлялись, слушали о Ленинграде, живучести человека. Скорее умирают мужчины, потом женщины и всего выносливее оказываются дети.

Ляля сказала этой женщине, как мне подумалось, для ее сознания непосильное:

— После этого опыта в жизни люди не могут уже продолжать жить на тех же основах.

Но женщина, именно только благодаря своему опыту, поняла и сказала:

— Ну, конечно, разве после всего можно жить, как раньше жили.

9 марта. Женщина из Ленинграда стала притчей во языцех, все узнали вдруг, какою ценою достается наше продвижение вперед. И тоже понятным становятся в устах англичан героические эпитеты в отношении Красной Армии...

С детства мы говорим «народ», как что-то священное, и много перевидели подвижников и мучеников за народное дело, за его землю и волю. Только теперь начинаю понимать, что этот народ не есть какой-то видимый на-

род, а сокровенный в нас самих подземный, закрытый тяжелыми пластами земли огонь, и что это не только мужики или рабочие, и даже не только русские люди, как Пушкин, Достоевский, Толстой, а общий всему человеку на земле огонь, свидетельствующий о человеке, продолжающем начатое без него творчество мира. Только и чувствуя, и зная в себе самом этот огонь, можно теперь жить и надеяться.

11 марта. Метель. Машина застряла в Переславле. Читал Шолохова фельетон «На юге». Редкостный честный писатель; читал, будто от приятеля письмо получил. Ясно теперь, что разноплеменная армия немцев кормится грабежом, и тут вся «идея». Весь вопрос теперь в том, в состоянии ли Гитлер выставить к весне новую германскую армию и все начать сначала (сомнительно).

13 марта. Великая метель. Даже паровичок перестал ходить в Переславль. Мы отрезаны от города.

Начиная с мальчишек, у всех складывается, что весной все будет выдвинуто против нас и мы все свое выставим против немцев, чтобы сразу покончить с войной в ту или другую сторону.

15 марта. В среду или четверг едем на лошади в Переславль и оттуда на машине своей в Москву.

21 марта. Приехали в Москву в 2 дня.

22 марта. Рассказ Жени о весне в голодной Москве. Какая-то огромная мрачная очередь, полное молчание измученных заботами и голодом людей. Вдруг крикнула по-весеннему ворона. И кто-то вскрикнул в очереди:

— Батюшки, ворона проснулась!

Все засмеялись, все оглянулись по направлению вороньего крика и заговорили о весне, понимая, что пусть у людей нет ничего, а в природе весна, та самая весна, которую когда-то любили, когда-то ждали.

На Лаврушинском вокруг нашего дома все разрушено. Флигель, в который еще при нас тогда бомба попала, когда-то так трогательно чинился под новыми ежедневно падающими бомбами, теперь стоит недоделанный: видно, бились, бились за жизнь и бросили. Так и человек, очевидно, бросается. Снег толстыми слоями лежит на крышах. Но коты от голода, страшного холода этой зимы куда-то исчезли. Видел одного кота, живущего в печке, исхудалого, а люди в той же холодной квартире жили и не очень ежились. Вот и говорят в благополу-

чии: живуч, как кошка. Наверно, теперь у кошек в неблагополучии говорят: живуч, как человек.

23 марта. Навестили свою квартиру и вошли в нее, как в склеп.

Вчера без света (нет маскировки).

25 марта. Ветра нет. Тихо тает в тумане. Прошлое отрывается без боли, а будущее — думать нечего: довлеет дневи.

26 марта. Ночью проснулись от грохота: это снег обрушился с крыши.

— Не бойся, Ляля, это не бомба.

— А что же это?

— Весна.

И новое утро, и опять белая муть и ничего впереди не видно. Какая-то птичка в тумане вытягивает, вытягивает, и вдруг поняли: это ворона сидит на невидимом дереве и кланяется, токует.

31 марта. Бомбежка. Всю ночь грохот орудий, и два опасенья, одно, чтобы не выбили стекла, другое, чтобы не попали в наш дом и не разлучили с другом в больнице. Даже уж когда начался первый свет, опять загремело. Я заглянул, отодвинув штору, в окно, и мне казалось — поднимается дым пожаров. А когда совсем рассвело, это был не дым, а деревья.

Утром, наверно, был порядочный мороз, но когда ободнялось, началась частая золотая капель и начались обвалы с крыш. Господи, как хочется жить и как все живое на волоске. И как люди обвыклись с возможностью смерти и как в то же время борются за существование.

Об этом вслух не говорят и, может быть, не доводят и до своего ясного сознания, но в поведении своем ясно выражают: это, что смерть теперь менее страшна.

Общее мнение, что летом война с Германией будет закончена.

1 апреля. Теперь, может быть, единственно и остается человек разумно мыслящим и свободным существом, когда он отказывается идти в бомбоубежище. Вот стучат, кричат:

— Выходите, тревога, выходите!

— Не пойду.

— Смотрите, заплатите штраф.

— Не пойду.— И не идет. И мыслит, и ему открывается далекое прошлое, когда люди избранные тоже так отказывались спасаться от смерти и так... навстречу смерти и побеждали страданье радостью.

Читал Тютчева. Проследил, что в первых стихотворениях у него был параллелизм: природа и вслед за тем человеческая душа, а в последних совершенно природа и человек соединяются в единство. Я тоже так шел, достигнув совершенства в детских рассказах. Но это единство не есть уступка природе, а сознание своего родства и высшего руководящего значения в мировом творчестве.

Второе близкое мне в Тютчеве — это борьба с метафизикой за поэтическую свободу, за цельность, родственное внимание к миру.

6 апреля. Ночью два раза бомбили, один раз около двух, при звездах и половине луны, другой — в самом начале рассвета. Раза три слышались взрывы фугасных бомб.

9 апреля. Последняя весна. Теперь все видят, все чувствуют, что настала весна, и это чувство является теперь как возможность... счастья, и в то же время каждый знает, что эта весна для него, может быть, последняя.

13 апреля. Я вернулся домой, но должно пройти какое-то время, чтобы я мог *прийти в себя.*

14 апреля. Сильный холодный ветер, небо в тучах, слегка подморозило. Кажется, будто человеческие бедствия вошли внутрь природы и мутят ее оттуда, как у нас в Москве, голод, холод, болезни.

Вечером охватило убийственное утомление. Но это, верно, так и надо: не из железа же человек. Пройдет утомление, и родится из него же радость с новой прибавкой.

15 апреля. В лесу снега на пол-аршина, но можно ходить, конечно, с трудом: снег потерял сложение, стал зернистым. По дороге же ходить невозможно, ноги проваливаются и вытаскивать трудно. На вырубке заливается тетерев, слушал его как будто из ада, как будто с той стороны, райской, и к нам в ад кромешный долетали ликования.

20 апреля. В народе простом внедряется полнейшая уверенность в том, что война подходит к концу. Мы же

только допускаем возможность продолжения войны и после этого года.

26 апреля. Вот в том-то и дело, что из тяжелых испытаний народы, как и личности, выходят по-разному.

27 апреля. Утром из желтой зари встало солнце, частые тени сосен прибежали к окну. И скоро между тенями на солнечном луче блеснул изумрудный свет,— это был свет от первой капли тающих кристаллов мороза золотого утра, это была первая роса на первой зеленой травинке страшного года.

28 апреля. Вспомнился разговор мой недавний в Переславле с майором (возможно, это был сам начальник НКВД).

— Вы что теперь пишете? — спросил он.

— Я пишу,— ответил я,— только не удивляйтесь, не для войны, а для мира. Война пройдет: я не могу писать для преходящего. После войны будет мир, так вот я для того мира пишу.

— Почему же вы думаете, что я удивлюсь, ваша мысль большая и верная. Вот и я ведь тоже был учителем...

4 мая. В бору все еще видно, целая сеть нападавших за зиму на снег и теперь осевших старых игл, множество мелких опустошенных шишек, сучков, заячьих шариков, но и мох и трава зеленеют, и скоро все прошлое этой зимы будет закрыто зеленой травой. Так и у нас, у людей. Теперь даже и не ждут конца, а просто уверены в нем, значит, что больше нечего дать на войну: все! и дальше некуда.

5 мая. После обеда валит валом снег, вечером зимний ландшафт при том же морозе (не «утренник», а вседневник, майский вседневник).

Вчера Ляля взялась было за дневник наш, и в меня начала вливаться и трогать мою душу волна желанного мира.

10 мая. Кончил «Бесы». Вся жизнь русского народа выразилась в двух ее пророках: Достоевском и Толстом. В «Бесах» «общее дело» вскрыто как личное дело властолюбцев. Властолюбие как сила греха. Истоки властолюбия — самообман.

5 июня. Каждое утро просыпаюсь, когда гонят мимо открытого окна коров и они мычат и ревут. Прежде меня просто радовал этот коровий рев, сопровождаемый хлопаньем кнута и окриками пастухов. Теперь при этом

тупом, бессмысленно-беспощадном реве отдельных коров я содрогаюсь, мне слышится в этом реве, в глубине его где-то заключенный человек, не имеющий возможности дать знать о себе своим голосом. А когда после этого встаю и выхожу на росу, то даже и все величие Солнца не удовлетворяет меня, и в лучах его, и в цветах, и в траве, и в росе, и даже в том, что солнце! — и круглое, мне чудится какой-то недочет, чего-то не хватает во всем этом, что пропущено или где-то заключено и скрыто, как в этом реве коровьем, слышном теперь уже издали, продолжает чудиться заключенный в темницу родной человек.

Хорошо, что я хотя и поздно, а все-таки это чувствую.

[*Москва.*]

19 июня. На первых порах, как приехали, мы заметили в обществе некоторую удовлетворенность бытием сравнительно с временем последнего приезда: всем стало лучше. Некоторое улучшение в пайках совпало с наступлением лета: сытнее и теплее.

27 июня. Набрал в Конякине на жареное боровиков. Написал рассказ: «Как заяц сапоги съел».

29 июня. Немцы продвигаются вперед понемногу. Одни говорят, что если так у них пойдет продвижение, то, значит, они вовсе ослабели. Так ли шли они в прошлом году. «В это время,— отвечают другие,— прошлый год только война началась...» Всяко говорят, но все-таки большинство как-то не беспокоятся. Однако несомненно, что события крупнейшие на волоске, вот-вот волосок перегорит.

7 июля. Становится ясно как день, что живой силой Англия и Америка действовать не могут, что в такой большой войне никого не обманешь просто дипломатией и даже махинацией, что к этим двум силам войны должна присоединиться живая сила народа.

21 июля. Гроза весь день и с медленным отдалением, приближением, долго казалось, что это война, и об этом долго спорили кругом.

23 июля. С Силычем ездили на Семино *. Смотрел на него, вспоминал свое охотничье прошлое и дивился и себе прежнему и ему: какое-то консервированное детство.

27 июля. Время требует от писателя прославления вражды, возбуждения ненависти к врагам. А мы в это время взялись за любовь, поставили задачу себе сказать о любви такое, чего о ней еще не сказал ни один поэт и художник. И мы уверены в том, и знаем, что наше время придет, как все знают, что, рано ли, поздно ли, война кончится.

18 августа. Да разве можем мы знать человека, с которым живем? Мы узнаем человека, если только, пожив с ним, съев пуды соли, навсегда расстанемся. Да и то не сразу бывает,— он ушел, и я узнал. Нет! Бывает как-нибудь нечаянно, когда не спится, придет он на память и тут вдруг его как будто впервые только увидишь и впервые сразу всего поймешь.

26 августа. Всю жизнь слышал слово «душа» и сам произносил это слово, вовсе не понимая, что оно значит. Мне кажется, если бы меня спросили, что такое «душа», я бы довольно верно ответил на этот вопрос. Я сказал бы, что душа — это внутренний мир человека, это что он сам знает о себе. Во-вторых, я бы о душе сказал с точки зрения философа, что душа есть совокупность знаний человека о себе и т. п., как сказано в учебниках психологии. В-третьих, я бы вспомнил о представлении души примитивным человеком, как некоей сущности, обитающей в теле. И все это понимание души было бы не от себя, не своей души, а как говорят и думают о ней все люди.

Между тем у меня была душа своя, и я знал о ней с очень далекого времени, почти с детства, когда потихоньку проливал слезы о том, что я вышел на свет не такой, как все. Мало-помалу с годами, с десятками проходящих лет я через это страдание узнавал свое назначение: мало-помалу оказывалось, что быть не как все, а как сам, и есть то самое необходимое, без чего мое существование было бы бессмысленным. И мое страстное желание присоединиться ко всем, быть как все не может произойти иначе как через раскрытие в глазах всех себя самого. И еще должны были пройти десятки лет, чтобы я понял, что перед *всеми* раскрыться нельзя, и «все» это ничего не значит и, может быть, «всех» даже вовсе и нет. И что если мне хотелось быть как все, то «все» в этом желании были близкие любящие люди, избранные, которых бы я любил и меня бы тоже любили. И еще прошло много времени, пока я понял, что желание

быть как все во мне было желанием любви. И еще совсем недавно я наконец-то понял, что это стремление любить и было действием души моей и что душа это и значит любовь.

Я помню, очень давно была во мне уверенность, что главная сила человека в душе, а не в электричестве, что новый неведомый мир откроется людям, когда они обратят внимание *туда*.

27 августа. Ветер нес пожар по селу. Услыхав набат, прибегали женщины с поля, становились перед своим пылающим домом, валились наземь, впивались пальцами в землю, корчились, кричали что-то в огонь. Но огонь безжалостно все разрушил, в окнах было видно, как горела кровать, одеяло, подушки, кадушка с мукой, грибами. Попробуй-ка, бывало, возьми сам грибок, из-за этого гриба что бы тут было. Даже и попробовать не дадут. А огонь не спрашивает, все пожирает и не смотрит на баб.

После всех шла с поля на пожар старушка: была очень стара и не могла быстро идти. У села ей встретились люди.

— Добрые люди,— спросила она,— стоит ли еще моя хата-то?

— Нет, бабушка, твоя хата сгорела дотла.

— Ничего и не вынесли?

— Ничего.

Старушка перекрестилась и молвила:

— Ну, и ладно. Видно, так и надо.

31 августа. Я должен быть на страже времени, без чувства своей со-временности невозможно оставаться писателем, писатель — это стрелочник времени...

1 сентября. Поэт не страдает, а со-страдает, и не чувствует своих героев, а со-чувствует им, и не переживает, а со-переживает. Вот почему поэзия никогда не действительность.

7 сентября. Память. Боец, возвращаясь из побывки на фронт, умолял снять его, чтобы семье память оставить.

— Вы вернетесь,— сказала Н. А.

Он сразу обрадовался и пожал ей руку.

Не лучше и у нас: как если все взвесить, то расчета «вернуться» и у нас очень мало, а я только и делаю, что снимаюсь в своих писаниях, тоже, чтобы «память оставить».

11 сентября. В сердцах людей во время войны складывается будущий мир. И назначение писателя во время войны именно такое, чтобы творить будущий мир. И я теперь думаю, что Зуек из моей поэмы «Падун» * как раз и должен сделаться таким делателем мира.

17 сентября. Вчера был белый мороз. Сегодня тепло. Иван Кузьмич встретился и крикнул:

— Бои в окрестностях Сталинграда.

— Так и сказали, в окрестностях?

— Так и сказали.

Если не случится чего-нибудь неожиданного, то, повидимому, Гитлер будет зимовать на Волге, мы в Москве. А впрочем, там будет видно.

24 сентября.— Скажи мне, если мы останемся целы в этих испытаниях и сохраним свои души, не стыдно нам будет?

— Перед кем?

— А хотя бы перед мертвыми, теми, кто положил души за други.

— Нет. Если нам это не было дано, то почему же стыдиться...

28 сентября. Собираемся в Москву 30 сентября в среду.

29 сентября. За день вчера ветер с юга перешел на восток и на север. К вечеру стало холодно, и утром на чистом восходе солнца пришел легкий мороз. Налаживаю удачно свою фотопромышленность, и бабы моими снимками довольны.

[***Москва.***]

5 октября. Злой ветер и тучи, и дождь хлещет. И вся природа вокруг — будто злодей, захватив землю, подбирается к небу. А то вдруг сквозь тучи выбьется на короткое время солнечный свет, но и тому не обрадуешься: это злодей, овладев на небе божественной силой, вздумал по-божьему улыбнуться земле. Помнишь, друг, эти желтые улыбки в 1942 году?

Наступление голода страшно своим разделением людей на более сильных и слабых. Увидев это начало Ле-

нинграда, ясно представляешь себе время, когда будут умирать по 35 тыс. в день и в то же время какие-то существа будут за 200 гр. хлеба скупать каракулевые саки.

Большинство не хочет уехать и потерять свой угол, который потом сделается гробом ему. Но есть немногие, кто остается в своем углу, презирая смерть. Я знаю таких.

[*Усолье.*]

13 октября. Надо перейти к делу, надо писать так, будто не существует на свете никаких препятствий, надо этим глубоко проникнуться, войти в дело, и тогда, я уверен в этом, что будет просто смешно то, что раньше казалось непреодолимым препятствием.

Для начала я отправлюсь на Ботик в колонию детей Ленинграда, проникнусь этими материалами и напишу «Дети Ленинграда».

16 октября. Морозное утро, чистый солнечный восход. Мы вышли в Купань фотографировать. Пока шли, набежала туча и начался сплошной дождь на весь день. Трудно представить себе более ужасной дорогу, чем эта по болоту, изрытому карьерами. Но мы от нищенства с фотографией перешли к мысли о настоящем нищенстве, что, мол, самое для всех страшное — «побираться» больше не страшит и кажется даже преимуществом перед городом.

Под дождем осенним на изрытом болоте нам даже стало весело, потому что страх перед жизнью исчез: если такие дороги не страшат, если нищенство кажется преимуществом нашим, то всякая другая дорога, всякое другое положение, хотя бы вот это — странствующего по деревням фотографа,— должно вообще радовать. А если, например, нам удастся где-нибудь раздобыть осла и грузить свои пожитки на него... Так, несмотря на все неудачи несчастного дня, мы вернулись веселые, и эта веселость явилась только за счет нашей дружбы...

19 октября. Напечатал для Ляли свою детскую карточку «Курымушку», и, вспоминая свое прошлое, мне кажется теперь, будто мальчиком я не улыбался, что я рожден без улыбки и потом постепенно ее наживал.

22 октября. Удачное наступление немцев на Ростов мало-помалу плесневеет, как все их удачные наступления.

Я утонул в фотографической работе, как Ляля утонула в дом. хозяйстве.

24 октября. Падает снег на мою душу, и я молюсь об одном, чтобы дождаться весны и прихода мысли в понимании пережитого конца и в оправдание погибших и нас, уцелевших.

27 октября: На делянке красным карандашом окрестил свои поленницы и вернулся домой обрадованный только тем, что на зиму у меня есть дрова. И тут опять подумаешь так же о происхождении этой радости: это прячется в грудь, скрывается и уходит в себя недожитая жизнь.

Дома набросились женщины на меня снимать своих маленьких детей, чтобы послать на фронт фотографии малюток.

30 октября. Утро теплое, без мороза. На востоке наволочь, на западе светло. Обрывок луны так высоко в барашках, на самом темени неба и такой яркий. При этом свете на мостике узкоколейки я мог разбирать шпалы и благополучно шагал. Несколько часов моего похода солнце не могло выбиться из своего синего, полупрозрачного одеяла, и в полной тишине и тепле озеро спало нежное такое, что хотелось душой и самому рядом лечь и задремать.

1 ноября. Чем же плох этот мой труд,— снимать карточки детей для посылки их отцам на фронт? И так все, всякий труд, если научиться подходить к нему с благоговением. Так я смотрел на себя, фотографа, со стороны, и мне нравился этот простой, старый человек, к которому все подходят запросто и, положив ему руки на плечи, говорят на «ты». Тогда мне думалось, я даже видел это, что именно благоговейный труд *порождает* мир на земле.

9 ноября. Мне кажется, что я сейчас нахожусь накануне того же выхода из нравственного заключения, которым было мне путешествие в край непуганых птиц. С таким же чувством благоговения, как тогда в природу, я теперь направляюсь к человеку, и первый отрезок жизни возьму его в себя и к этому ничтожному серпику жиз-

ни приставлю дополнительный — всего человека. Так и начну свой новый круг жизни.

12 ноября. Целый народ, миллионы немцев поднимаются над миром во всей ограниченности своего духа, потому что господство само по себе есть ограничение духа.

16 ноября. Все наши привычки, навыки, все заучаемое повторением уроков является из жизненной необходимости кривить путь прямой правды и возвращаться на прежнее место. Все мы такие живущие люди вместе с животными; если животное гнать, оно убегает по кругу и возвращается на прежнее место. И когда во время глубоких снегов заяц убегает по наезженному прямому пути — этот путь ему навязывается не природой, а человеком.

Антоныч прав! Только из святых святой человек, прощаясь с жизнью, посвященной на борьбу с Кривдой, в свой последний миг расставания может сподобиться увидать божественную прямую, изображающую нашу Правду. А может быть, и не святые одни, а и все мы, умирая, выходим на прямой путь. И потому мы не возвращаемся, не приходим к своим любимым сказать что-нибудь о себе,— что мы, умирая, выходим из жизненного круга, а души все движутся по прямой длинным уходящим рядом: уходят по *необходимой* прямой, как уходит во время глубоких снегов спугнутое с лежки животное по человеческой прямой, по дороге. Душам нет возвращения, души идут по прямому пути.

21 ноября. Митраша рассказал нам, что на днях к нему пришли два слепца переночевать,— к нему послали их люди с такими словами: «А кроме Митраши вас никто и не пустит». Митраша принял слепцов и посадил ужинать. Один из них, по имени Ксенофонт, был крепкий, живой человек, до 23-х лет был машинистом и потерял глаза при взрыве котла. Теперь ему лет 35. Другой слепец, бледный худенький юноша, был слепым с детства и света не видел. Он ел немного и все отдавал своему спутнику, и тот все сжирал. Митраше было жалко юношу. Был в доме всего один стакан молока, предназначенный для девочки Клаши. Пожалел Митраша юношу слепого и отдал ему этот стакан. А тот отпил глоток, два и отдал машинисту, и тот выпил его. После ужина легли все на печь и сытый машинист рассказал на сон грядущий о слышанном им от кого-то рассказе о каких-то двух беспризорниках, которых тоже, как и их, не

пустили в деревне ночевать, они же ночью взяли и запалили деревню с двух сторон, и вся деревня сгорела.

— Вот это по-моему,— сказал машинист,— хорошо, так им и надо.

Так слепцы переспали ночь. Утром Митраша покормил их всем, что у него было, и когда слепцы уходили, машинист сказал хозяину:

— Ты меня удивил своим угощением, видно, много тебе пришлось тоже побродить. Спасибо тебе.

А Митраша ответил ему:

— Я все думал ночью о твоем рассказе, как два беспризорника спалили деревню, что, живи я в той деревне, ведь и я бы сгорел. Ну, не хочу сказать, что прямо я, а кто-нибудь, может быть, и много лучше меня.

Слепец задумался и с заминкой сказал:

— А ведь и правда, как же я не подумал об этом.

Провожая гостей, Митраша говорил:

— Ну, идите с Богом, идите. Это ты хорошо сказал, что не подумал, идите, родные, дорога вам дальняя, времени у вас много, все может быть в пути, может, опять вас обидят, и вы тогда подумайте о моих словах.

6 декабря. Сколько умерших! Одна за одной души умерших выходят на прямой свой и единственный путь из кругового лабиринта нашей жизни. Выходят на священную прямую и уже не могут вернуться назад.

В предрассветный час и знаю, и чувствую, что с каждым ударом сердца моего непременно выходит на священную прямую чья-то душа и удаляется, и новый удар сердца, и новое мгновенье, и так складывается у нас время, а у них путь...

9 декабря. Сборы на Ботик.

На Ботике этом я написал книгу «Родники Берендея», нашел себе форму короткого рассказа, охотничьего и детского. Эта книга и эти рассказы утвердили меня в литературе как советского писателя: тут я сделал себе второй раз литературную карьеру (в пределах моих способностей). И теперь после новой исторической катастрофы, через двадцать лет я пришел сюда с твердой решимостью в третий раз в жизни начать что-то новое.

16 декабря. Каждый раз, когда иду по узкоколейке в Переславль и обратно, встречаю по пути стрелочника, и у нас всегда с ним после обмена приветствий всегда один и тот же разговор:

— Вы опять пешком?

— Как всегда.

— Ну, конечно, мы народ старый, закаленный.

И затем следует рассказ о том, как, бывало, к Троице ходили по 60 верст в один день. В этот раз стрелочник изменил тему:

— Ну,— говорит,— прощайте, иду на войну.

— Как на войну, сколько лет?

— Пятьдесят три, иду. А вас еще не трогали?

— Пока еще нет, жду.

— А сколько вам лет?

— На днях будет семьдесят.

— Вам, семьдесят!

— Семьдесят, жду.

— Ну, семьдесят, так не дождетесь.

— Кто знает...

18 декабря. Из Москвы Ляля вернулась сегодня с хорошими вестями. По общим настроениям войне приходит конец; одни говорят, что все кончится к масленице, другие — к осени, но чувствуется по всему начало конца.

И у нас начались разговоры о постепенном перевозе вещей обратно в Москву и возвращении туда.

22 декабря. По радио передавали о новой нашей победе на Дону: прорван фронт на 70 км, продвинулись за Дон на 90 и взяли в плен 10 тыс.

23 декабря. В беде люди становятся такими легковерными, и особенно мы, русские. Вот хотя бы эта зима: только началась, и так хорошо началась, так тепло! И все уже надеются и все говорят, что зима эта будет сиротская. Так и с войной: чуть пошатнулось у немцев, и мы уже кончаем войну.

1943

2 января. Продолжается и в январе сиротская зима, только снег не тает,— так тепло! И понемногу, но не сильно подсыпает снежок.

Завожу часы для своего счета времени, но самое время идет само по себе. Так вот я все теперь делаю: конечно, делаю все, что от меня зависит, но жизнь идет сама по себе.

3 января. Вчера весь день валил снег валом и в лесах было, как во сне, когда снится приятно вечный покой...

Ляля принялась за дневники нашей любви. Переписываем, перечитываем и связываем свое тогда и теперь.

6 января. Вспоминаю и записываю, раздумывая о пределах унижения: по существу, нет этих пределов для идеально глубокого человека, отвечающего за жизнь свою перед любимыми людьми и перед Богом. Но у каждого человека в отдельности есть потолок личной чести, сквозь который он не может подняться, и его смертельная вспышка за честь — есть удар головой об этот потолок. Наше сочувствие таким выходкам исходит из нравственных требований к росту личности в том смысле, что если не можешь выйти духовно из оскорбленного и униженного твоего тела, то лучше разбей его в его поганости... и, может быть, тем самым определили свое лучшее расти в новом, более счастливом воплощении.

С тех пор, как голод заставил людей смотреть на охоту как на добывание пищи, а не на форму поэзии, я забросил охоту и с начала германской войны не пролил ни капли ни птичьей, ни заячьей крови.

7 января. Вышел в темноте, мороз, как вчера, довольно значительный (—15—20°), небо чистое, но все-таки некоторых звезд недосчитался, и ветер восточный.

Фактор хорошего праздничного настроения — это наши победы под Сталинградом (говорят, 1,5 мил. немцев разбито). Главное же это охватывающая всех уверенность в том, что вообще война кончается.

12 января. Основная задача учителя в школе состоит в таком преподавании детям достижений человеческого опыта, чтобы эта нагрузка чужого опыта не подавляла собственную душу ученика.

Текущее: с Ботика телеграмма о близком окончании отепления колонии. Через неделю с чем-нибудь можно рассчитывать на возможность начала намеченной работы с ребятами.

От журнала «Дружные ребята» просьба дать рассказ к моему 70-л. юбилею. Это напомнило мне о юбилее.

13 января. Зима все та же, сиротская, время летит, и как-то складывается в душе, что не в зиме и даже не во времени дело...

14 января. Стали замечать прибыль света и вечером и утром, морозы сильно не жмут, время летит.

Дарвин, как прислуга у господ, подсмотрел в делах Божиих обыкновенность его творчества. Чудесные пиро-

ги делаются из обыкновенной муки, так и состав материи тот же самый у человека и обезьяны.

Природа в понимании Ляли и моем: я с трудом научил ее отличать сороку от галки, а грача от галки отличить она так и не могла научиться. И в охоте тоже: не может понять, почему нельзя стрелять дробью без пороха. Ее сопротивление к технике болезненного происхождения, но эта болезнь на фоне всеобщего технического безумия, этой слепой веры в слепую материю является скорее не болезнью, а здоровьем души.

16 января. Прошлую кампанию немцы, наступая на Москву, убедились, что прямая не есть кратчайшее расстояние между Москвой и Берлином. В нынешнюю кампанию, 42-го года, они убедились под Сталинградом, что и кривая не есть истинный путь.

18 января. Морозы настоящие стоят, но мы их вовсе не чувствуем,— с одной стороны, топим хорошо, с другой, стало так, что внимание обращено не на морозы.

Англичанин умеет открываться, не отдаваясь, а русский если откроется, то тем самым и отдается, а после будет страдать.

28 января. Мороз сломило. Верчусь около философии времени, потому что без этой философии невозможно понять глубоко современность. Что думать о времени прошлом! Оно безгранично усмисто, и мертвецам там спорить не о чем, там — мир. И будущее время, эта страна неоткрытых радостей — бесконечно вместима, и там тоже не за что спорить,— там мир. Но время настоящее, короткое, между рождением и смертью — это время тесное, и тут идет борьба за минуту, за мгновение — тут непрерывная война против всех властелинов мгновений. Посмотрите на мир природы, где бьются за мгновение жизни и крокодилы-пожиратели, и бабочки, у которых не существует даже кишечника. Все они бьются по-разному за мгновенье, и даже бабочка, снимая пыльцу с цветка, отнимает ее у другой. И весь этот мир бьющихся между собой властелинов мгновений целиком сосредоточен в душе человека...

Среди этих воюющих властелинов мгновений есть завоеватели великие, и их огромное богатство сложенных мгновений настоящего у людей называется властью.

30 января. Идея дневника. В дневнике можно понять теперь уже общую идею: это, конечно, творчество жизни в глубочайшем смысле с оглядкой на аскетов, раздели-

ших дух, как благо, от плоти — зла. Дневник это не разделяет, а именно утверждает как самую святость жизни, акт соединения духа и материи, воплощения и преображения мира. Творчество это непременно требует двух лиц и называется любовью.

Итак, любовь, как творчество, есть воплощение каждым из любящих в другом своего идеального образа. Любящий под влиянием другого как бы находит себя, и оба эти найденные, новые существа соединяются в единого человека: происходит как бы восстановление разделенного Адама.

1 февраля. Мягко после пороши. Вступили в последнюю треть зимы. Ждем конца войны, как голодный ждет хлеба. Ляля переписывает дневник и делает открытия в разных смыслах нашей жизни. Я ничего не делаю, кроме фотографирования баб за картошку.

5 февраля. Читатель ближний к писателю, тот «ближний», которому он пишет, кого ждет к себе, тратя дни, ночи, всю силу ума и сердца, этот ближний находится от него дальше всех: вот оттого так и трудно вызвать его, оттого художник седеет, желтеет и морщится в его ожидании: потому что он ближний по духу и самый дальний по расстоянию. И все искусство такое, все оно, как решето, рассчитано на избранных, все оно учит лучших. А война — та учит *всех*. ...«Война учит всех», пришло мне в голову, когда я снимал за картошку двух мальчишек по 15 лет. У одного были на груди стрелковые ордена, и я не знал, как мне с ними быть, потому что в комнате стена мешала отодвинуть аппарат, чтобы могли выйти ордена.

— Что делать,— сказал я,— если снять ордена, то обрежется сверху голова, волосы почти до самого лба, а сохранить голову — срежем ордена.— Мальчик задумался. А я ему пословицу: — Или грудь в орденах, или голова в кустах.

— Режь голову! — ответил мальчик.

6 февраля. Сильный мороз и солнце. Месяц народился. Утром до почты какой-то монтер прислал мальчика с текстом поздравительной телеграммы (5 февраля день рождения, 70 л., награжден орденом Красного Знамени).

13 февраля. Величайшая метель сверху и снизу. Трактор не мог пройти и вывезти мою машину на шоссе. Написал послание в Союз вместо речи на юбилее.

16 февраля. Ждем трактора или перемены погоды. Есть опасение, что мы застряли здесь до конца апреля: нечего сказать — юбилей!

17 февраля. Вчера после обеда и на ночь моросил дождь. Сегодня утром тоже тепло и тихо. Мы выезжаем в 6 утра с подводой леспромхоза в Переславль.

Видел когда-то и Рублева, и Рафаэля и ничего не понимал, а теперь сижу в глуши, ничего не вижу и все понимаю: пришло это, потому что имел соответствующее переживание, или просто назначенное время жизни пришло. И я такой весь, рассчитанный на долгую жизнь, а другой (Лермонтов) рожден, чтобы вспыхнуть: сразу все! Как бы вам хотелось родиться — на долгую или на короткую жизнь? Хотите сразу сгореть или жить, как я, под хмурыми тучами и с каждым годом чувствовать, что тучи мало-помалу расходятся и вот-вот покажется солнце...

За творогом пошли в Молокосоюз. Заведующий спрашивает: почему я не черпаю материалов на фронте. Отвечаю: что там кровь, и я крови видел раньше много, довольно, теперь смотрю на слезы в тылу:

— Вблизи ведь тоже материалы?

— Конечно, материалы.

20 февраля. Рассказ ленинградца: солдат шел по улице, встретил покойника, обратил внимание на знакомое одеяло. Подошел, узнал свое одеяло, поднял — жена! Рассказчик прибавил:

— А если бы пошел другим переулком, так бы и не знал, что жена умерла.

21 февраля. После вчерашней метели (не каждый год бывает такая метель) и опять на метель метет, свету не видно. Говорят, что и трактор даже не может пройти, и мы от Москвы отрезаны.

23 февраля. Тем-то и силен русский человек, что он не резко очерчен: глядеть прямо — человек как человек, а по краям расплывается так, что и не поймешь, где именно кончается этот и начинается другой человек, и в этом вся сила: один выбыл, соседи сливаются, и опять сила...

7 марта. Деревья молча борются между собою: ни слов, ни крови, ни слез. Но присмотреться — и не только увидишь их ужасную борьбу, но много по ним поймешь

и о борьбе в человеческой жизни. Когда я вижу в лесу два тесно растущих дерева, я всегда подхожу посмотреть на их жизнь.

15 марта. Из осажденного ныне города Петра, ныне Ленинграда, сюда на Ботик эвакуировали маленьких детей, подобранных большею частью на трупах своих матерей, умерших от голода. Спасаясь от гибельной дистрофии, несколько женщин-педагогов взялись спасать этих детей по мудрому совету одного ученого: «Спасетесь сами, спасая детей». Это были дети, у которых вместо ягодиц висели мешочки, тело, как сумка с костями, а волосы — сплошные колтуны с кишащими насекомыми.

4 апреля. Материнство — это сила особенная, которую мы, мужчины, по себе непосредственно вовсе не можем узнать и понять. Какая это сила и сколько ее напрасно тратится, можно видеть по такой матери трехсот детей, как Нина Семеновна Соколова и Анастасия Ефимовна Адрианова: их двух хватает на триста детей! И сколько же теряется этой великой силы напрасно в обыкновенной семье и какая это растрата, какая отсталость — семья! Есть женщины, сознающие это, им тесны рамки семьи, они страшатся семьи, как тюрьмы, и вырываются из оков родового начала, стремясь осуществить свою исключительную силу материнства вне рода. Из этой способности расширения души внутрь себя до без конца произошла личность человеческая, как бессмертная сущность.

7 апреля. Соне лет десять, Боре одиннадцать. Два года тому назад у них мать умерла, а вскоре за тем и отец. Все крестьянское хозяйство, изба, огород, корова и мелкие домашние животные остались на детей. Поневоле они крепко взялись за дело и теперь живут двое, мальчик и девочка, и справляются *.

18 апреля. Собираемся в Москву.

3 мая. С утра до вечера подготовка к юбилею. Великолепный вечер.

5 мая. Все эти дни вижу косым глазом зеленеющие почки на солнечном просвете.

16 мая. Итак, прошел без 2-х дней месяц в Москве.

Сейфуллина * говорила, что публика радовалась на моем выступлении образу чистого детства, которое вставало перед каждым.

[*Усолье.*]

17 мая. Мы вернулись домой.

18 мая. И что было раньше близким — земля, то становится в росте нашем все дальше от нас, а что было так далеко — небо, то все близится и близится.

Ляля меня утешала, когда в Москве пропускали весну. Я так жаловался ей: «Подумай только, ведь это в жизни моей сознательной первая весна проходит напрасно». Она меня так утешала:

— Не напрасно! Вспомни, как люди радовались весне на нашем вечере: ведь это мы им отдали нашу весну. А помнишь, как Ойстрах на скрипке играл, все вокруг себя забывая, и ты же сказал: «Мне кажется, что все наше прекрасное там, в природе, через таких людей сюда собирается, в город, страдающим людям на утешение».

— Это все верно,— ответил я,— но отдать всю нашу весну для одного вечера — ведь это опустошение! — И это неправда: так отдавать, как мы, это значит и получать. Почему непременно надо сидеть у природы недели и месяцы, бывает одно мгновенье, взгляд, и разом все получишь.

Мы уехали, когда в лесах еще белелся последний снег, а когда вернулись, вечером после грозы в лесу (на Ботике) пел соловей. Мы остановились, вслушались в песню, и вдруг все, что было пропущено от снега до соловья, к нам вернулось. Я сказал:

Такого соловья я никогда не слыхал.

И она:

— Такого я никогда не забуду: это раз навсегда.

9 июня. Самое грубое и необходимое дело в природе есть убийство. Но люди придумали в обход возмездия за убийство и необходимости жертвы организацию: соединяются два человека, один не убивает, а только приказывает убить и тем освобождает себя сначала от физической грубости дела, а при дальнейшем усложнении организации и от страха возмездия, потому что ведь и не он сам приказал, он только передал чей-то приказ по назначению. И кто убивает — физически грубый человек — палач или раб, он тоже теперь не убийца: он выполнил приказ. Так благодаря организации человек, как *лично* ответственное существо, делается безликим, и так

человеком создается вторая природа, в которой, как и в первой, становится можно убивать.

Общая (тотальная) война есть последствие личной безответственности в убийстве. Задача писателя после этой войны довести это по мере сил до более широкого сознания.

Философ такой же человек, как и все, и тоже должен поднять весь моральный груз на себя. Между тем в философии заключается соблазнительная лазейка удрать в иллюзорный мир и свалить с себя необходимую тягость борьбы за действительность. Потому-то вот и говорится: бойся философии. Истинная же, святая мудрость должна быть делом жизни, а не специальностью. Истинный мудрец прежде всего незаметен и прост, а на философа все пальцем показывают, потому что он рассеянный в действительности и спотыкается.

16 июня. Получил письмо с фронта от молодого бойца, что в разгромленном немцами местечке он нашел мою книгу и стал читать ее вечером при свете степного пожара. Но огонь уходил от него, потому что сгорала трава, и он, читая книгу, должен был двигаться под пулями, при разрывах артиллерийских снарядов и мин. И так, подвигаясь вперед, за ночь прошел три километра и к рассвету кончил весь том. А теперь пишет просьбу прислать ему продолжение.

19 июня. Бывало, когда станет от чего-нибудь тяжело, в легкомыслии мечтаешь, как мальчик: а вот уйду от всех, утоплюсь, или замерзну, или просто уйду, и как легко это! И не будет меня. А теперь представляешь остающихся и видишь смерть не физическую только, а и нравственную: подло так бросить людей. Вот только тем люди и держатся и связываются, а те, кто не связан, живут в смутном чувстве ожидания чего-то лучшего.

12 июля. У человека на свете есть две радости: одна — в молодости выйти из дома, другая — в старости вернуться домой.

[*Москва.*]

8 сентября. Мой современник это не тот, кто устраивается потребителем всего нового, а кто сам участвует в создании нового времени, кто на это душу свою положил.

13 сентября. По приезде в Усолье вопьюсь в материалы «Падуна» и начну работать на ходу.

[*Усолье.*]

26 сентября. Воспитательницы теряли в Ленинграде своих детей, дети теряли родителей, каждая расстроенная семья, как разбитое зеркало, своими обломками тянулась к целой семье, и так под ужасным давлением жизни сложилась эта семья в 300 человек. Нигде никогда никому ни в старое, ни в новое время не приходилось встречать такой тип семейственности, как на Ботике. В этой семье, конечно, нет прочности, все на случайности: так все счастье вышло, что зима прошлая вышла сиротская, хвати морозы по 40°, как в позапрошлую зиму, едва ли бы уцелела эта семья в помещениях с очень плохим отоплением. Но в том-то и дело, что детдом на Ботике не быт, а личное творчество детей. Никто здесь, на Ботике, ничего не придумывал: тут в ужасной катастрофе человеческой из самой глубины как бы Всего-человека поднималась целительная творческая восстановительная сила.

Милый друг читатель, если тебя, тоскующего по настоящей семье, достигнут наши слова, возьми палочку и незаметно сторонкой приди на Ботик, попроси там пообедать, поиграй, побеседуй и унеси с собой на посев семена жизни.

29 сентября. Не нужно только думать, как часто думают старые люди, знающие по опыту, с каким трудом и болью скоплялось добро и как, значит, трудно будет его восстановить. Это неправда: когда собиралось добро, труден был путь к неизвестному будущему, а раз оно было, имеется уже образ его, то восстановить бывает не так-то уж и трудно: так сгорают в деревне дома,— каких трудов многолетних стало их поставить, а когда сгорит, дома в один год вырастают и еще даже лучше. Так и гиблые нравы войны: тут вдруг дунет правдой, и как пойдет, и пойдет все расти.

[*Москва.*]

4 октября. Буду работать усердно над «Ботиком», мять свои эскизы и сплавлять в цельную вещь. После

того крепко берусь за «Падун» и подчиняю этой работе всю остальную жизнь крепко.

8 октября. Войска перешли через Днепр. Начало конца войны (очень всем уж хочется). Выделываю рассказы о прекрасной маме (это будет книга).

17 октября. «Прекрасная мама» * принята с восторгом в «Красную звезду». Радует меня «Мама» по следующим причинам: написать в газеты на читателя всей страны и от себя, по-своему, было тайной мечтой моей — и она осуществлена.

Писатель может быть при всяких условиях, он, как личность, больше условий.

18 октября. На всем юге, от Киева до Крыма происходит последнее все решающее сражение, и все уверены, что немцы скоро будут разбиты...

21 октября. Помнишь, друг мой, дождь? Каждая капля отдельно падала, и капель этих всего было неисчислимые миллионы. Пока эти капли носились облаком и потом падали — это была наша жизнь человеческая в каплях: мы, люди, тоже так носимся в виде капель и падаем. А после все капли сливаются, вода ручьями и реками собирается в океан, и опять, испаряясь, вода океана порождает капли, и капли опять падают, сливаясь. Кажется, нет ничего на свете слабее воды — соломинка разбивает струю. И в то же время нет ничего и сильнее: небольшой ручеек разрезает и рушит гору.

Так точно и наша жизнь человеческая: мы тоже в каплях, каждый по отдельности поднимается от неведомой нам какой-то человеческой стихии, подобно океану (самый океан-то, может быть, и есть отраженный образ нашего человечества). Каждый из нас знает, что каплеобразное состояние жизни не вечно, что за каплей таится какое-то Целое, и в то же время сам свою каплю не может разрушить и должен отдаваться ее неведомому назначению. Помни, друг, тот дождь, всегда носи впечатление от того дождя, во всякое время, во всякий час, на всяком месте, как истинный образ всей жизни человеческой на земле, считая себя самого каплей, имеющей свое отдельное назначение.

22 октября. Любовь — это история личности. Война — история общества.

Движение в любви зависит и от культурности лиц, то есть от глубины связи их.

25 октября. Радио передало о взятии Днепропетровска и порадовало: конец войны не за горами, а там и надежда на встречу с настоящими людьми, таящимися в порах жизни.

4 ноября. Вчера прихожу в «Советский писатель», там мне говорят, что книжечка моя о радости «Фацелия» напечатана, та самая «Фацелия», которую именно за радость ее запретили перед войной. «Война на носу,— писали о ней,— а он радуется». Теперь же понадобилась радость, и книжку напечатали, и в ней о войне ни слова, как будто она давно кончилась. Весь день я ходил радостный, и в моей душе это было концом войны.

На 8-й симфонии Шостаковича. Это музыкальный миф о современной войне, вещь настоящая, без подтяжек. Сам Шостакович, маленький человечек, издали, будто гимназист 6-го класса, капризное дитя современности, вместивший в себя весь ад жизни с мечтой о выходе в рай.

7 ноября. Какой-то молодой капитан рассказывал о войне...

— На войне,— спросили его,— лишаются чувства страха и жалости к мертвым?

— Нет,— ответил капитан,— на войне люди очень привыкают друг к другу, очень скоро сживаются и расставаться бывает и жалко, и страшно.

Там у людей очень много дружбы, и я верю, что это они привезут ее к нам после войны.

8 ноября. Бывало, когда такая первая пороша заставала меня в городе, я отводил себе душу на следах по крышам домов. С высоты своего шестого этажа там и тут возле труб я радостно наблюдал путешествия котов, оставляющих разные цепочки следов. Сегодня следов этих не было и белые крыши оставались пустынными: наверно, люди военного времени бросили кормить котов и они постепенно перевелись в Москве.

И в городе даже становится светлей и радостней на душе от первой пороши. «С обновкой, с обновкой!» — встречаясь, говорили люди. Но коты в это радостное утро так и не вышли на белые крыши.

22 ноября. В душе моей, верю я, таятся слова несгораемые, и, сжигая мысленно все свои книги прошлые, я держусь за веру свою в то, что напишу наконец книгу несгораемых слов. Эта вера, однако, держится вся на какой-то вечно дрожащей струнке и — такое дело худож-

ника! — на открытой струне: каждый может махнуть по ней кулаком.

27 ноября. Чувство родины сейчас связалось у всех с концом войны: кончится война, сделаем все последнее дружное усилие для конца и тогда все то хорошее, чего мы ждем, будет родиной.

[***Усолье.***]

2 декабря. Валил снег вчера, валил сегодня весь день, и лес наш совсем завалило, лес стал глухой.

— Какое это счастье,— сказала Л.,— сидеть в тепле одним и смотреть, как падает снег! Тебе это вышла награда за твою мучительную борьбу.

— Мне моя борьба,— ответил я,— была в охоту, а вот тебе да, за твое страдание, правда, это счастье.

И мы стали, глядя на падающий снег, распускать кофточку, она распускала и связывала нити, я наматывал.

Снег падал. Клубок мой рос и рос, время незаметно проходило, как будто время, грызущее сердце, покинуло нас и сматывалось в клубок. Стало темнеть.

— Я как-то не чувствую времени,— сказал я.

— А это же и есть счастье — не чувствовать времени: наше время сматывается в клубок.

Мы зажгли лампу и продолжали наматывать, и время шло, и мы его не чувствовали. Потом стало клонить ко сну. Мы уснули, а клубок вырос до огромных размеров.

И спали мы долго, может быть, мы столетия спали блаженные, а наше злое время отдельно от нас все моталось и моталось в огромный клубок.

И сколько снегу нападало. И весь лес стал глухой.

[***Москва.***]

8 декабря. Тегеранская конференция временно заделывает всеми ощущаемую тревогу по поводу прочности союза капиталистов с коммунистами. Тревога эта откладывается на будущее, а на сегодня всем радостно объявление начала конца войны. Сила конференции в том, что открывается больше и больше бессмыслица сопро-

тивления немцев: когда и для немца потеряется весь смысл их войны, то все у них, конечно, и развалится.

26 декабря. «Новый мир», приняв серию моих новых рассказов для напечатания, внезапно отверг их без всякого объяснения причин.

28 декабря. Сегодня в английских газетах (сообщают в «Известиях») была заметка об опасности фашистского яда после войны и приводятся примеры того, как в самой Англии всюду назревают признаки диктатуры. Одним словом, Германия всем оставит большое наследство.

1944

1 января. Под Новый год прочитал «Лесную капель» и был очень обрадован: эта книга *сердечной мысли*, и в своем роде единственная в этом отношении. Это нужно осознать и утвердиться в этом, но никак нельзя этим ласкать свою душу.

Сердечная мысль есть величайшее богатство души, и для нее должна быть создана особая наука, вроде политической экономии, обращенной к духу: наука о том, как нужно создавать, охранять и расходовать сердечную мысль (родственное внимание).

В сущности своей сердечная мысль и есть «добрый ответ на Страшном судилище». И вся наша человеческая культура, как дело связи между людьми во временах, есть собрание «добрых ответов».

2 января. Сила сердечной мысли, вот единственная сила, которой строятся души.

5 января. Поэзия и вообще искусство с гражданской точки зрения есть поток мыслей и чувств от неволи к свободе. И мы видим, действительно, что рабство не мешает являться художникам, рабство, бедность, даже болезни (вспомнить только крепостных актеров, художников!). Искусство погибает от неверия и подмены, когда нас начинают уверять, что из стекла можно сделать бриллианты.

14 января. Стремись споры мыслей твоих разрешить в своем сердце, а не вовлекать в их борьбу людей и природу. Те, кто так делает,— это они делают мир, и с миром к людям приходят, и называются у людей мудрецами и миротворцами. Наоборот, те, кто бросает незаконченную мысль свою людям, чтобы они, споря между со-

бой, осуществляли начатую мысль, то эти начинатели, действующие так, чтобы за них другие делали, являются властолюбцами и возбудителями войн на земле. Мудрец — это законченный («образованный») человек, властелин — это всегда недомысленник, если только не согласуется с Богом.

18 января. На улице все раскисло: течет. Грипп у меня небольшой. Сижу дома и сочиняю «Победу» *.

19 января. Продолжается оттепель. Зима в чистоту сиротская, но снежная. Пишу «Победу».

23 января. Ночью текло с крыш. Так небывалыми морозами началась война и кончается сиротской зимой: очень крепко немцы начали и теперь растекаются в грязь.

Разделываю повесть «Победа» изнутри: очень идет хорошо.

28 января. Едва ли возможна какая-либо на земле жизнь без греха: невозможна, потому что грех есть бродило сознания. Но это вовсе не значит, что каждый из нас для продвижения по пути сознания должен непременно совершить грех. Напротив, каждый, сознавая ужасный грех человека в прошлом, должен строить свою личную жизнь, обходя всякий грех, по возможности даже и безгрешно. И тем более так должен поступать художник слова и еще во время войны, как всем очевидного греха всего человечества. Именно не из греха и всякого соотношения к греху должен художник являть теперь слово.

29 января. «Старик Державин нас заметил», и со всех сторон потянулись ко мне руки журналов, и «Новый мир» берет обратно отвергнутые было «Рассказы о прекрасной маме».

30 января. Начал читать Горбатова «Непокоренные» * с большим было удовольствием и сочувствием, но, не дочитав первой страницы, сообразил, что герой ее — Тарас с сыновьями, есть гоголевский Тарас, и, значит, патриотизм его условно-литературный, уводящий в сказку, как у Гоголя, но не подлинный, и даже слово «Россия», как он говорит, это опять не из уст действительного современного мужика, а сочиненного, и что Гоголю на свободе тогда это можно было сочинять, а теперь в тесноте это нельзя, не верится И несмотря на то, что повесть, наверно, очень хорошо написана, я читать ее не стал.

2 февраля. Если в законе, охраняющем жизнь людей от разложения, появится слабость, тогда народ встает во имя правды и этот народно-стихийный Страшный суд без участия Бога любви, во имя одной лишь правды и есть революция.

3 февраля. Вечером читал начало «Победы» Замошкину и Удинцеву. Они так очарованы «Фацелией», что новая манера моя писать в «Победе» их смущает. Уверен, что Замошкин это мое изменение приписывает влиянию Ляли. Но он не понимает, что у нас влияние возможно лишь через любовь, а в любви личность растет.

9 февраля. Сколько перемучится женщина, пока сделается покойной старушкой: как ручей-мученик в море вольется.

15 февраля. «Победа» на полпути.

17 февраля. Каждый день хожу через Каменный мост и вижу Кремль, но помню только, что там башни, дворцы, церкви, стены, а какие это башни, как расположены между собой большие дворцы, церкви, не знаю. Весь Кремль в совокупности входит в меня какой-то священной точкой и ложится на сердце, лаская или тревожа его, отчего поднимается мысль, быть может, совсем о другом. Однако сущность Кремля остается во мне, и если бы я вернул опять свое сознание и направил на Кремль и стал бы его изучать, записывать, зарисовывать, то унес бы с собой представление о Кремле, организованное в частях своих внутренней его сущностью.

23 февраля. Сегодня в 7 вечера приедет Щекин под предлогом устройства мне вечера. Так или иначе, но вечер в Москве непременно надо устроить, потому именно непременно, чтобы не считали за покойника.

24 февраля. Повесть «Ключ правды» * кончается: остается выписать одну главу действующую и два-три эпилога. Движение вперед по технике писания: углем рисунок от начала до конца и после красками.

27 февраля. Война как испытание всей любви: столько слов наговорили о любви, что теперь уже ничего не понять, но война — это проверка словам.

28 февраля. Выписал («углем») последнюю 19-ю главу повести «Ключ правды».

Навестила нас Н. В. Крандиевская (Толстая) *.

Помню, редактор «Русских ведомостей», услыхав мой устный рассказ, сказал мне:

— Напишите это нам для «Русских ведомостей».

— Хорошо,— ответил я,— сегодня поеду в деревню и там напишу.

— Да почему же уезжать? Садитесь вот тут и напишите.

А я и представить себе не мог, чтобы взяться и вот *здесь* написать. И так вся моя литературная деятельность проходит где-то там, в углу, в одиночестве, а Толстой А. Н. всегда *здесь*, и у меня так трудно, а у него так легко. Крандиевская вполне ему пара, тоже и она талантливая, легкая, светская.

«Ключ правды» в отделке, полируется.

6 марта. Совсем закончил «Ключ правды» (только мелкие исправления и переписка).

8 марта. Если я мыслью заполнен, то какой же еще мне нужен мир? Я иду в мире, в нем замечая лишь только, чтобы возможно было идти. Но если я мысль потерял, то обращаю острое внимание к миру, чтобы найти потерянную мысль, и мир тоже мне представляется каким-то огромным вместилищем потерянных мыслей, среди которых находится где-то и та, которую я потерял.

9 марта. Вчера читал в первый раз «Повесть нашего времени». В общем, я сам понял и могу впервые сказать, что это действительно сделана вещь та самая, которую я хотел («со славянской душой»). Название «Ключ правды» надо отбросить. Еще надо вступительный тематический диалог (спор) разработать с целью лучшей вырисовки действующих лиц (не слова бы спорили, а натуры). Еще пересмотреть личность сказителя.

12 марта. Почему это бывает, что мысль какая-нибудь обыкновенная и постоянная, если напишешь ее, становится значительной?

Слава поэта похожа на шест, которым гоняют голубей, чтобы они летали и не рассиживались. Поэт, преданный славе, летает, как голубь, под свист мальчишек.

Нет, мало того, чтобы твоя поэзия привлекла к тебе сочувствие и нашла тебе друзей. Нужно самую поэзию освободить от службы тебе и создать вещь независимую, чтобы все вышло, как воздушный шар: ты его наполнил, и он от тебя улетел.

17 марта. Лелеял я идеал летописца Нестора *, когда начинал эту повесть нашего времени, и потерял: в наше время не может быть Нестора.

19 марта. У людей, соединенных между собой общим языком, обычаями, культом, историей, ну, вот, скажем, хотя бы людей русских, есть в душе какой-то более или менее подходящий образ примерного своего человека, на которого каждый и глядит как на образец поведения и, глядя на немца, на еврея или китайца, сравнивает: «вот какие мы и какие они». Это «мы» берется из себя, с того óбраза, а «они» — со стороны. Не думаю, что этот субъективный образец своего родного, понятного человека был бы неизменным. Этот образ, конечно, меняется в ходе русской истории, допетровский образ русского человека, наверно, не такой, какой создался в народе после него, точно так же кустарно-земледельческий образ не совсем такой, как образ советского времени.

Но если существует нация, народ, то в глубине его существует и неколебимый образ, что-то остается и связывает эпохи переживаний, как все равно у дна морского не шевелится вода и в бурю. Вот об этом-то человеке я и говорю в «Мирской чаше» как о читателе десяти русских мудрецов.

23 марта. Весь день мокрая метель. Переписываем «Повесть».

25 марта. Вчера Ляля закончила переписку, и я — исправление повести. Теперь 1) Сделать домашнюю читку вещи Федину и Асееву — чтобы убедиться в значительности вещи. 2) Если при домашней читке увижу, что есть за что стоять, то пошлю ее Тихонову для читки в Президиуме.

Никто не может принесть жертву бóльшую, чем простой солдат на войне, пусть изобретатель «Катюши» чем-то жертвует, но солдат жертвует своей жизнью, как чем-то единственно-неповторимым; жертва является свободным решением личности. Следовательно, нашего сочувствия и удивления заслуживает лишь тот солдат, который идет на войну добровольно, и если бы ему разрешили возвратиться домой, он бы отказался возвращаться.

26 марта. Выступали у пионеров в Сокольниках. Чудесные лица детей.

27 марта. Вечером от $7^{1}/_{2}$—10 без передышки читал «Повесть» Асееву и Федину. В тот момент, когда я прочитал последние слова повести (в 10 вечера), грянул салют по случаю взятия Николаева. Установили, и я готов этому поверить, что «Повесть» — лучшая моя вещь, лучше «Жень-шеня».

2 апреля. С утра снежная буря. Все вытесняется из души чаянием близких решающих событий. И написанная повесть отступает на второй план.

В славянстве всегда теплился огонь неудовлетворяемой родовой силы, и наша *сила* теперь именно *родовая,* сила огня. Наша история похожа на историю торфяных накоплений в лесах: заложенная в зелени растений солнечная сила, огонь, не действует, а киснет в воде и накопляется столетиями зеленая снаружи и черная во внутренней массе. Но стоит высушить торф, и скопленная огненная сила действует, и снова не вода, а огонь определит движение.

12 апреля. Начало освобождения Крыма.

Наконец-то вещь сдана в редакцию, и я могу сказать с облегчением: сделал все, что мог.

18 апреля. Человеку свойственно бежать от креста, как бежит от смерти все живое. И ты, мой друг, тоже, конечно, улепетывай, удирай от смерти, пока есть куда драть, и, отбежав, отдохни и порадуйся, даже попляши и песенку спой. Итак, нечего тебе лезть на рожон, пока души твоей не коснется любовь. Вот этого, правда, надо ждать и надо искать и бороться за это: за любовь И когда придет любовь настоящая, то с ней и крест придет легкий и радостный.

19 апреля. Во время обеда, около 1 ч. дня передали вызов в Кремль к Калинину. Собрались как на пожар прибыли ровно в 2.20 и пробыли у Калинина 40 минут *

22 апреля. С утра солнечно, к полудню небо заволоклось. Мы выезжаем в Усолье.

26 апреля. Вчера мы приехали после обеда. Приехав, узнал, что из рассказов о детях в «Новом мире» все-таки выбросили два основных рассказа.

Очень возможно, что я нахожусь в положении той бабы, которая вместо двери «входа» попала в дверь «выхода» и решила одна пробиться через встречную толпу.

Что же делать в таком положении?

Вот не забыть из беседы с Калининым.

«Почему это,— говорит он,— русская литература стала такой значительной во всем мире? Не оттого ли, что давление на русского писателя было так велико». (Я понял эти слова в смысле: «Этот стон у нас песней зовется...»)

28 апреля. Было холодно, ветрено, и эта задержка весны действовала так, будто уже и сам так измучен жизнью, что не до того, не до весны, не до природы, и что все такое, связанное с охотой, с поэзией, кончилось.

29 апреля. В 10 часов вечера позвонили мне из Союза писателей: «Умер Новиков-Прибой».

Алексей Силыч Новиков-Прибой был добрый человек для семьи, и по «Цусиме» видно, что эту добродетель поднимал выше, вообще к человеку.

30 апреля. Против окна моего через двор за крышей флигеля главы церкви с облупленным железом. Направо, на главном здании, на крыше торчат две пушки-зенитки, и между ними сейчас, когда я пишу, очень высоко, как ласточки, парят кругами два коршуна. Смотрю на коршунов и вспоминаю Блока в новом для себя освещении:

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.—
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить? *

7 мая. Видите, в чем теперь тревога... Ведь в конце-то концов у каких-то людей в народе в тылу происходит же работа совести, отвечающая победам на фронте, и тут и там в существе должно быть единство, и там, фронт не может работать без тыла, и тут, наш тыл не может держать бодрое настроение духа без видов на лучшее.

9 мая. Ночью в 1 ч. нас разбудил салют: наши овладели Севастополем.

12 мая. Эскалатор работает, как водопад, или, вернее, человекопад. Все задумываются, как бы застывают в движении, которое себе ничего не стоит. Тогда каждое лицо, даже самое грубое, вызывает жалость к бедному человеку, обреченному быть жертвой непонятного ему созидания.

Смотришь на такое лицо, и жалость охватывает, понимаю теперь, почему: человек спешил и весь уходил

в спех, а теперь за него машина спешит, и он остается сам с собой и еще не может с этим освоиться, и эта-то детская беспомощность человека и возбуждает жалость к нему.

Все мученье их в том, что они слепо доверяются времени и, как дети, надеются *успеть,* но время их обманывает и вдруг оставляет...

Жалко смотреть на них и хочется сказать каждому: не верьте времени, дети мои, не вверяйте себя ему, не спешите, не думайте, что время есть деньги, время есть смерть, и вы будете тогда только люди, если вступите со временем в смертельную борьбу: я или ты!

На электричке ехал в детском вагоне, вошли слепые, один играл на гармошке, другой пел о том, как на Западном фронте геройской смертью погиб молодой человек и как дома плакала его мать. Все женщины в вагоне плакали, видно было насквозь, как много в стране страданий и горя, так много, что, глядя на плачущих, даешь себе обет как можно осторожней обращаться с людьми на улице, в трамваях: почти каждая женщина — сосуд страданий и горя.

21 мая. Сегодня вся Москва едет в поле с железными лопатами, не могилы копать, а огороды. И блажен, кто молод! Смотришь и радуешься силе жизни, побеждающей скорбь.

23 мая. Из Кремля звонок от Калинина — завтра в час дня на прием.

24 мая. Всю ночь шел теплый окладной дождь, и утро серое...

Ни малейшего волнения не чувствую за судьбу повести: сделал, что мог.

В 1 час дня мы пришли в комнату номер 50 (Кремль, дом Правительства).

27 мая. Все еще чувствую боль от поражения в Кремле (главная-то боль от сомнения, что, может быть, написал-то я не так хорошо и сунулся в печь, как ребенок).

Погода ужасная, холод и буря. Березка перед моим окном едва только оделась, и так нежна еще зелень, что сквозь нее видны все сучки, от больших и до самых тоненьких. И вот буря треплет ее, бросает в стороны, гнет чуть не до самой земли. Как это ужасно, сколько надо было жить, мучиться человеку в этом безобразном хаосе,

чтобы научиться удерживать в себе постоянную мечту и веру в возможность лучшего.

1 июня. Начало решения писать «Канал Сталина» (Былина).

Может быть, в этот раз наконец возьмусь и осилю?

Тема о едином человеке: всем *хочется* жить по-своему, а надо, как *надо:* всех сколотить в одного.

10 июня. Дождь летний и день пестрый, то солнце, то дождь. Огороды в восторге. Как это странно бывает, что вот все же знают, осенью будет не почем картошка, и все-таки все сажают ее именно, может быть, потому-то и взялись, что чуют конец войны, навалились всем миром покончить страшное дело.

12 июня. Я не пользовался ни школами, ни приемами, я соприкасался своей личной жизнью с жизнью всего мира и записывал это сопереживание, как путешественник: видит новое, удивляется и записывает.

Скорее всего и взрослые люди, как дети, не хотят принять жизнь просто удивлением, как чудо, а ищут причину. Взрослые люди, чтобы отвязаться от детей, дают им какую-нибудь ерунду вместо причин. Точно так же и критики чудеса искусства стремятся *понять* и свои ограниченные придумки: символизм, реализм и т. п.— передают как объяснение чуда.

— Вы натуралист,— сказал Калинин.

— Нет, Михаил Иванович,— ответил я,— скорее всего я реалист.

16 июня. Вспомнив по случаю «машинного вторжения» времена Мережковского, увидел себя самого собакой, умными глазами следящей за речью людей. Стыдно и больно! А между тем если переживу наше время, то опять окажется, что тоже собакой ходил. Недаром же я и люблю так собак и так страдал в молодости от собачьей любви.

Ох, Михаил, пересмотри свой душевный багаж, не отстаешь ли ты от времени, как гусь, отстающий от стада. Гусь-то ведь потому отстает, что болеет, устал, и ты, может быть, лишь воображаешь, что впереди, а сам лишь просто отсталый и самоуверенный.

22 июня. Сегодня 22 июня, третья годовщина войны.

— И в голову тогда не приходило, что выдержим три года войны с немцами! — сказал я.

— Кто мог знать! — ответила Ляля.

26 июня. С рассвета окладной дождь. Последнее немецкое изобретение, управляемый по радио самолет, имеет форму сигары, летит прямо, как его запустят, и не может уклоняться при нападении, не может защищаться при скорости меньшей, чем у истребителей. Весь немец сказался и кончился в этом последнем выпаде.

Русские пережили такое отчаяние, о каком и не снилось союзникам, и этим — странно! — именно этим они и сильны.

27 июня. Еще я думал о своей матери, которая в 74 года не дожила до старости и внезапно умерла ребенком. Я помню, однако, ее мрачные часы и, может быть, дни, когда она глядела не такими, как всегда, глазами, как пыталась заговаривать о страшных вопросах по Толстому, по Евангелию и ничего не могла сказать своего, только видел в глазах ее страх перед этим «чем-то». И, по правде сказать, недалеко я ушел от нее, и страшно мне теперь думать о том, что я-то, может быть, должен дальше идти и болеть.

1 июля. Конец войны кажется по всему смыслу событий очень близким. Всем кажется странным упорство немцев.

12 июля. Техника в руках некультурного человека так же действительна, как и в руках культурного.

Техника аморальна.

Техника завлекательна и затягивает в себя человека, подобно болоту (берешься на досуге что-нибудь починить и «незаметно» проходит большое время).

В технике ты тратишь время не для себя: ты делаешь машину, другой, ничего в ней не понимающий, садится в нее и едет. Связь этих двух людей безнравственная.

Машина — это организованная для полезного действия материя.

13 июля. Чехов — поэт нежных прикосновений к страдающей душе человека, но ему не хватает героических порывов, подобно Горькому. Но ведь кто из нас не пробовал героический путь?

Всем хочется быть героем, попробует и останется ни с чем. Бывало, в юности едешь домой героем: чего-чего о себе не надумаешь и везешь показать домой. А когда приехал, всего-то тебя рассмотрят, и тебе самому станет стыдно за свой надуманный героизм, за свою позу. Среди родных, просто любящих людей ты проверяешь себя и сбрасываешь все лишнее.

Вот и Чехов был у нас таким раздевальщиком «героев», читая Чехова, становилось стыдно позировать. Чехов своим искусством давал нам образцы поведения, он был в числе десяти, двенадцати писателей, давших нам русскую литературу на поведение. И это было согласно простому народу, который в наше время верил, что книги не пишутся, а они падают с неба. Вот почему в наше героическое время и выдвигается Чехов как великий писатель. В наше время героических требований к личности Чехов, яркий представитель нашего русского родного дома, каждому претенденту на героя может служить проверкой: действительно ли ты цвет или пустоцвет.

18 июля. Чеховский вечер в Москве. Москвин один *, совсем молодой, говорил о Чехове в свете любви. Он тронул меня. Я обнял его, и мы сели, за минуту незнакомые, в одно кресло: я в кресло, он на ручку: и говорили, и говорили, как юноши.

— Так вы говорите, что мне речь моя удалась? — спросил Москвин.

— Единственная речь.

— И так вот вся жизнь, сколько выступал, сколько учился и ничему не научился: каждый раз выступаешь с волнением и с тревогой спрашиваешь: ну, как?

27 июля. И что делать, как ни храбрись, Михаил, но ведь это арифметика: 71 год! Сидеть бы тебе спокойно и приводить благоговейно свои мысли в порядок для посмертного действия. Чувствую, что для этого нужно лишь решиться на что-то одно и достигать.

28 июля. В сумерках, услыхав наши позывные, казалось, недалеко, пошел на них в туфлях, с непокрытой головой. Чем дальше я шел, тем дальше отходили от меня позывные. Возле железной дороги стоял какой-то пожилой гражданин тоже с непокрытой головой, и мы вместе услыхали с ним, что взяли Седлец.

— К Варшаве подходим!

— Ну, конечно, подходим, а вчера взяли 5 городов: Львов, Нарву, Иван-город, еще... забыл, да что говорить: немцы в упадке, а мы на подъеме. Что тут!

29 июля. Символ — это указательный палец образа в сторону смысла. Искусство художника состоит в том, чтобы образ сам своей рукой указывал, а не художник подставлял бы свой палец. Настоящему художнику незачем об этом заботиться: живой образ непременно родит-

ся со своими ногами, чтобы странствовать по свету, и со своими руками, чтобы указывать путь.

3 августа. Берусь за перо и не вижу длинных темных коридоров, стен каменных и железных, через которые должно пройти мое слово и там постучаться в сердце моего читателя.

4 августа. Весь день занимался фотографией и в этом деле хорошо забылся от переживаний тоски по литературной деятельности.

Как-то случилось вдруг после «Повести», что исчезла всякая охота писать для печати.

Сколько *ума* в стихотворениях Лермонтова, того ума, с которым борется каждый поэт и подчиняет его, как служебную машину. Этот ум у поэта, как кость у борца, как сталь у кинжала.

5 августа. Ночью во сне писал «Раздел»: то есть о старом времени в новом освещении — признак того, что во мне происходит писательская внутренняя работа.

7 августа. Дни стояли очень холодные, как в конце сентября. Сегодня теплее, но ветер шумит.

Чувствую, как унизительно мне унывать и непристойно, мне, написавшему такие радостные книги.

8 августа. Истинный художник не может быть аполитичным.

12 августа. Начинаю сочинять «Падун».

13 августа. Вчера читал «Падун». Если бы мне удалось сделать из этого фабульную вещь, это было бы превосходно.

24 августа. Бог знает, с каких времен у канав этой старинной дороги растут березы. Одна, по которой перебегает легкая тень, была особенно древняя, вся в глубоких темных морщинах, и белого березового на стволе совсем ничего не осталось внизу. Но вверху сила жизни поднимала березу к солнцу, и там у нее в куще было и бело и зелено.

И я думал о себе,— сколько темных морщин у меня на душе и на теле, и в то же время чувствуешь, что нельзя на них останавливаться, перебирать их отдельно, что кто-то в себе повелительно требует выйти из этих морщин.

Это значит, надо скорее писать. Это значит, что вершина, куща моей древней березы еще зелена и бела.

25 августа. Читал Метерлинка «Жизнь пчел»*, нашел опору постоянному моему чувству природы, не имеюще-

му разумного оформления: мне часто кажется, что единственное наше превосходство в отношении животных, наш разум, в действительности не есть лучшее качество животных, что, может быть, они и видят мир лучше, и радуются лучше.

26 августа. Хорошо, если машина заменяет только рабочую силу, но время, когда машина заменяла только силу, давно прошло. В машинный век машинные отношения стали заменять прежние человеческие отношения. В этом, конечно, не машина виновата, как не виноват самолет в данном ему назначении швырять бомбы на города.

В то далекое время я и не мечтал о писательстве, но когда безумно влюбился, то в разгар чувства где-то в вагоне на бумажке пытался записать последовательно этапы моей любви: писал и плакал. Для чего, для кого, зачем я записывал? Боже мой! А пять лет тому назад, когда начался роман с Лялей, не то же ли самое, приобщаясь душой к тайнам жизни, не водил ли я то же своей сивой лапой по бумаге?

«...Жалкое существование людей, живущих в забвении своих вечных прав...» (Метерлинк). Да, да,— вот именно это! Все, все кругом не помнят своих вечных прав.

Он сказал: «Наша душа». И я внезапно почувствовал существование единой души всего мира, прикосновение к которой мы чувствуем, как свою *личную* душу.

27 августа. На всех фронтах немцы разваливаются, нависла катастрофа над всем гитлеровским делом.

Чувство своей национальности в существе своем дает по меньшей мере сознание той особенности своего народа, какой нет у других. И это вполне здоровое сознание. Порог национализма начинается с того момента, когда национальная особенность превозносится, как превосходство над всеми, дающее право господства.

Михаил, будь счастлив тем, что твой ландыш простоял за каким-то листиком и вся толпа прошла мимо него. И только под самый конец, только одна женщина за тем листиком открыла тебя, и не сорвала, а сама наклонилась к тебе. (Во время чтения книги Федина «Горький среди нас».)

11 сентября. Истинного реалиста можно узнать, перечитывая его какую-нибудь вещь до тех пор, пока, если он не реалист, а придумщик,— не откроется читателю сюжетная канва, по которой он расписывал; если же он действительно реалист, то сколько ни читай, никогда не найдешь канвы: или она так искусно выдернута, или художник сам *поверил* в правду своего изображения, забылся от себя совершенно. Вовсе и не надо для реалиста, чтобы в действительности было то, о чем он говорит. Нужно, чтобы он верил в действительность того, о чем он говорит, и обладал способностью уверить в этом читателя. То, что у Гоголя, нет в действительности, но он всех уверил, что это так есть. И вот он реалист.

15 сентября. Позавчера проводил громадный караван журавлей и подумал: «Вот они летят, и я когда-то летел, а теперь я уже не перелетная птица».

6 октября. У каждого писателя есть страшная опасность сорваться с своего корня.

9 октября. Сколько ужасно несчастных людей, и все эти горя, как реки, вливаются во всенародное горе-море, в войну.

18 октября. Толстой путем своих писаний хотел сам для себя уяснить нравственный смысл жизни. Природный художественный талант пришел ему на помощь. И так «Война и мир» стала картиной толстовского нравственного сознания.

19 октября. Начал работать над вариантом «Повести».

21 октября. Мужчина всегда стремится уйти на сторону, на работу, на базар, на войну: он туда от-влекается и оттого всегда отвлечен. И оттого его деятельность жестока к человеку конкретному, к личности. Вот тут-то в утверждении всего личного и начинается власть женщины.

Если ты хочешь увидеть невиданное и сказать о том, чего не было, смотри теперь во время небывалой войны на женщину, как на хранительницу личного начала.

24 октября. Вспомнил, как я несправедливо выступал в «Кащеевой цепи» против учителей елецкой гимназии. Нужно было пройти таким 60-ти годам, чтобы учителя были поняты мною как хорошие учителя.

29 октября. Читал эпилог «Войны и мира» (философия истории) и вспоминал, что после чтения всякой философии остается, между прочим, некоторое смущение:

потихоньку от философов спрашиваешь себя: не в том ли цель философии, чтобы простую, ясную мысль, действующую полезно в голове каждого умного человека, вытащить, как пружинку из часов, и показать в бесполезном состоянии.

Это можно видеть по «Войне и миру»: автор в эпилоге взял и вытащил всем напоказ пружинку, приводившую в движение художника, и читатель дивится, как могла такая жалкая пружинка приводить в движение такую чудесную жизнь.

Вот к чему и сказал мудрец: «Бойся философии», то есть бойся думать без участия сердца (любви). И хорошо сказано, что «бойся»,— это значит: думать надо, думай, но *бойся!*

31 октября. Пережив обиду весной с «Повестью», теперь осенью хватился за ум, увидел слепые места, слепые лица, поправил, и обижаться не на кого.

10 ноября. Боже мой, как страшно забвение: был человек, и я его забыл, ведь так близко к этому: убил.

18 ноября. Вчера выступал во 2-м МГУ. Мне удалось, мне кажется, дать им понятие о личности. А это не мало! Профессор сказал, что этот вечер надолго останется в памяти у слушателей.

Из хаоса вчерашнего вечера моего в университете только теперь начинает показываться мне самому, о чем я говорил. Тема моя была тема о личности. Я им говорил, что пережил революцию много раньше 1917 года, и оттого когда пришла настоящая революция, то я не сомкнулся с ней, как в юности, а совсем напротив: я принял ее как вызов себе самому. «Революция! — говорил я себе,— но кто же ты сам, с чем ты можешь выйти к людям, кто ты?» Революция была мне хлыстом, подгонявшим меня к выявлению личных сил. Я был довольно чувствительным, нервным и горячим конем, и достаточно умным, чтобы не сердиться на хлыст, который висит надо мной... В этом пробеге теперь я, оглядываясь назад, ясно вижу путь личности...

24 ноября. Опять ноябрьская слякоть. Рыбников объявился *: вернулся из Люблина (реставрировал спасенную от немцев картину). Рассказал нам событие: Третьяковка вернулась в полной сохранности. Мы еще помним, как ее увозили.

27 ноября. Пусть и стар я годами, но не от старости просыпаюсь я до света: меня будят мысли. Сегодня меня разбудила мысль, как мне кажется, самая основная, самая главная мысль нашего времени — это вопрос о том, как снять с глаз черную повязку у человека, потерявшего близкого: мать — единственного сына, жена мужа, сестра брата. И как и чем заменить эту утрату, чтобы страдающие утешились и радовались жизни?

1 декабря. Самая правдивая поэзия — самый большой вымысел. (Шекспир. «Как вам это понравится»).

10 декабря. Когда перевалит за семьдесят, то кажется, будто смерть людей так и косит, так и косит, и мир мертвых становится больше намного мира живых (так оно и есть в действительности). И вот по мере того, как люди, мои сверстники, отходят, мне кажется, будто они поручают мне сказать о них оставшимся и своим писанием я выполняю их поручение.

14 декабря. Мне кажется, будто и писать-то мне больше нечего, и не нужно это, и я не буду больше писать, потому что больше и читателя моего нет.

Мало кто понимает это состояние души писателя, когда у него отнят читатель. Обыкновенно говорят: «Пиши для будущего, кончится война, все напечатают». Это все равно как актеру в пустом театре говорить: «А ты представляй!» Не понимают, что писатель, когда пишет, то чувствует себя тоже, как и актер, в обществе, что творчество происходит непременно в атмосфере незримого присутствия и неслышимого созвучия.

30 декабря. Какая-то старушка через «Новый мир» прислала мне как любимому писателю трогательное поздравление с весной света. И сколько писем таких я получаю.

31 декабря. Прощай, старый год. Свет уже прибавляется, и опять, не помня зла, встречаю Новый год, и опять жду и себе чего-нибудь хорошего, и всем хорошим людям желаю скорого возвращения близких.

1945

3 января. Вечером были у Асеева, слушали поэта Мартынова. Поэты столько вкладывают себя в чтение, что, услышав, вовсе не можешь судить: кажется, все хорошо. А тут еще Маяковский, которому и Асеев и Мар-

тынов так привержены. В этой школе Маяковского, несомненно, хорошо, что поэт делает усилие выйти из пошлого круга мелодийных чувств в сторону мужественно действующего слова...

10 января. Узнал, что Фадеев читал в Союзе свой новый роман «Молодая гвардия», и с большим успехом.

19 января. Крещенье вышло не водой, а огнем, весь вечер час за часом гремели пушки салютов по случаю взятия Кракова, Лодзи, почти всей Польши и начала окружения Восточной Пруссии.

20 января. Небо чистое, мороз небольшой, не крещенский, так вся зима проходит милостиво, и холод только в домах.

26 января. С шумом, треском и блеском мы наступаем, но на Западном фронте мрачное молчание, и в такой момент! (8 километров от Познани, 200 км от Берлина.)

29 января. Изо дня в день метели, и так зима выправляется. Только вот под снегом над растениями остается же ледяная корка? А впрочем, то ли мы пережили, то ли еще предстоит пережить. Наша страна теперь не только земледельческая, а и промышленная, а и военная.

2 февраля. Помню, как шел я, бросив свой хутор, оврагами, чтобы только не заметили и не убили. И встречается мне лично сочувствующий мне «беднейший из крестьян» (где-то записал, как его звали) и, жалея меня, утешает:

— Не горюй, друг мой, не сердись, а понимай, что хорошо пожил,— пожил и будет: другой и дня такого не проживет, как ты жил годами.

Вот то самое чувство Неминучего тогда охватило меня, и в свете этого чувства смешной и жалкой показалась жизнь людей, построенная на каком-то праве на личное благополучие.

А впрочем, стыд личного счастья есть основная черта русской культуры, и русская литература широко распространила эту идею, тут весь Достоевский и Толстой.

Итак, мысль оправдания земной радости, легшая в основу «Рассказов о прекрасной маме» и «Мирской чаши», и есть та трудная мысль, о которую спотыкаются.

7 февраля. Каждый человек теперь становится нам как прохожий, и совершенно исчезает иллюзия личной вечности, в которой каждый, бывало, приходил в этот мир. «Все умирают»,— знал каждый из нас,— но для

себя думал в тайне души, что «я-то, может быть, еще как-нибудь проскочу».

Вот это чувство жизни как вечности в наивном сознании очень похоже на тот дополнительный бледный круг, с которым приходит иногда на небо новорожденный месяц: сам как проволочка тоненький, а мнит себя законченным кругом. И мы знаем, что это мнение у месяца не ложное. Так и это чувство вечности личной жизни у человека тоже означает ее наличие: каждый из нас проходит по жизни со своим дополнительным кругом. Теперь же, когда каждый стал скорым прохожим по жизни, не успевающим дать свой дополнительный круг, над этим полем живо-мертвых людей, как полная луна, все ходит в сиянии круглая вечность сама по себе.

10 февраля. Вчера мы вспоминали за столом предсказание Флоренского * о наступающем веке амазонок. Говорили о том, какие это будут новые амазонки, и, далеко не заходя, брали женщин из времен обороны Ленинграда. Почему же так уступили мужчины? Да очень просто, потому, что ведь врагом-то был не мускулами или разумом сильнейший враг, а тем, чем силен голод. И женщина, вековечно обреченная на черную домашнюю упорную работу, на рождение и уход за детьми, понятно, оказалась устойчивей в борьбе за жизнь.

11 февраля. Не поймешь, я ли сам вхожу во время или время входит в меня, все равно: ничего не зная в политике и дипломатии, чувствуешь себя современным. Мне только надо дождаться своего срока, чтобы схватиться за ручку времени, привеситься к ее поезду и помчаться.

13 февраля. Узнал я о Крымской конференции * только утром и, очухавшись от волнения, пошел Ляле рассказал. И мы радовались с ней согласной эгоистической здоровой радостью, как радуются узники, подмечая признаки близкого освобождения.

14 февраля. Сейчас еще теплится Мысль возле страдающих, но если новая эпоха принесет освобождение от голода и страха, то человек обратится в скотину. Мы этого, однако, не думаем, потому что «праведников» (то есть личностей) достаточно в обществе, чтобы в решительный момент сила Мысли удержала Бытие от разрушения.

24 февраля. Из «Правды» узнал, что умер А. Н. Толстой. Так еще один мой спутник ушел.

6 марта. Чагина позвонила в 11 утра: вчера умер Шишков *.

Вымирает гнездо писателей школы Ремизова...

8 марта. Похороны Шишкова. Хороший был человек: прямой, честный, добрый и с юмором.

10 марта. В отношении смерти люди бывают бесстрашны — это те, кому терять нечего и некого. А то есть, кто боится смерти, как животное боли и потерь нажитого. А то есть страх не за себя, а за ближнего. И вот это единственный страх, который непреодолим и является целебным источником жизни.

21 марта. Недавно еще в разрушениях города бомбами я понимал возмездие за нарушение жизни природы человеком. Я понимал город как болезнь. Теперь это сектантское чувство прошло у меня, и деревце в городе мне становится выразительней, чем лес в деревне, и цветок на окне сладостней целого луга.

30 марта. Серые слезы весны.

Ночью шел дождь. Утро пасмурное, и все небо серое висит и покапывает. Что теперь делается там!

2 апреля. Все напрягают последние усилия, чтобы пережить последние дни войны.

15 апреля. Ехал по Москве, и радость была разлита на лицах людей, как апрельский свет на зданиях. Молоденькая девушка-милиционер стояла на посту, улыбаясь, и напевала. Я дал ей сигнал. Она вздрогнула, схватилась и, увидев меня, указала мне своим жезлом путь. Но она это сделала с испугу: ехать еще было невозможно. Я ей улыбнулся, она растерялась.

Да, вот поет девушка на посту, улыбается мыслям своим апрельской улыбкой. И сколько их! И сколько они детей опять народят с одобрения апрельского света и майских цветов. И все страдание будет предано забвению.

1 мая. Из всех первомайских дней такого дня не помню и лучше не может быть.

3 мая. Взяли Берлин.

Умаляюсь перед величием событий, не могу обычными словами умных людей или изысканными словами художников слова... Я умаляюсь.

9 мая. День победы и всенародного торжества.

13 мая. Русские цари были заняты завоеваниями, расширением границ русской земли. Им некогда было думать о самом человеке. Русская литература взяла на

себя это дело: напоминать о человеке. И через это стала великой литературой.

16 мая. Важдаев приставал ко мне:

— Готовьтесь, Михаил Михайлович, вот придет фронт, все хотят жить, все хотят жениться, готовьтесь, на вас будет спрос.

— Не знаю,— ответил я,— почему на меня будет спрос: там, где я работаю, не женятся и замуж не выходят.

17 мая. Пишу во весь дух книгу для детей.

24 мая. Сюжетный ритм в рассказе, или подсознательное распределение материала.

3 июня. Закончил «Дружные ребята», остается выправить.

[*Пушкино.*]

4 июля. Вечером читал по радио открывок из «Кладовой солнца».

15 июля. Утро солнечное и росисто-прохладное. Хочется удержать этот день своим словом. Хочется в свете этого дня каждый другой день понимать как необходимого для его творчества предшественника, и что, значит, нет и не будет дурных дней.

16 августа. Люди не породистые собаки, чтобы можно их по заказу выращивать; выращивать будут людей, а вырастут породистые собаки. Настоящие люди сами родятся, как родился, к примеру, Шаляпин. И вот это-то и есть самое главное — се человек рожденный, а не выращенный.

23 августа. Как хорошо у Р. Роллана сказано, что святые и гении освобождены от необходимости качаться «взад-назад» на роковых волнах человечества.

5 сентября. Вчера мы приехали в Москву. Вечером у большого окна моего кабинета над освещенной победоносной Москвой я подумал, что если бы не маленькая случайность, то атомная бомба в руках немцев снесла бы всю Москву. Мало того! Игра в войну и человеческое могущество в будущем может весь земной шар вернуть к состоянию первичной материи.

18 сентября. Общее мнение, что атомная бомба открывает новую историю человечества.

Кто-то сказал, что только благодаря войне, усилившей темп и риск жизни, была изобретена атомная бомба: в мирное время никакое государство не дало бы на опыты миллиардов.

29 сентября. Время у человека есть имя величайшему деспоту жизни, и кто может с ним не считаться — тот есть счастливейший. Это дети, влюбленные и богатые духом празднолюбцы. Все же другие люди спасаются от деспота безусловным послушанием и рассчитывают жизнь свою по часам.

4 ноября. Кто не видал смерть на войне, тот увидит ее непременно в старости, вот, как я теперь вижу. Люди как будто уходят куда-то, и так явно видишь, что там, куда они уходят, настоящая жизнь, а это был какой-то необходимый для всех обман.

1946

2 января. Был Константин Сергеевич Родионов *. Он высказал хорошую мысль о том, что отношения с людьми есть труд, а не удовольствие только, как думают иные «потребители» таких отношений.

25 января. «Соборяне» * — это одно из величайших явлений русской художественной литературы: это повесть о хороших людях.

20 февраля. Дневник пишется или для себя, чтобы самому разобраться в себе и вроде как бы посоветоваться с самим собой, или пишется с намерением явным или тайным войти в общество и в нем сказать свое слово. В последнем случае именно, когда надо сказать людям о себе, то это можно сделать, лишь если сумеешь от себя отказаться. Впрочем, и не только дневник, но и все человеческое творчество состоит в том, чтобы умереть для себя и найти или возродиться в чем-то другом. Тут и думать-то особенно нечего, стоит только поглядеть на все живое в природе и понять: все живое — зверь, птица, дерево, трава умирает для себя, чтобы воскреснуть в другом. Из этого не выходит, чтобы человек превращался в животное или брал себе с него пример. У человека есть своя человеческая область, где он умирает и возрождается: эта область — его человеческое творчество, или его собственный путь к бессмертию.

24 февраля. Мне надо как автору подчинить себя, свое мнение, свое «хочется» творимому единству мнений, называемому у меня в «Канале» * именем «Надо». Словом, я сделаю с собой то самое, что сделают с собой все мои герои — строители канала. И вообще «Канал» надо писать так, что мы, находящиеся на свободе, в сравнении с каналоармейцами, только очень относительно свободны, что все мы освещены одним светом этого Надо и что это Надо несет нам ветер истории. Пусть Сутулов с точки зрения личника человек недалекий, но он верно чувствует человеческое Надо и делает правильно. Напротив, Анна, женщина, таящая в себе, как всякая женщина, младенца, как небывалое существо: она *мнит* о нем, Сутулов понимает каждого рабочего, но внутри себя все эти Хочется сводит к общему Надо. Напротив, Анна, извне руководствуется делом партии, а внутри себя втайне от самой себя держится своего Хочется, личного начала.

1 марта. Чехов явно издевается над пейзажами-«дачами», рассыпая их тысячами в своих рассказах большей частью, чтобы показать тоскующую душу человека в такой даче-пейзаже. Вот, например, у него солнце величественно склоняется к западу. Мы приготовились встретить муэдзина, молящегося на минарете. Вместо этого в лучах вечернего солнца по пыльной дороге катится бричка ветеринарного фельдшера. И мы уже вперед знаем, что выйдет из встречи лучей великого солнца с душой маленького человека. Но у того же Чехова, измученного думой о человеке, природа однажды вырвалась из дачи-пейзажа и развернулась великой картиной его «Степь».

8 апреля. Правда и сказка — вот тема всей моей жизни и будет главным планом в «Канале», и это есть моя жизнь.

19 апреля. Природа меня вылечила от душевной болезни, я ведь тут все прошел. И зато нигде так не принимаются радостно мои писания, как в санаториях.

5 мая. Теперь при бессоннице мысленно перемещаюсь в село Хрущево Елецкого уезда, Орловской губернии, где я родился и вырос. Слышал я, что никаких следов не осталось от дома, где я родился, от великолепного парка и сада, и что даже пруд, в котором я ловил пескарей и карасей золотых и серебряных, теперь спущен и на илистом дне его колхозники выращивают

капусту. Тем удивительней бывает мне ночное путешествие, восстанавливающее с необычайной точностью, четкостью и яркостью то, чего для всех людей уже больше не существует и о чем, кроме меня единственного, никто на земле не может свидетельствовать.

Всматриваясь с закрытыми глазами в то, чего нет в действительности, я догадываюсь о происхождении всей созданной мною картины природы. Всего удивительней в этом путешествии на родину для меня теперь кажется, что дорогие для меня в детстве деревья выступают теперь вполне наравне с дорогими людьми. Больше! Дорогие люди все, даже любимая мать, даже красивая Маша, из которой я создал себе Марью Моревну, выступают в моей памяти с какой-то душевной ношей, обременяющей их не за свои, а чьи-то чужие им грехи.

Но деревья мои, тоже личные, как и люди,— каждое дерево я вижу теперь, как человека, со своими собственными лицами,— все эти деревья выступают без всякого бремени прекрасные и святые. Собаки наши вспоминаются тоже святыми, или скорее ангелами, но среди собак, впрочем, были и подлые. Основной источник благодати, называемой теперь по-ученому геооптимизмом, исходит от деревьев и всего зеленого покрова земли. К сожалению, у меня нет никаких знаний, позволяющих делать исследования в этой области психологии творчества. Я могу говорить лишь о своем личном опыте, опираясь на то, что у меня удачно выходило и было признано в свое время и до сих пор признается. Всей этой своей географией я обязан вот этому чувству благодати, исходящей от родной земли.

16 июня. Коммунизм, это тоже аскетизм, как отказ от служения своим желаниям и готовность принести все свое индивидуальное в жертву всему человеку, распределенному в пространстве и времени. Коммунизм есть аскетизм во имя самого человека.

2 июля. Читал сегодня дневники, и мелькнула мысль о том, чтобы выбрать из всех дневников записи и сделать книгу «Михаил Пришвин. Дневник».

4 июля. Большое искусство — это одна из форм аскетизма. Художник — это монах, девственник, часто имеющий облик распутника, это монах «в душе». И вот именно поэтому, как все признают, семейная жизнь художника находится в противоречии с его призванием.

5 июля. Писательство — это концентрация силы всей личности в слове.

26 августа. Трудность создания «Падуна» заключается в том, что я хочу создать «ведущую вещь», в которой я честно отстаиваю наш коммунизм против индивидуализма. Я отстаиваю матерински-служебную идею в борьбе за творческое единство всего человека на земле. Соблазненный свободой, Зуек уходит в природу и вместо свободы познает необходимость («обиду»), распространенную на всю природу. Свободу он понимает как борьбу с необходимостью всей плененной природы и всего плененного человека. Все звери на плавине потому и присмирели, что чувствовали «страх божий» перед ведущим их человеком. Итак, опыт Зуйка показать как свободу, порождаемую сознанием необходимости.

30 августа. Одни люди, назовем их *деловые,* получают мотивы своих действий непосредственно от жизни, другие, назовем их в плохом и хорошем смысле *мечтатели* или качественные люди, в поступках своих руководствуются мотивами, качественно переломленными в их душе.

4 сентября. Самое наиестественное движение у человека, если он видит хулиганствующего мальчишку — выдрать его. Это в природе человека, а педагог начинается там, где человек останавливает в себе это естественное движение и старается обойтись без дранья.

6 сентября. Жизнь есть движение от необходимости к свободе, и потому на земле все живое является и необходимым и свободным.

И все на земле можно рассматривать как движение от свободы к необходимости (рождение — смерть) и наоборот, от необходимости смерти к свободе возрождения. Материя движется в сторону разрушения, дух движется в сторону воссоздания (творчество).

Желание и воля (анализ Хочется и Надо).

7 сентября. Итак, всякое решение, если оно приводит к плену себя самого, есть решение своевольное, не согласованное с волей мира. Свободно только то решение, в котором душа человека не попадает в плен (Надо) и в своем решении радостно и безгранично расширяется. Мы это ярко испытываем, заключая в формы свои поэтические, музыкальные и всякие артистические движения души. Точно так же равное удовлетворение получает всякий работник, совершенствуя до конца свое

мастерство, раскрывая до конца свою личность. Все эти люди своими решениями освобождаются, а не попадают в новый горший плен (творческий аскетизм).

14 сентября. Враги наших желаний еще не означают врагов всей нашей личности, входящей творчески в состав всего человека. Враги наших желаний могут быть друзьями всей нашей личности, и вот этих врагов надо уметь понимать и любить. Если бы только мы могли понимать этих наших друзей! Но нет! Мы некоторое время их не можем понять, и эти наши лучшие друзья должны пребывать какие-то сроки как наши враги.

Аскетизм есть школа человеческой личности в направлении сокращения своих чувственных желаний в пользу таких, которые материально не ограничены («не о едином хлебе жив человек» *).

16 сентября. Вчера на ночь я Ляле сказал:

— Личность в русской истории, мне представляется, стоит всегда перед искушением во имя общего блага броситься в некий чан. Помнишь Андрея в «Тарасе» у Гоголя, соблазненного красотой, мы вместе с Гоголем ему сочувствуем, но во имя общего дела, родины, отец убивает его. Помню, как Блок стоял у края чана секты Легкобытова и вождь секты искушал его: «Бросьтесь в наш чан и воскреснете вождем народа». Блок отвечал: «А куда же денется моя личность? Нет! Не могу». Но после не утерпел и в своих «Двенадцати» бросился и не воскрес.

23 сентября. Поднимает тебя волна, и поднимайся, только помни всегда: это ты не сам, а волна тебя поднимает. Пользуйся высотой и живи, только отделяй ту высоту, на которой ты сам от себя поднимаешься, и ту, на которую тебя поднимают. Горький перед нами стыдился своей высоты.

24 сентября. Книга писем Флобера, рисующих положение поэта во время нашествия немцев,— замечательная: понимаешь всю беспомощность служителя слова и думаешь о теократии, милитаризме, бюрократии, о временах жрецов, воинов и т. д. и ясно видишь, что никакая «кратия» не пристает к художникам. Они вечные слуги, понимающие себя господами. И такое воображаемое состояние в мирное время более или менее поддерживается, а война и революция вдруг обнажают тело жизни и срывают с него разноцветные одежды.

3 октября. Вот сейчас, когда я пишу, осень, листопад, умирание. Но отчего же трепещет радостью моя душа? Сквозь этот похоронный <траур> природы я вижу, как после всего очистится бирюзовое небо и на тех же веточках, откуда упали сейчас желтые листья, острые ароматные почки будут прокалывать небо и на тех же деревьях будут петь птицы. Это чувство жизни невыразимо во время листопада, и это именно оно, тайное чувство радости жизни, дает наслаждение.

7 октября. Если вечно думать о чем-нибудь дурном и со страхом и трепетом его ждать, то ни одной минуты нельзя жить спокойно и ничего делать нельзя. Жизнь основана на доверии, которое не всегда оправдывается, значит, на доверии героическом и жертвенном.

1947

3 января. Показался конец работы, но еще не показалась ее значительность.

15 января. Начинаю понемногу понимать урбанистов: город, как остров спасения для человека, место, где, с одной стороны, личность человека может укрыться от контроля, с другой — где он может создавать нестадный коллектив.

Это чувство мне пришло, во-первых, под влиянием современных условий жизни: полной невозможности жить в природе (в провинции), утрата прежней веры в то, что там, у Лукоморья, есть дуб зеленый: дуб этот срублен. Что-то вроде наступления воды, выживающей на берега мышей: так выжало из провинции всю интеллигенцию. И стало понятно, что связь с природой имел я эстетическую, а не моральную (не корнями держался, а ветками). Ходил за ягодами, грибами, сказками, а не по основному делу.

16 января. Надо помнить, что я вышел из толстовского времени, когда стремились опроститься и уйти в природу. Война, две войны после того показали нам природу под углом зрения «Хочется» и «Надо»

22 января. Спасаясь от черта, Гоголь присягнул внешней церкви и утратил свой талант. Гете бросил Фауста на общее дело, лишил его не только таланта, но даже глаз. Толстой закончил дело художника «толстовством». Все это происходило потому, что каждый не

удовлетворен был развитием своей личности и каждый хотел вырваться из себя и там, вне себя, погибал. Происходила подмена личности чем-то безликим, все равно, пусть это, как у Гоголя церковь, у Фауста народ, у Толстого общество и т. п.

25 января. С приходом Ляли я впервые почувствовал ту любовь, которой все люди живут и о которой только и написаны все трагедии и драмы, от классической древности до Шекспира и до нас, любовь как двигатель человеческой нравственности, поведения.

5 февраля. Строили новый Каменный мост, а ходили по старому. Мы видели, проходя по старому мосту, людей, строящих мост, различали их; один стоял по колено в воде, другой по горло, третий... Когда же новый мост построили и люди пошли по нем, то пошли с каким-то собственным личным правом, совсем не думая о тех, кто строил его, понимая новый путь через мост как бы вторую природу, создаваемую человеком. Вот это чувство обладания второй природой и выражается в словах: человек — это звучит гордо. Напротив, память о тех, кто строил мост, кто по колено, кто по горло в воде. Знание этой личности человека, претерпевающего ради общего блага («А по краям все-то косточки русские»).

8 февраля. Высшая нравственность — это жертва своей личностью в пользу коллектива. Высшая безнравственность — это когда коллектив жертвует личностью в пользу себя самого, коллектива (например, смерть Сократа *, не говоря о Христе).

22 февраля.

— А что вы скажете нам, средним людям?

— Я скажу, что нет средних людей.

2 марта. В этом году я намерен закончить многолетний свой труд, педагогическую поэму на материале строительства Беломорского канала. Эта работа по замыслу должна иметь значение большого разговора с читателем всех возрастов и всякого образования. Продвижение работы у меня сопровождалось опытом создания сказки-были, моей формы.

23 марта. Был цветочек чудесный (какой?). Пришла коса на него: это Царь природы косил сено для своей коровы. Этот цветочек в «Медном Всаднике» — Евгений, в «Фаусте» — Филемон и Бавкида. Достоевский — за цветочек, за елку ребенка, за Евгения, за Филемона.

В наше время велят закрыть на это глаза: Царь природы косит сено для своей коровы. Библия в отношении к крови (жертва Авраама богу: заря костер зажгла). Да! весь этот страшный вопрос для истории и морали в религии определяется жертвой и разрешается Христом.

Так все было решено в отношении своего времени.

Вопросы вечные решаются для своего времени. Новое время требует нового решения тех же вопросов. Как же в наше время решается вопрос о жертве?

25 марта. Когда в жизни своей мы подходим к необходимости решения трудного вопроса, некоторые (большинство) обращаются к книгам или ищут совета. А немногие только решаются — не решать трудного вопроса, а терпеливо дожить до решения.

3 апреля. Что-то делаю, ничего не вижу в природе, ни за чем этим не слежу. Но чувствую, что кто-то ходит со мной желанный, и как о нем подумаешь — так хорошо становится. А бывает, что-то не клеится, плохо выходит, и в то же время чувствуешь что-то хорошее. Станешь догадываться о хорошем и поймешь: это весна.

10 апреля. Медный Всадник (Надо) есть образ безличный, образ человеческой необходимости, через который должен пройти каждый человек и сама стихия. Он прав в своем движении, и не он будет мириться, а с ним будет мириться «стихия» путем рождения личности.

Итак, «да умирится же с тобой и покоренная стихия» означает *рождение личности.* И, значит, Евгений (как тоже и еще сильнее Филемон и Бавкида) является нам как вестник наступающих родовых мук. И окончательное решение этой борьбы Хочется и Надо в пользу Хочется с воскрешением Евгения и Филемона с Бавкидой есть явление света в темной борьбе выход свободной личности из недр необходимости.

Примирение состоит в том, что личность приносит с собой новое измерение всех ценностей, создаваемых Медным Всадником. Примирение в том, что *то,* прошлое измерение было *необходимо.* Примирение заключается в улыбке личности и, может быть, в осторожно, шепотом и любовно сказанных словах: «Мы говорим на разных языках». И окончательно: «Любите *врагов своих»* *.

18 мая. «Надо» есть то самое, что требуется для получения права на личное «Хочется». Так мне постоянно говорят: «Вам это можно, вы заслужили».

19 мая. Личность Евгения в «Медном Всаднике» и все другие бесчисленные подобные случаи возбуждают в нас чувство жалости к личной судьбе людей, приносимых в жертву «большому делу».

22 мая. Вчера начал читать «Царя» — хорошо.

4 июня. Маленького преступника судят за то, что он переступил черту закона, ограждающего право другого человека, имея в виду свой личный интерес. Если же преступник не для себя перешел за черту, а чтобы создать новый лучший закон, отменяющий старый, и победил, то победителя не судят: победитель несет с собой новый закон. Маленький человек старого закона *несправедливо* погибает (Евгений из «Медного Всадника») при этой победе или, широко открыв глаза, прозревает будущее и становится на сторону победителя (апостол Павел)*.

Законы природы — это законы размножения, а законы человека — это законы личности.

Евгений жил, как природа, в естественных законах размножения (у него была невеста). Пришел Медный Всадник, строитель, и его вода затопила невесту Евгения.

13 июня. Наше с Л. чувство природы есть чувство нерукотворности ее существа...

Первое, что включается в понятие природы — это ее нерукотворность, второе — ее категорический императив («Надо») с неминуемой смертью, третье — возрождение (воля, радость, «Хочется»). Таковы законы природы.

14 июня. Слово, переходящее в дело, сопровождается у человека особым чувством, похожим на свет: *«Верую!»* И как только такой человек произносит это «верую» — тогда кончается его воля, и его «Хочется» превращается в «Надо». Тогда все равно, какая будет среда, природа или общество — если природа, то по пути к свободе надо вынести борьбу на своих плечах, все это выносил человек до сих пор в природе; если общество, то взять на себя бремя борьбы за достойное поведение в отношении самого человека.

Человек в обществе должен расти согласно своей природе, быть самим собой и единственным, как на де-

реве каждый лист отличается от другого листа. Но в каждом листке есть нечто общее с другими, и эта общность, или общественность, перебегает как-то по сучкам, сосудам и образует мощь ствола и единство всего дерева.

Противоречие: по начальной мысли природа есть родник талантов, по следующей — источник общественности. Выходит, что природа есть все, но чем же отличается от нее человек «царь»? Человек, как царь природы, весь человек — ствол дерева. Человек задан в природе, как держава единая, его движение, его рост, его борьба за единство.

Оправдание государства как ствола и служащих его как сосудов.

20 июня. Природа показывается в своем волшебном виде, когда сам чем-нибудь стиснут — книгу ли читаешь трудную, голова ломается, в машине скрюченный что-нибудь тяжело подлаживаешь или в постели, замученный кошмарным сном,— выглянешь из себя и страшно обрадуешься: какая там в природе волшебная жизнь! Хочется все бросить и бежать туда. И что же? Брось, иди, но только помни: бремя твое с тобой пойдет, и чем лучше, чем волшебней впереди там будет твое «Хочется», тем труднее тебе будет нести свое «Надо».

То что *выстаивает* (Сутулов), *выдерживает,* это *средний* необходимый человек. Это естественное «Надо», это «само собой» является в народе в решающий момент войны или строительства; это чувство *всего человека:* это весь человек в совесть приходит, а что «я» — это не важно...

11 июля. Кончаю «Царя», остается немного, и четырнадцать лет труда оправдаются, нет — так пропадет, никто не разберет, о чем я писал и чего я хотел. Так вот и сходится жизнь к кончику, будто я рыба и вхожу в узкую мотню. А раньше, бывало, не только людям дивился, но и собакам, кончающим жизнь на гону. Это самая славная смерть на гону, только лучше, конечно, чтобы успеть зайца нагнать.

18 июля. Писал последнюю главу «Царя природы» (педагогическая поэма). Но глава расщепилась, и на завтра осталась еще глава заключительная, после которой останется поставить черту и подвести итоги в эпилоге.

2 августа. Чувствую скопление сил для «Царя» и твердость в решении ко всем прислушиваться и никого не слушать. Мне кажется, что если принципы нашего времени свести в единство, то желанный свет нашего времени — это радость матери в первый момент после освобождения от мук рождения, как будто свет только сейчас и начинается. Это и есть жизнерадостность (жизнерадостный).

В этом свете и должен быть написан мой «Царь»: этот свет и был царем моего таланта. Я думаю, что вот такого рода жизнерадостность и есть основная черта нашего русского народа: радость рождения. И очень может быть, что эта жизнерадостность внутренняя народа стоит к его страданиям в том же отношении, как радость матери к перенесенным мукам.

16 августа. У нас стал бывать пианист Владимир Сергеевич Белов. Вчера пробовал ему рассказывать о философии своей работы, и он очень понял меня в мыслях о «давлении». Я говорил, что в стихии под давлением частицы сливаются, как, например, в стакан воды дождевые капли, падая, нажимая одна на другую, сливаются. Мы не можем сказать, как в слитой воде, ее молекулы все ли одинаковы или, может быть, тоже отличаются между собою. Мы берем такие сложные формы, как дождевые капли, и видим, что они, образуя силу воды, просто сливаются.

А люди, как все мы замечаем, под давлением жизненных обстоятельств не сливаются, а, напротив, каждый, имея со всеми общую цель, начинает борьбу за свое первенство. Мы считаем безоговорочно человека царем природы, может быть только потому человек нам ближе и доступнее для наблюдения, что человека мы можем понимать «по себе», а природа «в себе» нам недоступна. И, приспособляя богатство природы в пользу себя, еще неизвестно, господствуем ли мы над природой или, напротив, природа заставляет нас подчиняться своим законам. Так вот и атомная сила теперь открыта, может быть, в том же порядке, как ручей подмывает скалу, чтобы она на него же и обрушилась.

NB. На моем веку совершилась огромная перемена в сознании человека: в мое время еще верили просто в науку, что человек овладевает законами природы себе на добро, и такое победное шествие человека как царя природы вперед называлось прогрессом.

В науке есть чары не меньшие, чем в искусстве, отвлекающие личность человека от конкретных условий добродетели (творчества добра), в том смысле, чтобы служить лучшему всех людей, как себе самому. Так мы долго жили в чарах науки, создававшей нам мираж прогресса.

19 августа. Мы, русская интеллигенция, наученная нашими великими учителями, духовную культуру предпочитали материальной и ставили ее на высокую ступень. Этим духовно-сектантским отношением к жизнетворчеству мы отличались от европейцев и американцев. Теперь же, когда жизнетворчество будет скоро предоставлено всем, то, конечно, поэтические вещи отступят на далекий план сравнительно с обыкновенными жизненными вещами, вроде того, как случилось это со мной при устройстве своего дома.

При такой материализации общества писатели новые никогда не могут занять высокого положения наших учителей, если только мир не вступит в какие-то новые условия и не создастся новая культура. Она и создастся, только не скоро. Мы же пойдем пока по пути материализации, и Бог благословит этот скромный путь нашего, быть может, и всеславянского жизнетворчества.

21 августа. Спрашивается, от чего должен отказаться человек, если он желает получить власть над людьми. Вероятнее всего он должен отказаться от радости жизни. Вот нет у меня ни малейшего желания властвовать, и зато мне дана радость жизни.

23 августа. Относительно «Царя» вывод такой: я запутался из-за «большой дороги», на которую меня поманила «Кладовая солнца». Я теперь не вернусь к «Царю» до тех пор, пока не вытравлю из себя до конца мысль о «большой дороге».

Есть в моей природе личной чувство вечности, и я говорю о нем, когда пишу даже о собаках, и вот почему я создаю прочные вещи, и моему «Колобку» уже за сорок лет. А «Кладовую солнца» будут читать как новое и через сто лет.

А на большой дороге вечности нет... Там люди проходят, и хочется выйти на нее только по старой памяти: Пушкин шел, и Грибоедов, и Гоголь, и Тургенев, и Достоевский. Но кажется иногда, что, может быть, и не внешние условия виноваты, а мы сами такие, перевелись большие. Вот и хочется другой раз попробовать.

Тут соблазн, который может быть оправдан при условии самому не соблазняться большой дорогой и выбросить о ней из головы всякую мысль. Несколько лет я в раздумье жил между «Надо» и «Хочется», и в последнее время долго жил в оправдание «Надо». В этом направлении я и «Царя» писал: показать «необходимость» природы. Теперь же, наверное, не зря настроение масс переменяется в пользу «Хочется», и к «Надо» я делаюсь более равнодушным.

И вот тоже чувство бессмертия — тоже прирожденное чувство, иначе как бы мы жили беспечно до невозможности и безумно жестоко или отдавали бы иногда совсем даром другому свою короткую жизнь...

24 августа. Так я понимаю, что, наверно, и настоящие великие люди, если к ним близко подойти, такие же мелкие и добрые, как мы, и их величие происходит оттого, что они стоят возле великого и нам на него собою указывают. Если с той мерой к ним подойти — они и велики, а если с нашей, то и они все-таки такие, как мы, и живут мелочами.

И вот, наверное, и мое неведомое «нечто» такого же происхождения: я тоже чувствую то великое рядом с собой и выражаю эту близость чувством радости жизни.

3 сентября. Итак, я, пожалуй что, и выведу необходимость своего поведения: конечно, я никогда с расчетом выйти на большую дорогу не напишу своего «Канала». Я могу написать его только, если совершенно забуду о большой дороге и пойду со своей звездой. Для этого, может быть, надо поступить, как при РАППе: уехал я тогда на Дальний Восток, а приехал — и РАПП отменили. Так надо и теперь, уехать в Армению куда-нибудь.

7 сентября. В 1909 году высший слой литературы в Петербурге был насыщен бродячими мыслями, ищущими своей материализации. Чего только не высказывалось на религиозно-философских собраниях, о чем только не мечтали люди, одержимые бродящими по свету мыслями. Создавалось в этом хаосе полупризрачное существование, похожее на сказочные души в непоказный час рождения людей: присыпушей, удавушей, заливушей. Среди них были и замечательные поэты, как Александр Блок, но даже и такие почти гениальные

люди держались неукрепленно, как держится прямым синим столбом в тихую погоду выходящий из трубы дым. Как хочется вырваться из такого душного Петербурга и укрепить себя где-то в действительности, где люди живые бьются за свое существование день и ночь и радуются по-детски, если выйдет какое-нибудь облегчение.

И не все ли равно, где найдешь такую утвержденную жизнь: там, где есть эта жизнь, там и есть твоя родная страна, твоя родина.

18 сентября. Истинная поэзия города состоит лишь в обострении и необычайном расширении чувства природы...

19 сентября. Голос борьбы за первенство, за лицо говорит: «Хочу быть самим собой!» Голос борца за организм всего человека говорит: «Слушаться надо!»

Вот и вся тема моего «Царя».

Я могу вернуться к нему, расширив свой кругозор вниманием к происходящей в мире борьбе...

Явления искусства, скорее всего — это явление связи: это сигналы цельного духа.

23 октября. Все больше и больше укрепляюсь в мысли о том, что любить врага — это значит бороться с его злой одержимостью, бороться за плененного злом человека. И вообще любить — это значит бороться за любимого человека. Вот бы взять эту мысль куда-нибудь в «Канал» или разбросать в мелких вещах...

2 ноября. Мертвой материей мы называем комплекс не различимых частиц, а живой такую, где одна частица различима от другой. И чем живее материя, тем больше дифференциация, тем сложнее индивидуум, имеющий в человеке завершение в личности. Таким образом, жизнь есть образование личности.

Это одно понимание жизни. Другое — наше, советское, это то, что жизнь есть служение, то есть раскрытие личного начала в коллективе всего человека, то есть не личность является представителем всего человека, а образ всего человека представляет собой жизненную цель всякой личности.

11 ноября. Читал о всей кухне истории. Повара показаны прямо в колпаках и передниках так просто, что ясно понимаешь историю: они только повара где-то внизу, а история, пир ее сам по себе, больше их беско-

нечно... И так, может быть, все, что мы делаем, больше нас, и все мы не знаем, что творим.

16 ноября. Анализировать роман человека с вещью, как она его пленяет и как он в одном случае ее побеждает, в другом является ее рабом. Слава есть одна из форм собственности? Или, напротив, сила собственности есть путь к славе? Собственность есть материал в утверждении личности — это низ человека, а слава — это лицо и смысл. Собственность, власть и слава. Но все эти понятия раскрываются только динамически, то есть в борьбе, показываясь то как добро, то как зло.

15 декабря. Горячо взялся за «Осудареву дорогу» и хочу ее кончить до весны.

16 декабря. Аврал. Это была борьба каждого с самим собой и с людьми за единство всего человека.

20 декабря. Служение общему делу путем своей цельной личности требует подвига не так в отношении самого служения, как в охране своего внутриатомного ядра от расщепления. Так что эта задача требует одновременно и смирения и борьбы за себя внутреннего с отмежеванием от гордости, охраняющей лишь внешнего человека.

Работа над «Царем» движется, когда внешние обстоятельства поддерживают мою веру, что я могу служить обществу нашему всей своей личностью, без расщепления своего внутреннего ядра. Но как только внешние обстоятельства ставят под угрозу самую возможность борьбы за общее дело (коммунизм), так и работа моя останавливается.

Я должен стать на новое место, найти новую точку зрения и так вернуться к радости... Печаль моя временная, я свою точку найду.

30 декабря. К счастью, талант мой включает способность выходить из себя до такой степени, что после я сам дивлюсь, как я, вот такой, какой я существую, глупый, робкий и неугодливый, мог так красиво, умно и хорошо написать. Так и в природе, в уединении, как в зеркале, я благодаря этой способности вижу не себя, а того большого человека, и, может быть,— «всего человека», идущего все вперед и вперед...

6 января. Работал «Осудареву дорогу».

7 января. Сегодня опять выступаю среди юных. Буду говорить об охране природы.

В отношении нашей родины у нас одно устремление — что-то открыть в ней для эксплуатации, но прошлый год состоялось решение Совета Министров об охране. Местами наша родина начинает лысеть.

10 января. Времена переживаем слишком серьезные для критики их отдельными людьми: не человек отдельной душой своей будет судить.

29 января. Пока люди спорили о правде и стояли в борьбе за старое слово дониконовских годов, правда утекла дальше, и староверы остались на месте (в «Царя»).

16 февраля. Чем больше берешь на себя той общественной силы, которая называется властью, тем больше и берешь на себя ответственности. Это одна из тем, окружающих образ Сутулова.

21 марта. Ляля вчера высказала, что роман мой затянулся на столько лет и поглотил меня, потому что была порочность в его замысле: порочность чувства примирения. Из-за этого будто бы мне явилось препятствие, которое годами приходится мне преодолевать, потому что в сделанных моей фирмой вещах я не могу быть нечестным.

Знаю, что подстилало доброе дело постройки Беломорского канала, но я хотел не о подстилке написать, а о том, как по-доброму отразилось в душе мальчика строительство канала. Гадость подстилает не только канал, но и все на свете, если будем искать гадость — найдем, гораздо труднее найти хорошее. Не порочность в основе моей работы, но здоровье и добро, а долго писалось, потому что трудно было справиться с мерзостью и вытащить из нее живую душу младенца.

Посмотрите на докторов — одни из них ищут в человеке болезнь и этим специально только и занимаются, чтобы ее найти. И, конечно, находят, потому что почти все люди больны чем-нибудь в какой-нибудь степени. Но все люди, за исключением небольшого числа безнадежных, относительно здоровы. И есть доктора, которые ищут в человеке не одну болезнь, а и здоровье и лечат человека тем, что поощряют здоровье, и оно пре-

одолевает болезнь. Начиная писать о канале, я искал здоровье строительства.

26 марта. На следующей неделе уезжаю, и прочно уезжаю с тем, чтобы вернуться на жизнь в городе к октябрю и с готовой работой «Осударева дорога» (или «Царь природы»). Эта работа будет посвящена тому коммунизму, который мы все носим в своем естестве (стоит только вспомнить случаи, когда так хотелось быть с людьми!).

18 апреля. Определилась морально-сюжетная нить. Зуек соблазнился властью начальника. А ему было показано, каким надо быть, чтобы получить власть над людьми. «Имеющий власть над природой» должен отказаться от личной заинтересованности в ней. И тогда вся природа покорно ложится у его ног. (Настоящий начальник.)

19 апреля. Уверяюсь, что тема Начальника, как тема человеческого мужества, и будет главной темой «Осударевой дороги».

20 апреля. «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси». Эпиграф к «Осударевой дороге». Этот эпиграф не будет опубликован, но пусть будет, как веха в душе.

25 апреля. Приближается конец моей работе.

26 апреля. Но все-таки личность, как фактор движения, как явление социального первенства, необходима. И это тоже ведь не путь ловить личность в сети социальной необходимости и принуждать ее делать не как самому хочется, а как это надо.

В новой вещи своей я хочу дать путь к коммунизму не тот, какой дают его доктринеры, а каким я иду к нему, моя работа коммунистическая по содержанию и моя собственная по форме.

4 мая. Итак, я хочу сказать, что человек делается царем («имеющим власть над природой») в борьбе со своим одиночеством.

23 июня. Осталась одна только глава, и великий мой труд будет закончен. Радостно уже то, что я заключил мысль свою, и она мне больше не будет заслонять жизнь. Возможно, что эта вещь и не удалась мне. А если удалась, то не верю в то, чтобы удача эта отвечала вложенному труду. Боюсь, что «Осудареву дорогу» назовут «деланной», как наши крестьяне называют гать на болоте деланной дорогой. Вот это меня больше всего

и пугает: уж очень медленно все шло. Но, с другой стороны, столько нужно мастерства, чтобы все 40 глав написать как самостоятельные рассказы и все рассказы связать в единство.

«Осударева дорога» — повесть о том, что было и чего не было, или: сказка-быль, или роман, или повесть, или поэма, или быль, или недавняя быль.

24 июня. Закончил труднейшую главу «Аврал».

26 июня. Вся голова заполнена концом моей сказки-были. Кончаю! И мало-помалу сам отступаюсь и не понимаю, как сделано.

27 июня. Так надо представить в «Осударевой дороге» семью, рожденную в деле (Сутулов, Уланова и Зуек).

28 июня. Что мы противопоставляем детству? Это неизбежность расставанья с самим собой: я делаю не потому, что хочется, а что надо, то есть я расстаюсь с собой. Так у людей бывает.

И вот эта радость тому, что есть возле тебя, и есть сама любовь: любовь как ощущение жизни, и в этой любви содержится нерушимое детство, и эта любовь входит в труд, и самый труд делается любовью (творчество). И тут в «любви» (слово не то — особое чувство жизни) Хочется и Надо — одно.

30 июня. Свобода есть выход из необходимости, и в этом все назначение человека...

Моя мечта была усвоить необходимость нашего времени и выйти из нее (последовательно я писал в этом направлении и выходил понемногу). «Осударева дорога» есть окончательное решение этого вопроса в моем опыте...

Думаю, что «Кладовая солнца» является примером возможности выхода из необходимости и для других писателей.

Вот чуть не забыл: свобода и есть то чувство гармонии, с которым мастер выходит на работу. Гармония же — это способность врожденная человека распределять вещи в пространстве и времени.

Два выхода из необходимости, бунт или творчество. Но за бунт люди отвечают... а творчество есть выход личный, это есть «мир», а то (бунт) есть война.

4 августа. В № 18 журнала «Америка» прочитал статью Ньютона Арвина о ближайшем будущем американской литературы. Вот его заключение: «Итак, неонатурализм — очеловеченный и опоэтизированный натурализм, основой которого будет не документальная точность, а мифичность,— вот что, весьма вероятно, даст нам литература ближайшего будущего».

А между тем я этим занимаюсь уже полстолетия, и никто не хочет этого понимать. «Осударева дорога» — высшее выражение этого моего направления.

22 августа. Работа подходит к концу. Еще день-два и все будет переписано. И еще несколько дней — поправлено, потом переписка в Москве и к читателю. По себе чувствую, что писал хорошо. Но никак не могу представить себе читателя... Тут загадка. И одно хорошо, что я все сделал, что мог.

26 августа. Сегодня я весь день с утра до вечера поправлял «Дорогу» и на всей работе своей поставил точку.

Такая гора спала с плеч, что прямо и не знаю.

22 сентября. Простой русский человек по себе понимает другого в том смысле, что все мы такие и все переживаем одно и то же.

Помню, когда я вышел с узелком, покидая навсегда свой отчий дом, встретился мне один приятель из мужиков, человек большой совести, и я ему вздумал пожаловаться.

— Не своей волей ухожу,— сказал я,— боюсь, что убьют: не поглядят ведь, что это я, заодно с помещиками возьмут и кокнут.

— И очень просто, что кокнут,— ответил мой знакомый, помещая свое сочувствие неизвестно куда, то ли ко мне, уважаемому писателю, то ли к тем, кто меня кокнет.

— Слушай, Захар! — сказал я серьезно,— ты меня знаешь, неужели же тебе не жалко глядеть на меня такого в бегах, с узелком?

Захар во все лицо улыбался.

— Слушай, милый,— сказал он, положив руку мне на плечо,— ну, ты же раньше-то хорошо пожил, лучше много, чем наши мужики?

— Ну, положим.

— Вот и положим: пусть поживут теперь другие, а ты походи с узелком, ничего тебе от этого плохого не

будет. И очень умно сделал, что все бросил и ушел с узелком. У тебя же есть голова, а у них что?

Так с колыбели я живу в атмосфере этого особенного восточного чувства человека к человеку, и среди этого мужицкого народного моря, как острова каменные и рифы, торчат помещики, купцы, кулаки и разные... «образованные»...

1 октября. Я, переиспытав в жизни своей всякие беды, пришел к тому, что людям нельзя жить одним страданием, и что если я буду писать о радости, которая заложена в существе жизни, то все будет у меня хорошо для моего народа и сам я выполню свое назначение и долг. Жизнь есть великое сокровище, и человек хочет им обладать («хочет жить»).

26 октября. Сегодня мороз так подсушил, что встречать солнце я вышел в валенках. Трава была белая, но река не дается, даже нет заберегов, и только ямки от ног людей, когда-то ходивших купаться, наполненные дождевой водой, стали от мороза белыми пятнышками.

Солнце всходило за спиной у меня, за крутым лесным берегом, и тень от него большая легла на ту сторону реки на пойму до самого села Козина. От солнца окна в селе загорелись; а тень от берега стала быстро отступать к реке. Пока я стоял, тень подошла к реке и в ней утонула, а река заиграла.

Нет, я не природу описываю... и не себя в природе. Конечно, я вижу себя в прошлом и чувствую в настоящем, но то, что я описываю, относится к будущему, где меня нет. Мне кажется, я теперь в радостном трепете описываю одежду существа, идущего к нам не в страдании, как было и как оно еще есть, а в славе.

4 ноября. Закончил второй раз «Канал» и перенумеровал страницы.

5 ноября. Сколько было вложено труда в эту работу, и нет ни малейшей уверенности в том, что трудился не напрасно. Это происходит оттого, что я захотел выйти на большую дорогу признания и должен был стараться вместить свою душу в рамки, поставленные со стороны.

Есть надежда на то, что мне это удалось, и я, как писатель, крепче установлюсь. Но если не удастся мне, то, конечно, винить некого: не берись за то, чего не понимаешь.

27 ноября. Ничего не делаю под предлогом отдыха от «Канала». Настолько все идет «не от себя», что успех или неуспех вещи моей приходятся в полное равновесие: успех — постараемся не очень-то принимать на себя, неуспех — сам собой будет записан в счет времени («время такое»!). Тревожит только таящаяся в недрах народной души оценка, от которой никуда не уйдешь, если в чем-нибудь сфальшивил. А как знать...

29 ноября. Ничего не делаю в ожидании решения суда над «Осударевой дорогой». Чем дальше ухожу от работы, тем яснее вижу, что и тема моя (хочется — надо), и художественная разработка — все современно и хорошо, самое же главное: вещь, как свидетельство личного живого участия автора в современной жизни.

6 декабря. Если условия «доработки» окажутся тяжелыми, то возьму рукопись и пусть лежит у меня до тех пор, пока есть будет нечего, а тогда перечитаю и спокойно без огорчения поправлю. Это надо, пожалуй, сделать с «Мирской чашей».

13 декабря. Вся задача в том, чтобы исправить все самому и не дать другим изуродовать. И я это сделаю.

14 декабря. Н. объявил о «Канале». Необходимо выдернуть всю географ-историческую часть и навертеть все на другое. Это был такой удар по голове, что я заболел *.

15 декабря. Забывать — это значит прощать. Когда людям ничего живется, они прощают плохое и верят в хорошее. Но есть люди, которые не прощают и нравственным долгом считают своим не прощать. Этой верой питалась революция: не простить.

28 декабря. В среду 29-го будет заседание в редакции с разбором моего романа. Январь придется посвятить доработке.

29 декабря. Вчера вечером начал читать «Царя» с новым задором, идет хорошо, не знаю только, куда воров девать.

31 декабря. 6 ч. вечера, прочитал Чехова «Даму с собачкой», обернулся к себе и увидал, что и мой царь природы — настоящая вещь. И еще я увидел, что не только на безрыбье я — писатель, но что и среди рыб я рыба. И еще мне стало видно... Мне стало видно, почему я всегда робел понимать себя настоящим писателем: потому что я очень людей хотел возле себя, а быть настоящим писателем — это значит непременно быть

одиноким. Пусть даже вырастут горы признаний и вершины их засверкают снегами славы — тут-то, может, среди этих снегов ощутимей всего человеку его одиночество. Я же в простоте своей славу понимал просто как счастье и считал себя его недостойным.

9 вечера. Итак, начну год с того, что отработаю «Царя», а там свету прибавится, и весна подбежит.

1949

2 января. «Мужики» Чехова. Тоже мужики есть и сейчас, и есть на них писатель, как Чехов, но написать нельзя: не туда идет история. А тогда можно было, потому что время шло к концу империи.

5 января. При чтении моей рукописи все упираются в «грех» Зуйка, им кажется неверным или подозрительным, что такой прекрасный мальчик мог согрешить и уйти от прекрасных трудовых перспектив в лес с бродягами. Синих птиц не должно быть, ни синих птиц, ни грехов. Значит, мне теперь надо крепче мотивировать уход за синей птицей. Как это сделать?

16 февраля. Живописец может видеть предмет только с одной стороны, и оттого он художник прямой, четкий и сидящий. А художник слова устает смотреть только прямо, у него является сомнение в себе и в том, что он видит. «Дай-ка,— скажет,— я загляну с другой стороны». И это сомнение заставляет его встать и пойти. С этого сомнения, с этого желания заглянуть на другую сторону и начинается движение.

27 февраля. За время в Малеевке (15 января — 27 февраля — полтора месяца) я второй раз просеял свою работу сквозь частое решето замечаний. И вообще эта работа сделана, как пиджак на очень капризного заказчика. Так, наверно, в древности художники делали богов тоже на заказ, и никто не спрашивал с художника его личного отношения к богам, верит он сам или не верит: довольно было того, чтобы он сделал бога.

В общем, я уверен в одном, что честно старался сохраниться в своем мастерстве, чтобы потом люди сразу узнавали работу и говорили: это делал Пришвин. Но было на работе столько заплат, что и совсем уже не могу судить сам. Пусть люди судят.

20 марта. Разговор по телефону выяснил, что роман мой встретил преграду и что меня хотят заставить его переделывать. Это срезало меня до чувства смертной тоски (знакомое редкое и страшное чувство).

2 апреля. Если провалится мой роман — я не много буду страдать, нет! совсем немного. Да и самая жизнь, я ценю, ценю, ценю! но все-таки того страха перед смертью, как бывало в молодости, конечно же нет у меня теперь. Но пусть не напечатают мой роман, я все-таки убежден, что он и хорош очень и, главное, что совесть моя чиста: я сделал все, что мог, и талант свой не зарыл. Самое же главное хорошо, что наконец-то я от него и отделался.

4 апреля. В общем, как художественное произведение это не кристалл, подобный «Жень-шеню» или «Кладовой солнца». И в этом не я виноват, а жизнь не вызрела для ее изображения, как в «Кащеевой цепи» не вызрел художник для дела спасения своего героя. Возможно, что и тут тоже не жизнь виновата, а сам художник не дозрел до изображения необходимости...

22 апреля. Начинаю подумывать о конце, что, может быть, и будет натуживаться, загадывать, искать встреч и т. п., так, если провалится «Новый Свет» *, то и покончить с усилиями, а жить совершенно уединенно, занимаясь дневниками и рассказами для детей. Так что время подходит успеть взяться за свой конец, прежде чем он схватит меня. Если же «Новый Свет» выйдет и сделает то, что я бы хотел, то можно будет еще что-нибудь написать. А то, может быть, и пробовать не буду, а возьму свой конец, как палочку в руку, и напишу из дневников книгу «Завещание».

11 мая. Сколько лет я был в плену у «Осударевой дороги»!

12 июня. От Федина рукопись и письмо. Вышло в моей жизни это письмо большим событием. Во-первых, нашелся читатель, смотревший на вещь как на художественное произведение, и возбудил даже во мне самом интерес к этой своей способности «житейскую правду обращать в легенду, а природу в философию». Словом, я почувствовал, что существую как художник, что труд мой не пропащий. Сразу выросли крылья и явилась уверенность в заветной мечте своей написать для всех классов, образований и для всех возрастов на одном языке понятную вещь. Этой новой повестью о лесе

я и скажу тебе спасибо, единственный оставшийся из старых настоящих писателей, вступившийся за мою вещь.

4 июля. Большинство ученых критиков первой важностью в оценке работы писателя ставят его происхождение от какого-нибудь другого, как в дарвинизме некоторые видят всю важность в происхождении человека от обезьяны.

8 июля. Анна Алексеевна Капица прислала мне письмо с приглашением. Только сегодня мы решили поехать к ним на Николину Гору и познакомиться с Петром Леонидовичем Капицей *. Она брюнетка средних лет, он 55 лет блондин со светящимися голубыми глазами.

Нравственное заключение или вытяжка из этого визита: «Друг мой! ты дерзнул прикоснуться к таким вещам, которые можно обратить одинаково в добро человеку и во зло, поэтому ты должен принадлежать тому, кто контролирует добро или зло. Мы уверены, что контролируем жизнь в пользу добра, и потому брось охоту и личную жизнь и отдайся целиком службе добра».

16 июля. Опять сижу за работой над поправками романа перед чтением Симонова *. Целый год прошел над поправками, и теперь весь роман мой даже и не в заплатах, а покрыт целиком лоскутным одеялом.

6 августа. Вчера вечер был после дневного дождя необыкновенно прекрасным, долго и тихо бродил в лесу и первый раз со времени аварии в голове мысли мои оформлялись. Егор Александрович (сосед) помогал вытаскивать мне машину, сказал:

— На молодых людей сейчас нельзя положиться, и знаете отчего? Оттого, что их соблазнила свобода, и они за свободой идут, не понимают, что свобода стоит большого труда, и даже так, что чем свободней человек, тем ему и трудней.

15 августа. Бывший швейцар профессора Веселовского в доме его на Арбате, а теперь старый хозяин своего дома в Териброве, Василий Алексеевич, однажды мне сказал:

— Расхожусь я, Михаил Михайлович, со своими сыновьями во мнении: они о человеке так понимают, что человек заменим, не один, так другой. А я полагаю, что человек не курица: той голову отрубишь, она воскреснет и будет другая курица. Человеку же отрубишь голову — он не воскреснет.

И вот прошло с тех пор больше десяти лет, а я все помню слова старика: человек незаменим.

Недавно познакомился с Капицей, был у него и он у меня, и оба раза, и у себя, и у меня он, между прочим, высказался в том смысле, что человек незаменим и что в этом-то и есть его расхождение с современностью.

Так большой незаменимый физик сказал совершенно то же самое, что бывший швейцар профессора Веселовского и чем мучусь я сам все время.

29 октября. Закончил читать «Консуэло», старинный роман Жорж Занд. Мне он читался, как современный.

Вот, оказывается, откуда этот романтизм, вытекающий из 30-х годов прошлого века из общества Жорж Занд и Виардо *. Второе — роман пытается раскрыть мою тему: искусство как образ поведения. Третье: возможное величие женщины.

26 ноября. С удивлением заметил в себе «твердые» убеждения и немного испугался, спрашивая себя самого: что это, старость или склероз? Мне всегда казалось, что убеждения имеют только старики и сумасшедшие, а нормальные люди, если, бывает, и носят какие-то «убеждения», то их очень таят, как уединенное отхожее место. И самое большое, казалось мне, может совестливый человек допустить в отношении другого, это высказывания предположительные: «Конечно, вы это знаете лучше меня, но вот как я об этом думаю...»

И если серьезно говорить, то и правда, как это можно «стоять на своем», если все так быстро проходит и меняется, и как воистину безнравственна логика этих убеждений в отношении ближнего.

28 ноября. Встал, наполненный довольством тем, что у меня есть такой друг, как Мравинский *. Никогда не видели друг друга, а встретились, будто всю жизнь вместе росли, и благодаря только тому, что я пишу и он читает. И сколько же у меня таких друзей, и какое это великое дело, что я пишу.

1950

10 февраля. Читаю Стерна и нахожу себя среди родных (Стерн, Ричардсон, Руссо, Гете, Гамсун, Карамзин, Жуковский, Радищев, Гоголь и все наши «реали-

сты»). Сентиментализм пробился в XVIII веке, как живой ручей под горой лжеклассицизма *.

14 марта. Боже! как страшно вспомнить себя в Париже и потом постепенное свое падение. На Большом суде, однако, я в оправдание свое могу показать «Жень-шень»: в нем содержится моя победа.

16 марта. «Жень-шень» — это поэма о распятом любовнике.

26 марта. У Ксении Некрасовой, у Тани Розановой, у самого Розанова, наверно, и у Хлебникова, и у многих таких души не на месте сидят, как у всяких людей, а сорваны с места и парят в красоте.

8 апреля. Жестокость нами переживается с детства и кончается у человека милостью (биологический закон). Так что «идеализм» в прошлом не есть идеализация прошлого, а действительно отцы в общем идеалисты, как и дети неминуемо в общем жестоки и, переживая эту жестокость, чувствуют веяние прошлого ароматное, как мы чувствуем, плывя по реке, аромат срубленного леса.

Так что мы, поколения старших, не можем честно сойтись с молодежью из-за их жестокости. Но молодежь неминуемо по биологическому закону идет к нам, и, значит, этика старости состоит в умении ждать (в эту этику ожидания включается, само собою, терпение, смирение, любовь, а может быть, на этом же пути является тоже и особый свет, называемый целомудрием).

19 апреля. Читаю взасос Рескина *: он написал то, о чем я мечтал всю жизнь написать, а вместо того писались мои «сочинения».

7 мая. Искусство обладает особенной силой, если выступает как искусство, невозможно искусство принудить быть моралью. И не думаю, что такое оскопленное искусство может помочь, и нужно ли такое искусство.

12 мая. Читал у Стэнли Холла *, что воображение есть орган сердца и путь разума. Да и все, о чем говорит С. Х., мне кажется, он взял у меня. Мне думается, эта близость с ним у меня от двух начал моей природы: 1) что я очень русский, как и он очень англичанин, 2) что я представляю собою консервированного юношу и об этой юности все время пишу. Разница только в том, что он, как англичанин, ищет морального руководства над всеми народами, а я, скорбно любя свой народ, считаю всех выше нас. А в общем думается: как

много высказано в Европе великих мыслей о воспитании, и какие прекрасные люди воспитались, и как мало этого вошло в массы.

Как писатель получаю в этом чтении толчок: писать языком простым: языком сердца, как говорят между собою о себе люди простые и хорошие, а не языком расчета, как говорят политики и литераторы (газетный язык).

18 мая. Ничтожеством самым ничтожнейшим чувствует себя ученый и художник из тех, кого люди называют великими. Они потому чувствуют себя ничтожеством, что видят возможности для человека настоящего величия и, сравнивая идеал с тем, как он сам к нему подползает, чувствует свою малость. А то, что по сравнению с ним другие еще тише ползут, не возвышает его в своих глазах, а еще умаляет.

3 июня. Когда сам сидишь неподвижно, повертывая баранку, и в то же время пожираешь пространство, мысль исчезает. И даже на другой день не можешь вернуться к себе. Выход из поглупления один: передать руль шоферу, а самому сесть назад и не смотреть на дорогу. Так мы все в обществе разделяемся и свое внутреннее само-управление, облегчаясь, передаем на сторону. И так все дальше и дальше уходим от себя и отдаемся во власть (Бога, царя и т. п.). В результате такого движения образуется авторитет, поглощающий личность, и то, что было личностью, распадается на фанатиков и лишних людей.

13 июля. В далекое время при каком-то царе нас, детей, учили верить в науку и эту веру называли прогрессом и всякое хорошее дело на свете называли прогрессивным. Глухо бормотали где-то против этой веры попы, но до нас этот голос ретроградных людей не доходил: мы верили. Лев Толстой поколебал нашу веру, а вскоре и все мы сами увидели в делах, что научные и технические открытия не всегда непременно повышают уровень нашего нравственного сознания. Так мало-помалу мы дошли и до атомной пустыни, расколовшей человечество на два враждебных лагеря с мелькающей тревогой о том, что если так дальше идти и влагать свою веру в прогресс, то можно даже и всю планету взорвать.

15 июля. Любовь создает свой полюс, и качества любимого располагаются, как железные опилки у магнита: одни, милые, поближе, а что похуже, то и подальше.

Бывает, по мере движения любви отдаленные качества приближаются, и это значит, проходит любовь. В настоящей любви на всю жизнь отдаленные качества, оставаясь на том же месте, делаются более видимы, и любящий их видит, но мирится, как с чем-то несущественным.

27 июля. Позывает взяться за лесную повесть. К прототипу капитана Оршанко * присоединяется Капица академик, тоже такой. Всякое творчество требует честности. Особенное свойство капитана и академика — они честные, даже и *взахват* честные.

1 августа. Капица сказал, что в поэтическом произведении не допускается ни малейшей доли лжи. Он прав, но надо выяснить, что же есть в поэзии правда и что есть ложь, и в связи с этим, что есть *поведение* автора, о котором так давно я думаю и не прихожу ни к чему.

8 августа. Мы на пороге какого-то нового синтеза этического сознания, но каждому из нас больше всего надо бояться подчинения «сверхразуму» (то есть рацио totum) и безответственной мистике.

16 августа. Самое большое сходство у нас с Л., что оба мы с ней странники, и у нас нет опоры на земле.

— Первая твердая точка у меня на земле,— сказала Л.,— теперь могила матери, тут и вся моя собственность.

20 сентября. Капица говорит, что сделал большое открытие. Не знаю и не интересуюсь «открытиями», они теперь везде и находятся в полном отрыве от мира нравственного. Но я завидую семье Капицы, например, что огромную лодку они делали всей семьей и сделали, как не сделать настоящим мастерам: этому чему-то я завидую и, глядя на это, чувствую, что жизнь меня обошла, как и Лялю, и мы тем и зацепились друг за друга, что каждого из нас в этом жизнь обошла. А впрочем, этот божественный лад (семейный), о чем я мечтаю, связан с каким-то «дворянским гнездом», и Капица тут ни при чем. Я с этой тоской по семейной гармонии родился, и эта тоска создала мои книги.

21 сентября. И. Иванова вчера рассказывала о том, как она рассталась с родителями в 1943 году. Она была в Ленинграде, они в Детском Селе. Они рвались к ней, но пропусков не давали. Наконец, объявили в Детском Селе, что немцы подходят, но поездов уже не было, и все, кто мог, пошли пешком. Родители ее в это время

были очень слабы и держались друг друга, как попугаи-неразлучники. Варвара Николаевна была совсем седая, белая, у него последние волосики стали белые. Ина полагает, что они пошли и не дошли...

Слова коснулись сердца, и легла на душе тень мысли, и по этой тени являлись догадки о встрече нас всех. А если иначе, то какое злодейство эта наша жизнь...

30 сентября. В чем у нас расхождение с Лялей: моя зависимость от успеха моего дела ей представляется жалким, унизительным состоянием, сплошным «легкомыслием». А я не вижу ни одного поэта, включая Шекспира и Пушкина, кто мог бы помириться с жизнью вне своего творчества.

31 октября. Из первого же опыта намечается, что играть в политику поэту с нерешенными вопросами в душе опасно. Политика сейчас — это как религия в прежнее время.

2—3 ноября. Пишу очерк: «Заполярный мед».

24 ноября. Нравственное усилие наше направлено теперь к тому, чтобы рабочим нашим днем закрыться от вечности.

10 декабря. Рассветает. Всем сердцем люблю я рассвет, но был убит на рассвете мой друг, и всем сердцем радоваться рассвету не могу. Люблю рассвет, но не радуюсь.

22 декабря. Пишу я о природе, а мои читатели хватаются за мои книги, как многие думают, чтобы забыться на стороне от мучительной действительности. Некоторые люди, мои недруги, говорят, что я обманом живу. Но я замечаю, что когда они в моей природе вдруг узнают нашу же действительность с другой, с хорошей стороны, то они особенно радуются. И это я так понимаю, что они очень ждут от писателя, чтобы он осмыслил и воодушевил их повседневный труд. Не обман они видят, а мысль сердечную своего же собственного дела.

1951

14 января. Читаю «Войну и мир»,— не читаю, а пью. Интересно бы знать, как это читает теперь молодежь. Тоже хорошо бы решить ясно, в чем же сила Толстого, и если это не только поэзия, то что же это у него сверх

поэзии. Вот этот ответ и есть цель моего нынешнего чтения.

19 января. Наташа Ростова в движении своем к Анатолю являет женщину из «Песни песней» — вот тот «естественный» мир, а Анатоль дается таким, за что мы выдаем мир естественный (языческий). Разве это «идеализм», то, чего хочет Наташа (его)? Это материя, но какая!

25 января. Мне думается, что Толстой в своей «Войне и мире» в лице Кутузова и России хочет нам дать это чувство нашего расположения к своему дикому, заповедному, к тому, что было, и это чувство счастья в былом он называет миром, а то, что хочет сделать Наполеон, его движение к небывалому, он называет войной.

26 января. Если судить самого себя, то всегда будешь судить с пристрастием или больше в сторону вины, или в сторону оправдания. И вот это неизбежное колебание в ту или другую сторону называется совестью.

28 января. Когда тишина зимой в лесу достигает последнего предела, то почему-то начинаешь думать, не я ли оглох и не слышу, а у них там, в тишине, как раз вот сейчас исполняется самая великая симфония: ее-то, наверно, и слышат великие музыканты, и от них мы о ней узнаем.

29 января. Солнце, как месяц, не больно смотреть, и снег летит редкий и спокойный, и в лесу, как всегда, снег летит в тишине, а сам думаешь — от меня эта тишина, я не слышу, а по снегу вижу и знаю, не так он летит: кто-то его слушает.

В молодости, когда слух был острее, я дослушивался так до шепотка снежинок между собой.

Только быки борются своей силой, а человек борется тем, за что держится: во что верит, тем и бьет.

Я думал о том, сколько в прошлом оставил я и потерял драгоценных способностей, из которых чего стоила одна только игра в горелки, когда мчишься во весь дух за девочкой с единственной целью тронуть ее пальчиком и крикнуть: горим!

Прошли времена, я бежать не могу за девочкой. И в какой бы ужас пришел я тогда, если б кто-нибудь сказал мне:

— Смотри, бегай больше, придет время, и ты не будешь в состоянии бежать за девочкой.

А вот пришло время, 78 лет! и как я рад, как счастлив, что вовсе не надо мне больше бегать за девочками, что каждая женщина мне теперь насквозь видна, и если есть в ней прелесть, я вижу ее как в стекле, нравственно и бескорыстно, и она понимает это, и ценит, и награждает меня ею сама.

7 февраля. Гулял два часа, но ничего не видел и в книжечку себе заносил: смерти нет у людей, ее создает любовь. А выходом является дело: надо скорбь свою захлебнуть делом.

15 февраля. Вокруг меня идут люди, бросившие все свое лучшее в общий костер, чтобы он горел для всех, и что мне говорить, если я свой огонек прикрыл ладошками и несу его и берегу его на то время, когда все сгорит, погаснет и надо будет зажечь на земле новый огонь. Как я могу уверить моих ближних в жизненном строю, что не для себя лично я берегу свой огонь, а на то далекое время.

В таежных местах, будь хоть семи пядей во лбу, все чувствуешь себя не свободно, все кажется — не ты хозяин его, а кто-то посильней тебя.

В этом и есть особенность таежного ландшафта, что он давит, тогда как в лесах подмосковных человек всегда возвышается и чувствует себя хозяином, и это веселит.

Даже и в тайге, когда случится увидеть группу берез, чувствуешь себя веселей, присутствие берез показывает, что скорей всего тут уже был человек и после него на порубке выросли эти березы. Веселей становится оттого, что открывается в диком лесу человеку как бы душевный путь к другому человеку...

19 февраля. Вместо февральских метелей стоят мартовские солнечные дни весны света. Я не знаю, что может быть лучше на свете множества людей, залитых солнцем, протекающих где-нибудь через площадь из одной большой улицы в другую.

21 февраля. Сегодня мой вечер в ЦКУБУ *.

Очень удался вечер в ЦКУБУ. Никогда я не был так спокоен, никогда не читал так выразительно. Географ Юрий Константинович Ёфремов сделал мне три подар-

ка. Оказалось, что на карте с 1937 года имеется пик Пришвина в районе Кавказского заповедника. Этот пик не включен в цепь главного хребта, но он выше всех близлежащих гор (3000 м). Там же где-то есть озеро Пришвина, и на Курильских островах есть мой мыс.

Итак, мне были подарены пик, озеро и мыс. Увы! на пик я взойти не могу, до мыса не доехать и пустынную жизнь у своего озера не осилить. А как хотелось в молодости своего озера, как страстно манила меня даль самая далекая, и там было бы у меня что-то свое. Но, хорошо подумав, я порадовался достижению такого дружеского, почти родственного отношения к себе аудитории и понял ее как осуществление мечты найти вдалеке что-то свое.

Я сказал им, что очень благодарю, что все боялся — мое движение вперед кончится улицей своего имени, а оно венчается пиком.

6 марта. Прямо падающий свет теплом своим рубит снег, капель моет, ветер помогает.

Но какая была в старой Москве для стихий это работа! Бывало, все внимание москвича было устремлено вниз,— кто первым ручьем любовался, кто берег ногу, чтобы в ручей или лужу башмаком не попасть. И как долго продолжалось это время хляби, когда Пушкин болел душой.

Теперь в Москве весну делают дворники, и еще далеко до мокрой весны особые машины поднимают собранные кучи снега и ссыпают в ящики грузовиков. После, когда весна света приходит и первый воробей в степной печурке или на железном крючке, протерев о крючок носик, чирикает, в солнечный день является царственный свет,— ему делать на улицах нечего: улицы чисты! Нет работы солнечным лучам на земле, и они проникают прямо в душу человека, и он теперь, радуясь встречает весну гораздо раньше, чем прежний москвич

8 марта. Единый образ природы, вытекающий из непосредственных человеческих впечатлений, зарождается в городе у людей высокой культуры.

9 марта. До последней крайности надо беречься пользования философскими понятиями и держаться языка которым мы перешептываемся о всем с близким другом, понимая всегда, что этим языком мы можем сказать больше, чем тысячи лет пробовали сказать что-то философы и не сказали.

В жизни, кроме меня, действует другой человек, и путь к этому другу и есть наш жизненный путь.

12 марта. Пасмурно, ветер прежний, с запада. Есть, показываются иногда, редкие синие озерки на небе с надеждой на солнце. Вчера тоже так мало-помалу вышел солнечный день.

13 марта. В «Литер<атурной> газете» на редкость хорошая статья Исаковского «Секрет поэзии». Я бы к ней прибавил, что секрет прозы есть поэзия. И для примера показал бы «Тамань», *как поэзию.*

16 марта. Боже мой! я, кажется, только сейчас подхожу к тому, что сказал Блок в «Двенадцати». Фигура в белом венчике есть последняя и крайняя попытка отстоять мировую культуру нашей революции. Как же я тогда этого не понимал, как медленно душа моя опознает современность!

24 марта. Символ — это связь между внутренним миром человека (субъектом) и миром внешним (объектом). История культуры есть история роста этой связи, в начальном периоде бессознательного, в дальнейшем переходящего в творчество с нарастающим сознанием.

26 марта. Чувство дали — когда я бежал из гимназии, это было не чувство дали? Нет, оно было. Я помню эту горечь, что «Азии нет» (то есть дали нет, и некуда бежать). Из одиночества рождается даль.

А чувство одиночества, в том смысле, что я *хуже* других, что такому, как я, нельзя и стыдно войти в «коллектив» (старшие братья, мальчишки). Без этого чувства тоскующей отдельности я себя не помню, *до этого* я о себе сказать ничего не могу.

Так всю мою жизнь определила одна эта нота души: стремление в даль и к другу. Теперь моя задача ввести это чувство дали в коммунизм.

Бывает так, что пишешь о чем-нибудь, представляя себе, что это пишется к другу. И пусть он, этот друг, приходит к вам. Вы, конечно, не пишете: друг здесь,— вы ему все говорите — больше! вы сговорились: вы и друг ваш — одно. И что же? Тут бы и кончиться творчеству, а оно не кончается, напротив, соединенные в одно существо, вы вдвоем, как единый человек, опять одинокий, ищете другого...

Есть люди, у кого много детей было, и они все хотят их рождать еще и еще. Так мы хотим друга, такого большого, чтобы он обнял всю природу, всю жизнь.

2 апреля. Секрет мой главный раскрывается, и жизнь моя рисуется как поведение, как путь мой в борьбе света и тени (поэзия и действительность). Но такой же точно путь проходит каждая травинка и каждый лист на дереве: все поля, все луга, и леса, и всякая зелень.

И если в себе самом, в своей душе нести этот путь между светом и тьмою, то каждый внимательный взгляд застает живое существо в момент этой борьбы и раскрывает момент жизни в отношении его к «пра-феномену» сущего в своей собственной душе.

Свет — это пра-феномен солнца. Тень — пра-феномен земли.

Я — встреча света и тени и разрешение их борьбы: я — путешественник на своей дороге между светом и тенью.

6 апреля. Гетева мысль по памяти своими словами: художник к жизни может подходить двумя путями, один путь от общей мысли к частному, и тогда у него получится аллегория; другой путь — от частного явления к общему, и это путь поэзии (по-моему: жизненный путь образа, как он рождается и как живет).

«Кащеева цепь» в том моем возрасте была мне не по силам, так же как не по силам было разрешение борьбы «хочется» и «надо» в «Осударевой дороге». Нужно было с тех пор не пером, а молотом много поработать, чтобы пробить в камне коридор или траншею для продвижения своих героев.

«Хочется» и «надо» (свобода воли и долг, личность и общество) — это предмет размышления всей философии, и эта «тема» забивала каменным обломком мой поэтический путь. В моем личном жизненном опыте я был врагом своих учителей в школе, я же потом и стал на их сторону против себя.

9 апреля. Бывает, весенняя вода прорвет плотину, смоет мостки, и останутся от всех мостков одни только колышки, и они-то бывают мерой того, как глубоко когда-то стояла вода. Так и памятник Пушкину остается мерой, до какой высоты может доходить полнота человеческой жизни.

13 апреля. В моем литературном устремлении с некоторого времени маячит цель глубочайшие мысли свои выражать словами, доступными каждому, и даже ребенку. С помощью улыбки можно бесконечно упростить высказывание мысли.

А «простота» должна быть в том, чтобы ее принимали в себя охотно без понимания, а потом эта мысль, поселившись в душе человека, лежала и в благоприятном случае прорастала бы, и человек бы говорил: ах, так вот оно что! вот он о чем говорил, Пришвин.

Улыбка — это единственное, чего не хватает в Евангелии...

И почему же нет улыбки в античных статуях, и даже Венера живет для себя и никогда не улыбается кому-нибудь?

А Мадонна?

Рассказы мои новые, конечно, рассказы старческие, но не в смысле слабости, а что не так они о себе, как о чем-то живущем и после себя и для всех навсегда. Я их понимаю как дорогу к какому-то своему другу. Кажется мне так мое прошлое, будто я к этому другу своему иду, иду, а он все дальше от меня и дальше...

Одно время эта дорога мне представлялась цепью, и на дороге той не верстовые столбы, как теперь я так вижу, а звенья одной цепи. Мне хотелось написать правдивый роман о себе, как «Кащееву цепь», и вместо глав стали бы звенья. Для меня этот роман мог быть только единственным, неповторимым и необратимым, как необратима наша собственная жизнь. Мне очень удавались мои звенья, пока я писал о прошлом, пережитом. Но как только я дошел до настоящего и хотел понять его из прошлого и объяснить, оказалось это невозможным, я запутался и окончил рассуждением, увенчанным бесконечностью.

Лет уже тридцать прошло с тех пор, как я выпустил в свет роман о своей жизни без конца, и слепая бесконечность представилась дорогой к другу своему, какой дорогой оказалось теперь все мое так называемое творчество.

Будет ли так теперь, как и в «Кащеевой цепи», что эта дорога, как и цепь, упрется в непонятное настоящее и рассказ мой собьется, как бывает в клюквенных болотах: общая тропа в конце расходится на множество, и сколько людей, столько и троп. Скорее всего так и будет, но я совершенно ясно вижу, как и где определились мои блуждания определенной дорогой к другу.

15 апреля. Дети как жертвы переустройства женщин с домашнего мира на мужскую деятельность. Дело, за-

меняющее дом, получает характер суеты, подмены чего-то главного и настоящего.

17 апреля. Меня выгоняли из школы, потому что я был не способен к ученью и непослушен. А теперь в каждой школе по хрестоматиям учат детей моим словам, меня теперь все знают и многие любят.

Почему это случилось? потому ли, что я боролся за себя, или что меня выгоняли? Было то и другое: я должен был по натуре своей бороться, они должны были меня выгонять.

Им хотелось сделать из меня хорошего мальчика, я хотел найти свой путь к хорошему.

Деревья качаются — это, значит, на улице ветер. Но я приучил себя, когда сижу в комнате и вижу сквозь стекло дерево, забывать, что это ветер качает их. И так я смотрю в тишине своей комнаты так, будто и там за соснами тишина, а деревья качают ветками своими сами и у них свой разговор между собой.

Кто знает? Может быть, и мы тоже не сами качаемся и бегаем, а кто-то нас запускает? А деревья пусть сами, и тогда о том и другом начинаешь догадываться

19 апреля. Бывает, неустройство в природе так действует на душу, что русский человек чувствует себя самого как бы виноватым во всем. И правда: все мы не привыкли бороться. Он так, русский человек, и живет и множится, как бы с виною в душе. И вот приходит какой-то час, то ли это, что солнце садится, то ли это горит река в вечерних лучах, то ли, что белые, особенно живо белые, березки полны сока, то ли, может быть, сверху даже откуда-то с поломанной грачами ветки березы прямо и капнуло соком на лицо, но только в этот миг вдруг наплывает в душу радость, как березовый сок, и это приходит как будто не от себя, а оттуда, как радостный шепот самой березовой рощи.

Чувствуешь тогда, что не ты сам, во всем виноватый, в вечной работе, сотворил себе радость, а она помимо тебя сама сделалась нерукотворно там, где десятки лет тому назад вешние воды тронули молодые березы и они выросли, поднялись, как шеи лебедей над родимым оврагом.

Радость приходит оттого, что там, где-то за пределами моей души, что-то само собой делается очень хорошее, и мне достается без моего вековечного труда, без моих заслуг и усилий, и, значит, если я и умру когда-

нибудь, то кто-нибудь за меня на земле будет радоваться жизни у этого оврага с лебедиными шеями.

20 апреля. Не спешу браться за «Государеву дорогу», чтобы дать отстояться руководящим мыслям, созревшим за время разлуки с романом. Первая из этих мыслей есть «Государева дорога» как дорога к другу и в этом направлении преобразования природы.

21 апреля. Чем ярче солнце, тем чернее ложатся тени, и в морозной тени радуются молодые елочки, что лучи солнца не обожгут их привыкшие к морозу лапки. Теневыносливые деревья все радуются теням, но все тоже хотят и солнца, без солнца в одной тени они замерзнут, при солнце без тени засохнут.

Так вот живем тоже и мы так, люди: придет солнце — нам жарко, ляжет сумрак — нам скучно.

Все живое так живет между светом и тенью, все живут и бранятся более на тень, а убери тень — в одном свете на земле вся жизнь кончится.

24 апреля. Известность манит к себе, завлекает, как завлекает страстная любовь. Там и тут надо помнить, что вместе с известностью и любовью возникает долг к семье и к обществу.

Исповедь Руссо есть описание мук, сопровождающих известность.

Брак есть средство спасения себя от страсти в любви, но какое средство есть для спасения от «любоначалия» (известности)?

2 мая. Иногда, записывая что-нибудь себе в тетрадку, как будто опомнишься: кажется, я не просто пишу, а что-то делаю, и даже определенно чувствую, что именно делаю: я сверлю.

4 мая. Самое важное для инженера, строителя, например, моста через реку, это чтобы мост был бы прочным. Так и у нас главное, чтобы вещь оставалась и по ней, как по мосту, читатели долго бы устанавливали путь своего сознания.

Так столетие проходит за столетием, а мы все учимся по Шекспиру, и кажется, будто Шекспир остается всегда современным и что сила́ чувства современности у писателя и есть то самое, что у механиков называется прочностью.

Наверно, это вышло по литературной наивности (я не литератор), что я главные силы свои писателя тратил на писание дневников.

8 мая. Листья на тополе уже такие, что пальцем, даже большим, не прикроешь, и они все в смоле ароматной и на солнце блестят, как металл.

Сегодня у нас по радио играли ноктюрны Шопена, я сидел на диване и, слушая, глядел на тополь через оконное стекло. То был, конечно, ветерок, и листики тополя танцевали в воздухе. Но, слушая Шопена, я забыл о ветре, и мне казалось, будто невидимыми пальцами невидимо сам Шопен играет на листиках тополя. А когда радио кончилось, я все глядел на движение листиков и по-прежнему слышал Шопена.

10 мая. Вечером были у Коненкова.

11 мая. Вечером были в консерватории на Requiem Моцарта.

16 мая. День был такой прекрасный, что я подумал: «Есть на свете много такого, что получше моих сочинений», и, уложив работу в стол, вышел из дому.

22 мая. В писательстве самое трудное это разобраться верно в своих материалах и знать каждый, когда и где его можно взять. Есть материалы, над которыми работать можно во всякое время, скажешь им: «Надо!» — и они слушаются.

Но есть такие материалы, и притом самые лучшие, составляющие в золотом сплаве самое золото,— они воле нашей не подчиняются и в работу идут при условии, если и мастеру и им самим вместе идти хочется.

23 мая. Холодно, и за весь май черемуха не успела отцвести, и вишни все бутонились и только сейчас стоят в полном цвету. Яблони еще в бутонах, сирень в кисточках. Нынче на заре чуть-чуть не дошло до мороза. Но никогда еще не было здесь столько соловьев.

Вчера вечером слушал соловьев и наслаждался не переживанием детства, а так, как оно сейчас: за черной пилой леса золотая заря, над зарей облака тяжелые, синие, и по синему красные борозды.

2 июня. Приглашают на конференцию о сказке для детей, чтобы поднять на ней вопрос о создании сказки советской. Огорчительно, что я не попал в число авторов, работающих над сказкой. А мне кажется, что я это действительно кто создал новую сказку («Кладовая солнца», «Лисичкин хлеб» и др.). Может быть, только в этом и есть моя заслуга.

5 июня. Мои именины.

Не бывает в нашей природе лучше, как в день моего личного праздника Михаила, князя Черниговского *, по-старому 23 мая, теперь 5 июня.

Около этого дня кончает цвести своими мелкими тревожными цветочками заячья капуста, и когда ее увидишь впервые спокойной, то и сам узнаешь в себе начало спокойствия летнего после бурного цветения весны.

Начинается эта весенняя тревога с тем первым февральским лучом весны света, когда этот луч дает на снегу голубую тень. Сколько всего пробежит, прошумит, пролетит, пока золотые цветы на лугу начинают переделывать свои солнечные лепестки в крылатые семечки одуванчиков.

Приехал со стройки Волго-Дона N и рассказал о «чудесах», вроде шагающих экскаваторов, но чудеса эти, к моему огорчению, не тронули мою душу. Мы перешли на разговор о его стихах.

— Мне нравятся ваши стихи,— сказал я,— но мне хочется, чтобы вы не так связаны были внешними материалами и как поэт были бы свободны.

N спросил меня:

— А как вы представляете себе свободу поэта?

Я же так ответил на вопрос о свободе поэта.

— Вот,— сказал я,— пусть лежит перед нашими глазами целина. Несвободный поэт прежде всего по своему заданию смотрит на эту целину и разбирает, где целина эта поднята и где она не поднята. А свободный поэт обратит внимание на дроф, летающих над целиной, и понимает по дрофам, что целина, где они прошлый год устраивали свои гнезда, поднята, и им надо искать новые места для своих гнездований. Свободный поэт пишет о дрофах, а читатели думают о поднятой целине.

Писать, глядя в упор на предмет, много легче, и даже совсем без таланта и особого труда над управлением своим талантом можно писать, и эту способность писать без таланта называют мастерством. А свобода поэта состоит в великом труде управления своим талантом

Так я понимаю свободу поэта: у мастера вещи делаются, у поэта рождаются, у мастера только одно мастерство, у поэта талант, мастерство и, главное, поведение, без особого поведения в отношении таланта не может быть свободного поэта.

— Я тоже так понимаю свободу поэта,— ответил N.

6 июня. Наибольшая тайна в творчестве — это самовоскрешение в завершенности формы... Это самовоскрешение происходит в плоскостях, поднимающихся от земли и до неба: на нижней плоскости, на земле — цветы, на небе — облака, от земли и до неба лестница от материи к духу... Не то я хочу сказать, не так...

Воскрешение есть возникновение формы, но форма может быть только призраком, а не существом. Мы ищем существо в форме и называем его содержанием.

Поведение художника относится к содержанию, или к материи, или к существу. Мастерство относится к форме. Мастерство является делом воскрешения у художника при наличии поведения его, образующего содержание или существо.

15 июня. Первый мой читатель — это я сам; когда проходит сколько-то времени, и я же делаюсь своим собственным судьей. Не раз случалось, что первый я написавший в «само-забвении» что-нибудь, ходит удовлетворенный собой до тех пор, пока не является «я-сам» и, прочитав написанное, разрывает рукопись на мелкие клочки и бросает их в корзину.

Так распадается в творчестве один и тот же человек на двух, на писателя и на читателя. Первое я — это мечтатель-писатель, а второе я, или я сам, — это читатель и хозяин.

То же самое происходит потом и в обществе: я остаюсь как я, как писатель, и мало-помалу определяется в обществе «ты», как читатель мой, или, как я его привык называть, «мой друг», в том смысле, что он есть как бы другой «я», живущий от меня отдельно, имеющий право суда над моими делами.

Эти два лица: писатель и читатель, я и мой друг, являются основными агентами творчества.

Из всего творческого процесса наиболее удивительным и, наверное, очень сложным является это разделение себя самого на писателя и на своего читателя, на творца и на его судью.

19 июня. Живыми выходят из Толстого образы потому, что он их по-матерински вынашивает, а не сбрасывает, как при заказах, на скоростном соревновании.

21 июня. Расстаешься на три дня с природой при поездке в Москву, и все встречает тебя, как будто год не видались. Значит, расставаться надо, но также надо и встречаться.

Так и живут люди все: непременно все расстаются, и одни, расставаясь, уверены в том, что встретятся: это счастливые, здоровые, хорошие люди. Другие не верят в то, что встретятся: это несчастные, озлобленные.

26 июня. В каждом живом человеке больше или меньше, и хоть бы только чуть-чуть, есть два душевных течения, одно гонит тебя вон из дома в неведомые дали, к неведомому другу. А то придет время, и второе течение гонит тебя в дом, неудержимо хочется жить, как все живут, и тогда рад бы вести разговор с любым человеком.

Спросишь себя сейчас: в каком я душевном течении, и не сразу ответишь. Если писать автобиографию, хочется сказать, что первая жизнь моя проходила в течении из дому, а вторая — возвращением в дом.

7 июля. Закончил для «Огонька» рассказ «Дневник писателя». Вернее, приспособил для «Огонька» из написанного на последнюю тему о «творческом поведении».

Эти ежедневные мысли привели меня в негодное состояние, и Л. уложила меня на три дня в постель на веранде. Ныла грыжа, в глазах даже от газет сверкали молнии, на сердце лежал неминуемый час расставания, и в этом холодном свете равнодушия к жизни показывается наша любовь земная — какая это любовь! и вся любовь, даже и зло жизни, и люди злые на расставании остаются в любви.

Страшно, что никакого интереса не унесешь с собой к тому, что так страстно делал всю жизнь, чего домогался, чем болел. Напротив, хочется даже все сжечь,— таким оно кажется мелким, ненужным.

8 июля. Итак, я произнес «поведение» против мастерства и мысль свою подпер именами Толстого и Горького. Но это мое поведение никак не то, что выходит из Толстого и Горького.

Мое «поведение» относится к самому творчеству, направлено к этике художника в отношении самого дела и стоит против того, чего не было у нас в прежнее время.

9 июля. Моя тайная тема, отвечающая мне самому, есть: «не о едином хлебе жив человек».

10 июля. Что меня в свое время не бросило в искусство декадентов? Что-то близкое к Максиму Горькому. А что не увело к Горькому? Что-то близкое во мне к декадентам, отстаивающим искусство для искусства.

Само по себе искусство для искусства — нелепость, как нелепость искусство на пользу.

Искусство есть движение, современное жизни, с постоянным качанием руля то вправо — за людей, им на пользу, то влево — за себя. Само искусство без всякой мысли о непосредственной пользе.

12 июля. Вчера пробовал читать «Осудареву дорогу», и эта книга мне показалась картиной моей борьбы и моего поражения. Решаю прочитать всю книгу с карандашом и отметить все там, где я сам уцелел как художник, и попробовать на основе этого материала сделать *новую* вещь.

Надо помнить, что основная тема нашего дня — это человек, как живая душа, подчиняющий себе машину, это старая моя тема: Вакула-кузнец перекрестил черта и слетал на нем к царице за башмачками для своей невесты.

А разве не в моем собственном счастье содержится счастье всех? Вспомнить только свою влюбленность, когда все были так хороши! Не это ли состояние *каждого* (как возможность) является величайшим сокровищем, и не этому ли «счастью» мы все обязаны служить: все служить счастью каждого.

Не это ли возможное счастье каждого в служении своему слову я берег, хранил и посильно сохранил и показал в своем слове.

Значит, на этом скромнейшем пути в моей жизни четко означалось *направление* (*«поведение»*).

15 июля. Хорошо бы переделать «Государеву дорогу», вернее, осуществить замысел самый первоначальный: изобразить рождение коммуниста в мальчике Зуйке на фоне крушения старого мира и борьбы и восхождения нового. Мудрость автора должна сказаться в том, чтобы дать картину возможного коммунизма, в который все мы верим, который должен победить, и отделить его от картины провалов на пути к цели.

Но дело в том, что в моей душе содержится, как возможность, евангелие коммунизма, и оттого все, что ниже его, все, что есть заменитель, как «подходящее», не выйдет из-за моей совести. Я должен писать во весь рост своих возможностей, своих достижений.

Надо сделать так, чтобы эта работа была независимая, спокойная, неспешная и современная, то есть в са-

мый серьез собирала и выводила современность в ее высшем смысле.

17 июля. N делает ту же ошибку, как Лев Толстой: путем логическим хотят сократить путь своего таланта. Так и Гоголь.

Назови же мне хотя бы одного, кто вместил бы сам себя, и весь живот свой, и все мысленные догадки свои в образ такой же простой и величественный, какой ощущаем мы в себе, когда бываем просты, как дети...

Вот куда ведет моя мысль о *поведении* творческом, а мастерство — это служба.

Стремление художника сделать живое существо вместо себя, живого, и в нем, живом, умереть — и есть стремление к достижению своего бессмертия при жизни.

18 июля. Начинает складываться возрастная духовность, и я могу проследить медленное ее наступление с детства, когда еще мог рвать пальцами птицам головы. Теперь приближаюсь к пониманию права на жизнь каждого существа и к отвращению к убийству.

Начинаю больше понимать тех, кто выступает против охоты (женщин).

19 июля. Игра — это есть допускаемая ложь: «будто правда». Этой игрой и наполнена основная жизнь ребенка, и это же детское «будто» сохраняется у художника и переходит в большую сознательную игру, называемую искусством.

Напротив, прямой путь без всякого «будто» к правде называется поведением.

Мы родимся на игру, а нас учат поведению.

Пришел к сознанию того, как это трудно, как это опасно и каким это надо быть чистым человеком и большим художником, чтобы написать по себе о поведении художника.

20 июля. Читаю «Фауста» и нахожу много сказанного, о чем сам собираюсь сказать в том расчете, что если я по-своему скажу, то оно выйдет, как новое. Но, конечно, этим одним только *своеобразием* нельзя жить.

Вакула-кузнец (Гоголь), летящий на черте, есть не что иное, как Фауст на Мефистофеле. А в свое время, по молодости, сколько своих провинциальных чувств я посвятил этому кузнецу!

30 июля. Слушаешь сонату Бетховена, как будто смотришь в себя самого. А когда слушаешь Листа, то смотришь на сторону и там узнаешь себя по людям, что у них делается тоже, как и у тебя.

Для меня национальность поэта является источником его поэзии, но сама поэзия, как река, течет в океан. Я доказал это в отношении описания природы: своим личным прикосновением я уродняю всякую, совершенно мне чуждую природу вроде Севера или Дальнего Востока. Чего же больше?

Немец способен на всевозможное и в этом лучше всех во всем мире. Русский в возможном недалеко ушел, но он, как никто, в невозможном («чудо»).

5 августа. Пишу сначала «Государеву дорогу», и мне это нравится. Я надеюсь так написать, чтобы сказка моя складывалась при свете современности. Стараюсь фонарик свой зажигать современностью, и первый вопрос современности — это что «ты» больше «я», мир больше наций...

7 августа. Вчера после обеда был на короткое время проливной дождь, и после него к вечеру на низах стал подниматься туман.

Мы ехали на машине в Дунино *, и в душе моей при виде этого тумана поднимался весь туман всей моей жизни, и я видел себя в нем, как будто весь этот туман — вне души, и только я один в нем, воплощенный в материю, брожу и силюсь, силюсь, и все не могу то ли увидеть что-то сквозь туман, то ли вспомнить что-то в себе...

13 августа. Я сказал молодым почитателям Маяковского:

— Только вы должны понимать, что Маяковский сделался нашим не силой поэтического кривляния и фигурантства, а силой внимания к грядущей народной жизни и смирения. Я знаю это по Блоку и по себе.

16 августа. Мы сживаемся с Дунином и делаем из него мало-помалу родину.

17 августа. Такое задумчивое утро, что кажется, будто и петух кричит тем самым словом, какое держишь в уме.

18 августа. Тема моя: история души мальчика Зуйка в своем движении от обаяния религии к правде, от разделенности души на «хочется» и «надо» к «самому хочется того, что надо для всех». А надо для блага

всех меч, обращенный острием на всякую подмену правды.

25 августа. Матовое небо с бледно-голубыми полосами и полянами по кремовому небу. Тишина утром совершенная, и в тишине общее ожидание решения.

— Нет!— сказал художник,— войны не будет.

А там в тишине ему ничего не ответили ни деревья, ни кусты, ни трава.

И мы тоже задумались в этом.

31 августа. Русские люди тем хороши, что разные, и оттого все ждешь какого-то очень хорошего.

И он, бывает, показывается...

2 сентября. Чудесные дни «осени первоначальной» продолжаются. Блестит в окне роса, и рождается от нее спокойствие и душевный порядок. Но тут же появляется и вопрос: «А может быть, не роса вызвала порядок, а сам порядок мой собственный привел в движение мое внимание и я увидел (обратил внимание) росу?»

С этой темой я родился на свет.

Для себя человек может и не умирать, но для другого он умирает (все умирают). Так что бессмертие обязательно субъективно, а смерть обязательно объективна.

8 сентября. Во мне самом временами как бы расцветает чувство мира, и если в нем удастся мне что-нибудь написать, то оно всегда свидетельствует о мире и привлекает ко мне читателей добрых. Сложив все удачное, мне кажется, я могу ощущать свою долю мира, отданного мною на пользу людей.

Не это ли только одно и остается потом от писателя? Но что это Шекспир? Тоже мир душевный или игра?..

Боже мой, ничего я не знаю и всем осеняюсь...

Не был я горбатым никогда, но писательский путь я прошел, как горбатый, и убедил всех в том, что я не горбат. Так мне и выпало на долю истратить жизнь в доказательство того, что я не горбатый.

Разве только одна в этом польза и смысл, что пусть люди знают, как же это хорошо быть не горбатым и что каждый прямой путь дорожит своей прямотой.

Чрезвычайно просто это чувство радости жизни и всем доступно. Вероятно, и я вышел в люди (в писатели) благодаря смелости пользования простотой чувства радости жизни. Я скорей всего прост и глуп, как Иван Дурак.

Есть вещи, положенные на вашу долю, лежат, вас дожидаются, пылятся и портятся, а вы по сторонам ищете, хватаетесь и чужое за свое выдаете.

12 сентября. Твардовский прислал отказ моей «Сыроежке».

При неудаче является сладкий соблазн признать невозможность писательства и послать его к черту. Но ведь есть же отдельные борцы-победители в разных областях, пусть их мало, но именно и спрашивается теперь с нас то самое, чего мало...

Лучше всех дела у доктора Филатова: придет к нему человек слепой, а уйдет зрячий. Мы тоже в какой-то мере могли бы давать людям свет. Давайте!

13 сентября. На чем я стоял всегда,— это была глубокая, неисследимая в себе уверенность в чем-то общеобязательном для всего человека, достойном его, хорошем чем-то и очень простом. Условно, вре́менно и как бы лишь «на словах» я готов, бывало, поддаться всякого рода скептицизму, согласиться с кем угодно и на что угодно. Только про себя и совсем расстаться со страхом и тайной я не мог и оставался там в пребывании, как остается годами, не прорастая, спящая почка.

Есть в свойствах этой спящей почки какая-то общность переживаний, и в этом радость.

15—16 сентября. Кто-то спросил удивленно: «Разве вы еще постреливаете?» Кто-то сказал: «Вы еще пописываете?»

20 сентября. Говорили о дневниках Толстого и нашли в них общее с моими в том смысле, что эти дневники пишутся с целью самопознания и что процесс писания таких дневников есть разговор с самим собой.

Сила и слава таких дневников в том, что они пишутся по необходимости роста сознания и только для этого. Я лично не уничтожаю их только потому, что, кроме самопознания, учусь в них просто писать и написанное часто мне потом годится.

В моих дневниках, как священная обязанность, содержится требование писать хорошо. В этом требовании обращения содержания в форму содержится этика художника: не оставаться с написанным на «после себя», а выходить в люди (что мне, или какое мне дело к тому, что будет после меня? Как это скучно устраиваться с чем-то на после себя).

21 сентября. Вы знаете, как человек собирается с силами? Он собирает силу внутри себя, в убеждении, что все зависит от него самого и все для этого в нем есть, нужно только собрать.

И если кажется минутами, что этих сил всех в себе нет и надо взять их на стороне, то почему бы их и не взять, если они сами к тебе просятся.

Бери их, и складывай все к одному, и никогда не говори, и не думай, и не чувствуй в сердце своем, что кто-то мешает тебе и в этом не ты сам, а кто-то другой, кроме тебя, виноват: время там переходное, или сезон, или судьба, или закон.

23 сентября. Так, значит, я написал несколько томов дневников, драгоценных книг на время после моей смерти. Мне, однако, остается большая работа для отделки этих книг. И вот моя рабочая жизнь теперь разделяется на две части: одна часть для печати при моей жизни, другая — после. Вопрос: какой частью работы я больше дорожу, той большой, которая будет напечатана после меня, или той маленькой, которая еще может быть написана и напечатана при мне.

Какой может быть разговор: конечно, на первом месте мое маленькое живое. И не знаю, может быть, если бы никто не знал, я бы все, что остается на после, очень бы недорого променял на возможность написать и напечатать что-нибудь при себе.

24 сентября. Были на свете и Лютер, и Толстой, и Шекспир, и Гете, и мало ли кто! И все они всю свою жизнь по внутренней необходимости, как лошади за молотильными водилами, ходили по кругу за своей мыслью — водилом.

Это были великие люди, а я — какой я великий! а тоже за тем же водилом иду и знаю хорошо, что только за то и называют меня большим писателем, что я за тем же большим водилом иду.

27 сентября. Дорогой друг! ты будешь жить после меня, и тебе я буду писать и писать свои правдивые слова о том, чего все так ужасно боятся. Я и сейчас уже об этом могу сказать, что боязнь эта свойственна молодости и она значит только, что жить еще хочется.

Мне сейчас еще очень хочется жить, и я еще боюсь своего конца, но характер этой боязни стал какой-то иной. То был страх безотчетный и глубокий, как умирают весной, теперь, осенью, я знаю, что умирать нужно,

что без этого не обойдешься, и хотел бы, первое, что-то закончить, к чему-то прийти, и второе, поменьше бы собою огорчить близких людей.

28 сентября. Первый мороз. Всегда об этом первом морозе говорят «сильный».

— Мороз! — говорит один.

И другой отвечает непременно:

— Сильный мороз!

А всего минус один. Солнце врывается в лес белыми снопами. Тени лесные ложатся на луг, и в этой тени мороз сохраняется: тени на лугу от мороза белые, и от кочек, и от всего тени белые. На поле картошку копают. Воздух бодрый, и вкусный, и звонкий.

Раньше, бывало, такой чудный день утром я прячу в себя, сам же сажусь, крепко сажусь и начинаю писать. А теперь я говорю себе:

— Вот еще! буду я терять такой день, немного их таких теперь мне осталось.

Это значит, пришло мое время, лет мне много, силы падают, я падаю и дорожу своим днем для себя: я стал, как сухой лист.

5 октября. Животные потому нам часто смешны и еще чаще мы сами из них делаем смешное, что мы тоже животные, ближе стоим к ним, чем растения, и мы можем их понимать по себе.

Растения мы можем понимать по себе в исключительных случаях вроде того, как у Толстого кн. Андрей, влюбленный в Наташу, понял зеленеющий дуб или как Пушкин понял в молодых соснах новое племя и послал в стихах ему свое человеческое «здравствуй!».

6 октября. Друг мой! я один, но я не могу быть один. Как будто не падающие листья шелестят над головой моей, а бежит река живой воды, и необходимо мне дать ее вам. Я хочу сказать, что весь смысл, и радость, и долг мой, и все только в том, чтобы я нашел вас и дал вам пить. Я не могу радоваться один, я ищу вас, я зову вас, я тороплюсь, я боюсь: река жизни вечной сейчас уйдет к себе в море, и мы останемся опять одни, навсегда разлученные.

Я кричу! Но мой крик в золотой пустыне возвращается ко мне обратно, и я, как первобытный дикарь, древнейший человек, делаю из глины первый сосуд и заключаю в него для друга моего пробегающую жизненную силу.

И это все равно: там была вода и глина, теперь у меня дух мой и слово, и я из слова делаю форму.

Конечно, это ветерок дунул, но нам было, будто липа это сама кашлянула и вдруг вся осыпалась.

Из лесов на опушки вышли первые воины в медных доспехах.

8 октября.

Я стою и расту — я растение.

Я стою, и расту, и хожу — я животное.

Я стою, и расту, и хожу, и мыслю — я человек.

Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля.

Опираясь на землю, я поднимаюсь: и надо мною небо, все небо мое. И начинается симфония Бетховена, и тема ее: все небо — мое.

Сумерки сегодня были теплые и тихие. Я сидел у реки, и пока смеркалось, мне казалось, что лишнее мое все понемногу расходилось в сумерки и оставляло меня больше и больше, пока, наконец, я совсем не осмеркся.

Мне было так, будто у меня осталось только детство, что я после всего наконец вернулся в него, но только оно теперь лучше, и экзаменов больше не будет.

15 октября. Какой был вечер вчера! Налево на западе река цвела после заката октябрьским цветом с подзолотою, на востоке река лежала подмесяцем в его полнолунии. Было две реки, как две души: в одну сторону — человека под конец жизни в его робкой надежде на будущее, в другую — души там, на том свете, где мы все когда-нибудь будем.

Туда и сюда, на запад и на восток, я поминутно повертывался как будто в поисках точки зрения, откуда можно было бы смотреть и видеть то и другое.

17 октября. Вообразить рай можно по себе, по той минуте полной душевной гармонии, какую многие, если не все люди, знают в себе.

На простой прогулке после утреннего завтрака обыкновенный дачник встречает приход прекрасного мгновения к себе пошлым восклицанием... А художник, как раненый, хватается за кисть и в труде адском топит невыносимость своего счастья, отчего и труд его делается возможным...

20 октября. Какая же это осень была! Таких осеней не могу вспомнить. Не хватало мне только череды лег-

ких утренних морозцев с открытыми небесами. Помню их только два.

В Москве после Дунина в большой квартире чувствовал себя как в тюрьме запертым, и жизнь началась у меня теперь как бы на пятачке.

27 октября. Пришел торжественный день осени, безоблачный, тихий. Я чувствую в таких днях торжество внутреннего глубокого существа, победившего внешние страдания.

1 ноября. Начинаю чаще и чаще уходить в музыку: вот область, куда можно уходить, уезжать, путешествовать там без огорчений от грубого вмешательства нового в старое: вынь да положь!

Мне кажется, что сейчас степень продвижения нового, назовем его идеал миром во всем мире, измеряется степенью усвоения старого: ведь и тогда настоящие борцы за мир были и оставили нам великие богатства.

Сам себя начинаю в прошлом своем понимать тоже как борца за мир, и чем больше так понимаю себя, тем ближе становится мне современность.

7 ноября. В слове есть скрытая энергия, как в воде скрытая теплота, как в спящей почке дерева содержится возможность при благоприятных условиях сделаться самой деревом...

Сегодня к вечеру я внезапно заболел...

18 ноября. 14 ноября меня увезли в Боткинскую больницу, и тут, когда выносили меня какие-то страшные и подвижные мускулистые люди, вроде лемуров, по лестнице на носилках, я видел в дверях везде щелочки и слышал даже раз: «Пришвин, кажется, умер». Ущемило сердце, но сердце мое знало, что я не умру.

Впрочем, температура и еще какая-то дрянь влекли мое сознание к эгоизму, и сосредоточивался на своих ощущениях, мыслях о себе, но что должна в это время переживать Л., совершенно забыл.

24 ноября. Художник Никольский пробился в больницу и продолжает писать мой портрет. Кругом говорят: «Как похож!» Но он гораздо больше, чем просто похож: это первый портрет, который мне нравится, и кажется, будто это я сам его написал.

5 декабря. Сегодня приходила мне знакомая мысль о преобразовании природы, что мы в этом деле непре-

менно должны воздерживаться брать на себя то, что может сделать сама природа, и что это исходит из требования распорядка *неизбежного* сотрудничества живых и мертвых.

11 декабря. За время моей болезни Ляля нашла в себе чувство жизни в том, что хоть денечек да мой или «довлеет дневи злоба его». Меня это удивило, потому что сам давно уже этим живу и даже поэтому ей и прозвище дал «Денечек».

12 декабря. Мне вспомнился рассказ капитана О. о том, как он мои охотничьи и детские рассказы читал у себя во флоте своим морякам и они, поняв мою ощутимость материи, сказали:

— Вот настоящий марксист!

13 декабря. Когда внутреннее и душевное состояние определится на бумаге в словесной форме, самому же автору кажется это воплощение своей обыкновенной мысли или там чего-то в форму каким-то чудом, явлением чего-то сверх себя самого и небывалым.

В этом и есть очарование творчества: кажется, будто ты не один делал, а кто-то тебе помогал.

30 декабря. Все так, но мои 80 лет никуда не денешь, всякое роэ ничто перед этим, и самое главное для меня теперь — это про себя тихонько, осторожно, добиваясь полного и разумного спокойствия, собираться — это теперь главное мне дело: собираться тихонько. Но боже сохрани! кому-нибудь (кроме Ляли, конечно, у нас нет тайн) об этом говорить. Напротив, нужно «делать вид» и учиться этому, будто собираюсь не уходить, а жить. Оно, впрочем, так и должно быть: буду же я, хотя и по-другому, жить, и не умирать же я собираюсь, а по-настоящему, как всю свою жизнь хотел и сейчас и всегда жду. Боже мой! дай мне только здоровья, чтобы оно поддержало силы мне, чтобы юношей, а не стариком войти в новую жизнь и там бы все мое лучшее нашло свое место и процвело.

Да, но так и есть, моя смерть есть частный случай... какой-то холмик в высоких деревьях, последняя видимость, за которой, уходя, скрывается от всех глаз путник жизни.

Как не понять, что мы все туда идем, к тому холмику в соснах, и если мы сейчас не там, а только здесь, то ведь только потому, что еще туда не дошли.

1 января. Весь день мокрый, редкий и очень мелкий снег. Я вышел утром из дому и встретил Л. на горке между двумя охранными будками, и мы, кажется, не забыли поздравить друг друга с Новым годом. Стало сильно тянуть из Барвихи *, и, говорят, это лучший признак выздоровления.

4 января. Что, если сказать так: характер, например Дон Кихот, как единственное, неповторимое существо создает автор, в этом случае Сервантес. А тип Дон Кихота делает читатель: от этого единственного характера пошли донкихоты как дети автора и читателя.

Критики почему-то в большинстве случаев разбирают творчество авторов не со стороны характеров, а со стороны типов данного времени.

Если же автор гоняется за типами своего времени,— то что получилось с Боборыкиным * и что умаляет Тургенева, как человека зависимого.

7 января. Вошел в лес (уснувшие потоки тишины). Вскоре в засыпанном снегом лесу по свету стало понятно, что солнце невидимкою борется с серыми, непросветными тучами: как будто чуть-чуть стало просвечивать и веселеть.

Пусть не видно на небе огня, но все-таки чувствуешь: огонь есть за тучами, и знаешь, в какой стороне. Дальше больше, дальше больше, и уже белые деревья стоят осиянные, а сияния солнечного на небе еще нет. Потом ясно определилось, где, в каком месте неба происходит борьба света и тени. А дальше на небе тучи как будто испугались этой борьбы и стали разбегаться, открывая синее небо. И через какое-то время солнце как будто поняло, что не стоит бороться с этими упрямыми тучами, и просто вышло на синее. Вот тогда и зажглось в лесу Рождество, какое видел я Рождество!

10 января. В Москве крыши беленькие, а улицы черные. Вчера на роскошном автомобиле вкатил в Москву, как в море огней, и это было совсем не то, как в Барвихе, и заря и луна померкли от фонарей.

Тут вообще нет ни луны, ни зари, тут нечего закрывать, тут сами огни, и в огне человек.

15 января. Рассказывая друзьям о переживаниях в больнице, так я в них определялся: с самого начала и

до конца у меня не было ни малейшего сомнения в том, что я выживу.

Но когда я после узнал о грозной опасности и как ее переживали близкие люди, я стал думать, что моя уверенность «не умру», может быть, является чувством бессмертности самой души моей как чего-то главного во мне, не подлежащего смерти. И если бы я для близких умер, то душа моя во всем существе, как она была, так бы и дальше с этим пошла. О, если бы это было так, и почему этому не быть!

16 января. По правде говоря, наша обывательская вера (о, сколько нас, обывателей!) имеет идеалом своим достижение жизни хорошей, то есть покойной, сытой и веселой. В направлении к такой жизни делают усилия, и потом оказывается, при достижении, что эта гармония жизни или не удалась, или сама по себе неудовлетворительна. Вот тогда-то и начинается разговор о жизни *иной.* И некоторым удается найти такое иное счастье, вроде радости всех скорбящих, в искусстве, в науке, в особого рода повышенной деятельности.

Старость бывает разная, одни старики «впадают в детство», другие постепенно, сознательно и радостно возвращаются к нему.

Это очевидно, что в детях мы любим не просто одно то, что они маленькие. Мы любим в них именно то прекрасное, что было в нас или около нас в нашем детстве. Мы любим в детях то самое, что храним в себе с детства как лучший дар нам от жизни, и эту нашу прелесть стараемся по-разному воплотить: одни, и этих большинство, определяются с этим даром в семье, другие, кому семейное счастье недоступно, достигают его в искусстве. Третьи, не исчерпываясь до конца ни в семье, ни в искусстве, хранят своего младенца в себе до глубокой старости, и это их делает мудрецами.

18 января. Начал новую переработку «Осударевой дороги» и благодарю всех, кто не дал ее до сих пор напечатать.

19 января. Переписчик Л. Толстого переписал мой дневник за 1941 год. Думаю, что если очистить его от неудач, и так бы сделать лет за десять, и очищенное собрать в один том, то и получится та книга, для которой родился Михаил Пришвин.

21 января. Л. до того трудно и противонравственно что-либо скрывать от меня, что если приходится иногда, то я сразу узнаю у ней по лицу: она тогда бывает, как неопытный палач после казни.

29 января. Надо писать дневник так, чтобы личное являлось на фоне великого исторического события, в этом и есть интерес мемуаров.

А события исторические есть всегда... если же нет сейчас видимого, то нужно найти невидимое.

31 января. Бывает, когда снег идет, дворники успевают сгребать его в кучи и машины увозят — хорошо это бывает, и так это надо бороться с заносами. А то бывает такая метель, что и дворники и машины отступятся, и утро придет в Москве чистое, беленькое,— вот тогда забудешься от всяких забот, и тогда Бог с ними, с заносами! — пусть заносы, а как на душе хорошо!

5 февраля. День моего рождения в 1873 году — семьдесят девять лет!

9 февраля. Читаем и приводим в порядок дневники. Из трех лет, 40-го (первого) года, 41-го (войны) и 42-го (войны), я делаю том дневников «Мы с тобой», имея в виду раскрыть полное значение «Ты», захватив, конечно, в это «Ты» и читателя.

10 февраля. Работаю над моими дневниками 1940—41-го годов, читаю внимательно, стараясь понять, к чему ведут записи. Заметил до сих пор темы: 1) Раскрытие существа личности (тема с детства). 2) Творчество как поведение. 3) Любовь как рождение или утверждение личности (тема «Мы с тобой»). 4) Проблема счастья (быть, как все хорошие люди).

Поэзия бросает лучи свои во все стороны, и один из них проходит сквозь правду и освещает ее изнутри. Такая правда редкая светит для всех наравне со светилами, а искусство такого художника является личным его поведением.

11 февраля. Проводили вчера золотой день, а сейчас опять февральская метель крутит и мутит.

Читаю дневник первого года нашей встречи, когда я вначале интересничал перед ней художественными письмами, а она все такое совсем с литературой отвергала и говорила, что «чуть-чуть» чего-то не хватает, чтобы эти наши отношения назвать бы любовью, и что в <конце> концов «все такое» сгорит, а любовь не сгорит, и нам *это* надо.

14 февраля. Вы, философы, называете то, чего я добиваюсь, вероятно, *сущностью,* а я это по-своему, в простоте, называю веществом жизни.

Можно всю жизнь докапываться до этого вещества, но понять его можно только, если оно явится в какой-нибудь форме: почка ли это на ветке любимого дерева, или заяц выскочит, или тень колеблемой веточки, играя на сером стволе осины, обратит на себя внимание художника, или все равно что: лев или тигр, дом, колокольня, река, гора, месяц, звезды — все одинаково формы единой сущности, вещества жизни, и каждая форма есть язык вещества жизни.

15 февраля. Наверно, можно найти много примеров и в животной природе подобного нетерпения жизненного вещества в стремлении своем соединиться с Целым, примеров жертвы собою за целость стада или потомства. Но только человек, как высшая форма, создал разумную систему преодоления бытия особи в целях скорейшего воссоединения жизненного вещества.

На этом пути преодоления естественной формы была создана чисто человеческими руками «идеальная» форма человеческой личности, бессмертием души своей соединенная с вечной сущностью жизненного вещества.

Так, значит, есть на свете два наших рассказа, один о бывалом, другой о том, чего еще не было. Моя мечта рассказать людям о том, чего не было, и это, мне кажется, должен быть рассказ не о ком-то и о чем-то (это, может быть, и правда все было!), а о себе самом: меня ведь до меня самого не было.

17 февраля. Помню, мы в Хрущеве стояли все по стенам: мама, Дуничка, Коля брат, сестра, кажется, и брат Сергей, и еще кто-то, и еще и еще... Умер брат Александр, и мы, стоя у стен, ждали о. Афанасия. Когда же священник вошел, то он быстро, на ходу, как-то скороговоркой, и каждому было, как будто ему показалось или плохо расслышал, что будто бы о. Афанасий сказал, повторяя: «Нет утешения, нет утешения». После отпевания мы все говорили друг другу:

— Не показалось тебе, будто о. Афанасий сказал: «Нет утешения»?

— Мне тоже показалось,— отвечал другой.

И потом все вместе сошлись и утвердились прочно, и у каждого осталось на всю жизнь это: «Нет утешения».

И что так бывает в жизни, когда <надо> отказаться от утешения чем-нибудь при утрате, как от замены чего-то единственного и неповторимого.

3 марта. С утра на воздухе мягко и серо. Привыкаю ходить по комнате. Читаю дневники. Просачивается охота взяться и сразу единым духом написать вторую книгу «Кладовой солнца» (лесная повесть) с целью собрать в единство все насмотренное и записанное в лесу. Начнется с того, что к детям в Усолье дошел слух, что отец их жив, и они отправились искать его.

4 марта. Великий день весны света. Начало образования наста: люди поверх снега пошли, звери, мышки... Какой уж там мороз в нашу сиротскую зиму, но все равно одно окно плотно заделано морозом, другое в цветах, и сквозь цветы солнце весны света.

8 марта. Вечером изъяснялся Гидаш *. Говорили о Гоголе и перешли к <Л.> Толстому, и я сказал, что Толстой умер слишком молод и не знал настоящей любви. Это было ему непонятно, он возражал. А когда я сказал: «Такой любви, как у Ромео и Джульетты»,— он вдруг что-то понял и воскликнул: «Романтизм?» — «А почему бы и не романтизм?» — «Возрождение?» — «А почему бы?» Он задумался и ответил: «Только совсем по-другому, совсем не как было» — «Именно,— ответил я,— конечно, надо делать такое, чего еще не было».

10 марта. Можно так смотреть на мир, что он есть мир быеалого и все, что в нем есть, все было: и Америка была до своего открытия, и атомы вертелись без нашего спроса до открытия атомной энергии, и так было всегда решительно все, что у нас теперь есть. Однако через всю эту массу мира бывалого проходит у нас на земле свой особенный Млечный или Птичий путь к небывалому. Нет такого живого прутика, былинки, жилки на листе, черного пятнышка на красной божьей коровке, чтобы в точности складывался с черным пятнышком другой божьей коровки, или жилки с жилкой, прутика с прутиком и лист с листом.

Движется солнце, и все бывалое, что под солнцем, живет, движется к небывалому, и вся наша жизнь в каждой душе человека складывается и как бывалое, и как движение к небывалому.

Разрабатываю дневник 40-го года и про себя готовлю вставки из нынешних размышлений о пережитом.

Например, раскрыть тему о вечной девственности (новая любовь — новая девственность).

11 марта. Дон Кихот всегда был и бывает, случалось даже, мужик, погоняя свою худую клячонку, кричит на нее:

— Ну, пошел, Дон Кихот!

Дон Кихот всегда и везде был, и его только открыл для всех Сервантес.

16 марта. Вчера весь день — и солнце село, все было в сиянии, все было, как осанна! И весь день по ярко-белому в звездах и голубому ходили мы по земле, как в небесах.

18 марта. С утра до ночи вчера с солнечными перерывами и валил, и тихо летел, и косо падал снег. Сегодня все продолжается, та же самая зима в солнечном свете. Вчера познакомился с художниками: Куприяновым, Крыловым, Соколовым (Кукрыниксы). Очень хорошие, глубоко внимательные к природе люди. Вечером напомнил старое знакомство журналист и писатель на все руки N. Он спросил меня:

— Еще пописываете?

Я ответил:

— Пишу и пописываю, а читатель еще почитывает *.

После того этот писатель на дрожжах смирился и, по новой моде, стал показывать фотокарточки своих детей.

19 марта. Грачевник. 5 марта.

Солнечные снегопады изо дня в день. Начинают свое образование летние облака. Галки спарились брачно и мило сидят на сучках, носик против хвостика по ветру. На некоторых маленьких елках виснут сосульки, на дорогах возле навоза банкеты мелких птиц.

Начинается время, когда самому не надо изменяться, чтобы замечать события в природе. Там все само каждый день так изменяется, что нельзя не заметить. Только не надо пропускать прекрасное мгновение, когда оно подходит к окну, не надо завешивать окно, как мороз, своим планом. А впрочем, есть планы у человека такие, что не мешают, пусть будут планы, не надо только их завешивать. Надо встречать перелетных птиц с открытым окном...

Мороз хватил на —20°! Но какая тишина, какой воздух! Едва видимые снежинки убирают кружевами вер-

хушки высоких берез. Огромная сосулька грозится убить писателя, без разбора, большого и маленького. Воробей над сосулькой звенит и празднует весну.

20 марта. Чувство современности я понимаю не в смысле чувства времени. Часто бывает, упрямый и расчетливый газетчик какой-нибудь отлично чувствует время, но его отношение ко времени этому несовременное. Напротив, другой мало следит за временем и даже совсем не считается с ним, но он гораздо современней человека, в упор следящего за движением часовой стрелки.

В молодости я долго не понимал, как такие удивительные, небывалые существа Пушкин и Лермонтов, такие отрицатели и беззаконники, рабски тяготеют к условностям аристократического круга и в исполнении их трагически погибают.

Теперь я понимаю это как естественное влечение небывалого к воплощению, к признанию, к пониманию. И кажется на первых порах, что это признание легче всего осуществимо в той среде, откуда сам вышел. В случаях Пушкина и Лермонтова это тяготение к бывалому разрешается трагически.

24 марта. Я вспомнил знакомого художника-пейзажиста, бродящего по лесу с тяжелым ящиком красок в поисках совершенной формы. Не раз я спрашивал себя, зачем он так унизительно для себя, человека, бродит с тяжелым ящиком и складным стулом, подчиняясь медленному и случайному движению форм к совершенству. Разве, думал я, не в нем самом совершенная форма, разве нельзя ему в кабинете писать воображаемую совершенную форму в пример лесоводам, умеющим направлять движение живых деревьев к желанной форме. Не раз я спрашивал художника об этом, и он отвечал мне, что в кабинете без натуры форма получится математически совершенная, но не живая, что он не за формой гонится в лесу, таская ящик и стул, что форма, конечно, у него в голове, а ищет он в натуре воплощение своей совершенной, но только математической формы.

— Можно,— сказал он,— и вам для праздника Нового года взять шест и насверлить в нем правильно дырок, вставить в них еловые лапки, но вы не делаете так, а ищете в лесу и с трудом находите подобие той совершенно мохнатой, какую легко можете сделать сами у себя в комнате.

Говорили о восточном происхождении моей «мелкой» по внешности и глубокой по содержанию формы. Еще говорили о моей самобытности, а сам я думал о Розанове, о Шопенгауэре *, о Льве Толстом, о народных притчах, об Евангелии и что эту форму, ближе к правде, надо бы назвать притчами. И что это — притча, и чем она отличается от басни и сказки. Об этом надо подумать.

Есть аскетизм принципиальный, то есть сознательно применяемый людьми для самосовершенствования, и есть источник аскетизма естественный. Каждый организм, старея, вынужден в природе отказываться от того, за что борются между собой молодые. Старея, человек, естественно, делается лучше, потому что он освобождается от слепых страстей и тем самым входит в свой разум. Воспитание детей старшими к тому должно быть направлено, чтоб молодые уважали опыт старших и считались с их разумом, освобожденным от слепых страстей.

27 марта.— Мне очень понравилась ваша «Фацелия»,— сказал Азаров.— И мне кажется, вы сами ее очень любите.

— Да,— ответил я,— лучше пока я ничего не мог написать: это моя песня песней, но дальше мне хотелось бы прославить любовь не как песню, а как дело человеческой жизни. Я хотел бы поэзию сделать священной и себя, как поэта, понимать священнослужителем.

28 марта. Может ли наш идеал семейного счастья (разве «Война и мир» не есть живописание такого идеала и «мне возмездие» в «Анне Карениной» не выражает ли собой наказание за попранный божественный закон семьи?),— может ли этот наш идеал <быть> заменен каким-нибудь иным коллективом общественным, государственным, рабочим, творческим?

Очень много сейчас встречается любящих пар, но это никого не трогает: это любовь для себя. Значит, мы чем-то встревожены большим, чем любовь друг к другу в семье. Что же это большее, и сказал ли о нем кто-нибудь? Я бы ответил:

— Это что-то делается, но о нем еще никто не сказал, и мы что-то смутно чувствуем, делая жизнь, и некоторые уже уверены, что некто придет и все назовет, и мы тогда все поймем. Так в литературе ждут все второго появления Пушкина.

Надо не оставлять найденное мною для «Кладовой солнца» пользование в рассказе вставкой как бы новеллой-интермедией. Человеку, конечно, близок тоже человек, а не какой-нибудь торф. Но, затронув интерес к судьбе человека, можно воспользоваться необходимостью передышки и вставить повестушку о торфе, о лесе. Так делает Тургенев, вставляя рассказ о прошлом героя. Между тем у меня описывается мальчик в болоте, и я пользуюсь интересом к судьбе мальчика, чтоб дать понятие о болоте. Так можно, мне думается, открыть в поэзии дверь для знания и соединить одно с другим в понимании.

Советские неглупые писатели, не раз я слышал от них, утверждают, что от всех писателей эпохи символизма остались только Блок и Бунин, что такие поэты, как Сологуб, Брюсов, Вяч. Иванов, больше не существуют.

Мне, видевшему всех в лицо, оглушенному их авторитетом, еще не верится этому целиком, но кажется, оно похоже на правду: какие-то раздетые мудрецы — голые люди, как и все люди в бане, а одежду их больше никто не носит. Задала же баню мудрецам революция, а между тем немудрые тоже умерли, но с нами остались живущие: Есенин, Клюев *... да как подумаешь, вспомнишь, их порядочно, и Горький, и Бунин, и я сам, а друг мой Ремизов? кажется, нет: он тоже в мудрецах остается.

3 апреля. На этих людей смотрю и думаю, что они идут за временем и пройдут вместе со всем, что временно; что люди современные — это те, кто господствуют над временем. Так, например, Шекспир гораздо современнее нам, чем N, до того следящий за временем, что вчера он высказался положительно за пьесы без конфликтов, а сегодня услыхал что-то и пишет за конфликт.

14 апреля. Обиду нельзя стереть усилием воли, ее можно стереть кулаком или легкомыслием. Всякое усилие порождает Сальери.

15 апреля. Сатира — не поэзия, а только мысль, заостренная злободневно. Лично я не люблю и не понимаю сатиру, как слепой на все такое, но если те, кто видят, признают за хорошее и печатают, то и я, слепой, тоже говорю, как зрячие.

18 апреля. Н. рассказывал, что у них во Владимире один мальчик до того пристрастился к лесу, что совсем одичал, в семье только показывается, из школы его вы-

гнали и всеобщее прозвище у него во Владимире «Пришвин». Вот до чего дошла моя слава!

21 апреля. Я был совершенно чистым мальчиком, когда меня соблазняла горничная Дуняша и не могла соблазнить. К этому чему-то (вроде физической общей тайны, необходимой для разрешения каждому по-своему) я оставался всю жизнь как бы в страхе.

И потом, когда, казалось, физически все разрешилось, тайна, в существе своем, конечно, душевная, так и осталась тайной и разрешалась всей жизнью. Загадка любви оставалась в душе моей как загадка и разрешилась только в шестьдесят семь лет нынешней длительной *любовью.* Я для этого был рожден, в этой любви содержался и мой талант. Вот это самое чувство страха к физическому решению «тайны» и создало древних аскетов. На этом пути создалась в мире и Магдалина, сбросившая (как и я, например, сейчас, выясняя вопрос, сбросил все свои опыты «физической» любви) все свое прошлое при встрече с Христом. Тут влюбленность разрешается любовью.

28 апреля. Дунино. Первую радость я увидел в деревне: это была первая зелень на завалинке избушки Макриды Егоровны.

Нельзя сказать, чтобы лужайки или дорожки позеленели: и дорожки и лужайки были все еще бурые. На дорожках прошлогодняя листва еще плотно лежит, но от малейшего ветерка по лужайке старые листья бегают, как мыши. Зелень собирается на бровках лужиц, в самой луже виднеется утонувшая прошлогодняя листва, а поверх лужи торчат острые зеленые иголки.

Кукушка в этом году прилетела на неодетый лес, и вечером пробовал начать соловей.

29 апреля. Нынешней весной без дождей прямо на сухом солнце снег пыхнул, вода сбежала, и началась весна майская с кукушкой и соловьями. И как стала тогда в Москве жаркая погода, так и стоит сейчас. Этой весной испытал невыразимое мое счастье в разгар весны убежать из Москвы. Это было физическое чувство спасения в тот момент, когда вышел из машины в Дунине.

2 мая. Свет и тень нашей души: свет стремится, а тень ложится.

Иногда мне кажется, я потому не ученый, а поэт, что больше понимаю. А другой раз происхождение своей поэзии вижу в недостатке своего разумения: чего-то не хватает во мне для разумного понимания вещей, и я обращаюсь к поэзии.

Белая и желтая бабочки долго кружились друг возле друга и разлетелись: белая полетела искать своих белых, а желтая — желтых.

В старое время, и я это еще хорошо помню, дети простых людей далеко от отцов своих не уходили и занимались тем же самым ремеслом, как отцы. Зато и получалось так, что возьмется кто-нибудь крепко за свое ремесло, и семья у него крепкая, так это и продолжается распространяться, и одно ремесло наполняет весь край.

Так бывало, как грибы по лесным угодьям: березовики под березами, подосиновики, боровики,— так и люди были, в Кимрах — сапожники, в Талдоме — пастухи, и по всей стране каждая местность отличалась своим ремеслом. Лесники и сплавщики.

7 мая. Сухая весна без перемен. Ночью, проснувшись на короткое время, вспоминал свою жизнь, как я, безумец, медленно путем опыта жизненного *«приходил в себя»* и это сопровождалось радостью (мой оптимизм) и удивлением (мои писания).

Понимаю из этого, почему такие люди, как Розанов, А. Толстой, сторонились меня: они понимали, что я в себе человек и особенный, им не хотелось «возиться» со мной именно потому, что я не просто живу, а меня *несет.* Разные и по уму, и по всему, и во всем, они что-то себе нашли, за что-то ухватились, овладев тем самым, что меня просто несло.

8 мая. Леденящий северный ветер и очень сильный. Кажется, все должно остановиться и не расти и не цвести на таком холодище. Но оно не останавливается и про себя растет, и зеленеет, и цветет. Так и у нас в душе постоянно бывает при беде и болезни: от холода жизни все останавливается и для себя ничего больше не остается. Но жизнь независимо от тебя продолжается, и когда болезнь или беда пройдет и начнешь в себя приходить, то видишь своими глазами и радуешься всей душой, что, пока ты болел, жизнь и без тебя росла, зеле-

нела, цвела и теперь понимает тебя и принимает к себе. Вот если бы удалось умереть с такой чистой и простой верой, что жизнь после тебя сама собой продолжается и ты сам даже после этой беды к ней как-то примкнешь.

Все хорошее в человеке почему-то наивно, и даже величайший философ наивен в своем стремлении до чего-то просто додуматься.

Серьезна и ненаивна в человеке только мощь: могу — вот и все.

21 мая. Кого ни вспомнишь, все нет и нет того на свете, и я сам себе кажусь, как зимующий лист на дубу. Но сказать, что это мне грустно, или что я хотел бы молодым сделаться, или очень бы боялся слететь со своего дерева — нет! Я вполне доволен тем, что есть у меня, и чего бы попросил себе, разве только чтобы поменьше болеть и не беспокоить, не пугать собой Л.

22 мая. Вспомнилось, что два художника, Кустодиев и Коненков, могут быть примером выхода из болота в море: Кустодиев выходит в родном сарафане, Коненков больше национален, чем Кустодиев, но с самого начала у него нет следа сарафана... и в то самое время, когда каждому надо расстаться со своим сарафаном, встают угнетенные национальности. И от этого мы живем надвое: в себе (каждым) преодолевается национальность, как таковая, а вовне она отстаивается.

1 июня. Если я так заострю свою фразу, что люди скажут потом: «Так еще никто не писал!», то это, наверно, будет прекрасная фраза.

Но если я сам преднамеренно, с тем чтобы так люди сказали о мне, заострю во весь свой ум и талант, чтобы именно с намерением сказать лучше всех, то эта претензия, как ложка дегтя, отравит весь мед славной фразы.

Так писали в свое время декаденты, и я, одно время увлекаясь ими, писал, как они, с претензией. Спасся я от них скорее всего не искусством, а поведением: мне отчего-то страстно захотелось быть в чем-то, как все, и писать так же просто, как все говорят. И весь мой некоторый успех состоит в том, что мои читатели в моей писаной фразе узнают свою, сказанную иногда шепотом другу.

2 июня. Если бы не было правды на свете, то как бы понять жизнь русского человека: как будто ничего и не было у нас, и вдруг сделалось из ничего так много. Нет,

конечно, из ничего ничего бы и не вышло. И мы догадываемся, что была у нас правда и мы, не зная о ней. Как слепые, мы переходили голые из войны в войну, из пожара в пожар и не знали, что мы были всегда самые богатые, что мы всегда бились за правду и добились своего: всему свету теперь видно, что мы за правду стоим.

20 июня. У Л. Толстого Наташа Ростова обнажена, лишена всякого покрова — и как это хорошо!

Читаю роман Джеймса Олдриджа и нахожу в нем обнажение войны и современного человека до костей *. Яснеет современная задача искусства обнажить человека совершенно, лишить его всяких покровов религиозно-этических и романтических. Помнить, что этой же *правдой* (вот она!) вышел в люди Шекспир.

24 июня. Зорька летняя, таясь, за ночь полнеба обошла и под утро скрылась в тумане.

Пусть на минуту уменьшается день и потом начнет убывать больше и больше, я в этот год так запасся, что мне хватит до встречи новой весны.

2 июля. Любовь, как дело личное, начинается пониманием двух и подарком. Но это личное дело, проходя сквозь женщину, превращается в общее: ребенок есть начало общей жизни.

Книга рождается тоже так: от личного к общему, и в поэтических явлениях в деле рождения женщина участвует так же, как и в физическом рождении. Прекрасная Дама или ведьма, положительно или отрицательно, все равно, только едва ли что-либо в духовном мире является без участия женщины.

15 июля. Летнее полное, торжественное утро, день, о котором так сложилось в душе с детства, что такой день человеку нельзя пропустить: надо людям от себя что-то принести и оставить им это, а себя и день свой тем оправдать. Хорошо бы, конечно, чтобы так и каждый день проводить, дней остается так мало... Как бы так вот крепко подумать и жить.

17 июля. Вчера поднимался молодой человек в гору с ведрами, увидел меня, поставил ведра на землю и подошел.

— Здравствуйте, Михаил Михайлович, я читал вашу книгу «Наша страна».

— Ну и что?

— Оказалось, вы в Сибири были.

После того вышла заминка.

— А вы что делаете? — спросил я читателя.

— Я старший инспектор МВД.

— МВД,— сказал я,— это московская... а дальше?

— Что вы! — отвечает.— Какое московская, это на всю страну: Министерство внутренних дел.

Так мы и встретились и разошлись с моим читателем, и вот поди теперь, радуйся, что тебя в каждой деревне знают. Понимаю хорошо это, лучше всех, и все-таки радуюсь почему-то. Скорее всего оттого, что в этом числе читателей содержится некоторое возражение официальному молчанью. И несомненно, что во всем-то большом числе читателей по всей стране есть хоть один ценитель моего труда настоящий. Ведь из этого же числа пришла ко мне и Л. Потому и думаю, *числу* этому надо радоваться, и, вероятно, об этом и думал философ, когда сказал, что количество переходит в качество.

С другой стороны, однако, и нет: есть такие у нас прославленные лауреаты с таким количеством, а качества нет.

25 июля. «Лесная капель» была у меня попыткой сказать правду, и я помню хорошо, что эта правда была в том, чтобы сказать пишущим: писательство без участия себя самого бездушно и никому не нужно.

Правда эта и поколола чьи-то глаза, и «Лесная капель» сначала была осуждена. Значит, этот маленький опыт правды оказался в трагическом плане: я, как писатель, был жертвой.

28 июля. Летнею ночью несколько раз просыпаюсь и не за чем-нибудь, а по привычке следить за ходом ночи, вдохнуть чудесного воздуха в открытом окне. Теперь еще ночи светлые, и темнеет на какой-нибудь час или два. И вот уж дня три было, подхожу к окну, сонный, вижу, светятся два окна, а сообразить не могу, что это ниже всякого жилья и там не могут быть окна. С этим и засыпаю и после не думаю о том, кто там живет, какие там светятся окна. А сегодня ночью как глянул туда, так поймал себя и спросил: «Да какие же это окна, кто там живет?» И вдруг как будто наконец-то опомнился и понял, что это не окна, а сквозь темные кусты и деревья река наша Москва выглядывает.

2 августа. Серый, теплый, очень тихий и задумчивый день. Кажется, все-то есть, и можно просто жить и ни о чем не думать самому: сам день за меня думает.

Читал Паустовского «Мещерский край» — прекрасное, настоящее художественное изображение земли и людей у земли. И навсегда это останется. Но как в зеркале я увидел себя: тоже хорошо и останется.

4 августа. Всю ночь держался туман выше леса, а Большая Медведица чистая вышла, и я смотрел на нее так, будто она помнила всю мою жизнь, и что я сам забыл, могла бы мне подчас и напомнить.

Русские писатели (классики) все были писатели с поведением и до того, что «поведение» иногда обращалось против самого писательства (Гоголь, Глеб Успенский). А. Н. Толстой был счастливый писатель без поведения. Единственное, что в нем было, это какой-то жизнерадостный московского характера патриотизм, в нем он и расплывался.

23 августа. Что такое в устах простолюдина «простой человек» как похвала, и что есть «гордый» как порицание. Это Чацкий — гордый, а Фамусов — простой. Идеализация «простого» — это Максим Максимыч у Лермонтова, Тушин — у Толстого.

24 августа. Есть завет человеку делать то самое, к чему лежит душа, делать то, что самому хочется. И есть другой завет: подавить в себе то, что самому хочется, и делать только то, что надо.

На эту тему я пробовал написать роман «Осударева дорога», но, приспособляясь ко времени, я не раскрыл свою тему, и она остается мне, я в ней живу.

25 августа. Моя задача была во все советское время приспособиться к новой среде и остаться самим собой. Эта задача требовала подвига, был подвиг, но сделано, все кажется, очень мало: ушло много сил на *освоение* нового.

30 августа. На прогулке вчера видел красивейший гриб, похожий на минарет. Любовался им и думал: «Гриб красивейший все называют поганым только за то, что его нельзя съесть».

31 августа. Чаще и чаще встречаюсь по ночам мыслями со своей матерью и чувствую ясно, что понять мне свою мать — это совершенно понять себя.

2 сентября. Начало автобиографии. Мать моя не любила отца, но, конечно, как все, хотела любить и, встречая нового человека, предполагала в нем возможность для своей любви.

Так это в ней осталось до смерти, и с этим самым богатством нищего — возможность в каждом существе найти любовь для себя — родился и я. Утрату невесты я принял на себя: что это я сам виноват. А когда почувствовал в себе талант в обращении со словом, то поклялся себе не сделать прежней ошибки и не упустить это, как упустил я свою невесту.

3 сентября. Вчера мне утром стало отчего-то хорошо, отчего?

То ли оттого, что стал принимать Dibasol и это он сделал, то ли, что было необыкновенно прекрасное утро, то ли, что решил не спешить со своей работой и относиться к ней, как к невесте? А это значит самому стать совершенно независимым от нужды, материального существования и славы.

Итак, решено: писать не напрягаясь, а когда переполнится душа, так оно бы само собой сливалось из души на бумагу.

4 сентября. Вчера день весь был очень задумчивый, как, бывает, хмурится очень добрый человек. До того было темно и тихо, что трудно оторвать глаза от реки: тянет и тянет самого в эту тишину и раздумчивость.

11 сентября. Серия жарких сентябрьских дней еще не кончилась, но стало похолоднее (с утра +11°), и на ясном небе сегодня разные кошачьи хвосты.

Новое в моей жизни — что я охоту свою, грибы и все лесные чары принес в жертву писательству «Лесной повести» *. Сказать, однако, что испытываю чувство жертвенности, нельзя, потому что самому мне писать больше хочется, чем ходить по лесу. Жертва видима только со стороны: прежде ходил свободный человек в лесу, теперь он, согнувшись, сидит за столом.

15 сентября. Всю ночь бушевала буря и хлестал громко дождь. Писать в дневник нечего, потому что все вписываю в повесть. Первый раз в жизни так пишу.

17 сентября. Вечером ходил за реку на овсянище и сразу же нашел выводок перепелов. Собака работала блестяще, ружья не было. Вспомнил былое счастье и пришел с больною спиною. Прошло время моей охоты, но зато очень вошел я в свое писательство и почти не боюсь никакого в себе разрушения, кроме разрушения способности писать.

Видел фильм об охоте, показывали расстрел волков. Самому бы стрелять — ничего, но смотреть, как расстреливают даже волков, очень неприятно. Так и со всей охотой: можно охотиться, но хвалиться тут нечем.

25 сентября. Полагаю в конце концов, что вначале было дело формирования моей личности: дело это — мое поведение. А дальше в моем поведении родилось и вышло на свет, как ребенок у матери, мое слово.

Вот отчего, наверно, и бывает со мной всегда, когда читатель мой объясняет создаваемые мною вещи «талантом», я с этим не соглашаюсь. Я сам свои хорошие вещи отношу не к таланту своему, а к своему поведению.

Мне кажется, талант у человека общий со всей природой, у всех одна доля, по прямой, как дерево, поднимается вверх к солнцу и распространяется вширь по земле. Этот талант, как мотор, дает общее движение жизни, а мое личное поведение на почве общего таланта — мотора, определяет мою вещь как заслугу и меня самого как личность единственную, неповторимую и необходимую людям в движениях вверх к небесам и вширь по земле.

Еще и такие есть читатели, которые, радуясь моей вещи, объясняют ее появление моим мастерством, поселяя у наивных людей такое мнение, что если будешь умело мастерить со словами, то сделаешься хорошим писателем. До некоторой степени это не совсем бессмысленно в других искусствах, в живописи, в музыке. Но искусству слова мы учимся с первых дней по выходе из материнской утробы, учимся с первых лет школы. В этом и состоит счастье искусства слова и его первое место среди всех искусств, что ему учатся все и ученье это проходит незаметно.

Выделение мастерства, как главного фактора творимого в искусстве слова, вероятнее всего произошло от сальеризма и подражания.

Почему, когда появляется новое значительное произведение, критики прежде всего ищут в прошлом родства автора, им надо узнать, что какое слово пришло со стороны к автору и стало в нем делом, определившим рождение его собственного небывалого слова.

Критики ищут происхождения нового слова...

1 октября. Листопад в разгаре. Многим сейчас грустно, а мне сейчас весело: там кончается что-то, и я свою

повесть кончаю. Начал я еще на снегу и все лето писал и не знал, что я пишу и выйдет ли что-нибудь у меня. А теперь плод созрел, и я знаю, что у меня выйдет. И хорошо! Мне даже кажется, будто и у них там у всех в лесу все трудились долго, и что теперь у них вышло, и оттого листья падают: отработались! И так это хорошо, так спокойно все, так раздумчиво. Кажется, вот если бы совесть свою сохранить до того чистой, чтобы жизнь после всего отошла от меня самого, как отходят эти листья с деревьев.

3 октября. И хлещет дождем, и крутит, и мутно, хуже некуда. Остается только надежда на себя, что мое утреннее писание будет освещать мое внутреннее солнце

Вспомнился отличный учитель древних языков Первов, как он однажды осенью в классе, мельком взглянув на мутное окно, сказал: «Мы, люди, должны быть независимы в своих делах от погоды». Тогда это было непонятно, но береглось в себе около 70-ти лет, а теперь я тем и живу, что навстречу непогоде за окном вызываю из себя свое солнце.

6 октября. Утренняя туманная сырость, совершенная тишина, и вспоминается Зинаида Гиппиус. Потому вспоминается, что в свое время, после знакомства с ней, я написал в дневнике точно в такой же осенний день: «Желтые листья в тумане падали, как убитые птицы». Думал о Гиппиус, в то время я тоже хотел писать изысканными фразами, готовить их, запоминать. И сам не знаю, как это Бог спас меня от такой беды!

12 октября. Тусклое утро, мокрые после вчерашнего на земле лежат листья. Вспомнилось, как однажды в лесу я записал о себе и о листьях, что листья идут на удобрение, а как трудно даже подумать о том, что ведь и я тоже пойду на удобрение Я записал тогда, что нет! в этом пункте мы расходимся с природой, что у меня удобрение плюс то, из чего выходит человек. Вот это *«нечто»,* остающееся за вычетом природы, и не дает нам покоя. Пусть буду я, как яблоня в росте своем, в своем цвете, и до того, как плод созрел и упал, тут мы равны. пусть там яблоко, у меня сейчас «Слово правды». Но когда листья с яблони упадут, начинается расхождение: там удобрение, здесь какое-то *сверхусилие,* чтобы не остаться самому удобрением. Это усилие было у святого, который, умирая, стал на колена и на пороге своей келии встретил Божью Матерь, это было у Фауста на виду

у лемуров, этим усилием живет сейчас Коненков, убежденный в том, что он не умрет. Этим усилием спасается Грабарь, совершая ежеутренно по Москве двухчасовые прогулки, и я сам тоже сознательно возвращаюсь к детству своему, чтобы младенцем вернуться к матери своей: это ведь тоже усилие!

13 октября. Я так установился сейчас в создании «Лесной повести», что ежедневное тусклое небо по утрам и моросящие дожди ничуть меня не расстраивают: благодаря своему победному усилию я стал независим от всякой погоды.

19 октября. Можно ли мне гордиться перед молодежью своим литературным мастерством и требовать от них такого мастерства, если по себе знаю, что для такого мастерства надо жертвовать собственной жизнью. Могу ли я, пожилой человек, требовать от молодого, чтобы убавил от своей и так ограниченной временем жизни сколько-то, чтобы вертеть словами, как вертит акробат своими шарами?

Как я буду учить такому мастерству и сушить молодую жизнь, если я не знаю, для чего ему нужно такое мастерство.

И оттого я говорю всем, начинающим работу в искусстве слова: из-за чего именно он хочет дело жизни своей обращать в слово?

И так вопрос о мастерстве я переключаю на вопрос поведения и спрашиваю каждого начинающего литератора, из-за чего он собирается жертвовать своей жизнью, и если он обернет на меня, спросит:

— А из-за чего вы сами жертвовали?

Я отвечу:

— В наше время жертва собой была основой нашего воспитания и поведения.

23 октября. Дантов ад, я думаю сейчас, явился поэту, еще не потерявшему страха перед концом жизни: ему страшно — вот и ад; но если до конца доживешь, то не страшно и нечего бояться: спокойно становится и хорошо.

24 октября. Почему это бывает, что когда пишешь новую вещь, то все прежнее не ценишь; все заслуги свои исчезают, и даже о всех похвалах прежних думаешь: это они ошиблись? Так все прошлое меркнет, и остается только маяк впереди: «Вот теперь зато напишу, так напишу, по-настоящему».

Всякого со стороны, кто вникал в работу художника, удивляет, как художник смешно прикован к натуре: маленькая пичужка родится из яйца, какая-то случайная почка на ветке — и все это пишется, как оно есть. Кажется, будто дело не в родинке, не в почке, а в особом чувстве закона природы: делать не как самому хочется, а как это надо во исполнение закона природы.

С другой стороны, когда вещь готова и вещь вышла настоящая, то вся она, эта настоящая вещь, говорит о том, что художник сделал ее по своей доброй воле, как существо единственное и неповторимое, и как будто, рабски следуя закону природы, пришел к чему-то в ней небывалому.

18 ноября. Прошло уже полстолетия, как я работаю в литературе, и меня многие знают, и я получаю признания. Меня иногда очень искушает соблазн пересмотреть весь свой жизненный опыт и открыть в нем способ творчества, более легкий, и доступный, и ясный, чем был у меня...

У правды, как некоего вещества, есть две формы: одна форма правды есть дело, и ему служат люди деловые. Другая форма правды есть слово и другие средства искусства, и этому служат всякого рода художники.

20 ноября. Реализм — это значит вещественность, и если это относится к слову, то, значит, у реалиста слово не пустое, а наполнено веществом правды. Писатель-реалист — это значит правдивый писатель.

Правда правдой, но нельзя написать сказку тоже и без вымысла, потому, что пусть слово и наполнено веществом правды, а все-таки самое-то слово, как сосуд, как форма правды, есть достояние человеческого ума или вымысел.

Почему же, однако, и самому вымыслу нельзя быть правдивым? Так, значит, и будем на этом стоять, что реализм в искусстве слова предполагает сочетание правды, как общего основания человеческих отношений, и вымысла, как личного понимания жизни самим художником слова. Правдивый вымысел — это верное понимание каждым из нас общего дела.

21 ноября. Правда и вымысел: правду складывали, и не сразу, а с тех пор, как люди начали жить на земле. А вымысел — это не против правды, а тоже правда,

только моя, как я сам о ней думаю. Правда — это для всех, а вымысел — это моя борьба за новое, и если мне удастся победить, то мой вымысел когда-нибудь станет правдой для всех.

23 ноября. Скорее всего с охотой у меня было так, что Алпатов * делал все наперекор себе, вовсе запутался и начал жить сначала почти в тридцать своих лет. Так он и начал жить с детства: в том своем прежнем детстве ему не было так свободно, так чудно, как теперь. Охота и путешествие были ему настоящим переживанием детства, и более реальным, чем то прежнее. Любовь пришла к нему на разрушение всего себя *мнимого* (это хорошо: мнимый человек — живущий чужими мнениями).

Теперь понятно становится, почему я не хотел в Париже взять свою невесту как любовницу (тема «Женьшеня»): я не того искал в этом; понятно, почему не хотел найти в ней жену: я к этому далеко не был готов; понятно, почему эта «любовь», как тайная моя болезнь, не оставляла меня: это была действительно болезнь (духа?), от которой я лечился *примитивностью* жизни, похожей на детство.

То, о чем спрашивал меня Блок, прочитав «Колобок»: «Вы сливаетесь с природой во время путешествий, скажите, как это возможно человеку и сливаться: ведь это же нельзя?» Ответ на этот вопрос был бы близким к правде, если бы я жизнь свою взял в одну большую скобку и назвал бы это смирением, и, может быть, священным смирением. Сделаться ребенком и проще всего и труднее. Проще, потому что уж не за что спорить, ничего ни у кого не отнимаешь, ничем никому не вредишь (это начало обращения в детство как нравственное поведение взято и Толстым, и, наверно, не у него одного).

Трудность же состоит в длительном удовлетворении.

28 ноября. Шахов летом жил на Жиздре, рассказывал, что на озерах везде, как на войне, бомбежка: глушат рыбу. Пробовал в Москве найти защиту и нашел полное равнодушие. Этому уничтожению нет пределов, потому что энтузиасты охоты и рыбной ловли обессилены, «любитель» исчез, и я о себе иногда слышу: «Вот последний любитель идет!»

30 ноября. Евг. Алекс. Мравинский объявился в Москве, позвонил, и вечером мы слушали в консерватории Брамса. Он как дирижер в своих приемах так изменяет-

ся, что я в нем себя узнаю: тоже ведь и я в своих писаниях живу и расту непрерывно. Недаром же он так любит читать «Лесную капель»: наверно, у нас с ним есть какой-то общий секрет в творчестве. Скорее всего этот секрет в полной и безраздельной отдаче жизни своей искусству.

2 декабря. Хожу много хуже, чем раньше, и чувствую, что даже и охота ходить, двигаться все больше и больше пропадает. Зато пишу все лучше и лучше и все больше и больше нахожу в этом себе радости, как будто общие силы мои остаются те же, но движение мое переходит в свет.

10 декабря. На прогулке сегодня я ощутил то седло волшебное, на котором надлежит сидеть всегда старому и сильному человеку. И что самое удивительное — это что когда сидишь в нем, то кажется, будто от себя самого зависит вести себя в жизни так, будто ты сейчас сидишь в этом волшебном седле, и если сам захочешь и будешь держать твердой рукой повода, то никто никогда не застанет тебя где-нибудь не на этом седле. И если так, если седло у тебя в руках, то нет на свете ничего такого, перед чем бы сошла с лица твоего улыбка спокойствия. И если даже на глазах твоих брат поднял нож над головой своего родного брата, ты, не оставляя улыбки, легким движением руки схватишь нож и зашвырнешь его.

13 декабря. Я из-за того не романист, что не могу написать романа: я это могу, но я все-таки и с романом останусь не романистом, потому что не могу оторваться от правды настолько, чтобы продержаться в воздухе, не чувствуя правды, так долго, чтобы за это время можно было роман написать.

Люди, как река, текут. И чтобы хорошо написать это, надо: ты пишешь в уединении, но чувствуешь текущую реку.

Запереться можно и надо от шума, от помех, но от жизни нельзя запираться, ты должен слышать постоянное течение.

28 декабря. В мое время (декадентское) писатели открыли секрет писания, что надо писать о себе; в наше время, наоборот, пишут не о себе. То и другое неверно: писание о себе приводит к пороку, писание о другом — к добродетели вне искусства, к пропаганде. В искусстве

же сло̀ва необходимо познать себя и это самое представить как узнанное в другом.

Наши пишут теперь о другом, не зная себя, а в мое время писали о себе, не видя другого. Я тем спасся от декадентства, что стал писать о природе.

29 декабря. Думал о своем манифесте о «счастливой старости», отданном в «Мурзилку» для напечатания 5 февраля 1953 года (восемьдесят лет). И сейчас немного смущаюсь: можно ли быть счастливым, когда все близкие люди умерли и знаешь, что сам дышишь на ладан, а главное, нечто такое познал, перед чем все искусство — только игра, а деятели его — недоросли, шалуны. Остается только одно, что «помирать собирайся — рожь сей», и если сеешь, то это и есть «счастливая старость». И правильно хотели сделать в «Мурзилке»: вместо «счастливая старость» сказать «любимый труд».

31 декабря. Всякое великое произведение искусства содержит, кроме всего, исповедь художника в том, как он, достигая правды —своей картины, преодолел в себе давление жизненной лжи.

1953

1 января. Морозик, как и в прошлом году, не доходит и до 10°, но зато новое — это валит снег, и за ночь Москва оделась в новые светлые одежды.

3 января. «Золотое детство» — это не в прошлом, а это наши сокровенные личные возможности в настоящем.

Вспомните свое детство, и вам не захочется для него терять свое настоящее. Напротив, в детстве устраивалась жизнь вся для будущего...

6 января. Дошло до —15° с ветром. Работаю над 14-й главой. Вчера были у художника Шегаля (замечательный пейзажист) *. Он рассказывал о том, как дорого ему досталось его искусство.

— Оно,— сказал он,— мне слишком дорого досталось, чтобы я теперь стал приспособлять его к чьим-то требованиям.

А я к этому прибавил:

— Может, настоящее искусство тем и держится, что дорого достается своим хозяевам.

10 января. Быть мудрым — это значит прежде всего быть внимательным к душе близкого человека. На вопрос же, кто этот близкий, — ответ такой: в каждом человеке родственное внимание стремится открыть близкого, кого оно откроет, тот и есть близкий.

11 января. Вольных грехов нет у меня, но невольных — я весь в грехах, и к этому еще много таких, что я сам их за грехи не считаю и они совсем даже и не грехи.

И каждый раз, когда что-нибудь хорошо напишу, мне кажется, будто кто-то тронул мне ствол, и все старые грехи, как листья осенью, падают.

14 января. Пишу оттого, что не могу удержать в голове и сложить, соединяя, проходящие отблески жизни какой-то единой, большой. С пером в руке, как с костылем...

Жертва — это ответ невинного за ошибку другого, и потому живи и не ошибайся. Не греши не потому, что тебе будет за это нехорошо, а потому, что за твой грех будет отвечать другой, невинный.

15 января. Полет к небывалому, а кулики сидели и думали одно: «На веках все это было!»

Другие: «Когда же он наконец кончит полет к небывалому, сядет на свою кочку и согласится с нами, что на веках все это было?»

16 января. День нашей встречи с Лялей; за нами осталось 13 лет нашего счастья. И теперь вся моя рассеянная жизнь собралась и заключилась в пределе этих лет. Всякое событие, всякое сильное впечатление теперь определяются, как бегущие сюда потоки.

17 января. В память нашей встречи (исполнилось 13 лет) мы ездили на могилу Натальи Аркадьевны. Встретился нам шофер бывший Ваня Пшеничный. Мы спросили: «Мы постарели?» — «Да,— ответил Ваня,— в особенности Валерия Дмитриевна». Поглядел я на нее, и сердце сжалось: остаются от прежнего только глаза и душа в них бессмертная. Так я с этим ходил и по кладбищу и встретил там соответственно в утешение слова на одной могиле:

«Letum non omnia finit» [1].

Так, гуляя по кладбищу, мы договорились до слов на своих будущих могилах. Смеясь, вспомнили и мою жиз-

[1] Смерть не все кончает (*лат.*).

ненную тему: «Помирать собирайся — рожь сей». Но к памятнику это не приходится. На могиле Чертковых написано. У него: «Не в силе Бог, а в правде». У нее: «Сила моя в немощи совершается» *.

В ней для меня все нашлось, и через нее во мне все сошлось.

В моем деле писателя решает все читатель: читатель — это мой finis. Но и в каждом деле так.

24 января. Морозик поднялся до —12°. Никогда Ляля так тяжело не переносила зиму *, нервы никуда, и надо удивляться человеку, что при таком-то состоянии она удерживает в себе всю любовь, и до того крепко, что ее невольные нервные порывы поднимают во мне только жалость, и я ее еще больше люблю.

Пришлось бы жить без нее, то мне осталось бы пробовать быть тоже таким и в этом одном находить себе утешение.

Так у нее, а у меня, не сглазить бы, все очень хорошо, и здоровье, и работа идет, дай Бог молодым!

25 января. Яркий день весны света, и такой, что нет никакого сомнения: это посланник весны. Такая чистота, свежесть! Особенно где-то в Замоскворечье хорош был вечером после заката уголок в чуть только розовом свете: был уголок белоснежный на розовом, весь в лампочках, и навсегда остался в душе.

26 января. Два дня уже стоят морозы покрепче, до —15°.

Не могу забыть уголок Замоскворечья в свете тончайшем догоревшей январской вечерней зари. Это испытать должны все художники: пейзаж, проходя, умирает в темноте, а художник собирает его у себя на холсте и воскрешает.

31 января. Привезли машины для записи моего выступления во вторник 3 февраля. Мальчишка-редактор стремился в мою речь вставить свои слова. Не будь Ляли, я бы его выставил, но Ляля меня сдерживала. Дошло до того, что мои слова «урожай от погоды, а слово от народа» были им вычеркнуты с такой репликой: «урожай не только от погоды».

Благодаря Ляле я выдержал поправку, но за время этой экзекуции лишился совершенно того поэтического наплыва охоты писать, который сейчас меня отличает от многих. Как и все, я почувствовал на себе тяготение слов Маяковского: «Мне наплевать на то, что я поэт».

Вспоминается день, когда вождь секты «Новый Израиль» Павел Михайлович Легкобытов сказал Блоку: «Поймите, Александр Александрович, что мы здесь представляем из себя кипящий чан, в котором все мы со своими штанами и юбками сварились в единое существо. Бросьтесь вы в наш чан, и мы воскресим вас вождем народа». Блок ответил, что так просто располагать собой он не в состоянии, он не может «бросить» себя (у Маяковского — «наплевать»).

От Блока до Маяковского.

И вот случилось, что нашелся такой поэт, что бросил себя и даже наплевал на себя. И бросился в чан.

Вот так надо и нам: настоящее «слово правды» требует решения: умереть в горе, как Блок, или броситься в чан, как Маяковский.

1 февраля. Вопрос: не есть ли «правда» тот самый основной принцип (обобщение), который вызывает непременно войну у людей, не есть ли *слово правды* именно *меч,* а не *мир,* как я хочу это вывести.

4 февраля. Сильная перемена в ней. Прежде я смотрел просто: помру, то и пусть хоронят. Теперь подходит страшный вопрос: а если придется самому хоронить? И мало того, подходит и еще более трудное требование: я должен хотеть, чтобы прежде она умерла и не осталась бы одна без меня, беззащитная. К этому я должен готовиться, а не к тому, что прежде самому уйти от всего. Тут-то вот и являются главные трудности, связанные со смертью: что гораздо трудней оставаться одному, чем уходить.

Так вот, не задумываясь, дожил я до 80-ти лет (завтра «празднуют»), и только теперь серьезно подходит вопрос о друге.

5 февраля. Морозный (—25°) и солнечный день. Мне сегодня минуло 80 лет, и вечером в Союзе праздновали мой юбилей.

Можно сказать уверенно — все были на нем, как единый человек... Я нашел в себе силы просидеть три часа, не поддаться ни малейшему волнению и выступить спокойно перед микрофоном. Мне казалось, будто я уже и пережил подобного рода волнения, но со стороны говорили, что я вел себя, как человек, сознающий свое достоинство.

6 февраля. Приходили друзья и разбирали вчерашний вечер, как разбирают сражение. Первое, что дал

разбор сражения, это что я вел себя, как хозяин, преодолевший в себе все, даже малейшие признаки тщеславия, и что все было на вечере, как в семье. Воистину исполнилось предсказание одного моего читателя лет двадцать тому назад: «Ваш голубой полдень еще впереди».

И еще о вечере: замечательно, что вечер делался сам, без всяких комитетов и комиссий.

Вот оттого-то и было хорошо, что не ахти какие организаторы предоставляли вечеру делаться *самому*. Вот это *самое* и сделало вечер живым, и это *самое* и есть самое желанное в наше время. За то меня и чествовали, что я говорил сам от себя, и от этого необходимость нашего дня сама собой обращалась в свободу.

9 февраля. В среду после выступления маленького в Литературном музее река моя должна окончательно войти в свои берега. Юбилей, как разлив.

10 февраля. Болезнь — это форма неволи, все равно как, например, погонят тебя на войну. Я счастливый тем, что в жизни мало болел и поневоле не ходил на войну, и тоже свободно выбрал себе труд и оседлал движущую силу такого труда — тщеславие. Много мне выпало и счастья, много и сам выдержал. И вот изволь теперь дать рецепт такого счастья для всех... Единственное для всех я могу сказать, что *каждый* должен непременно *сам* взяться за это и достигнутое самим обратить в пример для других.

Старик Васильев покинут детьми со старенькой Норкой. Как пример собачьей любви он приводит, что Норка ни одну женщину и ни одного ребенка на улице не пропустит, всех обнюхает в надежде найти его дочь и ее ребенка. Поздравляя меня, он пишет, что прочитал «Кладовую солнца» и плакал над Травкой, понимая, что я ее с Норки списал.

Сколько в народе нашем таится неизжитой любви, и вот эту любовь свою узнают в моих книгах, и этим вольным священником или попиком народ держит меня при себе. В этом разгадка успеха моей «природы».

11 февраля. У нас пишется масса географических книг, и редко среди них появляется что-нибудь вроде книги Арсеньева, овладевающей общим вниманием. В этой книге нет уже сухой географической правды, но нет еще и вымысла, отвечающего запросу настоящего ис-

кусства, наше внимание к этой книге было привлечено искренней попыткой автора соединить географическую правду науки с правом художника смотреть на правду по-своему, с тем, что называется «вымыслом».

Сциллой и Харибдой автора географического рассказа и очерка стало: Сциллой — не засушить рассказ правдой науки, Харибдой — не уклониться от законного вымысла художника, скажем попросту, как бы самому не соврать.

12 февраля. Гуляю тихонечко нашей правой стороной по Ордынке. И при таком-то морозе, градусов в 17, и еще сквозь неодетые кроны лип солнечные лучи обнимают, ласкают. Хорошо старому и слабому человеку в таких ласковых лучах, до того хорошо, что прощается и не замечается гул, свистки и грохот непрерывных машин по новой магистрали. Этими лучами весны света жизнь в человека вливается, и особенно хорошо, если сам этот человек ищет этих лучей и понимает их значение. Ведь даже и я сам, мне кажется, впервые почувствовал и узнал на себе действие этих первых лучей весны света.

17 февраля. Было время — я ездил, ехать мне теперь не нужно. Природа сама едет ко мне. Вот она уже нашла меня и в Москве. Началась весна света, и в полдень от железных крыш начинается капель и растут февральские сосульки. Каждый год весна приходит по-иному, и я о новой весне уже начинаю делать свои записи. Каждая весна другая, и по-другому записи. Из этих записей вырастают все мои рассказы, новеллы, повести.

23 февраля. Опять стоят морозы в —16—17°. Солнце каждый день, но и ветер. Все меня москвичи поздравляют с весной света.

Славу свою можно сорвать, а можно и насаждать. Так был я один, сказавший «весна света», прошло с тех пор несколько десятков лет, и теперь все, встречаясь со мной, мне же повторяют мои же слова: «Весна света!» Мне теперь эта «слава» тем дорога, что в ней утонули мои личные обиды и мои «враги».

2 марта. В полдень в тени было +2°, а уж на солнце и говорить нечего. Каждый балкончик от сосулек стал люстрой, от капель и первых ручьев из желобов все блестит.

Вот когда *первая теплая капля* с железной крыши попала на щеку, то это бывает в городе самым первым началом весны, первее этого нет ничего.

Это прикосновение капли во мне поднимает всего человека, какой в свое время выходит из меня...

15 марта. Фабрику свою закрыл и перевязал всю повесть веревочкой, не буду гнаться за деньгами, за славой, буду весну встречать с чистой совестью, а то, может быть, другой весны мне и не будет.

17—18 марта. Вторник — среда. (Обмишурился числами.)

Опять у солнца вся Москва в руках.

Вчера явилась мысль собрать письма читателей и по ним представить весь свой труд в его достижениях, как мост, соединяющий между собой того, кому надлежит прийти в этот мир, с тем, кто уходит «за мной, по этой моей кладочке через реку».

19 марта. Так изо дня в день стоит царственная весна света. Там на месте все еще нет никакого движения, а сколько весны прошло в Москве от Сретения до Герасима Грачевника! * Это целое большое время. Люблю вечером шататься по переулкам Замоскворечья и слушать, как, замерзая, шумит вода под ногами детей, как останавливаются потоки, покрывшись льдом, как, нарастая, вытягиваются сосульки.

Пришло время, и я теперь могу ясно понять и выразить словами то, что раньше смутно понимал в себе как берег плодоносной земли. Мне кажется теперь, что это утверждение состоит в том, что я сам являюсь носителем чего-то еще небывалого, что в чем-то я первый, единственный, и это мое первенство никому ни чем не мешает, ни с кем оно и не спорит.

30 марта. Ляля часто думает, будто я без ее материнских услуг вовсе и жить не могу. На деле же мне ничего от нее не нужно, и жить я могу без нее, как при ней. Ничего мне от нее не нужно, а что действительно нужно, для того нет слов, и никакой человек на свете это дать не может мне. Это нечто есть именно самая желанная всем нам любовь, и всякие дела рядом с этим совершенные пустяки, с любовью женщина может проникнуть во все дела, и чем глубже она в них проникает, в дела, тем сильнее любовь и выше сама женщина. Мужчина же, ценя любовь, тем самым и остается мужем, что предоставляет всего себя ей, уверенный в том, что в его мужское творческое начало женщина не может никогда проникнуть. Но чем она глубже проникает, тем

она выше как женщина. И пусть дойдет до того, что она меня, как младенца своего, будет качать на руках, все равно в отношении первоначала моего творчества она будет не-вестой.

2 апреля. «Поведение» у меня скорее всего означает долг быть самим собой, а мастерство — быть как все.

5 апреля. Ездили на кладбище, и трудно сказать, что на свете значительней и прекрасней «неодетой весны» в Москве. Народ шел по чистым улицам не растерянный, не бежал, а собранный, праздничный. А на кладбище каждый покойник подозвал к себе родного человека, и вот собралось великое множество людей, и каждый из них нашел своего человека, лежащего под камнем. Эта великая встреча живых и мертвых была тем особенно замечательна, что люди были все вместе, и каждый из них глядел на своего, и не со стороны, как на улице, а прямо в душу, и не через образ, а прямо каждый глядел из души своей в душу каждого.

13 апреля. Передавали Шаляпина по скверным пластинкам, но я все-таки думал о нем то самое, что думаю всегда. Он мне является чудом, утверждающим мою любовь к родине и веру в себя.

14 апреля. Такой день, что человеку в доме довольно окошка, чтобы глядеть на людей и радоваться.

Смотреть в окно и радоваться тем, что на ярком солнце весенний ветерок играет разноцветным бельем на веревочке.

В Торопце кладбище называется «Восстань».

18 апреля. Я вспомнил то время, когда жил в Ельце на Бабьем базаре. Какой был я бездельник и пустой человек, откуда же потом все взялось? Ведь буквально из ничего.

4 мая. 10-го переезжаем в санаторий «Поречье» возле Дунина.

После болезни, задержавшей меня в городе, я часами сижу в садике на лавочке, и со мной моя собака терпеливо сидит.

Больше я сейчас ничего не могу делать, как только сидеть, ждать. И вот отчего я и вижу, как раскрываются почки. Сегодня мне помешала немного какая-то простая пожилая женщина: стоит и глядит на меня в упор сквозь решетку. Это очень неприятно, когда на тебя по-

чему-то не отрываясь глядят. Какая уж тут весна, какие тут почки!

Я перешел на другую лавочку на другой стороне.

И она перешла и опять глядит на меня. Это даже моя собака заметила и, подняв голову, строго и вдумчиво глядела на женщину. Скоро это и я понял: она не на меня глядит, а на собаку. Я встал и подошел к ней.

По опыту знаю, что откуда неприятно, туда и надо идти, и самое лучшее теперь выйти из садика и спросить женщину, что ей надо. И потом, непременно, так устроится, что я буду опять свободно любоваться, как чудесно распускается деревце в городе.

Так я и сделал, и женщина мне ответила:

— Я не на вас, я на вашу собаку гляжу. Скажите, сколько ей лет?

— Молодая,— ответил я,— всего три года, а порода — трехцветный сеттер.

— Породу я знаю, но тогда нет,— сказала женщина,— моя теперь старая: ей было под конец войны два года. А порода тоже трехцветная.

Я подсчитал и сказал:

— Ей теперь десять лет.

— Да, — грустно ответила она, — опять ошибка. В Москве очень мало собак такой породы, и я каждый раз, когда встречаю, добиваюсь, не моя ли.

Оказалось, собака была у ее сына, трехцветный сеттер. Сын был убит на войне. А к матери пришел какой-то богатый гражданин и предложил за собаку хорошие деньги, очень хорошие, и обещался ей о собаке писать И соблазнил, она поверила, а он обманул. Ничего не написал, и мать затосковала сильно. Она тосковала о сыне, а перешло на собаку: тоска и упрек, зачем она продала. Каждую похожую собаку она теперь высматривает, не она ли.

Женщина поглядела на мою собаку.

— Ах, как похожа, но только молодая, сколько, вы сказали, теперь моей?

— Десять лет.

— Да,— ответила она,— много, как много, а все забыть не могу.

Женщина поплакала, мы с ней хорошо простились.

И как же оправдался в этот раз мой прием успокоить себя тем, чтобы прямо идти на то, откуда идет неприятность.

Сочувствуя бедной женщине, я опять вернул себе радость наблюдения зеленеющей весны в городе.

15 мая. С утра сегодня дождь. Вчера день провел с трудом: кашель, спина и всякая дрянь, и весь от воздуха бездумный. Единственная мысль была о диком несоответствии моего духа с тем, что делается в природе, и кощунственно казалось, что я расстался с миром и ухожу от него без всего, а в нем остается для всех и все мое лучшее, и этот девишник в березах, и липы, начинающие летнюю жизнь, все это я оставляю, а сам ухожу без всякого.

Утешило письмо от женщины под 40 лет, чистое и воодушевленное, как у девочки в 17 лет. Женщины нередко посылают мне такие письма, как будто рожденные ими дети еще не все и им еще остается родить настоящего, единственного и последнего, ни на кого не похожего. Эта девственность про запас сохраняется у чистых женщин до глубокой старости, и я это знаю по своей матери

23 мая. Я переезжаю (перехожу) на свою дачу.

Переход из санатория в Дунино совершался праздником, и кажется, никакими словами невозможно обнять и засвидетельствовать усилие всего живого на пути к единству любви.

24 мая. Вишни цветут, и в той поре, когда под ними на темной перекопанной земле еще нет ни одного белого упавшего лепестка.

В белой тесноте цветущего дерева моя душа встречается с чьей-то вечной душой, и сердце радуется тому, что еще нет на земле ни одного упавшего белого лепестка.

Необъятная теснота белых цветов, как собор наших душ: такими мы сойдемся когда-нибудь и такими останемся.

Ночевал сегодня я у себя, и это было счастье, о котором не скажешь никакими словами.

30 мая. Прошла неделя с тех пор, как я в Дунине, и здоровье ко мне вернулось и работоспособность.

Вчера вечером в кресле сидел против вечерней зари и слушал 1-ю симфонию Скрябина, и это останется на всю жизнь. Это не соловьи объясняли зарю, а человек во всей своей сложности, и человек без всякой «человечины», а сам, как соловей, оставаясь в природе.

7 июня. Вспомнилось: думать надо о всем, а писать хорошо можно только о самом простом, чем вся жизнь

наполнена, этого простого надо искать и на это простое все думы променять.

9 июня. Меня срезало в проповеди марксизма именно то, что время зла пройдет и нам самим, своими руками можно сделать для всех счастливую жизнь.

Самое же зло этой жизни в глубине души, не отдавая себе отчета, я видел в недоступности для порядочного человека буржуазной любви.

В этом смысле я понимал книгу Бебеля о женщине прошлого, настоящего и будущего: так было, так есть, а мы сделаем время торжества женщин, как алтаря любви.

Никакой поэзии не было в книге «Die Frau und der Sozialismus», но для меня книга пела, как флейта, о женщине будущего.

Никогда, никогда не смел я думать, что в этом захочу я признаться, но теперь, когда я слышу из своей комнаты сдержанный голос жены моей, женщины настоящего, то оказывается, признаваться вовсе не стыдно.

Да, это, конечно, было: в тайне души своей я стал проповедовать марксизм, имея в виду грядущее царство будущей женщины.

Но скорей всего мой тот рев какими-то путями сочувственно достигал простого человека. И скорее всего такой голос был и у моих товарищей, а то почему же рабочие в Риге начали выступление тем, с того, что однажды собрались и разгромили в Риге публичный дом?

Марксизм не проходил у меня, но он в моих переживаниях переделывался из субъективного ощущения, влекущего к мало сознаваемому действию всей личности, в объективный факт экономической необходимости. Перед этим непреложным фактом человек, в лучшем случае, мог быть только акушером, облегчающим роды будущего общества. Но рядом с этим встал жесткий и страшный вопрос: «Пусть там живут и акушеры будущего, и разные обыкновенные люди, порядочные, и мерзкие, и всякие, но кто же ты в своей реальности, что ты сам от себя можешь вложить полезное в кладовую нового общества?»

На моем горизонте менялись цари, вырастали государственные думы, революции и войны мешали, как мешают людей, показывались необыкновенные люди, вроде Горького, Шаляпина, Блока. Все на свете задевало

меня, но с тех пор, как я ощутил счастье создавать что-то из себя,— ничто не могло отклонить меня в сторону.

Все происходящее совершается в свете и тьме, и я все переживаю, но делаю то, что сам хочу и что надо для всех.

13 июня. Быть русским, любить Россию — это духовное состояние.

Боже мой! Как не легко жилось, как удалось уцелеть!

И я хочу все-таки в автобиографии представить жизнь эту как счастливую.

И сделаю это, потому что касался в творчестве природы и знал, что жизнь есть счастье.

Рубиновый глаз от зари еще глядит между черными елками. Река сквозь кусты глазками. Но за рекой луга, и среди них засыпает деревня. А за деревней подальше возле самого леса лег полоской белой и плотной туман, в котором прошла моя молодость. Я знаю, как он пахнет и, главное, как утопают в нем деревья. Бывало, видишь, как тонет, и думаешь почему-то о душе, что душа так скрывается. Как это объяснить? но так было однажды и осталось навсегда, туман луговой поглотил дерево, и я подумал: это душа. И так осталось навсегда, вот и сейчас плотный туман на лугу, а я с волнением думаю про душу.

24 июня. Свобода у всех на глазах умирает, и создается новый идеал: правда, новая форма переживания человеком единства всего жизненного творчества и различия Божественного в каждом из нас.

Правда в смысле единства всех отстраняет от себя всякий миф, и эта же правда от каждого из нас требует своего личного мифа.

Так говорили о мифотворчестве декаденты, не заботясь о правде, враждебной мифу. Теперь же подходит время, когда закон сходства сам требует во имя правды закона различия. И это будет законное *различие* в смысле: Бог любит всех, но каждого больше.

29 июня. Кому-то вчера написал, что сыт теперь не количеством прожитых лет (арифметикой), а качеством остающихся дней жизни: хоть один денечек остается, да он мой, небывало-единственный.

Так, может быть, и вся красота на земле, и все бессмертие вышли из победы качества над количеством.

30 июня. Вот сегодня открытое окно в солнечное утро, на подоконнике сидит, свесив в комнату хвост, собака и думает.

Никогда я с таким счастьем не глядел на росу. Раньше я глядел на нее, как собака на подоконнике, а теперь гляжу, как человек, и так хочу кончить дни свои: что взглянул, вдохнул в себя бессмертное качество мира и с этим ушел.

1 июля. На лугах за рекой показались стоги, и сколько они мне говорят! Как зазывают к себе надергать сена, положить в теневой стороне, сесть на него, спиной прислониться к стогу и думать, думать о том, что проходило без слов.

Теперь жизнь моя проходить будет в словах, и я хочу, чтобы слова мои теперь были правдой.

5 июля. «Слово правды» вышла повесть чистая, вроде храма, остается написать какую-нибудь страничку, которая будет значить, как крест на здании.

Простыми совсем словами хочется сказать, чтобы века Правды сменили века Свободы, действительно освободили пребывающего в рабстве человека.

8 июля. Сегодня я отдал первый экземпляр «Слова правды», 12 листов, для расстановки поправок на других экземплярах и первый экземпляр передал Ляле для доставки его в «Новый мир» послезавтра в пятницу. Я вдруг освободился совершенно от работы, и вместе с тем исчез прежний трепетный интерес к судьбе книги, и это значит, что я кончил. Я все сделал, всего себя, какой я есть, вложил в эту повесть, и если выйдет плохо, то это будет значить, что я сам плох. Может ли это быть? Конечно, может. Все может быть плохое, но сделал все, чтоб его не было, и совесть моя совершенно спокойна. Как хорошо!

10 июля. Опять роскошная погода, роскошные дни чудесного лета. За столом у Капицы я сказал маленькую речь о том, что пора бросать арифметику нашей жизни и радоваться какому-то грузину, прожившему 140 лет. Пора бросить детское упование на количество лет и опираться на качество дней наших.

Начал работу над биографией, читаю старые тетрадки.

12 июля. В лесу везде просеки со всех сторон света сходятся к одному столбу. И отсюда лес виден далеко-широко-глубоко: на север, на юг, на восток и на запад.

Так в истории русской правды сходятся к Льву Толстому нравственные пути нашего русского общества: далеко видно и глубоко.

Конечно, и в лесу не один столб с узлом просек, и в обществе нашем не один Лев Толстой. Но обширный, очень значительный участок русской общественности просматривается, если своими глазами посмотреть на то самое, на что за жизнь свою поглядел Лев Толстой.

И что-то есть у Толстого, какое-то «самое главное», куда ведет просека моего детства: и такое, что никогда не устареет и к чему потом многие придут.

Искусство у Толстого является как бы слугой правды, образующей поведение Толстого, искусство является дивным примером возможности осуществления правды в искусстве, и этот маяк еще долго будет светить нам вперед.

16 июля. До чего много красоты в природе среди цветов, насекомых, в полях, на воде, в лесах! Везде до того красиво, что другой раз и подумаешь: «Почему же мы только говорим, красиво пишем, поем, а на себя поглядеть или на свое поведение поэту в зеркало часто даже и страшно».

И в голову приходит ответ: «Это у них в природе оттого хорошо, что не думают они о красоте в упор, отрывая ее для себя от сущности: они все так ведут себя, что красота к ним сама приходит и определяет форму их сущности, их жизни, их поведения».

Вот и думаю об искусстве как поведении: что есть у всякого настоящего творца свое творческое поведение в жизни — своя правда, а красота приходит сама. И живой пример этому для всего мира был Лев Толстой: он искал слово в правде, а красота в них потом находилась и определялась сама.

17 июля. И что это за победа, если дается усилием, если победитель выходит из борьбы с искалеченной душой. Хороша такая победа, когда сам и не знаешь о ней, когда она сама из тебя самого *вытекает*. Хорошо быть таким, а не сделаться

23 июля. Ершов с Лялей кончили составлять для «Молодой гвардии» юбилейную книгу, однотомник в 45 листов «Весна света». Из новой повести Ершов по-

смел взять только 100 страниц. Самую лучшую главу «Васина елочка» не взял, потому что боится, не придется ли оно против Лысенко *.

31 июля. Явились ко мне пионеры 40 человек, от дождя все укрылись у меня на веранде, и она, к счастью, выдержала и не провалилась.

Пионеры выказали большую общественную воспитанность. Беседа наша была проста и насыщена тем, что Горький в свое время назвал (где он это взял?) «геооптимизмом». Я же понимаю это чувство природы как выход из быта и радость участия в творчестве, в том, что было и до человека, чем создавалась вселенная и что в любом творчестве мы постигаем, как небывалое.

4 августа. Мне казалось с тех пор, как я помню себя, что есть какая-то великая страна Небывалого и что я ее должен открыть всем.

Больше! мне казалось всегда, что не я один представляю собой это небывалое «я», а и все тоже «я» и каждый в себе таит его и почему-то не всегда может или хочет открыть.

Вот это самое движение душевное,— открыть людям свое небывалое и тем самым, если удастся, побудить их тоже к открытиям, и было моим первым началом, когда я взялся за перо.

Мне было довольно лет, чтобы сделаться молодым министром, а я, как наездник, попав в седло впервые, как мальчик, поскакал на своем коньке-горбунке в Небывалое.

15 августа. Постепенно вхожу с годами в тот самый основной поток, в котором мчится все человечество. Это какой-то общий для всех живущих на земле поток сходства и различия, образующий тип (сходство) и характер (различие).

19 августа. По пути в Москву я думал о двух составах всякого творчества: 1) утверждение себя самого как личности; 2) создание типа. И что создание типа и есть все, что требуется от писателя как общественного деятеля. И еще, что у нас во время революции попытка создания типа делалась без всякого утверждения личности.

Тип — это мост, где встречается личность творческая, несущая в жизнь разнообразие, и общественность, требующая от каждого характера служения единому сущему.

Нельзя сказать «положительный или отрицательный характер», но у каждого читателя на языке есть «положительный и отрицательный тип».

Есть литературные образы, в которых преобладает характер (Дон Кихот, Гамлет) и где преобладает тип (Обломов).

Обломов Гончарова содержит в себе как характер признание родственное и как тип осуждение: положительный, как характер русский, излюбленный, родственный Илье Муромцу, и отрицательный как тип. Обломов бесхарактерный как тип и великий русский характер как личность (встанет когда-нибудь и все переделает по-своему).

22 августа. Никакой правды не бывает без выдумки, напротив! выдумка спасает правду, для правды только существует выдумка.

Правда без выдумки, как самолет без горючего. Правда лежит. Когда же нальют горючего, то правда летит, пересекая меридианы и полюсы нашей планеты.

Вот так и жизнь моя собственная, если рассказать все по чистой правде, никому не интересна. Если же к этой чистой правде прилью некое горючее, то каждый поднимет свою голову вверх и поглядит на мой самолет.

23 августа. Начало «осени первоначальной». Тополь сильно потек, в липах желтые пятна, и вот такой день, Боже мой, какой это был чудесный день с утра до ночи, и был осенний аромат в воздухе и огромная луна.

24 августа. Друг мой! Есть незначительные фактические неточности в рассказе о переживаниях Алпатова сравнительно с тем, что переживал я сам в жизни. Но я, прочитав переживания Алпатова спустя тридцать лет после того, как я написал «Кащееву цепь», утверждаю несомненный для меня и удивительный факт: правда написанного гораздо фактичней, чем правда сама по себе — правда неодетая.

29 августа. Дождь почти непрерывный, и сейчас все моросит, грибы лезут, но мы за ними не ходим (почти). Тоже не тянет больше ни на какую охоту: все это проходит. Моя радость жизни определилась в дунинском домике с другом моим и спокойной работой.

Вступление к новой «Кащеевой цепи» написано. Теперь приступаю к тому, чтобы в последнем звене одном, или двух, или трех изложить, как я сделался писателем.

1 сентября. Ляля была в «Новом мире» у Твардовского. «Слово правды», оказалось, требует переработок. «Я бы,— сказал Твардовский,— напечатал бы Пришвина: пусть Пришвин отвечает сам за себя».

Хотел отказаться от переделки и уйти от всей этой «литературы» и воевать со своего угла, как воинственный Капица, но так подумал. У Капицы высшая физика, которую никто не понимает, у меня же искусство слова, его тоже мало кто понимает, но судить автора позволяют себе все. Мое положение много труднее, и едва ли в мои годы хватит сил выдержать борьбу.

3 сентября. Вчерашний день прошел без дождя, к вечеру стало холоднеть, и ночью дошло до +5°. Сегодня день разгорится и, я думаю, начнутся хрустальные дни осени первоначальной.

На душе, однако, лежит густой туман, никуда ничего не видно, ни назад, ни вперед, везде Кащеева цепь.

Надо пережить неудачу и собраться на каком-то твердом месте в себе.

7 сентября. Чувство радости жизни и какого-то безрассудного и естественного бессмертия есть общее чувство радости жизни, наш запас сил, приносимый каждым в мир при рождении.

13 сентября. Так можно легко себе представить, что к великой всей правде мира, созданной покойниками, приходит живой человек со своим вымыслом, и неподвижно-вечное человечество движется, летит.

18 сентября. Есть писатели мира фантастического, которые могут творить из ничего, как математики.

20 сентября. Четвертый день чистый и золотой. Даже у нас в столовой от кофейника к висящему звонку паук за ночь успел провести паутинку. И вот, наконец-то, и липы наши почуяли осень и вдруг все побурели. Тоже вдруг сердечная аритмия оставила меня, и я вышел на балкон. Теперь на очереди стоит вопрос о моем переезде в Барвиху и о переезде Ляли в Москву для устройства квартиры.

23 сентября. Продолжаются безостановочно золотые и теплые дни бабьего лета. Листик за листиком убывают даже и в полной тишине. Даже в далеком лесу, за рекой, и то видно, как изменяется опушка и выступают золотые березки показаться и уступить свое место елкам...

Самое большое в этом, что тишина золотая, и в ней царствуют одни петухи.

25 сентября. Да, есть в осени первоначальной одна прекрасная черта против весны. Весною всем радость жизни даром дается и каждый озабочен лишь тем, чтобы не отстать от других. А осенью каждому существу вменяется необходимость сделать свое собственное усилие. И оттого бывает такая радость, когда утром каждый, усиливаясь больше и больше, поднимает серое небо, как тяжелое одеяло, и солнце находит себя в каждой капельке росы, дождя или того, что сейчас только было туманом...

26 сентября. Листья в липовой аллее уже хорошо и серьезно шумят под ногою. Слышишь ли?

28 сентября. Под вечер по-черепашьему гулял в своих аллеях и думал о том, что скорей всего так я и буду жить до конца в Дунине, если не потревожат военные события. Тема же для дум во всем мире одна: войной кончится все это напряжение или всемирный организм всего человека рассосет эту величайшую для всех времен напасть?

1 октября. Тепловато для октября, но хорошо, и воздух не сырой, легкий. Вчера медленно прошел деревню. Скорблю о глазе, что все еще не рассасывается, и мало того, в другом есть признаки начала того, что совершилось в первом.

2 октября. Приводим дачу в такое состояние, чтобы можно было в любой день и час захотеть и метнуться из Москвы в свой лес и тоже из леса в Москву.

Сказать нельзя, что нам было бы в чем-нибудь плохо, у нас все есть, и больше желать чего-нибудь становится просто скучно. Но что-то плохое и безнадежное, безрадостное совершается во всем мире, и на это непонятное «что-то» отвечает не разум, а чувство.

4 октября. Пепельное небо, на окне мельчайшие мушки. Осень с осенью складываются: там, за окном, и у меня за душой. Ночью было невыносимо неловко так жить, сложив руки перед низкой тучей беды для всего человечества.

Подумав, так решил, что все-таки войны не будет.

6 октября. Мне теперь отчетливо представляется разница между тем прожитым, юношеским моим пониманием образованного человека профессора и нынешним

пониманием образованного как простого. Прежний мой образованный человек мог взяться за любую научную дисциплину, сделаться профессором и, значит, тем самым и образованным. Нынешний образованный должен, кроме профессорского «научного» звания, понимать все и по себе.

Каждый на свете из нас добирается до своего заключенного простого человека своим собственным путем и так «находит себя».

8 октября. Первый зазимок: перед рассветом выпал снег на крыши, а на земле таял и оставался клочками. И дальше, редкий такой снежок сеялся и на земле таял. Весь день с утра еще в темноте и до темного вечера летел снег, и не оставалось от него ни на земле, ни на крышах даже одного-единственного белого пятнышка. У Ляли продолжается пневмония. Я на все както опустил руки. Слушаю «Голос Америки», до того там все грубо и глупо, и сказать нечего. Когда сам ругаешься на своих, то кажется, это ничего, а когда на них же, на своих, американцы пускают русских собак,— тут плохо становится, и хочется защищать то самое, что позволял себе ругать.

16 октября. Осень в деревне тем хороша, что чувствуешь, как быстро и страшно проносится жизнь, ты же сам сидишь где-то на пне, лицом обращенный к заре, и ничего не теряешь, все остается с тобой.

Синички во все окна стучатся: «Пустите, пустите!»

23 октября. Мы как будто совсем собрались переезжать в город и обедать собираемся там у себя.

«Весна света» радует меня: собралось в один том большой в 50 листов столько мелочи, что это стал не том, а мешок с золотыми копейками, собранными за всю жизнь. Долго, много и не спеша будут читать эту книгу. Мирюсь на том, что если бы все так оставляли свои «мешки», то было бы всем очень хорошо. Так и Лев Толстой кончил себя самого в Астапове: «сделал все, что мог».

30 октября. Такой день, как вчера, помнить надо! Но с одним глазом пока мне трудно, и казалось, будто я не живу, а несут меня.

Чаще и чаще в голову приходит в отношении своего конца, что это вообще для себя неплохо, кое-что и пой-

му, а кое-что получу прямо на руки. Но как подумаешь о близком человеке, о друге, посвятившем тебе свою жизнь, тут расставаться жалко, и ничем этот провал не закроешь.

1 ноября. Мороз — 6° и свет, Ляля принесла мне путевку на 2 ноября, значит, завтра я перемещаюсь в Барвиху.

8 ноября. Ляля утром приезжает ко мне и уезжает только на ночь.

9 ноября. Ляля звонила, что приходил к ней Федин и сказал, что «Корабельная чаща» («Слово правды») пойдет в «Новом мире» с малыми редакционными поправками. И что Замошкин «в диком восторге» и вызывается вместе с Лялей сделать поправки.

Большой и трудный вышел у меня этот день. Сговорились с Кремлевкой, и уже в 5 часов вечера сейчас я сижу в палате хирургического отделения. Моя задача посоветоваться с большими врачами и вернуться домой на тихую жизнь.

10 ноября. Ляля звонила, что ее пустят ко мне только завтра и что о «Слове правды» пришел блестящий отзыв (наверно, Федин).

Надо решить «Слово правды» или «Корабельная чаща».

11 ноября. Становится совсем непонятным, как мало люди берут из того, что им дано на земле. И как счастлив я, что свою долю в значительной мере взял. Это первое и достоверное — любовь к Ляле, второе — моих читателей ко мне.

18 ноября. Впервые понял, что в отношении любви Дон Жуана балерина менее доступна, чем монахиня. И это оттого, что у монахини плоть ее сдерживается, а у балерины преобразуется. Монахиня, отказывая Дон Жуану, поступает по общему закону монастыря, а балерина на своем ослепительно-прекрасном прыжке успевает показать Дон Жуану шиш. «Поздравляю!» — встречает его командор на кладбище, кивает головой и улыбается.

20 ноября. Сегодня меня выпускают на волю. Приедет за мной Ляля, ее начинят указаниями для ухода за мной. И все!

Вчера нянька-старуха пришла со мной прощаться и как-то само собой зашла речь о том, как лучше

устроить себе, когда умрешь,— в землю или сжигаться.

— Вы-то как, Михаил Михайлович?

— Я в землю, конечно, милая бабушка.

— А из чего в землю?

— Как из чего? В земле лежат все мои родные, и отец, и мать, сестры, братья, многие друзья.

Чувствую, старуха моя захлебывается от радости.

— А еще,— говорю,— мне кажется, что с земли можно выбраться и на небо, если же сожгут, то и полетишь в трубу прямо к чертям.

Боже мой! какая радость загорелась у старухи от моих слов! И это была не прежняя радость, а чистейший фольклор, или спокойный огонь на месте прошедшей борьбы.

21 ноября. Вчера меня перевезли домой, и, боже мой! какое это было и сейчас все остается счастье. Вот уже воистину качество одного дня превращается в год.

23 ноября. Прошло всего три дня с тех пор, как я вернулся домой, уж ясно чувствую, как быстро возвращается здоровье.

1 декабря. Как бы там ни было, но возня возле повести кончилась и остается спокойно ждать мая, когда в одном номере целой книгой намечено ее напечатать под заглавием «Корабельная чаща».

Каждый день к вечеру кто-нибудь приходит. Вчера приехали Капицы.

7 декабря. Пастернак спустился к нам, читал стихи, совершенный младенец в свои 60 лет. И делается хорошо на душе не оттого, что стихи его, а что сам он такой существует.

10 декабря. День серый от неба и до земли пришел и стал.

— Не спеши, Михаил! — сказал я себе.

А самому дню:

— Погоди! — приказал я,— не трогайся, пока я не отпишусь, теперь утро, ты еще в моих руках!

12 декабря. Пишу потихонечку по утрам от одного часу до двух, стараясь обходиться без того, что обыкновенно дается усилием воли.

18 декабря. После рецензии Федина даже и Твардовский, излагая новогодние планы, напечатал, что

в новой повести Пришвин изображает «чистоту и нравственную силу советского народа». Название «Корабельная чаща» пошло теперь гулять по свету, и я не теряю надежды, что вещь станет на свое место и будет долго стоять за меня.

19 декабря. Решено закончить «Кащееву цепь» цепью маленьких притч, намекающих на основы творчества (творческое поведение).

30 декабря. Мало ли чего в нашей жизни было разбито, но я спас и вывел к людям «весну света».

Те же боли, и неохота вставать, но сегодня под утро показалось мне на минуту, будто кто-то знакомый близко и добрый постучался и позвал меня...

31 декабря. Внезапно прислали «Весну света» совсем готовую.

1954

4 января. Мне же самому можно оставить заботы о существовании. (Знаете вы, что значит заботы о средствах? Вы, конечно, знаете и представьте себе, для меня все это прошло!) А сколько всего намечено для писания, вздохну и запишу, пошлю, и мне оттуда деньги пришлют.

5 января. Рождественские деньки проходят выводками зверушек, наполняющих леса, и где-то *там,* а перед глазами только белые крыши. Тоски, однако, от невозможности охотиться не чувствую. Напротив, мне хорошо сейчас в Москве, и если это я болен (слабость), то не чувствую тягости: слаб, значит, не надо работать. Кстати, книга «Весна света» вышла, Собрание — оба первые тома подготовлены, повесть новая определена в «Новый мир». Чего же еще больше: царствуй, лежа на боку.

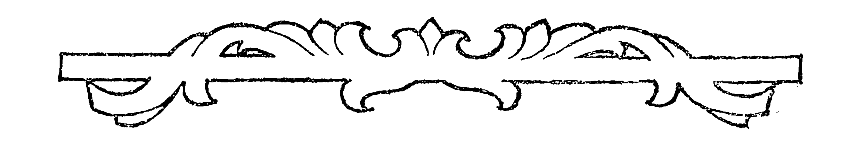
6 января. Самоходом пришла елочка старинного Рождества, зажглась, и люди пришли, способные без вина сидеть и глядеть на огни.

10 января. Морозы пополнились до —20°. Доктор нашел во мне пневмонию и уложил в постель.

11 января. Лежу и ничем не могу возразить.

12 января. Общее ухудшение здоровья, уложили в постель.

15 января. Деньки вчера и сегодня (на солнце — 15°) играют чудесно, те самые деньки хорошие, когда вдруг опомнишься и почувствуешь себя здоровым *,

КОММЕНТАРИИ

С. 11. *...если бы я сошелся с той женщиной.*— Речь идет о первой любви Пришвина, русской студентке Варваре Петровне Измалковой, с которой он познакомился за границей после окончания Лейпцигского университета. Ей посвящены многие страницы романа «Кащеева цепь», где эта девушка выведена под именем Инны Ростовцевой. Упоминания о В. П. Измалковой читатель еще не раз встретит в дневниковых записях.

С. 14. *Хрущево* — имение Пришвиных.

С. 23. *Маркиза* — так шутливо называли в семье мать Пришвина Марию Ивановну.

С. 29. *...познакомился с Мережковским, Гиппиус и Философовым...* — Имеются в виду видные деятели русского символизма, составлявшие своеобразный триумвират — Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866—1941), его жена Зинаида Николаевна Гиппиус (1869—1945) и Дмитрий Владимирович Философов (1872—1940). В начале века дом Мережковских был одним из центров литературной и религиозно-философской жизни Петербурга. «Для начинающих литераторов символистского круга становится как бы обязательной нелегкая процедура личного знакомства с Гиппиус» (Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. С. 568). Не миновал этого ритуала и Пришвин, с октября 1908 года ставший членом Религиозно-философского общества.

...на Светлом озере их помнят...—Летом 1908 года Пришвин совершил поездку на историческое Светлое озеро (Светлояр), связанное с легендой о потаенном граде праведников Китеже, ставшем невидимым до второго пришествия Христа во время нашествия на Русь татар. Эти места были традиционным районом старообрядческого сектантства, и именно этому явлению и напряженной религиозной жизни России начала XX века Пришвин посвятил повесть «У стен града невидимого» (1909). Ранее в тех же местах побывал Д. С. Мережковский.

Религиозно-философские собрания — собрания интеллигенции, интересующейся поисками религиозного обновления. Проходили в Петербурге с ноября 1901 г.

Что-то серое под ногами, вроде театра Комиссаржевской...— Комиссаржевская Вера Федоровна (1864—1910) — актриса; в 1907 году создала свой театр, в некоторых постановках которого единственным элементом оформления было серое сукно.

Скучал около Дягилева...— Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — русский театральный и художественный деятель, необычайно энергичный и инициативный участник культурной жизни России начала XX века; вместе с А. Н. Бенуа создал художественное объединение «Мир искусства», организовал ряд интереснейших выставок и концертов; создатель труппы Русский балет, пропагандист русского искусства за рубежом.

Хлысты — члены секты духовных христиан. Считают возможным воплощение Бога в праведных сектантах — «христах», «богородицах»; на радениях доводят себя до религиозного экстаза.

Карташев.— Профессор Духовной академии, богослов, председатель Петербурского Религиозно-философского общества — Антон Владимирович Карташев (1875—1960).

С. 30. *...не было еще ни одного такого человека, как Мережковский, Короленко с ними близко не сходился...*— В творчестве Владимира Галактионовича Короленко (1853—1921) нашла продолжение традиция русской этнографической школы, в частности, П. И. Мельникова-Печерского, изучавшего жизнь и быт заволожских сектантов. Так, в 1890 году, после путешествия по глухим местам Ветлуги, им был написан очерк «Светлояр».

С. 31. *Апокалипсис* (Откровение Иоанна Богослова) — одна из древнейших книг Нового завета (Евангелия); содержит пророчества о борьбе светлых и темных сил, Конце света.

Антихрист — по христианским представлениям, противник Христа, который должен появиться для последней борьбы против христианской церкви перед Концом света и вторым пришествием Спасителя.

Я стал «Завет» с ними читать...— Имеется в виду одна из частей Библии, состоящей из Ветхого завета и Нового завета (Евангелия).

Гносеологический — связанный с теорией познания.

С. 32. *Отдал рассказ «У стен града невидимого»...*— См. комм. к с. 29.

С. 34. *Блок.*— Позднее Пришвин писал: «Мы в одно время с Блоком когда-то подходили к хлыстым, я — как любопытный, он — как скучающий» («Большевик из Балаганчика» (Ответ Александру Блоку).— «Воля страны», 1918, 16(3) февраля).

Рябов — один из деятелей хлыстовства, участник религиозно-философских собраний (П р и ш в и н М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 8. С. 679).

Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — русский экономист, философ, историк и публицист; один из лидеров кадетов; в 1920 году входил в правительство генерала П. Н. Врангеля.

Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — русский писатель. Его творчеству было присуще стремление к обогащению словаря, перенесение поэтической метафоричности на прозу, поиски новых синтаксических и лексических возможностей литературного языка.

Галич Леонид Евгеньевич (наст. фамилия Габрилович, 1878—1953) — русский критик и публицист. Выступил оппонентом по докладу А. А. Блока «Россия и интеллигенция», прочитанному на заседании Религиозно-философского общества в ноябре 1908 года. В статье «Народ и мы» (1908) отрицал раскол народа и интеллигенции на два непримиримых лагеря. Имел репутацию «утонченного эстета социал-демократии» (Д. С. Мережковский).

Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) — русский художник, историк искусства и художественный критик. Сыграл выдающуюся роль в развитии русской культуры начала XX века.

С. 35. *Мейер А. А.* (1875—1939) — русский философ-публицист, член совета Религиозно-философского общества.

...Реклю «Земля» в связи с библейским бытием.— Реклю Жан Жак Элизе (1830—1905) — французский географ и социолог; автор многотомного труда «Земля и люди. Всеобщая география», в котором попытался дать общую картину развития человечества и описание стран.

С. 36. *Сомов Константин Андреевич* (1869—1939) — русский живописец и график, член объединения «Мир искусства», автор иронически-стилизованных, порой в жеманно-эротическом духе, сценок из дворянского быта XVIII века, а также островыразительных портретов.

С. 37. *Сколько ни бродил на севере...*— Писательская деятельность Пришвина началась с его книг «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края» (1907) и «За волшебным колобком. (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии)» (1908), созданных на основе материалов, полученных Пришвиным в путешествиях по Северу.

Волошин (наст. фамилия Кириенко-Волошин) *Максимилиан Александрович* (1877—1932) — русский поэт, художественный и литературный критик, художник-акварелист. В 1900 году Волошин путешествовал по Средней Азии: «Я ходил с караванами по пустыне», затем долгое время жил в Западной Европе. «После 1907 г. литературная деятельность меня снова перетягивает сперва в Петербург, а с 1910 г.— в Москву» (Автобиография.— Максимилиан Волошин. Стихотворения. М., 1989. С. 349—350).

С. 38. *Бальмонт Константин Дмитриевич* (1867—1942) — русский поэт и переводчик: один из ведущих представителей символизма.

С. 38—39. *...над гробницею Диониса стоит Аполлон...*— Персонажи греческой мифологии: Дионис (Вакх) — бог виноградарства и виноделия; Аполлон — целитель и прорицатель, покровитель искусств. Противопоставление Диониса и Аполлона идет, очевидно, от книги немецкого философа Фридриха Ницше (1844—1900) «Рождение трагедии из духа музыки» (1872). Продолжая Ф. Шиллера и немецких романтиков, Ницше развил идею о существовании двух типов культуры: дионисийской — «жизненной», оргиастически буйной, трагической, но утверждающей бытие, и аполлоновской — созерцательной, логически членящей, односторонне-умственной, творящей образы-схемы вещей. Оба этих типа оказываются и двумя историческими слоями как в жизни народов, так и в психологическом складе личности. Идеал искусства Ницше видел в определенном равновесии, при котором дионисийски-непосредственный поток жизни прозревается сквозь слой аполлоновски-ясного и образного оформления. В России А. Белый и В. И. Иванов восприняли и развили идею немецкого философа о двух началах культуры. В 1937 году Пришвин записывает в дневнике: «Совокупление или творчество все равно сопровождается радостью, только совокупление — Дионис, а творчество — Аполлон» (Пришвин М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 8. С. 681).

С. 42. *Дуничка* — Евдокия Николаевна Игнатова (1852—1936), двоюродная сестра Пришвина.

Александр Михайлович — елецкий друг Пришвина А. М. Коноплянцев.

С. 47. *А. Х.*— Речь идет об Анне Харлампиевне Голиковой, которая в студенческие годы была влюблена в Пришвина.

В. П.— Варвара Петровна Измалкова.

С. 51. *Иванов Вячеслав Иванович* (1866—1949) — русский поэт, видный представитель и теоретик символизма, философ.

Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — русский писатель, публицист и философ, автор эссеистических произведений. Во время учебы Пришвина в елецкой гимназии служил там учителем географии. См. дневниковую запись от 13 октября 1919 года.

...по поводу моей книги...— Речь идет о книге «За волшебным колобком».

С. 52. *Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич* (1873—1955) — русский и советский партийный, государственный и общественный деятель, литератор, издатель, мемуарист. Предпринял издание за границей «Материалов к истории и изучению русского сектантства».

Легкобытов.— Легкобытов Павел Михайлович, один из руководителей секты хлыстов «Новый Израиль» (Пришвин М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 8. С. 679).

С. 53. *...когда в юности крестились у Бебеля?* — Бебель Август (1840—1913) — один из основателей и руководителей германской социал-демократической партии и 2-го Интернационала. Был страстным борцом против милитаризма и войны, активным сторонником эмансипации женщин. Его идеями о роли женщины в будущем обществе был покорен в молодости Пришвин.

...смех книжников и фарисеев...— Один из многих библейских и в особенности евангельских образов и выражений, которые читатель встретит в дневниках Пришвина: книжники и фарисеи (члены древнеиудейской религиозной секты, отличавшиеся показным благочестием) — лицемеры, оставшиеся глухими к проповеди Христа. 13 апреля 1951 года писатель отмечает в дневнике: «Улыбка — это единственное, чего не хватает в Евангелии...»

С. 54. *Вот что говорят о моем писательстве: человека нет.*— О защите Пришвиным своего творческого метода см. во вступительной статье.

С. 65. *...удачливый, счастливый человек может быть тоже неудачник (Иов)...*— Иов — библейский образ, герой Книги Иова: праведник, достигший полного благополучия во всем; чтобы испытать его веру, Бог насылает на него страшные бедствия, но затем все ему возвращает.

С. 69. *Сологуб* (псевдоним; настоящая фамилия Тетерников) *Федор Кузьмич* (1863—1927) — русский писатель; как и З. Гиппиус, К. Бальмонт, В. Брюсов, принадлежал к символистам старшего поколения. В его романах с большой силой передана гнетущая атмосфера провинциального быта. Наибольшую известность получил его роман «Мелкий бес» (1907).

С. 70. *...удалось из-под огня спасти около четырехсот людей, обреченных на смерть.*— Попав во второй раз на фронт в качестве корреспондента от «Русских ведомостей», Пришвин оказывается на передовых позициях, в отряде, который должен был спасти русскую воинскую часть, потерявшуюся в занятых противником лесах. Этим событиям посвящена публикация писателя «В Августовских лесах. (Отзвуки войны)» в газете «Биржевые ведомости», 1915, 4 и 17 апреля.

С. 76. *Амвросий.*— Вероятно, имеется в виду Амвросий Оптинский (в миру Гренков Александр Михайлович, 1812—1891), иеросхимонах, старец (учитель жизни), популярный в России духовный писатель.

С. 78. *Петров-Водкин Кузьма Сергеевич* (1878—1939) — русский и советский художник; его произведения начала века отмечены монументальным декоративизмом; особенную известность до революции получила картина «Купание красного коня» (1912). В советское время обратился к романтико-патетическим картинам на революционные темы. Мастер натюрморта.

С. 79. *Протопопов Алексей Дмитриевич* (1866—1917/18) — русский политический деятель, в сентябре 1916 года — феврале 1917 года министр внутренних дел царского правительства. Пытался вооруженным путем подавить Февральскую революцию.

С. 82. *Керенский и Чернов становятся палачами.*— Керенский Александр Федорович (1881—1970) — русский политический деятель, член Временного правительства; последовательно занимал в нем посты министра юстиции, военного и морского министра, министра-председателя и, наконец, верховного главнокомандующего. Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — один из основателей партии эсеров, ее теоретик; был министром земледелия Временного правительства.

Задонск или Оптину пустынь...— Оптина пустынь (Введенская) — мужской монастырь рядом с городом Козельском. Старцы этого монастыря пользовались огромным духовным авторитетом в России: скит около монастыря посещали Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Упраздненный после Октябрьской революции, монастырь в 1987 году вновь передан Русской православной церкви.

С. 87. *Кузмин Михаил Алексеевич* (1875—1936) — русский писатель, поэт и драматург. В его поэзии доминировали черты упадка, чувство увядания культуры, утонченность и изящество, переходящие в манерность и стилизацию.

С. 88. Мирный договор между Советской Россией и Германией, известный как Брестский мир, был подписан на следующий день, 3 марта 1918 года.

С. 91. *...Мирбах убит.*— Граф Вильгельм Мирбах, с апреля 1918 года посол Германии при правительстве Советской России, был убит левым эсером Я. Г. Блюмкиным; этот террористический акт послужил сигналом к левоэсеровскому мятежу в Москве.

С. 92. *Горький затевает... массовое издательство иностранных писателей.*— Речь идет об организованном в 1918 году в Петрограде по инициативе М. Горького издательстве «Всемирная литература», предназначенном для издания выдающихся произведений художественной литературы Европы и Америки XVIII—XX вв.

С. 94. *Брат мой лежит, умирает...*— Речь идет о Николае Михайловиче Пришвине (1869—1919).

С. 100. *Жив ли еще Сергей...*— Сергей Михайлович Пришвин (1875—1917).

С. 101. *Мы с Левой...*— Лев Михайлович Пришвин-Алпатов (1906—1957), сын М. М. Пришвина.

С. 104. *...Луначарский читает, все слушатели с просьбами: Пастернак, Чулков, Городецкий и проч.*— Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — русский советский политический деятель, критик, публицист и драматург,— с 1917 года был народным комиссаром просвещения Советской России и многое сделал на этом посту для облегчения положения интеллигенции в тяжелые послереволю-

ционные годы. Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — русский и советский писатель, поэт и литературный критик, был близок символистам; Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — русский и советской поэт, один из первых представителей акмеизма — течения в русской поэзии 1910-х годов, в значительной степени противостоящего поэтике символизма; Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — русский советский поэт, писатель и переводчик.

Алексинская колония.— В начале лета голодного 1920 года Пришвин с семьей уезжает на родину жены, крестьянки по происхождению, чтобы заняться сельским трудом; из этой затеи ничего не вышло, и писатель поступает учителем в школу, помещавшуюся в здании бывшего имения Барышниковых в Алексино. Главное здание имения (и его обстановка) имело историко-художественную ценность и находилось в ведении комиссии по охране памятников искусства и старины, считаясь музеем усадебного быта. По совместительству Пришвин работал и заведующим этим музеем. Материал этого периода жизни писателя лег в основу повести «Мирская чаша», написанной в 1922 году, но увидевшей свет лишь спустя шестьдесят лет.

С. 105. *Бураки* — свекла.

С. 108. *Приспособляясь, люди хотят сохранить себя и в то же время теряют себя.*— Ср. евангельское: «Ибо кто хочет душу [жизнь] свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее...» (Евангелие от Матфея, 16, 25).

С. 111. *Не забыть, как меня выручил «Картофель» на Опытной станции...*— До начала писательской деятельности Пришвин некоторое время работал на опытной сельскохозяйственной станции и по материалам этой работы в 1908 году издал книгу «Картофель в полевой и огородной культуре».

С. 112. *Умер Блок.*— А. А. Блок умер 7 августа 1921 года в Петрограде.

Вот сильное слово, как хлеб: «Женщина, тебе говорю, встань!»— Не совсем точная цитата из Евангелия, где рассказывается, как Иисус вернул к жизни дочь начальника синагоги, сказав ей: «Девица, тебе говорю, встань» (Евангелие от Марка, 5,41).

С. 113. *Андрей Белый* (псевдоним, настоящее имя и фамилия Борис Николаевич Бугаев, 1880—1934) — русский и советский писатель и поэт, один из ведущих деятелей символизма.

С. 115. *...вложить персты в язвы...*— В Евангелии от Иоанна (гл. 20) рассказывается, что когда Христос воскрес и явился своим ученикам, один из них, Фома, не хотел поверить в чудо, пока не вложит пальцы в раны Учителя.

...«Лагерь Валленштейна» и «Ткачи»... почти единственная... попытка изображения масс.— «Лагерь Валленштейна» — драма немецкого поэта и драматурга Кристофа Фридриха Шиллера (1759—1805), поставленная в 1798 году и являющаяся первой частью драматической трилогии, включающей драмы «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна» — «гигантского произведения» (А. И. Герцен), в котором автору удалось создать философски осмысленную эпическую картину эпохи, показать пеструю и разношерстную армию, в которой Валленштейн видел свою главную опору и которая в конечном итоге определила его катастрофу. «Ткачи» — драма немецкого писателя и драматурга Герхарта Гауптмана (1862—1946), написанная им в 1892 году; в ней отражено историческое событие — восстание силезских ткачей. Это новаторское произведение показывает в качестве

коллективного героя рабочую массу, сочувственно изображенную автором.

С. 116. *Мандельштам Осип Эмильевич* (1891—1938) — русский и советский поэт; начинал как представитель акмеизма. Его поэзия насыщена культурно-историческими образами и мотивами, отмечена трагическим звучанием. Был репрессирован.

С 120. *...моя работа есть расширение идеи Бюхера, выраженной в его книге «Работа и ритм».*— Бюхер Карл (1847—1930) — немецкий экономист и статистик; его лекции в Лейпцигском университете в 1901—1902 годах слушал Пришвин. В своей книге «Работа и ритм» (1896) Бюхер указывает на ритмическую связь работы и музыки, в частности, песни.

Егорий, Егорий-вешний — день святого Егория, 23 апреля по старому стилю.

С. 124. *Спасителем человечества (от Кащеевой цепи) будет тот, кто приобщит каждого работника видеть в своем труде творчество жизни...*— Для Пришвина Кащеева цепь была символом, заключающим в себе «эгоизм собственности всего человечества» (Пришвин М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 2. С. 448).

С. 125. *...Мартовская Авдотья — «обсери проруби»...*— «Авдотья-плющиха, день 1 марта; плющит или гнетет снег» (В. Даль).

«Акулина задери хвосты» — 13 июня по старому стилю; праздник получил в народе такое название потому, что в это время «скот от жаров и овода бесится» (В. Даль).

С. 126. *Двинуть вперед роман.*— Имеется в виду роман «Кащеева цепь».

Изучать Переславль и налаживать биостанцию.— В апреле Пришвин с семьей переселяется в Переславль-Залесский, расположенный на уникальном для средней полосы России Плещеевом озере, на котором когда-то юный Петр I построил первую русскую флотилию, и необычайно богатый историческими памятниками. Биостанция — станция юных натуралистов, одним из инициаторов основания которой был Пришвин.

...перешел вчера на «Ботик»...— «Ботик» — музей недалеко от Переславля-Залесского, на горе Гремяч; в его здании хранится бот «Фортуна» — единственное судно, уцелевшее от потешной петровской флотилии. Подробное описание этого места содержится в «Календаре природы» (раздел «Весна», опубликованный первоначально как самостоятельное произведение в 1925 году под названием «Родники Берендея. Из записок фенолога с биостанции «Ботик»).

С. 127. *...весь небесный свод... гостил у нас, у людей...*— Этот отрывок почти без изменений перешел из дневника Пришвина в «Календарь природы» (см.: Пришвин М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 3. С. 218).

С. 128. *...читал у Кардовских...*— Имеется в виду семья Кардовских — Дмитрий Николаевич Кардовский (1866—1943) — график и живописец, мастер книжной иллюстрации и театральный художник, и его жена, художница О. Л. Делла-Вос-Кардовская (1877—1952).

С. 129. *Книга «Башмаки»...*— Имеется в виду издание «Башмаки. (Исследование журналиста)» (1925), представляющее собой своеобразное социологическое исследование, посвященное жизни и работе талдомских кустарей-башмачников. К этому произведению близки по жанру очерки «Торф» (1926) и «Мох» (1933). В предисловии к публикации «Башмаков» Пришвин писал: «Я... мало-помалу осознал свой путь и начал культивировать географический очерк, превращая

его в литературный жанр. На этом пути я набрался такой смелости, что однажды явился в Госплан и предложил дать мне какую-нибудь тему для исследования, уверяя, что поэтическое исследование может оказать пользу не меньше, чем научное. Меня поняли и дали мне задание исследовать быт башмачников. В другой раз меня послали на торф». (Пришвин М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 3. С. 539).

С. 130. *...вся жизнь целиком ушла в книгу «Родники Берендея».*— См. комм. к с. 126.

Читал «Живой Пушкин» Ашукина.— Ашукин Николай Сергеевич (1890—1972) — историк литературы, критик, поэт, библиограф.

С. 132. *Петя* — Петр Михайлович (р. 1909), сын Пришвина.

С. 134. *Пишу о торфе.*— См. комм. к с. 129.

С. 136. *...просидев очень долго в одиночной камере...*— В 1897 году, будучи студентом Рижского политехникума, Пришвин принял участие в работе марксистского студенческого кружка, за что был арестован и помещен в одиночную камеру Митавской тюрьмы.

«Вечные спутники».— Так Пришвин называл своих любимых писателей-классиков.

С. 137. *...уверенность и охоту написать «Любовь».*— «Любовь» — первоначальное название книги второй романа «Кащеева цепь».

«Песнь песней» — книга, входящая в состав Ветхого завета; в ней поэтически рассказывается о любви царя Соломона к простой девушке Суламифи.

Пяст (псевдоним; настоящая фамилия Пестовский) *Владимир Алексеевич* (1886—1940) — русский и советский поэт и переводчик, в молодости входил в круг символистов.

С. 138. *...статьи Смирнова, Замошкина, Дынник, М. Горького.*— Пришвин имеет в виду появившиеся в 1926 году в журнале «Новый мир» положительные отзывы Н. П. Смирнова и В. А. Дынник на публикацию «Родников Берендея»; Замошкин Николай Иванович (1896—1960) — русский советский литературный критик, один из первых исследователей творчества Пришвина, автор ряда работ о нем («Творчество М. Пришвина», 1928; «Писатель-Берендей», 1929; «Охота за счастьем. Заметки о детских рассказах М. Пришвина», 1940; «Михаил Михайлович Пришвин», 1958).

С. 145. *«Знание»* — книгоиздательское товарищество в Петербурге в 1898—1913 годах. В 1900 году в «Знание» вступил Максим Горький, реорганизовавший его как издательство художественной литературы, рассчитанной на широкие демократические круги читателей.

Штейнер Рудольф.— См. о нем комм. к с. 240.

С. 146. *Звенья: Весна света, Зеленая дверь, Юный Фауст.*—Главы из романа «Кащеева цепь». «Звено» «Любовь. Весна света» стала впоследствии называться «Государственный преступник».

С. 147. *...прочел «Современники» Форш... казалось, будто продолжаю беседу в Питере с этой веселой в печали женщиной.*— С русской и советской писательницей Ольгой Дмитриевной Форш (1873—1961) Пришвин встретился в Ленинграде в январе 1927 года, когда ездил туда для подписания договора на издание Собрания своих сочинений. В романе писательницы «Современники» (1926) содержится противопоставление сильной творческой личности (Н. В. Гоголь, А. А. Иванов) безликой завистливой посредственности. В письме Горькому от 2 февраля 1927 года Пришвин писал: «Мы особенно сошлись в этот раз с О. Д. Форш. <...> Трое суток мы

беседовали с Форш безотрывно...» (Литературное наследство, т. 70, с. 340).

С. 149. *Закончил чтение книги Авдотьи Панаевой, на редкость замечательная книга.*— Панаева (Головачева) Авдотья Яковлевна (1819 или 1820—1893) — русская писательница и мемуаристка. Пришвин имеет в виду ее «Воспоминания» (1889), в которых повествуется о литературной жизни России 40-х — 60-х годов XIX века, в центре которой находилась Панаева.

С. 153. *Она вышла из дневников, которые вел он в экспедициях.*— Речь идет о книге этнографа и писателя, исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872—1930) «Дерсу Узала» (1923).

С. 158. *Нашел книжку на поддержку себе: Лосев «Диалектика античного космоса и современная наука».*— Лосев Алексей Федорович (1893—1988) — русский советский философ и филолог-классик. Упоминаемая Пришвиным книга вышла в 1927 году и была посвящена античному восприятию мира в его структурной целостности.

С. 159. *«Биосфера» Вернадского.*— Вернадский Владимир Иванович (1863—1945) — русский и советский ученый, создатель учения о биосфере (области активной жизни на Земле) и ее эволюции, о сильном воздействии человека на окружающую среду и преобразовании современной биосферы в ноосферу, возникающую при взаимодействии природы и общества. Труд В. И. Вернадского «Биосфера» вышел в 1920 году.

С. 160. *...необходимость Голгофы...— Голгофа* — холм, на котором был распят Иисус Христос; в переносном смысле — крестный путь, страдание.

С. 161. *Загорск.*— В 1930 году город Сергиев Посад, названный в честь основателя Троице-Сергиева монастыря (лавры), выдающегося прогрессивного религиозного и общественного деятеля Сергия Радонежского (ок. 1321—1391), был переименован в Загорск, в память о секретаре МК партии Владимире Михайловиче Загорском (Лубоцком, 1883—1919), погибшем в результате террористического акта.

С. 166. *Флоренский Павел Александрович* (1882—1943) — русский религиозный философ и ученый: математик, физик, искусствовед, филолог. В 1927—1933 годах — редактор «Технической энциклопедии». Был репрессирован.

С. 168. *Fodis* (дальномер) — прибор, определяющий расстояние до предмета и служащий для наводки объектива на резкость в дальномерных фотокамерах.

С. 169. *...Данило, седеющий, кудрявый бездетный Авраам.*— Авраам — библейский патриарх; у него и жены его Сарры до глубокой старости не было детей.

Читаю К. Леонтьева.— Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891) — русский писатель, публицист, литературный критик. В 1887 году переехал в Оптину пустынь, постригся в монахи; скончался в Троице-Сергиевом монастыре. Отмечая пороки буржуазной цивилизации с ее культом всеобщего благополучия, видел спасение России от капитализма и революционных потрясений в возрождении византийской культуры, в сильной монархической власти, церковно-монашеском христианстве, в национальной самобытности.

С. 170. *Фаворский Владимир Андреевич* (1886—1964) — русский и советский гравер и живописец, мастер книжной иллюстрации; в

частности, иллюстрировал изданную в 1934 году повесть Пришвина «Жень-шень».

С. 173. *Журавлиная родина.*— Так Пришвин называл большой заболоченный край на реке Дубне, недалеко от Талдома. Ему посвящена повесть «Журавлиная родина» (1928—1929).

С. 175. *Нынешние литературные критики вышли из ораторов (Полонский и проч.)...*— Имеется в виду Полонский (псевдоним; настоящая фамилия Гусин) Вячеслав Павлович (1886—1932) — русский советский критик, журналист, историк. Участвовал в революционном движении. В 1926—1931 годах редактировал журнал «Новый мир». Критике В. П. Полонского были свойственны серьезные недостатки и ошибки.

С. 177. *...рассказ Новикова-Прибоя «Цусима»...*— Новиков-Прибой (настоящая фамилия Новиков) Алексей Силыч (1877—1944) — русский советский писатель. В 1899—1906 годах служил матросом; в русско-японскую войну при разгроме русского флота в Цусимском сражении попал в плен. Вершина творчества писателя — историческая эпопея «Цусима» (ч. 1—2, 1932—1935), записи для которой он начал вести еще в плену.

С. 178. *...мне инкриминируется моя принадлежность к литературной организации «Перевал».*— «Перевал» — литературная группа, возникшая в Москве в конце 1923 — начале 1924 года. Опубликованная в 1927 году и подписанная более чем шестьюдесятью писателями, в том числе Пришвиным, декларация «Перевала» была направлена против «бескрылого бытовизма» и ратовала за сохранение «преемственной связи с художественным мастерством русской и мировой классической литературы». Теоретики «Перевала» выдвинули принципы искренности и интуитивизма — «моцартианства» творчества. Критика 20-х и особенно начала 30-х годов рассматривала группу как враждебную советской литературе организацию, в связи с чем она начала распадаться и после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» прекратила существование.

...гонения, испытанные ими от современных Передоновых...— Учитель Передонов — герой романа Ф. К. Сологуба (см. о нем комм. к с. 69) «Мелкий бес» — пакостник, доносчик, верноподданный обыватель, воплощающий все подлое и пошлое, что виделось Сологубу в человеке.

...приехали ко мне прекраснейшие юноши и предложили мне искать вместе с ними Галатею.— Первоначально группа «Перевал» объединяла молодых писателей. Галатея — в греческой мифологии изваянная Пигмалионом статуя прекрасной девушки, в которую он влюбился и которая по его просьбе была оживлена Афродитой. Сборник теоретика «Перевала» Д. А. Горбова назывался «Поиски Галатеи» (1929).

Напостовцы — участники течения в пролетарской литературе, связанного с критическим журналом «На посту», выходившим в Москве в 1923—1925 годах. Напостовцы отрицательно относились к «непролетарскому» творчеству и к классическому наследию как к источникам «классово враждебных» влияний. С полемическими статьями против журнала «На посту» выступал один из теоретиков «Перевала» А. К. Воронский.

С. 179. *Григорьев Аполлон Александрович* (1822—1864) — русский литературный критик и поэт.

С. 180. *Учился снимать «теле».*— Имеется в виду фотографирование телеобъективом, как бы приближающим объект и позволяющим получить изображение крупным планом.

С. 181. *«Крестьянский писатель» Каманин...*— Каманин Федор Георгиевич (1897—1979) — русский советский писатель. Основная тематика его творчества — жизнь русской послереволюционной деревни.

С. 185. *..когда следует погубить свою душу («за други»)...*— Ср.: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Евангелие от Иоанна, 15,13).

С. 191. *РАПП, или воинствующие пролетарские писатели.*— РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) — массовая литературная организация, в основе которой лежало «напостовство» (см. ком. к с. 178). Оформилась в январе 1925 года. Руководители РАППа претендовали на административное руководство литературным процессом в стране: выдвигали требования «одемьянивания» поэзии (т. е. придания ей политической злободневности), лозунги «ударник — центральная фигура литературного движения», «союзник или враг». В 1932 году РАПП был ликвидирован.

Попутчики — так, в соответствии с терминологией тех лет, назывались писатели, лояльно относившиеся к Советской власти, но не разделявшие догматических установок рапповцев.

С. 195. *...физик Реомюр... скрылся в ртутный термометр...*— Реомюр Рене Антуан (1683—1757) — французский естествоиспытатель; предложил температурную шкалу, названную его именем (практически вышла из употребления).

С. 197. *Будьте как дети!* — Ср. слова Христа: «...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное...» (Евангелие от Матфея, 18,3). См. также дневниковую запись от 17 июля 1951 года.

С. 198. *«Не нарушить пришел, а исполнить».*— Очевидно, вновь видоизмененная цитата из Евангелия: Христос говорит, обращаясь к народу: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить» (Евангелие от Матфея, 5, 17).

Был вечером у Реформатских...— Речь идет об Александре Александровиче Реформатском (1900—1978) — русском советском языковеде, основоположнике московской фонологической школы, и о Надежде Васильевне Реформатской (1901—1985) — русском советском литературоведе, критике и библиографе.

В «Новом мире» помещен рассказ Сергеева-Ценского и статья к 30-летию литературной деятельности. Статья эта шельмующая.— Сергеев-Ценский (псевдоним; настоящая фамилия Сергеев) Сергей Николаевич (1875—1958) — русский советский писатель. Прошел долгий творческий путь, неизменно оставаясь на демократических позициях. С 1923 года обращается к историческим сюжетам, в 30-е годы вводит в свои произведения современную тематику. Рапповская критика с недоверием относилась к творчеству этого писателя. В № 3 «Нового мира» за 1932 год была напечатана статья А. Ефремина «С. Сергеев-Ценский», в которой творчество писателя подверглось резкой критике: он обвинялся в уходе от современных тем и даже в буржуазном эпигонстве. «Надо понять,— писал автор статьи,— что уход от советской действительности составляет один из замаскированных путей неприятия действительности, бегства от нее и ее попрания».

С. 199. *Возможно ли выучиться «на писателя» по Шкловскому?* — Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — русский советский писатель, литературовед, критик, один из лидеров формальной школы в советском литературоведении. В 1920-х — начале 1930-х годов Шкловский большое внимание уделял теории прозы, анализу формальных приемов, использованных тем или иным автором (характерны названия его работ: «Развертывание сюжета. Как сделан «Дон-Кихот», 1921; «Техника писательского мастерства», 1930).

С. 203. *...вдруг позвонился с поздравлением Семашко.*— Семашко Николай Александрович (1874—1949) — советский государственный и партийный деятель, один из организаторов советского здравоохранения. В молодости М. М. Пришвин и Н. А. Семашко были дружны (см. дневниковую запись от 26 января 1941 года).

Пьеса Мейерхольда «Вступление»...— Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — русский и советский режиссер-новатор, в 1920—1938 годах возглавлял театр в Москве, с 1923 года именовавшийся Театром имени Мейерхольда. Поиски новых форм агитационного, публицистически острого зрелищного театра сочетались у режиссера с экспериментальным освоением классической драматургии. Был репрессирован. «Вступление» — пьеса Ю. А. Германа, в которой показано духовное прозрение буржуазного ученого, становящегося борцом за социальную справедливость.

...рабочий Боков собрался и с ним Костя.— Боков Виктор Федорович (р. 1914) — ныне известный советский поэт; Константин Барыкин — в то время начинающий литератор, студент.

ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы (с 1963 года переименовано в издательство «Художественная литература»).

С. 206. *Фаворский кончил «Жень-шень».*— См. комм. к с. 170.

С. 207. *Киршон Владимир Михайлович* (1902—1938) — русский советский драматург, один из руководителей РАППа. Был репрессирован.

С. 208. *Иванов-Разумник* (настоящая фамилия Иванов) *Разумник Васильевич* (1878—1946) — русский и советский литературовед и социолог, автор ряда работ по истории русской литературы и общественной жизни.

С. 210. *Исходным материалом для сценария берутся сочинения автора «Новая Даурия» и «Корень жизни».*— В 1935 году режиссером Александром Аркадьевичем Литвиновым (1898—1977) был поставлен фильм «Хижина старого Лувена» по мотивам повести Пришвина «Жень-шень» и по его сценарию.

С. 211. *Видел «Петербургскую ночь» Рошаля...*— Имеется в виду фильм, снятый в 1934 году режиссерами Григорием Львовичем Рошалем (1898—1983) и Верой Павловной Строевой (р. 1903) по повестям Ф. М. Достоевского «Белые ночи» и «Неточка Незванова».

С. 212. *«Гроза»* — речь идет об осуществленной в 1934 году режиссером Владимиром Михайловичем Петровым (1896—1966) экранизации пьесы А. Н. Островского.

С. 214. *...я определялся в делегатских делах.*— Пришвин был делегатом Первого Всесоюзного съезда советских писателей (проходил в Москве 17 августа — 1 сентября 1934 года).

С. 215. *Гамсун* (псевдоним; настоящая фамилия Педерсен) *Кнут* (1859—1952) — норвежский писатель; создал образы людей, противопоставляющих себя обществу и близких к природе, следующих непосредственным порывам своей сложной и противоречивой души.

Большую роль в творчестве писателя играет противопоставление современному капиталистическому городу уклада крестьянской жизни, близкого к естественному круговороту природы.

С. 216. *Парфенов Петр Семенович* (1894—1937) — русский советский поэт, автор ставшей народной песни «По долинам и по взгорьям...» (1920), посвященной памяти его друга, героя гражданской войны С. Лазо. Был репрессирован.

Калмыков Бетал Эдыкович (1893—1940) — один из руководителей борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе, в 1930—1938 годах первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б). Был репрессирован.

С. 217. *Молевой сплав* — бревна, сплавляемые по отдельности, не плотами, а россыпью.

С. 218. *...затрещали запони, выдерживая давления своих нагроможденных «пыжей».*— Запонь — «плавучая связь бревен для удержания напора при сплаве рассыпного леса» (В. Даль); пыж — скопление бревен на реке.

С. 219. *...в речи его почти всегда есть скрытое значение, как у героев Ибсена.*— Ибсен Генрик (1828—1906) — норвежский драматург. Героям его пьес присущ лаконичный, напряженный язык.

Слуда — крутой берег реки.

С. 220. *Осека* — завал из деревьев.

Комли — толстые концы бревен.

С. 221. *...бор, похожий на Сокольники или Лосиноостровскую.*— Сокольники — большой лесопарк в Москве. Лосиноостровская — Лосиный остров — также лесопарк в черте Москвы, в настоящее время национальный заповедник.

С. 223. *...где живет и она.*— В. П. Измалкова.

Этот мотив вошел в поэму в прозе «Фацелия» (1940).

С. 225. *Вышел 1-й том моего Собрания «Север».*— Первый том под названием «Север» Собрания сочинений Пришвина в 4-х томах (1935—1939).

С. 226. *«Соки земли»* — роман Кнута Гамсуна (1917), в котором патриархальная идиллия, присущая его творчеству, нашла наиболее законченное выражение и за который писатель в 1920 году получил Нобелевскую премию.

«...одно виденье непостижное уму».— Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный» (1829).

С. 227. *А. М. Коноплянцев.*— См. комм. к с. 42.

С. 233. *...получена телеграмма на юбилейные дни поэта Коста.*— Хетагуров Коста (Константин) Леванович (1859—1906) — осетинский поэт, общественный деятель, революционный демократ; основоположник осетинской литературы.

С. 235. *Жид Андре Поль Гийом* (1869—1951) — французский писатель и поэт-символист; в его произведениях сочетались картины упадка буржуазного общества с проповедью эстетизма. В начале 1930-х годов объявил себя противником капитализма и сторонником социализма, однако после посещения СССР в 1936 году выступил с антисоветскими памфлетами.

В одной древней книге...— Очевидно, имеется в виду Библия.

С. 236. *...книга получена в роскошном издании с предисловием Гексли.*— В 1936 году книга Пришвина «Жень-шень» вышла в Лондоне.

Дуничка.— См. комм. к с. 42.

С. 240. *...Белый и антропософы...*— Антропософия — мистическая доктрина, выдвинутая в 1913 году немецким философом-мистиком Рудольфом Штейнером (1861—1925); содержит фантастическое толкование различных областей знания, а также методику развития предполагаемых тайных способностей человека к духовному господству над природой. Андрей Белый встретился со Штейнером в 1912 году в Кельне и стал приверженцем его идей.

С. 243. *...читал Серую Сову в немецком издании.*— Серая Сова (по-индейски Вэша-Куонэзин — псевдоним; настоящее имя Джордж Стэнсфелд Белани, 1888—1938) — канадский писатель и естествоиспытатель, англичанин по происхождению; большую часть жизни прожил среди индейцев Канады. Талант натуралиста писатель отдал охране лесов и их обитателей.

С. 244. *Достоевский продолжает оставаться единственным, описавшим бесов...*— Имеется в виду роман писателя «Бесы». См. дневниковую запись от 10 мая 1942 года.

С. 246. *...священный бунт Курымушки...*— Курымушка — герой автобиографического романа Пришвина «Кащеева цепь».

С. 253. *...кто упрекает меня в без-человечности.*— См. предисловие к данному изданию.

С. 254. *Начал работу над книгой «Канал»...*— Первоначальное название романа «Осударева дорога»; другие названия этого произведения, возникавшие в процессе работы над ним,— «Быль», «Былина», «Аврал», «Падун», «Царь природы». Упоминание о работе над романом «Осударева дорога», занявшей девятнадцать лет (с 1933 по 1952 годы), часто будет встречаться на страницах дневника.

С. 255. *Вот наконец желанная квартира, а жить не с кем...*— В это время Пришвин получил квартиру в Москве, в доме в Лаврушинском переулке, куда, расставшись с семьей, переезжает из Загорска.

С. 256. *Эпиграф к моей работе... «Да примирится же с тобой и покоренная стихия».*— Несколько видоизмененная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833). При работе над «Осударевой дорогой» Пришвин неоднократно обращался к основной проблеме этого гениального произведения — противоречию между интересами личности и государства в лице его властителя. См. дневниковую запись от 8 апреля 1938 года и в особенности от 21 марта 1948 года.

С. 257. *Жерлица* — «закидная становая уда на щук... Удилище втыкается на ночь в берег» (В. Даль).

У Пушкина говорится о двух единственных ценностях: воля и покой.— Имеется в виду строка из стихотворения А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834): «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

С. 259. *«Ужо тебе!»* — слова Евгения, обращенные к Петру (поэма «Медный всадник»).

С. 261. *Хожу кругом около своей «Были»...*— См. комм. к с. 254.

С. 262. *Начал «Серую Сову».*— В основу повести М. М. Пришвина «Серая Сова» (1938) была положена книга этого автора «Странники лесной глуши».

С. 264. *Полой* — «заливное, поемное место... мелкие впадины, куда полая вода заливается» (В. Даль).

С. 267—268. *...быть войне из-за Чехии, или помирятся все, чехи с утратой, демократы с Гитлером.*— В начале октября 1938 года фашистская Германия захватила т. н. Судетскую область Чехослова-

ки, что явилось прямым результатом заключенного в Мюнхене 29—30 сентября 1938 года соглашения между премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, премьер-министром Франции Э. Даладье, А. Гитлером и Б. Муссолини.

С. 271. *Ксюша* — родственница жены Пришвина.

С. 272. *Кончил «Всадник без головы».*— Имеется в виду роман английского писателя Томаса Майна Рида (1818—1883), написанный им в 1866 году и ставший классическим образцом авантюрно-детективного жанра.

С. 276. *...вчера, 2 сентября...*— Вероятно, описка Пришвина; нападение гитлеровской Германии на Польшу, ставшее началом Второй мировой войны, произошло 1 сентября 1939 года.

«Лузитания» — английский лайнер, потопленный немецкой подводной лодкой в 1915 году, во время Первой мировой войны.

«Этажи леса» — глава из книги «Неодетая весна» (1940).

С. 277. *Вот чего и боится наш русский человек, когда слышит о «дружбе» с фашистами.*— В августе — сентябре 1939 года велись дипломатические переговоры руководства СССР с фашистской Германией, результатом которых стал договор о ненападении (23 августа) и договор «О дружбе и границах» (28 сентября).

С. 278. *Жгли в кумирне арчу и загадывали... Я сказал: «Приди!»*— Позднее Пришвин расширяет эту запись: «Собрались кое-кто из немногих друзей, приехала Павловна из Загорска, сыновья. Каждый год Лева приносит маленькую кумирню, вывезенную им из Бухары, и жжет в ней арчу — кусочек душистого дерева. Пока щепочка сгорает, каждый из нас должен загадать себе «новогодние» желанья. Мгновенно пронеслось во мне через все годы одно-единственное желание прихода друга, которого отчасти я получил в своем читателе. Страстная жажда такого друга сопровождалась по временам приступами такой отчаянной тоски, что я выходил на улицу совсем как пьяный и в этом состоянии меня тянуло нечаянно попасть под трамвай <...>. Нередко, как магическое слово, заговор против охватывающей меня не своей воли, я вслух произносил неведомому другу: «Приди!» — и обыкновенно на время мне становилось легче, и я некоторый срок мог пользоваться сознательной волей, чтобы отстранить от себя искушение» (Пришвин М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 8. С. 723).

С. 279. *...все закончить и сдать в Музей.*— Государственный Литературный музей предложил Пришвину передать в свои фонды его писательский архив.

...ее зовут Валерия Дмитриевна.— Валерия Дмитриевна Лебедева, будущая жена писателя.

Самое близкое мне повествование Мамина...— Имеется в виду роман Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (псевдоним; настоящая фамилия Мамин, 1852—1912) «Черты из жизни Пепко» (1894).

С. 281. *...среди множества званых я один стал избранным.*— Реминисценция из Евангелия, слова из притчи Христа: «Так будут последние первыми, и первые последними; ибо много званных, а мало избранных» (Евангелие от Матфея, 20, 16).

С. 284. *...как сапожник, хороший человек, приютивший Ангела...*— Имеется в виду рассказ Л. Н. Толстого «Чем люди живы» (1881).

Ляля — В. Д. Пришвина.

С. 286. *«Падун».*— См. комм. к с. 254.

С. 288. *Мой «Аврал».*— См. комм. к с. 254.

С. 290. *«Искусство как поведение».*— Эта книга не была написана Пришвиным; материалы для нее были использованы в «звене» одиннадцатом романа «Кащеева цепь», где говорится: «...Творческое поведение я понимаю как усилие в поисках своего места в общем человеческом деле и как долг в этом общем деле оставаться самим собой» (Пришвин М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 2. С. 454).

С. 293. *Мизгирь* — «слабосильный, мозгляк» (В. Даль).

С. 299. *...много дано вам, много и спросится...*— Реминисценция из Евангелия: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут» (Евангелие от Луки, 12, 48).

С. 301. *Рыбников А. А.* (1887—1949) — художник и реставратор, сотрудник Третьяковской галереи; во время войны руководил эвакуацией ее собрания.

С. 304. *Виндавский вокзал* — ныне Рижский.

С. 312. *Павел Назаров* — хозяин дома, в котором жили Пришвины.

С. 324. *Семино (Сомино)* — озеро недалеко от Переславля-Залесского.

С. 327. *...поэма «Падун»...*— См. комм. к с. 254.

С. 337. *Соне лет десять, Боре одиннадцать. ...Они крепко взялись за дело и теперь живут двое... и справляются.*— Эти дети стали прототипами героев сказки-были «Кладовая солнца» (1945).

Сейфуллина Лидия Николаевна (1889—1954) — русская советская писательница.

С. 341. *«Прекрасная мама»* — одно из первоначальных названий «Рассказов о ленинградских детях» (1943—1944).

С. 345. *«Победа»* — первоначальное название «Повести нашего времени», при жизни Пришвина оставшейся неопубликованной (см комм. к с. 349).

Начал читать Горбатова «Непокоренные»...— Горбатов Борис Леонтьевич (1908—1954) — русский советский писатель. В повести «Непокоренные» (1943) рассказывается о силе духа советских людей, оказавшихся в захваченных гитлеровцами районах.

С. 346. *Повесть «Ключ правды»...*— Одно из рабочих названий «Повести нашего времени».

Навестила нас Н. В. Крандиевская (Толстая).— Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна (1888—1963) — русская и советская поэтесса, до 1938 года жена А. Н. Толстого.

С. 348. *Лелеял я идеал летописца Нестора...*— Нестор — русский писатель конца XI — начала XII века, монах Киево-Печерского монастыря. Около 1113 года составил первый общерусский летописный свод «Повесть временных лет».

С. 349. *...пробыли у Калинина 40 минут.*— Встреча с председателем Президиума Верховного Совета СССР Михаилом Ивановичем Калининым (1875—1946) произошла после получения им письма Пришвина, в котором писатель просил Калинина высказать свое мнение о «Повести нашего времени» и помочь определить судьбу этого произведения. М. И. Калинин порекомендовал Пришвину воздержаться от публикации (см. дневниковую запись от 27 мая 1944 года).

С. 350. Вторая строфа стихотворения А. А. Блока «Коршун» (1916).

С. 354. *Москвин один...*— Москвин Иван Михайлович (1874—1946) — русский и советский актер, с 1898 года в Московском Ху-

дожественном театре. В творчестве Москвина, игравшего в пьесах выдающихся русских драматургов, реализм в постижении национального характера сочетался с разноплановостью актерских приемов.

С. 355. *Читал Метерлинка «Жизнь пчел»...* — Метерлинк Морис (1862—1949) — бельгийский драматург и поэт; его драмам была присуща символистская поэтика. Перу Метерлинка принадлежат также книги натурфилософского характера — «Жизнь пчел» (1901), «Жизнь муравьев» (1930) и др. Тонкие наблюдения над жизнью насекомых и растений окрашены у Метерлинка антропоморфизмом и неотделимы от размышлений о человеческом обществе.

С. 358. *Рыбников объявился...* — См. комм. к с. 301.

С. 361. *Флоренский.* — См. комм. к с. 166.

Крымская конференция (Ялтинская конференция) — встреча глав правительств трех союзных держав И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта (США) и У. Черчилля (Великобритания) 4—11 февраля 1945 года в Ялте. Были определены и согласованы военные планы союзных держав и намечены основные принципы их послевоенной политики.

С. 362. *...вчера умер Шишков.* — Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — русский и советский писатель; главной темой его творчества была настоящая и прошлая жизнь Сибири. Наиболее известное его произведение — роман «Угрюм-река» (т. 1—2, 1933).

С. 364. *Родионов Константин Сергеевич.* — Речь идет о друге семьи Пришвиных, ученом-пчеловоде (Пришвин М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 8. С. 736).

«Соборяне» — роман Николая Семеновича Лескова (1831—1895), положивший начало серии его сказаний о народных праведниках.

С. 365. *«Канал».* — См. комм. к с. 254.

С. 368. *...«не о едином хлебе жив человек».* — Одна из заповедей библейского пророка Моисея: «...не одним хлебом живет человек, но всяким *словом,* исходящим из уст Господа...» (Второзаконие, 8, 3; эти слова получили особую известность благодаря тому, что их цитировал Христос, отвечая на предложение дьявола превратить камни в хлебы.— Евангелие от Матфея, 4,4; Евангелие от Луки, 4,4). См. дневниковую запись от 9 июля 1951 года.

С. 370. *Сократ* (ок. 470—399 до н. э.) — древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики. Был обвинен в поклонении новым божествам и развращении молодежи и осужден на смерть (был вынужден принять яд цикуты).

С. 371. *«Любите врагов своих».* — Слова Христа из Нагорной проповеди: «...Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (Евангелие от Матфея, 5, 44; см. также Евангелие от Луки, 6, 27—28).

С. 372. *...или, широко открыв глаза, прозревает будущее и становится на сторону победителя (апостол Павел).* — В Евангелии (Деяния апостолов) рассказывается о том, как юноша по имени Савл из Иерусалима, жестокий гонитель учеников распятого Христа и христианской веры, стал ее страстным защитником и пропагандистом после того, как на пути в Дамаск ему явился Спаситель; получил имя Павел и стал апостолом новой веры.

С. 384. *Это был такой удар по голове, что я заболел.* — Пришвин предполагал опубликовать «Осудареву дорогу» в журнале «Октябрь». По предложению редакции зимой 1949 года писатель переделывает

роман, перенеся его действие на гражданское строительство. Но и вторая редакция произведения не удовлетворила рецензентов, и Пришвин создает третий вариант, который не нравится ему самому. При жизни писателя этот многолетний, хотя и не самый удачный его труд так и не был опубликован; в посмертных изданиях, согласно воле автора, роман публикуется в первой редакции.

С. 386. *«Новый свет»* — название второй редакции «Осударевой дороги».

С. 387. *Капица Петр Леонидович* (1894—1984) — советский физик, один из основателей физики низких температур и физики сильных магнитных полей, академик, основатель и директор в 1935—1946 годы и с 1955 года Института физических проблем АН СССР. В конце 40-х и начале 50-х годов П. Л. Капица, обладавший независимым, справедливым и бесстрашным характером, был отстранен от научной деятельности, однако расправиться с ним, благодаря международной известности ученого, не решились. П. Л. Капица у себя на даче оборудовал физическую лабораторию, где занимался научными исследованиями. По воспоминаниям П. Л. Капицы, между ними возникли дружеские отношения — П. Л. Капица был у писателя накануне его смерти (см.: Капица П. Л. Из воспоминаний.— Пришвин и современность. М., 1978).

...перед чтением Симонова.— К. М. Симонов в 1946—1950 годах возглавлял журнал «Новый мир».

С. 388. *...романтизм, вытекающий из 30-х годов прошлого века из общества Жорж Занд и Виардо.*— Санд, Жорж (псевдоним; настоящее имя Аврора Дюпен, по мужу Дюдеван, 1804—1876) — французская писательница. В ее романах и повестях идеи освобождения личности, эмансипации женщины, демократизм и реализм сосуществуют с социально-утопическими взглядами. «Консуэло» (1842—1843) — лучший роман писательницы, в котором сочетаются бунтарский романтизм и пафос национально-освободительной борьбы. Виардо Гарсия Полина (1821—1910) — французская певица, близкий друг И. С. Тургенева.

Мравинский Евгений Александрович (1903—1988) — советский дирижер, народный артист СССР. Очевидно, о нем говорится в одной из миниатюр Пришвина в книге «Глаза земли». «Звонил дирижер N. и, совсем незнакомый мне, выразил свое признание меня как писателя, сказал даже, что «Лесная капель» его «подподушечная книга». Такие читатели являются моим золотым фондом <...> и ложатся на душу, как сама правда природы» (Пришвин М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 7. С. 155).

С. 388—389. *Читаю Стерна и нахожу себя среди родных (Стерн, Ричардсон...). Сентиментализм пробился в XVIII веке, как живой ручей под горой лжеклассицизма.*— Стерн Лоренс (1713—1768) — английский писатель, зачинатель литературы сентиментализма, объявившей доминантой человеческой природы не разум, а чувство; сентиментализму был присущ демократизм, он открыл богатый духовный мир простолюдина. Ричардсон Сэмюэл (1689—1761) — также английский писатель, создатель европейского семейно-бытового романа в эпистолярном жанре. Связанное с просветительским реализмом творчество Ричардсона тоже было весьма близко сентиментализму.

С. 389. *Читаю взасос Рескина...*— Рескин Джон (1819—1900) — английский писатель, историк, искусствовед, публицист. Его произведениям была присуща критика бездушия буржуазных отношений,

романтический протест против них, идеал же его обращен к прошлому, к добуржуазным общественным формам.

Гренвилл Стенли Холл (1846—1924) — американский психолог. Из его книги «Эволюция и воспитание чувства природы у детей» (СПб., 1914) Пришвин выписывает следующие слова: «Лучшие художники те, которые с наибольшей полнотой сохраняют до зрелого и даже до преклонного возраста чувства и мысли своей юности, ее весну». (Пришвин М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 8. С. 743).

С. 391. *Орешенко П. С.* — знакомый Пришвина.

С. 394. *ЦКУБУ* — Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

С. 402. *...праздник Михаила, князя Черниговского...* — Михаил Всеволодович Черниговский (80-е или 90-е гг. XII в. — 1246) — русский князь; находясь в Орде, отказался поклониться языческим символам и за это был зверски убит татарами.

С. 407. *Мы ехали на машине в Дунино...* — Дунино — деревня под Москвой, на берегу Москвы-реки, в нескольких километрах от Звенигорода. В 1946 году Пришвиными здесь был куплен полуразрушенный дом; на его восстановление они потратили много сил и времени (См.: Пришвина В. Д. Пришвин в Дунине. М., 1978).

С. 415. *Стало сильно тянуть из Барвихи...* — В подмосковной деревне Барвиха находился санаторий, в котором лечился Пришвин.

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — русский писатель; отличался необычайной творческой плодовитостью — им написано свыше ста романов, повестей, пьес, историко-литературных работ. Изобразил жизнь различных слоев русского общества второй половины XIX века.

С. 419. *Вечером изъяснялся Гидаш.* — Гидаш Антал (1899—1980) — венгерский писатель, коммунист. В 1925—1959 годах жил в СССР. В 1938—1944 годах был репрессирован. В 1959 году вместе с женой, переводчицей Агнеш Кун, вернулся на родину.

С. 420. *Пишу и пописываю, а читатель еще почитывает.* — Несколько видоизмененная фраза М. Е. Салтыкова-Щедрина о взаимоотношениях писателя и читательской массы в России: «Писатель пописывает, а читатель почитывает».

С. 422. *Шопенгауэр Артур* (1788—1860) — немецкий философ-идеалист, эстетик. Его основной труд — «Мир как воля и представление»; сущность мира в нем предстает как неразумная воля, слепое бесцельное влечение к жизни. «Освобождение» от мира — через сострадание, бескорыстное эстетическое созерцание, аскетизм — достигается в состоянии, близком буддийской нирване.

С. 423. *Клюев Николай Алексеевич* (1887—1937) — русский и советский поэт. Странствовал по России, принимал участие в движении сектантов. Сблизился с кругом символистов и стал во главе так называемого ново-крестьянского направления в поэзии, к которому принадлежал и С. А. Есенин.

С. 427. *Олдридж Джеймс* (р. 1918) — английский писатель, автор антифашистских и антиколониальных романов. Пришвин мог познакомиться со следующими из них: «Дело чести» (1942, русский перевод 1947); «Морской орел» (1944, русский перевод 1945); «Дипломат» (1949, русский перевод 1952).

С. 430. *«Лесная повесть»* — первоначальное название повести-сказки «Корабельная чаща», над которой Пришвин работал в марте 1952 года — декабре 1953 года.

С. 435. *Алпатов* — главный герой романа «Кащеева цепь».

С. 437. *Шегаль Г. М.* (1889—1956) — художник-пейзажист.

С. 439. *На могиле Чертковых написано. У него: «Не в силе Бог, а в правде». У нее: «Сила моя в немощи совершается».*— Вероятно, речь идет о Владимире Григорьевиче Черткове (1854—1936) — русском издателе и публицисте, ближайшем сотруднике Л. Н. Толстого и пропагандисте его творчества (надпись на его надгробии — скорее всего, слова Толстого) и его жене А. К. Чертковой (1859—1927). Слова на ее надгробии взяты из Евангелия: «...*Господь* сказал мне: «...сила Моя совершается в немощи» (Второе послание к коринфянам святого апостола Павла, 12, 9).

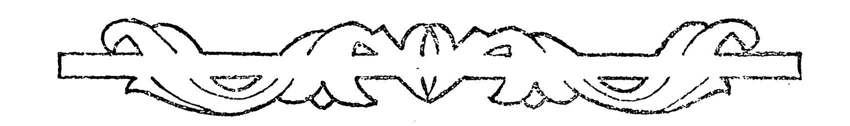
Никогда Ляля так тяжело не переносила зиму...— Видимо, тяжелое душевное и нервное состояние В. Д. Пришвиной было обусловлено тем, что она уже знала о неизлечимой болезни мужа.

С. 443. *...сколько весны прошло в Москве от Сретения до Герасима Грачевника!* — «Сретенье Господне, память принесения младенца Иисуса... во храм, 2 февраля. В Сретенье зима с летом встретилась»; «Герасим-грачевник, день 4-го марта, прилет грачей» (В. Даль).

С. 451. *Лысенко Трофим Денисович* (1898—1976) — биолог и агроном, в то время — президент ВАСХНИЛ. Автор антинаучной концепции наследственности. Монополизм Лысенко в биологической науке сопровождался шельмованием и уничтожением других школ в том числе советской школы генетики.

С. 458. *...те самые деньки... когда вдруг опомнишься и почувствуешь себя здоровым.*— Последняя запись в дневнике. В. Д. Пришвиной сделана приписка: «...16 января около половины второго ночи Михаил Михайлович скончался от рака желудка в припадке сердечной недостаточности» (П р и ш в и н М. М. Собр. соч. В восьми томах. Т. 8. С. 754).

Ю. А. Козловский

СОДЕРЖАНИЕ

Пришвин М. М.

П 75 Дневники / Сост., предисл. и комм. Ю. А. Козловского.— М.: Правда, 1990.— 480 с.

ISBN 5—253—00121—2

«Дневник писателя я понимаю как источник, вытекающий из самой души человека». Эти слова принадлежат замечательному советскому писателю М. М. Пришвину (1873—1954). Его дневниковые записи — описание удивительно сложной и многообразной жизни природы. Писатель также размышляет о взаимосвязях жизни и искусства.

П $\frac{4702010200-2152}{080(02)-90}$ 2152—90 **84 Р 7**

Литературно-художественное издание

Пришвин Михаил Михайлович

ДНЕВНИКИ

Составитель Козловский Юрий Анатольевич

Редактор Т. В. Лодяная

Оформление художника В. В. Еремина

Художественный редактор Г. О. Барбашинова

Технический редактор Л. Ф. Молотова

ИБ 2152

Сдано в набор 06.12.89. Подписано к печати 23.06.90. Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр-отт. 25.41. Уч.-изд. л. 26,99. Тираж 300000 экз. (1-й завод: 1—150000).

Заказ № 5542. Цена 1 р. 80 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства Карагандинского обкома Компартии Казахстана, 470032, г. Караганда, ул. Дзержинского, 33.

1 р. 80 к.